РУССКІЙ
ТОРГОВЫЙ И ВОЕННЫЙ
ФЛОТЪ*

V.

Перейдемъ къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ пароходовъ и судовъ парусныхъ и о вѣроятной будущности тѣхъ и другихъ. Нерѣдко у насъ заявляется мнѣніе что теперь уже не слѣдуетъ много заботиться о созданіи паруснаго флота, ибо скоро на всѣхъ моряхъ онъ замѣнится пароходнымъ флотомъ. Это мнѣніе невольно приводитъ на мысль слово приписываемое покойному министру финансовъ, графу Канкрину, что Россіи не слѣдуетъ тратить громадныхъ капиталовъ для устройства желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ вѣроятно лѣтъ черезъ десять или двадцать изобрѣтутъ новые способы перевозки людей и товаровъ, лучшіе чѣмъ желѣзныя дороги. Остроумное слово это не было единственнымъ въ тогдашнемъ мірѣ: почти то же говорилъ славный французскій ученый Араго, не совѣтуя предпринимать заразъ построеніе обширной сѣти. Всѣмъ извѣстно къ какимъ послѣдствіямъ у насъ привели сомнѣнія въ полезности и важности желѣзныхъ дорогъ: они затормозили дѣло на

* *Окончаніе.* См. *Русскій Вѣстникъ* № 8.

тридцать лѣтъ и вынудили въ послѣднее десятилѣтіе наверстывать упущенное. Лучше поздно чѣмъ никогда! Не случилось бы чего подобнаго и относительно парусныхъ судовъ, если оставимъ ихъ безъ вниманія въ ожиданіи замѣны пароходными. Да и не рано ли провозглашать эту замѣну? Въ изданной мною въ 1870 году книгѣ *Какъ обезпечить будущность нашего морскаго дѣла*, а также въ отпечатанномъ въ *Морскомъ Сборникѣ* за 1867 годъ (№ 3) подробномъ описаніи германскаго торговаго флота, читатель имѣетъ достаточно неопровержимыхъ данныхъ чтобъ убѣдиться въ томъ что у сосѣдей нашего балтійскаго прибрежья пароходство десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ было даже болѣе развито нежели теперь, между тѣмъ какъ парусный флотъ тамъ постепенно и значительно увеличивается. Въ Мекленбургѣ прежде было до десяти пароходовъ, а теперь ихъ не болѣе двухъ. Между тѣмъ постройка пароходовъ въ Германіи, а еще болѣе въ Швеціи уже развита какъ нельзя лучше, но все-таки парусъ покамѣстъ одерживалъ верхъ надъ паромъ, несмотря на то что *англійскій* пароходный флотъ постепенно увеличивается и появляется въ Балтійскомъ морѣ все чаще и чаще. Не то чтобъ англійскій пароходный флотъ стѣснялъ парусный, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, но торговое дѣло въ Балтійскомъ морѣ, а особенно торговое дѣло Россіи принимаетъ тамъ столь громадные размѣры что приходится удовлетворять усиленной потребности всѣми возможными мѣрами. Англія, гдѣ дешевъ каменный уголь и гдѣ постройка желѣзныхъ пароходовъ относительно обходится также дешево (тоннъ вмѣстимости обходится тамъ теперь отъ 15—12 фунтовъ стерлинговъ, а паровыя машины 40—50 фунтовъ ст. за силу),* тогда какъ деревянныя парусныя суда сравнительно весьма дороги,—Англія удовлетворяетъ возрастающимъ потребностямъ перевозки съ помощію пароходовъ. Гдѣ лѣсовъ нѣтъ, а желѣза такъ много и оно такъ дешево, тамъ пожалуй и деревенскія телѣги дѣлаютъ изъ желѣза, но поставить у насъ, въ изобилующей лѣсами Россіи, за правило не

---

* Чѣмъ больше желѣзное или деревянное судно, тѣмъ дешевле обходится его постройка, считая на каждый тоннъ его вмѣстимости; разница въ пользу большихъ судовъ впрочемъ незначительна. Пароходъ въ 500 тоннъ, напримѣръ, стоитъ 15 ф. ст. за тоннъ, а пароходъ въ 2—3.000 тоннъ 12 ф. за тоннъ.

дѣлать деревянной телѣги, такъ какъ можетъ-быть скоро вездѣ будутъ введены желѣзныя, было бы весьма смѣшно. Если въ Мекленбургѣ, гдѣ уже давно мало лѣсовъ, но гдѣ весьма развита опытность въ морскомъ дѣлѣ, если тамъ до сихъ поръ еще строятся все только одни деревянныя парусныя суда и парусный флотъ тамъ постоянно увеличивается, то нѣтъ никакого сомнѣнія что при *настоящемъ* положеніи дѣла въ Балтійскомъ морѣ намъ положительно слѣдуетъ предпочесть парусный флотъ. Для нашихъ незначительныхъ прибрежныхъ и городскихъ пассажирскихъ сообщеній, которыя всегда принадлежатъ пароходамъ, мы можемъ покупать ихъ готовые въ Англіи, Швеціи, Германіи. Если какое-либо заграничное пароходное общество въ Балтійскомъ морѣ разчитываетъ на успѣхъ, то оно имѣетъ въ виду кромѣ главнаго предмета, пассажирскаго движенія, еще преимущественно перевозъ цѣнныхъ, отправляемыхъ преимущественно въ Петербургъ и Штеттинъ товаровъ; другіе же товары пароходы могутъ перевозить лишь въ исключительныхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ разныхъ выгодныхъ обстоятельствъ, какъ-то при недостаткѣ налицо значительнаго числа парусныхъ судовъ, при ожиданіи быстраго возвышенія или пониженія цѣнъ на перевозимый хлѣбъ и пр., при стѣснительномъ положеніи денежнаго рынка, противныхъ вѣтрахъ и т. п. Но кромѣ англійскихъ до сихъ поръ почти нѣтъ пароходныхъ обществъ для Балтійскаго моря. Вообще намъ слѣдовало бы, подражая другимъ націямъ, устроить парусный деревянный флотъ (который никогда не можетъ потерять своего значенія), вмѣсто того чтобы заниматься учрежденіемъ дорого обходящихся казнѣ пароходныхъ обществъ. Если будутъ когда-нибудь изобрѣтены средства для движенія пароходовъ съ употребленіемъ гораздо меньшаго чѣмъ теперь количества топлива, то даже и тогда дѣло еще немного измѣнится въ пользу пароходовъ, такъ какъ вѣтеръ всегда доставитъ самую дешевую силу для передвиженія судовъ, и паруса всегда будутъ дешевле пароходныхъ машинъ. Парусное судно всегда обойдется дешевле строителю нежели пароходъ, а устройство вспомогательныхъ или буксирныхъ пароходовъ во всѣхъ портахъ и проливахъ еще болѣе упрочитъ будущность парусныхъ судовъ. Впрочемъ улучшенія пароходовъ по отношенію къ сбереженію топлива напрасно ожидаютъ уже 10—20 лѣтъ, и дожидаясь его осуществленія, мы постулили бы теперь точно такъ же какъ во

времена графа Канкрина, когда ждали новыхъ изобрѣтеній чтобъ избѣжать слишкомъ дорогой постройки желѣзныхъ дорогъ. Никто даже не оспариваетъ вышеупомянутый несомнѣнный фактъ, что вѣтеръ какъ самая дешевая двигающая на моряхъ сила можетъ быть употребляемъ у насъ съ особою пользой, и что невыгоды противныхъ вѣтровъ въ узкихъ мѣстахъ нашихъ морей уже вездѣ на практикѣ устранены посредствомъ буксировки пароходами. Слѣдовательно въ рѣдкихъ лишь случаяхъ парусному судну предстоятъ нѣкоторыя издержки въ пользу буксирныхъ пароходовъ, но въ большинствѣ случаевъ оно имѣетъ всю двигающую силу даромъ, такъ какъ богъ вѣтра не требуетъ никакого вознагражденія. Постройка парусныхъ судовъ требуетъ, кромѣ рабочей силы и лѣса, весьма небольшихъ капиталовъ на пріобрѣтеніе парусовъ, канатовъ и желѣзнаго матеріала, и потому они болѣе по силамъ нашихъ прибрежныхъ жителей. Едва ли подлежитъ сомнѣнію что въ Бѣломъ Морѣ положеніе дѣлъ въ общихъ чертахъ то же самое что въ Балтійскомъ; пассажирское сообщеніе можетъ играть тамъ только самую ограниченную роль, и на парусныхъ судахъ долженъ быть перевозимъ весь громоздкій товаръ. А большинство нашихъ товаровъ принадлежитъ къ самымъ громоздкимъ во всѣхъ нашихъ моряхъ.

Что касается до Чернаго и Азовскаго морей, то тамъ дѣйствительно пароходство имѣетъ болѣе значительную будущность, такъ какъ лѣсъ тамъ дороже нежели у нашихъ сѣверныхъ прибрежій, и мѣстный каменный уголь дастъ со временемъ дешевое топливо. Постройка парусныхъ деревянныхъ судовъ возможна тамъ почти единственно при устьяхъ большихъ рѣкъ: Дона, Днѣпра и пр., изобилующихъ доброкачественными лѣсами; кромѣ же этихъ пунктовъ дешевое судостроеніе возможно на западномъ берегу Кавказа и въ городѣ Николаевѣ. Но намъ никакъ не кажется вѣроятнымъ чтобы бо́льшую часть черноморскаго хлѣба въ заграничные порты пришлось когда-либо перевозить на пароходахъ. Постройка деревянныхъ парусныхъ судовъ дальняго плаванія и здѣсь будетъ производиться относительно дешево, когда мало-по-малу перейдетъ въ руки крестьянъ, занимающихся понынѣ лишь каботажнымъ плаваніемъ. Что касается годности этихъ черноморскихъ и азовскихъ каботажниковъ для рейсовъ дальняго плаванія, то для удостовѣренія въ этомъ достаточно замѣтить что именно въ Англіи вообще считаютъ каботажниковъ *болѣе* способными

моряками нежели экипажъ дальняго плаванія, и что матросы этого экипажа дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ получаютъ менѣе жалованья нежели каботажники. Имѣя въ виду то какая нужна отвага, какое нужно искусство и самоотверженіе для того чтобы человѣкъ рѣшился ввѣрить свою жизнь неуклюжимъ судамъ азовской и черноморской каботажи, мы можемъ упрекнуть нашихъ тамошнихъ соотечественниковъ скорѣе въ излишней, ненужной для дѣла, отвагѣ, а ужь никакъ не въ недостаткѣ мужества и охоты ввѣрить свою жизнь морскому промыслу на хорошо построенныхъ морскихъ судахъ. Они рискуютъ своею жизнію на дурномъ суднѣ потому что для постройки лучшаго у нихъ нѣтъ ни познаній, ни средствъ.

VI.

Разумная затрата значительной суммы въ пользу нашего мореплаванія можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія относительно *снабженія нашего военнаго флота* опытными моряками. Извѣстно что матросъ паруснаго судна несравненно болѣе опытный морякъ нежели служащій на пароходахъ. Поэтому экипажъ парусныхъ судовъ въ очень скорое время бываетъ весьма годнымъ для службы на пароходахъ, тогда какъ матросы пароходовъ посаженные на парусныя суда оказываются неопытными юнгами. Снабжая нашъ военный флотъ опытными моряками, мы положительно могли бы ежегодно сокращать нашъ флотскій бюджетъ на милліонъ или по крайней мѣрѣ на полмилліона рублей, не уменьшая силы и развитія флота. Правда, до сихъ поръ многіе въ морскомъ вѣдомствѣ неодобрительно отзывались объ этомъ предметѣ, называя его „преждевременнымъ“. Но теперь, когда предстоитъ измѣненіе системы набора всѣхъ нашихъ сухопутныхъ войскъ и когда, вѣроятно, будетъ значительно сокращено время службы нижнихъ чиновъ, теперь преждевременность едва ли уже будетъ признана уважительнымъ упрекомъ; теперь уже ничто не мѣшаетъ глубокому обсужденію вопроса о наилучшемъ комплектованіи нашего военнаго флота экипажами. При таковомъ обсужденіи взорамъ нашимъ представляются или государства изобилующія опытными моряками, какъ Англія, Голландія и Данія, или государства располагающія только ограниченнымъ числомъ хорошихъ моряковъ, какъ Франція и Германія. Съ первыхъ намъ нельзя брать примѣра.

Составъ населенія позволяетъ этимъ государствамъ увеличивать свой флотъ вдвое или втрое, если обстоятельства этого требуютъ и денежныя средства позволяютъ. Не то во Франціи и Германіи. Въ первомъ государствѣ до сихъ поръ требовалось больше людей для военаго флота, чѣмъ оказывалось налицо моряковъ торговаго, каботажнаго и рыбачьяго флотовъ страны; для пополненія недостатка, Французы брали нѣкоторое число экипажа для военныхъ судовъ изъ обитателей внутренней Франціи, предпочитая впрочемъ и здѣсь рѣчныхъ судовщиковъ и рыбаковъ простымъ земледѣльцамъ и городскимъ обывателямъ. Въ Германіи, напротивъ, до сихъ поръ требовалось очень мало экипажа для только-что (съ 1848) возникшаго военнаго флота. При хорошо развитомъ торговомъ флотѣ военный флотъ Германіи не можетъ имѣть недостатка въ отличномъ экипажѣ, если только вознагражденіе для него будетъ назначено соотвѣтствующее жалованью моряковъ на торговыхъ судахъ. И въ самомъ дѣлѣ, Прусаки назначили нижнимъ морскимъ чинамъ при службѣ на военныхъ судахъ жалованья до 150 талеровъ въ годъ, несмотря на то что прусскіе матросы торговаго флота уже обязаны служить три года въ войскѣ и, при естественной склонности моряковъ къ морю, предпочитаютъ службу на военномъ флотѣ службѣ въ войскахъ сухопутныхъ. Спрашивается: не тратитъ ли Пруссія свои деньги даромъ, платя значительное жалованье морякамъ и безъ того обязаннымъ военною службой? Намъ кажется отнюдь не даромъ, такъ какъ даже довольно высокое жалованье морякамъ составляетъ только малую часть издержекъ морскаго вѣдомства, а боевая сила военнаго флота весьма значительно зависитъ отъ опытности экипажа въ морской жизни. Что значитъ опытность въ морѣ, это трудно объяснить вкратцѣ, но всякій можетъ легко представить себѣ разницу между опытнымъ и неопытнымъ человѣкомъ при другихъ занятіяхъ, какъ-то при земледѣліи, торговлѣ и пр. Перевѣсъ опытнаго человѣка обнаруживается не на первомъ шагу и не въ первый день; опытность заявляетъ свою силу въ теченіе времени и въ неожиданныхъ случаяхъ. А такъ какъ всякому отдѣленію боевыхъ силъ государства можетъ случиться совершенно неожиданно выдержать атаку непріятеля или напасть на него, такъ какъ особенно военный флотъ долженъ разчитывать на самые необыкновенные случаи во время войны, то очевидно что экипажъ военныхъ судовъ

состоящій изъ способныхъ моряковъ торговаго флота имѣетъ громадное превосходство предъ экипажемъ взятымъ изнутри государства, и потомъ въ спокойныхъ портахъ Кронштадта и Свеаборга пріученнымъ къ морской службѣ.

Въ Пруссіи новобранцы могущіе служить на военномъ флотѣ раздѣляются (какъ и во Франціи) на нѣсколько классовъ. Классъ опытныхъ моряковъ состоитъ изъ экипажа судовъ дальняго и каботажнаго плаванія; потомъ слѣдуютъ люди занимающіеся малымъ береговымъ каботажемъ, рыболовствомъ и наконецъ судоходствомъ по рѣкамъ. Даже послѣдній классъ въ Пруссіи и во Франціи предпочитается земледѣльцамъ и пр. для службы на военномъ флотѣ. Лишь въ нѣсколькихъ узкихъ кружкахъ во Франціи, при прежнемъ страстномъ желаніи во что бы то ни было соперничать съ Англіей и на морѣ, возникло мнѣніе, въ виду неудобствъ французской „военной записи“, набирать значительное число экипажа для военныхъ судовъ изъ не-мореходнаго населенія. Но мнѣніе это никогда не получало значительнаго практическаго примѣненія, хотя нельзя оспаривать что, вопервыхъ, рыбаки небольшихъ французскихъ рѣкъ въ самомъ дѣлѣ не могутъ быть особенно подготовленными моряками и, вовторыхъ, что военные флоты состоятъ теперь лишь изъ пароходовъ, на которыхъ морская качка не дѣйствуетъ такъ сильно какъ на парусныхъ судахъ. Когда со временемъ возрастетъ прусскій военный флотъ и будетъ употреблять въ военное время болѣе экипажа, нежели можетъ доставить тамошній торговый флотъ, то, разумѣется, и тамъ не будетъ иного исхода какъ во Франціи: Пруссія будетъ принуждена набирать часть своего экипажа изъ людей вовсе не знакомыхъ съ судоходствомъ. Вотъ почему завоеваніе Шлезвига и Голштиніи было такъ важно для Пруссіи. Тамъ промыслы рыболовства и каботажнаго плаванія очень развиты, хотя судовъ дальняго плаванія тамъ немного, меньше нежели у старыхъ прусскихъ прибрежій, но число годнаго экипажа для военнаго флота тамъ весьма значительно. Вотъ почему эти провинціи составляютъ такую драгоцѣнность для Прусскаго государства и для Германской имперіи.

Истинно морскими державами можно назвать только тѣ въ которыхъ промышляющій на морѣ классъ такъ многочисленъ что не истощается даже при самомъ значительномъ увеличеніи военнаго флота. Самое увеличеніе онаго зависитъ тогда лишь отъ денежныхъ средствъ государства. Въ такомъ положеніи

находится Англія, гдѣ число моряковъ значительно превышаетъ всѣ возможныя требованія для военнаго флота. То же самое видимъ мы и въ Даніи, Голландіи и Швеціи съ Норвегіей, наконецъ въ Греціи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Чѣмъ болѣе увеличивается гдѣ-нибудь торговый флотъ и развиваются рыболовный и каботажный промыслы, тѣмъ болѣе увеличивается морская сила государства.

Мы въ Россіи содержимъ нашъ военный флотъ, какъ извѣстно, на самыхъ искусственныхъ началахъ. Флотъ комплектуется у насъ совершенно независимо отъ занятій и природныхъ качествъ людей. Трудно сказать, десятая ли, сотая ли часть экипажа состоитъ у насъ изъ рыболововъ и каботажниковъ. Этого никто не знаетъ и знать не хочетъ, какъ будто бы пунктъ этотъ, считаемый самымъ важнымъ въ западныхъ государствахъ, гдѣ *знаютъ* морское дѣло, не имѣетъ *у насъ* никакого значенія. При послѣднемъ напримѣръ наборѣ, 1871 года, во флотъ было назначено 2.188 человѣкъ; изъ нихъ 1.061, или почти половина, изъ Вологодской губерніи, потомъ

385 изъ Саратовской,
279 „ Таврической,
204 „ Екатеринославской,
159 „ Астраханской и
67 „ Архангельской губ.

Мы видѣли выше что число нашего рыболовнаго, каботажнаго и другаго мореходнаго населенія достигаетъ вѣроятно милліона человѣкъ обоего пола. Значитъ намъ было бы очень возможно получить 2.188 человѣкъ изъ нашихъ рыболововъ и каботажниковъ. Но даже въ упомянутыхъ губерніяхъ, откуда теперь берутъ рекрутъ для флота, не обращается ни малѣйшаго вниманія на рыбаковъ. Жители степей попадаютъ во флотъ, а каботажникъ въ кавалерію и пр. Наборъ 1870 года доставилъ, напримѣръ, 829 человѣкъ изъ Эстляндіи; они всѣ были опредѣлены въ артиллерію и пѣхоту; 2.323 человѣка изъ Лифляндіи—въ артиллерію, кавалерію и въ пѣхоту; также 1.488 человѣкъ изъ Курляндіи. Нынѣшняя организація требуетъ чтобы крестьянинъ вологодскихъ лѣсовъ или степей южной Россіи былъ столь же отличнымъ морякомъ какъ англійскій, нѣмецкій или шведскій рыбакъ и судоходецъ. Анормальность такого взгляда, основаннаго на старыхъ преданіяхъ, бросается въ глаза.

Правда, до сихъ поръ, при настоящемъ порядкѣ набора ре-

крутовъ, было бы довольно трудно имѣть въ виду прежнія занятія и естественныя качества людей. Но предстоящее преобразованіе военной повинности дастъ, какъ мы надѣемся, *самый удобный случай* поставить наши морскія силы на болѣе естественный фундаментъ. Наша администрація тогда только, какъ мы полагаемъ, можетъ успокоить свою совѣсть, когда это будетъ сдѣлано. Тогда *уже не она будетъ виновата*, если при состязаніи въ военное время нашъ олонецкій рыбакъ, волжскій судоходъ и каботажникъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, окажутся, чего не дай Богъ, менѣе способными моряками нежели судоходы и рыболовы тѣхъ западныхъ странъ съ военными флотами которыхъ русскій военный флотъ можетъ имѣть столкновенія. Но общественное мнѣніе Россіи едва ли не осудитъ весьма строго виновнаго, если въ первой будущей войнѣ придется противопоставить во время бурь и пр. русскаго *степняка*, на дорогомъ, стоящемъ милліоны, морскомъ суднѣ, чужестранному *моряку*. Теперь уже никто не можетъ оправдаться предразсудками предшественниковъ. Послѣдняя война Германцевъ съ Французами доказала фактъ что если нѣтъ способныхъ людей, то одно превосходное оружіе весьма мало можетъ помочь въ военное время. Французскія ружья Шасспо оказались, въ самомъ дѣлѣ, лучше прусскихъ, но несмотря на то Французы вездѣ были поражены. То же самое будетъ всегда на морѣ. Всѣ мы помнимъ недавнюю битву при Лиссѣ, гдѣ опытные славянскіе Далматы, при помощи сильнаго вѣтра, выиграли дѣло въ пользу Австріи противъ италіянскихъ новобранцевъ, собранныхъ кое-какъ изъ жителей внутренней Италіи.

Въ 1860 году, пишущему эти строки поручено было собрать статистическія свѣдѣнія въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, для предварительнаго обсужденія вопроса можетъ ли тамъ быть введена французская морская запись (inscription maritime). Составленный г. Доргобужиновымъ, по собраннымъ мною даннымъ, проектъ былъ отправленъ, по приказу Его Высочества Генералъ-Адмирала, на обсужденіе барона А. Мейендорфа (бывшаго при графѣ Канкринѣ товарищемъ министра финансовъ), прибалтійскаго генералъ-губернатора Суворова, члена государственнаго совѣта графа Палена, барона Ливена (въ послѣдствіи назначеннаго генералъ-губернаторомъ въ Ригу), лифляндскаго губернатора Эссена, Б. П. Мансурова (нынѣ сенаторъ въ Москвѣ), министра финансовъ г. Княжевича, эстляндскаго предводителя дворянства графа Кейзерлинга, курляндскаго

предводителя дворянства Медема, курляндскаго губернатора Бреверна, генералъ-адъютанта барона Мейендорфа, графа Блудова, тайнаго совѣтника барона Егора Мейендорфа и генералъ-адъютанта барона Врангеля.

Г. Мейендорфъ въ своемъ отвѣтѣ (отъ 5го мая 1861 года) высказалъ то мнѣніе что было бы возможно и полезно ввести тотчасъ же на островахъ Эзелѣ и Даго упомянутую инскрипцію, то-есть кратковременную обязательную для всѣхъ взрослыхъ мущинъ службу рыбаковъ и пр. на военномъ флотѣ. Прибалтійскій генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ, полагалъ что введеніе инскрипціи по составленному мною проекту возможно съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями: а именно съ отмѣненіемъ права для отдѣльныхъ личностей выбирать между службой въ сухопутныхъ войскахъ и службой во флотѣ, и предоставленіемъ этого права лишь цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ. Генералъ-адъютантъ графъ фонъ-деръ-Паленъ не высказалъ никакого положительнаго мнѣнія и предоставилъ все дѣло *указаніямъ опыта*. Баронъ В. Ливенъ говоритъ: „Предполагаемая замѣна рекрутскаго набора для флота морскою записью представляетъ много заманчивыхъ результатовъ въ будущемъ; цѣль ея развить наше торговое мореплаваніе, пріохотивъ къ нему прибрежныхъ жителей; дать имъ возможность замѣнить нынѣшній гнусный способъ ихъ существованія контрабандой, честнымъ государственнымъ промысломъ, для этого подготовить ихъ образованіемъ, и школы, источникъ этого образованія, сдѣлать средствомъ для установленія равномѣрныхъ заработныхъ платъ по всему прибалтійскому краю; дать государству опытныхъ, искусныхъ корабельщиковъ и тѣмъ поразить въ самое сердце монополію иностранцевъ; открыть на прибалтійскомъ прибрежьѣ разсадникъ для нашего будущаго торговаго флота въ Тихомъ Океанѣ: *вотъ цѣль истинно великая и государственная!*“ Затѣмъ баронъ Ливенъ предлагаетъ отдѣлить для флотскаго набора приморскую полосу извѣстной ширины, въ пять или никакъ не болѣе десяти верстъ, на протяженіи которой слѣдовало бы подчинить всѣхъ обывателей морской записи. Лифляндскій гражданскій губернаторъ высказался въ слѣдующихъ словахъ: „Нѣтъ сомнѣнія что введеніе морской записи принесетъ существенную пользу какъ военному, такъ и торговому нашему флоту, и что уже посему запись заслуживаетъ преимущество предъ существующимъ нынѣ порядкомъ комплектованія флота;

по изложеннымъ въ запискѣ статистическимъ свѣдѣніямъ нельзя также сомнѣваться что морская запись въ сравненіи съ рекрутскимъ наборомъ представляется повинностью менѣе обременительною для самого населенія. Основываясь на этомъ и не видя никакихъ препятствій къ исполненію сего предположенія, я полагаю что введеніе морской записи въ прибалтійскомъ краѣ было бы важнымъ успѣхомъ въ развитіи государственной жизни нашей, и что по этому самому нынѣ же слѣдовало бы приступить къ приведенію проекта сего въ исполненіе, по крайней мѣрѣ въ видѣ опыта, который лучше всего докажетъ какъ преимущество записи предъ рекрутскимъ наборомъ, такъ и примѣнимость ея. Конечно, при этомъ встрѣтятся довольно важныя затрудненія, но затрудненія эти далеко не непреодолимыя, не могутъ и не должны служить препятствіемъ ко введенію реформы.“ При этомъ губернаторъ полагаетъ также нужнымъ предоставленіе права выбора службы (сухопутной и морской) обществамъ, а не отдѣльнымъ лицамъ, хотя сія послѣдняя мѣра *непремѣнно возбудитъ между жителями внутри губерніи стремленіе причислиться къ прибрежнымъ обществамъ.*

Б. П. Мансуровъ говоритъ:

„Разсмотрѣвъ записку Дорогобужинова по проекту г. Вольдемара, насчетъ пробнаго введенія морской записи въ прибалтійскомъ краѣ, считаю долгомъ *выразить прежде всего* что основныя *начала ихъ предположеній кажутся мнѣ весьма привильными и удобоисполнимыми.*“ Затѣмъ Б. П. Мансуровъ весьма основательно излагаетъ вредныя стороны французской inscription maritime, введеніе которой безъ измѣненій онъ никакъ не полагаетъ полезнымъ. „Было бы странно, говоритъ онъ, еслибы мы, въ XIX столѣтіи, безъ всякихъ измѣненій и приспособленій къ нашимъ естественнымъ условіямъ, ввели у насъ то что въ XVII столѣтіи было введено во Франціи.“ Нельзя не привести здѣсь также слѣдующія слова Б. П. Мансурова: „По мѣрѣ того какъ развиваются у насъ теперь болѣе правильныя понятія о морской администраціи и о путяхъ, коими можетъ быть достигнуто обезпеченіе потребностей русскаго флота, все болѣе и сильнѣе проявляются недостатки настоящей системы комплектованія у насъ морскихъ командъ. До сихъ поръ русскій флотъ поддерживался и поддерживается искусственнымъ образомъ: во всѣхъ государствахъ имѣющихъ военныя морскія силы, развитіе военнаго флота зависитъ отъ процвѣтанія

торговаго флота, а у насъ наоборотъ: изъ остатковъ военнаго флота съ трудомъ поддерживается торговая морская дѣятельность, и правительство наше само принуждено созидать средства для такого дѣла которое вездѣ образовывается само собою. У насъ замѣчательно даже то что, несмотря на столѣтнія огромныя пожертвованія нашего правительства на вполнѣ искусственное созданіе военнаго флота, всѣ его успѣхи въ этомъ дѣлѣ не принесли для купеческаго мореплаванія или никакой пользы, или весьма малую." Здѣсь я считаю нужнымъ прибавить что послѣднія слова болѣе чѣмъ вѣрны, такъ какъ нашъ военный флотъ со своимъ экипажемъ изъ степей и пр. не приноситъ торговому флоту положительно никакой пользы, а только одинъ вредъ. Доказательствомъ того можетъ служить уже голый фактъ что въ Кронштадтѣ и Петербургѣ торговаго флота почти вовсе нѣтъ, между тѣмъ какъ таковой существуетъ въ городахъ Ригѣ, Либавѣ, Виндавѣ, Пернавѣ и въ лифляндскихъ деревняхъ, гдѣ военныя суда почти никогда не являются. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя требовать чтобъ экипажъ нашего военнаго флота, набранный изъ внутреннихъ губерній, искалъ себѣ, по окончаніи 25ти-лѣтней службы, занятія на латышскомъ и эстскомъ прибрежьяхъ, гдѣ онъ не знаетъ ни людей, ни ихъ языка, ни морскаго промышленнаго дѣла.

Министръ финансовъ А. Княжевичъ положительнаго мнѣнія не высказалъ; онъ говоритъ: „Принимая во вниманіе изложенные въ брошюрѣ доводы въ пользу учрежденія въ прибалтійскомъ краѣ морской записи, которые въ сущности нельзя не признать уважительными, и имѣя въ виду что запись сію предполагается ввести путемъ опыта и постепенности, я не встрѣчаю съ своей стороны къ тому препятствія."

За то весьма рѣзко высказывается тогдашній эстляндскій предводитель дворянства графъ Кейзерлингъ, бывшій затѣмъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, написавшій свой отзывъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ прямой противоположности мнѣнію лифляндскаго губернатора, онъ полагалъ что морская запись подвергнетъ прибрежное населеніе положительному разоренію. Пробное введеніе онъ предлагаетъ не иначе какъ на какомъ-либо маленькомъ островкѣ, напримѣръ Наргенѣ, между тѣмъ какъ баронъ А. Мейендорфъ, какъ мы видѣли въ первомъ приведенномъ мнѣніи, полагалъ полезнымъ съ самаго начала подчинить всѣ наши балтійскіе острова

пробной морской записи. Даже пользу предлагаемыхъ навигаціонныхъ школъ графъ Кейзерлингъ признаетъ лишь настолько насколько эти школы распространяли бы *общее* образованіе народа. Въ этомъ мнѣніи на первомъ планѣ стоитъ ультра-пессимистическій аргументъ что *морская промышленность въ предѣлахъ Россіи невозможна, и потому не слѣдуетъ ничего дѣлать въ ея пользу.* Прочія изъ вышеупомянутыхъ мнѣній, имѣющія въ виду *одну Эстляндію*, откуда приведены почти всѣ примѣры и доводы, высказываются согласно съ графомъ Кейзерлингомъ. *Дѣлать ничего невозможно, а потому и не слѣдуетъ ничего дѣлать!* Но между тѣмъ какъ тутъ отрицается вся польза навигаціонныхъ школъ и пр., курляндскій предводитель дворянства и тамошній губернаторъ Бревернъ, напротивъ того, находитъ введеніе навигаціонныхъ школъ *не только весьма полезнымъ для торговаго флота, но даже безотлагательнымъ.* Такъ какъ всѣ отзывы упомянутыхъ высокопоставленныхъ лицъ цѣликомъ отпечатаны въ моей книгѣ: *Какъ обезпечить будущность нашего морскаго дѣла.* Москва. 1871 года, то мы и ограничиваемся здѣсь указаніемъ на эту книгу.

Правда, въ официальныхъ сферахъ возражаютъ—возраженіе всегда легко найти—что „у Эстовъ (противъ латышскихъ, русскихъ и другихъ нашихъ рыбаковъ ничего не слышно) пища такъ дурна, и сами они такъ слабы тѣломъ и малорослы, что ихъ лучше бы и вовсе не помѣщать во флотъ.“ Это увѣреніе надобно бы вполнѣ доказать не только относительно всей Эстляндской губерніи, но относительно пребрежья Эстляндскаго и Финляндскаго, а также относительно острововъ всего берега, безъ чего нельзя дѣлать такихъ важныхъ выводовъ. Въ самомъ дѣлѣ относительно всей указанной нами мѣстности увѣреніе это ничѣмъ не доказано. Скудное матеріальное существованіе массы балтійскихъ батраковъ, конечно, нерѣдко наноситъ ущербъ ихъ тѣлесной силѣ и ихъ росту, но привычка къ морю съ избыткомъ вознаграждаетъ эти недостатки. Если вслѣдствіе того что они, какъ прибрежные жители, привыкли дома къ самой соленой рыбной пищѣ, и потому — какъ утверждаютъ — ихъ здоровье разстраивается въ военной службѣ отъ несоленой пищи русскаго солдата внутреннихъ губерній, то это неудобство можно самымъ лучшимъ образомъ отвратить не на сушѣ, а на флотѣ: стоитъ только бо́льшую часть рыбаковъ, которые всѣ привыкли

употреблять много соли при своей пищѣ, принять не въ армію, а во флотъ, гдѣ они всѣ желаютъ служить. Точно такой же отвѣтъ слѣдуетъ дать и на приводимое очень часто замѣчаніе что смертность между солдатами изъ Эстовъ весьма значительна. Конечно, военная служба на сушѣ и на морѣ несравненно тяжелѣе иноплеменнымъ обитателямъ въ Россіи, не знающимъ ни слова по-русски, нежели кореннымъ Русскимъ. Потому очень вѣроятно что въ первый годъ службы умираетъ сравнительно гораздо бо́льшая часть иноплеменныхъ, нежели коренныхъ русскихъ солдатъ. Но это бываетъ равномѣрно на сушѣ и на морѣ. Еще менѣе можно найти уважительныхъ поводовъ не принимать предпочтительно въ морскую службу рыбаковъ и судовщиковъ съ побережій Азовскаго, Чернаго и Каспійскаго морей, Бѣлоозера, Ильменя, Пейпуса (Чудскаго), Селигера и изъ жителей побережья большихъ рѣкъ. Считаемъ излишнимъ еще болѣе подробно доказывать что всѣ эти люди гораздо болѣе способны къ морской службѣ чѣмъ жители степей, что они гораздо лучше переносятъ качку на волнахъ и суровый морской воздухъ, что они по привычкѣ соблюдать хладнокровіе и презирать смерть, естественно могутъ быть столь же хорошими матросами, какъ наши лѣсные вологодскіе стрѣлки хорошими пѣхотинцами.

Что касается до прибалтійскаго края, то предстоящая реформа военной службы будетъ тамъ имѣть гораздо больше послѣдствій, нежели въ другихъ мѣстахъ Россіи, такъ какъ тамъ зажиточная часть крестьянъ-арендаторовъ, составляющая не менѣе 20—30% крестьянскаго населенія, до сихъ поръ была освобождена отъ военной службы; слѣдовательно можно полагать что при будущихъ наборахъ по возрастамъ балтійское населеніе окажется уже не такимъ слаботѣлымъ, какъ до сихъ поръ, когда были набираемы лишь бѣднѣйшіе батраки.

VII.

Поощреніе морской промышленности Россіи должно и въ военномъ отношеніи принести весьма значительную государственную пользу. Говоря откровенно, нельзя не сознавать что наша гордая и блестящая столица Россіи, Петербургъ, находится въ положеніи которое нельзя назвать безопаснымъ. Доселѣ Россія

не имѣла равносильныхъ сосѣдей на Балтійскомъ морѣ. Ни Швеція, ни Пруссія, ни Данія не были ей равносильны, а потому они и не могли грозить нашей столицѣ опасностью; со стороны же отдаленныхъ государствъ, какъ Англіи и Франціи, опасность не могла быть значительна, пока не было на свѣтѣ громадныхъ флотовъ изъ пароходныхъ судовъ. Нынѣ наша ближайшая сосѣдка, Пруссія, первая военная держава въ Европѣ. Достаточнаго военнаго флота она, правда, еще не имѣетъ,— но кто поручится даже за ближайшее будущее? Всѣ въ Европѣ увѣрены что прусскій военный флотъ черезъ нѣсколько времени будетъ сильнѣе русскаго военнаго флота. Такъ дѣйствителено и будетъ, если нашъ останется на своемъ старомъ ненадежномъ фундаментѣ. Относительно же пароходныхъ флотовъ вообще, нельзя забыть что теперь уже прошли тѣ времена когда (въ 1854 году) Англія и Франція вмѣстѣ могли съ большимъ трудомъ перевезти разомъ въ Крымъ до 60.000 человѣкъ войска. Теперь пароходный флотъ Англіи увеличился *втрое* или даже *вчетверо*.

Опасность для Петербурга неоспорима. Избѣгая всякихъ пессимистическихъ взглядовъ, мы не можемъ однако отрицать что уже ради одной защиты Петербурга мы обязаны всячески развивать всѣ наши морскія силы. Безъ сомнѣнія нельзя опредѣлить впередъ въ какой мѣрѣ развитіе нашей морской промышленности будетъ способствовать дѣлу защиты. Но вѣдь и при постройкѣ какого-либо панцырнаго корабля, стоящаго болѣе милліона рублей, мы не можемъ сказать положительно сколько это судно будетъ приносить пользы; мы знаемъ только что оно *можетъ* принести много пользы. То же самое слѣдуетъ сказать о развитіи морской промышленности. Развивать морскія силы значитъ развивать и морскую промышленность, не упускать ни одного случая гдѣ разумная заботливость и разумно оказанная помощь могутъ принести свой желанный плодъ.

Въ недавнее время улучшеніе фарватера рѣки Свири (гдѣ камни мѣшали судоходству и заставляли судовщиковъ платить дань мѣстнымъ крестьянамъ-лоцманамъ) лишило работы многихъ тамошнихъ прирѣчныхъ жителей. Что могло бы быть для нихъ теперь выгоднѣе и лучше какъ занятіе мореплаваніемъ и судостроеніемъ въ зимнее время и весной? Изъ волжскаго бассейна можно бы доставлять дубовый лѣсъ, желѣзный, пеньковый и парусный матеріалы; желѣзный матеріалъ легко могъ

бы быть доставленъ изъ Петрозаводска и изъ Петербурга, гдѣ, по постройкѣ судна, и было бы возможно окончательное вооруженіе его. Могущественное содѣйствіе успѣху могли бы оказать изданіе вспомогательныхъ книжекъ, учрежденіе навигаціонныхъ школъ, выдача денежныхъ премій первымъ судостроителямъ и экипажу этихъ судовъ, набранному изъ мѣстныхъ жителей. Съ помощью прибрежныхъ балтійскихъ крестьянъ, знакомыхъ съ дешевымъ судостроеніемъ,— можно было бы въ нѣсколько лѣтъ устроить всю нужную организацію. При этомъ преміи крестьянамъ должны быть разчитаны такъ чтобъ онѣ подѣйствовали весьма сильно на умы массы населенія. Положимъ, напримѣръ, что въ первую зиму, подъ вліяніемъ моряковъ-учителей, жители селъ Вознесенскаго и Сермакса и города Лодейнаго Поля (всѣ эти мѣста такія гдѣ кромѣ бѣдныхъ крестьянъ живутъ и зажиточные, и, кромѣ того, даже довольно зажиточные купцы; что же касается до Лодейнаго Поля, то извѣстно что тамъ уже въ прошедшемъ столѣтіи строилось довольно много морскихъ судовъ) выстроили по морскому судну. Имъ должны быть выданы сравнительно значительныя преміи, смотря по опредѣленной казной общей поощрительной суммѣ, т.-е. около 10ти или даже, при соблюденіи особыхъ условій, 15ти руб. за каждый тонпъ судна. Кромѣ того и мѣстные *рыбаки*, совершающіе на этихъ судахъ рейсы до морскихъ гаваней внѣ Финскаго залива, должны бы получить извѣстное денежное вознагражденіе; при подобныхъ, въ сущности незначительныхъ вознагражденіяхъ, явилось бы много охотниковъ строить морскія суда, особенно съ помощью латышскихъ, эстскихъ, финскихъ крестьянъ, и совершать съ ихъ же помощью первые морскіе рейсы. На слѣдующую зиму, нѣтъ сомнѣнія, было бы даже больше охотниковъ, такъ какъ денежный разчетъ предпринимателей, нѣтъ сомнѣнія, оказался бы выгоднымъ. Но преміи на другой годъ понизились бы. И по справедливости. Судостроеніе во второй годъ обошлось бы уже дешевле; и мѣстное населеніе, служившее уже одинъ годъ на морскихъ судахъ, получило бы вслѣдствіе пріобрѣтенной опытности большее вознагражденіе. Весь этотъ разчетъ былъ бы очень понятенъ мѣстнымъ жителямъ, которые кромѣ того съ помощью навигаціонныхъ школъ и брошюръ знакомились бы все болѣе и болѣе съ условіями и выгодами этого промысла въ данномъ мѣстѣ. На третій годъ судостроители и судоходцы упомянутыхъ трехъ мѣстъ получили бы уже очень небольшое

вознагражденіе. Изъ экипажа поощрялись бы теперь только тѣ которые въ первые два года еще не занимались судоходствомъ: для занимавшихся же два года людей награжденіе было бы излишне, такъ какъ они могли бы теперь служить въ качествѣ полныхъ матросовъ, то-есть получать весьма значительное противъ перваго года жалованье. На четвертый годъ въ селѣ Вознесенскомъ, въ Сермаксѣ и Лодейномъ Полѣ судостроители не получали бы уже никакихъ поощрительныхъ вознагражденій, которыя стали бы теперь выдаваться въ такомъ же порядкѣ въ Повѣнцѣ, Сердоболѣ и другихъ мѣстахъ. Черезъ 6 или 10 лѣтъ подобныя денежныя преміи уже были бы болѣе не нужны для судоустроенія; преміи могли бы быть полезны еще только для экипажа въ томъ случаѣ если судостроеніе и судоходство стали бы здѣсь значительно и весьма быстро увеличиваться. За надежность предлагаемой системы, между прочимъ, ручается развитіе достигнутое съ помощью *одной* навигаціонной школы въ вышеупомянутыхъ лифляндскихъ селахъ, гдѣ необразованный, небогатый народъ, безъ всякихъ другихъ поощрительныхъ мѣръ, при способномъ учителѣ, нашелъ путь въ море. Въ Ладожскомъ и Онежскомъ бассейнахъ, говоря вообще, условія мореходства для русскихъ крестьянъ теперь отнюдь не менѣе выгодны, нежели они были 5—6 лѣтъ тому назадъ для лифляндскихъ Латышей. Слѣдовательно возможно ожидать успѣха даже безъ выдачи казенныхъ денежныхъ премій, но успѣхъ будетъ *медленный*. Такъ какъ намъ теперь неотлагательно нужно въ скорѣйшее время возбудить этотъ промыселъ, то не слѣдовало бы жалѣть незначительныхъ суммъ, если ими обусловливается столь желаемый успѣхъ.

Мы благодарны г. Сидорову за изданіе его книги *Съверъ Россіи*, Спб. 1870. Въ этой книгѣ съ особенною подробностью изложена та часть вопроса о нашемъ морскомъ дѣлѣ которая касается чиновниковъ „разоряющихъ“ цѣлыя морскія прибрежья. Г. Сидоровъ весьма основательно указываетъ на то что губернаторы приморскихъ губерній и ихъ чиновники часто смѣнялись прежде чѣмъ имѣли случай ближе ознакомиться съ морскимъ дѣломъ. Но и сидящій долго на мѣстѣ чиновникъ не всегда оказывается лучшимъ, напротивъ, часто бываетъ наоборотъ. Извѣстно что всѣ правительственныя мѣры принятыя до сихъ поръ съ цѣлью содѣйствовать развитію торговаго флота были поразительнымъ образомъ неудачны; но это не мѣшаетъ административнымъ лицамъ сохранять то

убѣжденіе что ихъ взглядъ есть самый вѣрный. Говоримъ это не въ упрекъ кому-либо, но не мудрено если добросовѣстный чиновникъ, имѣющій свое убѣжденіе, смотритъ съ нѣкоторою враждой на человѣка предлагающаго какія-нибудь мѣры которыя правительственное вѣдомство до сихъ поръ признавало не заслуживающими особеннаго вниманія. Вотъ причина мѣшающая (впрочемъ во всѣхъ государствахъ) введенію весьма полезныхъ и желательныхъ реформъ и не рѣдко даже такихъ отъ которыхъ зависитъ *быть или не быть* государству, какъ улучшенныхъ ружей и пр. Получивъ затѣмъ порученіе руководиться новыми мѣрами, чиновникъ уже не можетъ имѣть той ревности и того одушевленія которыя необходимы для успѣха предпринятаго нововведенія.

Для устраненія вреднаго вліянія администраціи на промышленныя дѣла есть одинъ общеизвѣстный путь: возможно бо́льшая независимость промысла. Поощрительныя мѣры правительства должны эту необходимость всегда имѣть въ виду. Предложенный здѣсь планъ поощренія морскаго промысла во всѣхъ пунктахъ основывается на этой мысли. Поощрительныя мѣры, а также навигаціонныя школы и преміи должны быть осуществляемы такъ чтобъ онѣ ничьего права не ограничивали, никого не связывали, а всѣмъ предпринимателямъ могли бы быть полезными. Для того чтобъ это общее правило примѣнить къ практикѣ во всѣхъ его подробностяхъ, нужны дѣятели вполнѣ и горячо сочувствующіе принципамъ государственной экономіи и новымъ мѣрамъ. Я не осмѣливаюсь утверждать чтобы нашъ планъ цѣликомъ, какъ онъ здѣсь изложенъ, легко и безошибочно могъ быть примѣненъ къ дѣлу. Условія у разныхъ нашихъ прибрежій такъ различны что съ одними общими постановленіями не очень много сдѣлаешь.

Въ сравненіи съ планами г. Сидорова, касающимися нашего сѣвернаго прибрежья, нашъ планъ отличается тѣмъ что

1) исполненіе его требуетъ несравненно менѣе пожертвованій;

2) онъ обнимаетъ всѣ наши прибрежья, между прочимъ и сѣверныя;

3) онъ касается непосредственно самой существенной и съ каждымъ днемъ увеличивающейся въ своей важности задачи: *перевоза нашихъ сырыхъ продуктовъ за границу* (между тѣмъ какъ планъ г. Сидорова въ сущности до этого вопроса вовсе не касается);

4) исполненіе его цѣликомъ или въ маломъ или большомъ

объемѣ несомнѣнно принесло бы весьма важную пользу всему нашему морскому дѣлу, а особенно низшему рыбацкому и каботажному сословію, для котораго со стороны правительства въ теченіе 150 лѣтъ едва ли что-нибудь было сдѣлано.

Этимъ сравненіемъ я отнюдь не намѣренъ умалить заслуги почтенныхъ ревнителей въ пользу промышленности на Сѣверномъ океанѣ. Осуществленіе изложеннаго здѣсь плана не можетъ не содѣйствовать и ихъ предпріятіямъ, какъ и предпріятіямъ всѣхъ возможныхъ другихъ дѣятелей на русскихъ прибрежьяхъ. Въ томъ-то и состоитъ сущность изложеннаго здѣсь плана, что даже исполненіе маленькой части его облегчило бы уже значительно предпріимчивость на нашихъ моряхъ каждому кто бы онъ ни былъ и какіе бы планы онъ ни начерталъ. Только тѣ могутъ быть противъ него которые желаютъ устраненія общей конкурренціи, то-есть именно той побудительной силы съ помощью которой такъ процвѣтаетъ дѣятельность на морѣ у нашихъ сосѣдей Норвежцевъ, которые отнюдь не поставляютъ всѣ свои морскіе промыслы въ зависимость отъ одной большой привилегированной компаніи.

Спрашивается, возможно ли разчитывать на поддержаніе этого плана средствами частныхъ лицъ, если правительство не находитъ средствъ для него? Едва ли. Что должно служить въ пользу всему государству, то весьма рѣдко будетъ интересовать частное лицо настолько чтобъ оно почло себя лично обязаннымъ содѣйствовать ему своими капиталами.

Путемъ частныхъ пожертвованій едва ли соберешь нѣсколько тысячъ, о суммахъ же болѣе значительныхъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Итакъ нѣтъ, кажется, иного исхода кромѣ казенныхъ средствъ.

Х. ВОЛЬДЕМАРЪ.

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

(Заключеніе, въ родѣ эпилога.)

II.

Историческое значеніе и древность Гессенъ-Дармштадтской династіи и ея послѣдующія родственныя связи съ императорскими и королевскими домами.

Въ числѣ владѣтельныхъ домовъ Германіи, Гессенъ-Дармштадтская династія одна изъ самыхъ древнихъ и знаменитыхъ. Обладаніе ею настоящимъ ея достояніемъ ведетъ начало свое отъ раздѣла владѣній ландграфа Тюрингскаго и Гессенскаго.

Въ 1247 году Генрихъ I (по матери своей прозванный *Брабантскимъ*) былъ первымъ *ландграфомъ Гессенскимъ*. Сынъ его былъ ландграфомъ въ Касселѣ, братъ его ландграфомъ въ Марбургѣ.

Между потомками его Лудвигъ I особенно замѣчателенъ тѣмъ что въ 1440 году *отказался отъ выбора въ германо-римскіе императоры;* а Филиппъ I (Великодушный), царствовавшій съ 1509 по 1567 годъ, принялъ дѣятельное участіе въ реформаціи и раздѣлилъ свои владѣнія между четырьмя сыновьями.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3, 9 и 10й 1870 года и №№ 1, 2, 3 и 9й 1871.

Изъ нихъ Лудвигъ III правилъ въ Марбургѣ, Филиппъ II въ Рейнфельсѣ, Вильгельмъ IV въ Кассельѣ и Георгъ I въ Дармштадтѣ.

Многіе ландграфы Гессенъ-Дармштадтскіе заслужили отъ подданныхъ своихъ, современниковъ и потомства, громкія, прозванія, соотвѣтствовавшія ихъ доблестямъ или вообще ихъ характеру и наклонностямъ, какъ напримѣръ Генрихъ der eiserne (желѣзный), Лудвигъ II der freimüthige (прямодушный) или der herzhafte (неустрашимый), Генрихъ III der reiche (богатый), Вильгельмъ IV der weise (мудрый), Морицъ der gelehrte (ученый), Вильгельмъ V der beständige (непоколебимый), Вильгельмъ VI der gerechte (справедливый) и т. п.

Фридрихъ I былъ ландграфомъ Дармштадтскимъ *и вмѣстѣ съ тѣмъ королемъ Шведскимъ*; онъ не имѣлъ дѣтей; братъ его владѣлъ Кассселемъ.

Вильгельмъ IX былъ ландграфомъ Дармштадтскимъ *и вмѣстѣ съ тѣмъ курфюрстомъ Гессенъ-Кассельскимъ.*

Ландграфъ Георгъ I былъ сынъ Филиппа Великодушнаго. Онъ умеръ въ Дармштадтѣ въ 1596 году. Ему наслѣдовалъ сынъ его Лудвигъ V der getreue (вѣрный); за симъ ландграфство переходило постоянно въ прямой, исходящей линіи къ сыновьямъ. Такимъ образомъ Георгу II наслѣдовалъ Лудвигъ VI, а ему Лудвигъ VII.

Послѣ него вступилъ на престолъ родной племянникъ (сынъ Лудвига VI) Эрнестъ-Лудвигъ, умершій въ 1739 году.

За симъ опять сыновья стали наслѣдовать отцамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сынъ Эрнеста-Лудвига, Лудвигъ VIII, который умеръ въ 1768 году, и Лудвигъ IX, названный Pirmasenser, потому что постоянно жилъ въ 16ти миляхъ отъ города Дармштадта, своей столицы, въ замкѣ Пирмазенсѣ, въ Альзасѣ.*

Ландграфъ Людвигъ IX родился въ 1719 году и женился въ 1741 году, будучи 22 лѣтъ отъ роду, на весьма уже знакомой намъ принцессѣ Генріеттѣ-Христинѣ-*Каролинѣ*-Луизѣ, дочери Христіана III, пфальцграфа Цвейбрюккенъ-Биркенфельдъ, **

* Jacob Chr. Carl Hoffmeister, *Historich-genealogisches Handbuch des Hauses Hessen*, изд. въ Кассельѣ, 1861, стр. 3—154, и сочиненіе о томъ же предметѣ Ф. В. Штридера (Strieder), Кассель, 1780.

** Въ письмѣ къ Фридриху Великому отъ 23го октября 1772, изъ Дармштадта, ландграфиня Каролина упоминаетъ о своемъ двоюродномъ братѣ принцѣ Биркенфельдѣ, находившемся тогда со своимъ полкомъ

отъ брака его съ принцессой Каролиной Нассау-Саарбрюккенъ. Въ слѣдующемъ 1742 году вступилъ онъ во французскую службу въ королевско-нѣмецкій полкъ (Royal-Allemand), такъ какъ Франція въ то время была въ союзѣ съ Австріей противъ Пруссіи. Вслѣдствіе сего, этотъ принцъ совершилъ походъ въ Богемію, подъ начальствомъ маршала де-Белиль; но съ 1743 по 1763 годъ числился генераломъ прусской службы, не участвуя однакожь въ Семилѣтней войнѣ. Впрочемъ онъ раздѣлялъ страсть Фридриха Великаго ко всему военному и содержалъ 6.000 войска.

У этого ландграфа были братъ, принцъ Георгъ, и сестра за маркграфомъ Баденъ-Дурлахскимъ. *

Вотъ имена дѣтей Лудвига IX, по времени ихъ рожденія:

1) Принцесса *Каролина*, бывшая съ 1768 года въ супружествѣ за ландграфомъ Фридрихомъ-Лудвигомъ Гессенъ-Гомбургскимъ. Современники прозвали ее die Geisterseherin, не знаемъ потому ли что ей снились привидѣнія или что она воображала что на яву видѣла духовъ. Быть-можетъ тутъ кроется начало легенды о *бѣлой дамѣ* (la dame blanche).

2) Принцесса *Фридерика*-Луиза, бывшая съ 1769 года въ замужествѣ за принцемъ Прусскимъ, роднымъ племянникомъ Фридриха Великаго, въ послѣдствіи королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II. Въ 1770 году у нихъ родился сынъ, бывшій въ свою очередь королемъ подъ именемъ Фридриха-Вильгельма III. Это былъ отецъ въ Бозѣ почившей императрицы Всероссійской Александры Ѳеодоровны.

3) Наслѣдный принцъ Лудвигъ, родившійся въ 1753 году; будучи 20ти лѣтъ отъ роду состоялъ въ нидерландской службѣ полковникомъ; въ іюнѣ мѣсяцѣ 1773 года поступилъ въ свиту короля Прусскаго, а въ октябрѣ того же года въ русскую службу, и принималъ участіе въ Турецкой войнѣ. **

4) Принцесса *Амалія*-Фридерика, род. въ 1754 году; съ 3го (15го) іюля 1774 года была за наслѣднымъ принцемъ Баденскимъ Лудвигомъ-Карломъ, который умеръ отъ ушиба въ 1801

въ Ольденбургѣ. См. также Гофмейстеръ и Эд. Фэзе, т. V, стр. 369—376.

* См. въ предшествующей главѣ, письма Екатерины II къ Ассебургу отъ 17го (28го) мая 1771, и 16го (27го) января 1772, и неблагопріятное ея мнѣніе о ландграфѣ и объ его сестрѣ.

** Объ этомъ принцѣ см. далѣе сего, подъ именами ландграфа *Лудвига X* и великаго герцога *Лудвига I*.

году, во время путешествія въ Швецію. Ѣдучи изъ загороднаго дворца въ Стокгольмъ, онъ былъ опрокинутъ съ экипажемъ и разшибъ себѣ голову. Она скончалась въ 1832 году. (Объ ея дочери см. въ самомъ концѣ этой главы.) Вотъ отзывъ Фэзе о принцессѣ Амаліи, на стр. 213 его IV тома: „Это была женщина замѣчательная по своей сановитости, а также по твердости и энергіи характера. Она долго пережила своего супруга и пользовалась при велико-герцогскомъ дворѣ въ Карлсруэ величайшимъ уваженіемъ.

5) Принцесса Августа-*Вильгельмина*, родившаяся 3го (14го) іюня 1755 года и которую мы уже знаемъ какъ нареченную невѣсту цесаревича Павла Петровича.

6) Принцесса *Луиза*, род. въ 1757 году, и съ 1775 года бывшая въ замужствѣ за великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ Карломъ-Августомъ, бывшимъ покровителемъ и другомъ Гёте и при которомъ городъ Веймаръ сдѣлался германскими Аѳинами. Въ 1825 году великая герцогиня праздновала свою золотую свадьбу и скончалась въ 1830 году. Еще въ 1804 году сынъ ея, тогда наслѣдный принцъ Карлъ-Фридрихъ, вступилъ въ бракъ съ великою княжной Всероссійскою Маріей Павловной, и съ 1828 года былъ самъ великимъ герцогомъ. Нынѣшній владѣтельный великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій Карлъ-Александръ ихъ родной сынъ. Объ его бабкѣ, великой герцогинѣ Луизѣ, Ассебургъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ*, на стр. 261: „Ея рѣдкія качества пріобрѣли ей глубокое уваженіе всѣхъ современниковъ. Еще помнятъ какое чарующее вліяніе она имѣла на Наполеона I, который расположилъ было свою главную квартиру въ ея дворцѣ, и съ какимъ спокойствіемъ духа и достоинствомъ она умѣла склонить побѣдителя къ снисхожденію и кротости.“

7) *Фридрихъ*-Лудвигъ, † 1802 года, былъ полковникомъ французской арміи.

8) *Христіанъ*-Лудвигъ, былъ сперва королевско-нидерландскимъ генералъ-майоромъ, а съ 1773 года фельдмаршалъ-лейтенантомъ въ цесарскомъ войскѣ; умеръ въ 1830 году. *

Объ этомъ-то семействѣ Ассебургъ писалъ что любовь къ истинѣ (attachement pour la vérité) есть господствующая въ немъ черта; что всѣ члены его связаны тѣсною дружбой (esprit

* Фэзе, часть V, стр. 419 и 420; Штридеръ и Гофмейстеръ, стр. 155—157.

de corps) и живутъ просто и довольно однообразно (Зе приложеніе къ письму № VIII). Лица изъ которыхъ состоялъ дворъ ландграфа и ландграфини были, сколько намъ извѣстно, государственный министръ баронъ Мозеръ (см. слѣдующую главу сего разказа), придворные кавалеры: баронъ Ридезиль и баронъ Штраутенбахъ; гофъ-дама баронесса Штраутенбахъ, фрейлины: фонъ-Вомрбсеръ и фонъ-Левенъ (вѣроятно *Ливенъ*, ибо эта эстляндская фамилія печаталась столь же ошибочно въ тогдашнихъ русскихъ придворныхъ календаряхъ), и секретарь, извѣстный писатель и другъ Гёте, Меркъ (ср. *Русск. Вѣстн.* 1870 года, № 9, страница 117, и главу I настоящаго разказа). Что же касается до гувернантокъ которыя состояли при принцессахъ и о которыхъ Ассебургъ вскользь упомянулъ въ томъ же письмѣ, то это были: г-жа Камеке и дѣвица Раванель.

Старшій сынъ ландграфа Лудвига IX, царствовавшій съ 1790 года подъ именемъ *ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго Лудвига X*, принялъ послѣ образованія рейнской конфедераціи и территоріальныхъ переворотовъ, ознаменовавшихъ въ Германіи начало XIX столѣтія, титулъ *великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго* и въ этомъ санѣ переименовалъ себя въ *Лудвига I*.

Титулъ *свѣтлости*, принадлежавшій дотолѣ ландграфу Гессенъ-Дармштадтскому и членамъ его дома, замѣненъ съ этого времени титуломъ *королевскаго высочества*.

Великій герцогъ Лудвигъ I имѣлъ въ супружествѣ двоюродную свою сестру, принцессу Луизу-Каролину-Генріетту Гессенъ-Дармштадтскую, дочь принца Георга, младшаго брата ландграфа Лудвига IX.

Ему наслѣдовалъ сынъ его, великій герцогъ Лудвигъ II, имѣвшій въ супружествѣ принцессу Вильгельмину-Луизу, дочь маркграфа Баденскаго.

Послѣ него воцарился (въ 1848 году) сынъ его, нынѣ здравствующій великій герцогъ Лудвигъ III, имѣвшій въ супружествѣ дочь короля Лудвига I Баварскаго, принцессу Матильду-Каролину.

У него два брата: принцъ Карлъ-Вильгельмъ-Лудвигъ и принцъ Александръ, фельдмаршалъ-лейтенантъ австрійской службы, кавалеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ, въ томъ числѣ и Св. Георгія 3й степени.

Августѣйшая сестра ихъ, Императрица Всероссійская Марія

Александровна помолвлена въ Дармштадтѣ, 8го мая 1840 года, съ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и сочеталась бракомъ съ Его Величествомъ 16го (28го) апрѣля 1841 года въ С.-Петербургѣ, куда привезена была императрицей Александрой Ѳедоровной. *

По этой генеалогіи августѣйшій родитель Императрицы Маріи Александровны, великій герцогъ Лудвигъ II, приходился роднымъ племянникомъ принцессы *Вильгельмины* Гессенъ-Дармштадтской, нареченной при обрученіи съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ великою княжной Наталіей Алексѣевной.

Остается прибавить что отъ брака ея младшей сестры, принцессы *Амаліи*, съ наслѣднымъ принцемъ Баденскимъ (см. выше) родились ей, то-есть Натальѣ Алексѣевнѣ, *родныя племянницы*, изъ коихъ одна, принцесса Марія-Августа также украсила собою престолъ Всероссійскій; она, въ 1793 году, съ переходомъ въ православіе, приняла имя Елисаветы Алексѣевны и была супругой императора Александра I; вторая, Фридерика-Доротея, была съ 1797 года за королемъ Шведскимъ Густавомъ IV; а третья, Каролина, также съ 1797 года за королемъ Баварскимъ Максимиліаномъ-Іосифомъ. **

III.

Пребываніе двора въ Петергофѣ, Царскомъ Селѣ и Петербургѣ.—Письма ландграфини къ королю Прусскому и Екатерины II къ Вольтеру, Ассебургу и къ московскому главнокомандующему князю М. Н. Волконскому.—Гриммъ.—Преосвященный Платонъ. — Мироломазаніе и обрученіе.— Игуменья Кропотова.—Баронъ Мозеръ и Дармштадтскій наслѣдный принцъ.— Актъ отреченія отъ приданаго. — Бракосочетаніе. — Метрическая книга Императорскаго дома.

Въ концѣ іюня дворъ переѣхалъ въ Петергофъ. *** Ландграфиня ожидала тамъ отвѣта отъ свѣтлѣйшаго своего супруга и до того хворала отъ сырости тамошняго климата, что потомъ писала королю Прусскому что даже въ сентябрѣ мѣсяцѣ находила несравненно болѣе сноснымъ пребываніе свое въ

* Гофмейстеръ, стр. 158—169 и *Atlas de Le Sage, Maison Electorale et Landgraviale de Hesse-Darmstadt.*

** Le Sage, *Maison Marggraviale et Gr. Ducale de Bade*, и Фэзе, томъ IV, стр. 213.

*** Въ Петергофѣ существовалъ тогда одинъ только дворецъ, выстроенный Петромъ Великимъ между верхнимъ и нижнимъ садомъ.

Царскомъ Селѣ. * Изъ Петергофа она однакожъ иногда ѣздила съ дочерьми въ Петербургъ, гдѣ сама императрица показывала имъ нѣкоторыя изъ учрежденныхъ ею общественныхъ заведеній, въ томъ числѣ и Смольный Монастырь. Упоминая объ этихъ посѣщеніяхъ въ письмахъ своихъ королю Прусскому, ландграфиня не входитъ ни въ какія подробности и лишь ссылается на то что братъ его, принцъ Генрихъ, уже ихъ видѣлъ. **

Но она писала Фридриху, 9го іюля, изъ Петергофа:

„Je n'oublierai jamais que je dois à V. M. l'établissement de ma fille Wilhelmine.... Elle apprend la langue russe et l'archevêque Platon l'instruit dans la religion grecque. *Le Grand Duc paroit s'attacher à ma fille, et plus que je n'ai osé l'espérer....* L'Impératrice me paraît toujours une femme charmante. *Elle se met à la portée d'un chacun. J'admire surtout le fond de gaieté, qui est en elle,* qui l'a soutenue et la soutient encore.... J'ai commis, Sire, une indiscrétion; j'ai fait lire Votre lettre à l'Impératrice. Sa rèponse fut: *Ce qui me flatte surtout et ce qui me fait plaisir, c'est que le Roi me conserve son amitié!...* Je n'ai pu voir encore le Comte Solms qu'un moment, avec les Ministres des autres Cours étrangères....“ ***

Англійскій дворецъ выстроенъ Екатериной II уже по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича, а два коттеджа въ *Александріи* императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Въ бельэтажѣ стараго дворца, на половинѣ ея величества королевы Виртембергской Ольги Николаевны, показываютъ до сихъ поръ комнаты (*подъ орломъ* или *подъ гербомъ*, насупротивъ ближайшихъ къ дворцовой церкви воротъ и такъ-называемаго *боковаго* фонтана) гдѣ жилъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Въ угловой маленькой *классной* его комнатѣ или кабинетѣ, влѣво отъ входной двери, прибита мѣдная бляха возлѣ пяти неровныхъ зарубинъ сдѣланныхъ на откосѣ двери и съ надписью: *мѣра постепеннаго роста императора Павла I.* Къ сожалѣнію, никакой годъ тутъ не обозначенъ.

* Ландграфиня страдала одышкой; см. далѣе, въ главѣ V этого разказа.

** См. примѣчаніе къ I главѣ этого разказа, а также *Freiherr von Tannenberg, Leben Catharina II,* Leipzig, 1797, стр. 203: *Fräulein-und Jungfern-Stift.* Король Шведскій Густавъ III также посѣтилъ Смольный Монастырь и подарилъ ему свой портретъ, писанный масляными красками, который до сихъ поръ украшаетъ пріемную залу начальницы этого учебнаго заведенія.

*** „Никогда не забуду что я обязана В. В—ству обезпеченіемъ участи моей дочери Вильгельмины.... Она учится русскому языку, и архіерей Платонъ преподаетъ ей греческій законъ. *Великій князь, сколько можно замѣтить, полюбилъ мою дочь, и даже болѣе чѣмъ*

Какъ можно замѣтить по этому письму, король не медлилъ отвѣтами, и потому, 20го августа, ландграфиня сообщила ему изъ Царскаго Села, между прочимъ, слѣдующее:

„Nous partons demain avec l'Impératrice pour Pétersbourg. L'Archevêque Platon * a fini sès instructions. Jeudi ma fille aura un nom grec et ses fiançailles se feront le lendemain. Je prendrai la liberté d'écrire à V. M. d'abord après cette cérémonie. Le jour des noces n'est pas encore fixé.... Le Grand Duc est *réellement attaché* à ma fille. Je crois que V. M. serait contente de ce jeune Prince. ** Ce n'est pas au moins seulement (?) parcequ'*il trouve Wilhelmine à son gré*, que je le suppose, mais par rapport à ses sentiments et à sa façon de penser.... Wilhelmine dit que son bonheur serait imparfait (incomplet ?), si Vous ne lui accordiez, Sire, la continuation de Vos bontés.... Je fais ma cour à l'Impératrice, en lui communiquant les lettres, dont V. M. m'honore. Elle est sensible aux marques d'amitié et d'estime, que Vous lui donnez, Sire, et sent tout le prix de Votre suffrage....“ ***

я смѣла ожидать.... Императрица попрежнему является женщиной очаровательною. *Она умѣетъ стать ровень съ понятіями любаго* (*собесѣдника*). *Всего болѣе восхищаюсь сохранившимся въ ней неистощимымъ источникомъ веселья*, который ее поддерживалъ и до сихъ поръ поддерживаетъ.... Я провинилась, государь, въ нескромности: я дала прочесть ваше письмо императрицѣ. Она отвѣчала: *что мнѣ особенно лестно и пріятно это то что король сохраняетъ мнѣ свою дружбу*!... Мнѣ удалось видѣть графа Сольмса только на одну минуту, вмѣстѣ съ посланниками другихъ иностранныхъ дворовъ.“

* Преосвященный Платонъ (Левшинъ), род. въ 1730, умеръ въ 1812 году. Итакъ ему тогда было 34 года; онъ былъ законоучителемъ великаго князя Павла Петровича (см. *Записки* Поротова) и знаменитымъ проповѣдникомъ при дворѣ Екатерины II. По воцареніи Павла I, былъ митрополитомъ московскимъ и совершалъ обрядъ священнаго коронованія Александра I.

** Фридрихъ II дѣйствительно и былъ очень обрадованъ знакомствомъ своимъ съ великимъ княземъ, когда онъ, три года спустя, прибылъ въ Берлинъ.

*** „Мы завтра уѣзжаемъ съ императрицей въ Петербургъ. Архіепископъ Платонъ окончилъ свои поученія. Въ четвергъ дочь моя получитъ греческое имя, и на слѣдующій день совершится обрученіе. Тотчасъ же послѣ этой церемоніи, возьму смѣлость отписать В. В—ству. День бракосочетанія еще не назначенъ.... Великій князь *дѣйствительно имѣетъ привязанность* къ моей дочери. Я думаю что В. В—ству

10го сентября, она писала:

„L'Impératrice paraît flattée, quand je lui rends compte de ce que V. M. me dit à son sujet. Elle répond toujours qu'elle (y?) est sensible et qu'elle sent tout le prix de l'amitié, que V. M. a pour elle....“ *

Но преувеличенная лесть была ловушкой, на которую Фридриху II не легко было поддѣть умную и дѣльную женщину, какова была Екатерина II. Какъ бы въ подтвержденіе поговорки: les plus belles choses répétées ennuient à la longue (повтореніе самыхъ лестныхъ отзывовъ становится современемъ докучливымъ), императрица, замѣтивъ что онъ ужъ черезчуръ пересаливаетъ, наконецъ разсердилась, насколько это дозволяло приличіе. Ландграфиня писала королю, отъ 21го октября, изъ Петербурга: L'Impératrice, après avoir lu la lettre, dont il a plû à V. M. de m'honorer, m'a dit *que c'en était trop et qu'elle ne pouvait rien répondre.* (Прочитавъ письмо которымъ В. В—ству благоугодно было меня удостоить, императрица сказала мнѣ что *ужъ это превосходитъ всякую мѣру, и что она ничего не можетъ отвѣчать*....) И вѣроятно, для того чтобы позолотить пилюлю, ландграфиня прибавляла: „Que V. M. juge combien Vos éloges doivent flatter cette Princesse!...“ (Посудите же, В. В—ство, въ какой степени ваши похвалы должны быть лестны этой государынѣ!)

Въ предшествующемъ письмѣ (отъ 20го августа, изъ Царскаго Села) заключалось увѣдомленіе что преосвященный Платонъ значительно облегчилъ принцессѣ Вильгельминѣ перемѣну вѣроисповѣданія поясненіями своими и тѣмъ различіемъ которое

понравился бы этотъ принцъ. Мнѣ такъ сдается не потому только что *Вильгельмина ему пришлась по сердцу*, но судя по его (возвышеннымъ) чувствамъ и образу мыслей.... Вильгельмина говоритъ что счастье ея не будетъ полнымъ, если В. В—ство не почтите ее продолженіемъ своей благосклонности.... Я угождаю императрицѣ, сообщая ей письма которыми В. В—ство меня удостоиваете. Она очень чувствительна къ доказательствамъ дружбы и уваженія которыя вы ей даете, государь, и знаетъ всю цѣну вашего одобренія.“

* „Императрица бываетъ повидимому очень довольна, когда я довожу до ея свѣдѣнія то что В. В—ство пишете мнѣ объ ней. Она всегда (въ подобныхъ случаяхъ) отвѣчаетъ что не заслуживаетъ похвалъ В. В—ства; но что она ими очень тронута и что она знаетъ всю цѣну дружбы которую В. В—ство имѣете къ ней.“

онъ установилъ между догматами и обрядами; „что же касается до Св. Духа, то императрица, какъ глава восточной церкви (Екатерина II такъ себя называла и въ письмахъ своихъ къ Іосифу II, см. ихъ переписку, изданную Арнетомъ: *Ioseph II und Catharina II, ihr Briefwechsel*, Wien, 1869, и къ Вольтеру, см. далѣе, въ этой же главѣ), поручила ей, ландграфинѣ, сказать королю что докажетъ ему, какъ 2×2=4, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына.... (....par ses explications et par la différence, qu'il a mis entre le dogme et les coutumes établies; mais, quant au St. Esprit, l'Impératrice m'ordonne de dire à V. M. qu'en qualité de chef de l'Eglise grecque, elle Vous prouvera comme 2×2=4, que le St. Esprit procède du Père et non du Fils.)

Фридрихъ II, въ своихъ *Запискахъ* (томъ VI, гл. I, стр. 57), относитъ именно къ этому времени (іюлю мѣсяцу 1773) усиленіе вліянія графа Н. И. Панина при Русскомъ дворѣ. Это совершенно несправедливо. Опала только-что снята была съ его главнаго недоброжелателя, князя Орлова, который снова пользовался милостями Екатерины II (ср. письма графа Сольмса барону Ассебургу въ главѣ IV этого разказа). Съ окончательнымъ паденіемъ этого любимца (послѣ женитьбы его, въ 1777 году), скорѣе могло подняться вліяніе Панина, и это могло бы совершиться само собою, безъ борьбы и особенныхъ съ его стороны усилій. Далѣе увидимъ однакожъ что *вооруженный нейтралитетъ* 1774 года былъ его лебяжиною пѣснью (см. гл. VI этого разказа).

Письма ландграфини приводятъ на мысль что ландграфъ Гессенъ-Дармштатскій Лудвигъ IX ограничился обѣщаніемъ прислать отъ себя уполномоченнаго для заключенія брачнаго контракта; что непремѣнное условіе обращенія въ православную вѣру первое время было отъ него скрыто, и что въ этомъ отношеніи ландграфиня была, какъ говорится, себѣ на умѣ.

Между тѣмъ старшій сынъ ея, наслѣдный принцъ Лудвигъ, пріѣхалъ изъ Берлина (см. *Русск. Вѣстн.* 1870, № 9, стр. 103 и 104 и главу II настоящаго повѣствованія) въ Петербургъ 25го іюля (письма 9го іюля и 10го сентября), а уполномоченный ландграфа, баронъ Мозеръ, * прибылъ ровно двое сутокъ

* Когда въ арміи Фридриха Великаго многіе генералы были не изъ дворянства, а изъ средняго сословія, то университеты, процвѣтавшіе въ Германіи, начали въ свою очередь снабжать разные тамошніе дворы дѣловыми людьми, принадлежавшими къ тому же среднему

послѣ муропомазанія и обрученія и заявилъ лишь требованіе его свѣтлости чтобы принцессѣ отнюдь не было дѣлаемо никакого принужденія въ отношеніи перемѣны вѣроисповѣданія (письмо 10го сентября).

Вотъ какъ ландграфиня, въ письмѣ отъ 1го сентября, описываетъ Фридриху Великому муропомазаніе и обрученіе:

„Ma fille a pris le nom de *Nathalie Alexéewna*. Je n'ai pas voulu assister à la cérémonie; je m'y serois cru déplacée; mais

---

сословію;. По достиженіи ими высшихъ должностей, считалось обыкновенно нужнымъ облечь ихъ въ дворянское достоинство. Въ такихъ случаяхъ владѣтельный принцъ, которому они служили, обращался къ Германо-Римскому императору (который одинъ тогда во всей Германіи могъ жаловать титулы) съ просьбой о возведеніи такого-то въ баронское достоинство. Послѣ такой *баронизаціи*, коренные имперскіе дворяне, все-таки ни въ глаза, ни за глаза не называли его барономъ, а много, много Herr von.... Такимъ образомъ, въ Германіи составилось нѣчто въ родѣ того что во Франціи называли тогда magistrature и noblesse de robe. Надъ этимъ подсмѣивались. Такъ: герцогъ Виртембергскій Карлъ-Евгеній, основавшій въ Штутгардтѣ знаменитую Carl's-Schule, гдѣ учились Шиллеръ, Кювье, Парротъ (отецъ), братья Полторацкіе и Талызины, вздумалъ хлопотать о переименованіи своего секретаря Диленіуса въ барона фонъ-Дилле. Тотчасъ же пошло по рукамъ четверостишіе:

Unser Herr liebt kein *Jus* (законъ, право).
Sondern nur sein Wille,
Drum macht er zum Dille
Den Dilenius.

Таковы были еще въ Штутгардтѣ: доктора правъ Миліусъ и Рецъ; а въ Дармштатѣ — виртембергскій уроженецъ Фридрихъ-Кирлъ *Мозеръ*, который, по рекомендаціи ландграфини Каролины, въ 1772 году назначенъ былъ ея супругомъ, ландграфомъ Лудвигомъ IX, государственнымъ министромъ, вскорѣ послѣ чего онъ и пожалованъ былъ въ бароны. Изъ біографіи его, заключающейся на стр. 369, 376 — 392, 408—411 и 417 тома V, изданной Эдуардомъ Фезе исторіи германскихъ дворовъ и озаглавленной *Moser's Vizirial*, мы узнаемъ что это былъ претяжелый и прескучный педантъ и Тартюфъ; что онъ плакалъ о предстоявшей принцессѣ Вильгельминѣ перемѣнѣ религіи, противъ чего возставала извѣстная въ свое время ханжа, старая принцесса Цвейбрюккенъ-Биркенфельдъ, рожденная Нассау-Саарбрюкъ (мать ландграфини); что въ Петербургъ онъ ѣхалъ, считая себя настоящимъ посланникомъ (envoyé); но, между

l'Impératrice a paru contente de ma fille.... Les fiançailles ont été faites le lendemain, au Palois d'Eté, avec beaucoup de pompe et cérémonies religieuses. J'ai resté à l'Eglise du premier au dernier moment. Il n'est pas question de se mettre à genoux, comme chez les catholiques.... L'Impératrice a donné beaucoup de diamants à ma fille et fixé son état à 50.000 rbls par an pour ses épingles. Elle a nommé la femme du Maréchal Romantzow Dame pour accompagnes ma fille et deux filles d'Honneur, censées être de la Cour de l'Impératrice. La nouvelle Grande Duchesse parait très-contente de son sort....“ *

Итакъ муропомазаніе совершено было 15го (26го) августа, а обрученіе слѣдующаго 16го (27го) числа въ томъ самомъ

тѣмъ, опоздавъ прибытіемъ туда и очутившись на обширной аренѣ въ виду какихъ-то исполиновъ, совершенно потерялъ голову, низко кланялся всѣмъ русскимъ сановникамъ, угощалъ ихъ анекдотами о мелкихъ германскихъ дворахъ, которые никого не интересовали и каждаго русскаго князя (Knäse) величалъ свѣтлостью (Altesse), не подозрѣвая что даже поваръ оберъ-гофмаршала князя Голицына титулуетъ его Excellence. За всѣ эти промахи и его безтактность, Мозера прозвали въ Петербургѣ, — какъ увѣряетъ Фэзе, — l'homme au latin, le savant en *us*. Въ донесеніяхъ какія онъ посылалъ оттуда ландграфу, онъ обвинялъ ландграфиню въ томъ что она не сумѣла воспрепятствовать перемѣнѣ религіи ея дочери. Ландграфъ въ послѣдствіи показалъ эти донесенія своей супругѣ, причемъ предложилъ ей рѣшить судьбу этого предателя и отставить его отъ занимаемой имъ высокой должности. Она была до того великодушна что отказалась отъ этого, говоря что отнюдь не хочетъ *чтобы кто-нибудь изъ-за нея пострадалъ*. Она даже не уличила Мозера и не дала вида что знаетъ о содержаніи его донесеній. Но въ своемъ завѣщаніи, ландграфиня упомянула объ немъ, *какъ о единственномъ наущителѣ ею врагѣ*. Мозеръ палъ уже послѣ ея кончины, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій.

* „Моя дочь наречена *Наталіей Алексѣевной*. Я не захотѣла присутствовать при церемоніи; мнѣ бы показалось что я тутъ не у мѣста; но, повидимому, императрица осталась довольна моею дочерью.... Обрученіе совершено было на другой день, въ Лѣтнемъ Дворцѣ, съ большою пышностью и по церковному обряду. Я съ начала до конца пробыла въ церкви. Тутъ и рѣчи нѣтъ о томъ чтобы становиться на колѣни (?), какъ у католиковъ.... Императрица подарила много брилліантовъ моей дочери и ассигновала ей 50.000 руб. въ годъ на туалетъ. Она назначила жену фельдмаршала Румянцева статсъ-дамой къ моей дочери, и двухъ фрейлинъ, которыя будутъ составлять ея свиту, продолжая считаться при дворѣ ея величества. Новая великая княжна кажется очень довольною своею участью.“

Лѣтнемъ дворцѣ который предъ тѣмъ уже былъ свидѣтелемъ стольких событій и гдѣ протекло почти все время малолѣтства великаго князя Павла Петровича. * Къ свѣдѣніямъ сообщеннымъ ландграфиней остается прибавить что сама она и другія двѣ ея дочери въ разное время получили отъ Екатерины II значительные подарки брилліантами, собольими мѣхами и деньгами, а лица составлявшія ихъ свиту, кромѣ подарковъ драгоцѣнными вещами, каждое по 3.000 рублей, ** и что воспреемницей великой княжны Наталіи Алексѣевны была игуменья Кропотова, *** изъ Воскресенскаго дѣвичьяго (Смольнаго) монастыря, *при которомъ*, какъ это упомянуто въ указѣ 5го мая 1764 года, учреждено было воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ подъ именемъ *Смольнаго Монастыря*. Еще при Павлѣ I, во время управленія этимъ институтомъ

---

* По свидѣтельству С. Н. Шубинскаго (см. статью его *Арестъ и ссылка Бирона*, въ *Русской Старинѣ*, за май мѣсяцъ сего года, стр. 539), деревянный Лѣтній Дворецъ находился тамъ гдѣ, еще при Екатеринѣ II, на Дворцовой набережной выстроена была знаменитая рѣшетка, которою пріѣзжалъ любоваться одинъ Англичанинъ, съ тѣмъ чтобы насмотрѣвшись на это диво, сейчасъ снова сѣсть на корабль и отправиться въ обратный путь. Однакожь, Державинъ прямо говоритъ въ своихъ *Запискахъ* (стр. 22) что Лѣтній Дворецъ находился на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ нынѣ Михайловскій замокъ. Въ этомъ дворцѣ императрица Анна Іоанновна проводила часть лѣта и осень; тамъ она скончалась; оттуда несчастный Іоаннъ Антоновичъ перевезенъ былъ въ Зимній Дворецъ, и тамъ арестованъ былъ Бирономъ. Изъ *Записокъ* княгини Дашковой (Лондонъ, 1859, стр. 57 и 65) видимъ что туда прибыла Екатерина II 27го іюня 1762 года, послѣ присяги Измайловцевъ, и вторично, 29го іюня, по возвращеніи изъ Петергофа. Тамъ же весной и осенью живалъ великій князь Павелъ Петровичъ съ воспитателемъ своимъ гр. Панинымъ (см. *Русск. Вѣст.* 1870, № 1й, стр. 46).

** Предъ отъѣздомъ въ Россію, ландграфиня получила вексель въ 80.000 гульденовъ, на обратный путь 120.000 руб., а принцессы каждая по 50.000 руб. (Ассебургъ, стр. 268 и Фезе, т. V, стр. 412 и 413.)

*** Это была ни невѣстка и не вдова генерала Кропотова, который въ 1724 году разбилъ и взялъ въ плѣнъ Шамхала Тарковскаго (см. *Büsching's Magazin*, Hamburg, 1769, ч. III, стр. 7), а дѣвица Ельпидифора Ивановна, † 1802, родная сестра Ивана Ивановича Кропотова, который при Екатеринѣ II былъ посланникомъ въ Китаѣ и перевелъ на русскій языкъ Мольера.

кавалерственной дамы Е. А. Пальменбахъ (дочери барона А. И. Черкасова, см. *Русск. Вѣстн.* 1870, № 1, стр. 29 и 30), нѣсколько монахинь доживали тамъ свой вѣкъ. Съ ихъ смертію обитель упразднилась сама собою, и названіе Смольнаго Монастыря окончательно перешло на учебное заведеніе. Въ началѣ оба помѣщались въ старомъ зданіи окруженномъ стѣной съ бойницами, выстроеннымъ знаменитымъ архитекторомъ графомъ Растрелли, влѣво отъ большаго собора; а зданіе куда съ 1820хъ годовъ переведено Воспитательное Общество выстроено архитекторомъ Гваренги и находится вправо отъ собора.

Итакъ, 15го августа 1773 года вновь освящено было то древнее преданіе о которомъ почти за два мѣсяца предъ тѣмъ Екатерина II напоминала барону Черкасову, говоря: *Царскія невѣсты всегда наречены были до свадьбы царевнами, а великокняжескія великими княжнами* (письмо № IV, отъ 16го мая).

Въ письмѣ адресованномъ 15го (26го) сентября Вольтеру, императрица хвалилась не только тѣмъ что обратила свою будущую невѣстку въ православіе, но и тѣмъ что даже матерь ея расположила въ пользу его. Выражая, въ началѣ этого письма, сожалѣніе о томъ что фельдмаршалъ Румянцевъ еще не побилъ визиря, * императрица продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Je range ce fait parmi les fautes d'orthographe et je m'en console par la conversion de Madame la Landgrave de Darmstadt, qui est *douée d'une âme forte, d'un esprit élevé et cultivé*. La quatrième de ses filles va épouser mon fils; la cérémonie des noces est fixée au 29 Septembre, vieux style.

„Comme chef de l'Eglise grecque, je ne puis vous laisser ignorer la conversion de cette Princesse, opérée par les soins, le zèle et la persuasion de l'Evêque Platon, qui l'a réunie au giron de l'Eglise Cotholique-*universelle* (слова равносильныя, такъ какъ καθολικος именно означаетъ по-гречески вселенскій, всемірный) grecque, seule vraicroyante, établie en Orient. Réjouissez-vous de notre joie, et que cela vous serve de consolation dans un temps où votre Eglise latine est affligée, divisée, et occupée de l'extinction mémorable de la compagnie de Jésus.

„A la suite du Prince héréditaire de Darmstadt, j'ai eu le plaisir de voir arriver M-r Grimm. ** Sa conversation est un

* *Oeuvres completes de Voltaire*, Paris, 1822, tome 53, correspondance avec les Souverains, lettre № 131.

** Баронъ Гриммъ, одинъ изъ энциклопедистовъ, министръ герцога Готскаго въ Парижѣ (въ 1787 году), былъ въ тѣсной связи съ

délice pour moi; mais nous avons encore tant de choses à nous dire, que jusqu'ici nos entretiens ont eu plus de chaleur que de suite. Nous avons beaucoup parlé de vous. Je lui ai dit, ce que vous avez oublié peut-être, que *vos ouvrages m'avaient accoutumée à penser....*" *

А такъ какъ Вольтеръ отвѣчалъ гораздо позже, 1го ноября нов. ст. изъ Ферне, что ему бы пріятнѣе было узнать что принцесса Вильгельмина „вновь пріяла св. крещеніе" въ Цареградскомъ Софійскомъ соборѣ, то императрица написала ему, уже два мѣсяца послѣ свадьбы сына своего, а именно 27го декабря 1773 (7го января 1774) года:

„Comme chef de l'Eglise grecque, je ne puis en bonne foi vous laisser dans l'erreur, sans vous répondre. Vous auriez voulu que la Grande Duchesse eût été rebaptisée dans Sainte-Sophie. *Rebaptisée*, dites vous? ah! M-r, l'Eglise grecque ne rebaptise point; elle regarde comme très bon et très authentique tout baptême

---

знаменитѣйшими писателями того времени; былъ въ перепискѣ съ Екатериной II и ею пожалованъ въ статскіе совѣтники и кавалеры ордена Св. Владиміра 2й степени. Онъ умеръ въ Готѣ 19го декабря 1808 года, 85 лѣтъ отъ рожденія (см. Вейдемейра, *Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи*, С.-Петербургъ, 1846 года, часть II, стр. 4 и *Осьмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 316 и 319).

* „Относя этотъ фактъ въ область географическихъ ошибокъ, утѣшаюсь измѣненіемъ убѣжденій ландграфини Дармштадтской, которая *одарена душей твердою и мужественною и умомъ возвышеннымъ и образованнымъ*. Четвертая ея дочь выходитъ за моего сына: церемонія бракосочетанія назначена на 29е сентября ст. ст. Какъ глава греческой церкви, я не могу не увѣдомить васъ объ обращеніи этой принцессы, оно совершилось стараніями, усердіемъ и убѣжденіями епископа Платона, который присоединилъ ее къ католической-вселенской-греческой церкви, единственной правовѣрной и господствующей на Востокѣ. Раздѣлите нашу радость и да послужитъ это вамъ утѣшеніемъ въ такое время когда ваша латинская церковь огорчена, разрознена и занята знаменитымъ паденіемъ іезуитскаго ордена.

„Вскорѣ послѣ наслѣднаго принца Дармштатскаго, я имѣла удовольствіе видѣть прибывшаго сюда г. Гримма. Его разговоры составляютъ для меня наслажденіе; но мы еще имѣемъ столько сказать другъ другу что до сихъ поръ въ нашихъ бесѣдахъ было болѣе оживленія, чѣмъ порядка и послѣдовательности. Мы много говорили объ васъ. Я ему сказала то что вы, быть-можетъ, забыли: что *ваши сочиненія пріучили меня думать*."

administré dans les autres communions Chrétiennes. La Grande-Duchesse, après avoir prononcé en langue russe la profession de foi Orthodoxe, a été reçue dans le sein de l'Eglise au moyen de quelques signes de croix, avec de l'huile odoriférante qu'on lui a administrée en grande cérémonie,—ce qui chez vous, comme chez nous,—s'appelle *confirmation*. A cette occasion, on impose un nom; mais sous ce dernier point, nous sommes plus chiches que vous, qui en donnez par douzaine; ici on n'en prend qu'un seul, et cela nous suffit....“ *

Сгруппировавъ всѣ свѣдѣнія относящіяся до мѵроломазанія и обрученія, обращаемся снова къ хронологическому порядку.

28го августа Екатерина II сообщила Ассебургу что бракосочетаніе послѣдуетъ *въ исходѣ сентября*.

Поводомъ къ этому увѣдомленію послужило между прочимъ то что еще 19го іюля Ассебургъ съ Пирмонтскихъ водъ написалъ Панину образцовое въ своемъ родѣ лисьмо, которымъ просилъ о дарованіи ему мѣста *злачна и покойна*. Вотъ какъ онъ выражался:

„Sans intérêt et sans ambition, je ne vous demanderai rien, après la protection de l'Impératrice,—dout je ne puis me passer sans être malheureux, qu'une place *tranquille, pas trop laborieuse*, et telle qu'on donne à un homme qui n'a ni la force du corps, ni celle de l'esprit pour se charger de grandes affaires, mais qui ne voudrait pas être tout-à-fait désœuvré et inulite. Voilà ma confession; elle est sincère, et ne peut révolter un ami, qui pense aussi équitablement et aussi généreusement que Vous. Mon état passiculier Vous est connu: j'ai des terres et point de bien; l'âge et les infirmités s'annoncent à la fois; ce tableau suffit, je pense, pour épuiser ce sujet.“

---

* „Какъ глава греческой церкви, я не могу по совѣсти оставить васъ въ заблужденіи, не возразивъ вамъ. Вамъ бы желательно было чтобы великая княгиня была вновь перекрещена въ Софійскомъ соборѣ. *Перекрещена*, говорите вы? О! м. г., греческая церковь не перекрещиваетъ; она считаетъ спасительнымъ и вполнѣ дѣйствительнымъ крещеніе пріятое отъ любой изъ иныхъ христіанскихъ церквей. Великая княгиня, по произнесеніи на русскомъ языкѣ исповѣданія православной вѣры, принята была въ нѣдра церкви посредствомъ благословенія крестнымъ знаменіемъ и помазанія благовоннымъ мѵромъ, что у насъ называется, какъ и у васъ, конфирмаціей. При этомъ случаѣ, дается новое имя; но, въ этомъ отношеніи, мы гораздо скупѣе чѣмъ вы, которые даете ихъ цѣлую дюжину; здѣсь даютъ только одно имя и этимъ довольствуются.“

Это письмо было представлено Папинымъ императрицѣ и на него-то она и отвѣчала 28го августа, изъ С.-Петербурга, слѣдующимъ достопримѣчательнымъ образомъ, въ отношеніи ея материнскихъ чувствъ:

Monsieur d'Assebourg. En vous créant aujourd'hui Chevalier de l'Ordre de St. Alexandre, et en signant, ce même jour votre nomination au poste de mon Ministre plénipotentiaire à Ratisbonne, place que je juge *d'après votre propre lettre*, la plus conforme à votre goût, j'ai voulu donner à connaître au public la satisfaction, que je sens de l'heureuse réussite de la commission, que vous avez eue depuis six ans, de voir et d'étudier le caractère de plusieurs Princesses d'Allemagne, à la fin de fixer mon choix sur celle qui mériterait, par ses qualités, la préférence. Mais, comme mon contentement de ce choix n'est pas seulement extérieur, mais que *je le sens vivement dans mon cœur*, je suis bien aise de vous en instruire par cette lettre particulière, que je vous fais à cet effet, et de vous remercier des peines que vous vous êtes donné à cette occasion; elles ont été couronnées par la réussite,—consolation douce que sent une âme honnête, quand elle a rempli sa tâche avec autant de bonheur, et dont assurément vous ne devez pas douter de jouir. Vous êtes instruit de mon choix et de celui de mon fils; la Princesse Wilhelmine a emporté la pomme; vous savez que cette Princesse a embrassée la religion grecque, qu'elle a été nommee Natalie Alexewna, que le lendemain elle a été fiancée, qu'elle porte depuis ce moment le titre de Grande Duchesse, que l'heureux moment des noces s'approche, j'en ai fixé le terme *à la fin de Septembre*. Vous n'ignorez pas, je pense, que ce choix eut généralement approuvé; que *Madame sa mère s'est attirée dès les premiers instants mon estime, mon amitié*; j'espère aussi qu'elle n'aura pas à regretter le pas auquel elle s'est laissée engager en venant ici, et la confiance qu'elle m'a marquée par là, mais qu'elle s'en retournera gaie, contente et tranquille. Après vous avoir entretenu de cet agréable aspect du fruit de vos travaux, il ne me reste qu'à vous assurer de la continuation des sentiments que vous me connaissez pour vous et auxquels vous vous êtes acquis en cette occasion de nouveaux droits.

Caterine. *

---

* „Г. Ассебургъ! Всемилостивѣйше жалуя васъ сегодня кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго и подписывая одновременно назначеніе ваше полномочнымъ моимъ министромъ въ Регенсбургъ, которое я считаю, по вашему же письму, наиболѣе соотвѣтствующимъ вашимъ наклонностямъ, я хотѣла привести во всеобщую извѣстность удовольствіе которое мнѣ доставило успѣшное исполненіе порученія даннаго вамъ тому шесть лѣтъ, высмотрѣть и изучить свойства нѣсколькихъ германскихъ принцессъ, для того чтобъ я могла остановить свой

Въ *Историческомъ собраніи списковъ кавалеровъ* Ассебурга однакожь вовсе нѣтъ. Вѣроятно о пожалованіи ему Александровской ленты не было публиковано въ газетахъ. Оно впрочемъ занесено въ его формулярный списокъ.

Два дня спустя, 30го августа (10го сентября), цесаревичъ и высокообрученная великая княжна адресовали Ассебургу слѣдующія письма:

1) Monsieur! Au moment de voir achever mon bonheur par mon mariage avec la Princesse Wilhelmine, *ou plutot Natalie* (car c'est le nom qu'Elle porte maintenant), je regarde comme un devoir bien cher pour moi, de vous témoigner ma sincère reconnaissance pour la part que vous avez toujours pris à tout ce qui me regarde et pour le service que vous venez de me rendre. Croyez, mon cher Monsieur, que je sens très bien le prix de ce que vous avez fait pour moi et que possédant depuis longtems déjà mon estime, *vous venez de gagner totalement ma sincère amitié.* Elle est d'autant plus vive présentement, que je sens la doceur de ma situation présente, et que je vois tous les jours par mes

---

выборъ на той изъ нихъ которая своими качествами заслужила бы предпочтеніе. Но, такъ какъ теперь, испытываемое мною удовольствіе, вслѣдствіе счастливаго окончанія сего выбора, не только наружное, но и *глубоко чувствуемое моимъ сердцемъ*, я радуюсь что могу сообщить вамъ о томъ этимъ частнымъ письмомъ, написаннымъ именно съ этою цѣлью, и поблагодарить васъ за труды которые вы несли по этому случаю; они увѣнчались успѣхомъ, что должно служить сладкимъ утѣшеніемъ для честной души, при убѣжденіи что задача выполнена столь счастливо. Этими-то чувствами вы можете нынѣ спокойно наслаждаться. Вамъ уже извѣстенъ *выборъ мой и моего сына.* Принцесса Вильгельмина *получила яблоко.* Вы знаете что она обратилась въ греческое исповѣданіе, что она наречена Наталіей Алексѣевной, что на другой день послѣдовало обрученіе, что съ тѣхъ поръ она носитъ титулъ великой княжны, что счастливый моментъ бракосочетанія приближается, что срокъ ему назначенъ *въ концѣ сентября.* Полагаю что вамъ не безызвѣстно что выборъ этотъ заслужилъ общее одобреніе; что *государыня ея* (принцессы) *мать*, съ самаго прибытія своего сюда, пріобрѣла мое уваженіе, мою дружбу; надѣюсь также что она не будетъ сожалѣть о томъ что дала себя уговорить пріѣхать сюда и о довѣріи которое она мнѣ тѣмъ оказала, но что уѣдетъ веселою, довольною и спокойною. Изобразивъ вамъ эту пріятную картину,—плодъ вашихъ заботъ,—мнѣ остается только увѣрить васъ въ продолженіи моихъ къ вамъ чувствъ которыя вамъ вѣдомы и на которыя вы, въ настоящемъ случаѣ, пріобрѣли новыя права.

„*Екатерина.*“

propres yeux se confirmer ce que vous avez si souvent écrit au sujet du caractère *de celle qui cause et causera mon bonheur*. Je ne puis vous regarder, qu'à juste titre, comme la première cause, après mon ami le comte de Panin, de tout ce qui m'arrive d'heureux dans ce moment. Je dois finir ma lettre à cause de peu de tems, mais c'est à regrêt; je me propose de vous écrire plus en détail une autre fois, en attendant je me fais un plaisir de me dire *votre ami*.

Paul. *

2) Monsieur! Si j'ai tardé quelque tems à vous annoncer moi-même mon mariage, ne l'attribuez point, M-r, à un manque de confiance à l'intérêt que vous y prenez. Non, M-r, vous en avez donné trop de preuves de votre attachement, et vous avez tant travaillé à contribuer à mon bonheur pour que j'en puisse douter. Croyez aussi, M-r, que ma reconnaissance est bien vraie et bien sincère, et je me croirai heureuse de trouver l'occasion de vous la témoigner. Je n'oublierai de même jamais les bons conseils que vous m'avez donné avant notre départ, et chercherai à les mettre à profit en toute occasion, et me les rappellerai toujours avec satisfaction, comme venant d'une personne que j'estime autant que vous, M-r, et pour laquelle je seroi toute ma vie avec la considération la plus distinguée,

M-r,
votre très affectionnée
Natalie. **

---

* „M. r. Въ минуту когда мое счастіе должно достигнуть полной мѣры чрезъ бракосочетаніе мое съ принцессой Вильгельминой, или вѣрнѣе сказать, съ Наталіей (ибо она теперь носитъ это имя), считаю дорогимъ для себя долгомъ засвидѣтельствовать вамъ мою искреннюю благодарность за участіе которое вы всегда принимали во всемъ до меня касающемся, и за оказанную мнѣ вами нынѣ услугу Вѣрьте что я вполнѣ знаю цѣну того что вы для меня сдѣлали, и что, давно уже пользуясь моимъ уваженіемъ, *вы теперь совершенно пріобрѣли мою искреннюю дружбу*. Она въ настоящее время тѣмъ живѣе что я чувствую всю сладость моего теперешняго положенія, и что я своими глазами ежедневно вижу подтвержденіе того что вы такъ часто писали о характерѣ той которая составляетъ и будетъ составлять мое благополучіе. Я долженъ по всей справедливости видѣть въ васъ перваго виновника, послѣ друга моего графа Панина, всего того что со мною теперь совершается счастливаго. Я принужденъ окончить свое письмо за недосугомъ, но сожалѣю объ этомъ и намѣреваюсь написать вамъ другой разъ подробнѣе; между тѣмъ, мнѣ пріятно назваться *вашимъ другомъ*.

„Павелъ."

** „M. r. Если я пишу вамъ нѣсколько позже, чѣмъ собиралась, чтобъ увѣдомить васъ о моей свадьбѣ, прошу васъ, м. г., не видѣть въ этомъ

О бракосочетаніи Екатерина II писала уже болѣе опредѣлительно главнокомандующему въ Москвѣ, князю М. Н. Волконскому (ср. *Русск. Вѣстн.* 1870, № 9, стр. 97), заканчивая свое письмо къ нему отъ 25го сентября слѣдующею припиской (P. S.):

„Сего 29го будетъ свадьба сына моего. Я поведеніемъ невѣсты его и ея матери весьма довольна. Оба они люди любезные.“ (*Осьмн. вѣкъ*, Москва, 1868, книга I, стр. 96.)

28го числа того же мѣсяца составленъ былъ, по примѣру подписаннаго въ 1745 году самою Екатериной, при ея бракосочетаніи, акта отреченія отъ наслѣдства и приданаго въ Германіи, *Актъ отрицанія ея императорскаго высочества государыни великой княжны Наталіи Алексѣевны отъ наслѣдства въ Гессенъ-Дармштатскихъ земляхъ и отъ опредѣленнаго приданаго.* Актъ этотъ сохранился въ двухъ экземплярахъ; нѣмецкій текстъ начинается словами: „Von Gottes Gnaden Wir Natalia Alexiewna, verlobte Grossfürstin alles Reussen, geborene Landgräfin (?) zu Hessen“, etc.,* и подписанъ того же числа такъ: Natalia, Paul, со скрѣпой вице-канцлера графа Панина и барона Мозера, уполномоченнаго ландграфа Лудвига IX. На русскомъ переводѣ написано: „Копія дана дармштадтскому министру барону Мозеру.“

съ моей стороны, недостатокъ увѣренности въ вашемъ ко мнѣ участіи. Нѣтъ, м. г., вы дали слишкомъ много доказательствъ своей привязанности и такъ много содѣйствовали моему счастію чтобы мнѣ возможно было сомнѣваться въ васъ. Повѣрьте также, м. г., что моя благодарность правдива и очень искренна, и что я сочту себя счастливою найти случай засвидѣтельствовать ее вамъ. Я также никогда не забуду добрые совѣты которыми вы меня напутствовали и постараюсь ими пользоваться при каждомъ удобномъ случаѣ и буду припоминать ихъ съ удовольствіемъ, какъ преподанные лицомъ столь уважаемымъ мною какъ вы и для котораго я останусь всю жизнь, съ отличнымъ почтеніемъ,

„М. г.
„доброжелательною
„*Наталія.*“

* Божіею милостію, мы, Наталія Алексѣевна, высокообрученная великая княжна Всероссійская, рожденная ландграфиня (?) Гессенская, и пр.

Въ составъ этого приданаго великой княжны и независимо отъ того что̀ ей предназначалось ея августѣйшими родителями, входили и 20.000 тогдашнихъ рейнъ-гульденовъ, которые, въ подобныхъ случаяхъ, чины дармштадтскаго ландтага обыкновенно подносили въ видѣ брачнаго подарка каждой принцессѣ ландграфскаго дома. Ландграфиня Каролина предназначила эту сумму въ пользу свата—Ассебурга, и, съ соизволенія императрицы, онъ принялъ этотъ подарокъ. *

Такимъ образомъ, высокообрученная невѣста цесаревича, наканунѣ бракосочетанія съ нимъ, отрѣшилась отъ всякихъ матеріальныхъ узъ съ прежнимъ своимъ отечествомъ и предстала предъ алтаремъ *православною великою княжной Всероссійскою.*

Еще 20го сентября великому князю Павлу Петровичу минуло 19 лѣтъ, ** и совершеннолѣтіе его отпраздновано было вмѣстѣ съ бракосочетаніемъ; *** но такъ какъ правильнаго, коренного закона о порядкѣ престолонаслѣдія тогда еще не было, и какъ, по увѣренію нѣкоторыхъ писателей, совершеннолѣтіе наслѣдника снова праздновалось въ 1775 году, въ Москвѣ, то-есть когда, черезъ два года, ему минуло 21, то остается полагать что, вступая въ 20й годъ своего возраста, онъ только пріобрѣталъ право, въ случаѣ кончины своей матери, взойти на престолъ, но не иначе царствовать какъ при помощи совѣта регентства, причемъ и самое воспитаніе его считалось уже оконченнымъ. ****

Бракосочетаніе цесаревича совершилось въ воскресенье, 29го сентября (10го октября) 1773 года, въ Казанскомъ соборѣ, и это торжество имѣетъ до сихъ поръ то знаменательное значеніе что съ него начинается *Метрическая книга Россійскаго Императорскаго Дома*, заведенная лишь по повелѣнію въ Бозѣ почившаго государя Николая Павловича и хранящаяся съ тѣхъ поръ въ ризницѣ такъ-называемой Соборной (то-есть большой, а не малой) церкви Зимняго Дворца, гдѣ, съ исхода прошлаго

---

* *Записки* Ассебурга, стр. 269.

** Онъ родился 20го сентября 1754 года, ср. *Русск. Вѣст.* 1870 № 1й, стр. 10.

*** Вейдемейеръ, ч. I, стр. 136; *Осьмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 96 и Колотова *Дѣянія Екатерины II*, С.-Петербургъ, 1811. Т. II, стр. 100.

**** См. въ слѣдующей главѣ рескриптъ и награды бывшему его воспитателю, графу Н. И. Панину.

столѣтія, и совершается бракосочетаніе всѣхъ августѣйшихъ членовъ Императорской фамиліи.

Любопытно было бы собрать достовѣрныя свѣдѣнія о томъ: когда и гдѣ происходили подобныя церемоніи *до 1773 года?* О томъ, напримѣръ, что Петръ Великій, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1707 года, тайно обвѣнчался съ Екатериной I въ Троицкой церкви, на Петербургской сторонѣ (то-есть въ первомъ выстроенномъ имъ въ новой столицѣ храмѣ, гдѣ при немъ и праздновались такъ-называемые *викторіальные* дни), и что торжественное ихъ бракосочетаніе послѣдовало 19го февраля 1712 года въ Исакіевскомъ соборѣ (тогда еще деревянномъ) извѣстно намъ изъ замѣчательнаго труда М. Д. Хмырова: *Алфавитно-справочный перечень государей Русскихъ*, С.-Петербургъ, 1870, стр. 35 и 36; точно также какъ и о томъ что свадьба цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ Гольштейнскимъ (отцомъ Петра III) совершилась въ той же, до сихъ поръ деревянной, Троицкой церкви, 21го мая 1725 года, знаемъ мы изъ весьма интересной брошюры, изданной въ прошломъ году П. Н. Петровымъ, подъ заглавіемъ: *Цесаревна Анна Петровна, 1708—1728, біографическій очеркъ.* О томъ что муропомазаніе и обрученіе Екатерины II совершились *въ Москвѣ* 28го и 29го іюня 1744 года въ придворной церкви Головинскаго дворца или Анненгофа знаемъ изъ ея *Записокъ*, стр. 17, и *Осьмнадц. вѣкъ*, книга I, стр. 423—424; но такъ какъ о бракосочетаніи ея съ Петромъ III, послѣдовавшемъ 21го августа слѣдующаго 1745 года, сама она не опредѣляетъ гдѣ именно оно происходило, то по *Запискамъ* ея (стр. 46—48 и 51) и княгини Дашковой (стр. 25), остается догадываться что торжество это, которое праздновалось 10 дней сряду, состоялось въ деревянномъ Лѣтнемъ Дворцѣ, откуда въ сентябрѣ мѣсяцѣ царская фамилія переѣхала въ деревянный же Зимній Дворецъ, на Мойкѣ, такъ какъ величественное произведеніе графа Растрелли, нынѣшній Зимній Дворецъ еще не былъ выстроенъ (*Русск. Старина*, за іюнь сего 1871, стр. 782).

IV.

Первый раздѣлъ Польши. — Одновременное празднованіе совершеннолѣтія и бракосочетанія цесаревича Павла Петровича.—Выбитіе медали, рескрипты, награды, подарки. — Стихи Сумарокова и Державина. — Оба Панины недовольны.—Пугачевщина и Тараканова.—Отъѣздъ ландграфини въ Берлинъ.—Ея грустныя предчувствія и кончина.

Вслѣдъ за обрученіемъ великаго князя Павла Петровича, сближеніе наше съ Пруссіей доставило важный успѣхъ политикѣ Екатерины II, и столько же *внѣшней*, сколько и *внутренней*: 7го сентября 1773 года Польскій сеймъ изъявилъ согласіе на подписанный еще слишкомъ за годъ предъ тѣмъ между С.-Петербургскимъ, Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами (25го іюля 1772) общій актъ о первомъ раздѣлѣ. Въ глазахъ *внѣшнихъ* недоброжелателей, Россія возвеличивалась пріобрѣтеніемъ новыхъ, большею частію родныхъ ей силъ, а такъ какъ уступленныя ей области издревле составляли ея достояніе, то *внутри* Имперіи такое торжество національной политики императрицы должно было, казалось, умножить ея популярность. Событія однакожъ не вполнѣ оправдали эту надежду, и вскорѣ оказалось что даже и это пріобрѣтеніе отнюдь не было розой безъ шиповъ.*

Покамѣсть заимствуемъ слѣдующія, по возможности сжатыя, извѣстія изъ весьма подробнаго и нынѣ уже очень рѣдкаго *Описанія высокобрачнаго сочетанія* и пр., тогда же (въ 1773) изданнаго въ С.-Петербургѣ обществомъ *старающимся* о напечатаніи книгъ и продававшагося въ свое время по 20 коп. за экземпляръ въ Луговой Милліонной улицѣ, ** у книгопродавца К. В. Миллера, *** причемъ сохраняемъ однакожъ,

---

* На медали выбитой уже по случаю *третьяго* раздѣла (1795) изображена *колючая съ шипами роза* (Записки Державина, стр. 348 и 349).

** *Луговою* или *Малою* Милліонной, въ противуположность съ *Большою*, называлась та часть Большой Морской улицы которая заключается между аркой главнаго штаба и Невскимъ проспектомъ.

*** Намъ извѣстны только три экземпляра этой брошюры, въ библіотекахъ: Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, гг. академика А. А. Куника и М. Д. Хмырова.

въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то что относительно слога и терминологіи намъ кажется характеристичнымъ въ самомъ текстѣ:

По данному утромъ съ крѣпости изъ пяти пушекъ сигналу, всѣ придворные дамы и кавалеры, также и гг. *члены учрежденнаго при дворѣ ея императорскаго величества совѣта* * съѣхались въ Зимній Дворецъ, и прочія первыхъ четырехъ классовъ особы въ церковь Казанскія Богородицы.

Въ то же время гвардейскіе, артиллерійскіе и пѣхотные (армейскіе) полки, подъ командой генералъ-аншефа, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковника ** Ѳед. Ив. Водковскаго, поставлены были по обѣимъ сторонамъ улицъ (что теперь называется *шпалерами*) въ двѣ шеренги, начавъ отъ среднихъ воротъ дворца по Луговой Милліонной, Невской перспективѣ и вокругъ Казанскаго собора. Сіе разстояніе занимали 8.028 человѣкъ.

По отправленіи въ дворцовой церкви литургіи и когда императрица и ихъ высочества были въ готовности къ отъѣзду, съ Адмиралтейской крѣпости*** данъ былъ сигналъ изъ 21 пушки.

---

* Документы свидѣтельствующіе объ административной и даже въ нѣкоторой мѣрѣ дипломатической (если не политической) дѣятельности этого собранія, состоявшаго при Екатеринѣ II изъ весьма немногихъ высшихъ чиновъ, затѣмъ уничтоженнаго Павломъ I и правильно учрежденнаго, но уже совсѣмъ на иныхъ основаніяхъ, Александромъ I, вошли въ составъ архива нынѣшняго государственнаго совѣта и въ 1869 году изданы нашимъ правительствомъ, за 1768—1796 годы, въ двухъ томахъ, отпечатанныхъ въ С.-Петербургѣ, въ типографіи II отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи, подъ заглавіемъ: *Архивъ Государственнаго Совѣта.*

** Сама императрица была полковникомъ гвардейскихъ полковъ. Ср. *Русск. Вѣст.* 1870 № 1й, стр. 24 и 34.

*** Далѣе, въ этомъ *Описаніи* почти постоянно будетъ упоминаться о *двухъ* крѣпостяхъ, то-есть о Петропавловской, существующей нынѣ, и объ Адмиралтействѣ, которое въ то время окружено было землянымъ валомъ и канавой. Они въ послѣдствіи замѣнены бульваромъ, а нынѣшній фасадъ зданія отдѣланъ въ началѣ царствованія Александра I, при морскомъ министрѣ адмиралѣ П. В. Чичаговѣ, томъ самомъ который, командуя въ 1812 году цѣлымъ корпусомъ, допустилъ Наполеона I перейти Нѣманъ и выбраться изъ Россіи. Это былъ сынъ адмирала В. Я. Чичагова, который защищалъ Петербургъ отъ шведскаго флота, предводительствуемаго королемъ Густавомъ III, и получилъ за то Георгіевскую ленту.

Тогда начался выходъ изъ покоевъ до каретъ, при играніи на трубахъ и при битіи на литаврахъ, слѣдующимъ порядкомъ:

1. Церемоніймейстеръ и оберъ-церемоніймейстеръ, съ жезлами.

2. Камеръ-юнкеры и камергеры по два въ рядъ.

3. Тайные совѣтники, отправляющіе особливыя должности при ея императорскомъ величествѣ.

4. Гофмейстеръ и егермейстеръ.

5. *Первенствующіе* * чины двора и члены совѣта.

6. Гофмаршалъ и оберъ-гофмаршалъ, съ жезлами.

7. Ея величество, въ императорской коронѣ и мантіи; шлейфъ несли камергеры: Нарышкинъ, Бибиковъ, Обуховъ и князь Несвицкій; а конецъ шлейфа Будлянскій (племянникъ гетмана Разумовскаго). По правую сторону, немного впереди, шелъ дежурный генералъ-адъютантъ графъ Брюсъ, а по лѣвую оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ.

8. Подлѣ, немного уступя назадъ, шли: великій князь съ правой, а великая княжна съ лѣвой стороны; шлейфъ *робы* ея высочества несли камеръ-юнкеры гр. Шереметевъ и кн. Юсуповъ.

9. Ея высококняжеская свѣтлость ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская съ двумя свѣтлѣйшими принцессами, ея дочерьми; ихъ свѣтлости: наслѣдный принцъ Гессенъ-Дармштадтскій и оба принца Шлезвигъ-Гольштейнъ-Готторпскіе, Вильгельмъ-Августъ и Петръ-Фридрихъ,

и 10. Оберъ-гофмейстерина, статсъ-дамы, фрейлины; также гофъ-дама и фрейлины ландграфини.

Когда императрица и ихъ высочества сѣли въ карету, шествіе началось въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Рота конной гвардіи, *въ предвожденіи* ротмистра и другихъ офицеровъ, съ обнаженными палашами, съ трубами и литаврами

2. *Съ* конюшни ея величества *ясельничій верхомъ*.

3. Два дворцовыхъ конюха верхами; въ запряженной цугомъ открытой придворной коляскѣ церемоніймейстеръ; а по сторонамъ по одному придворному лакею.

4. Унтеръ-шталмейстеръ и за нимъ два гофъ-фурьера верхами.

5. Восемь дворцовыхъ каретъ цугомъ, въ которыхъ сидѣли, между прочимъ, тайные совѣтники: баронъ Черкасовъ, ** Стрекаловъ, Козминъ, Елагинъ, генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій,

---

* Нынѣ называются *первыми* или *первенствующими* чинами двора, въ отличіе отъ *вторыхъ*. Ср. *Русск. Выст.* 1870, № 10. стр. 518.

** Ср. *Русск. Вѣст.* 1870, № 3, стр. 189 и 190.

дѣйств. тайн. совѣтникъ Бецкій, первые чины двора, гр. Н. И. Панинъ и фельдмаршалы: гр. Чернышевъ, кн. Голицынъ и гр. Разумовскій. Около каретъ шли придворные лакеи и егеря.

6. Принцы: Дармштадтскій и Гольштейнскіе въ одной каретѣ. Возлѣ нея, верхомъ, ихъ кавалеры: Рацемгаузенъ и графъ Меллинъ; по сторонамъ шли дворцовые гайдуки, а на ремняхъ сидѣли лажи.

7. Литаврщикъ и 4 дворцовыхъ (?) трубачей, верхами.

8. 16 ѣздовыхъ сержантовъ.

9. 2 конюха верхами; въ открытой коляскѣ оберъ-церемоній-мейстеръ Капталинскій; возлѣ *ясельничій*, а по сторонамъ по одному лакею.

10. 4 конюха, и въ такой же коляскѣ гофмаршалъ Григ. Никит. Орловъ.

11. 6 конюховъ, и въ коляскѣ оберъ-гофмаршалъ кн. Голицынъ.

12. Камеръ-фурьеръ верхомъ, *изъ ливреи* ея величества 8 *скороходовъ*, 6 камеръ-лакеевъ и 24 лакея пѣшіе, по 2 въ рядъ. (*Скороходы* и теперь имѣются при дворѣ; костюмъ ихъ очень оригиналенъ и красивъ.)

13. Гофмейстеръ *пажескій* (то-есть надъ лажами) верхомъ; за нимъ ѣхали: 12 лажей и 4 камеръ-лажа, по 2 въ рядъ.

14. 2 берейтора верхами; потомъ придворные кавалеры (15 камеръ-юнкеровъ и 12 камергеровъ,—въ *Описаніи* поименованы), всѣ верхами, по два въ рядъ, младшіе напереди.

15. Въ должности шталмейстера, генералъ-майоръ Ребиндеръ,* верхомъ.

16. Ея величество, въ парадной каретѣ, заложенной 8ю лошадьми; *насупротивъ* сидѣли ихъ высочества. У кареты верхами, по правую сторону оберъ-шталмейстеръ, по лѣвую дежурный генералъ-адъютантъ; предъ каретой сидѣли *на пасалѣ* (ремняхъ) два лажа; по обѣимъ сторонамъ кареты, *для поддерживанія оныя*, шли по 3 гайдука, а лошадей вели 8 конюховъ.

17. Кавалергардскій корпусъ верхами съ обнаженными палашами, подъ предводительствомъ своего шефа, его свѣтлости кн. Григ. Григ. Орлова; а *въ замкѣ* (въ концѣ) ѣхалъ того корпуса поручикъ, генералъ-аншефъ гр. Алексѣй Григ. Орловъ.

18. Ландграфиня съ двумя дочерьми, въ каретѣ, при которой ѣхали: унтеръ-шталмейстеръ и ея свѣтлости кавалеръ и

---

* Ср. *Русск. Вѣст* 1870, № 9, стр. 108, конецъ примѣчанія.

шли гайдуки; на пасахъ сидѣли 2 пажа; а позади ѣхалъ камеръ-пажъ.

19. Въ дворцовой каретѣ оберъ-гофмейстерина, графиня Анна Карловна Воронцова (рожденная графиня Скавронская).

20. 4 кареты со статсъ-дамами (въ *Описаніи* всѣ 8 поименованы).

21. 9 каретъ съ фрейлинами и дамами Дармштадтскаго двора (тамъ же всѣ 17 поименованы).

22. *Деташаментъ* конной гвардіи, состоявшій изъ 60 человѣкъ.

Подъѣзжая къ западнымъ дверямъ церкви, всѣ выходили изъ каретъ и ожидали прибытія императрицы *на рундукъ* (паперти или помосткахъ), придворные кавалеры, спѣшившись, становились поларно для предшествованія ея величеству; а когда, при колокольномъ звонѣ, императрица вышла изъ кареты, то шествіе началось тѣмъ же порядкомъ, какъ изъ дворца.

Духовенство, ожидавшее въ полномъ облаченіи прибытія царской фамиліи, встрѣтило ее посреди *рундука:* первенствующій архіерей Гавріилъ, архіепископъ с.-петербургскій, благословилъ входъ ея крестомъ, а Иннокентій, епископъ псковскій, освященною водой, и препроводили ея величество и ихъ высочества до ихъ мѣстъ.

Церковь была по сему случаю убрана приличнымъ украшеніемъ. У самаго императорскаго мѣста, которое было подъ балдахиномъ, покрытымъ зеленымъ бархатомъ, обложеннымъ вкругъ въ два ряда золотымъ позументомъ и бахрамой, на правой сторонѣ сдѣлано было мѣсто для ихъ высочествъ, покрытое краснымъ сукномъ съ золотымъ позументомъ; а со стороны ихъ высочествъ, у стѣны, близъ праваго клироса, для иностранныхъ принцевъ и принцессъ, особое же мѣсто, покрытое краснымъ же сукномъ, обложеннымъ въ одинъ рядъ золотымъ позументомъ.

По обѣимъ сторонамъ церкви сдѣланы были мѣста съ *уступками* (ступенями?), изъ которыхъ нижнія были съ перилами. Тамъ стояли по правую сторону дамы: придворныя и первыхъ четырехъ классовъ, а по лѣвую тѣхъ же классовъ кавалеры; посреди же церкви, на особливыхъ мѣстахъ *о двухъ уступахъ*, придворные чины и члены совѣта.

У сѣверныхъ дверей было особое мѣсто для чужестранныхъ министровъ.

Для прочихъ же обоего пола особъ 5го — 8го классовъ, также россійскаго и *иностраннаго* (?) знатнаго шляхетства, сдѣланы были возвышенныя мѣста, по сторонамъ западныхъ вратъ, съ правой—для дамъ, съ лѣвой—для мущинъ.

Всѣ эти мѣста, а также полъ, *рундукъ* и площадка предъ церковью до воротъ * покрыты были краснымъ сукномъ.

При *вшествіи* ея величества въ церковь пропѣтъ былъ псаломъ 20: *Господи! силою Твоею возвеселится царь*; послѣ чего отправленъ былъ синодальными членами и другими духовными *чинами* о здравіи императрицы и ихъ высочествъ благодарственный молебенъ, послѣ чего пѣли псаломъ 127: *Блажени вси боящіеся Господа*.

Тогда государыня, взявъ правою рукой цесаревича, а лѣвою великую княжну, соизволила повести и поставить на нарочноустроенное возвышенное вѣнчальное мѣсто, покрытое зеленымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ и бахрамой. **

Вслѣдъ за симъ с.-петербургскій архіепископъ Гавріилъ началъ совершать благословеніе брака обычнымъ порядкомъ восточныя церкви.

Вѣнцы подносили: духовникъ ея величества, благовѣщенскій

---

* Значитъ была еще ограда. Самая церковь была та деревянная гдѣ, на этомъ же рундукѣ, за одиннадцать лѣтъ предъ тѣмъ, Екатерина II въ день воцаренія своего встрѣчена была митрополитомъ и всѣмъ духовенствомъ съ крестомъ и св. водой, ср. описаніе миніатюръ Реймерса въ *Русск. Вѣст.* 1870, №-3, стр. 166 и 167, а также описаніе табатерки принадлежащей графу В. П. Орлову-Давыдову, въ одномъ изъ примѣчаній къ I главѣ настоящаго заключительнаго разказа. Теперешній соборъ заложенъ Павломъ I и выстроенъ при Александрѣ I, академикомъ Воронихинымъ.

** Извлекая преимущественно изъ *Описанія* то чѣмъ тогдашній церемоніалъ отличался отъ современнаго намъ, замѣтимъ что при вѣнчаніи великихъ князей и великихъ княженъ въ церкви Зимняго Дворца, ни для кого никакихъ возвышенныхъ или съ уступами мѣстъ не устраивается. Царская фамилія помѣщается какъ и всегда за рѣшеткой направо, государственный же совѣтъ налѣво; а по сю сторону рѣшетки становятся направо дипломатическій корпусъ, дамы придворныя и городскія; лѣвую же сторону и средину церкви занимаютъ: придворные, военные и морскіе чины. Процессіи въ золотыхъ экипажахъ и съ ѣдущими верхомъ камергерами и камеръ-юнкерами отправляются только при торжественной встрѣчѣ высокообрученныхъ невѣстъ для сопровожденія ихъ въ Зимній Дворецъ.

протоіерей Іоаннъ, и св. синода членъ, Преображенскаго полковаго собора протоіерей Андрей; на главы же возлагалъ преосвященный Гавріилъ; а оные держали: надъ его высочествомъ принцъ Гольштейнскій (старшій), а надъ великою княжной наслѣдный принцъ Дармштадтскій.

Чашу вина, по церковному чиноположенію, подносилъ тотъ же архіерей.

По прочтеніи Евангелія, на ектеніяхъ о здравіи ея высочества уже возглашали ее великою княгиней.

Когда, по совершеніи таинства, высокоповобрачные отъ мѣста бракосочетанія отступили, тогда преосв. Иннокентій, архіепископъ псковскій, произнесъ проповѣдь, * по окончаніи которой и послѣ пролѣтія *Тебе Бога хвалимъ*, во время возглашенія многолѣтія, члены св. синода и все присутствующее духовенство приносили всеподданнѣйшее поздравленіе императрицѣ и ихъ высочествамъ.

Въ это время, по данному дежурнымъ генералъ-адъютантомъ сигналу, началась пушечная пальба съ крѣпостей: съ Санктпетербургской (нынѣ называемой Петропавловскою) 151, да съ Адмиралтейской 121 выстрѣлъ; а отъ стоявшихъ въ строю солдатъ производился троекратный огонь, ** причемъ во всемъ городѣ при церквахъ начался колокольный звонъ.

Выходъ изъ церкви и обратный поѣздъ совершились тѣмъ же порядкомъ какъ и прибытіе въ оную. Императрица вышла изъ кареты у большаго подъѣзда (то-есть проѣхавъ снова чрезъ среднія ворота, до самаго конца двора) Зимняго Дворца и, при играніи на трубахъ и битіи литавръ, прошла чрезъ парадную лѣстницу (нынѣ называемую *Посольскою*, escalier des Ambassadeurs, и имѣющею большой подъѣздъ, посреди дворца, на набережную) въ свои внутреннія покои, куда слѣдовали за нею ихъ высочества и ихъ свѣтлости. Тамъ цесаревичъ и великая княгиня „приносили ея величеству покорнѣйшую свою благодарность за высочайше оказанную къ нимъ материнюю милость, что̀ учинили равно ландграфиня и ея фамилія“.

---

* Это теперь также вышло изъ обычая. Въ концѣ *Описанія* проповѣдь преосв. Иннокентія занимаетъ 12 страницъ. Она безцвѣтна и не написана на какой бы то ни было опредѣленный текстъ. Удачно выражено только архіепископомъ благодареніе Екатеринѣ *отъ имени* Россіи.

** Теперь довольствуются пушечною пальбой.

Оставимъ теперь *Описаніе высокобрачнаго сочетанія*, чтобы вспомнить что, по свидѣтельству нѣсколькихъ писателей, въ этотъ самый день разнеслась по Петербургу вѣсть о появленіи Пугачева на берегахъ Яика (*Записки Державина*, Москва, 1860 года, стр. 49, и *Осьмнадцатый вѣкъ*, кн. I, стр. 96). До тѣхъ поръ онъ, какъ участникъ въ мятежѣ, вспыхнувшемъ еще въ 1771 году между казаками, вслѣдствіе реформъ которыя начали было вводить президентъ военной коллегіи, графъ З. Г. Чернышевъ, содержался въ тюрьмѣ, въ Казани. 19го іюня 1773 года Пугачевъ, до приведенія надъ нимъ въ исполненіе приговора о наказаніи его плетьми и ссылкѣ въ Пелымъ на каторгу, бѣжалъ и 18го сентября началъ злодѣйствовать подъ Яицкимъ городкомъ, во имя мнимой *законности*, то-есть *уже выдавалъ себя за Петра III* (см. показаніе казака Кожевникова, *Сочиненія Пушкина*, С.-Петербургъ, 1871 года, томъ VI, *Исторія Пугачевскаго бунта*, стр. 7—15. А. С. Пушкинъ не говоритъ въ какой именно день это извѣстіе пришло въ столицу; но на стр. 24 свидѣтельствуетъ что императрица *съ безпокойствомъ* обратила вниманіе на возникавшее бѣдствіе).

Это бѣдствіе было дѣломъ Франціи и Польши, и такъ-сказать первымъ отголоскомъ раздѣла. Французское правительство видѣло съ неудовольствіемъ военныя дѣйствія наши противъ Турціи, сближеніе съ Пруссіей и усилившееся отъ того вліяніе наше въ Варшавѣ. Участіе Пулавскаго и конфедератовъ, находившихся въ то время въ Россіи, въ этомъ новомъ изданіи казачьяго возстанія (пока оно и ихъ не привело въ ужасъ), равно какъ употребленіе Пугачевымъ гольштейнскаго знамени (*Записки Державина* стр. 59), сношенія его съ заграничными раскольниками и современное появленіе подготовленной Радзивиломъ обманщицы Таракановой ясно доказываютъ что крамола была подогрѣта *извнѣ*, и что уже тогда Франція пыталась загребать жаръ руками Поляковъ. (Почти таковъ взглядъ П. К. Щебальскаго на эти событія, въ замѣчательныхъ статьяхъ его: *Начало и характеръ Пугачевщины*, въ *Русск. Вѣстн.* 1865 года.)

Кстати замѣтимъ что если, по свидѣтельству княгини Дашковой (стр. 376 ея *Записокъ*), Екатерина II, для пріобрѣтенія популярности, ѣзжала молиться на гробницѣ Петра Великаго, то, сколько намъ извѣстно, она не имѣла обыкновенія посѣщать Казанскій соборъ, когда, послѣ отсутствія изъ Петербурга, возвращалась туда. Такъ, въ 1764 году, по прибытіи изъ

Риги, послѣ арестованія Мировича, она прямо пріѣхала въ Зимній Дворецъ (*Русск. Вѣстн.* 1870 года № 3, стр. 167), и только въ экстренномъ случаѣ, возвращаясь въ 1768 году изъ Царскаго Села въ столицу, послѣ привитія себѣ оспы, *заѣхала* въ Казанскій соборъ (тамъ же, № 2, стр. 564). Вслѣдствіе сего мы въ правѣ полагать что 29го сентября 1773 года она *въ первый разъ* послѣ своего воцаренія, торжественнымъ поѣздомъ подъѣхала къ этой церкви и вышла, окруженная блестящимъ дворомъ, на ту самую паперть гдѣ, 27го іюня 1762 года, по принятіи присяги Измайловцевъ, привѣтствована и признана была духовенствомъ *царствующею* (еще при живомъ и не отрекшемся супругѣ) императрицей и самодержицей. Окруженная толпами народа, взывавшими къ ней и благословлявшими ее, она отправилась оттуда во дворецъ.... * Воспоминаніе обо всемъ происходившемъ за 11ть лѣтъ предъ тѣмъ не могло не придти ей, хоть невольно, на память теперь именно, когда она дѣлала первый шагъ къ утвержденію на престолѣ уже не себя самой, а своей династіи. Странно сближеніе между этими двумя посѣщеніями Казанскаго собора, и полученіе, въ день втораго изъ нихъ, извѣстія о самозванцѣ вооружившемся именемъ Петра III! Не знаемъ въ которомъ часу Екатерина получила эту прискорбную вѣсть; знаемъ только изъ *Описанія* что „торжество высокобрачнаго сочетанія“ повидимому ни на минуту не прервалось. Замѣтимъ однакожъ мимоходомъ что въ описаніи всего *этого дня* не упоминается о зрителяхъ парадnаго поѣзда, ни о народныхъ кликахъ. Впрочемъ мы увѣрены что зрителей было много и на улицахъ, и у оконъ, и на балконахъ (которые только не были увѣшаны, какъ это теперь водится, коврами и флагами), даже на крышахъ; что раздавались привѣтственные возгласы; но думаемъ что въ *Описаніи* это пройдено молчаніемъ единственно вслѣдствіе тогдашняго обыкновенія при подобныхъ церемоніяхъ ставить публику и особенно простой народъ ни во что!... Однакожъ празднества для него были на 3й и на 13й день послѣ бракосочетанія (см. далѣе).

Скажемъ относительно *маркиза* Пугачева, какъ называлъ его Вольтеръ, что еще весной слѣдующаго 1774 года, Екатерина II очень не охотно отвѣчала на нескромные вопросы Вольтера о мятежникѣ, оспаривая у бунта всякій характеръ *международной*

* Ср. *Русск. Вѣст.* 1870, № 3, стр. 167.

(то-есть французско-польско-турецкой) интриги и отзываясь что Пугачевъ просто бродяга и разбойникъ (brigand), пока, ровно черезъ годъ послѣ свадьбы цесаревича, имѣла возможность сообщить своему неугомонному корреспонденту что M-r de Pougatscheff разбитъ на голову и пойманъ (письма №№ 137, 138 и 142, 4го марта, 9го августа и 22го октября 1774 года).

Этотъ бунтъ, въ усмиреніи котораго принималъ участіе Державинъ, не помѣшалъ ему написать тогда же (въ 1773 году) оду на бракосочетаніе великаго князя, не вошедшую въ послѣдствіи времени въ собраніе его сочиненій (см. *Соврем.* 1845 года № 2, стр. 152, статью Я. К. Грота); а Сумароковъ лишь въ 1774 году поднесъ свои оды, — одну цесаревичу, другую цесаревнѣ (Ср. *Русскій Архивъ* сего 1871 года, № 10, стр. 1075, статью М. Н. Лонгинова *Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова*).

Возвращаемся къ *Описанію*.

Пока императрица находилась въ своихъ покояхъ съ новобрачными, всѣ бывшія въ церкви особы первыхъ четырхъ классовъ, а также чужестранные министры собрались въ „Кавалергардской“, * куда ея величество нѣсколько времени спустя вышла съ ихъ высочествами, „изволила отъ оныхъ персонъ принять поздравленіе и всемилостивѣйше къ рукѣ жаловать, а потомъ возвратиться паки въ свои покои.“

Когда же все къ столу приготовлено и о томъ императрицѣ доложено было отъ оберъ-гофмаршала, гофмаршала, оберъ-церемоніймейстера и церемоніймейстера, ** то ея величество съ ихъ высочествами „въ препровожденіи“ ихъ свѣтлостей и всего своего придворнаго „стата“ (при той же военной музыкѣ) изволила шествовать къ столу, который поставленъ былъ на (?) тронѣ (то-есть на ступеняхъ трона), подъ балдахиномъ, въ послѣдней аванзалѣ.*** Вправо отъ императрицы сѣли цесаревичъ,

---

* Такъ и теперь называется въ Зимнемъ Дворцѣ комната гдѣ постоянно находится караулъ отъ кавалергардскаго полка. Поздравленія же дипломатическаго корпуса въ Новый Годъ и въ иныхъ случаяхъ принимаются большею частью въ малой (Петровской) тронной залѣ.

** Нынѣ въ подобныхъ случаяхъ докладываетъ одинъ только оберъ-гофмаршалъ.

*** Нынѣ такъ-называется ближайшая къ посольской лѣстницѣ зала бель-этажа. Теперь такіе банкеты бываютъ въ третьей оттуда залѣ, прежде называвшейся *Бѣлою*, нынѣ же называемой *Николаевскою*, съ

ландграфиня и обѣ ея дочери; влѣво: цесаревна и принцы Дармштадтскій и Гольштейнскіе.

За креслами государыни стояли: оберъ-егермейстеръ и оберъ-гофмейстеръ; питье подносилъ оберъ-шенкъ, а кушанья раздавалъ какъ ея величеству, такъ и ихъ высочествамъ оберъ-гофмаршалъ. Высокоповобрачнымъ служили два камергера, ихъ свѣтлостямъ камеръ-юнкеры; а кушанье раздавали два камергера. Носили его пажи и передавали метрдотелю; а отъ него принималъ и на столъ ставилъ: предъ императрицей гофмаршалъ, а для ихъ свѣтлостей—метрдотель. Предъ тропомъ стояли: оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ съ жезлами.

Въ продолженіе стола, въ той же аванзалѣ, на *нарочно устроенномъ оркестрѣ*, играла ея величества *камерная* (то-есть комнатная) вокальная и инструментальная музыка, съ хоромъ *придворныхъ пѣвчихъ*. Насупротивъ оркестра, съ другой стороны, было *особое мѣсто для зрителей*.*

За здравіе или при играніи на трубахъ и при битіи литавръ:

1) Государь великій князь началъ здравіе ея императорскаго величества, причемъ выпалено было изъ 51 пушки;

2) Ея величество—здравіе ихъ высочествъ, съ выстрѣломъ изъ 31 пушки,

и 3) Ихъ высочества—благополучнаго государствованія ея величества, съ выстрѣломъ изъ 51 пушки.**

тѣхъ поръ какъ въ ней помѣщенъ портретъ императора Николая Павловича. Ни балдахина, ни трона не ставится, и онъ остается въ особо-выстроенной для него Александромъ I Георгіевской или *большой* Тронной залѣ.

* Теперь только по случаю баловъ помѣщается на возвышеніи въ самой залѣ придворный оркестръ, состоящій подъ руководствомъ капельмейстера Лядова; во время же торжественныхъ обѣдовъ, инструментальная и вокальная музыка, въ томъ числѣ и первѣйшіе пѣвцы и пѣвицы италіянской труппы, помѣщаются не въ самой залѣ, а исключительно *на хорахъ*, точно такъ же какъ и посторонніе зрители, когда оные допускаются, для коихъ никакого иного, особаго мѣста не устраивается.

** Теперь тосты никѣмъ не предлагаются; а пьются въ томъ порядкѣ въ какомъ имъ заранѣе сдѣлано печатное росписаніе. Съ тѣхъ поръ введены также тосты за весь Императорскій Домъ, за духовенство и *за всѣхъ вѣрноподданныхъ*. Число выстрѣловъ также совершенно иное.

Въ прочихъ аванзалахъ (то-есть въ теперешнихъ Николаевской и Концертной залахъ) обѣдали *первыхъ четырехъ классовъ персоны обоего пола.*

Послѣ стола императрица перешла *тѣмъ же порядкомъ* въ галлерею (то-есть на ту половину которая въ послѣдствіи названа *Эрмитажемъ*; ср. *Русск. Вѣстн.* 1870 года, № 9, стр. 111—115), гдѣ ихъ высочества изволили начать *балъ*, при которомъ были всѣ вышеозначенныя особы, также и чужестранные министры.

Въ 9 часовъ вечера ея величество съ ихъ высочествами и съ ландграфшей, въ сопровожденіи статсъ-дамъ, соизволила пойти въ аппартаменты высоконовобрачныхъ *, и пробывъ въ оныхъ нѣсколько времени, возвратилась во внутренніе свои покои.

Въ продолженіе этого вечера обѣ крѣпости и весь городъ были иллюминованы.

„И тако", гласитъ *Описаніе*, „сей благополучнѣйшій день къ наивящему ея императорскаго величества удовольствію и ко всеобщей радости всѣхъ ея вѣрноподданныхъ, Божескимъ благословеніемъ счастливо совершился."

Послѣ этого, празднества продолжались, съ тремя роздыхами, до 11го октября слѣдующимъ порядкомъ:

Во второй день, понедѣльникъ, 30го сентября, ихъ высочества пришимали поздравленія сунода, причемъ архіепископъ Гавріилъ произнесъ рѣчь и поднесъ св. иконы; а также всѣхъ особъ первыхъ четырехъ классовъ и дипломатическаго корпуса. У великой княгини былъ baise-main. Обѣдъ былъ у императрицы, съ музыкой. Кромѣ ихъ высочествъ и ихъ свѣтлостей, тутъ находились: оберъ-гофмейстерина, статсъ-дамы и сановники первыхъ *двухъ* классовъ. Государыня пила здоровье новобрачныхъ, и съ Адмиралтейской крѣпости салютъ былъ въ 31 выстрѣлъ. Вечеромъ балъ въ галлереѣ ужинъ, съ музыкой, въ большой залѣ за фигурными (?) столами, за которыми ихъ свѣтлости, дамы и кавалеры первыхъ четырехъ классовъ и иностранные министры сидѣли по билетамъ (по жеребью?). Обѣ крѣпости и городъ были иллюминованы.

* Далѣе (см. празднество 1го октября) увидимъ что эти аппартаменты выходили окнами на такъ-называемую нынѣ Дворцовую площадь, какъ и комнаты Екатерины II, съ тою только разницей что послѣднія были ближе къ Большой Милліонной (ср. *Русск. Вѣст.* 1870 № 2, стр. 550), а первыя ближе къ Адмиралтейству.

Въ третій день, вторникъ, 1го октября, около полудня, императрица изволила прибыть съ ихъ свѣтлостями и со всѣмъ своимъ штатомъ въ аппартаменты ихъ высочествъ. По пушечному сигналу даны были народу жареные быки, * выставленные на площади (противъ Зимняго Дворца) на двухъ пирамидахъ, и пущено было, изъ нарочно сдѣланныхъ двухъ фонтановъ, виноградное вино. Обѣдъ былъ у ихъ высочествъ, съ музыкой. Императрица присутствовала со своею свитой и особами первыхъ двухъ классовъ. Въ другой комнатѣ кушали персоны третьяго и четвертаго классовъ. Прежніе первые два тоста (см. 29го сентября) были повторены съ тѣмъ же числомъ выстрѣловъ. Вечеромъ былъ *въ галлереѣ* (Эрмитажѣ) *куртагъ*. **

---

* Ср. *Русск. Вѣст.* 1870, № 2, стр. 566, и брошюру П. Н. Петрова: *Цесаревна Анна Петровна*, стр. 101, описаніе подобнаго же праздника въ 1721 году, по случаю заключенія Ништадтскаго мира.

** *Куртагомъ* до сихъ поръ называется такое торжественное вечернее собраніе въ Зимнемъ Дворцѣ которое начинается тѣмъ что Ихъ Величества обходятъ особъ дипломатическаго корпуса, разговариваютъ съ ними, и затѣмъ начинается шествіе попарно, при звукахъ польскаго танца, или вѣрнѣе, марша. Отъ баловъ куртаги именно тѣмъ отличаются что тутъ не бываетъ никакихъ иныхъ танцевъ, *кромѣ польскаго*. Послѣдніе куртаги по случаю бракосочетаній великихъ князей бывали въ Георгіевской (большой Тронной) залѣ, причемъ шествіе въ полонезѣ совершалось по ней и по Гербовой или Золотой залѣ, такъ-называемой по причинѣ изобильной позолоты и размѣщенія тамъ гербовъ всѣхъ губерній и областей входящихъ въ составъ Россійской Имперіи. Намъ кажется что этимологія выраженія *куртагъ* вполнѣ объясняется тѣмъ что оно означаетъ *день* по преимуществу *придворный*, то-есть проведенный при дворѣ, день съѣзда ко двору, короче *день двора*. При Петрѣ Великомъ бывали ассамблеи; а куртаги введены, если не ошибаемся, при Аннѣ Іоанновнѣ, вмѣстѣ съ иными церемоніями, обычаями и выраженіями принятыми отъ германскихъ дворахъ; а главнѣйшіе изъ нихъ старались тогда подражать пышности Версальскаго двора; и съ этого-то именно времени французскія рѣченія стали забираться въ нѣмецкій языкъ. Нѣмцы до сихъ поръ переводятъ французское faire la cour (ухаживанье) словами Kurmachen и Hofmachen, — откуда ясно что Kur и Hof въ ихъ глазахъ одинаково означаютъ дворъ. Съ мнѣніемъ же тѣхъ писателей, которые полагаютъ что *куртагъ* означаетъ *избранный день*, оттого де что *курфирстъ* есть избранный князь, мы не можемъ согласиться, потому что курфюрсты были *электорами* (Electeur), то-есть *избирателями* Германо-Римскаго императора. Объ Эрмитажной же *галлереѣ*, ср. *Русскій Вѣстникъ* 1870 г. № 9, стр. 111—113.

Въ четвертый день, среду, 2го октября. Обѣдъ и вечеръ у ландграфини, въ ея аппартаментахъ.

Въ пятый день, четвергъ, 3го октября, *отдохновеніе.*

Въ шестой день, пятницу, 4го октября. На *большомъ* придворномъ „театрѣ“ * была представлена италіянская опера, называемая *Психа и Купидонъ.*

Въ седьмой день, суббота, 5го октября, *отдохновеніе.*

Въ восьмой день, воскресенье, 6го октября. Въ Зимнемъ Дворцѣ маскерадъ для дворянства.

Въ девятый день, понедѣльникъ, 7го октября, *отдохновеніе.*

Въ десятый день, вторникъ, 8го октября, представлена на придворномъ ** театрѣ французская комедія.

Въ одиннадцатый день, среда, 9го октября, „на томъ же театрѣ“ представлена русская комедія, а потомъ маскерадъ для дворянства и купечества. ***

Въ двѣнадцатый день, четвергъ, 10го октября. Вечеромъ балъ въ Зимнемъ Дворцѣ и ужинъ въ аванзалахъ по билетамъ (?); причемъ присутствовали ихъ свѣтлости, первыхъ четырехъ классовъ обоего пола особы и чужестранные министры. Обѣ крѣпости и весь городъ были иллюминованы.

Въ тринадцатый день, пятницу, 11го октября. „Въ заключеніе сего высокаго торжества представленъ (сожженъ) былъ на площади, что̀ возлѣ *Лѣтняго ея императорскаго величества*

---

* Ср. тамъ же, стр. 113 и 114. Такъ какъ въ самомъ Зимнемъ Дворцѣ театра тогда не было, то надо полагать что *придворнымъ* театромъ назывался тогда Большой Театръ, находящійся за Поцѣлуевымъ мостомъ (сгорѣвшій при Александрѣ I и тогда же перестроенный), на томъ же основаніи какъ и всѣ театры и теперь называются Императорскими. Ср. записки Державина, стр, 33.

** Вѣроятно другой, Малый Театръ, съ круглымъ куполомъ, который мы еще помнимъ и который находился почти на томъ же мѣстѣ гдѣ при императорѣ Николаѣ I выстроенъ Александрійскій театръ.

*** Для такихъ маскерадовъ открывались всѣ залы Зимняго Дворца и туда пускалось публики по билетамъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. При Александрѣ I и въ началѣ царствованія Николая Павловича подобные маскерады бывали 1го января и повторялись при иныхъ торжественныхъ случаяхъ. Тутъ никто не былъ ни маскированъ, ни костюмированъ, и одни только кавалеры—военные и статскіе—надѣвали на лѣвое плечо небольшое черное шелковое домино съ кружевами. Сколько помнимъ, послѣдній такого рода маскерадъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, былъ въ Петергофскомъ старомъ дворцѣ, по случаю бракосочетанія королевы Виртембергской Ольги Николаевны.

дворца, въ присутствіи государыни, ихъ высочествъ и ихъ свѣтлостей, также знатныхъ обоего пола персонъ, великолѣпный фейерверкъ." *

Еще въ первый день роздано было много наградъ. Графъ Н. И. Панинъ, 11 лѣтъ предъ тѣмъ пожалованный Петромъ III, за удачный экзаменъ великаго князя, въ генералы отъ инфантеріи (*Записки* кн. Дашковой, стр. 33—34), произведенъ былъ въ первый классъ, съ оставленіемъ президентомъ иностранной коллегіи, и ѣдучи въ Казанскій соборъ сидѣлъ въ одной придворной каретѣ съ фельдмаршаломъ графомъ З. Г. Чернышевымъ (стр. 11 *Описанія*); вице-канцлеромъ (то-есть помощникомъ Панина) назначенъ князь А. М. Голицынъ; а баронъ А. И. Черкасовъ получилъ, мимо Гольштейнской, Анненской ленты, которую за четыре мѣсяца предъ тѣмъ навязывалъ ему тотъ же Панинъ, вполнѣ русскій орденъ Св. Александра Невскаго. (Ср. *Русск. Вѣстн.* 1870, стр. 115 — 117 и *Списки кавалеровъ*, стр. 222. Тамъ не означенъ день пожалованія; но видно что *въ теченіе 1773 года было всего пожаловано восемь Александровскихъ лентъ*, считая и не включенную въ собраніе списковъ, полученную барономъ Ассебургомъ.)

А такъ какъ въ это же время обязанности Панина по воспитанію великаго князя прекратились и онъ освобожденъ былъ отъ должности оберъ-гофмейстера при его высочествѣ, отчего лишился квартиры и стола при дворѣ, то за труды по воспитанію ему ассигновано 25.000 руб. пенсіи (изъ *Записокъ* княгини Дашковой, стр. 70, видно что еще 28го іюня 1762 года ему назначено было 5.000 пенсіону, причемъ онъ возведенъ въ графское достоинство. Въ гербѣ его изображены *дельфины* (dauphins), намекъ на то что ему поручено было воспитаніе россійскаго *дофина;* жалованье же и *столовыя* деньги назначены по чину канцлера, причемъ ему подарено 9.000 душъ (большею частію въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ) и *на заведеніе дома*, собранные съ этихъ имѣній доходы, 50.600 рублей). Кромѣ того онъ удостоился получить отъ Ека-

* Объ этомъ фейерверкѣ на Царицыномъ Лугу не имѣемъ никакихъ особенныхъ свѣдѣній. Знаемъ только что самый необыкновенный дотолѣ по великолѣпію своему фейерверкъ сожженъ былъ въ Петербургѣ при провозглашеніи императоромъ злополучнаго Іоанна Антоновича.

терины II слѣдующій краснорѣчивый собственноручный рескриптъ:

„Графъ Никита Ивановичъ! Совокупные важные ваши труды въ воспитаніи сына моего и притомъ въ отправленіи дѣлъ обширнаго иностраннаго департамента, которые вы несли и отправляете съ равнымъ успѣхомъ только лѣтъ сряду, часто въ теченіи оныхъ во внутренности сердца моего возбуждали чувства, раздѣляющія съ вами все бремя сихъ, силу человѣку данную исчерпаемыхъ упражненій; но польза Имперіи моей, по горячему всегдашнему моему попеченію о благомъ устройствѣ всего мнѣ отъ власти Всевышняго врученнаго, воспрещали мыслить прежде времени облегчить васъ въ тягостныхъ упражненіяхъ, довѣренностію моею вамъ порученныхъ; нынѣ же, когда прислѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго сына моего, и мы, на 20мъ году его отъ рожденія, съ вами дождались благополучнаго дня брака его, то *почитая*, по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію, *воспитаніе великаго князя тѣмъ само собою оконченнымъ*, за долгъ ставлю при семъ случаѣ изъявить мое признаніе и благодарность за всѣ приложенные вами труды и попеченія *о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ его природныхъ дарованій*, о коихъ *по нѣжности матерней любви и пристрастію*, не мнѣ пригоже судить. Но желаю и надѣюсь что будущія времена въ томъ оправданіемъ служить будутъ, о чемъ Всевышняго ежедневно молю усердно. Окончивъ съ толикимъ успѣхомъ, соединеннымъ съ моимъ удовольствіемъ, важную такую должность и пользуясь симъ утѣшеніемъ, отъ нее вамъ происходящимъ, обратите нынѣ съ добрымъ духомъ всѣ силы ума вашего къ части дѣлъ Имперіи вамъ отъ меня ввѣренной и на сихъ дняхъ вновь подтвержденной и доставьте трудами своими согражданамъ вашимъ желаемый мною между всѣми добрый миръ и тишину, дабы дни старости вашей увѣнчаны были благословеніемъ Божіимъ благополучія всеобщаго, послѣ безчисленныхъ трудовъ и попеченій. Пребываю вѣчно съ отмѣннымъ доброжелательствомъ.

„Екатерина.“

Осыпанный милостями, Панинъ остался недоволенъ. Онъ даже рѣшился показать это, отдавъ своимъ секретарямъ, Бакунину, Убри и фонъ-Визину, значительную часть пожалованныхъ ему имѣній (по 4.000 душъ); * а жившій тогда въ Москвѣ покоритель Бендеръ, родной братъ его, Петръ Ивановичъ Панинъ сдѣлался задумчивѣе чѣмъ прежде и поздравленія принималъ съ нѣкоторою холодностью (*Осьмнадцатый Вѣкъ*, книга I, стр. 96—98, 105 и 116). Дѣлясь съ подчиненными

* См. статью князя П. А. Вяземскаго *Черты изъ жизни фонъ-Визина*, въ альбомѣ *Утренняя заря*, 1841, стр. 174 и 175.

(подъ предлогомъ что они раздѣляли труды его), пожалованными ему вотчинами, канцлеръ выражалъ извѣстное всѣмъ отвращеніе свое къ раздѣлу Польши и объясняемое тѣмъ нежеланіе имѣть долю во вновь присоединенномъ краѣ (тамъ же стр. 233). Но дѣйствуя такимъ образомъ, онъ прямо шелъ въ разрѣзъ съ мудрою волей Екатерины II, заключавшеюся въ томъ чтобы, для скорѣйшаго обрусенія этого края, ввести въ него господствующимъ элементомъ *крупное* русское землевладѣніе, сосредоточенное въ рукахъ людей заслуженныхъ, по происхожденію своему *вполнѣ Русскихъ*.... * Итакъ, поступокъ Панина заключалъ намекъ не только на прискорбіе, которое онъ испытывалъ при удаленіи отъ своего августѣйшаго питомца, но и на сокровенную причину неудовольствія, которую отнюдь нельзя было высказать и давать чувствовать которую было нѣсколько отважно и несовсѣмъ безопасно.

29е сентября 1773 года было только началомъ цѣлаго ряда разочарованій. Царскія милости не позолотили для Панина горькой пилюли. По его разсчету это былъ крайній срокъ для перехода власти въ его руки. Совершившійся 11 лѣтъ предъ тѣмъ переворотъ онъ тогда признавалъ, надѣясь что императрица взойдетъ на престолъ только съ правомъ правительницы, на время малолѣтства ея сына (*Записки* кн. Дашковой, стр. 43 и 44, Сумароковъ, ч. I, стр. 68, и *Русск. Вѣст.* 1870, № 3, стр. 134); нѣсколько открытыхъ вслѣдъ затѣмъ заговоровъ имѣли въ основѣ именно эту мысль ** и даже желаніе видѣть Панина

---

* Эта же мысль руководила Екатериной II, когда она пожаловала адмиралу В. Я. Чичагову, доблестному защитнику Петербурга отъ Шведовъ, 4.000 душъ во вновь присоединенныхъ областяхъ; а въ послѣдствіи, князю и графу Зубовымъ значительныя имѣнія, какъ тамъ, такъ и въ Курляндіи. Княгинѣ Дашковой также пожаловано было 2.500 душъ въ Бѣлоруссіи; но она имѣла тамъ управителемъ Поляка (см. стр. 184, 185 и 284 ея *Записокъ*), а такъ какъ подобно ей и другіе русскіе вельможи сдѣлавшіеся помѣщиками во вновь пріобрѣтенномъ краѣ не жили тамъ и предоставляли завѣдываніе своими вотчинами шляхтичамъ-арендаторамъ и Евреямъ-факторамъ, то имѣвшаяся въ виду у Екатерины II при этой раздачѣ земель мудрая цѣль *обрусенія* осталась недостигнутою.

** Даже одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ защитниковъ Панина, П. К. Щебальскій, свидѣтельствуетъ что онъ старался ограничить права Екатерины II, убѣждая ее, уже послѣ вступленія ея на престолъ, составить сенатъ изъ несмѣняемыхъ [членовъ (*Русск. Вѣстн.* 1865,

участникомъ въ регентствѣ (тамъ же, и *Осьмн. Вѣкъ*, кн. I, стр. 50).... Но вотъ наступило вожделѣнное совершеннолѣтіе великаго князя, и ни о передачѣ правленія въ его руки (чрезъ что Панинъ сдѣлался бы всесильнымъ,), ни даже о допущеніи цесаревича къ малѣйшему въ ономъ участію не было и рѣчи.... Панинъ удалялся отъ двора, терялъ прежнее при немъ значеніе, и сохраняя за собою лишь тѣнь власти, становился такимъ же президентомъ коллегіи какихъ было кромѣ его еще одиннадцать. * Полагаемъ что не слишкомъ ошибемся заключивъ изъ всего этого что Екатерина II искусно *обошла* его и что inde iræ!

Вообще празднованіе совершеннолѣтія великаго князя какъ бы преднамѣренно слито было съ другимъ и даже, такъ-сказать, поглощено празднованіемъ его бракосочетанія. Медаль выбита единственно по этому послѣднему случаю. Заимствуемъ ея подробное описаніе изъ *Трудовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* (Москва, 1837 года, ч. VIII, стр. 87 и 88).

„На первой сторонѣ весьма сходные портреты ихъ высочествъ, съ надписью вокругъ: великій князь Павелъ Петровичъ, великая княгиня Наталія Алексѣевна.

„На оборотѣ, посреди отверстаго храма изображенъ пьедесталъ, на которомъ начертаны сіи слова: *въ вѣчность*. На ономъ столпѣ, подъ великокняжескимъ вѣнцомъ, лучами освѣщаемые два щита съ вензелевыми именами обоихъ высочествъ, цвѣтами украшенные; подлѣ него стоитъ Гименей, лѣвою рукой держащій возженный факелъ, а правою вышеобъявленные щиты объемлющій. Надпись: *Божіимъ провидѣніемъ*.

„Внизу: бракосочетаніе совершено сентября 29го дня 1773 года."

Въ этотъ самый торжественный день и лица составлявшія свиту ландграфини также не были забыты государыней (ср. описаніе обрученія въ предшествующей III главѣ), и на третій день празднествъ, извѣщая короля Прусскаго о совершив-

---

№ 5, *Начало и характеръ Пугачевщины*, стр. 89.) Это было только видоизмѣненіе любимой его мечты, которую онъ предъ тѣмъ часто высказывалъ родственницѣ своей и другу княгинѣ Дашковой (стр. 42 ея *Записокъ*), посадить на тронъ своего юнаго питомца, установивъ въ Россіи форму правленія на основаніяхъ Шведской монархіи.

* Коллегій было всего 12, и изъ нихъ три главныя или важнѣйшія по кругу дѣйствія именовались *государственными;* а именно: военная коллегія, адмиралтействъ-коллегія и коллегія иностранныхъ дѣлъ.

шемся бракосочетаніи, ея свѣтлость по этому случаю снова благодарила его.

Еще предъ тѣмъ, да и послѣ того, она писала ему:

9го (20го) іюля изъ Петергофа: „Mon projet est ferme de quitter Pétersbourg peu après le mariage de ma fille....“ *

9го (20го) августа изъ Царскаго Села: „Je compte partir 15 jours aprés le mariage et je prendrai ma route par la Courlande et la Prusse.... Le moment de quitter ma fille sera cruel, *sûre de ne jamais la revoir*; cependant l'assurance de la laisser sous les yeux de l'Impératrice, *qui a mille bontés pour elle*, adoucira l'amertume de cette séparation....“ **

10го (21го) сентября изъ Петербурга: „L'Impératrice m'a promis que ma fille trouverait *en elle une seconde mère*. Je souffrirai, en quittant *pour toujours* mon enfant; mais je saurai me vaincre et V. M. m'y encourage. Les noces étant fixées au 10 Octobre, je partirai le 26. On prétend qu'il faudra *un mois* entre St.-Pétersbourg et Potsdam. Cela ne sera pas amusant. Mais tout sera oublié, quand j'aurai le bonheur, Sire, de Vous faire ma cour et de mettre à Vos pieds l'hommage de mon respect, de ma vénération, et j'ose ajouter, de mon tendre et inviolable attachement.... par ordre de V. M. je joins ici l'état de mes équipages et celui de mon passage par Ses domaines....“ ***

---

* „Я твердо рѣшилась уѣхать изъ Петербурга вскорѣ послѣ свадьбы моей дочери.

** „Я намѣреваюсь уѣхать отсюда спустя двѣ недѣли послѣ бракосочетанія и направить мой путь чрезъ Курлядію и Пруссію.... Минута разставанія съ моею дочерью будетъ для меня ужасна; *я убѣждена что никогда уже болѣе ее не увижу;* но увѣренность что я ее оставляю на глазахъ у императрицы, *которая чрезвычайно благосклонна къ ней*, усладитъ горечь этой разлуки.“

*** „Императрица обѣщала мнѣ что моя дочь найдетъ въ ней *вторую мать*. Я буду страдать, прощаясь *навсегда* со своимъ дѣтищемъ, но я сумѣю побѣдить себя, и ваше величество меня къ тому поощряете. Такъ какъ свадьба совершится 10го октября, то я уѣду 26го. Увѣряютъ будто путешествіе мое отъ С.-Петербурга до Потсдама продолжится *цѣлый мѣсяцъ*. Это далеко не будетъ весело. Но все будетъ забыто когда я буду имѣть счастіе, государь, предстaвиться вамъ и повергнуть къ стопамъ вашимъ засвидѣтельствованіе моего почтенія, моего благоговѣнія и, осмѣлюсь прибавить, моей сердечной и ненарушимой привязанности.... Вслѣдствіе приказанія вашего величества, прилагаю при семъ списокъ моихъ экипажей и маршрутъ мой чрезъ ваши владѣнія.“

1го (12го) октября также изъ Петербурга:

„La Grande Duchesse a été extrêmement flatté (sic) du compliment de V. M. et m'a prié de Lui présenter les assurances de son respect....“ *

10го (21го) октября оттуда же:

„Je m'en vais quitter l'Impératrice avec bien des regrêts. J'avois compté arriver en *6 jours jusqu'à Riga*; mais on me donne *tant de monde*, qu'il en faudra 8. Je tâcheroi d'être à Memel au tems marqué. Ma fille redoute le moment de mon départ; mais elle ne se répent pas du parti qu'elle a pris. Je suis contente de sa conduite. *On est encore dans les fêtes, qui finiront demain*....“ **

И 2го (13го) ноября изъ Кенигсберга, въ отвѣтъ на полученное наканунѣ письмо короля:

„Sans les relais donnés je n'avancerais pas dans cette saison.... J'arriverai peut-être le 24 au lieu du 25 à Potsdam. Je pars demain, malgré un gros rhume que j'ai gagné à Riga. où l'on m'a fait étouffer de chaud. J'avoue, Sire, *qu'il m'en a couté de quitter la Grande Duchesse*; mais je suis tranquille sur son *sort*....“ ***

Теперь недѣля пути на 200-верстномъ разстояніи до Риги, и цѣлый мѣсяцъ для того чтобы доѣхать изъ Петербурга до Берлина, кажутся сроками совершенно баснословными. Но если выѣхавъ изъ нашей столицы 15го (26го) октября, ландграфиня располагала прибыть въ Потсдамъ только 13го (24го), то оказывается что дѣйствительно путешествіе ея продолжалось 28 дней, на такомъ протяженіи которое проѣзжаютъ нынѣ менѣе

---

* „Великая княгиня была очень польщена привѣтствіемъ вашего величества (по случаю обрученія?) и просила меня засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.“

** „Мнѣ очень будетъ жаль разстаться съ императрицей. Я думала въ *6 дней доѣхать до Риги*, но мнѣ даютъ *такую многочисленную свиту* что придется проѣздить цѣлую недѣлю. Постараюсь прибыть въ Мемель въ назначенное время. Дочь моя страшится моего отъѣзда, но не раскаивается въ принятой ею рѣшимости. Я довольна ея поведеніемъ. *Здѣсь еще продолжаются праздники. Они окончатся завтра.*“ (См. предшествовавшее описаніе фейерверка 11го октября.)

*** „Еслибы не выставленныя для меня подставы, я бы въ это время года не подвинулась ни на шагъ.... Прибуду, быть-можетъ, 24го въ Потсдамъ вмѣсто 25. Выѣзжаю завтра, несмотря на сильный насморкъ, который я пріобрѣла въ Ригѣ, гдѣ чуть не угорѣла. Признаюсь, государь, что *мнѣ крайне тяжело было разстаться съ великою княгиней, но я спокойна насчетъ ея участи.*“

чѣмъ въ двое сутокъ. Что же касается до свиты ландграфини, то не знаемъ кому этотъ разъ Екатерина II поручила проводить ее до границы, но полагаемъ что едва ли бы баронъ Черкасовъ согласился оторваться еще *на цѣлыхъ два мѣсяца* (считая и обратный путь) отъ двора, отъ дѣлъ своей коллегіи и отъ сибаритскихъ петербургскихъ привычекъ и рисковать прихадкомъ падагры для того чтобы ловидаться въ Митавѣ со своимъ шуршомъ, владѣтельнымъ герцогомъ Курляндскимъ. Вѣроятно поѣздомъ ландграфини распоряжались тотъ же генералъ Ребиндеръ, который привезъ ее изъ Травемюнде, да еще извѣстный намъ конюшенный офицеръ Богдановъ. *

Что же касается до грустнаго настроенія которое отражается почти въ каждомъ изъ приведенныхъ нами писемъ ландграфини, то хотя она это обстоятельство и проходитъ молчаніемъ, такого рода настроеніе непремѣнно должны были усиливать тревожныя вѣсти изъ-подъ Оренбурга.

Взявъ уже семь крѣпостей, Пугачевъ, 3го октября, пошелъ на этотъ городъ, имѣя болѣе 20 пушекъ и до 3.000 войска, ежедневно умножавшагося кочевыми инородцами, всякаго рода бродягами и бѣглыми заводскими и ломѣщичьими крестьянами разныхъ губерній.

Предположеніе свое о ландграфинѣ основываемъ, между прочимъ, на томъ что еще за годъ предъ этимъ, въ одномъ изъ первыхъ писемъ своихъ къ Фридриху Великому (изъ Дармштадта, отъ 9го сентября 1772 года), она выражала безпокойство по поводу какой-то rébellion en Russie. Эта rébellion именно и былъ плохо-потушенный въ свое время мятежъ Яицкихъ казаковъ, вспыхнувшій съ новою силой осенью 1773 года и уже имѣвшій предводителя.

Но въ Берлинѣ ожидали ландграфиню радостныя впечатлѣнія. Она прибыла туда вслѣдъ за счастливымъ событіемъ для королевскаго дома и особенно для второй своей дочери, принцессы Прусской. Послѣдняя только-что родила принца, графинѣ внука, появленіе котораго упрочивало династію и порядокъ престолонаслѣдія въ Пруссіи. Еще въ вышесказанномъ письмѣ 9го сентября 1772 года, ея свѣтлость весьма характеристично выражала Фридриху II соболѣзнованіе свое о томъ что состоявшая въ замужествѣ за его братомъ дочь ея, принцесса Фридерика, родила тогда принцессу (n'a fait *qu'une*

* Ср. *Русск. Вѣстн.*, № 10, стр. 519.

Princesse!); затѣмъ она въ письмѣ слѣдующаго 1773 года (изъ Петербурга, отъ 12го октября) писала: „J'espère trouver la Princesse accouchée à mon arrivée à Potsdam. *Dieu veuille que cela soit un Prince!...*“ И наконецъ въ письмѣ писанномъ съ дороги, изъ Кенигсберга, 13го ноября, благодарила и радовалась полученному отъ короля извѣстію *о рожденіи принца*.

Этотъ принцъ былъ любимый, въ послѣдствіи времени, племянникъ Фридриха Великаго, который чуть подросъ, не далъ ему и въ шутку отнять у себя только-что полученное отъ него яблоко, чѣмъ его привелъ въ восторгъ и заставилъ сказать: „О, этотъ не отдастъ назадъ Силезію!“ Онъ царствовалъ и прославился подъ именемъ Фридриха-Вильгельма III и былъ отцомъ императрицы Александры Ѳедоровны.

Мы обѣщали разказать всю послѣдующую судьбу лицъ, дѣйствовавшихъ во второмъ изъ описанныхъ нами эпизодовъ, и въ хронологическомъ порядкѣ должны начать исполненіе этой обязанности именно съ ландграфини Гессенъ-Дармштадтской.

Неоднократно выраженное въ ея письмахъ предчувствіе что ей уже болѣе не суждено видѣться со своею дочерью, великою княгиней Наталіей Алексѣевной, и высказанная Ассебургу, весной 1773 года, грустная мысль (Moi, qui vraisemblablement n'aurais que quelques années à vivre, письмо изъ Лейпцига) слишкомъ скоро оправдались.

Ландграфиня, какъ уже это выше было сказано, хворала въ Петербургѣ. Она страдала удушьемъ, одышкой. Самое путешествіе въ Россію, утомленіе, происшедшее отъ чрезвычайныхъ усилій при безпрестанной представительности въ бытность ея при нашемъ дворѣ, сильныя ощущенія при разлукѣ съ дочерью, особенно же дурное время года при возвращеніи сухимъ путемъ въ Дармштадтъ, имѣли пагубное вліяніе на здоровье ландграфини. Она пострадала всю зиму въ своей резиденціи, и 28го февраля 1774 года, уже въ послѣдній разъ, адресовала Ассебургу слѣдующія задушевныя и остроумныя строки:

„Mes oppressions deviennent plus fortes, et la faiblesse augmente; Je ne puis traverser une chambre sans être essoufflée; mes maux sont trop compliqués pour que j'espère être guérie; mais *ayant plus* d'un médecin, *je mourrais selon toutes les règles de l'art.* Je cache le danger, où je suis, à ma fidèle amie, M-me de Kamecke; il lui en coûterait de perdre une amie de 40 années. Je ne vous dirais pas, M-r, que je prévois ma fin avec plaisir,—non, pas du tout; je n'ai rien, qui doive me la faire désirer; mais, s'il faut

mourir, *mon parti est pris là dessus*, et je suis bien plus tranquille que je ne l'aurais été il y a un an." *

Послѣднія строки, конечно, заключютъ намекъ на то что ландграфинѣ было бы гораздо тяжелѣе умереть до поѣздки въ Россію и до бракосочетанія великой княгини Натальи Алексѣевны.

Ландграфиню еще посѣтила въ Дармштадтѣ ея престарѣлая мать, принцесса Цвейбрюккенъ, рожденная Нассау-Саарбрюккъ, которая тамъ внезапно скончалась 25го марта. А 30го числа того же мѣсяца умерла и сама ландграфиня Каролина. ** Согласно ея желанію, тѣло ея погребено было не въ усыпальницѣ владѣтельнаго дома, а въ одномъ изъ боскетовъ ея сада. Фридрихъ Великій прислалъ для гробницы ея урну изъ каррарскаго мрамора, съ надписью: Femina sexu, ingenio vir.

БАРОНЪ Ѳ. БЮЛЛЕРЪ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

---

* „Я начинаю сильнѣе задыхаться и слабость увеличивается; не могу пройти чрезъ комнату чтобы не запыхаться; недуги мои слишкомъ сложны чтобъ я могла надѣяться быть вылѣченною; *но такъ какъ за мною ходитъ нѣсколько докторовъ, то я отправлюсь на тотъ свѣтъ по всѣмъ правиламъ науки.* Скрываю опасность своего положенія отъ вѣрнаго друга моего, г-жи Камеке; ей тяжело будетъ лишиться меня послѣ 40ка-лѣтней нашей дружбы. Не скажу вамъ, м. г., что предвижу свою кончину съ радостью; далеко не такъ, и нѣтъ ничего такого что могло бы меня заставить желать смерти; но ужъ если нужно умирать, то я рѣшилась объ этомъ не тужить и чувствую себя гораздо спокойнѣе въ этомъ отношеніи чѣмъ еслибъ это случилось тому годъ назадъ."

** Она скончалась, какъ говоритъ Фезе, на стр. 382 своего V тома, 53 лѣтъ, что совершенно согласно съ письмомъ ея къ Фридриху Великому отъ 9го апрѣля 1773, изъ Дармштадта (ср. *Русск. Вѣстн.* 1870, № 9, стр. 106). Слѣдовательно у Ассебурга, на стр. 269, *ошибочно* сказано будто она умерла *46 лѣтъ* отъ роду.

НА НОЖАХЪ*

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ

ЧЕРЕЗЪ КРАЙ

XVII. Ларисина тайна.

Въ то самое время какъ въ Алёнинomъ Верхѣ происходили описанныя событія, Александра Ивановна Синтянина, пройдя темными переходами, отворила дверь въ комнату Лоры и изумилась что здѣсь была совершенная темнота.

Молодой женщинѣ вдругъ пришло въ мысль: не сдѣлала ли чего-нибудь съ собою Лариса, по меньшей мѣрѣ не покинула ли она внезапно этого непривѣтливаго и страшнаго дома и не ушла ли куда глаза глядятъ?

Пораженная этою мыслью Александра Ивановна остановилась на порогѣ. Въ комнатѣ не было замѣтно ни малѣйшаго признака жизни.

Александра Ивановна, безуспѣшно всматриваясь въ эту темь, рѣшилась позвать Ларису, и сдерживая въ груди дыханіе, окликнула ее тихо и нерѣшительно.

* *Окончаніе.* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 10, 11 и 12й 1870, и №№ 1 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8й 1871.

— Я здѣсь, отозвалась ей такъ же тихо Лариса и сейчасъ же спросила:—что тебѣ отъ меня нужно, Alexandrine?

— Ничего не нужно, другъ мой Лора, но я устала и пришла къ тебѣ посидѣть, отвѣчала генеральша, идя на голосъ къ окну, въ сѣромъ фонѣ котораго на морозномъ небѣ мерцали рѣдкія звѣзды, а внизу на подоконникѣ былъ чуть замѣтенъ силуэтъ Ларисы.

Александра Ивановна подошла къ ней и заглянувъ ей въ лицо замѣтила что она плачетъ.

— Ты сидишь въ потьмахъ?

— Да; мнѣ такъ лучше, отвѣчала Лора.

— Тебѣ можетъ-быть непріятно что я пришла?

— Нѣтъ; отчего же? мнѣ все равно.

— Можетъ-быть мнѣ уйти?

— Какъ хочешь.

— Такъ прощай, молвила генеральша, протягивая ей руку.

— Прощай.

— Дай же мнѣ твою руку!

Лариса молча положила пальцы своей руки на руку Синтянниной и прошептала:

— Прощай и... не сердись что я такая непривѣтливая.... И съ этимъ она не выдержала и неожиданно громко зарыдала.

— О, Боже мой, какое горе, произнесла Синтянина, и поискавъ ногой стула и не найдя его, опустилась предъ Ларисой на колѣни, сжала ея руки и поцѣловала ихъ.

— Ахъ, Саша, что ты дѣлаешь! отозвалась Лариса и поспѣшно сама поцѣловала ея руки.

— Лора, сказала ей Синтянина. — Позволь мнѣ быть съ тобою откровенною: я много старше тебя; я знаю тебя съ твоего дѣтства, я люблю тебя и мнѣ ясно что ты несчастлива.

— Очень, очень несчастлива.

— Поговоримъ же, подумаемъ объ этомъ; совсѣмъ непоправимыхъ положеній нѣтъ.

— Мое непоправимо.

— Это ты все надумала въ своемъ одиночествѣ, а я хочу напомнить тебѣ о людяхъ способныхъ христіански отнестись ко всякому несчастію....

Лариса быстро ее перебила:

— Ты хочешь мнѣ говорить о моемъ мужѣ? Я и такъ думала о немъ весь вечеръ подъ звуки этой музыки.

— И плакала?

— Да, плакала.

— О чемъ?

Лариса промолчала.

— Говори же: одолѣй себя, смирись, сознайся! и Синтянина снова сжала ея руки.

— Что жь пользы будетъ въ этомъ, отвѣчала Лариса.—Неужели же ты хотѣла бы чтобъ я разыграла въ жизни одинъ изъ Авдѣевскихъ романовъ?

— Ахъ, Боже мой, да что тебѣ эти романы,—послушай своего сердца. Вѣдь ты его еще любишь?

— Да.

— Я вижу, тебя мучитъ совѣсть.

— О, да! Страшно, страшно мучитъ, и мнѣ мало всѣхъ моихъ мученій чтобъ отстрадать мою вину; но я *должна* идти все далѣе и далѣе.

— Это вздоръ.

Лора покачала головой и усмѣхнувшись прошептала:

— Нѣтъ не вздоръ.

— Ты должна положить конецъ своимъ униженіямъ.

— Я этого не могу, понимаешь: *я не могу*, я хочу и не могу.

— Я понимаю что ты не можешь и не должна сдѣлать туръ какой дѣлали героини тѣхъ романовъ, но если твой мужъ позоветъ тебя какъ добрый, любящій человѣкъ, какъ христіанинъ проститъ тебя и приметъ не какъ жену, а какъ несчастнаго друга....

— Для меня безсильно все, даже и религія.

— Дай мнѣ договорить: ты не права; христіанская религія не кладетъ никакихъ границъ великодушію. Конечно, есть чувства.... есть вещи.... которыми возмущается натура и.... я понимаю твои затрудненія! Но пойми же меня: развѣ бы ты не рвалась къ Подозерову еслибъ онъ былъ въ несчастіи, въ горѣ, въ болѣзни?

— О, всюду, всюду, но.... ты не понимаешь что говоришь: *я не могу.... Я не могу* ничего этого сдѣлать; я связана.

Синтянина возразила ей что Подозеровъ ея законный мужъ, что его права такъ велики и сильны предъ закономъ что ихъ никто не смѣетъ оспорить и, заключила она:

— Если ты позволишь, я напишу твоему мужу, и ручаюсь тебѣ за него....

Ларису передернуло.

— *Ты за него* ручаешься!

— Да, *я за него* ручаюсь что онъ будетъ счастливъ доставивъ тебѣ, разбитой, покой и отдыхъ отъ твоихъ несчастій. Тѣмъ болѣе что онъ умѣетъ быть самымъ нетребовательнымъ другомъ, и ты еще можешь въ тишинѣ дожить вѣкъ съ нимъ.

Лариса сдѣлала еще болѣе рѣзкое, нетерпѣливое движеніе.

— Ты сердишься?

— Нѣтъ, отвѣчала Лора,—нѣтъ; я не сержусь, но вотъ что, Alexandrine, я не могу сносить этого тона какимъ ты говоришь о моемъ бывшемъ мужѣ. Мнѣ все это дорого стоитъ. Я уважаю тебя, ты хорошая, добрая, честная женщина; я нерѣдко сама хочу тебя видѣть, но когда мы свидимся.... въ меня просто вселяется дьяволъ, и.... прости меня, сдѣлай милость, я не хотѣла бы сказать тебѣ то что сейчасъ должно-быть скажу: я ненавижу тебя за все и особенно за твою заботу обо мнѣ. Тетя Катерина Астаѳьевна права: во мнѣ бушуетъ Саулъ при приближеніи кротости Давида.

— Ты просто больна; тебя надо лѣчить.

— Нѣтъ, я не больна, а твои превосходства взяли у меня душу моего мужа.

— О, если тебя только это смущаетъ, то....

— Нѣтъ, молчи, перебила ее Лора: — ты знаешь ли что я сдѣлала? Я двумужница! Я вѣнчалась съ Гордановымъ!

Синтянина стояла какъ ошеломленная.

— Да, да, повторила Лора:—съ тобой говоритъ двумужница, о которой ему стоитъ сказать слово, чтобы свести на каторгу, и онъ скажетъ это слово, если я окажу ему малѣйшее неповиновеніе.

— Ты шутишь, Лора?

— О да, да; это шутка: они надо мною шутятъ, они безчеловѣчно шутятъ, но мнѣ это уже надоѣло, и я не шучу.

При этихъ словахъ она вскочила съ мѣста и скрежеща зубами вскричала:

— Онъ хочетъ убить Бодростина, и женясь тайно на мнѣ, жениться еще на Глафирѣ, но этого не будетъ, не будетъ! Я имъ отомщу, отомщу....

Она зашаталась на ногахъ и произнеся: „я ихъ всѣхъ погублю!“ упала на прежнее мѣсто.

— Оставь ихъ, оставь этотъ домъ....

— Нѣтъ, никогда! простонала Лора.—И теперь это поздно: я ихъ предала, а они уже все совершили.

— Бѣжимъ, Бога ради бѣжимъ!

— Бѣжать!... Стой!... Что это такое?

По лѣстницѣ слышались чьи-то шаги, кто-то спѣшилъ, падалъ, вскакивалъ и бѣжалъ снова, и наконецъ съ шумомъ растворилась дверь, и кто-то ворвавшись закричалъ:

— Лариса! Лора! Alexandrine! Гдѣ вы? откликнитесь Бога ради!

Это былъ голосъ Бодростиной.

Лариса и Синтянина остались какъ окаменѣвшія: на нихъ напалъ ужасъ, а вбѣжавшая Глафира металась въ потьмахъ, наконецъ нащупала ихъ платья, и схватясь за нихъ дрожащими руками, трепеща, глядѣла въ непроглядную темень, откуда опять были слышался шумъ, шаги и паденья.

— Закройте меня! простонала Глафира.

На Синтянину напалъ ужасъ. Ближе и ближе несся шумъ, и въ шумѣ этомъ было что-то страшное и зловѣщее. Межь тѣмъ кто-то прежде ворвавшійся лутался въ переходахъ, тяжко дышалъ, бился о двери и спотыкаясь шепталъ:

— Гдѣ ты? гдѣ же ты наконецъ.... я наконецъ сдѣлалъ все что ты хотѣла.... ты свободна.... вдова.... наконецъ я тебя заслужилъ.

Холодныя мурашки бѣгавшія по тѣлу генеральши скинулись горячимъ пескомъ; ея горло схватила судорга, и она сама была готова упасть вмѣстѣ съ Ларисой и Бодростиной. Умъ ея былъ точно парализованъ, а слухъ пораженъ всеобщимъ и громкимъ хлопаньемъ дверей, такою бѣготней, такимъ садомомъ отъ котораго трясся весь домъ. И весь этотъ потокъ лавиной стремился все ближе и ближе, и вотъ еще хлопъ, свистъ и шорохъ, въ узкихъ лазахъ двери сверкнули огненныя линіи.... и изъ устъ Лоры вырвался раздирающій вопль.

Предъ ними на полу вертѣлся Жозефъ Висленевъ, съ окровавленными руками и лицомъ на которомъ была размазанная и смѣшанная съ потомъ кровь.

— Убійца! вскрикнула страшнымъ голосомъ Лора.

XVIII. Соломенный духъ.

Когда господа выѣхали смотрѣть огничанье, на дворѣ уже стояла свѣжая и морозная ночь. Ртуть въ термометрахъ на окнахъ Бодростинскаго дома быстро опускалась, и изъ-за угловъ надворныхъ строеній порывало сухою студеною пылью. Можно

было предвидѣть что погода разыграется; но въ лѣсу, гдѣ крестьяне надрывались надъ добываніемъ огня, было тихо. Рѣдкія звѣзды чуть мерцали и замирали; ни одна снѣжинка не искрилась и было очень темно. Стороннему человѣку теперь не легко попасть сюда, потому что не только сама поляна, но и всѣ ведущія къ ней дороги тщательно оберегались отъ захожаго и заѣзжаго. Съ той минуты какъ Сухому Мартыну что-то привидѣлось, досмотръ былъ еще строже. Въ морозной мглѣ, то тихо выплывали и исчезали, то быстро скакали взадъ и впередъ и чѣмъ-то размахивали какія-то темные гномы—это были знакомыя намъ сторожевыя бабелины, вооруженныя тяжелыми цѣпами. Чѣмъ ближе къ Алёнину Верху, тѣмъ патрули этихъ амазонокъ становились чаще и духомъ воинственнѣе и нетерпѣливѣе. Дѣло съ огнемъ не ладилось. Съ тѣхъ поръ какъ Сухой Мартынъ зря перервалъ работу, терли они дерево часъ, трутъ другой, а огня нѣтъ. Засинѣетъ будто что-то на самой стычкѣ деревьевъ и даже сильно горячимъ пахнетъ, а огня нѣтъ. Мужики приналягутъ, силъ и рукъ не щадятъ, но все попусту... все сейчасъ же, какъ словно по злому наговору, и захолоднѣетъ: ни дымка, ни теплой струйки, точно все водой залито.

— Дѣло не чисто; тутъ что-то сдѣлано, загудѣлъ народъ, и посбросавъ послѣднее платье съ плечъ, мужики такъ отчаянно заработали что на плечахъ у нихъ задымились рубахи; въ воздухѣ сталъ потный паръ, лица раскраснѣлись какъ рѣпы; набожныя восклицанія и дикая ругань перемѣшивались въ одинъ нестройный гулъ, но проку все нѣтъ; дерево не даетъ огня.

Кто-то крикнулъ что не хорошо мѣсто.

Слово это пришлось по сердцу: мужики рѣшили перенести весь снарядъ на другое мѣсто. Закипѣла новая работа: вся справа перетянулась на другую половину поляны: здѣсь опять пролѣли „помоги святители“ и стали снова тереть, но опять безъ успѣха.

— Двѣ тому причины есть: либо промежъ насъ есть кто нечистый, либо всему дѣлу вина что въ барскомъ домѣ старый огонь горитъ.

Нечистымъ себя никто не призналъ, стало-быть барскій домъ виноватъ, а на него власти нѣтъ.

— Это баре вредятъ, проревѣло въ народѣ.

Сухой Мартынъ изшатался и полуодурѣлый сошелъ съ дерева,

а вмѣсто его мотался на бревнѣ злой Дербакъ. Онъ сидѣлъ неловко; бревно его безпрестанно щемило то за икры, то за голени, и съ досады онъ становился еще злѣе, надрывался, и не зная что̀ дѣлать, кричалъ подражая перепелу: „быть-убить, драть-драть, быть-убить, драть-драть“. Высокія ели и сосны, замыкавшія кольцомъ поляну, гудѣли и точно заказывали чтобы звучное эхо не разносило лихихъ словъ.

Неподалеку встороне, у корней старой ели, сидѣлъ на промерзлой кочкѣ Сухой Мартынъ. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и опершись подбородкомъ на длинный костыль молчалъ; вокругъ него, привалясь кто какъ попало на землю, отдыхали безуспѣшно оттершіе свою очередь мужики и раздраженно толковали о своей незадачѣ.

Мужики, ища виноватаго, метались то на того, то на другаго: теперь они роптали на Сухаго Мартына, что не гоже мѣсто взялъ. Они утверждали что надо бы тереть на задворкахъ, но обезкураженный главарь все молчалъ и наконецъ собравшись съ духомъ едва молвилъ что они баютъ не дѣло, что огничать надо на чистомъ мѣстѣ.

— Ну такъ надо было стать на полѣ, возразилъ ему какой-то щетинистый спорщикъ.

— На полѣ, разумѣется, на полѣ: поле отъ лѣшаго дальше и Богу милѣе: оно хрестіянскимъ потомъ полито, поддержалъ спорщика козелковатый голосъ.

— Лѣсъ Богу ближе, лѣсъ въ небо дыра, едва дыша отвѣчалъ Сухой Мартынъ, а противъ лѣшаго у насъ на сучьяхъ пряжа развѣшана.

— Лѣшій на пряжу никакъ не пойдетъ, проговорилъ кто-то въ пользу Мартына.

— Ему нельзя, онъ если сюда ступитъ, сейчасъ въ пряжу залутается, пропѣлъ второй голосъ.

— Ну такъ надо было стать посреди лѣсу, чтобы къ Божьему слуху ближе, возразилъ опять спорщикъ.

— Божье ухо во весь міръ, отвѣчалъ оправляясь Мартынъ и зачиталъ искаженный текстъ псалма: „Живый въ ломощи Вышняго“.

Это всѣмъ очень понравилось.

Мужики внимали сказанію о необъятности Божіей силы и власти, а Сухой Мартынъ, окончивъ псаломъ, пустился своими красками изображать величіе Творца. Онъ описывалъ какъ Господь облачается небесами, препоясуется зорями, а

вокругъ него ангеловъ больше чѣмъ просяныхъ зеренъ въ самомъ большомъ закромѣ.

Мужики, всегда любящіе бесѣду о грандіозныхъ вещахъ, поглотились вниманіемъ и пріумолкли: вышла даже пауза, въ концѣ которой молодой голосъ робко запыталъ:

— А правда ли что Богъ старый мѣсяцъ на звѣзды крошитъ?

— Неправда, отвѣчалъ Мартынъ.

— Чего Онъ ихъ станетъ изъ стараго крошить, когда отъ Него намъ всей новины не пересмотрѣть, а звѣзды окна: изъ нихъ ангелы вылетаютъ, возразилъ начинавшій передаваться на Мартынову сторону спорщикъ.

— Ну это врешь, опровергъ его козелковатый голосъ.—На что ангелъ станетъ въ окно сигать? Ангелу во всемъ небеси вездѣ дверь, а звѣзда пламень, она на то поставлена чтобъ горѣть когда мѣсяцъ спать идетъ.

— Неправда; а зачѣмъ она порой и тогда свѣтитъ когда мѣсяцъ яснитъ?

Астрономъ сбился этимъ возраженіемъ и, затруднясь отвѣчать, замолчалъ, но вмѣсто его въ тишинѣ отозвался новый ораторъ.

— Звѣзда стражница, сказалъ онъ, — звѣзда все видитъ, она видѣла какъ Кавель Кавеля убилъ. Мѣсяцъ увидалъ, да испугался какъ христіянская кровь брызнула и сейчасъ спрятался, а звѣзда все надъ Кавелемъ илыла, Богу злодѣя показывала.

— Кавеля?

— Нѣтъ, Кавеля.

— Да вѣдь кто кого убилъ-то: Кавель Кавеля?

— Нѣтъ, Кавель Кавеля.

— Врешь, Кавель Кавеля.

Споръ становился очень затруднительнымъ, только было слышно: „Кавель Кавеля“, „нѣтъ, Кавель Кавеля“. На чьей сторонѣ была правда вѣтхозавѣтнаго факта различить было невозможно, и дѣло грозило дойти до брани, еслибы въ ту минуту неразрѣшаемыхъ сомнѣній изъ темной мглы на счастье не выплылъ маленькій положайникъ Ермолаичъ, и упадая отъ усталости къ ленушку, не заговорилъ сладкимъ, немного искусственнымъ голосомъ:

— Ухъ, усталъ я, рабъ Господень, усталъ, ребятушки: дайте присѣсть посидѣть, вашихъ умныхъ словъ послушать.

И онъ перекатился котомъ ломѣстился между мужиковъ, прислонясь спиной къ кочкѣ на которой сидѣлъ Сухой Мартынъ.

— О чемъ парень-ки братцы спорили: о страшномъ или о божественномъ; о древней о бабушкѣ или о красной о дѣвушкѣ? заговорилъ онъ тѣмъ же сладкимъ голосомъ.

Ему разказали о лунѣ, о звѣздахъ и о Кавелѣ съ Кавелемъ.

— Ухъ, Кавели, Кавели, давніе люди, что намъ до нихъ братцы, Божіи работнички: ихъ Богъ разсудилъ, а насчетъ неба загадка есть: что стоитъ, молъ, поле полеванское и много на немъ скота горевансkаго, а стережетъ его одинъ пастухъ, какъ ягодка. И идетъ онъ, Божьи людцы, тотъ пастушокъ, лѣсомъ не хрустнетъ, и идетъ онъ плёсомъ не всплеснетъ, и въ сухой травѣ не зацѣпится, и въ рыхломъ снѣжку не увязнетъ, а кто мудренъ да досужъ разумомъ, тотъ мнѣ сейчасъ этого пастушка отгадаетъ.

— Это красное солнышко, отозвались хоромъ.

— Оно и есть, оно и есть, молодцы государевы мужички, Божьи молитвенники. Ухъ да ребятки! я зову: кто отгадаетъ? а они въ одно, что и говорить: умудряетъ Господь, умудряетъ. Да и славно же вамъ тутъ; ишь полегли въ снѣжку какъ зайчики лодъ сосенкой и потягиваются, да дѣдушку Мартына слушаютъ.

Сухой Мартынъ затрясъ бородой и, покачавъ головой, съ неудовольствіемъ отозвался что мало его здѣсь слушаютъ, что каждый тутъ про себя хочетъ большимъ главаремъ быть.

— А-а, ну это худо, худо,.... такъ нельзя, государевы мужички, невозможно; нельзя всѣмъ главарями быть. И загадочный Ермолаичъ началъ разказывать что на Божіемъ свѣтѣ ровни нѣтъ; на что де лѣсъ дерево, а и тотъ въ себѣ разный порядокъ держитъ.—Гляньте-ка, вонъ гляньте: видите небось: всѣ капралы поскидали кафтаны, а вонъ Божія сосеночка промежду всѣхъ другой законъ бережетъ: стоитъ вся въ листвѣ, какъ егарь въ мундирчикѣ, да командуетъ: кому когда просыпаться и изъ теплыхъ вѣтровъ одежку брать. Надо, надо, людцы, главаря слушаться.

— А что же его слушать, когда по его командѣ огня нѣтъ, запротестовали мужики.

— Будетъ еще, Божьи дѣтки, будетъ. Сейчасъ нѣтути, а потомъ и будетъ: видите грѣетъ, куритъ, а станутъ дуть, огня нѣтъ. Поры значитъ нѣтъ, а придетъ пора, будетъ.

— Говорятъ, это съ того что въ барскихъ хоромахъ старый огонь сидитъ?

— Ну, какъ знать, какъ знать: голуби которы молоды.

Ермолаичъ все старался шутить въ риѳму и вообще велъ рѣчь отзывавшуюся искусственною выдѣланностію простонароднаго говора.

— Нѣтъ, это ужь мы вѣрно знаемъ, отвѣчалъ Ермолаичу спорливый мужикъ.

— Да; намъ баилъ самъ лѣгій баринъ, что помѣщикъ, баитъ, огонь нарочно не хочетъ гасить.

— Когда онъ это баилъ лѣгій баринъ? переспросилъ Ермолаичъ, и въ десятый разъ съ величайшимъ вниманіемъ прослушавъ краткое изложеніе утренней бесѣды Вислиѳева съ мужиками за гуменникомъ, заговорилъ: — Ну его, ну его, этого лѣгаго барчука, что̀ его слушать!

— А отчего и не послушать-то? Нѣтъ, онъ все за мужиковъ всегда разсуждаетъ.

— Онъ дѣло баитъ: побить, говоритъ, ихъ всѣхъ, да и на что̀ того лучше?

— Ну дѣло! легка ли стать! Не слушайте его: ишь онъ какъ шелудовый торопится, когда еще и баня не топится. Глядитека лучше вонъ какъ мужички-то приналегли, ажно древо визжитъ! Ухъ! верти, верти круче! Ухъ! вотъ сейчасъ возлетитъ орелъ во рту огонь, а по концу его хвоста и будетъ коровья смерть.

Народъ налегалъ; возжи ходили какъ струны и бревно летало стрѣлой: но спорливый мужикъ у кочки и здѣсь ворчалъ подъ руку что все это ничего не значитъ, хоть и добыли огонь: не поможетъ дегтярный крестъ, когда животворящій не помогъ.

Ермолаичъ и ему стадъ поддакивать.

— Ну да, заластилъ онъ своимъ мягкимъ голоскомъ: — кто споритъ, животворный крестъ дехтярнаго завсегда старше, а знаешь присловье: „почитай молитву, не порочь ворожбы“.

Это встрѣтило общее одобреніе, и кто-то сейчасъ же завелъ какъ гдѣ-то вдалекѣ съ коровьей смертью хотѣли одни лопы крестомъ да мотитвой справиться и не позволяли колдовать: бились они колотилися, и ничего не вышло. И шелъ вотъ по лѣсу мужикъ, такъ плохенькій бѣднячокъ, и коровъ у него отъ роду ни одной не было, а звали его Аѳанасій и былъ онъ травкой подпоясанъ, а въ той-то въ травѣ была трава змѣино видище. Вотъ онъ идетъ разъ, видитъ сидитъ въ лѣсу при

чищобѣ на печкѣ бурый мѣдвѣдь и говоритъ: „Мужикъ Аѳа насій травкой подпоясанъ, это я самъ и есть коровья смерть, только мнѣ Божьихъ мужичковъ очень жаль стало: ступай, скажи пусть они мнѣ выведутъ въ лѣсъ одну бѣлую корову, а черныхъ и пестрыхъ весь день за рога держутъ, я такъ и быть съѣмъ бѣлую корову и отъ васъ и уйду. Сдѣлали такъ по его, какъ онъ требовалъ, сейчасъ и моръ пересталъ.

— Да ужь медвѣдь степенный звѣрь, онъ ни въ жизнь не обманетъ.

— А степененъ да глупъ: если онъ въ колоду лапу завязитъ такъ не вытащитъ, все когти рветъ, а какъ вынуть, про то снаровки нѣтъ.

— Гдѣ же ему снаровки медвѣдю взять, вмѣшался другой мужикъ:—вонъ я въ городѣ слона приводили видѣлъ: на что больше медвѣдя, а тоже булку ему дадутъ, такъ онъ ее въ себя не жевамши, какъ купецъ въ комодъ положитъ.

— Медвѣдь думецъ, поправилъ третій мужикъ, онъ не глупъ, у него думъ въ головѣ страсть какъ много сидятъ, а только наружу ничего не выходитъ, а то бы онъ всѣхъ научилъ.

Но спорщикъ на все это отвѣтилъ сомнѣньемъ и даже не видалъ причины для коей бы коровья смерть медвѣдемъ сидѣла. Съ этимъ согласились и другіе.

— Да; вѣдь смерть нѣжить, у нея лица нѣтъ, на что же ей скидываться, поддержалъ козелковатый.

— Какъ же лица нѣтъ, когда она безъ глазъ видитъ и въ церкви такъ пишется?

— Да, у смерти лица нѣтъ, у нея обликъ, вставилъ чужой мужикъ,—одинъ обликъ, вотъ все равно какъ у кикиморы. У той тоже вѣдь лица нѣтъ.... такъ на мордочкѣ-то ничего не видать, даже никакой облики, вся въ кострику обвалена, а все прядетъ и напрядетъ себѣ въ зиму семьдесятъ семь одежекъ, а все безъ застежекъ, потому ужъ ей застежекъ пришить нечѣмъ.

— А кащей, вонъ хоть весь съ ноготь, обличье имѣетъ, у насъ дѣдъ одинъ его видѣлъ, такъ, говоритъ, личико махонькое-махонькое, какъ затертый пятиалтынникъ.

— Про это и попы не знаютъ, какое у нѣжити обличіе, отозвался на эти слова звонкоголосый мужичекъ и сейчасъ же самъ заговорилъ что у нихъ въ селѣ есть образъ пророка Сисанія и при немъ списаны двѣнадцать сестеръ лихорадокъ, всѣ какъ есть просто голыми бабами наружу выставлены, а рожи имъ всѣ повылечены, потому что какъ кто ставитъ пророку

свѣчу, сейчасъ самымъ огнемъ бабу, въ морду ткнетъ, чтобъ ея лица не значилось.

— Да и архангелъ ихъ, этихъ двѣнадцать сестеръ, тоже огненными прутьями страсть какъ лоретъ, чтобъ онѣ народъ не трясли, пояснилъ другой мужикъ изъ того же села и добавилъ какъ онъ разъ замерзалъ въ лургу и самого архангела видѣлъ.

— Замерзалъ, говоритъ, я,—замерзалъ и все Егорью молился и сталъ вдругъ видѣть что въ полугорьѣ недалече самъ Егорій середь бѣлаго снѣгу на бѣломъ конѣ стоитъ, позади его яснитъ широкъ бѣлъ шатеръ, а онъ самъ на ледяное копье опирается, а вокругъ его волки, которые на него бросились, всѣ ледянками стали.

— А я одинъ разъ холеру видѣлъ, произнесъ еще одинъ голосъ, и вмѣшавшійся въ разговоръ крестьянинъ разказалъ какъ предъ тѣмъ года четыре назадъ у нихъ холерѣ быть, и онъ разъ пошелъ весной на дворъ, вилой навозъ ковырять, а на навозѣ откуда не возьмись пѣтухъ, самъ поетъ, а перья на немъ всѣ болтаются: это и была холера, которая въ ту пору, значитъ, еще только прилетѣла да сѣла.

Разговоръ сталъ сбиваться и путаться: кто-то заговорилъ что на Волховѣ на рѣкѣ всякую ночь гробъ плыветъ, а мертвецъ реветъ, вокругъ свѣчи горятъ и ладонъ пышетъ, а покойникъ въ вѣчный колоколъ бьетъ и на Ивана царя грозится. Не умолкъ этотъ разкащикъ, какъ другой сталъ сказывать куда кони пропадаютъ, сваливая все это на вину живущей гдѣ-то на турецкой землѣ бѣлой кобылицы съ золотою гривой, которую если только конь заслышитъ какъ она по ночамъ ржетъ, то ужь непремѣнно уйдетъ къ ней, хоть его за семью замками на цѣпяхъ держи. За этимъ пошла рѣчь о замкахъ, о разрывъ-травѣ и какъ ее узнавать, когда сѣно косятъ и косы ломятся, и о томъ что разрывъ-трава одну кошку не разрываетъ, но что за то кошкѣ дана другая напасть: она если варенаго гороху съѣстъ, сейчасъ оглохнетъ. Оказывалось, впрочемъ, что и ей еще не хуже всѣхъ, потому что мышь если въ церкви подъ царскія врата шмыгнетъ, такъ за то летучей должна скинуться.

Бесѣда эта на всѣхъ кто ее слушалъ производила тихое, сотворное впечатлѣніе, такое что и строптивый мужикъ не возражалъ, а Ермолаичъ, зѣвая и крестя ротъ, пропѣлъ: да, да, все всему гласъ подаетъ, и слушаетъ дуброва какъ вода говоритъ: „побѣжимъ, побѣжимъ“, а бережки шопотятъ: „постоимъ постоимъ“, а травка зоветъ: „пошатаемся“. Но съ этимъ разкащикъ бы-

стро всталъ, и за нимъ торопливо вскочили другіе. Великое таинодѣйствіе на полянѣ совершалось: красная сосна, врѣзаясь въ черную лилу, лилила лилой, въ воздухѣ сильно пахло горячимъ деревомъ и смолой, и прозрачная синеватая свѣтящаяся нитка мигала на одномъ мѣстѣ въ воздухѣ.

— Ну, ну, сынки-хватки, дочки-лизушки: наляжь! крикнулъ бросаясь къ добычникамъ Ермолаичъ.

Еще секунда, и огонь добытъ; сынки-хватки, дымяся лѣтомъ, еще сильнѣй налегли; дочки-лизушки сунулись къ дымящимся бревнамъ съ пригоршнями сухихъ стружекъ и съ оттопыренными губами, готовыми раздуть затлѣвшуюся искру въ полымя, какъ вдругъ натянутые безмѣрнымъ усердіемъ концы веревокъ лопнули; съ этимъ вмѣстѣ обѣ стѣны трущихъ огонь крестьянъ, оторвавшись, разомъ упали: расшатанное бревно взвизгнуло, размахнулось и многихъ больно зашибло.

Послышались тяжкіе стоны, затѣмъ хохотъ, затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ адскій шумъ, воскликъ, зовъ на ломощь и снова стонъ ужасный, отчаянный; и все снова затихло, точно ничего не случилось, межъ тѣмъ какъ произошло нѣчто замѣчательное: Михаила Андреевича Бодростина не стало въ числѣ живыхъ, и разрѣшить кто положилъ его на мѣстѣ было не легче, чѣмъ разрѣшить споръ о Кавелѣ и Кавелѣ.

XIX. Коровья смерть.

Рядъ экипажей выѣхавшихъ съ Бодростинскими гостями посмотрѣть на проказы русскихъ Титаніи и Оберона, подвергшись неоднократнымъ остановкамъ отъ бабьихъ объѣздовъ, благополучно достигъ Алёнина Верха. Патрули напрасно останавливали и старались удержать господъ, — ихъ не слушали, и рослые господскіе кони, взмахнувъ хвостами, оставляли далеко позади себя замореныхъ крестьянскихъ клячъ и ихъ татуированныхъ всадницъ. Сторожевымъ бабамъ не оставалось ничего иного какъ только гнаться за господами, и онѣ, нахлестывая своихъ кляченокъ, скакали, отчаянно крича и волія о ломощи.

Первыми на мѣсто огничанья примчались троечныя дрожки, на которыхъ ѣхали Бодростинъ, Гордановъ и Висленевъ. Михаилъ Андреевичъ чувствовалъ что дѣло становится неладно и велѣлъ кучеру остановиться на углу поляны, за густою кулой деревьевъ. Здѣсь онъ хотѣлъ подождать отставшихъ отъ него гостей, чтобы сказать имъ что затѣю смотрѣть огничанье надо

оставить и повернуть скорѣе другою дорогой назадъ. Но сзади по пятамъ гнались бабы: стукъ некованыхъ копытъ ихъ коней уже былъ слышенъ близехонько. Онѣ настигали, и какъ настигнутъ, можетъ произойти не вѣсть что. Гдѣ гости: впереди погони, или уже опережены, и погоня мчится только за Бодростинымъ? Въ этомъ казалось необходимо удостовѣриться. Опасность еще не представлялась особенно большою, но, про всякій случай Бодростинъ, оставивъ дрожки на дорогѣ, самъ быстро спрыгнулъ и отошелъ съ тростью въ рукѣ подъ нависшія вѣтви ели. За нимъ послѣдовалъ Гордановъ. Висленевъ же остался на дрожкахъ, и спустясь на подножье крыла, притаился какъ будто его и не было.

— Гдѣ онъ?.... гдѣ же этотъ нашъ бэбэ? безпокоился о немъ Бодростинъ. — Возьмите его пожалуста, Гордановъ, а то его какая-нибудь Авдоха толкнетъ по макушкѣ, и онъ будетъ готовъ.

Гордановъ прыгнулъ къ дрожкамъ, которыя кучеръ изъ предосторожности отодвинулъ къ опушкѣ подъ вѣтви, но Жозефа на дрожкахъ не было. Гордановъ позвалъ его. Жозефъ не отзывался: онъ сидѣлъ на подножьѣ крыла, спустя ноги на землю и весь дрожа, держался за бронзу козелъ и тя спицы колесъ. Въ этомъ положеніи открылъ его Гордановъ и, схвативъ за руку, повлекъ за собою.

— Не могу, говорилъ Жозефъ, но Гордановъ его тащилъ, и когда они были возлѣ Бодростина, Жозефъ вдругъ кинулся къ нему и залепеталъ:

— Михаилъ Андреевичъ, я боюсь!... мнѣ страшно!...

— Чего же, любезный, страшно?

— Не знаю, но право.... такъ страшно.

— Чего? чего? повторилъ Гордановъ.—Гдѣ твоя сигара?

— Сигара?... да, у меня горитъ сигара. Бога ради возьмите, Михаилъ Андреичъ, мою сигару!

И Жозефъ внезапно ткнулъ въ руку Бодростина огнемъ сигары, которую за секунду предъ этимъ всунулъ ему Гордановъ.

Бодростинъ громко вскрикнулъ отъ обжога, сигара полетѣла на землю, искры ея разсыпались въ воздухѣ по низу, а въ то же время по верху надъ всею группой замелькали цѣпы, точно длинныя черныя змѣи. Раздался вой, бухнулъ во что-то тяжелый толкачъ, и рѣзко вырвался одинъ раздирающій вскрикъ. Мимо пронеслась вереница экипажей, и тросчныя дрожки, на которыхъ ѣхалъ сюда Бодростинъ, неслись Богъ вѣсть куда,

по ямамъ и рытвинамъ, но на нихъ теперь было не три, а два сѣдока; назадъ скакали, стоя и держась за кучера, только Гордановъ и Висленевъ. Бодростина уже не было.

Кучеръ, не могшій во всю дорогу справиться съ лошадьми, даже у подъѣзда барскаго дома не замѣтилъ что барина нѣтъ между тѣми кого онъ привезъ, и отсутствіе Бодростина могло бы долго оставаться необъяснимымъ, еслибы Жозефъ, ворвавшись въ домъ, не впалъ въ странный раѳъ. Онъ метался по комнатамъ, то стоналъ, то шепталъ, то выкрикивалъ:

— Глафира! Глафира! Гдѣ, вы? Я васъ освободилъ!

Неудержимо несясь съ этими кликами безумнаго изъ комнаты въ комнату, онъ стремительно обѣжалъ всѣ пункты гдѣ надѣялся найти Глафиру Васильевну, и унять его не было никакой возможности. Гордановъ самъ былъ смущенъ и потерянъ. Онъ не ожидалъ такой выходки, пытался было поймать Жозефа и схватить его за руку, но тотъ отчаянно вырвался, и бросаясь впередъ съ удвоенною быстротой, кричалъ: „Нѣтъ-съ; нѣтъ-съ; извините, это я, а не вы-съ.... а не вы!“

Гордановъ сообразилъ что ему надо бросить попытку остановить это сумашествіе, и Жозефъ, переполошивъ весь домъ, ворвался, какъ мы видѣли, въ комнату Лоры.

Глафира слышала этотъ переполохъ и искала отъ него спасенія. Она была встревожена еще и другою случайностью. Когда, отпустивъ гостей, она ушла къ себѣ въ будуаръ, гдѣ подъ предлогомъ перемѣны туалета хотѣла наединѣ переждать тревожныя минуты, въ двери къ ней кто-то слегка стукнулъ, и когда Глафира откликнулась и оглянулась, предъ нею стоялъ монахъ.

У Глафиры морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Откуда могъ взяться этотъ странный пришлецъ? Кто могъ впустить и проводить его черезъ цѣлые ряды комнатъ?

— Что вамъ нужно? спросила его быстро двинувшись съ мѣста Бодростина.

Монахъ улыбался и шатался какъ пьяный.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? повторила Глафира.

— Помолить о душѣ, проговорилъ заикаясь и при этомъ ужасно кривляя лицомъ, монахъ.

— О какой душѣ? прошу васъ выдти! Идите въ контору.

— Проводите.

Глафира бросилась къ звонку: ей показалось что это не монахъ, а убійца.... но когда она, дернувъ звонокъ, оглянулась,

монаха уже не было, и ее поразила новая мысль что это было видѣніе.

Глафира кинулась узнать какимъ образомъ могъ появиться этотъ монахъ и куда онъ вышелъ, какъ вдругъ ей противъ воли вспомнился Водольяновъ и ей показалось что это былъ именно онъ. Она бѣжала не помня себя и очувствовалась когда метавшійся въ потьмахъ Жозефъ былъ освѣщенъ вбѣжавшими вслѣдъ за нимъ людьми съ лампами и свѣчами.

При видѣ растрепанной фигуры, взволнованнаго и перепачканнаго кровью лица и обезумѣвшихъ глазъ Жозефа, который глядѣлъ ничего не видя и стремился къ самому лицу Глафиры, хватая ее окровавленными руками и отпихивая ногой Гордановa, Глафира затрепетала и сторонясь крикнула: „прочь!“

— Это не онъ, не онъ, а я. Я все кончилъ, лепеталъ Висленевъ.

Глафира, теряя силы, едва могла съ ужасомъ и омерзѣніемъ отпихнуть его и бросилась за Синтянину, межъ тѣмъ какъ Гордановъ, отбросивъ Жозефа, закричалъ:

— Ты съ ума сошелъ, бѣшеная тварь!

Но въ это же самое мгновеніе за плечами Горданова грянулъ выстрѣлъ, и пуля влипла въ стѣну надъ головой Павла Николаевича, а Жозефъ, колеблясь на ногахъ, держалъ въ другой рукѣ дымящійся пистолетъ и шепталъ:

— Нѣтъ; полно меня отбрасывать! Обѣщанное ждется-съ!

Все это было дѣломъ одного мгновенія, и ни Гордановъ, ни дамы, ни слуги не могли понять причины выстрѣла и болѣе въ безмолвномъ удивленіи чѣмъ въ страхѣ смотрѣли на Жозефа, который, водя вокругъ глазами, тянулся къ Глафирѣ.

— Боже мой, чего ему отъ меня нужно? произнесла она, стараясь укрыться за Гордановымъ.

Но это ей не удалось, и серіозно помѣшавшійся Висленевъ тянулся къ ней и лепеталъ:

— Обѣщанное ждется-съ, обѣщанное ждется! Я сдѣлалъ все.... все честно сдѣлалъ и требую расплаты!

Гордановъ пришелъ наконецъ въ себя, бросился на Висленева, обезоружилъ его однимъ ударомъ по рукѣ, а другимъ сшибъ съ ногъ, и придавивъ къ полу, велѣлъ людямъ держать его. Лакеи схватили Висленева, который и не сопротивлялся: онъ только тяжело дышалъ и, водя вокругъ глазами, попросилъ пить. Ему подали воды, онъ жадно началъ глотать ее, и вдругъ, бросивъ на полъ стаканъ, отвернулся, ломанилъ

къ себѣ рукой Синтянину, и закрывъ лицо полосой ея платья зарыдалъ отчаянно и громко.

— Боже мой, Боже мой, что я надѣлалъ! — Люди! всѣ кто здѣсь есть бѣгите!... туда.... въ Алёшинъ Верхъ.... тамъ Михаилъ Андреичъ.... можетъ-быть онъ еще живъ!

При этихъ словахъ все поднялось, взмѣшалось, и кто бѣжалъ къ двери, кто бросался къ окнамъ; а въ окна чрезъ двойныя рамы врывался сплошной гулъ, и во тьмѣ окружающей домъ плыло большое огненное пятно, отъ котораго то въ ту, то въ другую сторону отдѣлялись свѣтлыя точки. Невозможно было понять что это такое. Но вотъ все это приближается и становится кучей народа съ фонарями и пылающими головнями и сучьями въ рукахъ.

Это двигались огничане Алёшина Верха: они, наконецъ, добыли огня, сожгли на немъ чучелу Мары, набрали въ чугунки и корчажки зажженныхъ лучинъ и тронулись было опахивать землю, но не успѣли завести борозды, какъ подъ ноги бабъ попалось мертвое и уже окоченѣвшее тѣло Михаила Андреевича. Эта находка поразила крестьянъ неописаннымъ ужасомъ; опахиванье было забыто, и перепуганные мужики съ полупагими бабами въ недоумѣніи и страхѣ потащили на господскій дворъ убитаго барина.

Кортежъ былъ необычайный!

Полуобнаженныя женщины въ длинныхъ рубахахъ, съ растегнутыми воротниками и лицами размазанными мѣломъ, кирпичомъ и сажей; густой желтосизый дымъ пылающихъ головней, и красныхъ угольевъ свѣтящихъ изъ чугунковъ и корчажекъ, съ которыми огромная толпа мужиковъ ворвалась въ домъ, и среди этого дыма коровій черепъ на шестѣ, неизвѣстно для чего сюда попавшій, и тощая вдова въ саванѣ и съ глазами безъ вѣкъ; а на землѣ трупъ съ распростертыми окоченѣвшими руками, и тутъ же суетящіеся и не знающіе что дѣлать гости. Все это составляло фантастическую картину нѣмаго и холоднаго ужаса. Здѣсь не было ни слезъ, ни воплей, ни укоризнъ и вздоховъ, а одинъ столбнякъ надъ трупомъ.... И надъ *какимъ* трупомъ! Надъ трупомъ человѣка который часъ тому назадъ былъ здоровъ и теперь лежалъ обезображенный, испачканный, окоченѣвшій, съ растопыренными, впередъ вытянутыми руками. Руки мертвеца окостенѣли обѣ въ напряженномъ положеніи; точно онъ на кого-то указывалъ, или къ кому-то взывалъ о защитѣ и отмщеніи, или отъ кого-то отпихивался.

Къ довершенію картины трупъ имѣлъ правый глазъ остолбенѣлый, съ открытыми вѣками, а лѣвый прищуренный, точно подсматривающій и подкарауливающій; языкъ былъ прикушенъ, темя головы совершенно плоско: оно раздроблено, и съ него, изъ-подъ сѣдыхъ, сукровищей, мозгомъ и грязью смоченныхъ волосъ, на самые глаза надулся багровый кровяной подтекъ. Ко всему этому, для полноты впечатлѣнія, надлежитъ еще прибавить блѣднаго Висленева, который, присѣдая, повисалъ на рукахъ схватившихъ его лакеевъ; такъ появился онъ на порогѣ, и водя вокругъ безумными глазами, беззвучно шепталъ: „обѣщанное ждется-съ; да, обѣщанное ждется".

Первая пришла въ себя Глафира: она сдѣлала надъ собою усиліе и со строгимъ лицомъ не плаксивой, но глубокой скорби прошла чрезъ толпу, остановилась надъ самымъ трупомъ мужа, и закрывъ на минуту глаза рукой, бросилась на грудь мертвеца и..... въ ту же минуту въ замѣшательствѣ отскочила и попятилась не сводя взора съ раскачавшихся рукъ мертвеца.

— Вы неосторожно его тронули, проговорилъ ей на ухо малознакомый голосъ человѣка къ которому она въ услугѣ приклонилась.

Она взглянула и увидала золотыя очки Ворошилова.

— Вы испугались? продолжалъ онъ шепотомъ.

— Ни мало, отвѣчала она громко, и сейчасъ же оборотясь къ Горданову сказала повелительнымъ тономъ:—Займитесь пожалуста всѣмъ.... сдѣлайте все что надо.... мнѣ не до того.

И съ этимъ она повернулась и ушла во внутреннія покои.

Сцена оживилась: столпившихся крестьянъ погнали вонъ; гости кто какъ могъ отыскали своихъ лошадей и уѣхали; трупъ Бодростина покa прикрыли скатертью, Гордановъ между тѣмъ не дремалъ: въ городъ уже было послано извѣстіе о крестьянскомъ возмущеніи, жертвой котораго палъ безчеловѣчно убитый Бодростинъ. Чтобы подавить возмущеніе требовалось войско.

XX. Нéжить мечется.

Къ смерти, какъ и ко всему на свѣтѣ, можно относиться различно: такъ созданъ свѣтъ, что гдѣ хоть два есть человѣка, есть и два взгляда на предметъ. Въ тѣ самыя минуты когда приговоренный Нерономъ къ смерти эпикуреецъ Люцій шутитъ, раздѣляющій судьбу его стоикъ Сенека говоритъ: „въ часъ смерти шутки неприличны, смерть шагъ великій, и есть смыслъ

въ Платоновскомъ ученьи что смерть есть мигъ перерожденья", но оба они умираютъ со своими взглядами на смерть, и нѣтъ свидѣтельствъ кто изъ нихъ болѣе правъ былъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе, „небытіе ль насъ ждетъ" иль „мигъ перерожденья", смерть шагъ слишкомъ серіозный, и мертвецъ лежащій предъ нашими глазами всегда производитъ впечатлѣніе тяжелаго свойства. Но и въ этомъ случаѣ человѣкъ видимо платитъ дань внѣшнимъ условіямъ и относится къ значенію лежащаго предъ нимъ „вещественнаго доказательства" его земной временности, подъ вліяніемъ обстановки и обстоятельствъ. Нагой трупъ препарированный на столѣ анатомическаго театра, или трупъ ожидающій судебно-медицинскаго вскрытія въ сараѣ съѣзжаго полицейскаго дома, и трупъ положенный во гробѣ, покрытый парчой, окаженный ладаномъ и освѣщенный мерцаніемъ погребальныхъ свѣчъ — это все трупы, все остатки существа бывшаго человѣкомъ, тѣ же „кожаныя ризы", покинутыя на тлѣнъ и разрушеніе, но чувства ощущаемыя людьми при видѣ этихъ совершенно однокачественныхъ и однозначащихъ предметовъ и впечатлѣнія ими производимыя далеко не одинаковы. *Трупъ* безгласенъ, *покойникъ* многовнушителенъ. Не только ученый анатомъ, проводящій всю жизнь въ работѣ надъ трупами въ интересахъ науки, но даже огрубѣлый палачъ не сохраняютъ полнаго равнодушія при видѣ трупа положеннаго во гробѣ и обставленнаго всѣмъ чѣмъ крѣпка христіанская могила. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается когда снаряженный къ погребенію трупъ вчера еще былъ человѣкъ нами близко знаемый, вчера живой, нынче безгласный, съ измѣнившимся обезображеннымъ ликомъ, каковъ былъ теперь Бодростинъ.

Суета, смѣнившаяся мертвою тишиной, какъ только Михаила Андреевича положили на столъ въ большой залѣ, теперь замѣнялась страхомъ, смѣшаннымъ съ недовѣріемъ къ совершившемуся факту. Люди ощущали тягость присутствія мертвеца и въ то же время не довѣряли что онъ умеръ. Онъ еще такъ недавно жилъ и дѣйствовалъ что въ умахъ никакъ не укладывалась мысль что его уже нѣтъ. Притомъ же необыкновенная смерть его вела за собой и необычные порядки: мертвеца положили на столъ, покрыли его взятымъ изъ церкви покровомъ и словно позабыли о немъ. Не было заботы чтобъ окружить его тою обстановкой на какую онъ имѣлъ право по своему положенію и богатству. Гости разбѣжались

во свояси; вдова заключилась въ свои аппартаменты; управитель Гордановъ, позабывъ о своемъ нездоровьѣ, распоряжался окружить домъ и усадьбу утроеннымъ карауломъ и слалъ гонца за гонцомъ въ городъ, настаивая на скорѣйшей присылкѣ войскъ для подавленія крестьянскаго бунта; Ларису почти безъ чувствъ увезла къ себѣ Синтянина; слуги смятенные бродили наступая другъ другу на ноги и толкались, пока наконецъ устали, и не чуя подъ собою ногъ, начали зѣвать и сѣли.... А о покойникѣ все-таки опять никто не позаботился: мѣстный церковный причтъ было толкнулся, но сейчасъ же отчалилъ, и Богъ не былъ еще благословенъ надъ умершимъ. Впрочемъ три церковные подсвѣчника безъ свѣчъ, поставленные дьячкомъ въ углѣ зала, показывали что церковь помнитъ свое дѣло, но не смѣетъ приступить къ нему безъ разрѣшенія начальства и власти. Одно, на что посягнули вокругъ трупа,—было чтеніе псалтыря. Къ этому тоже никто никого не приглашалъ, но за это безъ зова взялся старый дворовый, восьмидесятилѣтній Сидъ, знавшій покойнаго еще молодымъ человѣкомъ. Старый рабъ, услыхавъ о событіи, проникъ сюда съ книгой, которая была старше его самого, и прилѣпивъ къ мѣдной пряжкѣ чернаго переплета грошовую желтую свѣчку, сталъ у мраморнаго подоконника и зашамшалъ беззубымъ ртомъ: „Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечистивыхъ“.

Поздній совѣтъ этотъ раздался въ храминѣ упокоенія Бодростина уже о самой полуночи. Зала была почти совсѣмъ темна, ее едва освѣщала грошовая свѣчка чтеца, да одна позабытая и едва мерцавшая вдалекѣ лампа. При такой обстановкѣ одна изъ дверей большаго покоя пріотворилась, и въ нее тихо вошелъ Ворошиловъ.

Чтецъ оглянулъ изподлобья вошедшаго и продолжалъ шуршить своими беззубыми челюстями.

Ворошиловъ, приблизясь къ столу на которомъ лежалъ покойникъ, остановился въ ногахъ, потомъ обошелъ вокругъ и опять всталъ. Чтецъ все продолжалъ свое чтеніе.

Прошло около четверти часа: Ворошиловъ стоялъ и внимательно глядѣлъ на мертвеца, словно изучалъ его или что-то надъ нимъ раздумывалъ и соображалъ, и наконецъ оглянувшись на чтеца увидалъ что и тотъ на него смотритъ и читаетъ наизусть, по памяти. Глаза ихъ встрѣтились. Ворошиловъ тотчасъ же опустилъ на лицо убитаго покровъ и подойдя къ

чтецу открылъ табатерку. Сидъ не прерывая чтенія поклонился и помоталъ отрицательно головой.

— Не нюхаете? спросилъ его Ворошиловъ.

— Нѣтъ; не нюхаю, ввелъ чтецъ въ текстъ своего чтенія и продолжалъ далѣе.

Ворошиловъ постоялъ, понюхалъ табаку и со вздохомъ проговорилъ:

— А? Каковъ грѣхъ-то? Кто это могъ ожидать?

Чтецъ остановился и поглядѣвъ чрезъ очки отвѣчалъ:

— Отчего же не ожидать? Это ему давно за меня приназначено.

— За васъ? что такое: развѣ покойникъ....

Но Сидъ перебилъ его.

— Ничего больше, сказалъ онъ,—какъ это онъ свое получилъ: какъ жилъ такъ и умеръ, собакѣ собачья и смерть.

Ворошиловъ внимательно воззрился на своего собесѣдника и спросилъ его: — Давно ли онъ зналъ покойника?

— Давно ли я зналъ его? А кто же его давнѣе меня зналъ? На моихъ рукахъ выросъ. Я его у купели цѣловалъ и въ гробу завтра поцѣлую: я дядькой его былъ, и его и брата его Тимоѳея Андреевича пѣстовалъ: такой же неблагодарный былъ какъ и этотъ.

— Это вы про сумашедшаго?

— Нѣтъ, тотъ былъ Иванъ Андреевичъ, и тотъ былъ аспидъ, да они такъ-сказать и всѣ были злымъ духомъ обуяны.

— Вы не любили ихъ?

Чтецъ, помолчавъ, поплевалъ на пальцы и сощипнувъ нагаръ со своей свѣчки, нехотя отвѣтилъ:

— Не любилъ, что такое значитъ не любить? Когда мое время было любить или не любить, я тогда, милостивый государь, крѣпостной рабъ былъ, а что крови моей они всѣ вволю попили, такъ это вѣрно. Я много обидъ снесъ.

— Который же васъ обижалъ, тотъ или этотъ?

— И тотъ и этотъ. Этотъ еще злѣе того былъ.

— Ну вотъ потому значитъ вы его и не долюбливаете?

Чтецъ опять подумалъ и кивнулъ головой на мертвеца проговорилъ:

— Что его теперь не долюбливать, когда онъ какъ колода валяется; а я ему всегда говорилъ: „Я тебя переживу“, вотъ и пережилъ. Онъ еще на той недѣлѣ со мной встрѣтился, ажь зубами заскрипѣлъ: „Чтобъ тебѣ, говоритъ, старому чорту

провалиться", а я ему говорю: то-то молъ и есть что земля-то твоя, да тебя изверга не слушается и меня не принимаетъ.

— Вы такъ ему и говорили?

— Какъ? переспросилъ съ недоумѣніемъ чтецъ.—А то какъ бы я еще съ нимъ говорилъ?

— То-есть этими самыми словами?

— Да, этими самыми словами.

— Такъ извергомъ его и называли?

— Такъ извергомъ и называлъ. А то какъ еще его было называть? Онъ говоритъ: „когда ты старый шакалъ издохнешь?" а я отвѣчаю: тебя переживу и издохну. А то что же ему слущать что ли стану? Ни въ жизнь никогда не слускалъ, и старикъ погрозилъ мертвецу пальцемъ и добавилъ: и теперь не надѣйся, я вѣрный рабъ и вѣренъ пребуду и теперь тебѣ не слущу: говорилъ я тебѣ что „переживу" и пережилъ, и теперь предстанемъ предъ Судію и посудимся.

И беззубый ротъ старика широко раскрылся и потухшіе глаза его оживились.

— Да! взывалъ онъ, — да! Пережилъ я тебя и теперь скоро лозову тебя на судъ.

Ворошиловъ съ удивленіемъ глядѣлъ на этого „вѣрнаго раба" и тихо ему замѣтилъ что такъ не идетъ говорить о покойникѣ, да еще надъ его тѣломъ.

— А что мнѣ его тѣло! рѣзко отвѣтилъ старикъ, и съ этимъ отбросилъ отъ себя на подоконникъ книгу, оторвалъ отъ нея прилепленную свѣчонку, и выступивъ съ нею ближе къ трупу, заговорилъ: — А извѣстно ли кому что это не его тѣло, а мое? Да, да! Кто мнѣ смѣетъ сказать что это его тѣло? Когда онъ двѣнадцати лѣтъ тонулъ, кто его вытащилъ? Я! Кто его устыжалъ когда онъ въ Бога не вѣрилъ? Я! Кто ему говорилъ что онъ собачьей смертью издохнетъ? Я! Кто его въ войнѣ изъ чужихъ мертвыхъ тѣлъ на спинѣ унесъ? Я! Я, все я, вѣрный рабъ Сидоръ Тимоѳеевъ, я его изъ могилы унесъ, моимъ дыханьемъ отдышалъ! закричалъ старикъ, начавъ колотить себя въ грудь, и вдругъ подскочилъ къ самому столу, на которомъ лежалъ обезображенный мертвецъ, присѣлъ на корточки и зашамкалъ: Я ради тебя имя крестное потерялъ, а ты какъ Сидора Тимоѳеева злымъ псомъ называлъ; какъ ты по сусаламъ билъ; какъ ты его за дерзость на цѣпь сажалъ? За что, за правду! За то что я вѣрный рабъ, я крѣпостной слуга, не наемщикъ скаредный, не за деньги тебѣ служилъ, а

за побои, потому что я правду любилъ и всю правду говорилъ, и говорилъ я тебѣ что я тебя переживу, и я тебя пережилъ, пережилъ, и я на судъ съ тобой стану, и ты мнѣ поклонишься и скажешь: „прости меня, Сидъ", и я тебя тогда прощу, потому что я вѣрный рабъ, а не наемщикъ, а теперь ты лежи когда тебя Богъ убилъ, лежи и слушай.

И съ этимъ оригинальный обличитель бросился къ своей книгѣ, перекрестился и быстро забормоталъ: „Услыши Господи правду мою и не внеди въ судъ съ рабомъ Твоимъ."

Ворошиловъ съ недоумѣніемъ оглянулся вокругъ и вздрогнулъ: сзади за самыми его плечами стоялъ и безобразно раскрывъ широкій ротъ улыбался молодой лакей съ маслянымъ глупымъ лицомъ и безпечно веселымъ взглядомъ. Замѣтивъ что Ворошиловъ на него смотритъ, лакей щолкнулъ во рту языкомъ, облизнулся и проведя рукой по губамъ, молвилъ:

— Сидъ Тимоѳеичъ всѣхъ удивляетъ-съ, съ этимъ онъ кивнулъ головой на чтеца и опять застылъ съ своею глупою улыбкой.

Ворошилова вдругъ ни съ того, ни съ сего стало подирать по кожѣ: предъ нимъ былъ мертвецъ и безуміе; все это давало поводъ заглядывать въ обыкновенно сокрытую глубину человѣческой натуры, ему показалось что онъ въ какомъ-то страшномъ мірѣ, и человѣческое слово стоявшаго за нимъ лакея необыкновенно его обрадовало.

— Что вы сказали? переспросилъ онъ, чтобы затѣять разговоръ.

— Я докладывалъ насчетъ Сида Тимоѳеича, повторилъ лакей.

— Кто такой этотъ Сидъ? прошепталъ Ворошиловъ, отведя въ сторону лакея.

— Старый дворовый, дядькой ихъ былъ, потомъ камердинеромъ, только въ послѣдствіи онъ, Сидъ Тимоѳеичъ, ужъ очень старъ сталъ и оставленъ ни при чемъ.

— Онъ сумашедшій что ли? прошепталъ Ворошиловъ.

— Кто его знаетъ: онъ со всѣми добродѣтельный старичокъ, а съ барномъ завсегда воинствовалъ, отвѣчалъ вмѣсто глупаго лакея другой, старшій этого лѣтами, вышедшій сюда не твердыми шагами и съ сильнымъ запахомъ водки.—У насъ всѣ такъ полагаютъ что Сидъ Тимоѳеичъ на барина слово зналъ, потому всегда онъ могъ произвесть покойника въ большой гнѣвъ, а сколь онъ ему бывало одначе ни грубитъ, но тотъ его совсѣмъ удалить не могъ. Билъ его встарину и наказывалъ, да на цѣль въ кабинетѣ сажалъ, а удалить не могъ. Даже когда

Сидъ Тимоѳеичъ барыню разъ обругалъ и служить ей не захотѣлъ, локойникъ его только изъ комнатъ выслалъ, а совсѣмъ отправить не могли. Сидъ Тимоѳеичъ и тутъ сталъ на порогѣ: „Не лойду, говоритъ: я тебя Ирода переживу и твоей Иродіады казнь увижу". Это все на барыню, добавилъ льяный лакей, кивнувъ головой на внутренніе локои.

Ворошиловъ любопытно вопросилъ, любилъ или не любилъ Сидъ Глафиру Васильевну, и получивъ въ отвѣтъ что онъ ее ненавидѣлъ, отвлекъ разкащика за руку въ сосѣднюю темную гостиную и заставилъ разказать что̀ это за лицо Сидъ и за что̀ онъ лользовался такимъ особеннымъ положеніемъ. Подвыпившій лакей словоохотливо разказалъ что Сидъ дѣйствительно былъ раннимъ пѣстуномъ Михаила Андреевича и его братьевъ. Смотрѣлъ онъ за ними еще въ ту лору когда они хорошо говорить не могли и вмѣсто Сидоръ выговаривали Сидъ: вотъ отчего его такъ всѣ звать стали, и онъ лопрекалъ локойника что ради его потерялъ даже свое крестное имя. Далѣе ловѣствовалъ разкащикъ какъ однажды барчуки ѣхали домой изъ лансіона и было утонули вмѣстѣ съ паромомъ, но Сидъ вынесъ вплавь на себѣ обоихъ барчуковъ, изъ которыхъ одинъ сошелъ отъ испуга съ ума, а Михаилъ Андреевичъ выросъ, и Сидъ былъ при немъ. Тогда онъ былъ въ университетѣ, а потомъ пошелъ съ нимъ на какую-то войну, и тутъ-то Сидъ оказалъ барину великую заслугу, послѣ которой они разссорились и не помирились до сихъ поръ. Изъ словъ разкащика можно было понять что дѣло было гдѣ-то на Литвѣ. Войска стояли лагеремъ въ открытомъ полѣ; въ близь лежащій городишко, полный предательской шляхты, строго на строго запрещено было ходить и офицерамъ и солдатамъ. А тамъ въ городѣ были красивыя панны съ ласковыми глазами и соболиною бровью, и былъ тамъ Жидъ Ицекъ, который говорилъ что „панц ажъ ай какъ страшно въ офицеровъ влюблены". А офицерамъ скучно, неодолимо скучно подъ тѣсными палатками; дождь моросить, вѣтеръ трясетъ веревки, локалыхиваетъ лолотно, а тамъ-то... куда Ицко зоветъ, тепло, свѣтло, шампанское льется и сарматская бровь зажигаетъ кровь. Манится, нестерпимо манится, и вотъ два офицера навертѣли чучелъ изъ платья, уложили ихъ вмѣсто себя на кровати, а сами, пользуясь темнотой ночи, крадутся къ цѣпи. Все благополучно: почь—зги не видно, а вонъ мелькнулъ и огонекъ, это въ Ицкиной хатѣ на краю города. Ицко чаровникъ умѣетъ и одну дичь лодмануть, и другую выманить, и молодые люди отъ

нетерпѣнія стали приподниматься отъ земли, вровень съ которою ползли. Вотъ и околъ и знакомая кочка, но вдругъ грянуло: „кто идетъ?“ Сейчасъ потребуется пароль, у нихъ его нѣтъ, часовой выстрѣлитъ и пойдетъ потѣха, хуже которой ничего невозможно выдумать. Бѣда неминучая, ждать некогда: молодые люди бросились на часоваго и сбили его съ ногъ, но тотъ, падая, выстрѣлилъ; поднялась тревога, и ночные путешественники были пойманы, суждены и лишь по особому милосердію только разжалованы въ солдаты. Изъ числа этихъ молодыхъ людей одинъ былъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ. Сидъ грызъ и точилъ молодаго барина въ эти тяжелыя минуты и выведъ его изъ терпѣнія такъ что тотъ его ударилъ. „Бей, сказалъ Сидъ, — бей, если твоя рука поднялась на того кто твою жизнь спасъ. За это тебя самого Богъ какъ собаку убьетъ.“ И злилъ онъ снова барина, что тотъ впалъ въ ожесточеніе и билъ, и билъ его такъ, пока ихъ розняли. А тутъ вдругъ тревога, наступилъ непріятель, и Бодростинъ въ отчаяніи кинулся въ схватку и не было о немъ слуха. Непріятель побѣжалъ, наши ударились въ погоню, а Бодростина нѣтъ нигдѣ. Сидъ пошелъ по всему полю и каждое солдатское тѣло къ свѣтлому мѣсяцу лицомъ началъ переворачивать... Иные еще мягки, другіе закоченѣли, у иныхъ даже какъ будто еще и сердце бьется, но все это не тотъ кто Сиду надобенъ.... Но вотъ схватилъ онъ за складки еще одну сѣрую шинель, повернувъ ее лицомъ къ мѣсяцу; припалъ ухомъ къ груди, и вскинувъ мертвеца на спину, побѣжалъ съ нимъ куда считалъ безопаснѣе; но откуда ни возьмись повернулъ на оставленное поле новый вражій отрядъ, и наскочили на Сида уланы и замахнулись на его ношу, но онъ вдругъ ужомъ вывернулся и принялъ на себя ударъ; упалъ съ ногъ, а придя въ себя, истекая кровью, опять понесъ барина. И оба они выздоровѣли, и началась съ тѣхъ поръ между ними новая распря: Бодростинъ, котораго опять произвели за храбрость въ офицеры, давалъ Сиду и отпускную, и деньги, и землю, но Сидъ Тимоѳеичъ все это съ гордостію отвергъ.

— Ишь ты, подлое твое дворянское отродье,—откупиться лучше хочешь чтобы благодарнымъ не быть, отвѣчалъ онъ, разрывая отпускную и дарственную.

— Чего же ты хочешь? добивался Бодростинъ.

— А того хочу чего у тебя на самомъ дорогомъ мѣстѣ въ

душѣ нѣтъ: дай мнѣ чтобъ я тебя не самымъ негоднымъ человѣкомъ считалъ.

И такъ шли годы, а у этого барина съ этимъ слугой все шли одинакія отношенія: Сидъ Тимоѳеичъ господствовалъ надъ господиномъ и съ сладострастіемъ поносилъ и ругалъ его при всякой встрѣчѣ и красовался язвами и ранами, если успѣвалъ ихъ добиться изъ рукъ преслѣдуемаго имъ Бодростина. Тотъ его боялся и избѣгалъ, а этотъ его выслѣживалъ и преслѣдовалъ, и раздражалъ съ особеннымъ талантомъ.

— Слушай, говорилъ онъ вдругъ, выскакивая къ Бодростину изъ-за стога сѣна на лугу, предъ всѣмъ народомъ:—слушай, добрая душа: сошли стараго дядьку на поселеніе! Право сошли, а то тебѣ здѣсь при мнѣ неспокойно.

— И сошлю, отвѣчалъ Бодростинъ.

— Врешь, не сошлешь, а жаль: я бы тамъ твоей матери брату поклонился. Живъ чай онъ—земля не скоро приметъ. А хорошъ человѣкъ былъ: живыхъ въ землю закапывалъ.

Бодростинъ то переносилъ эту докуку, то вдругъ она становилась ему несносна, и онъ, смявъ свою смущающуюся совѣсть, бралъ Сида въ домъ, сажалъ его на цѣпь укрѣпленную въ стѣнѣ его кабинета, и они ругались до того что Михаилъ Андреевичъ въ бѣшенствѣ швырялъ въ старика чѣмъ попало, и нерѣдко, къ крайнему для того удовольствію, зашибалъ его больно, и разъ чуть вовсе не убилъ тяжелою бронзовою статуэткой, но сослать Сида въ Сибирь у него не хватало духа. Выгнать же Сида изъ села было невозможно, потому что выгнанный съ одной стороны, онъ сейчасъ же заходилъ съ другой.

Дождавшись событія девятнадцатаго февраля, Сидъ Тимоѳеичъ перекрестился и, явясь съ другими людьми благодарить барина, сказалъ:

— Ну хоть задомъ-то тебя благодарю что не всѣ зубы повыбивалъ. Кончено ваше царство: пережилъ я его и тебя переживу!

Для чего такъ необходимо нужно было Сиду пережить барина, это оставалось всегдашнею его тайной; но слово это постоянно вертѣлось на его устахъ и было употребляемо другими людьми вмѣсто привѣтствія Сиду.

— Переживетъ, Сидъ Тимоѳеичъ! кричалъ ему встрѣчный знакомецъ.

— Переживу, отвѣчалъ, раскланиваясь, Сидъ, и знакомцы расходились.

Съ тѣхъ поръ какъ Бодростинъ, послѣ одной поѣздки въ Петербургъ, привезъ оттуда жену, Глафиру Васильевну, Сидъ сталъ прибавлять: „Переживу; со Іезавелью-Иродіадой переживу, и увижу какъ псы ея кровь полижутъ.“

Глафира сдѣлалась новымъ предметомъ для злобы Сида, но древніе года его уже не дозволяли ему ее ревностно преслѣдовать, и онъ рѣдко ее могъ видѣть и крикнуть ей свое „переживу“. Онъ доживалъ вѣкъ полуломѣшанымъ, и въ этомъ-то состояніи сегодня посѣтила его въ его темномъ углѣ вѣсть объ убіеніи Бодростина.

Сидъ перекрестился, сталъ съ трудомъ на ноги и пришелъ въ домъ помолиться по псалтырю за душу покойника: входъ Сиду былъ невозбраненъ,—никому и въ голову не приходило чтобы можно было отлучить его отъ барина.

Ворошиловъ всталъ, и остановясь за притолкой въ той же темной гостиной, началъ наблюдать этого оригинала: Сидъ читалъ, и въ лицѣ его не было ни малѣйшей свирѣпости, ни злости. Напротивъ, это именно былъ „вѣрный рабъ“, котораго можно бы надъ большимъ поставить и позвать его войти во всякую радость господина своего. Онъ теперь читалъ громче чѣмъ прежде, молился усердно и казалось что ничего не слыхалъ и не видалъ.

Свѣча чуть мерцала и залъ былъ почти теменъ; лакеи ушли, но у дверей показалась маленькая фигура Ермолаича. Онъ сталъ, подперся и стоялъ, словно чего-то ждалъ, или что-то соображалъ.

Ворошиловъ выдвинулся изъ-за притолки и кивнулъ рукой; Ермолаичъ замѣтилъ это и тотчасъ же какъ желѣзо къ магниту подскочилъ къ Ворошилову, и они зашептались, и вдругъ Ермолаичъ дернулъ Ворошилова за рукавъ, и оба глубже спрятались за портьеру: въ залъ вошелъ Гордановъ.

— Замѣть, перевязи нѣтъ, шепнулъ Ворошиловъ, но Ермолаичъ только отвѣчалъ пожатіемъ руки.

Гордановъ былъ дѣйствительно безъ перевязи и съ потаеннымъ фонарикомъ въ рукѣ.

Войдя въ залъ, онъ прежде всего выслалъ вонъ Сида, и когда строптивый старикъ ему, къ удивленію, безпрекословно подчинился, онъ, оставшись одинъ, подошелъ къ трупу, приподнялъ покрывавшую его скатерть, и освѣтивъ яркимъ лучомъ фонарнаго рефлектора мертвое, обезображенное лицо, сталъ

проворно искать чего-то подъ лѣвымъ бокомъ. Онъ нѣсколько разъ съ усиліемъ тянулъ за окоченѣвшую руку мертвеца, но рука была тверда и не подавалась усиліямъ одной руки Горданова. Тогда онъ поставилъ фонарикъ на грудь трупа и принялся работать обѣими руками, но фонарикъ его вдругъ полетѣлъ дребезжа на полъ, а самъ онъ вскрикнулъ, и отскочивъ назадъ, повалилъ незажженные церковные подсвѣчники, которые покатились съ шумомъ и грохотомъ.

На эту сумятицу изъ передней выбѣжала толпа пребывавшихъ въ праздности лакеевъ и робко остановилась вдали трупа, по другой бокъ котораго наклонялся, чтобы поднять подсвѣчники, сильно смущенный Гордановъ, зажимая въ рукѣ скомканный бѣлый носовой платокъ, сквозь который сильно проступала алая кровь.

Что бъ это могло значить?

— Взметался не́жить... чего мечешься? заговорилъ вдругъ входя Сидъ Тимоѳеичъ, и подойдя къ покойнику съ правой стороны, онъ покрылъ его лицо, потомъ хотѣлъ было поправить руку, но замѣтивъ замершій въ ней пучокъ сухой травы, началъ ее выдергивать, говоря: „Подай! тебѣ говорю, подай, а то ругать стану.“ Съ этимъ онъ началъ выколупывать пальцемъ траву, и вдругъ громко разсмѣялся.

Всѣ присутствовавшіе полятились назадъ, а Сидъ Тимоѳеичъ манилъ ихъ къ себѣ и звалъ:

— Подите-ка, идите, поглядите, какъ онъ уцѣпился за мой палецъ! Видите, видите какъ держитъ! повторялъ Сидъ, поднимая вверхъ палецъ, за который крѣпко держалась окоченѣлая мертвая рука.—Ага! что! шамшалъ Сидъ.—Каковъ онъ, каковъ? Онъ вамъ покажетъ! Онъ вамъ еще покажетъ!

— Вывести вонъ этого сумашедшаго! сказалъ Гордановъ, и двое слугъ схватили и потащили старика, который все оборачивался и кричалъ:

— Ничего, ничего! Онъ не даромъ взметался: онъ вамъ покажетъ!

XXI. Ночь послѣ бала.

Межъ тѣмъ какъ все это происходило, въ залу вошелъ Ропшинъ. Онъ остановился въ дверяхъ, и пропустивъ мимо себя людей выводившихъ Сида, окинулъ всѣхъ однимъ взглядомъ и сказалъ твердымъ голосомъ Горданову:

— Господа! я прошу всѣхъ васъ отсюда удалиться.

— Это что̀ такое? спросилъ Гордановъ.

— Это такой порядокъ: необыкновенная смерть требуетъ особеннаго вниманія къ трупу, и пока пріѣдутъ власти, я никого сюда не пущу.

— Вы?

— Да, я. Я остаюсь одинъ изъ тѣхъ кому вѣрилъ покойникъ и кому вѣритъ его вдова. Господа, я повторяю мою просьбу удалиться изъ залы.

— Что̀ это за тонъ?

— Теперь, господинъ Гордановъ, не до тоновъ. Всѣ вышли, уходите и вы, или....

— Или что̀? спросилъ, сверкнувъ глазомъ, Гордановъ.

— Тише; здѣсь вѣдь не лѣсъ, и я не онъ.

Гордановъ поблѣднѣлъ.

— Что̀ это глупость или намекъ? спросилъ онъ запальчиво.

— Намекъ, а впрочемъ какъ вамъ угодно, но я сейчасъ запираю залъ, и если вы хотите здѣсь остаться, то я пожалуй запру васъ.

— Тьфу, чортъ возьми! Да чьею волей и какимъ правомъ вы такъ распоряжаетесь?

— Волей вдовы, господинъ Гордановъ, и ея же правомъ. Но дѣло кончено: я васъ сейчасъ запираю. Вы можетъ-быть что-нибудь здѣсь позабыли? это вамъ завтра возвратятъ.

И Ролшинъ пошелъ къ двери.

— Подождите! крикнулъ, торопливо выскакивая за нимъ, Гордановъ, и когда Ролшинъ замкнулъ дверь, онъ добавилъ:— я сейчасъ пройду къ Глафирѣ Васильевнѣ.

— Къ Глафирѣ Васильевнѣ? Нѣтъ, вы не трудитесь: это будетъ напрасно.

— Что̀-о?

— Я вамъ сказалъ что̀.

— Посмотримъ.

Гордановъ тронулся впередъ, но Ролшинъ его остановилъ.

— Вернитесь, господинъ Гордановъ: вы будете напрасно трудиться: ея дверь заперта для васъ.

— Вы лжете!

— Смотрите. Она поручила мнѣ беречь ея покой.

Съ этимъ Ролшинъ показалъ знакомый Горданову ключъ и снова быстро спряталъ его въ карманъ.

Павелъ Николаевичъ поблѣднѣлъ.

— Почему Глафира Васильевна не хочетъ меня видѣть? спросилъ онъ.

Ропшинъ улыбнулся, и пожавъ плечами прошепталъ:

— Ей кажется.... что на васъ кровь, и я думаю то же самое; и съ этимъ Ропшинъ юркнулъ за дверь и ушелъ по лѣстницѣ на женскую половину.

Гордановъ ушелъ къ себѣ и сейчасъ же велѣлъ подать себѣ лошадей, чтобъ ѣхать въ городъ съ цѣлью послать корреспонденцію въ Петербургъ и переговорить съ властями о бунтѣ.

Въ ожиданіи лошадей, онъ хотѣлъ приготовить письма; но взглянувъ на ладонь своей лѣвой руки, покраснѣлъ и, досадуя, топнулъ ногой. У него на ладони былъ очень незначительный маленькій уколъ, но платокъ которымъ онъ старался зажать этотъ уколъ былъ окровавленъ, и это-то дало Ропшину право сказать что на немъ кровь.

— Чортъ знаетъ что̀ такое! Преступленіе сдѣлано, и сейчасъ уже идутъ и глупости, и ошибки. И какія еще ошибки? Тамъ я позабылъ ножъ которымъ оцарапалъ руку.... И этотъ уколъ можетъ-быть трупный. Тьфу, сто дьяволовъ!... И лаписа нѣтъ, и прижечь нечѣмъ.... Скорѣй въ городъ!

И онъ уѣхалъ.

Межъ тѣмъ Ворошиловъ и Ермолаичъ, выйдя заднимъ ходомъ, обошли домъ и стали въ сѣняхъ конторы, куда посаженъ былъ Висленевъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, понуривъ голову, въ какомъ-то полуснѣ, и все что-то бормоталъ и вздрагивалъ.

Ворошиловъ и Ермолаичъ вошли въ контору и стали возлѣ него.

Висленевъ поднялъ голову, повелъ вокругъ глазами и простоналъ:

— Подлецъ, подлецъ, Гордановъ!...

— Это онъ его убилъ?

— Онъ меня погубилъ, погубилъ; но я буду все говорить, я буду все, все говорить; я всю правду открою.... Я.... ничего не скрою.

— Да, да, будьте честны: говорите правду.

— Я все, все скажу, если.... если меня помилуютъ.

— Васъ помилуютъ.

— Хорошо. Я все скажу, но только одно.... пожалуста, пусть меня скорѣй отвезутъ въ острогъ, а то онъ меня отравитъ, какъ отравилъ Кюльвейна.

Ворошиловъ дернулъ за руку товарища, они вышли.

Ропшинъ, взойдя на женскую половину верха, вынулъ ключъ и тихо повернулъ его въ двери коридора, ведшаго къ спальнѣ Глафиры. Вдова лежала на диванѣ и щипала какую-то бумажку.

При входѣ Ропшина она проворно встала и сказала:

— Послушайте... вы что же?...

Но Ропшинъ тихо остановилъ ее на первомъ же словѣ.

— Тсс!... сказалъ онъ, подымавъ таинственно руку, — теперь вамъ надо меня слушать. Вы конечно хотите знать по какому праву я поступилъ съ вами такъ грубо и насильно удержалъ васъ въ вашей комнатѣ? Это было необходимо: я имѣлъ на это право, и я одинъ могу васъ спасти. Прошу васъ помнить что у меня въ карманѣ есть вчера только-что подписанное духовное завѣщаніе вашего мужа, которымъ онъ все свое состояніе отказалъ вамъ. Долгъ честнаго человѣка повелѣваетъ мнѣ не скрыть этого документа, ввѣреннаго моему смотрѣнію, а между тѣмъ этотъ документъ не только скомпрометтируетъ васъ, но... вы понимаете?

— Да, я васъ понимаю.

— Это совсѣмъ не трудно. Новое завѣщаніе прямо говоритъ что имъ отмѣняется распоряженіе предоставлявшее имѣніе другимъ родственникамъ, между тѣмъ какъ вы сами знаете что въ храняемомъ завѣщаніи совсѣмъ не то....

— Да скорѣе, скорѣе: какая ваша цѣна за вашъ долгъ честнаго человѣка?

— Боже меня спаси! Никакой цѣны; но что не можетъ быть цѣнимо на деньги, то подчиняется инымъ условіямъ....

— Послушайте, Ропшинъ: моихъ силъ нѣтъ выносить васъ, и вы можете довести меня до того что я предпочту Сибирь уничиженію!

— Я согласенъ скрыть это завѣщаніе и всѣми мѣрами хлопотать объ утвержденіи за вами того которое хранится въ Москвѣ....

— Ну-съ, и что же, что же вамъ надо за это?

— Я вамъ ручаюсь что все будетъ сдѣлано скоро и благополучно, и....

— Ну и что же, что вамъ за это? вскричала, топая ногой и совсѣмъ выходя изъ себя, Глафира.

— Ничего новаго, отвѣчалъ тихо Ропшинъ, и двусмысленно поникая головой, еще тише добавилъ: — ровно ничего новаго....

но только.... я бы хотѣлъ чтобъ это далѣе было согласно съ закономъ и совѣстью.

Глафира сначала не сразу поняла эти слова, а потомъ, несмотря на свою несмутимость, покраснѣла. Она презирала въ эти минуты Ролшина какъ никого другого въ жизни. Онъ былъ противенъ ей по воспоминаніямъ въ прошедшемъ, по ощущеніямъ въ настоящемъ и по предчувствіямъ въ будущемъ. Несмотря на то что теперь не было времени для размышленій философскаго свойства, Глафирѣ вдругъ припомнились всѣ люди на которыхъ она въ помыслахъ своихъ глядѣла какъ на мущинъ, и она не могла представить себѣ ничего презрѣннѣе этого бѣлобрысаго Ролшина.... Висленевъ и тотъ являлся въ сравненіи съ нимъ чуть не геніемъ совершенства; въ бѣдномъ Жозефѣ все-таки была непосредственная доброта, незлобіе, дѣтство и забавность. И между тѣмъ Глафира поздно замѣтила что онъ, этотъ Ролшинъ, именно неодолимъ; это сознаніе низошло къ ней когда уже нѣтъ времени ничего передѣлать, когда надо смириться подъ рукой этого ничтожества.

— Ролшинъ! воскликнула она,—смыслъ вашей гнусной рѣчи тотъ что вы хотѣли бы на мнѣ жениться?

— Да.

— Вы безумный!

— Не знаю почему.

— Почему? вы презрѣнное, гадкое насѣкомое.

— Но я одинъ, отвѣчалъ, ложавъ плечами, Ролшинъ,— одно это насѣкомое можетъ васъ спасти. Оглянитесь вокругъ себя, заговорилъ онъ, дѣлая шагъ ближе, — что повсюду надѣлано: Висленевъ во всемъ признается; онъ скажетъ что вы и Гордановъ научили его убить вашего мужа.

— Этому нѣтъ доказательствъ!

— Какъ знать? завѣщаніе подписано вчера, и сегодня убійство.... Низость всеобщая вокругъ, недовѣріе и шпіонство; забѣгательство впередъ одного предъ другимъ во очищеніе себя. Гордановъ доноситъ, вы доносите, Висленевъ доноситъ, Лариса доноситъ.... наконецъ я тоже писалъ, потому что я долженъ былъ писать, зная затѣвающееся преступленіе, и.... все это въ разныя руки, и теперь все это вдругъ сбылось.

— Что же, что сбылось: всѣ говорятъ что бунтовъ должно ждать. Его убили крестьяне.

— Да-съ; это прекрасно что бунтовъ должно ждать, но тогда

надо ихъ поискуснѣе дѣлать: надо было такъ дѣлать чтобы дѣйствительно крестьяне убили.

— Да это такъ и сдѣлано.

— Нѣтъ-съ, не такъ.

Глафира оправилась и добавила:

— Полно вамъ меня пугать, господинъ Ропшинъ, дѣло идетъ о крестьянскомъ бунтѣ, и я здѣсь сторона.

— А если нѣтъ? А если на тѣлѣ есть....

— Что̀ можетъ быть на тѣлѣ?

— Трехгранная рана испанскаго стилета.

Глафира пошатнулась.

— Вашъ хлыстъ? спросилъ шепотомъ Ропшинъ.

— Его нѣтъ у меня.

— Онъ у Горданова. Благодарите Бога что я не далъ вамъ видѣться съ нимъ: вы будете свободны отъ одного подозрѣнія, но на этомъ не конецъ; чтобъ опровергнуть общее мнѣніе что вы хотите выйти замужъ за Горданова, я хочу на васъ жениться.

Глафира окинула его удивленнымъ взглядомъ и сдѣлала шагъ назадъ.

— Да, повторилъ Ропшинъ:—я хочу на васъ жениться, и это единственное условіе подъ которымъ я могу скрыть завѣщаніе довѣренное мнѣ убитымъ, тогда я сдѣлаю это съ свободною совѣстью. О преступленіи жены я могу не свидѣтельствовать. Итакъ.... я жду что̀ вы мнѣ скажете?

— Сибирь или Ропшинъ? выговорила, пристально глядя на него, Глафира.

— Я васъ не притѣсняю.

— Благодарю. Ропшинъ или Сибирь?

— Да, да; Сибирь или Ропшинъ, Ропшинъ или Сибирь? выборъ не сложный—рѣшайте.

— Я рѣшила.

— Что̀ выбрано?

— Ропшинъ.

— Прекрасно; теперь прошу васъ не дѣлать ни малѣйшаго шага къ какимъ-нибудь сближеніямъ съ Гордановымъ—это васъ погубитъ. Повѣрьте что я не ревнивъ и это во мнѣ говоритъ не ревность, а желаніе вамъ добра. На васъ падаетъ подозрѣніе что вы хотѣли извести Бодростина для того чтобы выйти замужъ за Горданова.... Благоразуміе заставляетъ прежде всего

опрокинуть это подозрѣніе. Далѣе, я останусь здѣсь на вашей половинѣ....

— Здѣсь, теперь? спросила Глафира, въ удивленіи открывая глаза: Ропшинъ, снявъ съ себя сюртукъ, покрылся лежавшею на креслѣ шалью Глафиры и укладывался на ея диванѣ.—Это еще что значитъ?

— Это значитъ что я продолжаю мое дѣло вашего спасенія.

— Но вы съ ума сошли. Это всѣ будутъ знать!

— Я этого-то и хочу.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? затѣмъ чтобы знали что Гордановъ былъ ширма, а что вы меня всегда любили; затѣмъ чтобы немедленно же пустить на вашъ счетъ другіе разговоры и опрокинуть существующее подозрѣніе что вы хотѣли выдти замужъ за Горданова. Что, вы меня поняли? Ого-го! постойте-ка, вы увидите какъ мы ихъ собьемъ съ толку. Только я васъ предупреждаю: наблюдайте за собою при Ворошиловѣ.

— При комъ?

— При Ворошиловѣ.

— При этомъ пріѣзжемъ?

— Да, при пріѣзжемъ.

— Кто же онъ такой?

— А чортъ его знаетъ кто онъ такой, но во всякомъ случаѣ онъ не тотъ за кого себя выдаетъ.

Глафира ничего не отвѣчала и задумалась: она молча припоминала все говоренное ею когда-нибудь при Ворошиловѣ, который такъ недавно появился здѣсь и котораго она совсѣмъ почти не замѣчала.

„И что же это такое наконецъ“, думала она, „точно опрокинулся предо мною ящикъ Пандоры и ни вѣсть откуда берутся на меня и новыя враждебныя лица и новыя бѣды“.

На нее напалъ невыразимый страхъ нечистой совѣсти, и уснувшій Ропшинъ уже пересталъ ей казаться такимъ отвратительнымъ и тяжелымъ. Напротивъ она была рада что хотя онъ здѣсь при ней, и когда въ ея дверь кто-то тихо стукнулъ, она поблѣднѣла и дружески молвила: Генрихъ!

Онъ быстро проснулся, узналъ въ чемъ дѣло, и взявъ вдову за ея дрожащую руку, сказалъ:—О, будь покойна: и затѣмъ твердымъ голосомъ крикнулъ: входите! Кто тамъ? входите!

На этотъ зовъ въ комнату со смѣшаннымъ видомъ вступила

горничная и объявила что недавно уѣхавшая Синтянина возвратилась опять и сейчасъ же хочетъ видѣть Глафиру.

— Я не могу никого видѣть.... Что ей нужно?

— Лариса Платоновна поѣхала съ ними....

— Ну?

— И теперь ихъ нѣтъ.

— Кого?... Ларисы?

— Да-съ; они куда-то убѣжали; ихъ искали вездѣ: на хуторѣ, по лѣсу, въ паркѣ, и теперь сама генеральна здѣсь.... и спрашиваютъ Ларису Платоновну.

— Но ея здѣсь нѣтъ; ее здѣсь нѣтъ: пусть ѣдутъ къ Горданову въ городъ.... Я теперь никого не могу принять.

— Напротивъ, вмѣшался Ропшинъ и, давъ дѣвушкѣ знакъ выйти, сказалъ Глафирѣ что дѣло это не шуточное, и что она непремѣнно должна принять Синтянину и въ точности узнать что̀ такое случилось.

Съ этимъ онъ усадилъ Глафиру въ кресло, и самъ вышелъ, а черезъ нѣсколько минутъ возвратился, сопровождая закутанную платкомъ Александру Ивановну.

— Что̀ тамъ еще Alexandrine? спросила не поднимаясь съ мѣста Глафира.

— Ужасное несчастіе, отвѣчала сбрасывая съ себя платокъ генеральша,—я привезла домой Лору и пока занялась тѣмъ чтобы приготовить ей теплое питье и постель, она исчезла, оставивъ на фортепіано конвертъ и при немъ записочку. Я боюсь что она съ собой что-нибудь сдѣлала.

— Но что̀ же за записка?

— Вотъ она, читайте, и генеральша подала клочекъ нотной бумаги, на которомъ рукой Ларисы было написано карандашомъ: „Я все перепортила, не могу больше жить. Прощайте. Въ конвертѣ найдете все что̀ довело меня до самоубійства.“

— Что̀ же было въ конвертѣ?

— Не знаю; его взялъ мой мужъ. Я бросилась ее искать: мы обыскали весь хуторъ, звали ее по полямъ, по дорогѣ, по лѣсу, и тутъ на томъ мѣстѣ гдѣ.... гдѣ нынче добывали огонь, встрѣтились съ Ворошиловымъ и этимъ.... какимъ-то человѣкомъ.... Они тоже искали что-то съ фонаремъ и сказали намъ чтобы мы ѣхали сюда. Бога ради посылайте поскорѣе людей во всѣ мѣста искать ее.

Но вмѣсто живаго участія къ этимъ словамъ, блѣдная Глафира, глядя на Ропшина, произнесла только:—Ворошиловъ....

тамъ.... съ фонаремъ.... Ролшинъ, ступайте туда!... Я васъ умоляю.... Что же такое все это можетъ значить?

Ролшинъ скорыми шагами вышелъ за двери, и черезъ минуту послышался топотъ отъѣзжавшихъ лошадей, а дѣвушка подала Синтяниной записочку набросанную карандашомъ, въ которой распорядительный Генрихъ извѣщалъ ее что сейчасъ же посылаетъ десять верховыхъ съ фонарями искать Ларису Платоновну по всѣмъ направленіямъ и потому проситъ генеральшу не безпокоиться и подождать утра.

Глафира попросила рукой эту записку и, пробѣжавъ ее глазами, осталась неподвижною.

— Лягте, Глафира, попробуйте успокоиться, а я посижу.

— Хорошо, отвѣчала Бодростина, и поддерживаемая Синтянинои и горничной перешла изъ будуара въ свою спальню.

Прошелъ часъ: все было тихо, но только домъ какъ будто вздрагивалъ; генеральша не спала и ей казалось что это вѣроятно кто-то сильно хлопаетъ внизу дверью. Но наконецъ это хлопанье стало все сильнѣе и чаще, и на лѣстницѣ послышался шумъ.

Синтянина вскочила, взяла свѣчу и вышла на террасу, на которой перевѣсясь головой черезъ перила стояла горничная Глафиры: снизу поднималось нѣсколько человѣкъ, которые несли глухонѣмую Вѣру.

Она вся дрожала отъ холода, и посинѣвшее лицо ея корчилось, а руки были крѣпко стиснуты у груди, какъ будто она ими что-то держала и боялась съ чѣмъ-то разстаться.

Увидѣвъ мачиху, дѣвочка сдѣлала усиліе улыбнуться и, соскользнувъ съ рукъ нестихъ ее людей, кинулась къ ней и стала быстро говорить своею глухонѣмою азбукой.

Она объясняла что, боясь за мачиху, бросилась вслѣдъ за нею; не могла ее догнать и сбившись съ дороги чуть не замерзла, но встрѣтила людей, которые ее взяли и принесли.

— Что же это были за люди?

Глухонѣмая показала что это Ворошиловъ и Андрей Парфенычъ.

— Кто это былъ? кого она называетъ? спросила нетерпѣливо вышедшая на этотъ разказъ Глафира, и какъ только Синтянина назвала Ворошилова, она прошептала: „опять онъ! Боже! чего же это они повсюду ходятъ?“

Дѣвочкѣ подали теплый чай и сухое платье; она чай съ жадностью выпила, но ни за что не хотѣла перемѣнить бѣлья и

платья. Какъ на этомъ ни настаивали, она топала ногой, сердилась и, наконецъ, вырвавъ изъ рукъ горничной бѣлье, бросила его въ каминъ и сѣвъ предъ огнемъ начала сушиться.

— Ее нельзя болѣе безпокоить и принуждать, сказала Синтянина, и когда горничная ушла, между падчерицей и мачихой началась ихъ нѣмая бесѣда: дѣвочка, косясь на безмолвно сидящую въ креслѣ Глафиру, быстро метала руками предъ мачихой свои знаки и наконецъ замѣтила что Синтянина дремлетъ, а Глафира даже спитъ.

Такъ подѣйствовали на нихъ усталость, теплота камина и манипуляціи нѣмой, съ которыхъ онѣ долго не сводили глазъ. Глухонѣмая какъ будто ждала этого и повидимому очень обрадовалась: не нарушая покоя спящихъ, она безъ малѣйшаго шума приподнялась на ноги, распустила свое платье; тщательно уложила за нимъ вдоль своего слабаго тѣльца то что скрывала, и приведя себя снова въ порядокъ, свернулась и уснула на коврѣ у ногъ генеральши.

Столь тщательно скрываемая этимъ ребенкомъ вещь былъ щегольской хлыстъ Глафиры съ потайнымъ трехграннымъ стилетомъ въ рукояткѣ.

XXII. Бунтъ.

Ночь уходила; пропѣли послѣдніе пѣтухи; Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ лежалъ бездыханный въ большой залѣ, а Іосафъ Платоновичъ Висленевъ сидѣлъ на изорванномъ креслѣ въ конторѣ; предъ нимъ, какъ разъ насупротивъ, упираясь своими ногами въ ножки его кресла, помѣщался огромный рыжій мужикъ, съ длинною палкой въ рукахъ, и дремалъ, у дверей стояли два другіе мужика, тоже съ большими палками, и оба тоже дремали, межъ тѣмъ какъ подъ окнами безпрестанно шмыгали дворовыя женщины и ребятишки, старавшіяся приподняться на карнизъ и заглянуть чрезъ окно на убійцу, освѣщеннаго сильно нагорѣвшимъ сальнымъ огаркомъ. Земскій сотскій и десятскіе въ теченіе всей ночи постоянно отгоняли любопытныхъ отъ конторы; въ залу же большаго дома, гдѣ лежалъ убитый, всѣмъ и заглянуть казалось опасно. Страшенъ былъ имъ этотъ покойникъ: общее предчувствіе немшучей бѣды подавило всякое любопытство. Крестьяне съ села не приходили: они, казалось, сами себя

чувствовали какъ бы зачумленными, и спали они, или не спали не разберешь, но вездѣ было темно. Такъ ушелъ и еще часъ, и вдругъ вдалекѣ, за перелогомъ, послышался колокольчикъ и затихъ. Нѣсколько молодыхъ ребятъ, собравшихся на задворкѣ и ведшихъ между собою таинственную бесѣду о дьявольской силѣ, которая непремѣнно участвовала въ пьянѣшней бѣдѣ, услыхавъ этотъ звонъ, всполошились было, но подумали что это послышалось, успокоились и начали снова бесѣду.

— Онъ хитеръ, ухъ какъ хитеръ, говорилъ рѣчистый разкащикъ, имѣвшій самое высокое мнѣніе о чортѣ.—Онъ возвелъ Господа на крышу и говоритъ: „видишь всю землю, я ее всю Тебѣ и отдамъ, опричь оставлю себѣ одну Орловскую да Курскую губерніи“. А Господь говоритъ: „а зачѣмъ ты мнѣ Курской да Орловской губерніи жалѣешь?“ А чортъ говоритъ: „это моего тятеньки любимые мужички и моей маменьки приданая вотчина, я ихъ отдать никому не смѣю“....

Но въ это время колокольчикъ раздался еще слышнѣе, и народъ зашевелился даже въ избахъ: по печамъ, припечкамъ, на лавкахъ, на палатяхъ и на пыльныхъ загнеткахъ послышался шорохъ и движеніе, и люди однимъ многоустымъ шепотомъ произнесли ужасное слово: „слѣдство“.

Но вотъ колокольчикъ и опять затихъ, какъ бы сорвался и за то черезъ пять минутъ послышался ближе и громче, со всѣми отливами и переливами охотничьяго малиноваго звона.

— Два, зашептали на печкахъ,—два звонка-то, а не одинъ.

— Чего два? Можетъ ихъ и не вѣсть сколько: ишь какъ ремжитъ на разныя стороны. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

И точно, послѣднее мнѣніе было справедливѣе: когда звонъ колокольчиковъ раздался у самой околицы, и тысячи мужичьихъ и бабьихъ глазъ прилегли къ темнымъ окнамъ всѣхъ избъ, они увидѣли какъ по селу пронеслась тройкой телѣга, за нею тарантасъ, другой, и опять телѣга, и все это покатило прямо къ господскому дому и скрылось.

Началось невеселое утро: избы не затапливались, лаптевая свайка не играла въ рукѣ мужика, и только веретена кое-какъ жужжали въ рукахъ бабъ, да и то скучно и какъ бы нехотя.

Но вотъ начинается и вылазка: изъ дверей одной избы выглянулъ на улицу зипунъ и сталъ-стоитъ на вѣтрѣ; черезъ минуту изъ другой двери высунулась нахлобученная шапка и тоже застыла на мѣстѣ; еще минута и они увидали другъ друга и поплыли, сошлись, вздохнули и, не сказавъ между собою

ни слова, потянулись, крехтя и почесываясь, къ господскому дому, на темномъ фасѣ котораго, то тамъ, то здѣсь, освѣщенныя окна сіяли какъ огненныя раны.

— Не спятъ, шепнулъ шапкѣ зилунъ.

— Гдѣ спать! отвѣчала шапка за нимъ шапка.

— Грѣхъ....

И оба пѣшехода вдругъ вздрогнули и бросились въ сторону: по дорогѣ на рысяхъ проѣхали два десятка казаковъ съ пиками и нагайками, съ головы и до ногъ покрытые снѣгомъ. Мужики сняли шапки и поплелись по тому же направленію, но на полувсходѣ горы, гдѣ стояли хоромы, ихъ опять потревожилъ конскій топотъ и непривычный мирному сельскому слуху брязгъ оружія. Это ѣхали тяжелою рысью высланные изъ города шесть жандармовъ и впереди ихъ старый усатый вахмистръ.

Завидѣвъ этихъ грозныхъ хотя не воюющихъ воиновъ, мужики залегли въ межу, и пропустивъ жандармовъ, встали, отряхнулись и пошли въ обходъ къ господскимъ конюшнямъ, чтобы поразвѣдать чего-нибудь отъ знакомыхъ конюховъ, но кончили тѣмъ что только повздыхали за угломъ на скотномъ дворѣ и повернули домой, но тутъ были поражены новымъ сюрпризомъ: по огородамъ, вокругъ села, словно журавли надъ болотомъ, стояли шагахъ въ двадцати другъ отъ друга пѣхотные солдаты съ ружьями, а посреди деревни, предъ запаснымъ магазиномъ, шелъ гулъ, здѣсь расположился баталіонъ, и прозябшіе солдатики поталкивали другъ друга, желая согрѣться.

Всѣ ждали бѣды и всякъ въ свою очередь былъ готовъ на нее, и бѣда шла какъ слѣдуетъ дружнымъ натискомъ, такъ что навстрѣчу ей едва успѣвали отворять ворота. Наѣхавшіе въ тарантасахъ и телѣгахъ должностные лица чуть только оправились въ отведенныхъ имъ покояхъ дома, какъ тотчасъ же освѣдомились о здоровьѣ вдовы. Дворецкій отвѣчалъ что Глафира Васильевна, сильно разстроенная, сейчасъ только заночивала.

— И не безпокоить ее, отвѣчалъ молодой чиновникъ, которому всѣ пріѣхавшіе съ нимъ оказывали почтительную уступчивость.

— Qu'est ce qu'elle a? обратился съ вопросомъ къ этому господину оправлявшійся предъ зеркаломъ молодой жандармскій офицеръ.

— Elle est indisposée, коротко отвѣчалъ чиновникъ и оборо-

опять къ дворецкому, освѣдомился кто въ домѣ есть изъ постороннихъ?

Получивъ въ отвѣтъ что здѣсь изъ гостей остался одинъ петербургскій господинъ Ворошиловъ, чиновникъ послалъ сказать этому гостю что онъ желалъ бы сію минуту его видѣть.

— Вы хотите начать съ разговора съ нимъ? освѣдомился, додѣлывая колечки изъ усовъ, молодой штабъ-офицеръ.

— Да; съ чего же нибудь надо начинать.

— C'est vrai, c'est justement vrai, mais si j'étais à votre place.... Mille pardons, но мнѣ.... кажется что надо начинать не съ разспросовъ: во всякомъ случаѣ первое дѣло фрапировать и, il me vient une idée....

— Пожалуста, пожалуста говорите!

— Сдѣлаемъ по старинной практикѣ.

— Я васъ слушаю: я самъ врагъ нововведеній.

— Не правда ли? Ne vaudrait-il pas mieux чтобы не давать никому опомниться, арестовать какъ можно больше людей и правыхъ, и виноватыхъ.... Это во всякомъ дѣлѣ первое, особенно въ такомъ ужасномъ случаѣ, каковъ настоящій.

Чиновникъ слушалъ это, соображалъ, и наконецъ согласился.

— Право, повѣрьте мнѣ что этотъ пріемъ всегда приводитъ къ добрымъ результатамъ, утверждалъ офицеръ.

Чиновникъ былъ совсѣмъ убѣжденъ, но онъ видѣлъ теперь только одно затрудненіе: онъ опасался какъ бы многочисленные аресты не произвели въ многолюдномъ селѣ открытаго бунта, но офицеръ напротивъ былъ убѣжденъ что этимъ только и можетъ быть предотвращенъ бунтъ, и къ тому же его осѣняла идея за идеей.

— Il m'est venu encore une idée, сказалъ онъ,—можно конечно арестовать зачинщиковъ поодиночкѣ въ ихъ домахъ, но тутъ возможны всякія случайности. Сдѣлаемъ иначе, намъ бояться нечего, у нашихъ солдатъ ружья заряжены и у казаковъ есть пики. Вѣдь это же сила! Чего же бояться? Мы прикажемъ собрать сходку и.... въ кучѣ виднѣе, въ кучѣ сейчасъ будутъ видны говоруны и зачинщики....

— Да; вотъ что, говоруны будутъ видны, въ этомъ, мнѣ кажется, вы правы, рѣшилъ чиновникъ.

— О, ужъ вы положитесь на меня.

Чиновникъ полунехотя пробурчалъ что онъ однако былъ всегда противъ безсмысленныхъ арестовъ и дѣйствія силой, но что

въ настоящемъ случаѣ, гдѣ не видно никакихъ нитей, онъ соглашается что это единственный способъ.

Послѣдствіемъ такихъ переговоровъ и соображеній было то что по дверямъ крестьянскихъ хатъ застучали костыльки сельскихъ десятниковъ, и въ сѣромъ туманѣ предразсвѣтной поры изъ всѣхъ избъ всѣ взрослые люди, одѣтые въ полушубки и свиты, поползли на широкій выгонъ къ магазину, куда созывало ихъ новоприбывшее начальство.

Сходка собиралась въ совершенной тишинѣ. Утро было свѣжее и холодное; на востокѣ только чуть обозначалась алая полоска зимней зари. Народъ стоялъ и стылъ; вокругъ толпы клубился паръ отъ дыханія. Начальство медлило; но вотъ пріѣхалъ жандармскій офицеръ, пощелтался съ пѣшимъ майоромъ, и въ собравшихъ рядахъ пѣшаго баталіона происходили непонятные мужикамъ эволюціи: одна рота отдѣлилась, отошла, развернулась на двое и изчезла за задворками, образовавъ на огородахъ рѣдкую, но длинную растянутую цѣпь. Деревня очутилась въ замкнутомъ кругѣ. Мужики, увидавъ замелькавшіе за плетнями рыжіе солдатскіе башлыки, смѣтили что они окружены и тихо крестясь робко ложались другъ къ другу. Довольно широкая кучка вдругъ собралась и ссѣлась, а въ эту же пору изъ-за магазина выступила другая рота и сжала сходку какъ обручемъ.

Мужики, напирая другъ на друга, старались не глядѣть въ лицо солдатамъ, которые, дрожа отъ мороза, подпрыгивали, выколачивая стынущими ногами самыя залихватскія дроби. Солдаты были ни скучны, ни веселы: они исполняли свою службу покойно и равнодушно, но мужикамъ казалось что они злы, и смущенные глаза крестьянъ, блуждая, невольно устремлялись за эту первую цѣпь, туда, къ задамъ избъ, къ простору разстилающихся за ними бѣлыхъ полей.

Вторая цѣпь, скрытая на задворкахъ, была уже позабыта, но суровыя лица ближайшихъ солдатъ наводили панику. Въ толпѣ шептали что „вотъ скомандуетъ де имъ сейчасъ ихъ набольшій: потроши ихъ ребята за вѣру и отечество, и сейчасъ насъ не будетъ“. Какой-то весельчакъ пошутилъ что тогда и подушнаго платить не нужно, но другой молодой парень, вслушиваясь въ эти слова, зашатался на мѣстѣ, и вдругъ, ни съ того, ни сего, сталъ насѣдать на колѣни. Его отлихнули два раза солдаты, къ которымъ онъ порывался, весь трясясь и

прося отпустить его посмотрѣть коровушку. Родная толпа мужиковъ потянула его назадъ и спрятала. Солдатики острили своими обычными остротами и шутками. Говоруны и зачинщики не обозначались, но за то въ эту минуту въ дальнемъ концѣ широкой улицы деревни показались двѣ фигуры, появленіе которыхъ прежде всѣхъ было замѣчено крестьянами, а потомъ ихъ усмотрѣло и начальство, обратившее вниманіе на происшедшее по этому случаю обращеніе крестьянскихъ взоровъ въ одну сторону. Это было очень дурнымъ знакомъ: находчивый жандармскій офицеръ шепнулъ слово казачьему уряднику, и четыре казака, взявъ пики на перевѣсъ, бросились вскачь и понеслись на двухъ прохожихъ. Въ толпѣ крестьянъ пробудилось сильное любопытство: что̀, молъ, изъ сего воспослѣдуетъ?

Два внезапно появившіяся лица крестьянами узнаны: это не были совсѣмъ неизвѣстные люди, это наши старые знакомые— священникъ Евангелъ и отставной майоръ Фелитеръ Ивановичъ Форовъ.

XXIII. Вѣсть о Ларисѣ.

Когда всѣ изъ дому Синтяниной удалились искать бѣжавшую Лору, майоръ Форовъ избралъ себѣ путь къ Евангелу, въ томъ предположеніи что не пошла ли Лариса сюда.. Это предположеніе было столько же невѣроятно какъ и всѣ другія, и Форовъ шелъ единственно для очищенія совѣсти, а на самомъ же дѣлѣ онъ былъ глубоко убѣжденъ что Ларису искать напрасно, что она порѣшила кончить съ собою, и теперь ее если и можно сыскать, то развѣ только мертвую.

Этого же мнѣнія былъ и Евангелъ, у котораго Ларисы, разумѣется, не оказалось.

Пріятели вмѣстѣ перепочевали, поговорили и утромъ рѣшились пойти узнать нѣтъ ли чего новаго.

Идучи привычною скорою походкой, они уже подходили къ Бодростинскому парку, какъ вдругъ ихъ оживило одно странное обстоятельство: они увидали что изъ рва окружающаго паркъ въ одномъ мѣстѣ все выпрыгивалъ и прятался назадъ бѣлый заяцъ, и выдѣлывалъ онъ это престранно: вскочитъ на край и забьется и юркнетъ въ ровъ, а черезъ минуту опять снова за то же.

Форовъ, имѣвшій прекрасное зрѣніе, поставилъ надъ глазами ладонь, и долго всматриваясь, сказалъ:

— Нѣтъ, это не заяцъ, а это.... это что-нибудь въ родѣ полотна развѣвается.... Да; но вонъ надъ нимъ что-то птицы вьются.... это галки и вороны. Что же это можетъ быть?

Евангелъ молчалъ.

— Ну, гайда! пойдемъ: птицы надъ живымъ не летаютъ.

И путники торопливо пошли къ загадочному предмету и вскорѣ убѣдились что никакого зайца здѣсь дѣйствительно не было, а надъ краемъ канавы то взлеталъ, то падалъ бѣлый кусокъ какой-то легкой матеріи. Не успѣли Форовъ и Евангелъ сдѣлать впередъ еще десять шаговъ, какъ предъ ними, въ глубинѣ окола, вырисовалась небольшая человѣческая фигура покрытая большимъ бѣлымъ платкомъ, одинъ уголъ котораго былъ обвязанъ вокругъ головы и закрывалъ все лицо, между тѣмъ какъ остальная часть его закрывала грудь и колѣна, и вся эта часть была залита коричневымъ потокомъ застывшей крови. Форовъ недолго думалъ, спрыгнулъ въ канаву и тотчасъ же оттуда выпрыгнулъ, держа въ дрожащей рукѣ окровавленную бритву съ серебряною буквой *Б* на черномъ костяномъ черенкѣ.

— Вотъ гдѣ она! воскликнулъ майоръ, показавъ товарищу орудіе Ларисиной смерти и бросивъ бритву назадъ въ ровъ, отвернулся.

Евангелъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Да, она; и посмотри что значитъ женщина: она, убивая себя, заботилась чтобы трупъ ея никого не пугалъ; сошла внизъ, присѣла на корень березы, закрыла личико и сидитъ какъ спящая.

Они еще посмотрѣли на самоубійцу и пошли на усадьбу, чтобы дать знать о своей находкѣ.

Но придя на деревню, они были поражены собранною на улицѣ огромною толпой окруженною пѣшимъ и коннымъ конвоемъ: имъ въ голову не приходило что это усмиряютъ бунтъ, они не предвидѣли никакого повода для бунта и потому, когда наскакавшіе на нихъ казаки остановились, не зная что имъ далѣе дѣлать, то Форовъ съ удивленіемъ, но безъ всякаго испуга, спросилъ ихъ:

— Что это такое? что вамъ надо ребята?

Казаки, видя предъ собой священника и человѣка въ военной фуражкѣ съ кокардой, начали озираться на начальство, но

оттуда тотчасъ же отдѣлился офицеръ, и давъ лошади шпоры понесся сюда съ крикомъ:

— Бери ихъ!

Казаки спрыгнули съ коней и бросились на Евангела; тотъ не трогался, но Форовъ отскочилъ назадъ и прыгнулъ къ ближайшему строенію, чтобъ имѣть у себя за стѣной защиту, но не успѣлъ онъ пробѣжать нѣсколько шаговъ какъ увидѣлъ предъ собою трехъ солдатъ, державшихъ его за руки, межь тѣмъ какъ третій приставилъ ему къ груди сверкающій штыкъ. Маленькій пѣхотный поручикъ съ потнымъ лбомъ юлилъ вокругъ его, и закуривъ тоненькую папироску у одного изъ двухъ стоявшихъ къ Форову спиной господъ, крикнулъ:

— Заряжай его.... то бишь: веди его! веди!

— Пошелъ! крикнулъ сзади майора козлиный голосъ, и здоровый унтеръ-офицеръ усердно толкнулъ Форова въ спину.

Маленькій поручикъ остался на мѣстѣ ареста Форова и опять закуривалъ свою тонкую папироску у двухъ особъ, которыхъ Форовъ не разсмотрѣлъ въ первую минуту; но огибая теперь уголъ у выхода на улицу, онъ взглянулъ мимоходомъ на этихъ людей и узналъ въ нихъ Горданова, въ дорожной енотовой шубѣ, и Ворошилова, въ касторовомъ пальто съ камчатскимъ бобромъ. Безстрастное, гладко выбритое чиновничье лицо Ворошилова и въ эту минуту было невозмутимо, но его сѣро-голубые глаза не безъ участія слѣдили за конвоируемымъ майоромъ. По крайней мѣрѣ такъ показалось Форову и онъ вдругъ почувствовалъ къ этому человѣку довѣріе, и закричалъ ему:

— Милостивый государь! скажите кому-нибудь пожалуста что тамъ на рубежѣ за паркомъ валяется въ канавѣ мертвая сестра господина Висленева, Лариса Платоновна Подозерова: она зарѣзалась.

XXIV. На ворахъ загараются шапки.

Домъ и усадьба Бодростиныхъ представляли нѣчто ужасное. Въ большой залѣ, гдѣ происходилъ вчерашній пиръ, попрежнему лежалъ на столѣ трупъ Бодростина, а въ боковой маленькой залѣ нижняго этажа пристройки, гдѣ жила послѣднее время Лора, было сложено на диванѣ ея бездыханное, покрытое бѣлою простынею, тѣло.

Люди которые принесли ее не рѣшались положить ее на столъ, считая такую честь неудобною для самоубійцы.

Въ каменномъ амбарѣ безъ потолка были посажены связанные крестьяне арестованные для порядку, хотя начальство и увѣрилось, наконецъ, что бунта нѣтъ и усмирять оказалось нечего.

Въ отдѣльныхъ трехъ комнатахъ конторы помѣщалась арестованная аристократія: посягатель на убійство Гордапова Жозефъ Висленевъ, сильно подозрѣваемый въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту священникъ Евангелъ, и очевидный бунтовщикъ, силой захваченный майоръ Форовъ. Въ каменномъ же амбарѣ безъ потолка сидѣли человѣкъ двадцать арестованныхъ крестьянъ.

Войско оцѣпляло усадьбу и держало караулы; свободные солдатики хозяйничали въ крестьянскихъ избахъ, исполненныхъ всякой тоски и унылости. Начальство, состоявшее изъ разныхъ нахватавшихъ сюда гражданскихъ и военныхъ лицъ, собралось на мужской половинѣ втораго этажа. Здѣсь былъ и Ворошиловъ и его землемѣръ Андрей Парфенычъ и старый генералъ Синтянинъ, пріѣхавшій сюда узнать о женѣ. Эти три послѣднія лица сами предложили себя въ понятые къ предстоящему осмотру тѣла.

Всѣ эти господа и вмѣстѣ съ ними Гордановъ пили чай и приступали къ приготовленному для нихъ легкому завтраку, послѣ котораго надлежало быть вскрытію тѣла. Павелъ Николаевичъ самъ не ѣлъ. Несмотря на то что и онъ какъ и прочіе не спалъ ночь и сдѣлалъ утромъ много движенія, у него не было аппетита и къ тому же онъ чувствовалъ непріятный ознобъ, къ крайнему его неудовольствію навѣвавшій на него чрезвычайно неумѣстную лѣность. Онъ не зналъ чему бы приписать эту странность, и похаживая вокругъ стола за которымъ закусывали, едва одолѣвалъ свою лѣнь, чтобы возстановить въ сознаніи настоящее значеніе событій; но едва лишь онъ одолѣвалъ это, какъ его тотчасъ отягощало недоумѣніе: почему все слѣдующее за убійствомъ Бодростина не только совсѣмъ не отвѣчаетъ его плану, но даже рѣзко ему противорѣчитъ? Что это за лѣность мышцъ и тяжесть ума которыя точно вступили въ союзъ съ его врагомъ Ропшинымъ, и удаляютъ его ото всего къ чему бы онъ долженъ былъ находиться вблизи и не выпускать изъ рукъ всѣхъ нитей дѣла, которыя

носились гдѣ-то въ воздухѣ и могли быть каждую минуту схвачены рукой самою неблагорасположенною къ Гордanову. Павелъ Николаевичъ возвратясь изъ города еще не видалъ Глафиры, а теперь даже не зналъ какъ этого и достичь; онъ еще былъ управитель имѣнія и уполномоченный, и имѣлъ всѣ основанія видѣть вдову и говорить съ нею, но онъ чувствовалъ что Ролшинъ его отрѣзалъ, что онъ просто-на-просто не пуститъ и, конечно, онъ поступаетъ такъ съ согласія самой Глафиры, потому что иначе она сама давно бы за нимъ прислала. Теперь бы самое время повидаться съ нею, пока власти подкрѣпляются и идутъ приготовленія, при которыхъ Гордановъ ни мало не нуженъ. Онъ оглянулся, и увидавъ въ углу комнаты Ролшина, который тихо разговаривалъ съ глотавшимъ тартинки лѣкаремъ, подумалъ:

„Вотъ и еще побужденіе дорожить этою минутой, потому что этотъ Чухонецъ теперь занятъ тутъ и не замѣтитъ моего отсутствія.“

Гордановъ всталъ и вышелъ, какъ будто не обращая ни на кого вниманія, хотя на самомъ дѣлѣ онъ обозрѣлъ всѣхъ мимо кого проходилъ, не исключая даже фельдшера и молодаго священника, стоявшихъ въ передней надъ разложенными на окнѣ анатомическими инструментами. Спустясь по лѣстницѣ внизъ, онъ, проходя мимо залы, гдѣ лежалъ трупъ Бодростина, замѣтилъ что двери этой залы заперты, припечатаны двумя печатями и у нихъ стоитъ караулъ. Гордановъ спросилъ, кто этимъ распорядился? и получилъ въ отвѣтъ что все это сдѣлалъ Ролшинъ.

— Чья же это другая печать?

— А этого пріѣзжаго барина, отвѣчалъ слуга.

— Пріѣзжаго барина? Что это за вздоръ: какого пріѣзжаго барина?

— А господина Ворошилова; они вмѣстѣ съ Генрихомъ Ивановичемъ вокругъ и эти и тѣ двери изъ гостиной ночью запечатали.

— И изъ гостиной тоже?

— Да-съ, и изъ гостиной, и тамъ караулъ стоитъ.

Гордановъ, не довѣряя, подошелъ поближе къ дверямъ, чтобы разсмотрѣть печати, и удостовѣрясь что другая печать есть оттискъ аквамариноваго брелока который носитъ Ворошиловъ, хотѣлъ еще что-то спросить у лакея, но обернувшись увидалъ за собою не лакея, а Ролшина, который, очевидно, слѣдилъ за

нимъ и безъ церемоніи строго спросилъ его: что ему здѣсь угодно?

— Я смотрю печати.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ; я управитель всѣхъ имѣній покойнаго и....

— И ваши уполномочія кончились съ его смертью.

— А ваши начались что ли?

— Да, мои начались.

И Ропшинъ пренагло взглянулъ на Горданова, но тотъ сдѣлалъ видъ что не замѣчаетъ этого, и что онъ вообще равнодушенъ ко всему происходящему и спрашиваетъ болѣе изъ одного любопытства.

— Начались, повторилъ онъ съ улыбкой, — а что же такое при васъ господинъ Ворошиловъ, дуумвиратъ что ли вы съ нимъ составляете?

— Нѣтъ, мы съ нимъ дуумвирата не составляемъ.

— Зачѣмъ же здѣсь его печать?

— Просто печать посторонняго человѣка который случился и котораго я пригласилъ чтобы не быть одному.

— Просто?

— Да, просто.

Гордановъ повернулся и пошелъ по корридору, выводящему ко входу въ верхнюю половину Глафиры. Онъ шелъ нарочно тихо, ожидая что Ропшинъ его нагонитъ и остановитъ, но достойный противникъ его стоялъ не шевелясь и только смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Гордановъ какъ бы чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ, и дойдя до поворота, пошелъ скорѣе и наконецъ на лѣстницу взбѣжалъ бѣгомъ, но здѣсь на террасѣ его остановила горничная Глафиры и тихо сказала:

— Нельзя, Павелъ Николаичъ,—барыня никого принимать не желаетъ.

— Что?

— Никого не велѣно пускать.

— Какой вздоръ; мнѣ нужно.

— Не велѣно-съ; не могу, не велѣно.

— И меня не велѣно?

— Никого, никого, и васъ тоже.

Гордановъ взглянулъ пристально на дѣвушку и сказалъ:

— Я васъ прошу: подите скажите Глафирѣ Васильевнѣ что я пришелъ по дѣлу, что мнѣ необходимо ее видѣть.

Дѣвушка была въ затрудненіи и молчала.

— Слышите что я вамъ говорю: мнѣ необходимо видѣть Глафиру Васильевну, и она будетъ недовольна что вы ей этого не скажете.

Дѣвушка продолжала стоять, держась рукой за ручку замка.

— Что же вы не слышите что ли?

Дѣвушка замялась, а внизу на лѣстницѣ слегка треснула стуленька. „Это непремѣнно Ропшинъ: онъ или подслушиваетъ, или идетъ сюда нелускать меня силой," сообразилъ Гордановъ и крѣпко сжавъ руку горничной пропепталъ:

— Если вы сейчасъ не пойдете, то я сброшу васъ къ чорту и войду насильно.

Съ этимъ онъ дернулъ дѣвушку за руку такъ что дверь, замка которой та не покидала, полуотворилась и на порогѣ показалась Глафира. Она быстро, но тихо захлопнула за собою дверь и перебѣжала въ комнату своей горничной.

— Что? что такое? спросила она, снова затворяясь здѣсь съ неотстававшимъ отъ нея Гордановымъ.

— Что ты въ такомъ разстройствѣ? заговорилъ Гордановъ, стараясь казаться невозмутимо спокойнымъ.

— Интересный вопросъ: мало еще причинъ мнѣ быть въ разстройствѣ? Пожалуста скорѣе: что вамъ отъ меня нужно? Говорите вдругъ, сразу все.... намъ теперь нельзя быть вмѣстѣ. C'est la dermière fois que je m'y hasarderai, и если вы будете разспрашивать, я уйду.

— Почему здѣсь начинаетъ распоряжаться Ропшинъ?

— Я не знаю, я ничего не вижу, я ничего не знаю, а надо же кому-нибудь распоряжаться.

— А я?

— Вы?... вы сумашедшій Поль! Какъ я могу поручить теперь что-нибудь вамъ, когда на насъ съ вами смотрятъ тысячи глазъ.... Зачѣмъ вы теперь пришли сюда, когда вы знаете что меня всѣ подозрѣваютъ въ связи съ вами и въ желаніи выйти за васъ замужъ? Это глупо, это отвратительно.

— Это въ васъ говоритъ Ропшинъ.

— Что тутъ Ропшинъ, что тутъ кто бы то ни было.... пусть всѣ дѣлаютъ что хотятъ: нужно жертвовать всѣмъ!

— Всѣмъ?

— Всѣмъ, всѣмъ: дѣло идетъ о нашемъ спасеніи.

— Спасеніи?.... отъ кого? отъ чего? Vous craignez où il n'y a rie à craindre.

Но неспокойная вдова въ отвѣтъ на это сдѣлала нетерпѣливое движеніе и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, вамъ все сказано; и я ухожу.

— И съ этимъ она исчезла за дверями своей половины, у порога которыхъ опять сидѣла въ креслѣ за столикомъ ея горничная, не обращавшая, повидимому, никакого вниманія на Горданова, который прежде чѣмъ уйти долго еще стоялъ въ ея комнатѣ предъ растворенною дверью и думалъ:

„Что же это такое? Она бѣжитъ меня.... въ такія минуты... Не продала ли она меня?... Это возможно.... Да, я не даромъ чувствовалъ что она меня надуетъ!“

По тѣлу Гордонова опять пробѣжалъ холодъ, и что-то острое, въ родѣ комариаго жала, болѣзненно шевельнулось въ незначительной ранкѣ на кисти лѣвой руки.

Онъ не могъ разобрать болитъ ли онъ отъ разстройства, или же разстроенъ отъ болѣзни, да притомъ уже и нѣкогда было соображать: у запечатанныхъ дверей залы собирались люди; ближе всѣхъ къ корридору, изъ котораго выходилъ Гордановъ, стояли фельдшеръ, съ уложенными анатомическими инструментами, большимъ подносомъ въ рукахъ, и молодой священникъ, который осторожно дотрогивался то до того, то до другаго инструмента, и приподнимая каждый изъ нихъ, вопрошалъ фельдшера:

— Это бистурій?

На что фельдшеръ ему отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не бистурій.

Гордановъ все это слышалъ и боялся выступить изъ корридора: для него начался страхъ опасности.

Подошли новые: самъ лѣкарь, нѣмецкаго происхожденія, поспѣвая за толстымъ чиновникомъ, съ достоинствомъ толковалъ что-то объ аптекѣ.

„Нѣтъ; говорятъ о пустякахъ, и обо мнѣ нѣтъ и помину“, подумалъ Гордановъ и рѣшилъ выступить и вмѣшаться въ собиравшуюся у дверей залы толпу одновременно съ Сидомъ Тимоѳеевичемъ, который появился съ другой стороны и сустился съ какимъ-то конвертомъ.

— Что ты это несешь? спросили Сида.

— А документы-съ, господа, росписки его на него представляю. Какъ же: не разъ за него въ полку свои хоть малыя деньги платилъ.... Теперь ему это въ головы положу.

— Чудакъ, разъясняли другіе,—лѣтъ пятьдесятъ бережетъ

чью-то росписку что за покойника гдѣ-то рубль долгу заплатилъ. Можетъ триста разъ ему этотъ рубль возвращенъ, но онъ все свое: что мнѣ дано, то я, говоритъ, за принадлежащее мнѣ пріемлю, какъ рабъ, а долгу принять не могу. Такъ всю жизнь надъ нимъ и смѣялись.

— Ага! вы смѣялись... на то вы наемники чтобы смѣяться, я не смѣюсь, я рабъ, и его вѣрно пережилъ и я ему эти его росписки въ гробъ положу!

И Сидъ жестоко разкуражился своими привилегіями рабства, но его уже никто не слушалъ, потому что въ это время двери залы были открыты и оттуда тянуло непріятнымъ холодомъ, и казалось что есть уже тяжелый трупный запахъ.

Гордановъ тщательно наблюдалъ какъ на него смотрятъ, но на него никто не смотрѣлъ, потому что всѣ глаза были устремлены на входящихъ лодъ карауломъ въ залу мужиковъ и Висленева, которые требовались сюда для произведенія на нихъ впечатлѣнія.

Это дало Гордашову секунду оправиться и онъ счелъ нужнымъ напомнить всѣмъ что Висленевъ сумашедшій, и хотя официально таковымъ не признанъ, но тѣмъ не менѣе это извѣстно всѣмъ.

Жандармскій штабъ-офицеръ подтвердилъ что это такъ.

— Да такъ ли-съ? вопрошалъ Синтянинъ.

— Да ужь будьте увѣрены, мы эти вещи лучше знаемъ, отвѣчалъ молодой штабъ-офицеръ.

Съ этимъ двери снова заперлись, и фельдшеръ, держа въ рукѣ скальпель, ждалъ приказанія приступить ко вскрытію.

XXV. Одинакія книги въ разныхъ переплетахъ.

Осмотръ тѣла убитаго Бодростина давалъ поводъ къ весьма страннымъ заключеніямъ: на трупѣ не было никакихъ синяковъ и другихъ знаковъ насилія, но голова вся была расколона. Стало-быть само собою слѣдовалъ выводъ что причиной смерти былъ тяжелый ударъ по головѣ, но кромѣ его на лѣвомъ боку трупа была еще узкая и глубокая трехгранная ранка, проникавшая прямо въ сердце. Эта рана была столь же безусловно смертельною, какъ и оглушительный тяжелый

ударъ раздробившій черепъ, и одного изъ этихъ пораненій было достаточно чтобы покончить съ человѣкомъ, а другое уже представлялось напраснымъ излишествомъ. Надлежало дать заключеніе: который изъ этихъ ударовъ былъ первымъ по порядку и который, будучи вторымъ, уже нанесенъ былъ не человѣку, но трупу? Если же они оба послѣдовали одновременно, то чѣмъ, какимъ страшнымъ орудіемъ была нанесена эта глубокая и мѣткая трехгранная рана? Кто-то напомнилъ о свайкѣ, съ которою утромъ вчерашняго дня видѣли дурачка, но свайка имѣла стержень круглый: думали что рана нанесена большимъ гвоздемъ, но большой гвоздь имѣетъ четырехсторонній стержень и онъ нанесъ бы рану разорванную и неправильную, межь тѣмъ какъ эта ранка была точно выкроена правильнымъ треугольничкомъ.

Когда эту рану осмотрѣли и изслѣдовали медикъ, чиновники и понятые, ее показали скованнымъ мужикамъ и Висленеву. Первые посмотрѣли на нее съ равнодушіемъ, а послѣдній прошелталъ:

— Я... я этимъ не билъ.

— Чѣмъ же вы его били, вашъ ударъ можетъ-быть этотъ— по головѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ; отвѣчалъ, отстраняясь отъ трупа, Висленевъ.— Я, господа, все разкажу, я участвовалъ въ преступленіи, но я человѣкъ честный, и вы это увидите... Я ничего не скрою, я не отступаюсь что я хотѣлъ его убить, но по побужденіямъ особаго свойства, потому что я хотѣлъ жениться на его женѣ... на Глафирѣ Васильевнѣ... Она мнѣ нравилась.... къ тому же я имѣлъ еще и иныя побужденія: я... я хотѣлъ дать направленіе его состоянію, чтобъ употребить его на благія цѣли.... потому что, я не скрываюсь, я недоволенъ настоящими порядками... Я говорю объ этомъ во всеуслышаніе и не боюсь этого. Теперь многіе стали хитрить, но по моему это надо честно исповѣдывать.... Насъ много.... такихъ какъ я... и мы всѣ убѣждены въ неправдѣ существующаго порядка и не позволимъ... Если законъ будетъ стоять за права наслѣдства, то ничего не остается какъ убивать, и мы будемъ убивать. То-есть не наслѣдниковъ, а гѣхъ которые оставляютъ, потому что ихъ меньше и ихъ легче искоренить.

Въ средѣ людей окружавшихъ трупъ и слушавшихъ этотъ Висленевскій бредъ пронесся шепотъ что „онъ сумашедшій“, но кто-то замѣтилъ что это не мѣшаетъ выслушать его

разказъ, и какъ разказъ этотъ всѣмъ казался очень любопытнымъ, то Жозефа вывели въ смежную комнату, и пока медикъ, оставаясь въ залѣ, зашивалъ трупъ Бодростина, чиновники слушали Жозефовы признанія о томъ какъ было дѣло.

Висленевъ въ одно и то же время и усердно раскрывалъ исторію, и немилосердно ее путалъ. Просидѣвъ въ удиненіи эту тяжелую ночь, онъ надумался облагородить свое поведеніе, прилянувъ къ нему соціалистскія теоріи: онъ, какъ мы видѣли, не только не отрицалъ того что хотѣлъ смерти Бодростина, но даже со всею откровенностію объяснялъ что онъ очень радъ что его убили.

— Ещё бы! говорилъ онъ,—Бодростинъ самъ по себѣ былъ человѣкъ, можетъ-быть, и не злой, я этого не отрицаю; онъ даже дѣлалъ и мнѣ, и другимъ кое-какія одолженія, но мы на это не смотримъ, тутъ нельзя руководиться личными чувствами. Онъ былъ заѣденъ средой: то дворянинъ, то этакій поганый реалистикъ съ презрѣніемъ къ народнымъ стремленіямъ.... Я не могъ переносить этого его отвратительнаго отношенія къ народнымъ интересамъ.... До того дошелъ что мужикамъ живаго огня не позволялъ добыть и... и... и издѣвался надъ ихъ просьбами! Это самый этакій гадостный, мелкій реалистикъ.. а я конечно стоялъ на сторонѣ народа.... Я пожертвовалъ всѣмъ... я человѣкъ искренній... я даже пожертвовалъ моею сестрой, когда это мнѣ было нужно... Чего же мнѣ было на немъ останавливаться? и потому когда народъ былъ имъ недоволенъ, я сказалъ мужикамъ: „ну убейте его“, они его и убили, какъ они скоро перебьютъ и всѣхъ кто старается отстаивать современные порядки.

Возсѣвъ на своего политическаго коня, Висленевъ не могъ его ни сдержать, ни направить куда ему хотѣлось: исторіи самаго убійства онъ не разъяснялъ, а говорилъ только что Бодростина *надо было убить*, но что онъ самъ его не билъ, а только вырвалъ у него сигару съ огнемъ, за что его и убилъ „народъ“, къ интересамъ котораго покойникъ не имѣлъ де должнаго уваженія. Крикъ же свой въ комнатахъ что „это я сдѣлалъ“, онъ относилъ къ тому что онъ обличилъ Бодростина и подвелъ его подъ народный гнѣвъ, въ чемъ де и можетъ удостовѣрить Гордановъ, съ которымъ они ѣхали вмѣстѣ и при которомъ онъ предупреждалъ Бодростина что не хорошо курить сигару когда мужики требовали чтобъ огня нигдѣ не было, но Бодростинъ этимъ легкомысленно пренебрегъ. А что касается

его выстрѣла въ Горданова, то онъ стрѣлялъ потому что Гордановъ, извѣстный мерзавецъ и въ жизни, и въ теоріи, дѣлалъ ему разныя страшныя подлости: клеветалъ на него, соблазнилъ его сестру, выставлялъ его не разъ дуракомъ и глупцомъ и наконецъ даже давалъ ему подлый совѣтъ идти къ скопцамъ, а самъ хотѣлъ жениться на Бодростиной, съ которой онъ вѣроятно все время состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ она давно дала Висленеву обѣщаніе что овдовѣвъ пойдетъ замужъ не за Горданова, а за него, и онъ этимъ дорожилъ, потому что хотѣлъ ее освободить отъ среды и имѣлъ въ виду, получивъ вмѣстѣ съ нею состояніе, построить школы и завести хорошія библіотеки и вообще завести много добраго, чего не дѣлалъ Бодростинъ.

На указанное же Висленеву препятствіе для его женитьбы въ томъ что у него въ Петербургѣ есть живая жена, онъ отвѣчалъ что „это ничего не значитъ: у насъ нельзя развестись, а на двухъ жениться можно-съ; я знаю, этому даже примѣры есть“.

Такимъ образомъ общаго вывода изъ его показаній нельзя было сдѣлать никакого, кромѣ того что онъ дѣйствительно помѣшанъ, и все что̀ онъ говоритъ въ самомъ дѣлѣ „ничего не значитъ“.

Его отвели и опять посадили въ контору, а показаніе его, получивъ огласку, сдѣлалось предметомъ шутокъ и предположеній все болѣе и болѣе удалявшихся отъ истины. Показанія же мужиковъ открывали шое: крестьяне стояли на томъ что они ничего знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ какъ все это сталося. Добывали де огонь; кто-то загалдѣлъ; всѣ кинулись въ одно мѣсто; можетъ кого невзначай и толкнули, а на барина хотя и были сердиты, но его не убивали, и слова „пестраго барина“, то-есть Висленева, объ убійствѣ брали не иначе какъ въ шутку, такъ какъ онъ де блаженненькій и всегда невѣдомо что̀ говорилъ. А на тѣло же они напали случайно: начали опахивать на бабахъ, заднія бабы нахлестали хорошенько переднихъ кнутьями, а тѣ разогнались, да ткнулись на что-то и попадали, а потомъ глядятъ, а подъ сохой тѣло! Стали разсматривать и ужахнулися: видятъ баринъ! А убивать его они не убивали и полагаютъ что если у него голова изломана, то это не иначе какъ его невзначай уже мертваго сохой долбанули. Указаніе было весьма важное, а послѣдствія его еще важнѣе: острые сошники указанной сохи оказались

покрытыми кровью съ прилипшими по мѣстамъ бѣлыми волосами, признанными за волосы покойнаго Бодростина.

Дѣло выяснялось въ томъ отношеніи что причина смерти была трехгранная рана, и слѣдователю теперь предлежала трудная задача отыскать виновника этого удара. Межъ тѣмъ въ домѣ волненіе стало уже успокоиваться и водворялся порядокъ: вскрытыя и описанныя тѣла Бодростина и Ларисы были одѣты и покрыты церковными покровами; къ вечеру для нихъ изъ города ожидались гробы; комната въ которой лежалъ трупъ самоубійцы была заперта, а въ открытой залѣ надъ тѣломъ убитаго уже отслужили панихиду, и старый заштатный дьяконъ, въ старомъ же и также заштатномъ стихарѣ, читалъ Псалтырь. Такъ какъ мертвецъ начиналъ портиться, то погребеніе было назначено на другой же день послѣ вскрытія.

Между всѣми наличными людьми были распредѣлены разныя обязанности по приготовленію похоронъ: кто хлопоталъ въ городѣ, кто распоряжался дома. Гордановъ оставался не при чемъ. Къ величайшему своему неудовольствію, онъ чувствовалъ себя нездоровымъ: у него была лихорадка, выражавшаяся безпрестанною дрожью, и какое-то необъяснимое, но крайне непріятное безпокойство вокругъ ничтожнаго укола на ладони. На послѣднее обстоятельство онъ не обращалъ вниманія, но то жаръ, то знобъ лихорадки досаждали ему и мѣшали соображать. Что это за дивныя распорядки ведетъ Ропшинъ: онъ самъ уѣхалъ въ городъ, а старика Синтянина и его пріятеля, этого господина Ворошилова, упросилъ тутъ распоряжаться дома, и они за это взялись: генералъ ходитъ козыремъ и указываетъ что гдѣ поставить, что какъ приготовить для предстоящихъ похоронъ покойнаго, межъ тѣмъ какъ жена его и падчерица одѣваютъ и убираютъ Ларису, для которой Ропшинъ обѣщалъ исходатайствовать у мѣстнаго архіерея право на погребеніе. Одного Ворошилова какъ-то не видно, но онъ за то чувствуется: онъ сдѣлался душой смятенныхъ властей, которыя не знаютъ за какую нить имъ взяться чтобы разъяснить трехгранную рану?

И когда Гордановъ въ большомъ затрудненіи расхаживалъ по своей комнатѣ, его еще болѣе изумило то странное обстоятельство что предъ самыми сумерками господинъ Ворошиловъ, незваный, непрошеный, явился его навѣстить.

У Павла Николаевича даже уши запламенѣли, а Ворошиловъ,

съ своею кошачьею мягкостью, начинаетъ его внимательнѣйше разспрашивать о его здоровьѣ.

— Больны? началъ онъ. — Чѣмъ? что съ вами такое сдѣлалось? Вѣрно простудились?

— Очень можетъ быть.

— Это ничего нѣтъ легче, особенно въ эту пору, а тутъ еще и покоя нѣтъ.

— Какой покой!

— Да; а тутъ еще этотъ сумашедшій.... какъ его: Висленевъ что ли?

— Да, Висленевъ.

— Помилуйте скажите, какого вздора онъ на васъ наговорилъ: будто вы все знали.

— Это меня нимало не безпокоитъ, а вотъ досадно что я нездоровъ.

— Ну однакоже.... всё одно къ одному....

Ворошиловъ замолчалъ и началъ въ растяжку нюхать табакъ изъ своей золотой табатерки.

Гордапову не терпѣлось, и онъ съ парочитымъ спокойствіемъ проговорилъ:

— Что же одно къ одному? Что вы этимъ хотите сказать? Развѣ меня въ чемъ-нибудь подозрѣваютъ?

— Нѣтъ, не подозрѣваютъ, отвѣчалъ, ощелкивая пальцы, Ворошиловъ, — а недоумѣваютъ съ чего и съ кого начать, да и гдѣ начало-то не видятъ.

— А ваше какое же мнѣніе: гдѣ начало?

— Да по моему мнѣнію, оно должно крыться еще въ московской кончинѣ племянника Бодростина: это событіе престранное. Я о немъ разбесѣдовался съ Висленевымъ.... Разумѣется, мое дѣло сторона, а такъ отъ нечего дѣлать разболтался: онъ говоритъ: „я знаю: его Гордановъ у Цыганъ отравилъ.“

— Экой болванъ!

— И я говорю. Я не имѣю чести васъ много знать, но....

— А что же далѣе-съ?

— Ну, потомъ смерть этого княжескаго управителя, какъ его?... Ну какъ бишь его звали-то?

— Свѣтозаръ Водопьяновъ, — былъ точно такой же идіотъ какъ и Висленевъ.

— Вотъ именно! Вы прекрасно сказали: Свѣтозаръ Водопьяновъ. Но это эпизодъ самый простѣйшій: его убили по ошибкѣ....

— Вы такъ думаете?

— Ну, конечно; а теперь Бодростинъ легъ, ужь это поправка.

— Но кому же была нужна эта поправка?

— А вотъ въ этомъ и весь вопросъ. Крайне сомнительно чтобъ это были мужики.....

— Но вы развѣ не полагаете что въ народѣ противъ Бодростина было дѣйствительно враждебное возбужденіе?

— О, нѣтъ! Я совершенно вашего мнѣнія: въ народѣ возбужденіе было, но кому оно было нужно?

— Кому? вотъ прекрасный вопросъ. Соціализмъ въ воздухѣ носится: имъ каждый дуракъ бредитъ.

— Пожалуй что вы и правы, но кто же здѣсь изъ соціалистовъ?

— А Висленевъ.

— Но вѣдь онъ сумашедшій.

— Такъ что жь такое?

— Ну ужь гдѣ сумашедшему вести такое дѣло? Нѣтъ, должно быть совсѣмъ иное лицо которое всѣмъ руководило и которому нужна была эта послѣдняя поправка, и на это есть указаніе кому она была нужна.

— Ну, если есть указаніе, тогда это другое дѣло; но что же это за указаніе?

— Да совсѣмъ ясное указаніе, при которомъ не нужно уже много ума чтобы добраться до истины. Чиновникамъ бы я этого не сказалъ, но вамъ, такъ какъ мы ведемъ простой разговоръ, я скажу.

— Сдѣлайте милость: это очень любопытно.

— Довольно простой маленькій фокусъ, и я его вамъ фокусомъ и объясню: позвольте мнѣ ваши руки?

Гордановъ нехотя подалъ Ворошилову свою правую руку.

— Нѣтъ, вы обѣ позвольте.

— На что же это?

— А что? Развѣ у васъ болитъ еще рука?

— Вы отгадали: у меня болитъ рука.

— То-то вы ее носили на подвязкѣ, ну да ничего: видите вы эту вещь? спросилъ онъ, показывая Горданову хорошо знакомый ему складной ножикъ, найденный на столѣ возлѣ Бодростинскаго трупа.

Гордановъ первно отдернулъ руку.

— Что, вы думали что я васъ уколю?

— Какая глупость!

— Ну разумѣется, отвѣчалъ, не обижаясь, Ворошиловъ, — я вамъ только хотѣлъ показать какъ иногда ничтожною внезапностью можно смутить самаго праваго человѣка.

— А развѣ вашъ фокусъ-покусъ долженъ служить къ тому чтобы смущать правыхъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани! А вы знаете ли откуда могъ взяться этотъ ножъ возлѣ трупа? Нѣтъ; я вижу по вашимъ глазамъ что вы этого не знаете. Этотъ ножъ былъ нуженъ тому кому нужно измѣнить форму трехгранной ранки на трупѣ. Однако я злоупотребляю.... вы вѣрно слабы.... вы блѣднѣете.

Гордановъ вскочилъ и гордо вскрикнулъ:

— Милостивый государь! Что вы меня штудируете что ли, или испытываете на мнѣ свою тонкость?

Но Ворошиловъ ему не отвѣтилъ ни слова, а отвернувшись къ окну, проговорилъ:

— Ага! вотъ я вижу уже и гробы привезли, и съ этимъ отправился къ двери, и остановившись на минуту на порогѣ, добавилъ:

— Ахъ, знаете-съ, я было совсѣмъ и позабылъ вамъ разказать пресмѣшной случай.

— Извините пожалуста, а я не могу болѣе слышать никакихъ случаевъ, я боленъ.

Гордановъ позвалъ слугу, но Ворошиловъ все-таки не вышелъ, а продолжалъ:

— Нѣтъ, вѣдь это о чемъ я вспомнилъ прямо васъ касается.

Гордановъ началъ совсѣмъ терять терпѣніе и съ нервическимъ подергиваніемъ лица спросилъ:

— Что, что такое „меня касается“?

— Да ихъ неумѣлость.

— Чортъ знаетъ что такое! О чемъ, о чемъ вы говорите?

— Я говорю о нышѣшнихъ чиновникахъ, которые....

— Которые? передразнилъ Гордановъ: — да вы представьте себѣ пожалуста что я не признаю никакихъ чиновниковъ на свѣтѣ.

— Ну извините меня, а ихъ нельзя отрицать, потому что они суть, ибо они могутъ отрицать ваше право свободы.

—Право свободы.... Усердно васъ прошу, скажите ясно что вы столь любезно пришли мнѣ сообщить!

— Ахъ, вы также пожалуста не безпокойтесь, я уже пока все уладилъ.

— То-есть какъ.... что такое вы уладили?

— Ничего, ничего, вы не безпокойтесь: они со мною захотѣли посовѣтоваться и они васъ не тронутъ, изъ вашей комнаты.... и о Глафирѣ Васильевнѣ я настоялъ на томъ же. До свиданья.

Когда Ворошиловъ отворилъ дверь и вышелъ, провожавшій его глазами Гордановъ совсѣмъ потерялся и остановилъ изумленные глаза на входившемъ слугѣ. Дѣло было въ томъ что Гордановъ увидалъ насупротивъ своей двери часоваго казака.

— Изволите видѣть? спросилъ его, затворяя двери, взошедшій лакей.

— Скорѣй мнѣ арники на тряпочку и одѣться.

Человѣкъ подалъ то и другое. Гордановъ одѣлся, но вмѣсто того чтобы выдти, вдругъ раздумалъ и перемѣнилъ планъ, сѣлъ къ столу и написалъ: „Не знаю кто намъ измѣнилъ, но мы выданы и я арестованъ. Разчеты на бунтъ положительно не удались. Остается держаться однихъ подозрѣній на Висленева. Мою записку прошу возвратить".

Запечатавъ эту записку, Гордановъ велѣлъ лакею отнести пакетъ Глафирѣ Васильевнѣ и дождаться отвѣта, и человѣкъ, выйдя съ этимъ его посланіемъ съ лѣстницы, повернулъ въ маленькую, такъ-называемую „разрядную" залу, гдѣ прежде Михаилъ Андреевичъ занимался хозяйственными распоряженіями съ управляющимъ и бурмистромъ, и теперь помѣщались Синтянинъ и Ворошиловъ, предъ которыми лакей и положилъ съ улыбкой конвертъ.

— Прытокъ же онъ! проговорилъ Ворошиловъ, принимая одною рукой со стола этотъ конвертъ, а другою подавая лакею двадцати-пяти рублевый билетъ.

Черезъ минуту письмо Горданова было скопировано, вложено въ новый конвертъ, и тотъ же лакей понесъ его къ Глафирѣ. Передавая посылку горничной, лакей шепнулъ ей что письмо это онъ представлялъ на просмотръ и похвалился ассигнаціей. Дѣвушка передала это Глафирѣ, и получивъ сама сто рублей, вынесла лакею запечатанный отвѣтъ и распечатанные пятьдесятъ рублей.

Меркурій полетѣлъ опять черезъ ту же таможню и изумилъ Ворошилова и Синтянина не только быстротой отвѣта, но и его содержаніемъ. Глафира писала на томъ же самомъ листкѣ на которомъ были строки Горданова: „Что это за гнусная выходка. Свободны вы, или арестованы, правы или виноваты, какое мнѣ до этого дѣло? Если вы думаете что со смертью

моего мужа наглость ваша можетъ дѣйствовать свободнѣе, то вы ошибаетесь: я сама сумѣю себя защитить, и есть другіе люди настолько мнѣ преданные что сумѣютъ обуздать ваши происки. Вмѣсто отвѣта совѣтую вамъ при первой возможности оставить навсегда мой домъ, и знайте что я не имѣю желанія числить васъ въ счету людей съ которыми хотѣла бы встрѣчаться."

— Подите-ка сюда, любезный другъ! поманилъ Ворошиловъ лакея, и когда тотъ приблизился, онъ прямо спросилъ его: сколько ему за это дали?

Человѣкъ отвѣчалъ откровенно.

— Прекрасно, сказалъ Ворошиловъ:—войдите же теперь сюда, въ эту комнату, вы отдадите отвѣтъ господину Гордanову послѣ, а теперь пока посидите здѣсь.

И съ этимъ Ворошиловъ заперъ на ключъ отслужившаго ему свою службу шпіона.

Что это могло значить? Павелъ Николаевичъ вызвалъ звонкомъ другихъ слугъ, но ни отъ одного изъ нихъ не могъ добиться отвѣта о своемъ пропавшемъ безъ вѣсти лакеѣ.

Человѣкъ безъ вѣсти пропалъ въ домѣ! Гордановъ рѣшительно не зналъ что ему думать и считалъ себя выданнымъ всѣми.... Онъ потребовалъ къ себѣ слѣдователя, но тотъ не являлся, хотѣлъ позвать къ себѣ врача, такъ какъ врачъ не можетъ отказаться посѣтить больнаго, а Гордановъ былъ въ самомъ дѣлѣ нездоровъ. Но онъ вспомнилъ о своемъ нездоровьѣ только развязавъ свою руку и ужаснулся: вкругъ маленькаго укола, на ладони зіяла темненькая каемочка, точно бережокъ изъ аспидированнаго серебра.

— Этого только не доставало! прошепталъ, холодѣя, Гордановъ, и хватая себя за голову, онъ упалъ совсѣмъ одѣтый въ постель и уткнулъ голову въ подушки, зарыдавъ впервые съ тѣхъ поръ какъ сталъ себя помнить.

XXVI. Сидъ пережилъ.

Залъ гдѣ лежалъ мертвецъ былъ накуренъ ладономъ, и въ немъ царила тяжелая, полная таинственности полутьма. Красноватый огонь восковыхъ свѣчъ освѣщалъ только ликъ Нерукотвореннаго Спаса, да мертвое тѣло, имѣвшее какое-то неспокойное положеніе. Это происходило вѣроятно оттого

что одно колѣно мертвеца окостенѣло въ согнутомъ положеніи, и руки его застыли въ самомъ широкомъ розмахѣ. Колѣни невозможно было выправить, руки же хотя кое-какъ и стянули, однако связанныя въ кистяхъ онѣ оттого еще болѣе топорщились въ локтевыхъ суставахъ и лѣзли врозь. Отъ этого трупъ имѣлъ тотъ безпокойный видъ какъ будто онъ ежеминутно приготовлялся вскочить и схватить кого-то.

Длинный черный гробъ сдѣланный неломѣрной глубины и ширины, въ виду сказанной нескладности трупа, стоялъ на полу. Въ ногахъ его горѣла свѣча. Остальная комната была темна, и темнота эта ощущалась по мѣрѣ удаленія отъ гроба, такъ что у дверей изъ гостиной, чрезъ которыя ожидали вдову, было совсѣмъ черно.

Паннихида была отлѣта; священникъ стоялъ въ траурной ризѣ и не зналъ что̀ ему дѣлать, дьяконъ подувалъ въ кадило и размахивая имъ немилосердо пускалъ и безъ того наполняющій залу ладонный дымъ. Чиновники покашливали, почетные дворовые люди явившіеся на положеніе во гробъ шептались: вдова не являлась.

Съ нею происходило нѣчто странное: она боялась видѣть мертваго мужа, боялась не суевѣрнымъ страхомъ, какимъ мертвецъ отпугиваетъ отъ себя простодушнаго человѣка, а страхомъ почти сознательной и неотразимой естественной опасности. Корень этого страха крылся однако въ чемъ-то близкомъ къ суевѣрію. Глафира нигилистка и Глафира спиритка не вѣрила ни въ Бога, ни въ духовное начало человѣка, но игра въ спиритизмъ, заставлявшая для вида разсуждать о независимой природѣ духа, развила въ ней нѣчто такое что̀ она могла принимать какъ казнь за свое шарлатанство. Къ ней противъ ея воли пристало нѣчто такое отъ чего она никакъ не могла отвязаться. Это ее сначала смѣшило и занимало, потомъ стало досадовать и лутать, наконецъ даже минутами пугать. На ней оправдывались слова Альберта Великаго что на свѣтѣ нѣтъ человѣка совсѣмъ недоступнаго страху сверхъестественнаго.

Она вѣрила что злодѣйство къ которому она стремилась не пройдетъ ей безнаказанно, по какому-то такому же неотразимому закону, по какому напримѣръ она неудержимо довершила это злодѣйство, утративъ охоту къ его довершенію.

Съ той самой поры когда простучали колеса экипажа на которомъ ея мужъ отъѣзжалъ въ лѣсъ съ Жозефомъ и съ Гордановымъ, Глафира Васильевна еще ни на минуту не отдохнула

отъ овладѣвшаго ею тревожнаго чувства. Ей помнилось казалось что ее кто-то куда-то зоветъ, кто-то о чемъ-то спрашиваетъ, кто-то перешептывается на ея счетъ, и то вблизи тихо смѣется, то гдѣ-то далеко заливается громкимъ зловѣщимъ хохотомъ. Глафира, разумѣется, не допускала тутъ ничего сверхъестественнаго и *знала* что это нервы шалятъ, но тѣмъ не менѣе ей надоѣдало что, чуть только она хоть на минуту остается одна, какъ сейчасъ же начинаетъ чувствовать у себя за спиной какое-то беззвучное шмыганье, какое-то сильное и плавное движеніе какихъ-то тѣней. Она слышала различныя измѣненія въ этихъ движеніяхъ: тѣни то медленно плыли, то вдругъ неслись быстро, быстро летѣли одна за другою и исчезали, какъ будто таяли въ темныхъ углахъ или уходили сквозь стѣны.

Она искала облегченія въ сообществѣ Синтяниной и Вѣры, остававшихся здѣсь ради похоронъ Ларисы, такъ какъ, по ходатайству услужливаго Ропшина, самоубійцу разрѣшено было похоронить по христіанскому обряду. Глафира не обращала вниманія что обѣ эти женщины не могли питать къ ней ни уваженія, ни дружбы: она съ ними не разставалась; но въ то время когда ей надлежало сойти въ залъ, гдѣ ее ждали къ панихидѣ, обѣ Синтянины занимались тѣломъ Лоры, и потому Глафира Васильевна потребовала чтобъ ее проводилъ Ропшинъ.

Предшествуемые лакеемъ со свѣчой въ рукахъ они сошли внизъ, и пройдя рядъ темныхъ комнатъ, приблизились къ двери которая соединяла залъ съ гостиной. Лакей взялся за дверную ручку и повернулъ ее, но дверь не подавалась. Онъ употребилъ усиліе, но тщетно; ему взялся помогать Ропшинъ, но дверь все-таки оставалась неподвижною. Шевелящаяся ручка обратила на себя вниманіе людей собравшихся въ залѣ, и нѣкоторые изъ нихъ поспѣшили на помощь и взялись за это съ усердіемъ, въ лылу котораго ни по ту, ни по другую сторону никому въ голову не приходило справиться вполнѣ ли отпертъ дверной замокъ: дверь тянули, дергали и наконецъ съ одной стороны успѣли отломить ручку, а съ другой, сопровождавшій Глафиру лакей успѣлъ уронить на полъ и погасить свою свѣчу. Тогда Ропшинъ отодвинулъ снизу и сверху шпингалеты и собравъ силы налегъ ровно на оба края отвора: двери съ шумомъ распахнулись, и твердый парчевой покровъ тихо поѣхалъ съ согнутыхъ колѣнъ мертвеца на землю, открывая предъ глазами Глафиры ракурсъ трупа.

Это пустое обстоятельство такъ непріятно повліяло на разстроенные нервы вдовы что она насилу удержалась на ногахъ, схватясь за руку Ролшина, и закрыла ладонью глаза, но чуть лишь отняла ладонь какъ была еще болѣе поражена: предъ нею несли со стола ко гробу тѣло мужа и на немъ былъ куцый кирасирскій мундиръ съ распоротою и широко разошедшеюся спинкой.... Мало этого, точно изъ воздуха появилось и третье явленіе: впереди толпы людей стоялъ краснолицый монахъ....

— Что же это такое, откуда здѣсь этотъ монахъ? нетерпѣливо спросила шепотомъ Глафира.

— Я не знаю, отвѣчалъ Ролшинъ.

— Узнайте.

И оставшись одна, она старалась успокоиться и заставляла себя равнодушно смотрѣть какъ мужа уложили въ гробъ и поставили на катафалкъ.

Ролшинъ принесъ ей извѣстіе что монахъ этотъ захожій сборщикъ на бѣдный монастырь и живетъ на селѣ третій день.

Глафира послала ему десять рублей и внимательно въ него всматривалась когда онъ подошелъ ее благодарить; монахъ былъ человѣкъ какъ человѣкъ, съ добрымъ, краснымъ лицомъ, веселыми голубыми глазами и запахомъ вина и елея. Это несомнѣнно былъ тотъ самый монахъ котораго она испугалась въ часъ убійства.

— Это вы приходили ко мнѣ вчера?

Монахъ извинялся отвѣчалъ что это точно былъ онъ, и что онъ зашелъ въ комнаты по ошибкѣ, потому что не зналъ дороги въ контору.

Глафира еще дала ему ассигнацію и потомъ придя къ себѣ спросила Ролшина о мундирѣ:

— Зачѣмъ на него не надѣли его новый дворянскій мундиръ?

— Зачѣмъ же новый закалывать въ землю когда этотъ былъ испорченъ и никуда болѣе не годился? отвѣчалъ Ролшинъ.

— Испорченъ? Неправда, я его осматривала, и онъ былъ цѣлъ.

— Да; одинъ есть и цѣлый, а этотъ распоротъ.

— Какимъ же образомъ, кто его могъ распороть?

Ролшинъ махнулъ рукой и сказалъ что до этого не добересться, а по подозрѣніямъ выходитъ что толстый кондитеръ Иванъ Савельевъ, желая дразнить Сида Тимоѳеевича, бралъ этотъ мундиръ у гардеробщика и чтобы влѣзть въ него распоролъ его спинку.

— И вы потому его и надѣли на покойника?

— А разумѣется: зачѣмъ терять хорошее платье?

— Да; вы совсѣмъ Нѣмецъ, произнесла Глафира, удаляясь. Ночь она провела лучше прежнихъ, но на разсвѣтѣ пробудилась отъ страннаго сна: она чувствовала опять какія-то беззвучныя движенія и видѣла какія-то бѣловатыя легкія нити, которыя все усложнялись, вѣялись, собирались въ какія-то группы и очертанія, и затѣмъ предъ ней вдругъ опять явился монахъ, окруженный какимъ-то неописаннымъ, темноватоматовымъ сіяніемъ, онъ стоялъ склонивъ голову, а вокругъ него колошились и на самыхъ плечахъ у него вили гнѣзда большія бѣлыя птицы. И онъ былъ такъ тихъ и такъ грустно смотрѣлъ ей въ глаза и шепталъ: „ну, вотъ я сдержалъ мое слово; ну, вотъ я явился.“

„А, я знаю кто ты: ты Свѣтозаръ Водольяновъ“, подумала въ отвѣтъ ему Глафира и съ этимъ проснулась.

Непродолжительный, но крѣпкій сонъ и это тихое сновидѣніе ее успокоили: она не захотѣла долѣе оставаться въ постели и сошла внизъ навѣстить гробъ.

Утро еще чуть намѣчивалось на небѣ, въ комнатахъ было темно, но люди уже встали и шла уборка: въ залѣ при покойникѣ былъ одинъ дьячокъ, онъ зѣвалъ предразсвѣтною зѣвотой и едва бормоталъ. Глафира Васильевна постояла, поклонилась гробу и ушла бодрая, крѣпкая и успокоенная. Нервы ея окрѣпли и страхи смело какъ рукой. Черезъ два часа былъ выносъ въ церковь. Утро ободняло и перешло въ красный и морозный день; готовился выносъ; собрался народъ—все собралось въ порядкѣ; вдова снова сошла въ залъ. Священники облачились, у чтецкаго аналоя стоялъ Сидъ и молился, читая безъ книги: „Расторгнемъ узы ихъ и отвержемъ отъ насъ иго ихъ. Живый на небеси посмѣется имъ и Господь поругается имъ“. Сидъ былъ тихъ самъ и точно утѣшалъ покойнаго въ послѣднія минуты его пребыванія въ домѣ. Гробъ подняли и понесли: шествіе тронулось и въ немъ оказался участвующимъ и Гордановъ. Онъ шелъ издали и не искалъ случая подойти къ Глафирѣ.

Вотъ и храмъ: небольшая сельская церковь переполнилась людьми, и воздухъ въ ней, несмотря на довольно высокій куполъ, сталъ нестерпимо густъ; солнце било во всѣ окна и играло на хрусталяхъ горящаго паникадила, становилось не только

тепло, но даже жарко и душно, головы начинали болѣть отъ смѣшаннаго запаха трупа, ладана, лаптя, суконной онучи и квашеной овчины. Чѣмъ долѣе, тѣмъ это становилось несноснѣе, и когда при отпѣваніи всѣ наполнявшіе церковь взяли въ руки зажженныя свѣчи, Глафирѣ стало казаться что въ насыщающемся дымомъ воздухѣ какъ будто опять что-то носилось и вѣяло. Привычныя головы и спокойная совѣсть еще кое-какъ переносили эту удушающую атмосферу, но Глафира совсѣмъ была готова упасть. Она не разъ хотѣла выйти, но боялась выдать себя этимъ кому-то и въ чемъ-то, а черезъ нѣсколько времени она была уже до такой степени вновь подавлена и разстроена что не понимала самыхъ простыхъ явленій: сторожъ долѣзъ было по лѣсенкѣ чтобъ открыть окно, но лѣсенка была плоха, и онъ не долѣзши упалъ. Глафирѣ казалось что это такъ и слѣдуетъ. Въ народѣ заговорили что „онъ не пущаетъ“: ее интересовало кто это „онъ“. Въ отпѣваніи она только слышала возгласы: „Боже духовъ и всякія плоти“. „Паки и паки“ и опять слова: „Боже духовъ и всякія плоти“ и опять „паки и паки“, и еще и еще „Боже духовъ!“ и „увы мнѣ, увы: земля я и пепелъ; поношенье и прахъ....“ Ужасно, тяжко, невыносимо до крайности: лобъ ломитъ, силы оставляютъ, а тутъ вдругъ куда-то всеобщая тяга; въ тѣснотѣ предъ Глафирой разчистилось мѣсто: между ею и гробомъ уже нѣтъ никого, ее шлютъ, ей шепчутъ: подходите, идите, идите проститься!

Вокругъ гроба пустое, свободное мѣсто: Глафира оглядывалась и увидала по ту сторону гроба Гордонова. Онъ какъ будто хотѣлъ ей что-то сказать глазами, какъ будто звалъ ее скорѣе подходить или, напротивъ, предостерегалъ не подходить вовсе—не разберешь. Межъ тѣмъ мертвецъ ждалъ ее лежа съ закрытымъ лицомъ и съ отпущеніемъ въ связанныхъ платкомъ рукахъ. Надо было идти, и Глафира сдѣлала уже шагъ, какъ вдругъ ее обогналъ льяный Сидъ, онъ подскочилъ къ покойнику со своими „росписками“ и началъ торопливо совать ихъ ему въ руки, приговаривая:

— На, тебѣ, на; я добрый рабъ, я тебя прощаю!

Сида потянули назадъ, но онъ не подавался, и крѣпко держась одною рукой за край гроба, держалъ и тормошилъ окостенѣвшія руки лока всунулъ дѣтскія записочки покойнаго, которыя считалъ его „росписками“.

Гордановъ воспользовался этимъ моментомъ: онъ вскочилъ

на ступень катафалка, съ тѣмъ чтобы вынуть изъ рукъ мертвеца кощунственное отпущеніе Сида и тѣмъ облегчить прощаніе Глафирѣ, которая въ эту же минуту поднялась на ступень съ другой стороны гроба. Но лишь только они выровнялись другъ противъ друга какъ платокъ которымъ были связаны окоченѣвшія руки покойника, будучи раздернанъ Сидомъ, совсѣмъ развязался, и мертвецъ предъ глазами всѣхъ собравшихся въ церкви людей раскинулъ на отмашь руки....

— Это не я! Это онъ! воскликнула Глафира, падая безъ чувствъ на полъ.

Ее подняли и понесли къ дверямъ. Вынеся на воздухъ, ее посадили на цоколѣ и стали заботиться привести въ чувство, а между тѣмъ погребеніе было окончено и могила зарывалась.

Гордановъ во все это время ни на минуту не отступалъ отъ Глафиры: онъ зорко за нею слѣдилъ и боялся ея перваго слова когда она придетъ въ чувство, и имѣлъ основанія этого бояться. Новая опасность угрожала ему въ лицѣ маленькой глухонѣмой дочери Синтянина, которая, стоя здѣсь же между отцомъ и Ворошиловымъ, держала въ рукахъ хлыстъ Глафиры съ аквамариновою ручкой. Откуда могъ взяться въ ея рукахъ этотъ хлыстъ, бывшій съ Гордановымъ въ лѣсу во время убійства и тамъ же невозвратно потерянный и занесенный снѣгомъ?

Гордановъ терялъ самообладаніе, замѣтивъ что глухонѣмая смотритъ на него какъ-то не только особенно, но даже неумѣстно пристально, и вдругъ начинаетъ къ нему приступать.

— Чего ей нужно? что такое она хочетъ сдѣлать?

Онъ невольно попятился назадъ, а глухонѣмая, дѣлая знаки отцу, и показывая на Гордanова, подавила пуговку въ ручкѣ хлыстика, и выдернувъ оттуда потайной трехгранный стилетъ, бросила хлыстъ и стилетъ къ ногамъ Гордanова.

— Господа, трехгранная рана открыта! воскликнулъ Ворошиловъ, поднимая и показывая трехгранный стилетъ, на которомъ кровь засохла вдоль всѣхъ граней.—Это, если я не ошибаюсь, вещь вдовы покойника.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не моя вещь, простонала, приходя въ чувство, Глафира.—Это.... это.... продолжала она, отодвигаясь отъ Гордanова,—я это давно отдала....

— Кому-съ?

— Ему. Она указала на Гордanова.

Ворошиловъ вынулъ изъ кармана сложенный листъ бумаги, и подавая его одному изъ главныхъ слѣдователей, проговорилъ:

— Вы здѣсь изволите увидать полномочія по которымъ я прошу васъ сейчасъ же арестовать и отослать въ острогъ вдову Бодростину и господина Горданова.

Гордановъ и Глафира только переглянулись.

— Вы Карташовъ? прошепталъ слѣдователь.

— Да, я тотъ о комъ здѣсь пишется.

— Ваше требованіе будетъ исполнено. Взять ихъ!

Глафира и Гордановъ были арестованы, а Ворошиловъ, или Карташовъ, обратясь къ унылымъ мужикамъ, проговорилъ:

— Молитесь Богу, ребята, правда будетъ открыта!

— Подай Господи, дохнула толпа, и начала благодарно креститься и окружать со всѣхъ сторонъ глухонѣмую дѣвочку, которая дрожала и искала глазами мачиху.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ЭПИЛОГЪ.

Происшествіе на похоронахъ получило быстрѣйшую огласку. За эффектомъ этого событія были позабыты и схороненная Лариса, и заключенники Форовъ и Евангелъ, а цѣлая масса мелочей остались вовсе незамѣченными. Такъ между прочимъ прошла незамѣченною смерть старика Сида, который, переживая своего Ирода и увидавъ поношеніе Иродіады, упился на кухнѣ виномъ и идучи домой сбился съ дороги и попалъ въ конопляную копань, гдѣ и захлѣбнулся. Незамѣтнымъ остался даже и самъ Гордановъ, который былъ арестованъ уже не домашнимъ арестомъ, а взятъ въ заключеніе. Вездѣ только ходила басня о мертвецѣ и въ ней полагалась вся суть. Эту вѣсть едва одолѣвалъ новый слухъ что Карташовъ, или Ворошиловъ, оказавшійся контръфискаломъ генерала къ которому являлась въ Петербургѣ Глафира, былъ немедленно отозванъ, и съ нимъ уѣхалъ и его землемѣръ, въ которомъ крестьяне признали слесаря Ермолаича, бывшаго въ положайникахъ у Сухаго Мартына когда добывали живой огонь.

Вслѣдъ за этою вѣстью быстро слѣдовала другая: Гордановъ былъ отчаянно боленъ въ тюрьмѣ, говорили что у него антоновъ огонь въ рукѣ и что ему непремѣнно будутъ ампутировать руку.

Это тоже была истинная правда: Гордановъ дѣйствительно былъ сильно болѣнъ и въ первый же день ареста требовалъ ампутаціи пораженной руки. Въ виду его крайне болѣзненнаго состоянія, допросомъ его не обременяли, но ампутацію сдѣлали. Онъ былъ твердъ, и пробудясь отъ хлороформа послѣ операціи, спокойно взглянулъ на свою коротенькую

руку. Ввечеру острожный смотритель сказалъ Горданову что его непремѣнно хочетъ видѣть Ролшинъ. Гордановъ подумалъ и сказалъ:

— Пусть придетъ.

Явился Ролшинъ и съ первыхъ же словъ сообщилъ что онъ съ величайшимъ трудомъ нашелъ къ нему доступъ чрезъ подкупъ.

— Въ чемъ же дѣло, спросилъ Гордановъ. — Сообщайте скорѣе: мнѣ много нельзя говорить.

Ролшинъ сталъ совѣтовать не выдавать Глафиру Васильевну.

— Вамъ отъ этого не будетъ легче, говорилъ онъ, между тѣмъ какъ если вы погубите Глафиру Васильевну.... вамъ некому будетъ помочь ни однимъ грошемъ.

— Вы правы.... что же далѣе?

— Вы знаете что Глафирѣ Васильевнѣ теперь одно средство: чтобъ опровергнуть всѣ подозрѣнія въ соучастіи съ вами....

— Она дастъ доказательства что находится въ соучастіи съ вами, перебилъ Гордановъ.

— Да; она выйдетъ за меня замужъ.

— Желаю вамъ съ нею счастія.

— Покорно васъ благодарю; но дѣло въ томъ что мнѣ нужно знать могу ли я разчитывать на вашу скромность, если предложу вамъ за это...

— Сколько?

— Пять тысячъ.

— Мало.

— Извольте десять.

— Хорошо; а деньги съ вами?

— Нѣтъ; да вамъ и нельзя беречь. Я ихъ вамъ дамъ когда.... все будетъ кончено.

— Надуете.

— Я могу думать то же самое относительно васъ.

— Меня? Нѣтъ, я не вы и не ваша невѣста: у меня есть моя каторжная совѣсть, и вы можете сказать вашей будущей женѣ что я ее не погублю — она повѣритъ. Но я хочу ручательства что я не буду забытъ.

— Вы будете имѣть доказательства что о васъ помнятъ. И Ролшинъ сдержалъ свое слово: черезъ день онъ снова купилъ свиданіе съ Гордановымъ и сообщилъ ему что Ворошилова не-

медленно отзовутъ, арестованныхъ крестьянъ выпустятъ и все обвиненіе ляжетъ на одного Висленева, который, какъ сумасшедшій, невмѣняемъ.

— Это хорошо, сказалъ Гордановъ, и въ тотъ же день, сдѣлавъ надъ собою усиліе, больной далъ показаніе которымъ отъ всего выгораживалъ себя и Глафиру и требовалъ къ себѣ прокурора чтобы представить доказательства что онъ, Гордановъ, самъ былъ такая же полномочная особа какъ и Карташовъ или Ворошиловъ, и вмѣшанъ въ дѣло единственно по интригѣ, потому что наблюдалъ за ними.

Столь неожиданное показаніе это опять все наново переплетало и путало, но гордіевъ узелъ внезапно разсѣкся смертью; ночью того же дня когда Гордановъ открылся въ качествѣ наблюдателя за наблюдателями, ему внезапно сдѣлалось хуже и къ утру другаго дня онъ былъ бездыханенъ. Врачъ заключилъ что Павелъ Николаевичъ умеръ отъ антонова огня, а въ городѣ утверждали что онъ былъ отравленъ, для того чтобы не открылъ ничего болѣе. Истину же знали два человѣка: Ропшинъ, да острожный смотритель, которому лойяльный Генрихъ честно сообщилъ деньги обѣщанныя Горданову.

Со смертью Горданова дѣло приняло еще новый оборотъ: теперь во всемъ выходилъ виновнымъ одинъ сумашедшій Висленевъ, который ни мало и не оправдывался и оставался совершенно равнодушнымъ къ своей судьбѣ. Онъ впрочемъ, повидимому, не ясно сознавалъ что̀ съ нимъ дѣлали, и ничѣмъ не интересовался. Являясь на допросы, онъ то несъ свой вздоръ и выставлялъ себя предтечей другихъ сильнѣйшихъ и грозныхъ новаторовъ, которые, воспитываясь на ножахъ, скоро придутъ съ ножами же водворять свою новую вселенскую правду; то вдругъ впадалъ въ какой-то ражъ покаянія и съ азартомъ раскрывалъ всѣ тайники своей души и съ неумѣстною откровенностію разказывалъ истинную правду обо всемъ что̀ онъ перенесъ въ своей жизни отъ разныхъ коварныхъ людей и въ особенности отъ Глафиры и отъ Горданова. Онъ со слезами на глазахъ увѣрялъ что эти люди были въ зломъ между собою заговорѣ на жизнь Бодростина, и его, Висленева, обращали въ свое орудіе; но всѣ эти послѣдующія сознанія Жозефа уже не имѣли значенія послѣ первыхъ его заносчивыхъ показаній, которыя, въ связи со страннымъ его поведеніемъ, только укрѣпили за нимъ репутацію умопомѣшаннаго; и онъ, наконецъ, былъ официально подвергнутъ освидѣтельствованію.

При этомъ актѣ Жозефъ снова проговорилъ все что̀ зналъ, утверждая что онъ хотѣлъ жениться на Бодростиной, и что этому ни мало не мѣшало то что онъ уже женатъ, но что Глафира его предала, ибо имѣла намѣреніе выйти за Горданова, и непремѣнно за него выйдетъ. Но когда ему сказали что онъ ошибается и что вдовы Бодростиной болѣе уже не существуетъ, потому что она на десятый день послѣ смерти Михаила Андреевича вышла замужъ за Ропшина, а Горданов умеръ, то Висленевъ, ни мало этимъ не смутясь, отвѣчалъ:

— Вотъ, видите какая, однако, Гордановъ каналья: онъ умеръ, а между тѣмъ онъ меня научалъ идти къ сколцамъ денегъ просить.

За всѣ эти заслуги Жозефъ былъ официально признанъ сумашедшимъ, и какъ опасный сумашедшій, совершившій въ припадкѣ безумія убійство Бодростина, посаженъ въ сумашедшій домъ, гдѣ онъ и будетъ доживать свой доблестный вѣкъ. Онъ здоровъ, и хотя имѣетъ видъ утопленника, обладаетъ однако хорошимъ аппетитомъ. Что касается до его умственной стороны, то хотя сумашествіе Висленева засвидѣтельствовано самымъ неопровержимымъ образомъ формальными актами, но всѣ люди близко знавшіе этого героя находятъ что онъ теперь точно таковъ же каковъ былъ во всю свою жизнь, изъ чего многимъ и приходитъ на мысль дѣлать выводъ что главнѣйшее несчастіе Жозефа заключается въ несвоевременности освидѣтельствованія его разсудка.

Такъ завершилось дѣло на сборы къ которому потрачено столько времени и столько подходовъ, вызывавшихся взаимнымъ другъ къ другу недовѣріемъ всѣхъ и каждаго. Актеры этой драмы въ концѣ ее сами увидали себя дѣтьми, которыя изготовляя бумажныхъ солдатиковъ все *собираются* произвесть имъ генеральное сраженіе и не замѣчаютъ какъ время уходитъ и зоветъ ихъ прочь отъ этихъ игрушекъ, безвѣстно гдѣ-то погибающихъ въ черной ямѣ.

Остается сказать что̀ подѣлалось съ другими дѣйствующими лицами этого разказа.

Мѣсяцевъ пять спустя послѣ убійства и ряда смертей, заключившихъ исторію большихъ, но неудавшихся замысловъ Горданова и Глафиры, часовъ въ одиннадцать утра ранняго великопостнаго дня, по одной изъ большихъ улицъ Петербурга шла довольно скорыми шагами молодая женщина въ черной атлас-

ной шубѣ и черной шляпѣ. Она часто останавливалась противъ надписей объ отдающихся внаймы квартирахъ, читала ихъ, и опять опустивъ на лицо вуаль, шла далѣе. Очевидно она искала наемной квартиры и не находила такой какая ей была нужна.

Сзади ея не вдалекѣ шелъ человѣкъ по походкѣ и бодрости котораго тоже надо было полагать что онъ еще не началъ старѣться, хотя голова его была почти на половину сѣда, и вдоль каждой щеки лежали по двѣ глубокія морщины.

Когда оба эти лица поравнялись, и мущина равнодушно опередилъ даму, послѣдняя слегка вздрогнула, и сдѣлавъ нѣсколько ускоренныхъ шаговъ, произнесла немного взволнованнымъ голосомъ:

— Андрей Ивановичъ!

— Александра Ивановна! вы ли это? воскликнулъ на этотъ зовъ Подозеровъ.

— Какъ видите, я сама, отвѣчала Синтянина.

— Откуда вы?

— Теперь изъ Москвы, а въ Москву прямо изъ своего хутора.

— Зачѣмъ же васъ Богъ принесъ сюда?

— Зачѣмъ? мой мужъ очень боленъ, и она при этомъ разказала что пуля старика Синтянина, все болѣе и болѣе опускаясь, стала такъ невыносимо его безпокоить что онъ непремѣнно хочетъ чтобъ ему ее вынули.

— И мы, обавила она, — третьяго дня пріѣхали сюда.

— Только третьяго дня?

— Да; мы еще живемъ въ гостиницѣ и я ищу квартиру.

— Квартиру ищите! Позвольте мнѣ вамъ помочь.

— Съ удовольствіемъ позволяю: я въ этомъ городѣ какъ въ лѣсу, и если вамъ ничто не мѣшаетъ мнѣ пособить, то вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе.

Подозеровъ, разумѣется, увѣрилъ ее что у него теперь никакихъ срочныхъ занятій нѣтъ, да хотя-бы и были, то онъ не могъ бы ими заниматься при такой радости какую составляетъ для него встрѣча со старыми друзьями.

— Квартиръ мы тоже не станемъ ходить высматривать, потому что это напраспая трата силъ и времени, а вы и безъ того, кажется, устали.

— Это правда.

— Ну, вотъ, видите ли. Мы сейчасъ зайдемъ въ такую контору

гдѣ намъ за небольшую плату доставятъ всѣ свѣдѣнія о свободныхъ квартирахъ въ той мѣстности гдѣ вы хотите.

— Я хочу здѣсь, вотъ въ этомъ кварталѣ.

— Непремѣнно здѣсь?

— Да, непремѣнно здѣсь или вблизи отсюда, потому что здѣсь живетъ хирургъ который будетъ дѣлать операцію моему мужу.

— Развѣ это ужь рѣшено?

— Да, рѣшено; вчера у насъ уже были три извѣстные оператора.

— И что же: они находятъ операцію возможною?

Александра Ивановна пожала плечами, вздохнувъ тихо, проговорила что она не знаетъ что и думать объ ихъ отвѣтахъ: одинъ говоритъ „нельзя“, другой утверждаетъ что „можно“, а третій сомнительно трясетъ головой.

— Но Иванъ Демьяновичъ, добавила она, разумѣется, склоняется на сторону того который обѣщаетъ ему вынуть пулю,— и вотъ потому-то мы и хотимъ поселиться поближе къ тому доктору.

— И прекрасно: я тоже живу здѣсь по сосѣдству, и хоть не большая вамъ будетъ во мнѣ помощь, а все-таки могу пригодиться.

— Еще бы: и очень даже.

Въ это время они вошли въ контору, получили нѣсколько адресовъ и черезъ полчаса наняли небольшую, но очень уютную квартиру, по средствамъ какими располагала Синтянина.

— Теперь вы, конечно, не откажетесь проводить меня до дому и посѣтите моего старика?

— Непремѣнно, непремѣнно, и съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Подозеровъ.—Я Ивану Демьяновичу очень признателенъ.

— Мегсі; онъ тоже очень будетъ радъ васъ видѣть: онъ даже вчера о васъ вспоминалъ. Ему хотѣлось взглянуть на Петербургъ, а главное, что ему хотѣлось достать себѣ хорошій образъ Христа и онъ все говорилъ что вотъ вы бы, какъ любитель искусства, могли бъ ему помочь въ этомъ. Но что же вы сами: что вы и какъ вы?

Подозеровъ сдержалъ вздохъ, и закусивъ слегка нижнюю губу, отвѣчалъ что ничего; что онъ чувствуетъ себя какъ должно и какъ можно чувствовать себя на его мѣстѣ.

— Я думаю смерть Лоры васъ ужасно поразила? Я долго не

рѣшалась послать Катѣ депеши; но это было совершенно необходимо вызвать ее къ арестованному мужу.

— Да; скажите на милость что это за дѣло у Фелитера Ивановича?

— Ахъ, ничего не умѣю вамъ сказать: вступался за крестьянъ, ходилъ, болталъ свои любимыя присказки что надо бы одну половину дѣятелей повѣсить на жилахъ другой и наконецъ попалъ въ возмутители. Но теперь, говорятъ, дѣло уже не совсѣмъ для него несчастливо и вѣрно скоро окончится. Но что же вы, что съ вами? вы уклоняетесь отъ отвѣта.

— Мнѣ хорошо.

— Счастливый человѣкъ и рѣдкій: вамъ всегда хорошо.

— Да, почти всегда: я занятъ, работаю, ѣмъ въ потѣ лица хлѣбъ мой, а работа—превосходный врачъ.

— Отъ чего, отъ какой болѣзни?

— Отъ всѣхъ душевныхъ болѣзней.

— Значитъ онѣ еще не прошли?

— Что жь дивнаго: я человѣкъ, и на мнѣ тоже тяготѣютъ тяжести жизни.

— Теперь вы снова свободны, проговорила не подумавъ Синтянина.

— Я всегда былъ свободенъ, поспѣшо отвѣтилъ Подозеровъ, и тотчасъ добавилъ:

— Если я искалъ развода, то дѣлалъ это для спокойствія Лоры, но отнюдь не для себя.

Синтянина на него посмотрѣла и сказала:

— Я такъ и думала.

— Конечно-съ, на что же мнѣ это было? я не веду моей родословной ни отъ какихъ славныхъ гусей: я не графъ и не князь чтобы быть шокированнымъ поведеніемъ жены.

— Вы Испанскій Дворянинъ.

— Не знаю, но я знаю что меня замарать никто не можетъ, если я самъ себя не мараю. Притомъ же если для чьего-нибудь счастія нужно чтобы мы отступились отъ этого человѣка, то неужто тутъ еще есть надъ чѣмъ раздумывать? Я не могу быть спокоенъ если я знаю что кого-нибудь стѣсняю собою, и удалился отъ жены, желая покоя своей совѣсти.

— А теперь вы покойны?

— Конечно, мнѣ уже болѣе нечего терять.

Генеральша задумалась и потомъ проговорила:

— Зачѣмъ же все только... терять? Жизни должно быть еще много впереди, и вы можете что-нибудь „найти“ и не потерять.

— Перестанемъ объ этомъ.

— И впрямь я не знаю о чемъ говорю, и съ этими словами она вошла въ свой нумеръ, гдѣ былъ ея больной мужъ.

Генералъ Сипягинъ, обложенный подушками, сидѣлъ въ одномъ креслѣ, межъ тѣмъ какъ закутанныя байковымъ одѣяломъ ноги его лежали на другомъ. Предъ нимъ, нѣсколько въ сторонѣ, на плетеномъ стулѣ стояла въ золоченой рамѣ картина вершковъ десяти, изображающая голову Христа вѣнчаннаго терніемъ.

Увидавъ Подозерова, Иванъ Демьяновичъ очень обрадовался и хотя протянулъ ему руку молча, но сжалъ ее съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

— Садитесь, произнесъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствіе гостя и на его вопросъ о здоровьѣ.—Мать, дай намъ чаю, обратился онъ къ женѣ и сейчасъ же добавилъ, — радъ-съ, весьма радъ-съ что вы пришли. Хотѣлъ посылать, да пословъ не нашелъ. А видѣть васъ радъ, можетъ скоро умру, надо съ друзьями проститься. Впрочемъ у меня-съ друзей нѣтъ.... кромѣ ее, добавилъ генералъ, кивнувъ по направленію куда вышла жена.

Подозеровъ промолчалъ.

— Грустно-съ, заговорилъ генералъ, стараясь говорить такъ тихо, чтобы не слыхала жена; — грустно-съ, достолочтенный мой, умирать обманутымъ людьми, еще грустнѣе жить обманутымъ самимъ собою.

— Что это у васъ за мысли?

— Подвожу итогъ-съ и разсуждаю объ остаткѣ: въ остаткѣ нуль и откупаться будетъ нечѣмъ у сатаны. Однѣ вотъ-съ Его заслуги, вотъ-съ вся и надежда, заключилъ онъ, вздохнувъ и показавъ глазами на вѣнчанную терніемъ голову.

— У васъ превосходный заступникъ, молвилъ въ тонъ ему Подозеровъ.

— Да-съ; слава Богу, слава Ему, отвѣчалъ генералъ, и не сводя глазъ съ картины и перемѣнивъ тонъ, продолжалъ:—Вы знаете, я наконецъ рѣшился сдѣлать себѣ операцію: хочу чтобы мнѣ вынули эту проклятую пулю.

— Развѣ она стала васъ очень безпокоить?

— Да, ужасно безпокоитъ, и генералъ весело прошепталъ: —

Это-съ вѣдь бѣсовская пуля. Да-съ, я вѣдь происхожу изъ кантонистовъ; я былъ простой солдатъ, простой и добрый солдатъ, товарищъ; мать свою почиталъ, а какъ эта проклятая пуля въ меня попала, я пошелъ въ чины, сдѣлался генераломъ и всю жизнь мою не вспомнилъ Бога. Да-съ; но Онъ меня вспомнилъ: я чувствую: Онъ скоро придетъ.... Я снова знаю какъ Онъ приходитъ; когда я мальчишкой пасъ чужихъ жеребятъ, я видѣлъ Его, и еще когда кантонистомъ въ казармахъ рыдалъ я разъ ночью о своей крестьянкѣ матери. Онъ тоже былъ благъ; но съ тѣхъ поръ какъ я.... сталъ всѣхъ мучить.... Вотъ я купилъ.... вчера эту.... картину, громче говорилъ онъ, услыхавъ шаги возвращающейся жены,—говорятъ будто это работы Гверчино.... не самого Гверчино, можетъ-быть его школы....

— Голова писана со смысломъ.

— Да, я читалъ что Гверчино писалъ вдохновенно. Какъ вы находите?

— Сильная кисть и освѣщеніе сверху.... да это какъ будто манера Гверчино..... умно и тепло.

— Нѣтъ, выраженіе?

— И выраженіе мнѣ нравится.

— А все не то, а все не то что я зналъ въ дѣтствѣ....

И Синтянинъ сбросилъ съ ногъ одѣяло и тихо вышелъ за перегородку, унося съ собою картину.

— У него часто такія минуты? спросилъ шепотомъ генеральшу Подозеровъ.

— Съ давнихъ поръ почти постоянно погруженъ въ размышленіе о Богѣ и о смерти, отвѣчала та едва слышно.

Изъ-за перегородки послышался вздохъ, и слова: „помилуй, помилуй!“ Синтянина молча стояла посреди комнаты.

— Зачѣмъ вы не взяли сюда Вѣру? прошепталъ Подозеровъ.

— Вѣру?

— Да; она бы очень много хорошаго вносила собою въ его душу.

— Вѣра....

И генеральша, замѣтивъ тихо входившаго мужа, не договорила, но Иванъ Демьяновичъ, слышавшій имя Вѣры, тихо молвилъ:

— Моя Вѣра умерла.

— Вѣра умерла!

— Да, умерла. Развѣ Alexandrine вамъ не разказала какъ это случилось?

— Нѣтъ.

— Вѣра моя простудилась, искавъ ее (онъ указалъ на жену) и найдя этотъ стилетъ которымъ Гордановъ убилъ Бодростина.

— Вы увѣрены что это сдѣлалъ Гордановъ?

— Увѣренъ, и всѣ увѣрены. Болѣе-съ: я это знаю, и вы мнѣ можете вѣрить: предъ смертью люди не лгутъ. Гордановъ убилъ, да-съ; а потомъ Горданова убили.

— Да; я читалъ что онъ умеръ въ острогѣ.

— Онъ отравленъ, и отравилъ его Ропшинъ.

— Ропшинъ! Зачѣмъ это Ропшину было?

— Онъ пустилъ въ воду концы. Вотъ въ это время какъ вы съ Сашей ходили искать квартиры, ко мнѣ заходилъ тотъ.... Карташовъ, или этотъ.... знаете, который былъ тамъ?...

— Ворошиловъ, сухо подсказала генеральша.

— Вотъ именно!... Но дѣло въ томъ какія онъ мнѣ сообщилъ чудеса: волервыхъ, онъ самъ, все это открывшій, чуть не остался виноватъ въ томъ зачѣмъ открылъ, потому что въ дѣло вмѣшалось соперничество двухъ наблюдателеныхъ персонъ, бывшихъ на ножахъ. Оттого все такъ въ комокъ да въ кучу и свертѣлось. Да что объ этомъ толковать. Я лучше сообщу вамъ пріятную новость. Майоръ Форовъ освобожденъ и арестъ ему вмѣненъ въ наказаніе.

— Да, слава Богу, бѣдная Катя теперь оживетъ.

— Оживетъ? Гм!... Вотъ будетъ странность.

— А что же съ ней такое? живо вмѣшался Подозеровъ.

— Что съ ней тако-ое? переспросилъ генералъ. — Да развѣ Alexandrine вамъ ничего не сказала?

— Нѣтъ; да и Катерина Астаѳьевна сама мнѣ тоже какъ уѣхала ничего не пишетъ.

— Чему же вы тутъ удивляетесь?

— Да все-таки хоть бы немного, а слѣдовало бы написать.

— А если нечѣмъ-съ написать-то?

— Какъ такъ?

— У бѣдной Кати былъ легкій ударъ, молвила генеральша.

— Наперекоски хватило-съ: правая рука и лѣвая нога отнялись.

— Какое несчастіе!

— Да-съ; подбираемся-съ, подбираемся... и замѣтьте-съ что довольно дружно одинъ за другимъ. А вѣдь въ существѣ нечему здѣсь много и удивляться: всему этому такъ надлежало и быть: жили, жили долго, и наступила пора давать другимъ мѣсто жить. Это всегда такъ бываетъ что смерти вдругъ такъ

и хлыпутъ, будто мѣшокъ прорвется. Катерина же Астаѳьевна, знаете, женщина тучная, съ сердцемъ нетерлячимъ.... пріѣхала къ намъ какъ разъ во время лохоронъ Вѣры, узнала что мужъ въ тюрьмѣ, и повезла ногой и руку повѣсила.

— Но позвольте же: ей всего сорокъ лять, сорокъ шесть лѣтъ? перебилъ Подозеровъ.

— Даже сорокъ четыре, поправила Синтянина.

— Ну такъ что же-съ такое? Хотите вѣрно сказать что, молъ, надо лѣчить? Ее и лѣчили.

— Ну-съ, и что же?

— И ничего: лѣкаря мази выписываютъ, въ аптекахъ деньги беруть, а она все лѣвою рукой крестится и хвалитъ Бога: „правъ Ты, Боже, меня наказуя; дай Ты грѣшной плоти моей настрадаться.“

— Женщина благороднѣйшаго характера и великой души, произнесъ Подозеровъ.

— Катя ангелъ, заключила Синтянина, — и она....

— Выздоровѣетъ? Разумѣется выздоровѣетъ, говорилъ, стараясь придать голосу какъ можно болѣе увѣренности, Подозеровъ.

— Нѣтъ, она умретъ, отвѣчала, слегка поблѣднѣвъ, генеральша.

— Умретъ? Почему?

Александра Ивановна пожала плечами и проговорила:

— Не знаю сама почему.... но такъ какъ-то.... она здѣсь все совершила земное....

По переходѣ Синтяниныхъ въ ихъ новое помѣщеніе, на другой день вечеромъ, всѣ эти три лица опять собрались вмѣстѣ, и ведя тихую бесѣду предъ каминомъ, вспоминали немногихъ милыхъ имъ лицъ, остающихся еще тамъ, на теплыхъ лажитяхъ, и заговорили о Евангелѣ и о Форовѣ. Собесѣдники приломинали то тѣ, то другія изъ оригинальныхъ выходокъ майора, слегка подсмѣивались надъ его безвѣріемъ и налускнымъ нигилизмомъ, и всѣ соглашались что не дай Богъ ему пережить Катерину Астаѳьевну, что онъ этого навѣрно не перенесетъ. Среди такого рода бесѣды вдругъ неожиданно дрогнулъ дверной звонокъ, и почтальйонъ подалъ письмо адресованное генералу въ Москву, а оттуда пересланное въ Петербургъ, въ гостиницу, и тамъ направленное наконецъ сюда, на новое его помѣщеніе.

— Это письмо отъ отца Евангела, сказалъ генералъ,—и притомъ большое письмо: все вижу пестрѣютъ въ строкахъ имена. Вѣрно новости. Не читать ли-съ вслухъ?

— Конечно, отозвалась генеральша.

И генералъ началъ читать вслухъ письмо Евангела, которое тотъ самъ въ началѣ же называлъ письмомъ „плачевно-утѣшительнымъ“. Въ этомъ письмѣ Евангелъ, съ своимъ духовно-поэтическимъ юморомъ, путавшимся въ тяжелыхъ фразахъ семинарскаго построенія, извѣщалъ что „Господу Богу, наказующу и благодѣющу, угодно было чтобы дѣла запутанныя человѣческимъ безстудіомъ и злобой повершились судомъ не обозначеннымъ въ уложеніяхъ, въ коихъ за безвѣріе взыскивается, но самый завѣтъ Божескій не соблюдается“. Евангелъ повѣствовалъ что по внезапной смерти Гордашова, за которою не замедлилъ еще болѣе неожиданный и „скоропостижный бракъ неутѣшной вдовицы Глафиры Васильевны Бодростиной съ Генрихомъ Роппинымъ“, дѣло о самой смерти покойнаго Бодростина какъ-то вдругъ ступевалось, и всѣ остаются довольны, не исключая главнаго виновника, умомраченнаго Висленева, сидящаго въ сумашедшемъ домѣ, чѣмъ онъ не только не обиженъ, но напротивъ необыкновенно дорожитъ этимъ удобнымъ положеніемъ и самъ до того за него стоитъ что когда кто-то надъ нимъ подшутилъ будто жена намѣревается его оттуда вынуть и взять на поруки, то Жозефъ страшно этимъ встревожился и самъ всѣмъ напоминалъ что онъ опасный помѣшаный и убійца, на каковомъ основаніи и упрашивалъ не выдавать его женѣ, а напротивъ приковать на самую толстую цѣпь и бросить ключъ въ море, дабы ни жена, ни Кишенскій какъ-нибудь не похитили его насильственнымъ или тайнымъ образомъ. „Они хитрые“, внушалъ онъ начальству дома умалишенныхъ, требуя строжайшаго за собою присмотра, „я васъ для вашей же пользы предупреждаю: строго меня держите, а то они меня украдутъ, а я опять кого-нибудь убью, и вамъ очень дурно за это можетъ достаться“. „Симъ манеромъ запугивая, казусный оный криминальникъ (продолжалъ Евангелъ) столь все свое начальство подчинилъ своей власти что его даже на двѣ цѣпи посадили, что̀ и не кажется никому излишнимъ, ибо онъ, что̀ день, все объявляетъ себя на бо́льшія и бо́льшія злодѣянія склоннымъ и способнымъ“. Такимъ образомъ этотъ виновникъ смерти Бодростина, по увѣренію Евангела, оставался

своею участью совершенно доволенъ. Гордановъ, по его словамъ, тоже вѣроятно долженъ быть доволенъ, ибо послѣ столь гнусной жизни ему потребенъ смертный покой, дабы не причинять бо́льшаго безпокойства, которое онъ, какъ открылось, намѣревался сдѣлать всѣмъ жаждущимъ быстраго обогащенія, предполагая завести въ разныхъ мѣстахъ конторы для продажи на сроки записокъ на билеты правительственныхъ лотерей. Онъ хотѣлъ вездѣ продавать записки на *одни и тѣ же* билеты на срочную выплату, и обобравъ всѣхъ, уйти въ Швейцарію.

„О себѣ скажу, писалъ Евангелъ, что и самъ ни на что̀ не ропщу. Хотя я и просидѣлъ нѣкую годину злую во узилищѣ, но за то осіялся тамъ силою новою, при коей мнѣ нынѣ мнится якобы уже ничто не страшно. Паньнька моя хотя неспокойно приняла сіе мое злоключеніе подъ видомъ бунтовщика, но за то и въ ея душѣ промелькнуло что намъ съ ней нѣтъ разъединенія, ибо разлученные тѣлами, мы съ нею непрерывно чувствовали себя вмѣстѣ, а тѣлесная разлука неизбѣжна и къ оной надо себя держать въ готовности. Превелелебному Генриху въ семъ дѣлѣ и говорить нечего какая благая часть досталась: столь славной и богатой жены мужемъ онъ, я мыслю, и не чаялъ сдѣлаться, а Глафирѣ Васильевнѣ тоже нескудная благодать, ибо она симъ оборотомъ всѣ взоры отвела отъ всего ей неподобнаго, да и мужа получила вѣжливаго, который ее отъ всѣхъ тяжестей управленія имѣніями и капиталами ея вполнѣ освободилъ, и даже собственноручные ея расходы, говорятъ, весьма точною цифрою ограничилъ, такъ что она отъ всѣхъ нынѣ соблазновъ гораздо независимѣе. Ларисѣ Платоновнѣ и той не къ худу это послужило, ибо дало ей силы печали свои окончить смертью вольною, о коей разныя можно имѣть мнѣнія, такъ какъ и между вѣрующими писателями есть мыслители не осуждающіе вольной смерти, ибо въ иныхъ случаяхъ не все ли въ нѣкоей степени однаково, отпустить себя своею рукой или чужую навести на себя? А хотя бы и не такъ, то была она женщина, — сосудъ скудѣльный и слабый, и за то ей простится все, а побужденіе ея было конечно благородное: освободить того кого она счастливымъ сдѣлать была обязана, да не сумѣла. И сему тоже будетъ ко благу, да не обольщается напредъ сей философъ что мы, будучи созданы по образу Божію, такую же и власть Божію имѣемъ, что довольно намъ сказать разслабленному: „возьми одръ твой и ходи“, чтобъ онъ тотчасъ же всталъ и началъ ходить по слову нашему. Нѣтъ, это не такъ: надо бережно обращаться съ сплетеніемъ жилъ связующихъ дикое мясо съ живымъ организмомъ,

и ради спасенія сего организма потерпѣть иногда и гадкое мясо дикое."

Генералъ остановился и взглянувъ на Подозерова замѣтилъ что это на его счетъ nota bene, но не получивъ ни отъ кого никакого отвѣта, продолжалъ далѣе чтеніе письма, въ которомъ авторъ, отыскивая благо для всѣхъ потерпѣвшихъ отъ зла, доходилъ до супруговъ Форовыхъ, и въ томъ же задушевномъ, покорномъ и грустно-шутливомъ тонѣ началъ:

„Другу моему Катеринѣ Астаѳьевнѣ во всемъ этомъ было послѣднее испытаніе, которое она до самаго послѣдняго своего конца выдержала съ величайшею для себя честью."

— Какъ до самаго послѣдняго конца? перебила генеральша.

— Такъ здѣсь написано: „до самаго послѣдняго своего конца".

— Что это такое? сказала тревожно Александра Ивановна, и вставъ логдядѣла черезъ плечо мужа въ листокъ, прочла что-то молча глазами и молча же сѣла на прежнее мѣсто. По щекамъ ея текли двѣ длинныя, серіозныя слезы, которыя замѣтилъ и Подозеровъ и генералъ, и оба отгадали въ чемъ дѣло, и старикъ продолжалъ чтеніе.

„До послѣдняго конца своего (читалъ генералъ) она не возроптала и не укорила Провидѣніе даже за то что не могла осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ правой руки, но должна была дѣлать это лѣвою, чѣмъ и доказала что у иныхъ людей, противъ всякаго повѣрья, и съ лѣвой стороны чорта нѣтъ, а у иныхъ онъ и десницею орудуетъ, какъ у любезнаго духовнаго сына моего Павла Николаевича, который предъ смертью и съ Богомъ лококетничалъ. Кончина же сея доброй мироносицы воспослѣдовала назадъ тому восемь дней весьма тихая и праведничья и послѣдовала она не отъ какой-либо сугубой скорби, а отъ радости, ибо была въ этотъ день объявлена намъ вѣсть что Форовъ отъ обвиненія въ бунтовничьей крамолѣ вторично и окончательно освобождается.. Вѣсть сія Катерину Астаѳьевну столь рѣзко обрадовала, ибо была противъ всѣхъ нашихъ ожиданій, что она воспрыгнула и было обѣ руки подняла, чтобъ обѣими благословить Господа милости, но произнеся звукъ „сла" упала навзничь и отошла тихо и безболѣзненно. И я все это видѣвый, далъ ей глухую исповѣдь и свидѣтельствую вамъ о ея спокойной кончинѣ и о томъ тоже присовокупляю что мужъ ея былъ симъ событіемъ ожесточенно тронутъ, ибо имѣлъ къ тому и весьма внушительный случай. Трафилось такъ что лучше нарочно и первостатейный сочинитель не придумаетъ: благоволите вспомнить *башмаки*, или лучше сказать исторію о башмакахъ, которые столь часто были предметомъ шутокъ въ нашихъ собесѣдованіяхъ, тѣ башмаки которые

Фелитеръ обѣщалъ принести Катеринѣ Астаѳьевнѣ въ Крыму и двадцать лѣтъ купить ихъ не собрался, и буде вы себѣ теперь это привели на память, то представьте же что майоръ однако весьма удачно сію небрежность свою поправилъ, и идучи по освобожденіи своемъ домой, первое что̀ сдѣлалъ, то зашелъ въ складъ съ кожевеннымъ товаромъ и купилъ въ ономъ для доброй супруги своей давно ею жданные башмаки, кои на нее на мертвую и надѣты, и въ коихъ она и въ гробъ нами честно положена, такъ какъ помните сама не разъ ему говорила что „придетъ де та пора что ты купишь мнѣ башмаки, но уже будетъ поздно, и они меня не порадуютъ“. Совершенно такъ все оно и случилось по ея прорицанію, на что̀ я и обратилъ его внимательность. Форовъ былъ прежалкій: онъ все время похоронъ даже нервно дрожалъ и сердился, кусалъ ногти и не чувствуя слезъ кои изъ глазъ его выпрыгивали, до того представлялся грубымъ и неласковымъ что даже не хотѣлъ подойти ко гробу и поцѣловать жену, и отвѣчалъ: „зачѣмъ я стану ее мертвую цѣловать, когда я ее вволю живую цѣловалъ“. Такъ религіозно храня свое грубое невѣріе и представляясь безчувственнымъ, онъ и не прощался съ покойною: увѣряя что онъ съ мертвыми никакихъ отношеній не умѣетъ соблюдать и все это считаетъ за глупыя церемоніи. Но подивитесь же какая съ самимъ съ нимъ произошла глупость: по погребеніи Катерины Астаѳьевны, онъ не зная какъ съ собой справиться, и все-таки супротивъ самой натуры своей строптствуя, испилъ до дна тяжелую чашу испытанія, и бродя тамъ и сямъ очутился ночью на кладбищѣ, влекомый разумѣется *существующею* силой самой любви къ *несуществующему* уже субъекту, и здѣсь онъ соблаговолилъ присѣсть и надо думать не противу своей воли просидѣлъ цѣлую ночь, припадая и плача (по его словамъ отъ того будто что немножко лишнее на нутро принялъ), но какъ бы тамъ ни было, творя сей сѣдаленъ на хвалитѣхъ, онъ получилъ тамъ сильную простуду и въ результатѣ оной перекосило его самого какъ и его покойницу Катерину Астаѳьевну, но только съ сообразнымъ отличіемъ, такъ что его отецъ Кондратій щелкнулъ не съ правой стороны на лѣвую, а съ лѣвой на правую, дабы онъ, буде вздумаетъ, могъ бы еще правою рукой перекреститься, а лѣвою ногой сатану отбрыкнуть. Не знаю однако же удосужится ли его высокоблагородіе это сдѣлать, ибо послѣ сего полученнаго имъ перваго предостереженія, весьма возможно вскорѣ и второе, а потомъ съ третьимъ все изданіе его бренія и вовсе можетъ быть закрыто. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ онъ не хочетъ еще мнѣ довѣрять и даже на самое сіе предостереженіе весьма злится, и какъ опый тонувшій въ льяномъ видѣ въ канавѣ Бодростинскій Сидъ изрыгаетъ похвальбу что пожалуй всѣхъ насъ переживетъ и научитъ какъ можно никакихъ предостереженій не слушаться. Но впрочемъ его вы скоро самолично увидите, такъ какъ

господинъ майоръ, тяжело двигая правою ногой, быстро собирается течь въ оный вашъ всепоглощающій Петербургъ, а причину своей поѣздки отъ меня скрываетъ, говоря что я ее не одобрю, а онъ не желаетъ разбиваться въ своихъ мысляхъ, ибо дѣлаетъ то что̀ вздумалъ единственно лишь именно въ виду обстоятельствъ и побуждаемый къ тому полученнымъ имъ первымъ предостереженіемъ. На дняхъ вы его сами узрите и тогда мнѣ придется вамъ завидовать что вы опять и на чужбинѣ, въ оном нѣмецкомъ *бургѣ*, соберетесь всею остающеюся пока нашею наличностію вкупѣ, тогда какъ мы съ Паинькой все болѣе сиротѣемъ. И будете вы прежде меня знать какъ другъ мой Фелитеръ Ивановичъ съ предостерегающимъ его начальствомъ въ брань войдетъ. Замыкаю же сіе мое обширное посланіе къ вамъ тою вѣстью что я о васъ обо всѣхъ молюсь, желаю вамъ здоровья и всѣхъ благъ, и утверждаю и васъ въ истинѣ что все бываемое со людьми бываетъ ко благу, такъ какъ и въ семъ трепетномъ дѣлѣ, которое мы недавно только пережили, вамъ, государь Иванъ Демьяновичъ, тоже дана, по моему мнѣнію, добрая наука: вамъ, вѣчно надѣявшимся на силу земной власти, окончаніе Гордановскаго дѣла можетъ служить урокомъ что нѣтъ того суда при которомъ торжество истины было бы непзбѣжно. Паинька моя всѣмъ вамъ кланяется и увѣряетъ что Андрей Иванычъ непремѣнно скоро женится, ибо, употребляя ея ученыя выраженія, онъ до сихъ поръ „наблюдалъ въ любви одну тактику, а теперь станетъ соблюдать практику“. Соглашаюсь что сей ученными словами украшенный дискурсъ отъ жены моей страдаетъ какъ бы нѣкоею изрядно-свойственною ей безтолковостью, но тѣмъ не менѣе какъ бывали уже случаи что о вещахъ сокрытыхъ отъ мудрыхъ и премудрыхъ пророчествовали слѣпцы, то и сіи убогія ея прощанія пріимите отъ вновь паки свои права священства воспріявшаго Евангела Минервина.“

— Вотъ и все лисьмо, проговорилъ генералъ, складывая листокъ,—и какое интересное лисьмо.

— Да; очень интересное, отвѣчала съ горечью Сиптянина, сидя въ томъ же неподвижномъ положеніи.—Нѣтъ болѣе моей Кати; нѣтъ моего лучшаго друга.

— Да; ширится кладбище, молвилъ Подозеровъ.

— Ну, что̀ дѣлать: жили, жили вмѣстѣ, пора видно начать невдалекѣ одинъ за другимъ и умирать, произнесъ генералъ, и поглаживая себѣ поясницу, точно началъ высматривать гдѣ бы по расположенію комнаты удобнѣе было поставить очередной столъ для его тѣла.

Генералъ не даромъ осматривалъ себѣ мѣсто: немного спустя послѣ этого дня, Подозеровъ, заставъ его дома одного,

имѣлъ случай убѣдиться что Синтянинъ, приготовляясь къ операціи, приготовляется и къ смерти. Иванъ Демьяновичъ встрѣтилъ гостя съ усвоенною имъ въ послѣднее время привѣтливостью, въ которой однако на этотъ разъ было еще что-то торжественное, задушевное и серіозное. Кто видалъ человѣка приготовляющагося выдержать серіозную операцію, тотъ конечно замѣтилъ то особенное внушающее „нѣчто“ которое за нѣсколько дней до операціи разливается по лицу больнаго. Это „нѣчто“, угнетающее гораздо болѣе чѣмъ ожиданіе самой смерти, это ожиданіе пытки, выражающееся обыкновенно своеобычною печатью силы и смиренія.

Синтянинъ подвелъ Подозерова къ столу, на которомъ лежалъ листъ бумаги со свѣжею еще подписью Ворошилова и прошепталъ:

— Прочтите и подпишите.

Бумага эта было духовное завѣщаніе, которымъ Синтянинъ упрочивалъ за женой все свое небольшое состояніе, стоившее около десятка тысячъ.

Подозеровъ подписалъ.

— Благодарю васъ, сказалъ, принимая отъ него бумагу, генералъ. — Это необходимая вещь. Нужно оградить Сашу отъ всякихъ безпокойствъ. Я поздно объ этомъ подумалъ. Кромѣ этого у нея будетъ мой пенсіонишка, но она его лишится какъ выйдетъ замужъ.

— Почему же вы думаете что Александра Ивановна непремѣнно выйдетъ замужъ?

— Да это такъ должно быть, но не въ томъ дѣло, а вотъ что-съ: вотъ я вамъ поручаю письмо, вамъ нѣтъ нужды знать его содержаніе.

— Совершенно справедливо.

— Когда я умру и когда меня похоронятъ, отдайте это письмо моей женѣ.

— Извольте.

— И непремѣнно лично сами отдайте, добавилъ генералъ, вручая Подозерову пакетъ.

— Непремѣнно исполню все такъ точно какъ вы хотите, отвѣчалъ Подозеровъ, и не долго ожидалъ когда настало время исполнить это порученіе.

Операція сдѣланная Синтянину была объявлена счастливою, а результатомъ ея была смерть, которая, разумѣется, отнесена

на счетъ несчастной случайности. Генералъ былъ похороненъ, и его вдова осталась одинокою. Она не растерялась ни на одну минуту, не шаржировала своего положенія, она ничѣмъ не затруднялась и ничего не проектировала. О своихъ намѣреніяхъ она вовсе молчала, даже ежедневно навѣщавшему ее Подозерову не было извѣстно долго ли она еще останется въ Петербургѣ, или же немедленно уѣдетъ назадъ къ себѣ въ хуторъ. Послѣ трехъ дней, въ теченіе которыхъ было много хлопотъ о погребеніи, Подозеровъ и генеральша видѣлись всякій день, но потомъ, послѣ похоронъ, они вдругъ какъ бы начали другъ друга чуждаться. они встрѣчались съ удовольствіемъ, но затруднялись бесѣдовать, какъ бы боясь сказать что-нибудь такое чего не должно. Наконецъ, по возвращеніи Александры Ивановны на девятый день изъ церкви, Подозеровъ, будучи обязанъ исполнить просьбу покойнаго, сказалъ ей:

—Я имѣю къ вамъ маленькое порученіе?

Синтянина поглядѣла на него и спросила:

— Какое?

— У меня есть къ вамъ письмо.

— Отъ кого?

— Отъ того отъ кого вы теперь всего менѣе можете этого ожидать.

Александра Ивановна посмотрѣла на него и проговорила:

— Вѣроятно отъ моего покойнаго мужа?

— Да; вы отгадали, онъ отдалъ мнѣ это письмо за пять дней до своей смерти и взялъ съ меня слово передать его вамъ лично въ девятый день по его смерти. Вотъ это письмо.

И онъ подалъ вдовѣ конвертъ, на которомъ было написано ея имя, съ припиской: „прошу распечатать и прочесть немедленно“.

„Прошу распечатать и прочесть немедленно“, повторила генеральша, и спокойно сломавъ печать, пробѣжала нѣсколько строкъ и тотчасъ же сжала листокъ въ рукѣ и покраснѣла.

— Вы меня извините, я съ вами теперь на часочекъ прощусь, попросилъ, не желая ее стѣснять, Подозеровъ.

Вдова кусала губы и краснѣя продолжала молчать.

— Прощайте, повторилъ Подозеровъ, подавая ей руку.

Но Александра Ивановна тихо отвела отъ себя эту руку и, затрудняясь, проговорила:

— Постойте пожалуста... вамъ нельзя уходить... Здѣсь есть очень странный капризъ....

— Что такое?

Смущеніе генеральши на минуту еще усилилось, но потомъ внезапно какъ бы сразу ее оставило, она развернула смятый листокъ и, тщательно положивъ его снова въ конвертъ, проговорила:

— Возьмите это письмо.

Подозеровъ взялъ.

— Теперь прочитайте его.

Онъ вынулъ листокъ, прочелъ его глазами, и смущеніе, овладѣвшее нѣсколько минутъ предъ тѣмъ Александрой Ивановной, теперь овладѣло и имъ.

— Что же, началъ онъ послѣ паузы,—я долженъ исполнить то что здѣсь сказано.

— Да.

— Вы позволяете?

— Я не имѣю права запретить.

— Я читаю.

И онъ прочиталъ вслухъ:

„Сознавая сколь я всегда былъ недостоинъ прекрасной и доброй жены моей и опасаясь чтобъ она послѣ моей смерти, по своей скромности и по скромности человѣка ею любимаго и ея любящаго, не оставалась вдовой, я изъ гроба прошу ее, не соблюдая долгаго траура, выйти замужъ за Андрея Ивановича Подозерова. Чѣмъ скорѣе ими это будетъ сдѣлано, тѣмъ скорѣе я буду утѣшенъ за могилой и успокоенъ что я не всю ея жизнь погубилъ, и что она будетъ еще хоть сколько-нибудь счастлива прежде чѣмъ мы встрѣтимся тамъ гдѣ нѣтъ ни женъ, ни мужей, и гдѣ я хочу быть прощенъ отъ нея во всемъ что сдѣлалъ ей злаго.

„Если жена моя, прочтя эти строки, увидитъ что я ошибался, и что она никогда не любила того о комъ я говорю, то она должна поправить мою ошибку, предавъ это письмо сожженію; но если я разгадалъ ея сердце, то да не оскорбитъ она меня неискренностію и передастъ это письмо тому кто его ей вручилъ. Такова моя воля которую я завѣщаю исполнить.“

Далѣе была черта и подъ нею слѣдующая приписка:

„Андрей Иванычъ! Я зналъ и знаю что моя жена любитъ васъ съ тою покойною глубиной къ которой она способна и съ которою дѣлала все въ своей жизни. Примите ее изъ рукъ мертвеца, желающаго вамъ съ нею всякаго счастія. Если я правъ и понимаю ваши желанія, то вы должны прочесть ей вслухъ это мое письмо, когда она вамъ его передастъ.“

— Я прочелъ, сказалъ Подозеровъ.

— Слышу, отвѣчала, закрывъ рукой глаза, генеральша и, отворотясь, добавила:—теперь уйдите пока, Андрей Иванычъ.

На другой день Подозеровъ пришелъ къ Сипягиной позже часа въ который онъ обыкновенно ее навѣщалъ и засталъ ее чѣмъ-то занятою въ ея спальнѣ.

Она вышла къ нему черезъ нѣсколько минутъ, и не успѣли они повидаться, какъ вдругъ кто-то позвонилъ, и прежде чѣмъ хозяйка и гость могли сообразить кто бы могъ быть этимъ посѣтителемъ, густой басъ освѣдомлявшійся объ Александрѣ Ивановнѣ выдалъ майора Форова.

Фелитеръ Ивановичъ былъ точно тотъ же какимъ мы его всегда привыкли видѣть, въ своемъ вѣчномъ черномъ, полузастегнутомъ сюртукѣ, въ военной фуражкѣ съ кокардой и съ толстою папиросой въ рукѣ, но онъ держалъ больную лѣвую руку за бортомъ сюртука и немножко волокъ лѣвою ногой.

— Здравствуйте-съ, здравствуйте! отвѣчалъ онъ на радостныя привѣтствія хозяйки и сейчасъ же, поцѣловавъ ея руку, обратился къ Подозерову:—Ну что же это за протоканальи такіе у васъ архитекторы-то? А?

— А что такое?

— Да какъ же-съ: идутъ, идутъ ступени на лѣстницѣ и вдругъ терраса и посрединѣ террасы, гдѣ не ожидаешь, еще опять ступень, идешь, хлопъ и растянулся. Вѣдь за это вѣшать надо ихъ брата.

— Да бросьте вы о лѣстницахъ! перебила его генеральша:—говорите скорѣе о томъ откуда вы и что тамъ у насъ?

— Откуда—сами знаете, а насчетъ того что у насъ, то у насъ ничего: произошелъ небольшой „моръ звѣрей“, но еще довольно скотовъ сохраняются вживѣ.

— Да звѣри бы пусть умирали....

— Ну, ужъ извините меня, а я не такъ думаю,—мнѣ звѣри милѣе скотинъ. При этой смѣтѣ, позвольте доложить что господинъ и госпожа Ролшины вамъ кланяются: они еще не издохли, и даже не собираются.

— Но ваша жена! ваша жена!

— Она умерла.

— И вы объ этомъ такъ равнодушно говорите?

— А что же вы хотите чтобъ я вылъ какъ собака, чтобы меня за это отъ всѣхъ воротъ гнали? Благодарю-съ. Да я, можетъ-быть, и самъ скоро умру.

— Да вы простите меня, Фелитеръ Ивановичъ, вы, ложалуста, не лейте, а то въ самомъ дѣлѣ....

— Ну ужь сдѣлайте ваше одолженіе, перебилъ майоръ:—никогда не пробуйте надо мною двухъ штукъ: не совращайте меня въ христіанскую вѣру, потому что я черезъ это противъ нее больше ожесточаюсь, и не уговаривайте меня вина не пить, потому что я послѣ такихъ увѣщаній долженъ вдвое пить, — это ужь у меня такое правило. И притомъ же мнѣ теперь совсѣмъ не до того: пить или не пить, и жить или не жить. Меня теперь занимаютъ дѣла гораздо болѣе серіозныя: я пріѣхалъ сюда „по пенсіонскому вопросу“.

— Это еще что̀ за вопросъ такой? спросилъ удивясь Подозеровъ.

— А въ томъ-то и дѣло что есть такой вопросъ, и я вотъ съ нимъ третій день вожусь въ Петербургѣ....

— Вы уже здѣсь третій день?

— Да; а что̀ такое?

— И не заглянули ко мнѣ? лопеняла генеральша.

— Некогда было-съ: прежде всего дѣло, я долженъ спѣшить, потому что мнѣ скоро шестьдесятъ лѣтъ и, видите, ногу едва волочу: Кондрашка стукнулъ. Я вѣдь пріѣхалъ съ тѣмъ чтобы жениться.

Слушатели такъ и ахнули.

— Какъ жениться? спросили они оба въ одинъ голосъ.

— Разумѣется, законнымъ бракомъ.

— На комъ же?

— Само собою разумѣется что на превосходнѣйшей особѣ,— на госпожѣ Ванскокъ.

— Ну-съ?

—Не логоняйте, я и такъ разкажу: вы знаете какъ, говорятъ, будто богатыри умирая кричали: „на, на, па“,—значитъ богатырскую силу передавали?

— Такъ что̀ же?

— Вотъ такъ и я: я теперь развалина, а она молода, — ей бѣдной жить надо, а жить женщинѣ трудно и тяжело, такъ я хотѣлъ ей свой пенсіонъ передать. Этому меня Евангелова лопадья одинъ разъ научила, и я нахожу что это очень практично.

— Enfant terrible съ сѣдыми волосами, проговорила, впервые во вдовствѣ своемъ разсмѣясь и качая головой, Синтянина.— Вонъ что̀ онъ сдѣлалъ изъ благаго совѣта!

— То-то и есть что я изъ него ничего не сдѣлалъ, потому что это благороднѣйшее существо отвергло мое предложеніе.

— Это та которую вы называете Ванскокъ: она васъ отвергла?

— Да-съ; не только меня, но и мой пенсіонъ! Явясь благороднѣйшей дѣвицѣ Ванскокъ, я ей предъявилъ что я ужь совсѣмъ дрянь и скоро издохну, и предлагаю ей мою руку вовсе не потому чтобы мнѣ была нужна жена для хозяйства или чего прочаго, но хочу на ней жениться единственно для того чтобъ ей мой пенсіонъ передать послѣ моей смерти, но.... эта благородная и вѣрная душа отвѣчала что она пренебрегаетъ бракомъ и никогда противъ себя не поступитъ даже для виду. „А къ тому же, добавила она, — и пенсіона ни за что бы не взяла, такъ какъ моя оппозиціонная совѣсть не дозволяетъ мнѣ имѣть никакихъ сдѣлокъ съ правительствомъ.“ Каково-съ?

— Довольно оригинально, отвѣтилъ Подозеровъ.

— Оригинально? Очень о васъ сожалѣю, если это вамъ только оригинально. Нѣтъ, это-съ грандіозно. Я уважаю крупныя черты и вѣрность себѣ даже въ заблужденіяхъ.

— Да я даже съ удовольствіемъ слушаю про это высокомѣріе о сдѣлкахъ; а что до браковъ, то, вѣдь они самимъ же женщинамъ нужны.

— Нужны, да, нужны, особенно для такихъ какъ тѣ стриженыя барышни которыя, узнавъ отъ Ванскокъ о моемъ предложеніи и о ея благородномъ отказѣ, осаждали меня вчера и сегодня чтобъ я вмѣсто Ванскокъ „фиктивно“ женился на нихъ. Да, да, да: для этихъ браки нужны, а для меня и благородной Ванскокъ—нѣтъ: мы и такъ хороши.

— А что же вы всѣмъ другимъ вмѣсто брака дадите?

— А ничего не дадимъ! Не наше дѣло. Мы знаемъ что для насъ ненадобно, а что вамъ нужно — васъ касается. Вы насъ побѣдили больше чѣмъ хотѣли: и установляйте свои порядки, да посчитайтесь-ка теперь съ мерзавцами которые въ нашъ слѣдъ пришли. Вы насъ вытравили, да-съ; голодомъ шаршавыхъ нигилистовъ выморили, но не передѣлали на свой ладъ, да-съ. Великая Ванскокъ издохнетъ звѣрепышемъ и не будетъ ручною скотинкой, да-съ! А вонъ новизна.... сволочь, какъ есть сволочь! Эти покладливѣе: они какую хотите ливрею на себя вздѣнутъ и любымъ манеромъ готовы во что хотите крестить-

ся и съ чѣмъ попало вѣнчаться.... Ну, да довольно. Прощайте, я спѣшу въ десять часовъ на поѣздъ.

— Какъ на поѣздъ? развѣ вы нынче ужь и уѣзжаете?

— Непремѣнно; вонъ тамъ, у двери, и мѣшокъ мой, да и что мнѣ здѣсь дѣлать? Довольно: Ванскокъ меня укрѣпила, что не всѣ-съ, не всѣ звѣрки въ скотинъ обратились, есть еще люди какихъ я любилъ, а вамъ я не нуженъ. Вѣдь вы къ намъ назадъ не поѣдете?

Генеральша промолчала.

— Молчите, значитъ я угадалъ: не поѣдете; и прекрасно, право, не тратьте-ка попусту время, смерть медлить не любитъ.

— Ну пусть же ее подождетъ, я еще не жила, отвѣчала генеральша.

— Да; вы поживите и пожалуста хорошенько поживите: вы вѣдь русалочка, въ васъ огонекъ-то и подъ водой не погасъ. Ну и прекрасно, когда же ваша свадьба?

— Скажите, когда? повторилъ этотъ вопросъ, подходя и беря ея руку, Подозеровъ.

— Вы помните сами какъ это намъ завѣщано, отвѣтила Александра Ивановна.

— Въ томъ письмѣ сказано: „какъ можно скорѣе“.

— Надо такъ и....

— Такъ послѣ завтра?

— Фелитеръ Ивановичъ!

— Что-съ?

— До послѣзавтра.... для моей свадьбы вы можете здѣсь подождать?

— Извольте, могу, но дѣло въ томъ что вамъ надо меня гдѣнибудь спрятать, а то меня эти барышни очень одолѣли съ своимъ желаніемъ вступить со мною въ бракъ.

— Ну мы васъ скроемъ, отвѣчалъ съ улыбкой Подозеровъ, уводя Форова къ себѣ.

Черезъ два дня вечеромъ онъ и его жена провожали майора на станцію желѣзной дороги.

— И вотъ мы мужъ и жена, и вотъ мы одни и другъ съ другомъ, сказалъ Подозеровъ, отъѣзжая съ женой въ каретѣ, послѣ ухода поѣзда.

— Да, уронила тихо Александра Ивановна.

— Ты хочешь молчать?

— Нѣтъ; я хочу жить! отвѣчала она, и обвивъ руками голову Подозерова, покрыла ее зовущими жить поцѣлуями.

Годъ спустя, у двери на которой была прибита дощечка съ именемъ Подозерова, позвонилъ бѣлокурый священникъ: онъ спросилъ барина,—ему отвѣчали что его нѣтъ теперь дома.

— Ну госложѣ доложите что пріѣзжій священникъ Евангелъ, произнесъ гость, но прежде чѣмъ слуга пошелъ исполнить его просьбу, въ комнатахъ послышался радостный восклик, и Александра Ивановна, отстранивъ человѣка, бросилась священнику на шею.

Тотъ вдругъ заплакалъ и потомъ оправясь сказалъ:

— Дайте же войти: не хорошо въ дверяхъ попа цѣловать.

— Вы, разумѣется, у насъ остановитесь?

— Могу, для того что и вещи мои еще здѣсь на дрожкахъ.

Александра Ивановна послала за вещами, устроила Евангелу уголокъ, напоила его чаемъ и показала ему своего сына.

— Хорошъ, оцѣнилъ Евангелъ,—да вамъ и надлежитъ не быть смоковницей неплодною: я думаю, вы добрая мать будете.

Та сдѣлала тихую гримаску и съ укоризной себѣ проговорила: балую его немножко.

— Немножко ничего, отвѣтилъ Евангелъ,—а много опасайтесь. У госложи Глафиры Васильевны тоже родился сынъ.

— Вотъ! мы о нихъ мало слышимъ.

— Да, разъединились вовсе, но того-съ.... она того.... балуетъ ребенка очень, и одна ей въ немъ утѣха.

— Говорятъ, она несчастлива?

— Свыше мѣры. Наказанъ страшно темный путь въ ея дѣлахъ. Сей мужъ ея ужасный человѣкъ-съ: онъ непремѣнно тайну какую-нибудь ея имѣетъ въ рукахъ.... Богъ знаетъ: говорятъ что завѣщаніе которымъ ей досталось все подложно, и будто бы въ его рукахъ есть тому всѣ доказательства; но что-нибудь да есть нечисто: иначе она ему не отдала бы всего, а вѣдь она въ въ такомъ бываетъ положеніи что почасту въ рублѣ нуждается!

— Я это слышала что будто даже Форовъ ей ссужаетъ деньги.

— Онъ почти весь свой пенсіонъ ей отдаетъ.

— И та беретъ?

— Ну вотъ подите-жъ? Да что и дѣлать: не на что за лѣкарствомъ послать, ни мариландской папироски выкурить. А у Ролшина проспъ тяжеле чѣмъ занять у Форова.

— Однако какая ужасная жизнь!

— О, она наказана жестоко.

— А вотъ и мой мужъ идетъ! воскликнула Александра Ивановна, заслышавъ знакомый звонокъ.

Послѣ радостныхъ свиданій и обѣда, Евангелъ, удалясь съ Подозеровымъ въ его кабинетъ, обратился къ нему съ грустнымъ видомъ:

— Не хотѣлъ я для перваго свиданія огорчать Александру Ивановну и не все ей сказалъ. Вѣдь Форовъ, знаете, тому недѣли съ три, изъ-за Глафиры такъ жестоко съ Ропшинымъ поругался что при многихъ гостяхъ далъ ему слово лублично въ собраніи дать оплеуху; пришелъ гнѣвный ко мнѣ; легъ въ банѣ поспать и....

— Не проснулся?

— Вы отгадали.

— Значитъ послѣдній изъ нигилистическихъ могиканъ свалился.

— Да вотъ въ томъ-то и дѣло что еще былъ ли онъ тѣмъ самымъ чѣмъ старался казаться?

— А что? Нѣтъ; я думаю что Форовъ до извѣстной степени былъ себѣ вѣренъ.

— До извѣстной степени, это пожалуй такъ. А то вѣдь его окостѣнелая рука тоже была съ крестнымъ перстосложеніемъ. Никто же другой, а самъ онъ ее этакъ сложилъ.... Да можетъ и враждовалъ-то онъ не по сему глаголемому нигилизму, а просто потому что.... поладить хотѣлъ, да не умѣлъ, въ обязанность считалъ со старою правдой на ножахъ быть.

— Пожалуй вы правы; ну, а что скажете, какъ Вислиневъ?

— Здоровъ какъ стѣна. Паинька сшила ему ватошничекъ изъ зеленаго платья покойницы Вѣры, онъ взялъ и говоритъ: „Вотъ что меня погубило: это зеленое платье: а то бы я далеко пошелъ.“ Онъ-таки совсѣмъ съума сошелъ. Удивительно право: чего не было и того лишился! Кой же лѣшій его когда-то политикой обвинялъ? А? Я этому тоже удивляюсь.

— Все удивительно, отецъ Евангелъ: вы были бунтовщикъ, я соціалистъ, а кому это было нужно?

— Не понимаю.

— И не поймете.

— Именно, именно, какъ проведешь предъ собою все что случилося видѣть: туманъ ей-Богу какой-то пойдетъ въ головѣ:

кто тутъ нынѣ самого себя не вырекается и другаго не коверкаетъ, и изо всего этого только какая-то темная, мусорная куча выходитъ.

— Да;, да, не легко разобрать куда мы подвигаемся, идучи этакъ на ножахъ, которыми кому-то все лутное въ клочья хочется порѣзать; но одно только покуда во всемъ этомъ ясно: все это прологъ чего-то большаго что̀ неотразимо долѓно наступить.

Н. ЛѢСКОВЪ.

ВОЕННЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ

и

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ

---

1. *Исторія царствованія Александра I и Россіи въ его время*, автора *Ист. отеч. войны* (Богдановича). Т. V и VI. Спб. 1871.
2. *Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году*. Разказы и воспоминанія очевидцевъ. Спб. 1870.
3. *Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія*, изданіе *Русской Старины*. Спб. 1871.

Въ минувшемъ году издатель *Русской Старины* издалъ сборникъ разказовъ очевидцевъ о бунтѣ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, а на дняхъ мы увидѣли въ здѣшнихъ книжныхъ лавкахъ и другой томикъ относящійся къ тому же предмету, но еще болѣе заслуживающій вниманія съ точки зрѣнія исторіи, ибо въ немъ напечатанъ очеркъ устройства военныхъ поселеній, составленный генеральнаго штаба подполковникомъ Петровымъ, на основаніи офиціальныхъ документовъ. Свѣдѣнія сообщаемыя этими изданіями г. Семевскаго, съ присоединеніемъ тѣхъ которыя заключаются въ столь богатой данными *Исторіи Александра I*, г. Богдановича, могутъ дать довольно полное и отчетливое представленіе объ этомъ учрежденіи, о которомъ не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ можно было составить себѣ понятіе единственно по изустнымъ разказамъ.

Сказаннаго достаточно чтобы всякому сдѣлалось ясно какой важный историческій интересъ представляютъ названныя изданія. Но кромѣ того они представляютъ и очень живой современный интересъ. Военныя поселенія были попыткой дать военнымъ силамъ Россіи развитіе соотвѣтствующее тѣмъ потребностямъ которыя указали Наполеоновскія войны, и на которыя съ еще большею настойчивостію указываютъ войны послѣднихъ десяти лѣтъ. Такимъ образомъ система военныхъ поселеній представляется исходною точкой тѣхъ мѣръ которыя должны заключиться у насъ ожидаемою военною реформой. Подобно этой послѣдней, система военныхъ поселеній была вызвана военнымъ устройствомъ Пруссіи. Система Шарнгорста, съ помощію коей все молодое населеніе Пруссіи пропускалось сквозь ряды регулярной арміи и которая въ три-четыре года успѣла доставить странѣ почти столько же хорошо подготовленныхъ защитниковъ, сколько въ ней насчитывалось здоровыхъ мущинъ, обратила на себя вниманіе государя, говоритъ г. Петровъ. Къ сожалѣнію, система нашихъ поселеній такъ далеко отклонилась отъ своего первообраза что едва ли можно найти какое-нибудь сходство между ними. Почему именно допущено было такое отклоненіе—на это нельзя еще дать положительнаго отвѣта. Безъ сомнѣнія здѣсь большую роль играло крѣпостное право, не допускавшее примѣнить въ Россіи систему по которой каждый житель страны, каково бы ни было его званіе, долженъ былъ нести обязательную военную службу начиная съ нижнихъ чиновъ; вѣроятно представлялось и опасеніе дать всему населенію военное образованіе. Вѣроятно вспомнили что еще въ царствованіе императора Павла существовало предположеніе доставить осѣдлость полкамъ, а такъ какъ въ этомъ предположеніи можно найти намекъ на систему Шарнгорста, то въ виду ея непримѣнимости къ Россіи, Александръ I еще въ 1809 году рѣшился попробовать примѣнить мысль своего родителя въ небольшихъ размѣрахъ, поселивъ въ Могилевской губерніи одинъ полкъ; при этомъ дѣло возложено было на Аракчеева, какъ на человѣка можетъ-быть знакомаго съ предположеніями на этотъ счетъ Павла Петровича.

Какъ бы то ни было, но наши военныя поселенія были, какъ оказывается, подражаніемъ прусской ландверной системѣ, или по крайней мѣрѣ были вызваны этою системой,—вотъ фактъ основанный на офиціальныхъ данныхъ и который есть для насъ совершенная новость. Въ самомъ дѣлѣ, кому же можетъ придти въ

голову что учрежденіе доставившее въ три года Пруссіи возможность развернуть громадныя по ея населенію силы, и то которое ознаменовалось въ Россіи рядомъ неистовствъ, злоупотребленій и возмущеній, поведшихъ наконецъ къ его упраздненію послѣ одиннадцати-лѣтняго опыта, что эти учрежденія внушены одною и тою же мыслію, что они вытекли изъ одного и того же источника! Надо надѣяться что система Шарнгорста, исправленная и видоизмѣненная по указаніямъ полувѣковаго опыта и оцѣненная по достоинству во всей Европѣ, надѣемся, говорю, что эта мысль будетъ вѣрнѣе понята и лучше усвоена у насъ въ наши дни чѣмъ во времена Аракчеева. Надо надѣяться что она въ самомъ дѣлѣ доставитъ Россіи многочисленную, дешево стоящую и вполнѣ національную военную силу, что армія сдѣлается для населенія Россіи школой патріотическаго духа и грамотности, а также и дисциплины, но не той гнусной, деспотической, беззаконной дисциплины которую водворялъ Аракчеевъ, а той безъ которой немыслимъ никакой порядокъ, никакая организація.

I.

Опытъ произведенный надъ Елецкимъ пѣхотнымъ полкомъ, поселеннымъ въ 1809 году, не могъ привести ни къ какимъ заключеніямъ, потому что онъ вскорѣ былъ прерванъ Отечественною войной. Но такъ какъ кампаніи 1812—15 годовъ доказали самымъ блестящимъ образомъ превосходство прусской военной системы надъ всѣми прочими, то въ умѣ Александра I еще сильнѣе утвердилась мысль о военныхъ поселеніяхъ, представлявшаяся ему какъ бы видоизмѣненіемъ прусской системы и вполнѣ отвѣчавшая его желанію доставить военнослужащимъ возможность не разлучаться съ своими семействами. Поэтому государь, по возвращеніи изъ-за границы, вознамѣрился возобновить опытъ поселенія войскъ и снова ввѣрилъ этотъ опытъ руководству Аракчеева. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ,—не полнымъ и отрывочнымъ, правда, но серіознымъ,—дѣло поселенія войскъ совершалось такъ-сказать келейно, трудами и волей императора и Аракчеева. Предпринятое какъ опытъ, оно развивалось вслѣдствіе личныхъ докладовъ Аракчеева о его ходѣ, и есть весьма уважительныя основанія думать, какъ мы увидимъ далѣе, что эта важная государственная мѣра никогда не была подвергнута обсужденію путемъ указаннымъ

для подобныхъ мѣръ. Утверждаютъ что Барклай, Дибичъ, князь А. С. Меншиковъ, князь П. М. Волконскій и нѣкоторые другіе военные авторитеты того времени старались отклонить государя отъ мысли о военныхъ поселеніяхъ; но если справедливо,—а это кажется внѣ сомнѣній,—что эта мысль никогда не была формулована во всемъ своемъ объемѣ и со всѣми подробностями, то естественно что и возраженія противъ нея не могли быть сильны. Аракчееву легко было опровергать ихъ, ссылаясь на незнакомство возражателей съ дѣломъ, или приписывать эти возраженія интригѣ противъ себя и неблагодарности въ отношеніи государя. Есть сильныя основанія думать что Аракчеевъ не безъ умысла отстранялъ составленіе регламента или Положенія о военныхъ поселеніяхъ даже и тогда когда опытъ долженъ былъ бы, казалось, дать дѣлу твердыя основанія. По крайней мѣрѣ баронъ М. А. Корфъ разказываетъ что Сперанскій вызывался заняться начертаніемъ такого Положенія въ послѣдніе годы царствованія Александра, но это не имѣло послѣдствій, по нежеланію Аракчеева.

Поселенія развивались быстро. Осенью 1816 года поселенъ былъ первый баталіонъ (если не считать полка поселеннаго въ 1809), а къ концу 1825 года военныя поселенія, по словамъ г. Богдановича, заключали въ себѣ уже треть всей нашей арміи и состояли изъ 138 баталіоновъ, 240 эскадроновъ и соотвѣтствующаго числа артиллеріи. Они раздѣлялись на четыре группы или корпуса; въ первомъ, имѣвшемъ главною квартирой Новгородъ, находилось 90 баталіоновъ пѣхоты, во 2мъ, расположенномъ въ Могилевской губерніи—12 баталіоновъ, въ 3мъ, Слободско-Украинскомъ, съ главною квартирой въ Чугуевѣ — 18 баталіоновъ и 96 эскадроновъ, въ 4мъ, расположенномъ въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, съ главною квартирой въ Вознесенскѣ, находилось 18 баталіоновъ и 144 эскадрона. Всѣ эти войска, съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллеріи, саперъ и пр., состояли подъ начальствомъ графа Аракчеева, равно какъ и мѣстности ими занятыя, и составляли, по выраженію собственноручной записки Александра I, *резервную армію*.

Но это была не только армія, это было особое военное государство, какая-то новаго рода Спарта, со внутреннимъ устройствомъ которой мы должны познакомиться.

Какъ скоро избиралась для военнаго поселенія извѣстная мѣстность, она тотчасъ же подчинялась во всѣхъ отношеніяхъ графу Аракчееву, съ изъятіемъ ея отъ вѣдѣнія и вліянія всѣхъ

прочихъ вѣдомствъ, не исключая и полиціи. Жителямъ ея составлялась именная вѣдомость, и домохозяева отъ 18 до 45ти-лѣтняго возраста зачислялись въ военные поселяне подъ именемъ „коренныхъ жителей". При нихъ оставлялось все ихъ движимое имущество, а въ первые годы устройства поселеній, они получали и нѣкоторое пособіе отъ казны. Сдѣлавшись военными поселянами они подчинялись начальству военныхъ поселеній, должны были заниматься строевымъ образованіемъ, производить общественныя работы по устройству поселеній и вмѣстѣ съ тѣмъ обрабатывать землю которую получали въ надѣлъ.

Изъ числа солдатъ полка или баталіона введеннаго для водворенія, избирались семейные люди хорошаго поведенія и прослужившіе нѣсколько лѣтъ, занимавшіеся земледѣліемъ до поступленія въ службу. Они тоже предназначались сдѣлаться хозяевами. Семейства ихъ выписывались съ родины на мѣста водворенія. Они получали землю, лошадей, скотъ и все нужное для хозяйства и, вмѣстѣ съ семейными коренными жителями, составляли классъ поселянъ-хозяевъ; для нихъ, а также для хозяевъ изъ коренныхъ жителей, возводились казенныя помѣщенія.

Другую категорію поселянъ составляли холостые солдаты и холостые бывшіе крестьяне. Они не получали земельныхъ надѣловъ, не имѣли особыхъ помѣщеній, но приписывались къ семействамъ хозяевъ-поселянъ, жили вмѣстѣ съ ними, получали отъ нихъ продовольствіе и за то обязаны были помогать имъ въ домашнихъ работахъ и въ обрабатываніи ихъ надѣловъ, а также заниматься строевымъ образованіемъ и общественными работами.

Люди изъ числа мѣстныхъ крестьянъ перешедшіе за 45ти-лѣтній возрастъ не зачислялись въ поселяне; а достигнувъ глубокой старости или подвергшись увѣчьямъ поступали въ категорію инвалидовъ. Къ этой же категоріи могли быть причислены и поселяне изъ солдатъ по старости или увѣчью. Тѣ и другіе принимались на попеченіе военныхъ поселеній; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для нихъ были устроены особыя помѣщенія подъ названіемъ инвалидныхъ домовъ.

Дѣти мужескаго пола поселянъ-хозяевъ (какъ изъ солдатъ, такъ и изъ бывшихъ крестьянъ) не достигшіе 18ти-лѣтняго возраста зачислялись въ кантонисты, и съ десяти лѣтъ должны были ходить въ школу, учились мастерствамъ, а также обращенію съ ружьемъ и маршировкѣ.

Итакъ, за исключеніемъ увѣчныхъ и стариковъ, все мужское народонаселеніе мѣстности поступившей подъ поселеніе входило въ составъ арміи въ качествѣ военныхъ поселянъ. Хозяева составляли основную и неподвижную часть поселеній; въ случаѣ похода они оставались на мѣстѣ; могли выступить только ихъ постояльцы, то-есть холостые люди. Что касается до кантонистовъ, то по мѣрѣ достиженія 18ти-лѣтняго возраста, они зачислялись въ поселяне и должны были пополнять убыль въ строевомъ числѣ поселеннаго баталіона или полка. Этимъ путемъ предполагалось комплектовать всю армію.

На мѣстностяхъ на которыхъ водворены были военныя поселенія не допускалось никакихъ иныхъ обывателей кромѣ подвѣдомыхъ начальству поселеній, и никакихъ зданій кромѣ принадлежащихъ поселеніямъ. Деревни и села крестьянъ были замѣнены поселками приспособленными къ новымъ цѣлямъ. Въ извѣстныхъ пунктахъ устроены были *дивизіонные штабы*, то-есть дома для дивизіоннаго и бригадныхъ командировъ; въ чертѣ расположенія полковъ составлявшихъ *округъ*, устраивались *полковые штабы*, то-есть помѣщенія для полковаго командира, съ особыми комнатами на случай пріѣзда начальствующихъ лицъ, для адъютанта, казначея и квартирмейстера, а также для священника, врача и пр.; тутъ же находились помѣщенія для нѣкоторой части нижнихъ чиновъ, для канцеляріи, школы, цейхауза, лазарета; конюшни, кузницы, манежъ съ церковью въ немъ, мастерскія, караульня и пр. По числу ротъ или эскадроновъ были сооружены въ каждомъ округѣ селенія, въ которыхъ размѣщались военные поселяне, по-ротно или по-эскадронно, въ центрѣ коихъ находились дома для начальниковъ этихъ частей, для школы, канцеляріи и т. п. Всѣ эти зданія были выстроены и расположены по особымъ утвержденнымъ планамъ, и если не воспрещали условія мѣстности, то имѣли совершенно однообразный видъ; такъ напримѣръ, всѣ полковые штабы Новгородскихъ поселеній, знакомыхъ пишущему эти строки, состояли изъ каменныхъ, не штукатуренныхъ построекъ, расположенныхъ вокругъ четырехъ-угольнаго учебнаго плаца, а ротныя селенія состояли изъ деревянныхъ одноэтажныхъ домовъ, или такъ-называемыхъ *связей*, вытянутыхъ въ одну линію и притомъ въ линію весьма длинную, такъ какъ домъ отъ дома отдѣляли, для безопасности отъ пожара, довольно большія пространства, закрытыя со стороны улицъ, какъ ширмой, рядомъ березокъ.

Однообразенъ былъ наружный видъ всѣхъ этихъ селеній, но внутреннее расположеніе домовъ было еще однообразнѣе. Квартиры полковаго, баталіоннаго, ротнаго командира, *связи* рядовыхъ поселянъ, манежи, церкви, кузницы были совершенно одинаковы вездѣ, по крайней мѣрѣ въ Новгородскихъ поселеніяхъ. Каждый домъ рядовыхъ поселянъ, или каждая *связь* состояла изъ двухъ отдѣленій, раздѣленныхъ сѣнями, и предназначалась для помѣщенія четырехъ семействъ съ ихъ холостыми постояльцами. На каждую поселенскую квартиру отпущено было извѣстное число кроватей, шкафовъ, ларей, сдѣланныхъ по одному шаблону и выкрашенныхъ одинаковою (дикою) краской. Точно такъ же для каждой офицерской квартиры подѣлано было казенными мастеровыми извѣстное число столовъ, зеркалъ, кроватей и пр. (березовыхъ подъ лакомъ, въ Новгородскихъ поселеніяхъ).... Однообразіе болѣе чѣмъ монастырское!

Какъ же жилось въ этихъ однообразныхъ темно-красныхъ кирпичныхъ домахъ и въ этихъ деревянныхъ связяхъ, такъ отчетливо выровненныхъ вдоль тщательно подметенныхъ улицъ? Взглянемъ на бытъ поселенныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Всѣ поселяне-хозяева были снабжены землей, соотвѣтственно потребностямъ ихъ семействъ и приписанныхъ къ нимъ холостыхъ постояльцевъ, а съ другой стороны, количеству земель находившихся подъ поселеніемъ. Для обработки земли хозяину-поселянину предоставлялось лишь два дня въ недѣлю, былъ ли онъ водворенный солдатъ или бывшій крестьянинъ; въ остальные затѣмъ четыре дня онъ обязанъ былъ отбывать казенную работу, то-есть дѣлать то что̀ укажетъ начальство военныхъ поселеній,—строить поселенскія зданія, разчищать мѣстность подъ пашни или селенія, проводить дороги и пр. Всѣ нижніе чины военныхъ поселеній, то-есть хозяева-поселяне (какъ солдаты такъ и коренные жители), холостые солдаты и холостые бывшіе мужики не имѣющіе собственныхъ хозяйствъ занимались вмѣстѣ съ тѣмъ и строевымъ образованіемъ; для этого назначалось болѣе или менѣе времени, по усмотрѣнію начальства. Въ полку имени императора Австрійскаго „роты собираются въ баталіонный штабъ на трое сутокъ для ученья“, читаемъ мы въ изслѣдованіи г. Петрова, причемъ „на ученье выходятъ поутру въ 6 часовъ и продолжаютъ до 11, а послѣ обѣда съ 2хъ до 10ти“, и между ученьями „метутъ тротуары и чистятъ канавы предъ строеніями“. Инструкціями Аракчеева предписывалось не слишкомъ обременять

строевыми занятіями коренныхъ жителей, то-есть бывшихъ крестьянъ; но эти инструкціи писались не столько для точнаго исполненія, какъ убѣдимся далѣе, сколько для того чтобы, въ случаѣ неудовольствія свыше, можно было свалить отвѣтственность на неразумную ревность частныхъ начальниковъ; когда же такого неудовольствія не предвидѣлось и жалобъ не было (а кто же смѣлъ жаловаться?), Аракчеевъ смотрѣлъ только на результаты, не заботясь какими средствами они достигнуты. Такъ напримѣръ, осмотрѣвъ поселенія 1й гренадерской дивизіи, осенью 1818 года, то-есть черезъ два года по водвореніи перваго ея баталіона, онъ доносилъ государю: „Во всѣхъ ротахъ представлены мнѣ были ротные и баталіонные караулы изъ коренныхъ жителей. Караулы сіи во многихъ мѣстахъ дѣлали ружейные пріемы порядочно, обучась всему *по доброй волѣ, и можно сказать, играючи*“. Точно такъ же „по доброй волѣ“ научились обращенію съ ружьемъ и кантонисты....

При началѣ поселеній, каждому женатому солдату, предназначенному быть хозяиномъ, выдано было отъ казны двѣ лошади, изъ коихъ одна считалась полною собственностью своего хозяина, а другая должна была отбывать службу, то-есть бѣгать на почтѣ, являться на смотръ, впрягаться въ баталіонный обозъ и отбывать общественныя работы. За все это на вторую лошадь отпускался кормъ отъ поселенскаго управленія, но съ другой стороны, эта лошадь, да и обѣ онѣ не должны были никогда ни состарѣться, ни околѣть, ибо въ случаѣ ихъ негодности, или смерти, хозяинъ-поселянинъ былъ обязанъ тотчасъ же замѣнить ихъ другими. Точно такъ же у хозяина никогда не должно было состоять налицо менѣе опредѣленнаго числа головъ рогатаго и иного скота; рабочая упряжь, домашняя утварь, вообще все однажды данное ему обзаведеніе должно было оставаться навсегда несокрушимымъ или замѣняться другимъ и въ опредѣленномъ числѣ предметовъ переходить къ его наслѣдникамъ. Крестьяне-домохозяева зачисленные въ поселяне поступали въ казенную собственность вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ, и это имущество, точно такъ же какъ выданныя имъ отъ казны ружья, должно было сохраняться на вѣчныя времена; начальство дѣлало смотры коровамъ, овцамъ и свиньямъ поселянъ-хозяевъ, повѣряло исправно ли сохраняются столы, шкафы и прочая домашняя утварь данная казной, и за малѣйшую неисправность во всемъ этомъ строго взыскивало.

Поселенское начальство обязано было неуклонно блюсти

чтобы въ два дня предоставленные хозяевамъ для своихъ собственныхъ работъ всѣ онѣ были сдѣланы, чтобы поля были вспаханы, засѣяны и убраны, луга выкошены и т. д. „Если, написалъ Аракчеевъ въ одной изъ своихъ инструкцій, командиръ поселенныхъ войскъ не увѣрится что фронтовой солдатъ можетъ быть вмѣстѣ и земледѣльцемъ, то сіе сомнѣніе дѣлаетъ его неспособнымъ къ командованію". Извѣстно однакоже что законъ требовалъ отъ помѣщиковъ чтобъ они предоставляли своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ не два, а три дня въ недѣлю для собственныхъ ихъ работъ. Правда, съ другой стороны, что если приравнивать военныя поселенія къ крѣпостному имѣнію, то они представятъ многія черты благоустройства; военныя поселенія имѣли запасные магазины, особый капиталъ для ссудъ хозяевамъ; поселянъ обучали не только грамотѣ, но и мастерствамъ; въ разныхъ мѣстахъ устроены были кирпичные, лѣсопильные и иные заводы нужные въ хозяйственномъ быту, произведенія коихъ продавались по умѣреннымъ цѣнамъ; вездѣ заведены были пожарныя трубы; вечеромъ никто не имѣлъ права выйти изъ дому иначе какъ съ фонаремъ, для предупрежденія пожарныхъ случаевъ. Въ тогдашней Россіи было вѣроятно немного такъ отлично устроенныхъ крѣпостныхъ имѣній. Но это внѣшнее благоустройство покупалось дорогою цѣной. Никакой собственности, также какъ и никакой свободы не имѣлъ хозяинъ-поселянинъ; его поля и покосы принадлежали казнѣ,—онъ ими только пользовался и притомъ пользовался по указанію начальства: пахалъ, бороновалъ, сѣялъ, косилъ по наряду, согласно приказу отданному о томъ по ротѣ или баталіону, и если неисправно косилъ, пахалъ и засѣвалъ *свою* землю, то подвергался наказанію; движимое его имущество было вносимо въ опись, и право распоряжаться имъ было у него отнято. Потребности его домашняго комфорта были предусмотрѣны начальствомъ, или правильнѣе, онъ долженъ былъ подчиняться тѣмъ условіямъ комфорта которыя начальство признало для него нужными. Оно признало за благо чтобъ у него жилъ холостой постоялецъ, одинъ или болѣе, и онъ долженъ былъ раздѣлять свой home съ однимъ или болѣе постороннимъ человѣкомъ, а сѣни его были общими для четырехъ семей и для неопредѣленнаго числа ихъ постояльцевъ.

По сказанному о простыхъ поселянахъ можно отчасти заключить и о положеніи въ которомъ находились поселенскіе офицеры. Ротный командиръ и два-три офицера составляли

общество обреченное жить посреди длинной линіи поселенскихъ домовъ, почти безъ сношеній съ остальнымъ міромъ. Безъ общества, безъ развлеченій, безъ книгъ, что было дѣлать этимъ несчастнымъ затворникамъ, какъ не пить со скуки и заводить любовныя связи съ фельдфебельшами и поселенскими дѣвками?... Полковой штабъ заключалъ въ своихъ стѣнахъ общество нѣсколько болѣе многочисленное, но почти столько же однообразное. Жизнь каждаго изъ членовъ этого общества была извѣстна во всѣхъ ея прозаическихъ подробностяхъ всѣмъ прочимъ и лишала общественныя отношенія иллюзіи, которая сообщаетъ имъ прелесть при обыкновенныхъ условіяхъ. Однообразныя служебныя занятія, мелкія сплетни, карточная игра и пьянство—вотъ, за недостаткомъ болѣе серіозныхъ интересовъ, вся жизнь штабнаго общества. Прибавимъ къ этому что надъ нимъ сурово тяготѣло присутствіе полковаго командира, вынужденнаго топорщиться и держать себя неприступно, если онъ не желалъ фамильярности. Нѣтъ великаго человѣка для своего камердинера, говоритъ правдивое присловье, а общество поселенскаго штаба почти такъ же близко видѣло своего полковаго командира какъ камердинеръ своего великаго человѣка. Но если вся закулисная жизнь полковаго командира была извѣстна жителямъ полковаго штаба, то съ своей стороны, настоящій полковой поселенскій командиръ, командиръ по духу и мысли Аракчеева, *долженъ* былъ знать опрятно ли содержатся дѣти докторши, что приготовляется на кухнѣ казначейши и хорошо ли содержится корова у попадьи. По крайней мѣрѣ, по разказамъ старыхъ поселенскихъ офицеровъ, Аракчеевъ не разъ заходилъ въ офицерскія квартиры, даже въ квартиры женатыхъ офицеровъ и дѣлалъ замѣчанія женамъ своихъ подчиненныхъ, если находилъ у нихъ что-либо не въ порядкѣ. И это естественно: начальство давало офицерамъ квартиры, кухню, мебель; оно было въ правѣ и наблюдать чтобы все это содержалось какъ слѣдуетъ; оно образовало особый капиталъ для ссудъ офицерамъ „въ случаѣ экстренныхъ нуждъ“,—не справедливо ли было чтобъ оно удостовѣрялось точно ли онѣ необходимы и точно ли онѣ пошли на удовлетвореніе экстреннымъ нуждамъ? Удостовѣреніе въ этомъ вмѣнялось въ обязанность начальству. Ничто, ни одна подробность въ жизни офицера и его семейства, ни одна мелкая черта въ его домашнемъ бытѣ не должна была ускользать отъ зоркаго начальника; поселенскій офицеръ, какъ и поселянинъ, принадлежалъ начальству, съ своею женой

и дѣтьми, съ своею прислугой, съ обѣдомъ, бритвеннымъ приборомъ, мундиромъ и юбками жены. И все это принадлежало поселенскому начальству на вѣчныя времена, можно сказать, на крѣпостномъ правѣ, потому что попавъ разъ въ военныя поселенія, офицеръ почти никогда не получалъ ни перевода въ другія войска, ни отставки: дверь поселеній захлопывалась за входившимъ въ нее какъ дверь могилы. Аракчеевъ могъ по справедливости сказать и говорилъ съ самодовольствіемъ что никто не покидалъ поселеній; только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, разказываютъ очевидцы извѣстія коихъ предъ нашими глазами, при чрезмѣрно настойчивыхъ настояніяхъ какого-либо офицера его выпускали въ отставку или переводили въ другія войска; но при этомъ ему выдавали какіе-то особые *волчьи билеты*, которые дѣлали дальнѣйшее его существованіе невыносимымъ, подобно клеймамъ наложеннымъ на лицѣ. Даже отпуски разрѣшались поселенскимъ офицерамъ съ большими затрудненіями и ни въ какомъ случаѣ не въ видѣ развлеченій. По поводу одного офицера отпущеннаго изъ Старорусскихъ поселеній въ Москву, Аракчеевъ писалъ его начальнику: „Г., Воеводскій не думаетъ ли остаться въ Москвѣ и отлынять отъ службы, увидя что у меня камеръюнкерствовать невозможно? То я очень сего не желаю для него самого, ибо у меня много фельдъегерей, которые приведутъ его обратно.“

II.

Таковы въ главныхъ чертахъ были устройство, администрація и бытъ военныхъ поселеній. Если читатель захочетъ вникнуть въ сущность этого оригинальнаго учрежденія, то оно должно будетъ, кажется, представиться ему чѣмъ-то въ родѣ огромной военно-рабочей коммуны. Въ самомъ дѣлѣ наши поселенія были осуществленіемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ многихъ сторонъ программы коммунистовъ. Вступая въ военныя поселенія, человѣкъ переставалъ принадлежать себѣ и становился вещью той коллективной единицы которую Фурье назвалъ фаланстерой, а Аракчеевъ военными поселеніями. Предупреждая соціалистическія теоріи нашего времени, Аракчеевъ сдѣлалъ все человѣчески возможное для удовлетворенія матеріальнымъ потребностямъ людей и для благоустройства поселенной общины: отличныя дороги, чисто содержимые дома, многочисленныя

школы съ направленіемъ вполнѣ „реальнымъ“, ссудные банки, заводы, большое развитіе ремесленнаго производства, почты, пожарныя команды, больницы, даже особые домы для инвалидовъ, все это было устроено нашимъ сановнымъ коммунистомъ. Трудъ былъ его божествомъ, польза была его лозунгомъ, точно такъ же какъ у новѣйшихъ позитивистовъ. Огромныя лѣсныя и болотныя пространства въ Новгородской губерніи были расчищены подъ пашни и осушены подъ сѣнокосы по его указанію; онъ пустилъ по Волхову и Ильменю два парохода, бывшіе изъ первыхъ въ Россіи; устроенныя имъ дороги и почты были такъ хороши что многіе проѣзжающіе сворачивали съ большаго трактата и дѣлали нѣсколько десятковъ лишнихъ верстъ чтобъ ѣхать поселеніями.... Чего не достаетъ этимъ людямъ, долженъ былъ думать Аракчеевъ, обозрѣвая съ высоты Собачьихъ Горбовъ или изъ возвышеннаго дворца на Княжемъ Дворѣ эти дороги разбѣгающіяся въ разныя стороны, прямыя какъ струны, обсаженныя тщательно выровненными березками, эти селенія съ выкрашенными крышами и чисто выметенными улицами, эти правильно разбитыя поля, этихъ людей выходящихъ на общественныя работы въ мундирныхъ одеждахъ, покрой которыхъ основанъ не на рутинѣ, а на раціональныхъ основаніяхъ!... И подлинно, что могли бы возразить Аракчееву адепты извѣстной соціальной доктрины? На какое темное пятно могли бы они указать въ этой свѣтлой картинѣ? Аракчеевъ былъ нѣсколько суровъ, скажутъ? Но нѣжнѣе ли его были тѣ соціальные реформаторы которымъ случайно попадала въ руки власть, и развѣ суровость не неизбѣжна при всякой ломкѣ, при всякой реформѣ? говорятъ люди провозглашающіе себя наиболѣе прогрессивными. А окрашивать филантропіей свои реформаторскіе пріемы и Аракчеевъ умѣлъ не хуже кого бы то ни было. „Нужно,—читаемъ мы въ инструкціи поселенскому офицеру,—чтобъ онъ былъ кротокъ, терпѣливъ, справедливъ и человѣколюбивъ, дабы излишнею иногда торопливостью въ приказаніяхъ не затруднить исполненія ихъ и дабы, сколько по обязанности служебной, столько и по собственному подвигу, могъ каждаго призрѣть, успокоить“. Не менѣе назидательны наставленія Аракчеева и солдату предназначаемому къ поселенію въ качествѣ хозяина: „Онъ долженъ быть попечительный отецъ дѣтей.... добрый мужъ и надежный другъ и сотоварищъ своихъ постояльцевъ“. Относительно крестьянъ среди которыхъ водворялись войска, или коренныхъ жителей, предписывалось

постулать такъ чтобы послѣдніе „не только не восчувствовали ни малѣйшаго разстройства ни въ своемъ хозяйствѣ, ни въ семейственномъ ихъ положеніи, но сохранили бы во всей неприкосновенности даже совокупное ихъ жительство, и словомъ, всѣ связи родства и дружбы“.... Можно ли писать гуманнѣе? можно ли оказывать болѣе вниманія даже духовнымъ интересамъ „мужичка“! Аракчеевъ объявилъ что цѣль его состоитъ въ томъ „дабы и самый бѣдный изъ коренныхъ жителей имѣлъ одинакую возможность улучшивать свое состояніе и благоденствовать въ званіи военнаго поселянина-хозяина“....

Далѣе будутъ приведены осязательные факты въ доказательство того какъ несостоятельна и лжива была эта филантропія, а теперь посмотримъ удовлетворяла ли система военныхъ поселеній тѣмъ государственнымъ цѣлямъ въ виду которыхъ она была предпринята. Но въ чемъ именно состояли эти государственныя цѣли? Отвѣтить на это мы можемъ лишь съ нѣкоторыми оговорками. Г. Богдановичъ и г. Петровъ, пользовавшіеся архивами военныхъ поселеній, напечатали много распоряженій касающихся этого учрежденія; въ Полномъ Собраніи Законовъ ихъ еще болѣе; въ этомъ послѣднемъ изданіи, также какъ у названныхъ авторовъ, мы находимъ приказы, инструкціи, отчеты: не находимъ только одного—полнаго проекта военныхъ поселеній, такого проекта какой слѣдовало бы, по нынѣшнимъ понятіямъ, представить на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, проекта въ которомъ подробно изложены были бы неудобства прежней военной нашей системы и преимущества новой,—все это разумѣется основанное на тщательно собранныхъ статистическихъ данныхъ, соображенное во всѣхъ частностяхъ и съ указаніемъ на средства къ исполненію. Почему же не находимъ мы нигдѣ такого проекта? Неужели его не было въ свое время составлено?... Кажется что именно такъ и было. Въ первую половину царствованія Александра I было написано такъ много проектовъ которые не осуществились, что теперь захотѣли кажется сдѣлать дѣло не составляя никакого предварительнаго предположенія и не опредѣляя даже приблизительно смѣты тѣмъ издержкамъ коихъ оно могло потребовать. Проекты, предварительныя соображенія и смѣты—все это отзывается конституціонализмомъ, а слѣдовательно и либерализмомъ: теперь вѣтеръ потянулъ въ другую сторону, и Аракчеевъ могъ съ большими вѣроятностями на успѣхъ предложить повести дѣло поселеній по-просту, по старинѣ: я

де человѣкъ малограмотный и писать не мастеръ, а сдѣлать сдѣлаю все что „батюшка“ прикажетъ.... Къ такому заключенію приводятъ многія данныя. Такъ напримѣръ баронъ Корфъ разказываетъ въ біографіи Сперанскаго что этотъ послѣдній, возвратясь изъ Сибири и желая сдѣлать удовольствіе Аракчееву, предложилъ ему составить „общее учрежденіе“ военныхъ поселеній „заимствуя матеріалы къ нему изъ послѣдовавшихъ разновременно отдѣльныхъ постановленій“: значитъ „общаго учрежденія“ военныхъ поселеній не существовало, и даже матеріалы для него надо было собирать.

Но если въ свое время не было написано подобнаго проекта устройства военныхъ поселеній, если, согласно догадкѣ высказанной въ началѣ этого изслѣдованія, дѣло о поселеніяхъ поведено было келейнымъ порядкомъ, путемъ личныхъ объясненій между государемъ и Аракчеевымъ, то все же государь отчетливо представлялъ себѣ, неправда ли, цѣль къ которой стремился, а его довѣренный сотрудникъ разчиталъ, сообразилъ во всѣхъ подробностяхъ пользу, удобоисполнимость и затрудненія предполагавшагося дѣла?... На все это приходится дать отвѣтъ отрицательный, и вотъ почему.

Чтобъ уяснить себѣ цѣль которой надѣялись достигнуть посредствомъ военныхъ поселеній, надобно, за неимѣніемъ официальнаго проекта, положенія или „общаго учрежденія“, обратиться къ частнымъ извѣстіямъ. Помянутое предположеніе Сперанскаго о такомъ „учрежденіи“ не осуществилось, но онъ написалъ въ 1825 году небольшую брошюру, * которая основана, безъ сомнѣнія, на официальныхъ данныхъ и даже такъ-сказать продиктована ему Аракчеевымъ. Въ ней весьма сжато, но очень ясно изложены мотивы системы военныхъ поселеній и цѣль ихъ и чаемая отъ нихъ польза, и эти мотивы суть: а) недостатки системы рекрутскаго набора, падающаго не уравнительно на крестьянскія семейства, разлучающаго людей принадлежащихъ къ одному семейству, отнимающаго много рукъ отъ земледѣлія и не обезпечивающаго пріюта человѣку который потерялъ силы на службѣ отечеству; б) тяжести которыя государство принуждено нести для содержанія арміи въ мирное время и которыя предполагалось устранить системой военныхъ

* Эта брошюра, весьма рѣдкая нынѣ (безъ имени автора), напечатанная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и едва ли бывшая въ продажѣ, имѣется въ библіотекѣ Московскаго Публичнаго Музея.

поселеній. Что же касается до выгодъ которыя отъ нея ожидались, то онѣ заключались въ слѣдующемъ: сохраняя за собой поземельные участки и получая отъ казны новые домы и другія вспоможенія, бывшіе казенные крестьяне избавлялись отъ податей и натуральныхъ повинностей; всѣ военнослужащіе, сдѣлавшись поселянами, избавлялись отъ разлуки съ семействами и получали надежду на пріютъ въ старости; съ окончательнымъ устройствомъ поселеній должна была послѣдовать отмѣна рекрутскихъ наборовъ, такъ какъ каждый поселенный округъ долженъ былъ служить и мѣстомъ осѣдлости и комплектованія соотвѣтствующему полку; а такъ какъ войска должны были, съ утвержденіемъ ихъ осѣдлости, сами себя продовольствовать, то издержки государства на этотъ предметъ очевидно должны были устраниться, равно какъ и тягость квартирной повинности; поселенія доставляли возможность имѣть постоянно подъ рукой значительную военную силу, размѣщенную на основаніи стратегическихъ соображеній и подавали несомнѣнную надежду на улучшеніе нравственности военнаго сословія и благосостоянія военныхъ чиновъ, а также на разнообразныя благія послѣдствія воспитанія получаемаго ими въ поселенныхъ школахъ и подъ надзоромъ родителей.

Вотъ тема которую развилъ Сперанскій въ своей брошюрѣ съ гораздо большимъ одушевленіемъ, но едва ли съ большею увѣренностью въ вѣрности излагаемыхъ имъ мыслей чѣмъ пишущій эти строки. Взглядъ Сперанскаго на законодательные и административные вопросы былъ слишкомъ проницателенъ и изощренъ опытомъ чтобы не открыть совершенной пустоты и можетъ-быть сознательной лжи подъ тѣми соображеніями которыя онъ какъ бы принималъ подъ свою защиту; къ сожалѣнію, онъ не считалъ въ тогдашнемъ своемъ положеніи возможнымъ уклониться отъ угодничества въ отношеніи Аракчеева.... Въ самомъ дѣлѣ, остановимся на нѣкоторыхъ изъ мыслей выраженныхъ въ брошюрѣ Сперанскаго. Съ окончательнымъ учрежденіемъ военныхъ поселеній, говоритъ онъ, рекрутская повинность должна будетъ вовсе отмѣниться „кромѣ рѣдкихъ случаевъ войны чрезвычайной“; за этимъ исключеніемъ, армія будетъ комплектоваться кантонистами. Итакъ, лишь въ случаяхъ борьбы съ цѣлою коалиціей, или войны подобной той какую мы выдержали въ 1812 году, отъ Россіи предполагалось потребовать чрезвычайныхъ усилій. Но было ли предварительно соображено количество убыли въ войскахъ, какъ

въ мирное, такъ и въ военное время, съ количествомъ кантонистовъ которые могли бы ежегодно поступить въ строй? Это кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Въ Высоцкой волости, какъ узнаемъ мы изъ изслѣдованія г. Петрова, считался 251 крестьянскій дворъ; въ ней находилось 350 лицъ „которыя въ состояніи употреблять вино", то-есть такихъ, вѣроятно, которымъ не меньше 16 и не болѣе 65 лѣтъ; въ такомъ случаѣ все высоцкое мужское населеніе должно было состоять примѣрно изъ 500 человѣкъ,—фондъ далеко не достаточный для того чтобы комплектовать, особенно въ военное время, баталіонъ въ 1.000 чел. Беремъ *Статистическій Временникъ* и видимъ: въ Новгородской губерніи считается мужскаго населенія 494.664 человѣка (положимъ 500 т.), а число новорожденныхъ мужскаго пола въ годъ—19.204 (положимъ 19 т.); но если такъ, то въ Высоцкой волости отъ 500 крестьянъ должно бы родиться всего 19—20 мальчиковъ въ годъ, причисляя къ которымъ хоть такое же число родившихся отъ водворенныхъ солдатъ, все же далеко недоставало бы числа кантонистовъ нужнаго для комплектованія баталіона даже въ мирное время, ибо, по словамъ одного изъ приближенныхъ къ императору Николаю генераловъ, записка коего о военныхъ поселеніяхъ приложена къ изслѣдованію г. Петрова, изъ трехъ-баталіоннаго полка ежегодно выбывало умершими, ушедшими въ отставку и пр. не менѣе 200 человѣкъ. Какимъ же образомъ комплектовалась бы наша армія?..

Повидимому, пришлось бы, независимо отъ военныхъ поселеній, производить постоянные рекрутскіе наборы, хоть и въ уменьшенномъ размѣрѣ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ прибѣгать и къ ополченіямъ; а въ такомъ случаѣ гдѣ же великая польза поселеній съ военной точки зрѣнія? Кажется что въ южныхъ поселеніяхъ отношеніе между числомъ коренныхъ жителей и водворенныхъ солдатъ было удовлетворительнѣе: изъ изслѣдованія г. Петрова мы узнаемъ что подъ поселеніе 3й кирасирской дивизіи, то-есть подъ четыре полка въ 600—700 человѣкъ каждый, отписано было до 6.000 крестьянъ мужскаго пола. Не знаемъ таково ли было отношеніе вообще между поселенными солдатами и коренными жителями въ губерніяхъ Екатеринославской, Херсонской, Харьковской и Могилевской, но всякій кто бывалъ въ Старорусскомъ поселеніи пойметъ безъ помощи статистики что оно не въ состояніи было комплектовать 76 расположенныхъ тамъ, по исчисленію г. Богдановича, баталіоновъ, а не только тѣ полки къ коимъ эти

баталіоны принадлежали. Неужели же все это не было предусмотрѣно, соображено, обдумано предварительно? Какъ объяснить что Аракчеевъ осмѣлился поднести къ высочайшей подписи грамоту на имя 1го Украинскаго полка, гдѣ обѣщалась отмѣна рекрутской повинности, и компрометтировать своего „государя и благодѣтеля“?... Говорятъ будто бы на представленіе одного изъ своихъ приближенныхъ противъ поселеній государь сказалъ: „они будутъ во что бы ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова“... Что же это доказываетъ? Убѣжденіе, твердое убѣжденіе его въ государственной пользѣ поселеній, или же непоколебимую его вѣру въ непогрѣшимость Аракчеева?

Второе изъ этихъ предположеній болѣе вѣроятно. Поверхностное образованіе данное Александру I Лагарпомъ (хотя имъ и восхищается г. Пыпинъ), не пріучило его вникать въ самую глубь каждой мысли, изучать занимавшія его предположенія во всѣхъ ихъ мельчайшихъ подробностяхъ. „Какъ бы желалъ я успокоить старость этихъ славныхъ людей и не разлучать ихъ съ своими семействами!“ воскликнулъ, говорятъ, государь во время какого-то сраженія, видя съ какимъ самоотверженіемъ русскіе солдаты лѣзли на непріятельскія батареи. Вотъ въ какихъ образахъ представлялись ему государственныя мысли. Такія же картины всеобщаго благоденствія, свободы и порядка проносились предъ его воображеніемъ когда онъ думалъ снабдить Россію конституціей и народнымъ представительствомъ; но на страницахъ этого журнала весьма недавно было указано какъ возмущался его духъ когда приподнимали фантастическую завѣсу сквозь которую ему представлялись конституція и представительство и открывали ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Поэтому ни одна изъ этихъ конституцій и не осуществилась. Аракчеевъ дѣйствовалъ искуснѣе; онъ никогда не приподнималъ вполнѣ этой завѣсы и показывалъ изъ-за нея лишь то что нравилось государю и укрѣпляло его въ привязанности къ системѣ военныхъ поселеній, а самого Аракчеева—въ силѣ и вліяніи. Невозможно допустить чтобы человѣкъ съ такимъ положительнымъ умомъ, съ умомъ хоть и не возвышеннымъ, но серіознымъ и въ особенности способнымъ вникать въ подробности, невозможно, говорю, допустить чтобъ Аракчеевъ не сдѣлалъ для себя соображенія, сколько человѣкъ нужно ежегодно для комплектованія арміи, и чтобъ онъ не сознавалъ невозможности

пополнять ея убыль одними кантонистами. Очевидно слѣдовательно что онъ не хотѣлъ открывать государю слабыхъ сторонъ дѣла, чтобъ не охладить его къ нему. Вотъ почему онъ старался увеличивать число военныхъ поселянъ всевозможными средствами: принималъ даже иностранцевъ, по словамъ г. Петрова, и почему одною изъ главныхъ его заботъ было умноженіе числа браковъ: „за свадьбы в. лр. весьма благодарю, надобно стараться дабы было болѣе свадебъ“, писалъ онъ генералу Маевскому; „но, прибавлялъ онъ, свадьбы должны быть добровольныя“.... Какъ же достигнуть въ одно время того и другаго? Очень просто: давая денежныя награды вступающимъ въ бракъ и отбирая свидѣтельства отъ священниковъ что не было никакого принужденія со стороны начальства.... На бѣду всѣ эти средства оказывались недостаточными; поселяне женились сколько отъ нихъ требовалось, поселянки рожали сколько могли, но убыль превосходила въ поселеніяхъ прибыль; рождалось менѣе чѣмъ умирало: „при десятой долѣ умирающихъ между работавшими баталіонами смертность не считалась большою“, говоритъ г. Панаевъ, бывшій производитель работъ въ одномъ изъ Новгородскихъ округовъ. „Когда умирала восьмая доля, тогда только производились слѣдствія. Начальники отдавались подъ судъ, но суды оканчивались почти всегда ничѣмъ“.... Десятая или даже восьмая доля умирающихъ—это ужасно! Это смертность военнаго времени.... Какъ же тутъ думать о комплектованіи арміи изъ военныхъ поселеній!

Теперь обратимся къ экономическому значенію военныхъ поселеній и посмотримъ содѣйствовали ль они сокращенію государственныхъ расходовъ и увеличенію народнаго богатства, какъ утверждали ихъ защитники. На очень странныя, однакожь, финансовыя и экономическія явленія мы наталкиваемся съ перваго шага. *Общее обозрѣніе капиталовъ военныхъ поселеній* съ 1818 года по 1823й, подписанное Аракчеевымъ и Клейнмихелемъ, и напечатанное г. Петровымъ, начинается слѣдующими словами: „При первоначальномъ опытѣ военнаго поселенія.... не было опредѣлено для онаго особой суммы, но по мѣрѣ надобности онѣ отпускались отъ министерства финансовъ по особливымъ высочайшимъ В. И. В—ва указамъ“. Это подтверждаетъ мнѣніе что устройство поселеній слѣдовало какъ въ сферѣ законодательной, такъ и въ сферѣ исполнительной вовсе не тому пути который указанъ основными законами (хотя еще весьма недавно такъ много говорилось о нихъ), но путемъ напоминающимъ

знаменитыя приказанія Потемкина Екатеринославской казенной палатѣ о выдачѣ денегъ Фалѣеву.... Мы узнаемъ изъ изслѣдованія г. Петрова что при водвореніи въ Высоцкой волости баталіона Аракчеевскаго полка два существовавшіе тамъ кабака были отобраны у ихъ содержателей и взяты въ казенное вѣдомство, въ виду того что при увеличившемся числѣ жителей они обѣщали доставить поселеніямъ до 12 т. р. дохода.... Въ другой разъ, узнавъ что тамошніе поселяне, по дорогѣ въ Новгородъ, оставляютъ много денегъ въ питейномъ домѣ находившемся за чертой поселеній, Аракчеевъ закрылъ этотъ кабакъ.... Эти два случая даютъ нѣкоторое понятіе о мѣрахъ помощію коихъ возвышалось благосостояніе поселянъ и богатство поселеній. Приноситъ въ жертву интересамъ поселянина интересы не-поселянина, а интересами поселянина жертвовать интересамъ поселенія вообще—вотъ чѣмъ руководствовался Аракчеевъ и его администрація, вотъ его экономическая теорія, вотъ его финансовая система. Говоря о льняномъ промыслѣ въ Старорусскихъ округахъ, Аракчеевъ писалъ Маевскому: „ленъ сей они (поселяне) *подъ защитой моей* будутъ имѣть случай продать въ будущую осень удобно, выгодно и безъ всякаго притѣсненія“, а Маевскій, съ своей стороны, донося что на устройство хозяйственныхъ заведеній ввѣренныхъ его попеченіямъ поселянъ потребуется 32 т. рублей, присовокупляетъ: „Обѣщайте, ваше сіятельство, по кафтану богатымъ поселянамъ, дающимъ вспоможеніе, и 32 тысячи останутся у насъ дома“.... Такіе чисто-азіятскіе экономическіе и финансовые пріемы заставляютъ насъ смотрѣть съ подозрительностью на тѣ выгоды которыя государственное хозяйство извлекало, судя по отчетамъ Аракчеева, изъ системы военныхъ поселеній.

Въ помянутомъ *Обозрѣніи* съ 1818 по 1823 годъ графъ Аракчеевъ писалъ что на устройство поселеній, сверхъ суммъ полученныхъ по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ, въ общую поселенскую кассу поступило около 29 милліоновъ рублей ассигнаціями, которые частію были получены изъ государственнаго казначейства, частію поступили въ кассы военнаго поселенія вмѣсто того чтобы поступить въ государственную казну,—какъ напримѣръ питейный сборъ въ мѣстностяхъ занятыхъ поселеніями, — частію, наконецъ, получались отъ арендныхъ статей. Но какъ бы то ни было, двадцать девять милліоновъ полученныхъ въ продолженіе пяти лѣтъ на такое

исполнское предпріятіе какъ военныя поселенія составляютъ расходъ весьма умѣренный; правда, насъ тревожатъ издержки неопредѣленнаго размѣра произведенныя „по особымъ высочайшимъ повеленіямъ“, но Аракчеевъ успокоиваетъ насъ: онъ утверждаетъ въ помянутомъ *Обозрѣніи* что въ пять лѣтъ на все устройство военныхъ поселеній издержано только 13.798.129 руб. 53¾ коп.... Предъ ничтожностью этой суммы, особенно когда рядомъ съ нею увидишь длинныя цифры капиталовъ сколленныхъ поселеніями, останавливаешься въ изумленіи: въ самомъ дѣлѣ чудодѣй былъ Аракчеевъ! Но минута размышленія охлаждаетъ нашъ восторгъ. Читая денежный отчетъ Аракчеева, надо принять во вниманіе что, кромѣ денежныхъ затратъ, огромная масса людей, — въ послѣдніе годы 200.000 солдатъ и можетъ-быть такое же число бывшихъ крестьянъ жертвовали на устройство поселеній своимъ трудомъ. Не забудемъ также что кромѣ лѣса на постройки, камня, плиты, получавшихся изъ казенныхъ дачъ и изъ казенныхъ земель, Аракчеевъ получалъ даромъ и помѣщичьи земли, нужныя подъ поселенія, то-есть давалъ за нихъ вознагражденіе на счетъ государства. Такъ два помѣщика Могилевской губерніи, земли которыхъ нужны были подъ поселенія, получили имѣнія въ другомъ мѣстѣ, а въ послѣдствіи, говоритъ г. Петровъ, система обязательныхъ обмѣновъ была принята повсюду въ отношеніи частныхъ земель, строеній и вообще недвижимыхъ имуществъ. Иногда прибѣгали и къ способамъ болѣе простымъ, какъ напримѣръ при слѣдующемъ случаѣ, разсказанномъ однимъ очевидцемъ, М. Ѳ. Бороздинымъ: Понадобилось, говоритъ онъ, подъ поселенія имѣніе одного Суворовскаго ветерана, находившееся близъ Волхова; сначала ему предложили продать его; когда же онъ отказался, то „Аракчеевъ приказалъ обвести канавой его помѣстье, засѣять поля хлѣбомъ (поселенскимъ) и забирать скотъ и птицъ, если попадутся на казенной землѣ“.... Осажденный помѣщикъ держался, разумѣется, не долго.... Въ другихъ мѣстахъ дѣло происходило иначе, но все-таки безъ расходовъ изъ поселенской кассы или съ расходами ничтожными. Подъ военныя поселенія Харьковской губерніи, говоритъ г. Петровъ, былъ назначенъ городъ Чугуевъ; при этомъ „135 человѣкъ купцовъ и мѣщанъ записанныхъ по городамъ Харькову и Зміеву жили постоянно въ Чугуевѣ, устроили тамъ свои дома, сады, лавки; завели торговлю, развели огороды и имѣли прочія хозяйственныя и

торговыя заведенія. Съ поступленіемъ Чугуева въ военное поселеніе, всѣмъ имъ приказано выѣхать изъ Чугуева, потому что, записанные по городамъ не состоящимъ въ округахъ военныхъ поселеній, они были зависимы отъ земской гражданской власти. Только двое изъ этихъ изгнанниковъ успѣли, во-время хотя и за безцѣнокъ, продать свои дома военнымъ поселеніямъ. Остальные же, не желая лишиться имущества, обращались съ просьбой о вознагражденіи. Вознагражденіе это было выдано по оцѣнкѣ имущества особою коммиссіей, причемъ цѣнились только одни зданія которыя могли быть полезны для военнаго поселенія. Земля же, огороды и сады въ оцѣнку не принимались. Кромѣ того съ оцѣночной суммы выдавалась только одна пятая часть за дома которые подлежали сноскѣ." Вообще, говоритъ г. Петровъ, „всѣмъ частнымъ имуществамъ въ Чугуевѣ сдѣлана была повѣрка; если оказывалось что акты на владѣніе въ неисправности, или что по купчей земель онѣ были куплены изъ казенныхъ участковъ, то такія земли отбирались безплатно въ военныя поселенія, на томъ основаніи что всѣ казенныя земли въ округѣ военнаго поселенія принадлежатъ округу, и не могли быть продаваемы. Такимъ образомъ, имущество пріобрѣтенное покупкой еще дѣдомъ переставало быть собственностью прямыхъ его наслѣдниковъ только потому что вводились новыя военныя поселенія съ особыми правами"... Понятно что при такой системѣ экспропріаціи устройство военныхъ поселеній значительно облегчалось въ финансовомъ отношеніи; министръ финансовъ не имѣлъ особенныхъ причинъ жаловаться на Аракчеева, но что говорили эти чугуевскіе ограбленные обыватели, эти экспропріированные ломѣщики?...

Возвратимся еще разъ къ *Общему обозрѣнію* Аракчеева. Въ этомъ куріозномъ документѣ, написанномъ очевидно въ увѣренности что его не будутъ разсматривать въ государственномъ совѣтѣ, — такъ явно проглядываетъ въ немъ обманъ, — исчислялись и положительныя выгоды доставленныя казнѣ военными поселеніями; „благодаря имъ, писалъ Аракчеевъ, сократилось государственныхъ расходовъ по смѣтамъ военнаго министерства съ 1820 по 1823 годъ *включительно* *, на 7.641.453 руб." Можно думать однакожь что еслибъ исчисленія Аракчеева разсматривались въ департаментѣ экономіи, то этому

* Замѣтимъ что слово „включительно" не находится въ той части *Обозрѣнія* гдѣ исчисляются приходныя статьи поселеній.

звонкому заявленію была бы противопоставлена цифра объясняющая насколько понизилась подушная подать съ тѣхъ поръ какъ перестали ее платить крестьяне поступившіе въ поселяне; при этомъ сосчитали бы, вѣроятно, сколько прощено недоимокъ, которыя складывались съ крестьянъ поступающихъ въ поселяне, сколько государственнымъ казначействомъ потеряно на литейномъ сборѣ, поступавшемъ въ военныхъ поселеніяхъ въ поселенскія кассы, и уже затѣмъ подведенъ былъ бы итогъ *дѣйствительнымъ* выгодамъ принесеннымъ Аракчеевымъ русскимъ финансамъ. Можетъ-быть при этомъ спросили бы у него гдѣ полагаетъ онъ брать на будущее время строительный матеріалъ (такъ какъ отведенныя ему лѣсныя дачи уже очищены). какъ для построекъ подъ помѣщенія остальныхъ двухъ третей арміи такъ и для возобновленія возведенныхъ уже построекъ, которыя, — деревянныя по крайней мѣрѣ,—сдѣланы были очень плохо. У него спросили бы какая выгода казнѣ отъ того что изъ числа 29 милліоновъ, заимствованныхъ изъ различныхъ государственныхъ кассъ, 13 милліоновъ числятся не въ нихъ, а въ кассѣ военныхъ поселеній? У него спросили бы какія выгоды представляются въ томъ что разнаго наименованія поселенскіе капиталы, происхожденіе которыхъ покрыто мракомъ неизвѣстности, предназначаются для поддержанія конскихъ заводовъ принадлежащихъ не Россіи, а военнымъ поселеніямъ, для покупки верховыхъ лошадей поселеннымъ, а не всѣмъ офицерамъ русской арміи? У Аракчеева спросили бы можетъ-быть на какомъ основаніи, въ виду какихъ законовъ, капиталъ церквей военнаго поселенія, простирающійся до 83.070 рублей, показанъ въ числѣ суммъ „принадлежащихъ распоряженію правительства“?...

Но можетъ-быть Аракчеевъ, разбитый на финансовой и экономической почвѣ, обличенный въ неисполнимости предположенія комплектовать армію кантонистами, успѣлъ бы доказать что въ отношеніи народнаго образованія и народной нравственности военныя поселенія далеко оставили за собой остальную Россію, что дисциплина водворенная имъ въ поселеніяхъ была воспитательнымъ средствомъ, обнаружившимъ полезное свое вліяніе на значительную часть русскаго населенія, что спасительный примѣръ поданъ, и что остается только воспользоваться имъ.... Дисциплина въ самомъ дѣлѣ есть очень важное воспитательное средство, и въ нѣкоторомъ смыслѣ очень важное историческое начало; безъ нея не мыслима никакая обще-

ственная организація, и чѣмъ опредѣленнѣе цѣль этой организаціи, чѣмъ болѣе внутренней крѣпости она требуетъ, тѣмъ строже должна быть дисциплина. Безъ дисциплины невозможны ни армія, ни монастырь, ни церковь, ни партія, ни государство. Но для того чтобы при этомъ жизнь не сдѣлалась каторгой нужно очень многое. Нужно прежде всего чтобы люди отъ которыхъ требуется повиновеніе могли уважать тѣхъ которымъ они подчинены; нужно чтобъ это повиновеніе требовалось во имя какихъ-либо твердыхъ началъ, во имя ясно формулованныхъ и удобопонятныхъ законовъ, а отнюдь не въ видѣ произвола со стороны того или другаго начальствующаго лица. Напротивъ, необходимо чтобы начальствующія лица подавали подчиненнымъ примѣръ безусловнаго повиновенія той идеѣ, тѣмъ началамъ которымъ они вмѣстѣ служатъ. Въ боевой службѣ такая идея есть торжество надъ врагомъ, побѣда надъ нимъ; во имя этой идеи, для ея торжества люди отрекаются отъ личной воли своей и подчиняются безусловно тѣмъ кто ими руководитъ; они переносятъ тяжелыя лишенія походной и бивачной жизни и наконецъ идутъ на вѣроятную смерть. Но что̀ было бы еслибы, посылая солдатъ подъ картечь, офицеры стали сами укрываться отъ нея? Еслибъ, оставивъ солдатъ голодать въ дождливую осеннюю ночь, они сами проводили время за Лукулловскими ужинами? Скоро армія обратилась бы въ людское стадо, которое не замедлило бы разбрестись во всѣ стороны.

Притомъ чтобы поддерживалась та идея во имя которой существуетъ военная дисциплина, необходимо чтобы между людьми ей подчиненными было живо представленіе о своемъ назначеніи, чтобы между ними не умирали боевыя преданія, преданія о герояхъ и мученикахъ той идеи во имя которой существуетъ военная дисциплина. Но боевыя преданія солдатъ водворенныхъ въ поселеніяхъ неминуемо должны были заглохнуть среди людей совершенно имъ чуждыхъ, каковы экономическіе крестьяне, и среди ежедневныхъ заботъ земледѣльческаго быта. Знамя должно было потерять въ ихъ глазахъ свое высокое символическое значеніе, ружье—представляться ничѣмъ инымъ какъ виной излишнихъ трудовъ и частыхъ побоевъ; наконецъ и самое начальство неминуемо должно было получить новое, лишенное всякаго ореола, значеніе въ глазахъ поселеннаго солдата. Начальникъ который бойко гарцуетъ на лихомъ конѣ и соколомъ кидается въ аттаку впереди эскадроновъ, хоть и на

мнимаго непріятеля, который во время ученья не даетъ ослабѣть вниманію солдата и сообщаетъ ему часть своей энергіи, такой начальникъ носитъ въ самомъ себѣ принципъ дисциплины и нравственнаго преобладанія надъ солдатомъ; но какое впечатлѣніе могъ производить на своихъ подчиненныхъ офицеръ выѣзжающій на сѣнокошенье на бѣговыхъ дрожкахъ и пѣгой лошадкѣ? Не долженъ ли онъ былъ представляться имъ арендаторомъ некстати нацѣпившимъ на себя эполеты?... Не забудемъ при этомъ что солдаты введенные въ поселенія весьма не задолго предъ тѣмъ возвратились изъ похода который былъ рядомъ торжествъ и геройскихъ подвиговъ, что эти солдаты имѣли право считать себя первыми въ мірѣ и что вообще воображеніе ихъ требовало благородной пищи, а гордость—законнаго удовлетворенія,—и вмѣсто того такая тяжелая проза, такой черный трудъ! Изъ государевой службы попасть на „службу Аракчеева“, какъ называли поселенскую службу....

„Служба Аракчееву“, вотъ словцо поистинѣ не только мѣткое, но и глубокое! Не выражается ли въ немъ темное сознаніе отсутствія въ поселеніяхъ служенія идеѣ, что человѣкъ подчинялся тамъ личному произволу, а не началу? Отчего въ самомъ дѣлѣ характеръ службы въ поселеніяхъ такъ рѣзко отличался отъ характера службы въ прочихъ войскахъ? Тамъ господствовалъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ духъ удали и молодечества. Былъ и тамъ произволъ, были и злоупотребленія; командиры нерѣдко получали незаконные доходы, но нерѣдко также эти доходы и проживались въ полку и даже на полкъ, а щегольство своими частями и широкая жизнь имѣли свою хорошую, даже полезную для службы сторону. Ничего подобнаго удали и молодечеству не допускалъ Аракчеевъ въ поселеніяхъ; но такъ какъ онъ не могъ измѣнить нравы образовавшіеся подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій, то всякое злоупотребленіе являлось тамъ въ сопровожденіи грубости и скаредства. Вмѣсто того чтобы метать штосъ при громѣ полковой музыки и среди разливаннаго моря шампанскаго,—причемъ нерѣдко доставались солдатамъ чарки вина и пригоршни мелкой монеты,—поселенскіе офицеры срѣзывали банчишку при сальной свѣчкѣ и потягивая сивуху изъ грязнаго штофа, а командиры отсылали въ Банкъ *на имя неизвѣстнаго* деньги которыя они наживали на своихъ мѣстахъ, стараясь жить тѣмъ скупѣе чѣмъ чаще производились такія отсылки. Безнравственность командировъ въ дѣйствующихъ войскахъ

почти не можетъ быть вмѣнена имъ въ вину, такъ явно она допускалась высшимъ начальствомъ и такъ крѣпко покоилась она на давнихъ преданіяхъ; напротивъ того, безнравственность поселенскихъ начальниковъ усугублялась фарисействомъ къ которому они должны были прибѣгать. Эти офицеры надсматривающіе надъ работами какъ прикащики, эти полковые командиры объѣзжающіе поля на бѣговыхъ дрожкахъ какъ арендаторы, должны были представляться поселянамъ ненадежными слугами Аракчеева, плутоватыми арендаторами и прикащиками, обманывающими своего господина.

Да были ль и въ собственныхъ своихъ глазахъ поселенскіе начальники чѣмъ-либо другимъ кромѣ какъ слугами Аракчеева? Едва ли. У Аракчеева была любовница; предъ этою любовницей,—простою мѣщанкой, жившею у начальника поселеній въ качествѣ домоправительницы,—извивались поселенскіе генералы, забавляли ее сплетнями, цѣловали ея руку. Да и какъ быть! Заступничество со стороны Настасьи Ѳедоровны могло иногда спасти отъ бѣды, а гнѣвъ ея—обрушить грозу на всякую, даже украшенную лаврами и сѣдинами, голову. Изъ этого видно каковы могли быть гарантіи въ отношеніи какого-нибудь маленькаго офицера или чиновника. Г. Бороздинъ, имя котораго уже упоминалось здѣсь, разказываетъ что секретарь Аракчеева, Немѣровскій, по собственнымъ его словамъ, получилъ отъ своего начальника „подзубникъ“,—„и нечего дѣлать, говорилъ Немѣровскій, пришлось промолчать!“ Для поселенскихъ офицеровъ, говоритъ Бороздинъ, не было отставки: „упорнымъ просителямъ по правамъ дворянской грамоты, выдавались „волчьи билеты“, нигдѣ не принимать на службу кромѣ военнаго поселенія. Полковые командиры, въ угожденіе графу, старались превзойти другъ друга въ жестокомъ обращеніи съ подчиненными. Графскій полкъ до такой степени былъ озлобленъ безчеловѣчіемъ своего командира что едва не поднялъ его на штыки. Этотъ человѣкъ вырывалъ у солдатъ клочьями волосы, билъ эфесомъ сабли по головѣ, а о палкахъ и говорить нечего: они пробивали спины до костей. Офицеровъ ругали и оскорбляли, стригли на барабанахъ предъ полкомъ, а молодаго прапорщика Соллогуба Фрикенъ (командиръ Аракчеевскаго полка) засадилъ за рѣшетку вмѣстѣ съ арестантами, потомъ при объясненіи нанесъ ему побои по лицу. Офицеръ Боттс съ товарищемъ бѣжали изъ полка и пойманы были уже въ Курляндіи. Исторія съ Соллогубомъ взволновала всѣхъ офицеровъ;

они рѣшились принести жалобу императору. Аракчеевъ успѣлъ ихъ отговорить, выставляя позоръ полка его имени и обѣщаясь наказать Фрикена. Послѣ смотра графъ доложилъ государю что офицеры „бунтуютъ“. Въ слѣдующую ночь до одиннадцати офицеровъ исчезли изъ полка неизвѣстно куда.

Вотъ черты характеризующія дисциплину военныхъ поселеній, эту систему произвола, грубости и беззаконій. „Главные начальники“, говоритъ не разъ уже цитованный здѣсь инженеръ-подполковникъ Панаевъ, „выбравъ что̀ было получше изъ офицеровъ, назначали ихъ частными начальниками работъ, предоставляя въ полное ихъ распоряженіе баталіоны на работѣ бывшіе. Баталіонные командиры старались вытѣснить всѣми способами образованныхъ офицеровъ и поручить командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ или такимъ кои, по неимѣнію средствъ къ существованію, обязаны были не разбирать средствъ и быть покорными даже противъ присяги и совѣсти. Главное правило было что всѣ средства хороши лишь бы сдѣлано было что̀ приказано начальникомъ. Шпіонство, съ одной стороны, и побужденіе къ доносамъ нижнихъ чиновъ противъ ближайшихъ ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими, съ другой, ослабили совершенно дисциплину и связь между начальниками и подчиненными.... Жестокости и строгости было много, но дисциплины не было; войска были деморализованы начальствомъ, и начальники, съ своей стороны, получая свыше приказанія кои могли возбуждать ропотъ между нижними чинами, исполняли эти приказанія не прямо, но старались внушать солдатамъ что ежели бы имъ приказано не было, то они бы не стали такъ мучить людей. Высшее начальство всегда старалось выставлять себя защитниками солдатъ, приказывая *секретно* не баловать ихъ, задавать уроки больше, высылать на работу и по праздникамъ.... Командиры же, высылая по праздникамъ на работу, всегда обращались къ солдатамъ и говорили имъ: „ребята, васъ велѣно выслать на рабо„ту даже и сегодня!...“

III.

Хозяйство было любимымъ конькомъ Аракчеева, говоритъ г. Богдановичъ, и обращикъ хозяйства, какъ онъ его понималъ, представляло пожалованное ему императоромъ Павломъ Грузино: „Когда оно поступило во владѣніе Аракчеева, берега омывающей его рѣки Волхова были покрыты

лѣсомъ. Чтобы разчистить его, крестьяне, послѣ уборки хлѣба, сгонялись на работу поголовно, не исключая и женщинъ. При этомъ не обращалось вниманія на погоду, канавы копались въ трескучіе морозы; полотна для дорогъ усыпались пескомъ подъ проливными дождями; чтобы скорѣе уравнять мѣстность жгли на мѣстѣ строевой лѣсъ. Проложивъ дороги, приступили къ перестройкѣ селеній; ни одно изъ нихъ не осталось на мѣстѣ; вездѣ крестьянскіе дома вытянулись въ прямую линію какъ солдаты въ строю; деревья въ садахъ стриглись по мѣркѣ. Всѣ эти дома, построенные по урочному положенію въ опредѣленное время, были сыры, холодны и непрочны. Крестьяне, угнетенные поборами, урочными работами и штрафами, гибли проклиная своего владѣльца. А онъ между тѣмъ, въ свободные отъ государственныхъ дѣлъ досуги, писалъ собственноручно „правила хозяевамъ о содержаніи домовъ вновь выстроенныхъ въ селѣ Грузинѣ“. Тамъ находимъ регламентацію доведенную до безобразія; тамъ заботливый хозяинъ принялъ на себя трудъ изложить не только то что хозяинъ дома долженъ черезъ каждые три года красить кровли красною краской на вареномъ постномъ маслѣ, но и то что для такой окраски нужно чернели 15 фунтовъ и масла одинъ пудъ. Виновные въ неисполненіи этого „правила“ подвергались взысканію десяти рублей штрафа. Въ лѣтнее время, съ 1го мая по 15е сентября, велѣно печь хлѣбы и варить пищу въ каменной кухнѣ на дворѣ; въ домѣ же печи осмотрѣть и если нужно, то починить, а потомъ грузинскій полицеймейстеръ долженъ былъ ихъ запечатать и оставить въ томъ положеніи до половины сентября, когда хозяева опять переходятъ изъ кухни въ домъ. Грузинскому полицеймейстеру поручено было строго наблюдать за исполненіемъ этого правила, а виновныхъ отсылать на работу въ господскій садъ, въ противномъ же случаѣ онъ самъ подвергался тѣлесному наказанію. Хозяинъ обязанъ былъ мостовую на дворѣ содержать въ должной чистотѣ, то-есть каждый день мести, а въ ненастное время чистить грязь деревянными лопатами и вывозить ее на огородъ. На улицѣ же, противъ своего дома, мостовую не только всегда содержать чистою, но и посыпать пескомъ, когда будетъ приказано. Старшая хозяйка была обязана ежедневно утромъ прогнать свой скотъ къ гумнамъ за ворота, и сдать пастуху, а вечеромъ встрѣтить его также у гуменъ, за воротами, и пригнать прямо на дворъ. За нарушеніе этихъ правилъ, виноватые

наряжаются на работу въ садъ, по усмотрѣнію полицеймейстера. Точно такъ же штрафомъ и тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались крестьянки Аракчеева, если при уборкѣ избъ по утромъ онѣ не открывали форточекъ, если послѣ уборки оставалась гдѣ-либо пыль“ и т. л.

Жизнь крѣпостныхъ людей Аракчеева, превращаемыхъ желѣзною рукой въ Голландцевъ и Голландокъ, должна была быть настоящею каторгой; но человѣкъ который насмотрѣвшись на наши курныя избы, на грязь и нечистоту нашихъ деревень и даже городовъ, попадалъ въ Грузию, входилъ въ чисто прибранныя и хорошо вентилованныя избы тамошнихъ крестьянъ, видѣлъ тщательно выкрашенныя крыши этихъ по шнуру выстроенныхъ селеній и безукоризненно подметенныя улицы, кто проѣзжалъ по прекраснымъ дорогамъ перерѣзывавшимъ владѣнія Аракчеева и встрѣчалъ на этихъ дорогахъ исправныя телѣги, исправныхъ лошадей и исправную упряжь, тотъ легко могъ подчиниться впечатлѣнію удивленія и подумать: вотъ однако доказательство что русскаго мужика можно довести до такого положенія въ какомъ мы видимъ крестьянъ Саксоніи или Баваріи!

Весьма вѣроятно что это же самое думалъ и императоръ Александръ, отъ времени до времени бывавшій въ Грузинѣ. Только тамъ русскій крестьянинъ имѣлъ тотъ *видъ благоденствія* какимъ государь привыкъ любоваться въ Германіи или въ нѣмецкихъ колоніяхъ южной Россіи и окрестностей Петербурга. Аракчеевъ доказалъ на дѣлѣ что онъ хорошій администраторъ по военной части, а если сверхъ того онъ и образцовый хозяинъ,—долженъ былъ разсуждать государь,—то кто же лучше его можетъ повести дѣло поселенія арміи и хозяйственнаго ея устройства!

Но не такъ разсуждали крестьяне сосѣднихъ съ Грузиномъ селеній; благосостояніе Аракчеевскихъ крестьянъ представлялось имъ не съ той стороны которая кидалась въ глаза высокимъ посѣтителямъ Грузина; и потому когда одной изъ сосѣднихъ волостей было объявлено о назначеніи ея въ составъ военныхъ поселеній, то на сходкѣ было постановлено послать къ царю просьбу „о защитѣ крещенаго народа отъ Аракчеева“. И это была не минутная вспышка, а очень серіозно задуманное дѣло. Крестьяне этой волости послали гонцовъ съ своими просьбами въ Петербургъ къ великому князю Николаю Павловичу, къ великой княгинѣ его супругѣ, даже въ Варшаву,

гдѣ находился государь. Въ одномъ селеніи крестьяне заперлись въ своихъ домахъ и не впускали пришедшихъ для водворенія солдатъ въ продолженіе девяти дней.

Это случилось при водвореніи Аракчеевскаго, то-есть перваго вступавшаго въ поселеніе полка, и повлекло за собою преданіе военному суду 39 человѣкъ. При устройствѣ поселеній въ Херсонской губерніи, въ 1817 году, волненіе было несравненно сильнѣе и серіознѣе. Тамъ было избрано для поселеній Бугское казачье войско. Казаки не хотѣли превращаться въ поселянъ и ссылались на выданную имъ Екатериной грамоту, на основаніи которой они признавались де казаками на вѣчныя времена, а извѣстное пространство земли—неотъемлемою войсковою собственностью. Къ несчастію, этой грамоты не оказывалось налицо; можетъ-быть ея и не существовало вовсе, и въ свое время она не была выдана, такъ какъ Бугское, или точнѣе Вознесенское казачье войско было учреждено въ послѣдній годъ царствованія Екатерины; тѣмъ не менѣе казаки были въ сущности правы, ибо жалованныя грамоты дѣйствительно выдавались, и нѣкто капитанъ Барвинскій вызывался найти грамоту Бугскаго войска, если получитъ 2.000 р.; а потому когда явилось начальство для прочтенія казакамъ высочайшаго указа о новомъ получаемомъ имъ назначеніи, то они объявили что не станутъ исполнять его, не допустили производить перепись своимъ семействамъ и, захвативъ станичную печать, отправили депутатовъ къ своему наказному атаману, князю Кантакузену, находившемуся въ Вознесенскѣ. Князь былъ на выѣздѣ въ Петербургъ, куда его потребовали для *предварительныхъ* соображеній о преобразованіи ввѣреннаго ему войска, говоритъ г. Богдановичъ. Прибывъ въ Петербургъ, онъ, разумѣется, тотчасъ явился къ графу Аракчееву, но не былъ имъ принятъ, и такъ повторялось нѣсколько дней сряду. Наконецъ, разказываетъ г. Богдановичъ, „однажды вечеромъ пріѣзжаетъ къ нему адъютантъ Аракчеева, съ толстою тетрадью Положенія о переформированіи Бугскаго войска, и, вручивъ ее Кантакузену, передаетъ ему приказаніе явиться въ комитетъ завтра, въ восемь часовъ утра. Напрасно Кантакузенъ убѣдительно доказывалъ присланному къ нему офицеру что не было никакой возможности не только обсудить, но даже прочесть съ надлежащимъ вниманіемъ громадное Положеніе. Приказаніе графа было опредѣлительно и слѣдовало исполнить его. Кантакузенъ, не смыкая глазъ во всю ночь, кое-какъ ознакомился

съ содержаніемъ присланнаго къ нему документа и въ назначенное время явился въ комитетъ. Тамъ въ обширной комнатѣ, за большимъ столомъ, сидѣли нѣсколько генераловъ, въ ожиданіи предсѣдателя. Входитъ графъ, всѣ встаютъ и подобострастно кланяются ему, а онъ, не отвѣчая ни малѣйшимъ движеніемъ на низкіе поклоны, садится на свое мѣсто. „Читайте Положеніе“, говоритъ онъ своему адъютанту. Начинается чтеніе, всѣ слушаютъ молча. Кантакузенъ нѣсколько разъ порывается встать и сдѣлать замѣчанія по поводу прочитанныхъ статей Положенія; но каждый разъ его останавливаетъ ледяной взглядъ Аракчеева и приказаніе адъютанту: „продолжайте!“ По окончаніи чтенія, графъ уходитъ въ свой кабинетъ, адъютантъ подноситъ Положеніе членамъ комитета; всѣ подписываютъ, только одинъ Кантакузенъ отказывается подписать, говоря что онъ находитъ многія статьи Положенія несообразными съ цѣлью дѣла—улучшить бытъ Бугскаго войска, а потому совѣсть не позволяетъ ему утвердить своею подписью такую бумагу.—Что вы дѣлаете? Вы себя губите, говорятъ члены комитета князю Кантакузену; адъютантъ медлитъ идти къ графу, не желая быть орудіемъ пагубы достойнаго офицера, но, наконецъ, убѣдясь въ неизмѣнности его рѣшенія, докладываетъ Аракчееву о неожиданномъ происшествіи.

— Графъ проситъ васъ къ себѣ, говоритъ адъютантъ князю Кантакузену, выйдя изъ кабинета. Кантакузенъ, по его указанію, входитъ въ большую комнату, освѣщенную только отчасти нѣсколькими свѣчами стоящими на письменномъ столѣ графа. Самъ Аракчеевъ, въ обычномъ домашнемъ костюмѣ своемъ—бѣломъ фланелевомъ камзолѣ, не вставая съ кресла и какъ бы смѣривъ глазами ослушника, обращается къ нему съ вопросомъ:

— Ты не подписалъ Положенія?

— Ваше сіятельство, позвольте мнѣ объяснить причину....

— Ты не подписалъ? прерываетъ его Аракчеевъ.

— Моя совѣсть не позволяетъ...

— Ты не подписалъ Положенія! повторяетъ графъ.—Теперь послушай меня: видишь ли эти бѣлые листы: посмотри внизу на надпись; узнаешь ли ее?

— Это бланки съ подписью государя, отвѣчаетъ смущенный Кантакузенъ.

— Что будетъ, говоритъ Аракчеевъ,—если я на одномъ изъ этихъ листковъ напишу что ты, за ослушаніе начальству, лишаешься чиновъ и отсылаешься въ Сибирь? И затѣмъ, помолчавъ съ минуту, продолжаетъ:—А что, если напишу что ты, за усердіе къ службѣ, награждаешься производствомъ въ генералъ-майоры и Анненскою лентой?

Кончилось тѣмъ что Положеніе было подписано.

Но казаки не унимались; узнавъ о случившемся, они послали жалобу на своего атамана, и продолжали оказывать сопротивленіе распоряженіямъ Аракчеева. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ начальника Украинской уланской дивизіи, графа Витта, Аракчеевъ написалъ ему между прочимъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Согласитесь что не безъ затрудненія можно было совершить и поселеніе гренадерскаго имени моего полка, близъ столицы, и въ такомъ округѣ коего коренные жители состоятъ изъ многихъ сектъ раскольниковъ; но всѣ сіи затрудненія преодолѣны рѣшимостію и добрымъ порядкомъ; всѣ жители уже обмундированы, острижены, обриты, и не только безъ неохоты, но даже *съ удовольствіемъ* исполняютъ всѣ обязанности новаго ихъ состоянія: доказательство что нѣтъ ничего невозможнаго, и я увѣренъ что тѣ же мѣры и по Бугскому войску произведутъ такія же благопріятныя послѣдствія.“ Противъ Бугцевъ были двинуты войска, и затѣмъ 93 человѣка изъ нихъ преданы военному суду, который, совершенно устранивъ вопросъ о грамотѣ Екатерины, видѣлъ въ подсудимыхъ лишь ослушниковъ высочайшей воли и приговорилъ къ смертной казни 64хъ. Приговоръ, впрочемъ, былъ значительно смягченъ: только три человѣка, и въ томъ числѣ Барвинскій, подверглись наказаніямъ и то не особенно тяжкимъ.

Въ 1818 году, при устройствѣ Харьковскихъ поселеній, между жителями долженствовавшими поступить въ военное вѣдомство, стали распространяться зловѣщіе слухи и привели бѣдныхъ хохловъ въ неописуемый ужасъ: „Жители какъ бы оцѣпенѣлые не хотятъ понимать что зависитъ отъ нихъ и что не зависитъ“, доносилъ генералъ Ласаневичъ. Аракчеевъ получилъ это донесеніе по пути въ южную Россію, гдѣ предполагалъ встрѣтить государя, возвращавшагося изъ Варшавы. Онъ прибылъ на мѣсто и убѣдился что слова Ласаневича справедливы: „Я увидѣлъ шестнадцать тысячъ человѣкъ коренныхъ жителей въ страхѣ, печали и нѣкотораго рода онѣмѣлости“, писалъ онъ

государю, то-есть въ такомъ расположеніи въ какомъ бываетъ человѣкъ когда онъ, будучи недоволенъ своимъ состояніемъ, страшится, но не знаетъ что̀ ему предпринять." Въ одномъ округѣ произошли безпорядки, впрочемъ незначительные.... Отсюда онъ проѣхалъ въ Херсонскія поселенія, гдѣ послѣ прошлогднихъ волненій бывшіе Бугскіе казаки были въ положеніи не внушавшемъ довѣрія. И точно, прослышавъ о намѣреніи государя побывать у нихъ, они рѣшились просить у него защиты и справедливости. Съ своей стороны, графъ Виттъ, провѣдавъ объ этомъ намѣреніи, сдѣлалъ распоряженіе чтобы поселяне не осмѣливались подавать просьбъ государю и даже не встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью. Послѣднее распоряженіе, вызванное очевидно опасеніемъ чтобы вмѣстѣ съ хлѣбомъ-солью не было подано и жалобъ, раздражило поселянъ. „Какъ можно, шумѣли они, не пускать съ хлѣбомъ-солью къ государю!" Въ одномъ селеніи они стали собираться большою толпой для встрѣчи государя; находившійся тутъ штабъ-офицеръ приказалъ имъ разойтись и началъ было ранжировать ихъ по отдѣленіямъ; но одинъ изъ поселянъ, вспомнивъ старую волю, крикнулъ: „Я казакъ, а не другаго званія!" Штабъ-офицеръ приказалъ арестовать его, но толпа освободила его, причемъ съ офицера сорванъ былъ эполетъ. За эту вспышку пошло подъ военный судъ 13 человѣкъ. *

Между тѣмъ „онѣмѣніе" коренныхъ жителей Харьковскаго поселенія, о которомъ писали Аракчееву, начинало уступать мѣсто раздраженію: это были тоже потомки старыхъ казаковъ, носившіе и сами это названіе. Было уже сказано что ни одно частное лицо, не зависѣвшее вполнѣ отъ поселенскаго начальства, не допускалось оставаться осѣдлымъ образомъ въ районѣ поселеній, и что на этомъ основаніи 135 мѣщанъ были выселены изъ Чугуева, и можно сказать, обобраны; имъ уплачивали,—по назначенію коммиссіи, состоявшей изъ поселенскихъ чиновниковъ,—лишь за строенія и притомъ въ размѣрѣ ⅘ противъ оцѣнки, а огороды и сады отбирались даромъ, такъ какъ де земля отдана была государемъ подъ поселенія. На подобныхъ же основаніяхъ произведена была экспропріація и войсковыхъ земель находившихся въ пользованіи служащихъ и отставныхъ казачьихъ офицеровъ. Справедливый,

* Это число показано въ Приложеніяхъ къ изслѣдованію г. Петрова, а въ текстѣ (стр. 149)—30.

но крайне опасный принципъ принесенія въ жертву государственнымъ потребностямъ частныхъ интересовъ и частнаго права прикладывался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и безъ всякаго уваженія къ интересамъ и правамъ частныхъ лицъ. Всѣ лица подвергавшіяся экспропріаціи въ пользу военныхъ поселеній были разорены; не беремся ни подтверждать, ни отрицать этого, но ужасаемся при мысли какому страшному произволу открывался при этомъ просторъ! Какого безпристрастія можно было ожидать отъ коммиссіи, очень хорошо знавшей что главный начальникъ военныхъ поселеній заинтересованъ тѣмъ чтобы не дать повода къ упрекамъ въ расточительности казенныхъ суммъ? Какимъ частнымъ злоупотребленіямъ открывалось поприще при оцѣнкѣ такого большаго числа цѣнностей!... За то и легко вообразить себѣ сколько желчи скопилось противъ поселеній у этого большаго числа людей интересы которыхъ были затронуты системой поселеній. Не трудно понять тоже что жалобы этихъ людей находили сочувственный отголосокъ во всей массѣ населенія, „онѣмѣлаго“ и растерявшагося отъ однихъ слуховъ о томъ что ихъ хотятъ обратить въ поселянъ. „Не хотимъ военнаго поселенія, говорили они: это служба Аракчееву, а не государю.“

Раздраженіе росло и къ лѣту 1819 года достигло до того что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поселяне не только постановили на сходкахъ, но и подписали рѣшеніе сопротивляться новому своему начальству. На нѣкоторыхъ сходкахъ было положено извести Аракчеева, со смертью котораго, надѣялись, кончатся и поселенія. Въ іюнѣ получены были отъ генерала Лисаневича столь тревожныя донесенія что Аракчеевъ самъ поскакалъ на мѣсто. На пути онъ встрѣчалъ курьеровъ, которые извѣщали что безпорядки принимаютъ весьма серіозные размѣры, что изъ Чугуева, Зміева, Харькова, Константиноградa и даже Полтавы потребованы войска. Въ Харьковѣ Аракчеевъ узналъ что военная сила сдѣлала свое дѣло, но что арестовано больше 2.000 человѣкъ и что 313 человѣкъ предано военному суду. Мятежъ былъ слѣдовательно подавленъ, но число мятежниковъ приводило Аракчеева въ смущеніе, тѣмъ болѣе что въ это самое время въ Харьковѣ, отстоящемъ всего на 32 версты отъ Чугуева, происходила ярмарка и что городъ былъ слѣдовательно наполненъ людьми съѣхавшимися изъ разныхъ концовъ Россіи, которые не преминутъ разнести повсюду слухи невыгодные для поселеній. „По разнымъ собственнымъ моимъ

о семъ днемъ и ночью разсужденіямъ, съ призываніемъ на помощь Всемогущаго Бога, я видѣлъ,—писалъ Аракчеевъ къ государю,—съ одной стороны что нужна рѣшительность и скорое дѣйствіе, а съ другой—слыша ихъ злобу единственно на меня, какъ христіанинъ, останавливался въ собственномъ дѣйствіи, полагая что оное можетъ-быть, по несовершенству человѣческаго творенія, признаться можетъ строгимъ или мщеніемъ за покушеніе на мою жизнь. Вотъ, государь, заключалъ Аракчеевъ, самое затруднительное положеніе для человѣка помнящаго свое несовершенство." Но о чемъ же такъ тревожился онъ, если, какъ сказано, все дѣло было предоставлено рѣшенію суда? О какомъ рѣшительномъ дѣйствіи говорилъ онъ, какой нравственной отвѣтственности какъ будто страшился? Дѣло въ томъ что судъ былъ не болѣе какъ формальностью, по понятіямъ Аракчеева и даже не одного Аракчеева. Во то недавнее, но довольно далекое уже, слава Богу, отъ насъ время, военный судъ въ сущности только *разсматривалъ* дѣло, а рѣшала его администрація; судъ постановлялъ, конечно, приговоръ, но этотъ приговоръ основывался на законѣ; начальство назначало рѣшеніе на основаніи особыхъ соображеній. Почему-то не рѣшались измѣнить законъ, но предоставляли администраціи отмѣнять его въ каждомъ данномъ случаѣ. Судъ приговорилъ къ смерти 275 человѣкъ. Аракчеевъ замѣнилъ смертную казнь шпицрутенами въ числѣ 12.000 ударовъ! При этомъ онъ раздѣлилъ осужденныхъ на нѣсколько категорій, но не по степени назначеннаго имъ наказанія, а по времени исполненія надъ ними приговора. 18го августа выведено было 40 человѣкъ. „Ожесточеніе преступниковъ было до такой степени, по словамъ Аракчеева, что изъ 40 человѣкъ только трое, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія." Истязаніе произведено было въ присутствіи всѣхъ арестованныхъ по этому дѣлу, приведенныхъ нарочно изъ Чугуева, Волчанска и Зміева. По окончаніи, доносилъ Аракчеевъ, „спрошены были всѣ не наказанные арестанты, каются ли они въ своемъ преступленіи и прекратятъ ли свое буйство? Но какъ они единогласно сіе отвергли, то начальникъ штаба поселенныхъ войскъ (будущій графъ Клейнмихель) съ согласія моего, приказалъ изъ нихъ взять первыхъ возмутителей и наказать на мѣстѣ же шпицрутенами". Когда 15 человѣкъ прошли сквозь строй, тогда только остальные стали просить о помилованіи.... „Батюшка, ваше величество, присово-

куплялъ Аракчеевъ къ официальному донесенію, изъ котораго извлечены приведенныя строки; происшествія здѣсь бывшія очень меня разстроили; я не скрываю отъ васъ что *нѣсколько* преступниковъ, самыхъ злыхъ, послѣ наказанія законами опредѣленнаго, умерли....“ *Нѣсколько?* Сколько же? Можетъ-быть 40 изъ 42, вмѣсто смерти отъ пули, забито палками *изъ филантропіи*, изъ отвращенія къ смертной казни поставленной закономъ! Но къ этой возмутительной иронiи Аракчеевъ прибавляетъ и кощунство: „Не бывъ еще совершенно увѣренъ въ точномъ *душевномъ раскаяніи* всѣхъ жителей я“ и пр.... Какъ вамъ нравится этотъ способъ приводить людей къ „душевному раскаянію?“

IV.

Ужасъ наведенный Чугуевскою расправой, слухъ о которой посредствомъ посѣтителей Харьковской ярмарки разнесся по всей Россіи, а можетъ-быть и присущее человѣку, особенно Русскому, свойство притерпѣться ко всякому положенію, „имѣли послѣдствіемъ что въ послѣдующіе годы мы не находимъ извѣстій о серіозныхъ безпорядкахъ въ поселеніяхъ. Такъ прошло лѣтъ десять. Въ это время скончался государь основавшій поселенія и палъ Аракчеевъ. Съ его паденіемъ положеніе поселянъ сдѣлалось нѣсколько сноснѣе; къ сожалѣнію, Аракчеевская закваска была еще сильна въ поселенской администраціи, и сѣмена непріязни возбужденной ею къ себѣ были между поселянами слишкомъ живучи. Эта непріязнь не обнаруживалась потому что не представлялось къ тому какихъ-либо чрезвычайныхъ поводовъ, а также потому что коренные жители и водворенные между ними солдаты не любили другъ друга. „Поселяне (бывшіе крестьяне), говоритъ г. Панаевъ, повиновались единственно изъ страха, ибо поселенія были наполнены войсками, ненавидящими поселенія, въ особенности потому что не было хуже стоянки какъ у поселянъ.“

И вотъ пришла необходимость вывести эти войска изъ поселеній. Это произошло по поводу польскаго возмущенія въ 1830 году. Мы узнаемъ изъ *Исторіи польской войны* Смитта что полки нашей арміи вступили въ походъ въ двухъ баталіонномъ составѣ; слѣдовательно въ округахъ 1й гренадерской дивизіи, поселенной между Новгородомъ и Грузиномъ, осталось по одному баталіону; здѣсь перевѣсъ числа и силы былъ на

сторонѣ коренныхъ жителей, и здѣсь же обнаружились кровавые безпорядки, какъ скоро постороннія обстоятельства вывели поселянъ изъ апатіи въ которую они были приведены.

Этимъ посторонним обстоятельствомъ была холера, появившаяся въ Россіи тогда впервые; она застала врасплохъ и врачей, и администраторовъ; принимая ее за эпидемію болѣе или менѣе подобную чумѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ устроило въ разныхъ мѣстахъ карантины, которые, стѣсняя обычное теченіе общественной жизни и подвергая нарушителей карантинныхъ правилъ жестокимъ наказаніямъ, не предупреждали однако развитія болѣзни. Въ подобныхъ случаяхъ всегда разыгрывается народная фантазія и къ дѣйствительному бѣдствію присоединяетъ мнимые страхи. Въ настоящемъ случаѣ поводовъ тому было больше чѣмъ когда-нибудь. Еще съ минувшей осени, то-есть со времени возмущенія въ Варшавѣ, стали ходить неопредѣленные слухи объ измѣнѣ, о польскихъ агентахъ шныряющихъ переодѣтыми среди православнаго народа, о таинственной смерти великаго князя Константина, съ именемъ коего связывались естественнымъ образомъ тревожныя воспоминанія 1825 года. Разгоряченное воображеніе простолюдиновъ представляло грозную холеру подъ всевозможными образами: подъ видомъ чернаго облачка, опускающагося на землю въ утреннія и вечернія сумерки, въ видѣ густаго тумана падающаго на воду и отравляющаго ее, наконецъ въ видѣ таинственной женщины которая неизвѣстно откуда является и приноситъ за собою холеру. Болѣе же всего распространено было мнѣніе что холеры собственно нѣтъ, но что „господа“, а особенно врачи отравляютъ бѣдный народъ, и народъ начиналъ не на шутку ozлобляться противъ „господъ“ и особенно противъ врачей.... Полиція усердѣйшимъ образомъ разыскивала тѣхъ злоумышленниковъ которые, по ея соображеніямъ, распускали такую клевету. Существовало предположеніе что эти злоумышленники суть агенты польскаго революціоннаго правительства: можетъ-быть такія догадки и не лишены основанія, но несомнѣнно что въ тревогѣ возбужденной холерой играло не малую роль и сомнѣніе относительно умѣнія администраціи оградить общественную безопасность. Толки объ отравѣ ходили и среди образованныхъ классовъ. Одинъ изъ очевидцевъ, разказы коихъ напечатаны издателями *Русской Старины*, говоритъ что какой-то офицеръ, проѣзжавшій изъ Петербурга чрезъ Новгородскія поселенія, утверждалъ что

отравленіе есть фактъ неоспоримый и что онъ самъ ходилъ добывать для себя воды и лично покупалъ съѣстные припасы, которые и приготовлялъ самъ же....

Въ началѣ іюля предъ одною изъ петербургскихъ больницъ собралась толпа крестьянъ, вломилась въ нее и умертвила медика, который въ это самое время подавалъ помощь какому-то холерному больному. Объ этомъ происшествіи немедленно дано было знать государю, находившемуся тогда въ Петергофѣ. Онъ садится на пароходъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ и мчится на Сѣнную площадь, гдѣ густыя массы народа шумѣли и волновались.... „Доѣхавъ до площади", разказываетъ Жуковскій въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ принцессѣ Луизѣ Прусской, „онъ останавливается возлѣ церкви, окруженный толпой отъ 20 до 25 тысячъ человѣкъ. Тогда онъ встаетъ: представьте себѣ эту прекрасную фигуру, этотъ громкій и звучный голосъ, этотъ внушающій и строгій видъ, и эту толпу, наканунѣ столь мятежную, столь сильную въ своей смутѣ, а теперь столь спокойную, столь покоренную присутствіемъ самодержавнаго величія и магическимъ обаяніемъ геройской отваги. Вотъ слова имъ произнесенныя: „Вѣнчаясь на царство, я „поклялся поддерживать порядокъ и законы. Я исполню мою „присягу.... Намъ послано великое испытаніе: зараза! Надо было принять мѣры, дабы остановить ее распространеніе; всѣ „эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ. Стало-быть вы жа„луетесь на меня; ну, вотъ я здѣсь! И я приказываю вамъ по„виноваться.... Теперь расходитесь! Въ городѣ зараза! Вредно „собираться толпами. Но напередъ слѣдуетъ примириться съ „Богомъ! Если вы оскорбили меня непослушаніемъ, то еще боль„ше оскорбили Бога преступленіемъ: совершено было убійство. „Невинная кровь пролита! Молитесь Богу чтобъ Онъ васъ про„стилъ!" При этахъ словахъ, говоритъ Жуковскій, онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Тогда вся толпа, по невольному движенію, падаетъ ницъ съ молитвенными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, и народъ тихо расходится."

Народъ разошелся, и безпорядки не возобновлялись, — доказательство что толпа у которой не подгнили нравственныя основанія даже и въ минуту раздраженія не есть дикій звѣрь сорвавшійся съ цѣпи, противъ котораго никакія средства не дѣйствительны, кромѣ штыковъ и картечи. Къ несчастію многія изъ этихъ нравственныхъ основаній были сильно расшатаны въ военныхъ поселеніяхъ. Поселяне не довѣряли своему

начальству, не уважали его и не любили; они только боялись его; но страхъ можно поддерживать лишь силой, а какъ только поселяне почувствовали что сила на ихъ сторонѣ, то дѣйствительно обратились въ стаю голодныхъ волковъ не дающихъ никому пощады.

Одновременно съ появленіемъ въ Петербургѣ, холера обнаружилась и въ поселеніяхъ. И тутъ, какъ тамъ, заговорили объ отравѣ, приписывая ее врачамъ и вообще „господамъ“. Говорятъ будто черноработій народъ, при началѣ болѣзни рванувшійся вонъ изъ Петербурга, проходя вблизи Новгородскихъ поселеній, внушилъ мысль объ отравителяхъ; едва ли это справедливо: поселенія 1й гренадерской дивизіи точно находятся вблизи большаго Московскаго тракта, но Старорусскія удалены отъ большихъ трактовъ, а тамъ именно и произошли первые въ поселеніяхъ безпорядки. Притомъ есть и свидѣтельства что при первыхъ распоряженіяхъ поселенскаго начальства для предупрежденія болѣзни возбудилось подозрѣніе поселянъ. Узнавъ что офицеры Австрійскаго полка (1й гренадерской дивизіи) собрались для совѣщаній о санитарныхъ мѣрахъ, разказываетъ очевидецъ, поселяне рѣшили что „гг. офицеры собрались для составленія подписки объ отравленіи поселянъ ядомъ“, черта весьма характеристическая.

Слухи о холерѣ производили тревогу и раздраженіе всюду куда они проникали. Въ Новгородѣ избили какого-то старика уронившаго по неосторожности въ Волховъ щепотку табаку; тамъ же избили одного проѣзжаго чиновника, который будто бы подсыпалъ отраву, прогуливаясь между столиками съѣстнаго рынка, пока перепрягали ему лошадей на станціи. Въ Старой Русѣ полицейскій чиновникъ вывезъ изъ города какого-то офицера, можетъ-быть закутившаго и просрочившаго въ отпуску, а народъ заговорилъ что поймали отравителя. Распаленное воображеніе народныхъ массъ легко питалось всевозможными слухами, и самаго слабаго толчка было довольно чтобы произвести взрывъ. Генералъ Мевесъ, начальствуя въ Старой Русѣ, вышелъ чтобъ успокоить толпу шумѣвшую по поводу мнимаго отравителя; одинъ пьяный горожанинъ ударилъ его въ это время сзади по головѣ... Толпа кинулась на Мевеса, и первая кровь была пролита. Тогда начальствомъ овладѣла паника; полицеймейстеръ, полковникъ Монжозъ, скрылся куда-то, но былъ отысканъ и убитъ....

Между тѣмъ о случившемся въ Старой Русѣ дано было

знать въ лагерь подъ Княжимъ Дворомъ, гдѣ находились въ то время войска Новгородскихъ военныхъ поселеній. Нѣсколько ротъ было приведено въ Русу; съ ними прибылъ и генералъ Леонтьевъ. Приведенныя имъ войска однимъ видомъ своимъ возстановили порядокъ; они расположены были бивуаками на улицахъ, съ орудіями заряженными картечью. Но солдаты находившагося въ Русѣ рабочаго поселеннаго баталіона, участвовавшіе въ безпорядкахъ, а также и мѣщане, вступая въ разговоры съ прибывшими солдатами, скоро склонили ихъ на свою сторону. Толпы поселянъ, не только городскихъ, но и окрестныхъ, собрались чтобы напасть на Леонтьева; для этого надо было перебраться черезъ Ловать, а мостъ защищенъ былъ артиллеріей. Солдаты рабочаго баталіона устроили переправу въ сторонѣ отъ этого моста. Мятежники переправились черезъ рѣку, и неожиданно напали на орудія съ тыла, въ виду пѣхоты, которая воткнула ружья штыками въ землю. Затѣмъ торжествующая толпа кинулась къ квартирѣ Леонтьева, котораго забили шомполами до смерти.

Одновременно съ этимъ вспыхнули возстанія въ разныхъ округахъ Старорусскаго поселенія, даже въ самомъ Княже-Дворскомъ лагерѣ: толпа поселянъ явилась осматривать лагерный обозъ и офицерскія палатки, отыскивая отраву, причемъ было перебито нѣсколько офицеровъ. Въ разныхъ мѣстахъ по дорогамъ, мостамъ и перевозамъ, выставлены были отъ поселянъ караулы, которые предавали истязаніямъ и смерти поселенскихъ офицеровъ, врачей, священниковъ и даже совершенно посторонныхъ лицъ смотрѣвшихъ „господами“.

Въ селѣ Залучьѣ, находившемся въ Старорусскомъ же поселеніи, была квартира полковника Малѣева, командира оной изъ артиллерійскихъ бригадъ. До тысячи поселянъ кинулись на это село, съ цѣлію захватить Малѣева; но они ошиблись; того кого они искали не было дома. Мятежники захватили его жену, двухъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, а также нѣсколько офировъ и ихъ семействъ, которые тутъ же подверглись всякаго рода насиліямъ и истязаніямъ. Узнавъ съ помощію этихъ истязаній что Малѣевъ отправился въ село Гадилово, чтобы собрать баталіонъ котораго была тамъ штабъ-квартира, они двинулись туда и окружили домъ баталіоннаго командира, требуя выдачи Малѣева. Не знаемъ подалъ ли этотъ послѣдній поселянамъ основательныя причины къ ненависти, но видимъ что онъ былъ по крайней мѣрѣ человѣкъ энергическій, качество обнаруженное

въ настоящихъ событіяхъ немногими поселенскими начальниками. Собравъ 11 человѣкъ солдатъ бывшихъ при домѣ баталіоннаго командира, онъ окружилъ ими денежный ящикъ и смѣло вышелъ на улицу. Толпа, повидимому не вооруженная, пропустила этотъ миніатюрный отрядъ, и только издали слѣдовала за нимъ, пуская камнями. — „Настала ночь, разказываетъ современникъ описываемыхъ событій Бороздинъ; Малѣевъ занялъ безопасное мѣсто на высокой стрѣлкѣ крутаго берега рѣки; поселяне окружили его цѣпью. За рѣкой гремѣлъ набатъ.... Ночью изъ-за рѣки переплылъ унтеръ-офицеръ съ 30 рядовыми, и утромъ подошла рота Львова. Тогда Малѣевъ началъ тѣснить бунтовщиковъ къ Залучью. Поселяне выставили спереди селенія четыре орудія и дали знать что если отрядъ подойдетъ къ селу, то все семейство полковника и офицеры будутъ повѣшены. Угрозы были напрасны. Артилерійскій офицеръ (кажется Воропановъ) съ охотниками скрытно пробрался къ селенію и отбилъ орудія, но самъ погибъ въ схваткѣ. Въ то же время Малѣевъ быстро бросился въ Залучье и выгналъ поселянъ.“

Итакъ если 11 человѣкъ хорошо вооруженныхъ, рѣшительныхъ, предводимыхъ храбрымъ офицеромъ, умѣвшимъ повидимому внушить имъ къ себѣ довѣріе, могли пройти сквозь селеніе занятое взбунтовавшеюся толпой и нѣсколько часовъ слѣдовать въ виду ея, то не трудно было бы подавить безпорядки, еслибы только всѣ поселенскіе начальники обладали такими же нравственными качествами какъ Малѣевъ. Это кажется тѣмъ вѣроятнѣе что среди самаго разгара мятежа не совершенно разрушены были основанія на которыхъ утверждаются гражданскія общества: г. Бороздинъ говоритъ что нѣсколько человѣкъ содержавшихся на гауптвахтѣ въ Залучьѣ, когда мятежники объявили имъ свободу, отвѣчали: „не вы насъ посадили, не вамъ и выпускать насъ“ *. Подобныя черты сознанія долга и законности встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ, въ другихъ случаяхъ этихъ кровавыхъ событій: вотъ задатки гражданственности которые слѣдовало бы воспитывать и развивать помощію строгой но честной и благоразумной дисциплины!

Впрочемъ мы не находимъ дальнѣйшихъ извѣстій о безпо-

* Пишущій эти строки самъ слышалъ отъ покойнаго Малѣева и его семейства разказъ приводимый г. Бороздинымъ.

рядкахъ въ Старорусскихъ поселеніяхъ. Знаемъ только что они обхватили большое пространство, волненія происходили не только въ этихъ поселеніяхъ, но и за ихъ чертой, между окольными ломѣщичьими крестьянами; возмущеніе распространилось съ одной стороны до Холма, а съ другой до Демянска. Но объ нихъ мы не находимъ связныхъ извѣстій въ лежащихъ предъ нами изданіяхъ. Гораздо связнѣе, отчетливѣе и подробнѣе эти извѣстія о безпорядкахъ происходившихъ къ сѣверу отъ Новгорода, особенно о бывшихъ въ округѣ полка имени императора Австрійскаго.

Австрійскій полкъ былъ поселенъ между Петербургскимъ шоссе и Волховомъ. За станціей Подбережье, верстахъ въ 15 не доѣзжая Новгорода, надо было своротить съ большаго тракта налѣво, на узенькое шоссе, которое, на разстояніи 6—7 верстъ, какъ натянутая струна, прорѣзываетъ низменную, печальную равнину и приводитъ къ полковому штабу. Этотъ штабъ расположенъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ Волхова; на противоположномъ, возвышенномъ берегу сооруженъ былъ крошечный казарменной архитектуры дворецъ, къ которому съ разныхъ сторонъ сходились обсаженныя березками шоссе. Въ началѣ іюля округъ былъ довольно пустыненъ, ибо два баталіона австрійскаго полка были въ походѣ, а третій находился въ лагерѣ при Княжемъ Дворѣ, такъ что на мѣстахъ оставались только тѣ поселяне изъ коренныхъ жителей которые составляли излишекъ противъ комплектнаго числа строевыхъ нижнихъ чиновъ. Но когда начались безпорядки въ Старорусскихъ поселеніяхъ и въ самомъ лагерѣ, войска оттуда были выведены, и въ числѣ ихъ баталіонъ Австрійскаго полка; а такъ какъ расположеніе къ мятежу обнаружилось главнымъ образомъ между бывшими крестьянами, то приказано было размѣстить этотъ баталіонъ по гумнамъ ротныхъ поселковъ своего округа, дабы не допускать сношеній съ остававшимися на мѣстѣ поселянами. Солдаты, возвратившись изъ лагеря, видѣли дома гдѣ жили ихъ семейства, но ихъ туда не пускали. Они роптали, но подчинились этому распоряженію безпрекословно. Между поселянами остававшимися на мѣстахъ также не обнаруживалось безпорядковъ, но умы были встревожены извѣстіями которыя приходили изъ Петербурга, Новгорода и Русы. Опасеніе отравы было общее.

Командиръ 2 роты Австрійскаго полка, капитанъ Зайкинъ, разказываетъ что 16го іюля, рано утромъ, выйдя посмотрѣть

какъ производится покосъ, онъ замѣтилъ что поселяне о чемъ-то съ волненіемъ разговариваютъ; часу въ одиннадцатомъ ему сказали что на Петербургскомъ шоссе поймали *шоссейнаго* унтеръ-офицера и какую-то женщину съ ядомъ. Капитанъ отправился взглянуть въ чемъ дѣло и увидѣлъ толпу поселянъ своей роты, которые вели пойманнаго шоссейнаго унтеръ-офицера, избитаго и связаннаго, вмѣстѣ съ женщиной. Поселяне утверждали что нашли на немъ ядъ, который онъ будто бы сыпалъ въ воду: оказалось что это было не что иное какъ хлористая известь, употребленіе коей предписывалось въ видахъ гигіены; но поселяне твердо стояли на томъ что они нашли причину холеры и никакъ не хотѣли отпустить своихъ плѣнниковъ. Заикинъ приказалъ бывшимъ съ нимъ нѣсколькимъ унтеръ-офицерамъ разогнать толпу, а самъ сталъ разспрашивать пойманныхъ. Но пока происходили эти разспросы, толпа окончательно вышла изъ повиновенія. „Я началъ самъ унимать поселянъ и болѣе дерзкихъ хотѣлъ ударить, но они прятались одинъ за другаго и дерзко кричали что не разойдутся“.—„И въ Новгородѣ“, шумѣли они, „не одинъ разъ ловили такихъ злодѣевъ; но губернаторъ ничего имъ не дѣлалъ и отпускалъ на волю“. Наконецъ одинъ изъ поселянъ крикнулъ: „Ведите ихъ въ ригу, — тамъ допросимъ“. Узы послушанія были порваны; но по крайней мѣрѣ поселяне не обнаруживали еще враждебныхъ чувствъ въ отношеніи Заикина, котораго вообще любили; когда же случайно явился на мѣсто происшествія баталіонный командиръ майоръ Баллашъ и началъ унимать непослушныхъ, то ему закричали: „убирайся, пока цѣлъ“.

Тревога быстро распространилась по ротнымъ поселкамъ; изъ ближайшихъ ротъ, поселяне кинулись во 2ю роту „выгонять холеру“,—кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто съ вилами въ рукахъ, кто съ желѣзнымъ шкворнемъ. Туда же поспѣшили многіе офицеры; пріѣхалъ въ кабріолетѣ и командовавшій полкомъ, подполковникъ Бутовичъ. Тогда произошла сцена, которую разкажемъ словами г. Заикина:

„Подполковникъ Бутовичъ, поздоровавшись съ поселянами, спросилъ, зачѣмъ собрались они такою толпой съ работы и, нарушая порядокъ, осмѣлились взять самовольно шоссейнаго унтеръ-офицера, и въ чемъ они его подозрѣваютъ? На это поселяне въ одинъ голосъ закричали: „Еслибы не поймали унтеръ-офи„цера, то никого бы въ живыхъ не осталось. Онъ намъ при-

„знался что у нихъ по всѣмъ казармамъ ядъ розданъ по при„казанію начальства и докторовъ.—Вотъ до чего дожили, что на„чальство вздумало насъ морить! говорили поселяне; да вотъ „ядъ, стало-быть всѣ подкуплены!“

„Подполковникъ Бутовичъ, разспросивъ унтеръ-офицера, сказалъ имъ: „То что̀ вы называете ядомъ, употребляется, напро„тивъ, съ пользой: это хлороватая известь, которою окурива„ются казармы и дома, для очищенія воздуха. Я самъ дѣ„лаю это.“

„На это поселяне отвѣчали: „Знаемъ мы эту окурку! какая „это окурка: она насквозь прожигаетъ; а по нашему это назы„вается мышьякъ.“

„Тогда Бутовичъ, обращаясь къ поселянину съ дерзкимъ видомъ подходившему къ нему, сказалъ:

„Молчать, мерзавецъ! Сегодня громко кричишь, но я те„бя проучу—завтра пойдешь сквозь строй!

„Только-что онъ договорилъ эти слова, какъ толпа двинувшись впередъ, закричала:

„Сквозь строй? кого? за что̀? пусть всѣхъ насъ гоняютъ „сквозь строй!

„Толпа подвигалась все ближе и ближе; глаза поселянъ сверкали, лица были блѣдны; во ртахъ виднѣлась пѣна.

„Стоявшіе сзади толкали на насъ переднихъ. Опасаясь за г. Бутовича, я толкнулъ ближайшихъ ко мнѣ и закричалъ: „Ти„ше, тише! что̀ вы осмѣливаетесь дѣлать?“ Но они не умолкая продолжали наступать. Вдругъ за нами раздался крикъ: „Вотъ „сама холера пріѣхала!“

„Взглянувши, я увидѣлъ штабъ-лѣкаря Богоявленскаго, котораго вели подъ руки на средину.

„Одни кричали: „*ура*!“ другіе: „Сюда, сюда его!“ Трудно было тогда удержать волненіе.

„Послѣ того закричали: „Говори, гдѣ у тебя ядъ!“

„И толпа, съ поднятыми руками вооруженными творилами и вилами, бросилась къ Богоявленскому.“

Все это происходило на гумнѣ второй роты. Капитанъ Зайкинъ остался невредимъ; Бутовичъ вырвался благополучно на сей разъ изъ толпы; но лѣкарь Богоявленскій былъ избитъ на смерть. Поселяне знали что наканунѣ собирались на квартирѣ полковаго командира офицеры; это было сдѣлано во исполненіе полученнаго предписанія, для опредѣленія мѣръ предосторожности отъ холеры, и всѣ присутствовавшіе подписались подъ протоколомъ сдѣланнаго ими постановленія. Вѣроятно чрезъ деньщиковъ до свѣдѣнія поселянъ дошли вѣсти объ этомъ совѣщаніи и объ этихъ рукоприкладствахъ, а поселяне вообразили что офицеры дѣлали между собою подписку о томъ чтобъ отравлять простой народъ; несчастный Богоявленскій участвовалъ

въ качествѣ врача въ этомъ совѣщаніи, а потому его подвергли истязаніямъ чтобъ открыть кто именно былъ и подписывался наканунѣ на квартирѣ Бутовича. Истерзанный медикъ написалъ сколько могъ припомнить именъ. На счастіе Заикина, онъ пропустилъ его фамилію, почему нѣкоторые изъ поселянъ подходили къ сему послѣднему и говорили что онъ имѣетъ „простую душу“. Пользуясь этимъ, Заикинъ пробовалъ уговаривать ихъ и дать имъ понять какой отвѣтственности они подвергаются. Но поселяне крѣпко стояли на томъ что они спасаютъ все населеніе, истребляя отравителей. „Нѣтъ мѣста, говорили они, гдѣ не было бы отравы; весь хлѣбъ въ магазинахъ отравленъ. Страшно подойти къ колодцамъ: куда ни подойдешь, вездѣ думай о смерти! И отъ кого? Отъ начальниковъ!“

Пока все это происходило близъ риги и на площади 2й роты, Бутовичъ пробрался къ гумнамъ, гдѣ расположена была одна изъ новоприбывшихъ изъ лагеря ротъ. Онъ вызвалъ ее въ ружье и поздоровался съ людьми: они не отвѣтили. Не взирая на этотъ весьма не двусмысленный признакъ, Бутовичъ сталъ говорить солдатамъ что они должны привести въ повиновеніе поселянъ второй роты, и что онъ позволяетъ имъ, если нужно, сдѣлать по мятежникамъ нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ. На эти слова солдаты отвѣчали глухимъ ропотомъ и требованіями чтобъ ихъ распустили по домамъ, потому де „что насъ здѣсь отравятъ“. Всѣ находились подъ вліяніемъ неописанной паники!... Между тѣмъ по слѣдамъ Бутовича прибѣжала часть шумѣвшихъ поселянъ и, услышавъ слова его о выстрѣлахъ, кинулась на него, сорвала эполеты и поволокла въ ригу, гдѣ уже лежалъ полумертвый Богоявленскій. Солдаты не шевельнулись при этомъ; ни одинъ солдатъ не пошевельнулся и тогда когда ротный командиръ, выхвативъ у кого-то ружье, крикнулъ: „за мной“ и кинулся было на выручку къ своему начальнику. Рота не шевельнулась и тогда когда ея командиръ былъ схваченъ поселянами и увлеченъ въ ригу, куда между тѣмъ притащили командира 4й роты....

Неопредѣленные, но въ высшей степени тревожные слухи о томъ что происходило во 2й ротѣ не замедлили распространиться по всему округу. Они дошли и до того инженернаго офицера, Панаева, имя котораго уже не разъ было приведено здѣсь. Это былъ человѣкъ находчивый, рѣшительный, но въ то же время осторожный и притомъ пользовавшійся между поселянами хорошею репутаціей. Онъ рѣшился отправиться ко

взбунтовавшимся поселянамъ и, если возможно, успокоить ихъ. Увидѣвъ на ротной площади толпу человѣкъ въ 300, вооруженныхъ кольями, шкворнями, ломами, и сдѣлавъ видъ что не понимаетъ что̀ это значитъ, онъ спросилъ у нихъ спокойнымъ голосомъ, гдѣ ихъ офицеры?

— Вонъ тамъ лежатъ, мрачно отвѣчали ему, указывая на ригу.

— Какъ лежатъ?

— Да такъ; положили, такъ и лежатъ.

При этомъ нѣсколько голосовъ въ толпѣ выразили мнѣніе что надо бы то же сдѣлать и съ нимъ самимъ, Панаевымъ.

— Слышно, сказалъ кто-то,—что два какіе-то генерала стрѣляли по государю на Исакіевской площади: такъ государь приказалъ ихъ всѣхъ бить.

Эти слова дали Панаеву понятіе объ опасности на которую онъ наѣхалъ; но они же дали ему понять и какой тактики ему слѣдуетъ держаться.

— Приказанія государя надо исполнять, сказалъ онъ;—но ты самъ ли слышалъ какъ государь это приказывалъ?

Утвердительнаго отвѣта разумѣется не послѣдовало. Панаевъ сталъ говорить поселянамъ что если ихъ начальники осмѣливаются идти противъ воли государевой, то не худо бы кажется послать о томъ донесеніе государю съ особыми выборными; что государь накажетъ своихъ ослушниковъ и накажетъ чрезъ палача. Притомъ, говорилъ Панаевъ, убить одного виноватаго не долго, но кто же послѣ откроетъ его сообщниковъ и подстрекателей? Видя что эти слова производятъ впечатлѣніе, Панаевъ сказалъ что такъ ли, иначе ли, а безъ начальства нельзя быть и объявилъ что если люди согласны, то онъ будетъ у нихъ начальникомъ.

Въ отвѣтъ на эту искусную рѣчь толпа загудѣла на разные лады. Большинство, казалось, относилось къ ней одобрительно, но нѣкоторые говорили: „Не слушайте его, кладите всѣхъ наповалъ!“ Иные доходили до того что говорили: „не надо намъ и государя“. Но послѣдними словами Панаевъ поспѣшилъ воспользоваться.

— Какъ, разбойники! крикнулъ онъ:—Кто осмѣлился возстать на государя?... Ребята, кто вѣренъ государю, кричите *ура!*

И только грянуло *ура*, какъ дѣло было спасено. *Умѣренныхъ* оказалось гораздо больше чѣмъ *радикаловъ*; они собрались вокругъ своего импровизованнаго начальника и образовали ту силу на которую онъ опирался до самаго конца возмущенія.

Онъ уговорилъ бывшихъ съ нимъ поселянъ выдать ему избитыхъ начальниковъ, о злодѣйствѣ коихъ онъ вызывался, какъ новый начальникъ округа, донести государю; но когда они вмѣстѣ подошли къ ригамъ, то увидѣли новую толпу изъ другихъ ротъ, которая волокла двухъ убитыхъ ими офицеровъ. Панаевъ еще разъ сталъ убѣждать поселянъ чтобъ они не выходили изъ повиновенія Государю, а отправили бы въ Петербургъ выборныхъ съ прошеніями. Обсужденіе этого вопроса нѣсколько охладило головы буяновъ; двухъ еще приведенныхъ офицеровъ уже не убили, но выдали Панаеву. Между тѣмъ прошло извѣстіе что 3я рота тащитъ на веревкѣ своего командира. Панаевъ кинулся къ ней и объявилъ себя выбраннымъ начальникомъ. Новоприбывшіе оказали было сопротивленіе, но люди окружавшіе Панаева, во имя Государя, поддержали его и вырвали чуть живаго впрочемъ командира 3й роты изъ рукъ его подчиненныхъ. Едва кончился этотъ эпизодъ, какъ на шоссе показались три роты баталіона пришедшаго изъ лагеря, и впереди ихъ майоръ Баллашъ. Панаевъ вообразилъ что это идетъ къ нему подкрѣпленіе, но оказалось что солдаты вели своего командира на убой. Однако Панаевъ не потерялся. Онъ скомандовалъ ротамъ *стой*, и объяснивъ что выбранъ поселянами поддерживать Государеву правду, приказалъ крикнуть *ура*. Роты крикнули, а майоръ отправленъ былъ Панаевымъ подъ конвоемъ на гауптвахту.

Волненіе нѣсколько успокоилось. Наскоро переговоривъ съ офицерами о настроеніи умовъ пришедшихъ ротъ, Панаевъ узналъ что собственно солдаты не обнаруживаютъ раздраженія противъ своихъ начальниковъ, но тѣ которые поступили изъ мѣстныхъ кантонистовъ весьма не надежны. Необходимо было слѣдовательно отдѣлить и обезоружить ихъ. Панаевъ сдѣлалъ это очень искусно: онъ вызвалъ ихъ впередъ, приказалъ составить ружья въ козлы и отпустилъ ихъ по домамъ, а изъ старыхъ солдатъ нарядилъ нѣсколько карауловъ на наиболѣе важные пункты и между прочимъ на гауптвахтѣ полковаго штаба, гдѣ находились арестованные офицеры. Въ полковой же штабъ отправлены были ружья распущенныхъ кантонистовъ, а баталіонное знамя отослано съ обычнымъ церемоніаломъ въ квартиру новаго начальника. Барабанъ загрохоталъ, раздались отрывистыя слова команды, строй двинулся отбивая тактъ ногой.... Все это должно было прохладительно дѣйствовать на поселянъ и импонировать имъ. По приказанію Панаева они

занялись выборомъ депутатовъ для отправленія въ Петербургъ, а онъ между тѣмъ назначилъ новыхъ ротныхъ командировъ на мѣсто убитыхъ и отобралъ изъ числа самыхъ благонадежныхъ поселянъ 24 человѣка чтобы находиться при немъ для разсылокъ, и сверхъ того 12 стариковъ въ члены комитета подъ своимъ предсѣдательствомъ для управленія общественными дѣлами. Всѣ эти мѣры до такой степени успокоили и отрезвили поселянъ что когда одинъ офицеръ лежавшій въ ригѣ замертво, очнувшись, пустился было на утекъ, то его не убили, а отдали новому начальнику для отправленія на гаулътвахту. Въ заключеніе Панаевъ, увидѣвъ священника проѣзжавшаго мимо 2й роты, остановилъ его, приказалъ достать образъ, и привесъ бунтовщиковъ къ присягѣ въ томъ что они будутъ служить Государю вѣрой и правдой, а буйствовать не станутъ. Тогда только этотъ поистинѣ замѣчательный офицеръ отправился домой, въ сопровожденіи своихъ 24хъ тѣлохранителей.

Онъ возвратился въ полковой штабъ поздно вечеромъ и, найдя здѣсь кучку поселянъ которые хозяйничали въ офицерскихъ квартирахъ, прекратилъ эти безпорядки съ помощію своего конвоя.

Давъ депутатамъ назначеннымъ въ Петербургъ билеты и денегъ на дорогу и оставшись наконецъ одинъ, Панаевъ счелъ необходимымъ послать донесеніе обо всемъ случившемся къ начальнику Новгородскихъ и Старорусскихъ поселеній, генералу Эйлеру, прося о присылкѣ войскъ, такъ какъ мѣстная сила на которую онъ опирался была, очевидно, слишкомъ ненадежна. Онъ написалъ также къ командирамъ двухъ вблизи расположенныхъ рабочихъ баталіоновъ, предлагая имъ собрать своихъ людей и прибыть къ нему въ округъ немедленно. Эти бумаги Панаевъ отправилъ ночью съ людьми на преданность которыхъ надѣялся; но подозрительные поселяне подкараулили посланныхъ, и явившись утромъ къ своему начальнику съ кольями и даже ружьями, грозно спрашивали отчета, „почему онъ пишетъ къ Нѣмцамъ?“ Повидимому содержаніе писаннаго осталось имъ неизвѣстнымъ, а потому Панаевъ безъ большаго труда убѣдилъ поселянъ что Эйлеръ хоть и Нѣмецъ, но изъ генераловъ еще не разжалованъ, и что, слѣдовательно, должно „отдавать ему честь и считать начальникомъ“.

Между тѣмъ анархія распространилась по всѣмъ окрестностямъ. Принимая, вѣроятно, Панаева за нѣчто въ родѣ Пугачева, нѣсколько человѣкъ изъ рабочихъ баталіоновъ пришли

къ нему съ предложеніемъ арестовать своихъ начальниковъ и разобрать по рукамъ баталіонную казну. Изъ Прусскаго полка, смежнаго съ Австрійскимъ, поселяне привели двухъ офицеровъ, которые пробирались въ Новгородъ. Кредитъ Панаева усиливался, и онъ дѣлалъ все возможное чтобы поднять его. Замѣтивъ что церемоніалъ относа въ штабъ баталіоннаго знамени произвелъ впечатлѣніе, онъ сочинилъ на слѣдующее утро другой церемоніалъ, — перенесенія на свою квартиру полковой казны и грамоты на пожалованіе полку земель; опять гремѣлъ барабанъ, маршировали солдаты, караулъ отдавалъ честь; офицеры выходили въ мундирахъ и шарфахъ. Но одно обстоятельство едва не скомпрометтировало Панаева въ концѣ; узнавъ что въ одной ротѣ оказалось много пороху, и что нѣкоторые поселяне хотятъ подорвать имъ офицерскія помѣщенія, онъ уговорилъ ихъ отказаться отъ этого намѣренія, и отправить порохъ въ Новгородъ, такъ какъ взрывъ де разрушитъ и поселенскія связи. Къ несчастію, лодка которая везла этотъ порохъ была задержана однимъ изъ Волховскихъ пароходовъ и люди при ней бывшіе арестованы. Много труда стоило Панаеву увѣрить поселянъ что это не было ловушкой съ его стороны и „еслибы, говоритъ онъ, не знамя бывшее въ моихъ рукахъ, которое въ случаѣ какого-либо насилія я обѣщалъ сжечь, тогда дѣло было бы плохо“.

Такимъ образомъ авторитетъ Панаева удержался. Онъ оказалъ полезное вліяніе и на сосѣдственныя мѣстности. Въ Прусскомъ полку, подобно Австрійскому, бунтовщики утвердились на томъ что они изъ повиновенія государю не выходятъ, и если истребляютъ своихъ офицеровъ, то лишь потому что на то де воля государева; они также признавали что начальство, хоть и другое, необходимо; по этому Прусскіе поселяне выбрали себѣ въ начальники, по примѣру своихъ сосѣдей, инженеръ-капитана Костирева. Панаевъ открылъ съ этимъ послѣднимъ сношенія какъ съ власть имѣющимъ. Начальникъ лѣсопильнаго завода находящагося на Волховѣ, насупротивъ Австрійскаго полковаго штаба, явился къ Панаеву какъ къ своему начальнику. Такимъ образомъ изъ хаоса начинала вырабатываться какая-то организація. Получивъ донесеніе что нѣсколько буяновъ ворвались въ помѣщеніе дивизіоннаго начальника (бывшаго въ походѣ), Панаевъ послалъ своихъ тѣлохранителей взять ихъ, и буяны были приведены и получили извѣстное число ударовъ палками; а когда они жаловались что выборному

начальнику не слѣдовало бы постулать такъ строго, то своя же братья объясняла имъ: „на то и начальникъ чтобы за нами смотрѣть: безъ начальника жить нельзя“....

Не взирая на все это, Панаевъ чувствовалъ себя не на розахъ. Одинъ фальшивый его шагъ, одинъ искусный толчокъ съ противной стороны,—и признаки установившагося порядка могли разлетѣться какъ прахъ. Изъ Петербурга нельзя было ожидать поддержки ранѣе нѣсколькихъ дней, но изъ Новгорода можно было, какъ говорится, рукой подать до Австрійскаго округа: а между тѣмъ оттуда не получалось никакихъ распоряженій, и войска выдвинутыя было изъ Новгорода остановились въ виду городской заставы. Полагаютъ что и генералъ Эйлеръ и новгородскій губернаторъ Денферъ совершенно растерялись и ожидали нападенія на самый Новгородъ. Оба эти начальника въ самомъ дѣлѣ точно будто исчезли съ началомъ безпорядковъ. Неспособность ихъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; * а между тѣмъ не видя ихъ нигдѣ, подчиненные имъ начальники смущались, а солдаты недоумѣвали и поддавались внушеніямъ поселянъ. Въ ночь на 18е іюля изъ отряда расположеннаго въ виду Новгорода явилось къ Панаеву нѣсколько человѣкъ съ предложеніемъ выдать ему своихъ начальниковъ. Изъ самаго Новгорода приходили ночью мѣщане къ поселянамъ и о чемъ-то было у нихъ совѣщаніе; замѣченъ былъ вблизи штаба какой-то „фрачникъ“—экземпляръ столько же рѣдкій въ поселеніяхъ, какъ бѣлый слонъ.

Все это не предвѣщало добра. И точно, утромъ 18го числа поселяне пришли къ Панаеву съ требованіемъ чтобъ онъ велъ ихъ на Новгородъ. Умы были сильно возбуждены; толки объ отравѣ возобновились съ новою силой. Кто-то утверждалъ что

* По этому поводу находимъ въ разказѣ Панаева слѣдующее чрезвычайно характеристическое извѣстіе: „Я ждалъ ежечасно, говоритъ онъ, помощи изъ города, и когда наступилъ вечеръ, то я получилъ секретный конвертъ изъ отряднаго дежурства, подписанный, по отсутствію генерала Эйлера, какимъ-то аудиторомъ. Дежурство дѣлаетъ мнѣ выговоръ что ему въ 4 часа пополудни вчерашняго дня было извѣстно о безпорядкахъ происшедшихъ въ округѣ, но донесеніе мое получено лишь сегодня поутру въ 6 часовъ, а потому строжайше рекомендуетъ доносить ежедневно, по пробитіи вечерней зари, о благополучіи округа; о случившихся же чрезвычайныхъ происшествіяхъ доносить съ нарочнымъ въ то же время и, въ случаѣ несоблюденія сего, имѣю подвергнуться строжайшему взысканію по законамъ.“

нѣсколько человѣкъ пошедшихъ было послѣ бани въ рѣку, „лишь только вступили въ воду, то ноги почернѣли покуда хватила вода.“ Толпа приходила въ раздраженіе отъ этого разказа. По счастію, нелѣпость его давала легкое средство извлечь изъ него выгоду. „Я, говоритъ Панаевъ, послалъ въ баню и велѣлъ привести этихъ людей, которымъ приказалъ снять сапоги и, какъ ноги у нихъ были красныя, то я тѣхъ кои разказывали приказалъ наказать розгами.“ Наказаны они были немного, но это возбудило насмѣшки надъ ними и произвело слѣдовательно хорошее впечатлѣніе. Но безчинства возобновлялись отъ времени до времени; оказывалось много пьяныхъ, а это было всего опаснѣе. Впрочемъ людямъ находящимся въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ какъ Панаевъ нерѣдко помогаетъ случай. Такъ было и теперь. Въ ночь на 18е число, одинъ кондукторъ ѣхалъ куда-то въ кабріолетѣ Бутовича. Кому-то показалось что это ѣдетъ самъ покойникъ; страшное извѣстіе пронеслось по всему округу, и народъ струсилъ не на шутку; нѣсколько поселянъ явилось въ церковь чтобъ отслужить паннихиду. Такимъ настроеніемъ Панаевъ поспѣшилъ воспользоваться и распорядился чтобъ изъ сосѣдняго монастыря принесена была чудотворная икона и отслуженъ предъ нею молебенъ объ избавленіи отъ холеры. Это подѣйствовало, но не на всѣхъ; предъ самымъ молебномъ Панаевъ обратился къ одному старику, приглашая его растолковать народу какъ нелѣпы толки объ отравѣ, но получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

— Что тутъ говорить! для дураковъ ядъ да холера; а намъ надобно чтобы вашего дворянскаго козьяго племени не было.

Радикалы подобные этому старику производили сильную агитацію.

Послѣ молебствія толпа окружила Панаева и хотя не позволила себѣ въ отношеніи его ни оскорбленій, ни угрозъ, но напрямки заявила что не довѣряютъ ему болѣе. Тогда онъ, съ своей стороны, объявилъ что слагаетъ съ себя начальство.

Возвратившись домой, онъ не нашелъ уже знамени на своей квартирѣ; оно было взято въ его отсутствіе, а денежный ящикъ оставленъ безъ караула; кучка самыхъ задорныхъ головорѣзовъ буянила въ самомъ полковомъ штабѣ.

Во второй ротѣ собралась сходка для выбора новаго начальника. Предложенъ былъ какой-то поселянинъ, но старые солдаты ни за что не соглашались подчиниться „лапотнику“, а

требовали человѣка „который проливалъ кровь за вѣру и царя“. Между бунтовщиками произошелъ явный разладъ. Умѣренные, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, оставались пассивными; мятежъ начиналъ принимать болѣе опасный характеръ, ибо во главѣ его очутились самые *красные*; но за то это была и самая безпорядочная, наименѣе организованная часть поселянъ; отъ нея можно было ожидать величайшихъ неистовствъ, но за то нѣсколько десятковъ хорошо вооруженныхъ солдатъ легко могли бы съ нею справиться. Къ несчастію войска выступавшія было изъ Новгорода не подвигались, а потому неистовства 16го іюля грозили возобновиться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; къ самому Панаеву начинали приступать, требуя объясненія почему не возвращаются делутаты посланные въ Петербургъ, про которыхъ думали, очевидно, что Панаевъ отдалъ ихъ на жертву.... Но Панаевъ и самъ опасался луще всего чтобъ ихъ не арестовали въ Петербургѣ, потому что тогда, при бездѣйствіи мѣстныхъ властей, мятежъ могъ принять самые страшные размѣры. Но они не замедлили возвратиться. Они разказывали на міру что государь благодарилъ ихъ за истребленіе своихъ злодѣевъ, но разказы ихъ съ глазу на глазъ были совершенно иного свойства и, быстро облетѣвъ округа, привели поселянъ въ смущеніе. Съ тревогой стали они ожидать „довѣреннаго государева генерала“ который скакалъ вслѣдъ за ними. Нѣсколько человѣкъ еще хорохорились, но такихъ было очень немного. Въ эту минуту снова выступаетъ Панаевъ, но уже какъ уполномоченный законною властью начальникъ и какъ посредникъ между нею и сбившимся съ толку народомъ. Онъ распорядился встрѣчей графа Орлова, представилъ ему строевой рапортъ и въ словесныхъ объясненіяхъ съ нимъ сдѣлалъ все возможное чтобы несчатное дѣло въ которомъ ему пришлось играть такую важную роль не показалось въ преувеличенномъ видѣ.

Мы не станемъ разказывать печальную исторію слѣдствія и суда надъ мятежными посслянами. Притомъ это слѣдствіе и этотъ судъ находились внѣ вліянія Аракчеева, и не могли бы ничего прибавить къ тому что насъ занимаетъ въ настоящемъ случаѣ. Да и что разказывать? Исторія извѣстная: шпицрутены, вопль, гніющія раны.... Конечно, леселяне нарушили законъ и слѣдовательно должны были подвергнуться наказанію и наказанію тѣмъ болѣе строгому что виновные считались людьми военнаго званія; справедливо и то что исторія

военныхъ поселеній не есть единственная исторія облитая кровью и слезами, что кровью и слезами смоченъ каждый шагъ пройденный человѣчествомъ; но ужасно то что всѣ эти страданія и жертвы не были вызваны серіозною необходимостію, что дѣло во имя котораго были принесены всѣ эти жертвы не было даже основательно обдумано въ свое время, что система военныхъ поселеній была столько же несостоятельна съ государственной точки зрѣнія, сколько антилатична духу Русскаго народа!...

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЧИНОВНИКУ-ЛИБЕРАЛУ

ОТЪ

МИРНАГО ОБЫВАТЕЛЯ

(Фантазія.)

Хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то же.
Крыловъ. (Басня: *Крестьянинъ и Змѣя.*

Какъ хочешь, братъ, а мы живемъ
Во дни волшебныхъ превращеній;
Какой-то магъ иль добрый геній
Своимъ невидимымъ жезломъ
Съ плеча безъ устали махаетъ,
Всему давая новый видъ.
Онъ дряхлыхъ старцевъ молодитъ,
Волковъ въ овечекъ превращаетъ,
Воронъ и галокъ—въ соловьевъ,
И самыхъ явныхъ дураковъ
Гражданскимъ смысломъ надѣляетъ.
Ужъ много лѣтъ какъ я гляжу
На всѣ метаморфозы эти,—
И мнѣ сдается что сижу

Я въ фантастическомъ балетѣ;
Сижу, гляжу, а предо мной,
Подъ громы музыки лихой
И при бенгальскомъ освѣщеньи,
Мелькаютъ быстро превращенья.
Да, другъ сердечный, мы живемъ
Во дни волшебные. Не такъ ли?
Какъ декораціи въ спектаклѣ,
Вдругъ измѣнилось все кругомъ!
Порядки, нравы, учрежденья,
Поступки, рѣчи, убѣжденья,
Стремленья, мысли и мечты
Все измѣнилось.... Даже ты
Пріялъ печать преображенья.
Злыхъ бюрократовъ идеалъ
Ты сталъ открытымъ либераломъ,
Ты, кто предъ каждымъ генераломъ,
Какъ дѣва, взоры потуплялъ!
Ты либераломъ сталъ!! Ты самъ!!!
О, баснословное явленье!...
Ну какъ не вѣрить чудесамъ
Въ виду такого превращенья?!
Какъ не принесть благодаренья
Смягчившимъ гнѣвъ свой небесамъ!
Хоть о твоемъ преображеньи
Давно ужь слухъ вездѣ гремѣлъ,
Но я все вѣрить не хотѣлъ,
Все напрягалъ воображенье,
Чтобы знакомый образъ твой—
Санктпетербургскій дѣловой,
Казенный, форменный, „похвальный“
Представить въ позѣ либеральной,
Но какъ ни бился, все не могъ.
Да и могло ли быть иначе?
Я знаю вдоль и поперегъ
Твою натуру; ты подъячій—
Подъячій съ головы до ногъ.
Начальства стараго отрада,
Прямое чадо Петрограда,
Его посильный, милый даръ,
Его продуктъ, его товаръ,

Ты съ юныхъ лѣтъ постигъ искусство
Къ начальству въ душу заползать—
На всѣ слова свои и чувства
Казенный штемпель налагать.
Я помню, помню очень живо,
Когда ты такъ краснорѣчиво
Хвалилъ до слезъ и плеть, и кнутъ,
И крѣпостной пріятный трудъ;
Когда доказывалъ такъ ясно
Что и безбожно и опасно
Ввести въ Россіи гласный судъ;
Когда плѣнялся откупами,
И громоносными рѣчами
Плоды науки поносилъ,
Какъ проявленье адскихъ силъ.
Тебя начальство полюбило:
Оно, дивясь твоимъ рѣчамъ,
Съ надеждой сладкой говорило
Что ты уменъ не по лѣтамъ.
Но этотъ отзывъ благосклонный
Всего ты больше заслужилъ
Своей спиной низкопоклонной:
Сей частью тѣла ты служилъ
Съ такою ревностью похвальной,
Во славу родины святой,
Что порѣшилъ начальникъ твой
Что ты чиновникъ идеальный,
Что ты работаешь какъ волъ,
Что по уму ты просто геній,—
И быстро въ гору ты пошелъ
Путемъ гражданскихъ повышеній.
И точно былъ ты идеалъ
Дѣльцовъ, но высшаго полета:
Ты только издали видалъ
Что значитъ дѣло и работа.
И было некогда тебѣ
Заняться пристально дѣлами:
Ты постоянно былъ въ ходьбѣ,
Вертясь у старшихъ предъ глазами,
И не зналъ иныхъ заботъ,
Какъ только бѣгать взадъ-впередъ,

Таская портефель огромный,
Отъ кабинета до пріемной
И изъ пріемной въ кабинетъ.
И такъ ты бѣгалъ двадцать лѣтъ!
А дѣло дѣлали другіе—
Плебеи, хамы дѣловые:—
Ты только руку прилагалъ
И на чужой рабочей выѣ
Передъ начальствомъ выѣзжалъ.
И былъ ты мастеръ на парады—
Начальству пыль въ глаза пускалъ,
Какъ Цицеронъ, ты велъ доклады,
А потому всегда хваталъ
Чины и жирные оклады.
Таковъ твой былъ гражданскій цвѣтъ,
Твой неуклонный путь служебный
Тому назадъ шестнадцать лѣтъ,
Но геній съ палочкой волшебной
Однажды ночью, будто тать,
Къ тебѣ пролѣзъ, тебя коснулся,—
И вдругъ твой мозгъ перевернулся:
Ты консерваторомъ легъ спать,
А реформаторомъ проснулся.
Ты всю семью перепугалъ
Своимъ нежданнымъ обращеньемъ:—
Лишь только ты съ постели всталъ,
Какъ заревѣлъ съ остервенѣньемъ
Про судъ присяжныхъ и прогрессъ....
Твоя супруга ужасалась
Тебѣ внимая: ей казалось
Что кто-нибудь въ тебя залѣзъ,
Что изъ тебя, какъ изъ болвана,
Какой-нибудь профессоръ съ льяна
Начальство дерзко порицалъ
И о реформахъ порицалъ.
Твои слова ей дики были
И даже думала она
Что ей на зло, во время сна
Тебя родные подмѣнили.
И странно: сей переворотъ
Въ твоемъ мозгу въ тотъ самый годъ,

Въ тотъ самый день и часъ случился,
Когда начальникъ старый твой
Вдругъ, по болѣзни, удалился
Со службы царской на покой.
Текли года и съ ними вмѣстѣ
Воды довольно утекло....
Тебѣ попрежнему везло.
И вотъ ко мнѣ приходятъ вѣсти
Что ты на новомъ важномъ мѣстѣ
И что, подъ бременемъ наградъ,
Оставивъ шумный Петроградъ,
Ты, какъ центральной власти око,
Среди провинціи далекой
Благіе подвиги творишь—
По правдѣ вяжешь и рѣшишь.
Твои друзья кричали всюду
Что ты правитель, просто чудо:
Что ты сталъ мудръ, какъ Соломонъ,
Что цѣлый край въ тебя влюбленъ,
Что ты отецъ для подчиненныхъ,
Покровъ и щитъ для угнетенныхъ,
Что область просто процвѣла
Съ тѣхъ поръ какъ ты ведешь дѣла;
Что ты устроилъ для народа
Не жизнь, а медленный восторгъ,
И что такая тамъ свобода,
Какой не видывалъ Нью-Йоркъ.
Таковъ былъ гласъ молвы летучей
О чудныхъ подвигахъ твоихъ;
Но, наконецъ, мнѣ выпалъ случай
И самому взглянуть на нихъ.
Въ той самой области счастливой
Что̀ геній твой нетерпѣливый
Вдругъ обратилъ въ Эдемскій садъ,
Лѣтъ пять иль шесть тому назадъ
Въ одномъ изъ храмиковъ Ѳемиды
Случилось дѣло у меня;
Его бы кончили въ три дня,
Безъ притѣсненій и обиды
И для меня, и для другихъ:
По всѣмъ инстанціямъ, проворно,

Какъ по дорогѣ гладкой, торной,
Оно прошло на почтовыхъ,
И, наконецъ, къ тебѣ попало—
Къ тебѣ, мудрѣйшій изъ судей,—
И въ канцеляріи твоей
На вѣки вѣчные застряло.
И много лѣтъ я хлопоталъ:
Во всѣ суды, во всѣ правленья
Писалъ я слезныя прошенья.
И къ самому тебѣ писалъ,
Писалъ не разъ—писалъ разъ двѣсти,
И что жъ? Ни грамотки, ни вѣсти
Ни отъ кого не получалъ.
И, потерявъ совсѣмъ терпѣнье,
На быстрой тройкѣ почтовой
Я прискакалъ въ твои владѣнья,—
И.... и поникнулъ головой,
Узрѣвъ повсюду предъ собой
Роскошный видъ столпотворенья.
Да, я увидѣлъ, наконецъ,
Такой блестящій образецъ,
Такой свободы безпримѣрной,
Какой ни Брутъ, ни Коллатинъ,
Ни Гарибальди, ни Франклинъ,
Не пожелали бы навѣрно
Для блага родины святой:
Они всѣ дѣти предъ тобой!
Чтобъ въ этомъ ясно убѣдиться
И чтобъ войти въ твой кругъ идей,
Мнѣ только стоило пройтиться
По канцеляріи твоей,
Куда за справкой я явился:
Тамъ мнѣ представилось—ей, ей—
Что по оплотности своей
Я какъ-нибудь съ дороги сбился—
Ошибся улицей, крыльцомъ—
И межь безумныхъ очутился,
Попавши въ сумасшедшій домъ.
Лишь только я передъ собою
Дверь изъ передней отворилъ,
Меня чуть съ ногъ не повалилъ

Табачный дымъ, густой волною
Какъ изъ мортиры онъ пахнулъ:
Я пошатнулся и чихнулъ.
Твоихъ чиновниковъ почтенныхъ,
Писцовъ и даже сторожей
Засталъ я сильно углубленныхъ
Въ міръ политическихъ идей;
Предъ ними дѣлъ твоихъ правитель,
Новѣйшей школы либералъ,
Актрисъ губернскихъ покровитель,
Съ великимъ пафосомъ читалъ
Листокъ какой-то заграничный,
Гдѣ авторъ бранью неприличной
Россію-матушку ругалъ
И увѣрялъ краснорѣчиво
Что лишь тогда стезей счастливой
У насъ въ отчизнѣ всѣ пойдетъ,
И поумнѣетъ нашъ народъ,
И просвѣщенье разовьется,
Когда Россія распадется,
По предписанію властей,
На сто четырнадцать частей,
И что для насъ одно спасенье
Въ семъ благодатномъ разрушеньи.
Что все измѣнится тогда
Подъ знаменемъ Россіи юной,
Вездѣ устроятся коммуны
И вмигъ исчезнутъ безъ слѣда
Всѣ язвы жизни современной:
И власть, и собственность, и бракъ,—
И мы засвѣтимъ для вселенной
Свободы истинной маякъ....
И декламируя брошюру,
Официальный либералъ,
Не знаю, съ умысломъ иль съ дуру,
Во всеуслышанье оралъ.
Меня замѣтивъ, онъ свободно
И не женируясь спросилъ:
— Кто вы такой? Что вамъ угодно?
Но только я заговорилъ,
Меня онъ тотчасъ перебилъ:

— Вы говорите очень мило....
Я вамъ помочь душевно радъ...
Но сколько дней тому назадъ
Къ намъ ваше дѣло поступило?
— У васъ пять лѣтъ лежитъ оно!...
— Уже пять лѣтъ... Ахъ, какъ давно!...
И вы, почтеннѣйшій, хотите
Такую вѣтошь подымать....
Кто жь будетъ вамъ его искать?!
У насъ нѣтъ времени.... Подите!...
— Но вѣдь у васъ, конечно, есть
Всегда реестръ дѣламъ входящимъ —
Вы справку можете навесть....
Сказалъ я голосомъ дрожащимъ,
Уже предчувствіемъ томимъ,
Какъ предъ ударомъ роковымъ,
Но только я единымъ словомъ
Задѣлъ „реестръ входящихъ дѣлъ“,
Какъ дружнымъ хохотомъ громовымъ
Весь людъ чиновный заревѣлъ.
Всѣ долго, сильно хохотали,
А всѣхъ сильнѣе сторожа—
И стекла въ рамахъ дребезжали
Подъ гуломъ хохота дрожа.
Затѣмъ правитель либеральный,
Съ улыбкой важной и нахальной,
Закинувъ голову назадъ,
Мнѣ вдругъ сказалъ:—Вы ретроградъ!
Сказать иначе—вы престранный
И преотсталый человѣкъ,
Скажите, можно ли въ нашъ вѣкъ,
Въ вѣкъ либеральный и гуманный,
Реестры старые беречь?!
Мы ихъ кидаемъ прямо въ печь.
— Да это просто ужь нахальство....
Я закричалъ ему въ отвѣтъ;
— Пускай у васъ реестровъ нѣтъ,
Однако, вѣрно есть начальство,
Ему я жалобу подамъ,
И вѣрно плохо будетъ вамъ!
— Ну, что же, жалуйтесь, пожалуй!...

Съ чего вы взяли что у насъ
Начальникъ человѣкъ отсталый?
Нѣтъ! Онъ вамъ ротъ зажметъ какъ разъ:
У насъ онъ малый либеральный!
Онъ заклятой, открытый врагъ
Реестровъ всякихъ и бумагъ:
Онъ выше истины формальной:
Онъ говоритъ что слишкомъ строгъ
Законовъ нашихъ смыслъ буквальный,
И въ нихъ читаетъ между строкъ;
Ему противенъ, тошенъ, гадокъ
Наружный пошленькій порядокъ:
Онъ лишь начальника тѣснитъ....
Его онъ скоро замѣнитъ
Порядкомъ внутреннимъ, незримымъ,
Для внѣшнихъ чувствъ неощутимымъ....
А вамъ реестры подавай!
Подите вонъ! Здѣсь не Китай!

Я поплелся. И на квартирѣ
Я долго, долго размышлялъ
Все о тебѣ, мой либералъ;
Какъ измѣняется все въ мірѣ!
О, чѣмъ ты сталъ и чѣмъ ты былъ
Въ тѣ дни, когда еще служилъ
Такъ грозно въ Сѣверной Пальмирѣ!
Тому назадъ шестнадцать лѣтъ
Ты былъ бичемъ для подчиненныхъ;
Ты видѣлъ въ нихъ военно-плѣнныхъ
И трактовалъ ихъ какъ кадетъ:
Велѣлъ имъ стричься подъ гребенку,
По формѣ баки подбривать,
Не то, задавъ публично гонку,
Ихъ подъ арестъ велѣлъ сажать.
А кто бывало къ вицмундиру
Надѣнетъ брюки не подъ цвѣтъ,
Ужь тотъ пропалъ—спасенья нѣтъ!
Подобно лютому вампиру,
Ты вольнодумца ложиралъ
И грозно топая, кричалъ:
„Вы, сударь, неучъ!—Кто не знаетъ

Что благодѣтельный законъ
У насъ отнюдь не допускаетъ
На службѣ пестрыхъ панталонъ?!..
Вѣдь это превышенье власти!
Вотъ до чего доводятъ страсти!
Вотъ плодъ отъ западныхъ наукъ!—
Я васъ негоднымъ аттестую!“
И подчиненный зачастую
Литался мѣста изъ-за брюкъ.
Такъ угнеталъ ты подчиненныхъ,
Во времена страстей военныхъ,
Мундироманіи въ бреду.
А нынѣче, въ новомъ ослѣпленьи,
Пожалуй дашь имъ повелѣнье
Играть на службѣ въ чехарду.
Что дѣлать! Знать съ согласья рока
Издалъ Зевесъ законъ жестокій,
Гдѣ говорится что вашъ братъ,
Санктпетербургскій бюрократъ,
Какой бы ни былъ онъ доктрины,
Все будетъ дѣлать не впопадъ—
Ни въ чемъ не сыщетъ середины,
И что когда, плѣняя пасъ,
Свой хвостъ онъ вынетъ изъ трясины,
То это значитъ посъ увязъ.

Такъ разсуждалъ я самъ съ собою,
Сигару съ горя закуривъ,
И долго не давалъ покою
Мнѣ мыслей горестныхъ приливъ.
Но нить моей печальной думы
Хозяинъ дома перервалъ.
— Что это съ вами? онъ сказалъ,
Войдя ко мнѣ,—вы такъ угрюмы,
Какъ будто злы на цѣлый свѣтъ.
Я разказалъ ему въ отвѣтъ
Какія припялъ впечатлѣнья,
Какихъ наслушался рѣчей
Я въ канцеляріи твоей.
Онъ слушалъ все безъ удивленья.
Когда жъ я кончилъ свой разказъ,

Онъ мнѣ сказалъ:—Ну, жаль мнѣ васъ!
Когда, въ надеждѣ на законы,
Вы къ намъ пріѣхали сюда
Искать защиты и суда,
То даромъ бросили прогоны:
Законъ, порядокъ, правда, судъ
У насъ на пенсіи живутъ
(У насъ на нихъ теперь не мода);
Здѣсь только царствуетъ свобода....
Свобода грабить, воровать,
Сѣчь безъ суда и взятки брать.
Начальникъ нашъ префектъ отличный,
Гуманный; добръ онъ безгранично,
Но добръ онъ только для воровъ—
Для нихъ онъ истинный покровъ.
Съ улыбкой нѣжной снисхожденья
Взираетъ онъ на преступленья:
„Къ чему де грѣшника карать,
Онъ долженъ въ людяхъ возбуждать
Лишь состраданье, сожалѣнье.“
И вотъ у насъ жалѣетъ онъ
Лишь тѣхъ кто преступилъ законъ,
А тѣхъ кто жертва преступленья,
Кто отъ него должны терпѣть
Ущербъ и даже разоренье,
Онъ и не думаетъ жалѣть.
И оттого-то въ нашемъ краѣ
Счастливы только негодяи;
Но обывателямъ простымъ,
Не заслужившимъ состраданья
Передъ начальствомъ городскимъ
Ни совершеньемъ злодѣянья,
Ни поведеньемъ воровскимъ,
Здѣсь не житье, а наказанье.

Вотъ вы заѣхали куда
Искать управы и суда!
Теперь, какъ Несторъ осторожный,
Я вамъ подамъ совѣтъ благой:
Послать сейчасъ за подорожной
И укатить скорѣй домой.

Вы не найдете лучше средства
Покончить дѣло. Право такъ!
Я вашъ характеръ знаю съ дѣтства.
Вѣдь вашъ языкъ—вашъ первый врагъ:
Вы говорите слишкомъ вольно,
Какъ здѣсь не говорятъ (увы!),
И здѣсь теперь, какъ недовольный,
Ругать при всѣхъ начнете вы
Чиновниковъ и воеводу.
А онъ.... онъ къ правдѣ не привыкъ:
Хоть онъ на все намъ далъ свободу,
Но не далъ воли на языкъ:
Кто про его распоряженья
Неодобрительныя мнѣнья
Дерзаетъ громко излагать,
Тому у насъ не сдобровать.
Скажите, напримѣръ, публично
Что края здѣшняго патронъ,
Стремяся къ власти безграничной,
Толкуетъ вкривь и вкось законъ
И искажаетъ безъ зазрѣнья
Верховной власти повелѣнья:
Нашъ либеральный бюрократъ
Про вашу рѣчь сейчасъ прослышитъ,
И вмигъ на васъ доносъ напишетъ,
И напугаетъ Петроградъ
Своими страшными вѣстями:
Вѣдь онъ разкажетъ, напримѣръ,
Что вы страшнѣй чѣмъ Робеспьеръ,
Что вы, ругаясь надъ властями,
Хотите бунтъ произвести—
Разжечь въ народѣ злыя страсти,
Чтобы оплотъ верховной власти
Въ его основѣ потрясти.

Такъ мой хозяинъ, врагъ стѣсненья,
Твоихъ владѣній старожилъ,
Передо мною изложилъ
Твою систему управленья.
Ну, разсуди теперь ты самъ,
Какая выгода всѣмъ намъ—

И Государю, и народу—
Что ты толкуешь про свободу,
Что въ либералы ты попалъ?...
Но я отвѣтъ твой угадалъ:
Ты говоришь что благородно,
Пріятно либераломъ быть—
Что вѣчно въ памяти народной,
Какъ другъ народа, будетъ жить
У насъ чиновникъ либеральный,
Что онъ въ потомствѣ не умретъ,
Хотя бы просто былъ квартальный....
Братъ! не надуешь ты народъ,
Не обморочишь ловкой штукой!
Ты, братъ, слыхалъ ли кто у насъ
Стяжалъ любви народной гласъ?
Сенаторъ Яковъ Долгорукій!
А вѣдь онъ былъ не „*либералъ*“:—
Ворамъ потачки не давалъ,
Но допетровскій духъ боярскій—
Народной правды духъ въ немъ жилъ,—
И, не страшась опалы царской,
Царю онъ правду говорилъ.
Въ глаза царю, да вѣдь какому!?
Неукротимому, крутому!..
А ты не то что предъ царемъ,
Ты пресмыкаешься ужемъ,
Вертишься безсловесной мошкой
Передъ любой придворной... кошкой.
Такимъ путемъ не обрѣтешь
Ты славы истинной, нетлѣнной!...
Но точно ль службу ты несешь
Для этой цѣли отдаленной?!
Нѣтъ! мнѣ сдается что ты врешь.
Тебѣ, мой другъ, не славы надо,
Не насъ ты хочешь обмануть,
Не чернь, а власти Петрограда:
Ты служишь только для оклада,
Да чтобъ свою украсить грудь.

Б. АЛМАЗОВЪ.

БѢСЫ*

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Петръ Степановичъ въ хлопотахъ.

I.

День праздника былъ назначенъ окончательно, а фонъ-Лембке становился все грустнѣе и задумчивѣе. Онъ былъ полонъ странныхъ и зловѣщихъ предчувствій, и это сильно безпокоило Юлію Михайловну. Правда, не все обстояло благополучно. Прежній мягкій губернаторъ нашъ оставилъ управленіе не совсѣмъ въ порядкѣ; въ настоящую минуту надвигалась холера; въ иныхъ мѣстахъ объявился сильный скотскій падежъ; все лѣто свирѣпствовали по городамъ и селамъ пожары, а въ народѣ всё сильнѣе и сильнѣе укоренялся глупый ропотъ о поджогахъ. Грабительство возросло вдвое противъ прежнихъ размѣровъ. Но все бы это, разумѣется, было болѣе чѣмъ обыкновенно, еслибы при этомъ не было другихъ болѣе вѣскихъ причинъ, нарушавшихъ спокойствіе доселѣ счастливаго Андрея Антоновича.

* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1й, 2й, 4й, 7й и 9й.

Всего болѣе поражало Юлію Михайловну что онъ съ каждымъ днемъ становился молчаливѣе и, странное дѣло, скрытнѣе. И чего бы, кажется, ему было скрывать? Правда, онъ рѣдко ей возражалъ и большею частію совершенно повиновался. По ея настоянію были, напримѣръ, проведены двѣ или три мѣры, чрезвычайно рискованныя и чуть ли не противозаконныя, въ видахъ усиленія губернаторской власти. Было сдѣлано нѣсколько зловѣщихъ потворствъ съ тою же цѣлію; люди, напримѣръ, достойные суда и Сибири, единственно по ея настоянію, были представлены къ наградѣ. На нѣкоторыя жалобы и запросы положено было систематически не отвѣчать. Все это обнаружилось въ послѣдствіи. Лембке не только все подписывалъ, но даже и не обсуждалъ вопроса о мѣрѣ участія своей супруги въ исполненіи его собственныхъ обязанностей. За то вдругъ начиналъ временами дыбиться изъ-за „совершенныхъ пустяковъ“ и удивлялъ Юлію Михайловну. Конечно, за дни послушанія онъ чувствовалъ потребность вознаградить себя маленькими минутами бунта. Къ сожалѣнію, Юлія Михайловна, несмотря на всю свою проницательность, не могла понять этой благородной тонкости въ благородномъ характерѣ. Увы! ей было не до того, и отъ этого произошло много недоумѣній.

Мнѣ не-стать, да и не сумѣю я разказывать объ иныхъ вещахъ. Объ административныхъ ошибкахъ разсуждать тоже не мое дѣло, да и всю эту административную сторону я устраняю совсѣмъ. Начавъ хронику, я задался другими задачами. Кромѣ того многое обнаружится назначеннымъ теперь въ нашу губернію слѣдствіемъ, стóитъ только немножко подождать. Однако все-таки нельзя миновать иныхъ разъясненій.

Но продолжаю о Юліи Михайловнѣ. Бѣдная дама (я очень сожалѣю о ней) могла достигнуть всего чтò такъ влекло и манило ее (славы и прочаго) вовсе безъ такихъ сильныхъ и эксцентрическихъ движеній какими она задалась у насъ съ самаго перваго шага. Но отъ избытка ли поэзіи, отъ долгихъ ли грустныхъ неудачъ первой молодости, она вдругъ, съ перемѣной судьбы, почувствовала себя какъ-то слишкомъ уже особенно призванною, чуть ли не ломазанною, „надъ коей вспыхнулъ сей языкъ,“ а въ языкѣ-то этомъ и заключалась бѣда: все-таки вѣдь онъ не шиньйонъ, который можетъ накрыть каждую женскую голову. Но въ этой истинѣ всего труднѣе увѣрить женщину; напротивъ, кто захочетъ поддакивать, тотъ и успѣетъ, а поддакивали ей въ запуски. Бѣдняжка разомъ

очутилась игралищемъ самыхъ различныхъ вліяній, въ то же время вполнѣ воображая себя оригинальною. Многіе мастера погрѣли около нея руки и воспользовались ея простодушіемъ въ краткій срокъ ея губернаторства. И что̀ за каша выходила тутъ подъ видомъ самостоятельности! Ей нравились и крупное землевладѣніе, и аристократическій элементъ, и усиленіе губернаторской власти, и демократическій элементъ, и новыя учрежденія, и порядокъ, и вольнодумство, и соціальныя идейки, и строгій тонъ аристократическаго салона, и развязность чуть не трактирная окружавшей ее молодежи. Она мечтала *дать счастье* и примирить непримиримое, вѣрнѣе же, соединить всѣхъ и все въ обожаніи собственной ея особы. Были у ней и любимцы; Петръ Степановичъ, дѣйствуя между прочимъ грубѣйшею лестью, ей очень нравился. Но онъ нравился ей и по другой причинѣ, самой диковинной и самой характерно-рисующей бѣдную даму: она все надѣялась что онъ укажетъ ей цѣлый государственный заговоръ! Какъ ни трудно это представить, а это было такъ. Ей почему-то казалось что въ губерніи непремѣнно укрывается государственный заговоръ. Петръ Степановичъ своимъ молчаніемъ въ однихъ случаяхъ и намеками въ другихъ способствовалъ укорененію ея странной идеи. Она же воображала его въ связяхъ со всѣмъ что̀ есть въ Россіи революціоннаго, но въ то же время ей преданнымъ до обожанія. Открытіе заговора, благодарность изъ Петербурга, карьера впереди, воздѣйствіе „лаской“ на молодежь для удержанія ея на краю, — все это вполнѣ уживалось въ фантастической ея головѣ. Вѣдь спасла же она, покорила же она Петра Степановича (въ этомъ она была почему-то неотразимо увѣрена), спасетъ и другихъ. Никто, никто изъ нихъ не погибнетъ, она спасетъ ихъ всѣхъ; она ихъ разсортируетъ; она такъ о нихъ доложитъ; она поступитъ въ видахъ высшей справедливости, и даже можетъ-быть исторія и весь русскій либерализмъ благословятъ ея имя; а заговоръ все-таки будетъ открытъ. Всѣ выгоды разомъ.

Но все-таки требовалось чтобы хоть къ празднику Андрей Антоновичъ сталъ посвѣтлѣе. Надо было непремѣнно его развеселить и успокоить. Съ этою цѣлію она командировала къ нему Петра Степановича, въ надеждѣ повліять на его унынie какимъ-нибудь ему извѣстнымъ, успокоительнымъ способомъ. Можетъ-быть даже какими-нибудь сообщеніями такъ-сказать прямо изъ первыхъ устъ. На его ловкость она вполнѣ

надѣялась. Петръ Степановичъ уже давно не былъ въ кабинетѣ господина фонъ-Лембке. Онъ разлетѣлся къ нему именно въ ту минуту когда лаціентъ находился въ особенно тугомъ настроеніи.

II.

Произошла одна комбинація, которую господинъ фонъ-Лембке никакъ не могъ разрѣшить. Въ уѣздѣ (въ томъ самомъ въ которомъ лировалъ недавно Петръ Степановичъ) одинъ подпоручикъ подвергся словесному выговору своего ближайшаго командира. Случилось это предъ всею ротой. Подпоручикъ былъ еще молодой человѣкъ, недавно изъ Петербурга, всегда молчаливый и угрюмый, важный съ виду, хотя въ то же время маленькій, толстый и краснощекій. Онъ не вынесъ выговора и вдругъ бросился на командира съ какимъ-то неожиданнымъ взвизгомъ, удивившимъ всю роту, какъ-то дико наклонивъ голову; ударилъ и изо всей силы укусилъ его въ плечо; насилу могли оттащить. Сомнѣнія не было что сошелъ съ ума, но крайней мѣрѣ обнаружилось что въ послѣднее время онъ замѣченъ былъ въ самыхъ невозможныхъ странностяхъ. Выбросилъ, напримѣръ, изъ квартиры своей два хозяйскіе образа и одинъ изъ нихъ изрубилъ топоромъ; въ своей же комнатѣ разложилъ на подставкахъ, въ видѣ трехъ налоевъ, сочиненія Фохта, Молешота и Бюхнера, и предъ каждымъ налоемъ зажигалъ восковыя церковныя свѣчки. По количеству найденныхъ у него книгъ можно было заключить что человѣкъ онъ начитанный. Еслибъ у него было пятьдесятъ тысячъ франковъ, то онъ уплылъ бы можетъ-быть на Маркизскіе острова, какъ тотъ „кадетъ“ о которомъ упоминаетъ съ такимъ веселымъ юморомъ г. Герценъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Когда его взяли, то въ карманахъ его и въ квартирѣ нашли цѣлую пачку самыхъ отчаянныхъ прокламацій.

Прокламаціи сами по себѣ тоже дѣло пустое и, по моему, вовсе не хлопотливое. Мало ли мы ихъ видали. Притомъ же это были и не новыя прокламаціи: такія же точно, какъ говорили потомъ, были недавно разсыпаны въ Х—ской губерніи, а Лилутинъ, ѣздившій мѣсяца полтора назадъ въ уѣздъ и въ сосѣднюю губернію, увѣрялъ что уже тогда видѣлъ тамъ такіе же точно листки. Но поразило Андрея Антоновича главное то что управляющій на Шпигулинской фабрикѣ доставилъ

какъ разъ въ то же время въ полицію двѣ или три пачки совершенно такихъ же точно листочковъ какъ и у подпоручика, подкинутыхъ ночью на фабрикѣ. Пачки были еще и не распакованы, и никто изъ рабочихъ не успѣлъ прочесть ни одной. Фактъ былъ глупенькій, но Андрей Антоновичъ усиленно задумался. Дѣло представлялось ему въ непріятно сложномъ видѣ.

Въ этой фабрикѣ Шпигулиныхъ только-что началась тогда та самая „шпигулинская исторія“ о которой такъ много у насъ прокричали и которая съ такими варіантами перешла и въ столичныя газеты. Недѣли съ три назадъ заболѣлъ тамъ и умеръ одинъ рабочій азіятскою холерой; потомъ заболѣло еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ въ городѣ струсили, потому что холера надвигалась изъ сосѣдней губерніи. Замѣчу что у насъ были приняты самыя удовлетворительныя санитарныя мѣры для встрѣчи непрошенной гостьи. Но фабрику Шпигулиныхъ, милліонеровъ и людей со связями, какъ-то просмотрѣли. И вотъ вдругъ всѣ стали вопить что въ ней-то и таится корень и разсадникъ болѣзни, что на самой фабрикѣ и особенно въ помѣщеніяхъ рабочихъ такая закоренѣлая нечистота что еслибъ и не было совсѣмъ холеры, то она должна была бы тамъ сама зародиться. Мѣры, разумѣется, были тотчасъ же приняты, и Андрей Антоновичъ энергически настоялъ на немедленномъ ихъ исполненіи. Фабрику очистили недѣли въ три, но Шпигулины неизвѣстно почему ее закрыли. Одинъ братъ Шпигулинъ постоянно проживалъ въ Петербургѣ, а другой, послѣ распоряженія начальства объ очисткѣ, уѣхалъ въ Москву. Управляющій приступилъ къ разчету работниковъ и, какъ теперь оказывается, нагло мошенничалъ. Работники стали роптать, хотѣли разчета справедливаго, по глупости ходили въ полицію, впрочемъ безъ большаго крика и вовсе уже не такъ волновались. Вотъ въ это-то самое время и доставлены были Андрею Антоновичу прокламаціи отъ управляющаго.

Петръ Степановичъ влетѣлъ въ кабинетъ не доложившись, какъ добрый другъ и свой человѣкъ, да и къ тому же съ порученіемъ отъ Юліи Михайловны. Увидѣвъ его, фонъ-Лембке угрюмо нахмурился и непривѣтливо остановился у стола. До этого онъ расхаживалъ по кабинету и толковалъ о чемъ-то глазъ на глазъ съ чиновникомъ своей канцеляріи Блюмомъ, чрезвычайно неуклюжимъ и угрюмымъ Нѣмцемъ, котораго привезъ съ собой изъ Петербурга, несмотря на сильнѣйшую оппозицію

Юліи Михайловны. Чиновникъ при входѣ Петра Степановича отступилъ къ дверямъ, но не вышелъ. Петру Степановичу даже показалось что онъ какъ-то знаменательно переглянулся съ своимъ начальникомъ.

— Ого, поймалъ-таки васъ; скрытный градоначальникъ! возопилъ смѣясь Петръ Степановичъ и накрылъ ладонью лежавшую на столѣ прокламацію,—это умножитъ вашу коллекцію, а?

Андрей Антоновичъ вспыхнулъ. Что-то вдругъ какъ бы перекосилось въ его лицѣ.

— Оставьте, оставьте сейчасъ! вскричалъ онъ, вздрогнувъ отъ гнѣва, — и не смѣйте.... сударь....

— Чего вы такъ? Вы кажется сердитесь?

— Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь, что я вовсе не намѣренъ отселѣ терпѣть вашего sans façon и прошу васъ припомнить....

— Фу чортъ, да вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ!

— Молчите же, молчите! затопалъ по ковру ногами фонъ-Лембке, — и не смѣйте....

Богъ знаетъ до чего бы дошло. Увы, тутъ было еще одно обстоятельство помимо всего, совсѣмъ неизвѣстное ни Петру Степановичу, ни даже самой Юліи Михайловнѣ. Несчастный Андрей Антоновичъ дошелъ до такого разстройства что, въ послѣдніе дни, про себя сталъ ревновать свою супругу къ Петру Степановичу. Въ уединеніи, особенно по ночамъ, онъ выносилъ непріятнѣйшія минуты.

— А я думалъ, если человѣкъ два дня сряду за полночь читаетъ вамъ наединѣ свой романъ и хочетъ вашего мнѣнія, то ужь самъ по крайней мѣрѣ вышелъ изъ этихъ офиціальностей-то.... Меня Юлія Михайловна принимаетъ на короткой ногѣ; какъ васъ тутъ распознаешь? съ нѣкоторымъ даже достоинствомъ произнесъ Петръ Степановичъ.—Вотъ вамъ кстати и вашъ романъ, положилъ онъ на столъ большую, вѣскую, свернутую въ трубку тетрадь, наглухо обернутую синею бумагой.

Лембке покраснѣлъ и замялся.

— Гдѣ же вы отыскали? осторожно спросилъ онъ съ приливомъ радости, которую сдержать не могъ, но сдерживалъ однакожь изо всѣхъ силъ.

— Вообразите, какъ была въ трубкѣ, такъ и скатилась за комодъ. Я, должно-быть, какъ вошелъ, бросилъ ее тогда неловко на комодъ. Только третьяго дня отыскали, полы мыли, задали же вы мнѣ однако работу!

Лембке строго опустилъ глаза.

— Двѣ ночи сряду не спалъ по вашей милости. Третьяго дня еще отыскали, а я удержалъ, все читалъ, днемъ-то некогда, такъ я по ночамъ. Ну-съ, и—недоволенъ: мысль не моя. Да наплевать однако, критикомъ никогда не бывалъ, но—оторваться, батюшка, не могъ, хоть и недоволенъ! Четвертая и пятая главы это.... это.... это.... чортъ знаетъ что такое! И сколько юмору у васъ напихано, хохоталъ. Какъ вы однакожъ умѣете поднять на смѣхъ sans que cela paraisse! Ну тамъ въ девятой, десятой, это все про любовь, не мое дѣло; эффектно однако; за письмомъ Игренева чуть не занюнилъ, хотя вы его такъ тонко выставили.... Знаете, оно чувствительно, а въ то же время вы его какъ бы фальшивымъ бокомъ хотите выставить, вѣдь такъ? Угадалъ я или нѣтъ? Ну, а за конецъ просто избилъ бы васъ. Вѣдь вы что проводите? Вѣдь это то же прежнее обоготвореніе семейнаго счастія, пріумноженія дѣтей, капиталовъ, стали жить поживать да добра наживать, помилуйте! Читателя очаруете, потому что даже я оторваться не могъ, да вѣдь тѣмъ скверпѣе. Читатель глупъ попрежнему, слѣдовало бы его умнымъ людямъ расталкивать, а вы.... Ну да довольно однако, прощайте. Не сердитесь въ другой разъ; я пришелъ было вамъ два словечка нужныхъ сказать; да вы какой-то такой....

Андрей Антоновичъ между тѣмъ взялъ свой романъ и заперъ на ключъ въ дубовый книжный шкафъ, успѣвъ между прочимъ мигнуть Блюму чтобы тотъ стушевался. Тотъ исчезъ съ вытянутымъ и грустнымъ лицомъ.

— Я не какой-то такой, а я просто.... все непріятности, пробормоталъ онъ нахмурясь, но уже безъ гнѣва и подсаживаясь къ столу;—садитесь и скажите ваши два слова. Я васъ давно не видалъ, Петръ Степановичъ, и только не влетайте вы впередъ съ вашею манерой.... иногда при дѣлахъ оно....

— Манеры у меня свои....

— Знаю-съ, и вѣрю что вы безъ намѣренія, но иной разъ находитесь въ хлопотахъ ... Садитесь же.

Петръ Степановичъ разлегся на диванѣ и мигомъ поджалъ подъ себя ноги.

III.

— Это въ какихъ же вы хлопотахъ; неужто эти пустяки? кивнулъ онъ на прокламацію.—Я вамъ такихъ листковъ сколько угодно натаскаю, еще въ Х—ской губерніи познакомился.

— То-есть въ то время какъ вы тамъ проживали?

— Ну, разумѣется, не въ мое отсутствіе. Еще она съ виньеткой, топоръ наверху нарисованъ. Позвольте (онъ взялъ прокламацію); ну да, топоръ и тутъ; та самая, точнехонько.

— Да, топоръ. Видите топоръ.

— Что жь, топора испугались?

— Я не топора-съ.... и не испугался-съ, но дѣло это.... дѣло такое, тутъ обстоятельства.

— Какія? Что съ фабрики-то принесли? Хе, хе. А знаете, у васъ на этой фабрикѣ сами рабочіе скоро будутъ писать прокламаціи.

— Какъ это? строго уставился фонъ-Лембке.

— Да такъ. Вы и смотрите на нихъ. Слишкомъ вы мягкій человѣкъ, Андрей Антоновичъ; романы пишете. А тутъ надо бы по-старинному.

— Что такое по-старинному, что за совѣты? Фабрику вычистили; я велѣлъ, и вычистили.

— А между рабочими бунтъ. Перепороть ихъ сплошь, и дѣло съ концомъ.

— Бунтъ? Вздоръ это; я велѣлъ, и вычистили.

— Эхъ, Андрей Антоновичъ, мягкій вы человѣкъ!

— Я волервыхъ вовсе не такой ужь мягкій, а вовторыхъ.... укололся было опять фонъ-Лембке. Онъ разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ черезъ силу, изъ любопытства не скажетъ ли тотъ чего новенькаго.

— А-а, опять старая знакомая! перебилъ Петръ Степановичъ, нацѣлившись на другую бумажку подъ преспанье, тоже въ родѣ прокламаціи, очевидно заграничной печати, но въ стихахъ; — ну эту я наизусть знаю: *Свѣтлая Личность*! Посмотримъ; ну такъ *Свѣтлая Личность* и есть. Знакомъ съ этой личностью еще съ заграницы. Гдѣ откопали?

— Вы говорите что видѣли за границей? встрепенулся фонъ-Лембке.

— Еще бы, четыре мѣсяца назадъ, или даже пять.

— Какъ много вы однако за границей видѣли, только посмотрѣлъ фонъ-Лембке. Петръ Степановичъ, не слушая, развернулъ бумажку и прочелъ вслухъ стихотвореніе:

Свѣтлая личность.

Онъ незнатной былъ породы,
Онъ возросъ среди народа,
Но гонимый местью царской,
Злобной завистью боярской,

Онъ обрекъ себя страданью,
Казнямъ, пыткамъ, истязанью,
И пошелъ вѣщать народу
Братство, равенство, свободу.

И возстанье начиная,
Онъ бѣжалъ въ чужіе краи.,
Изъ царева каземата,
Отъ кнута, щипцовъ и ката.
А народъ возстать готовый
Изъ-подъ участи суровой
Отъ Смоленска до Ташкента
Съ нетерпѣньемъ ждалъ студента.

Ждалъ его онъ поголовно,
Чтобъ идти безпрекословно
Порѣшить въ концѣ боярство,
Порѣшить совсѣмъ и царство,
Сдѣлать общими имѣнья
И предать на вѣки мщенью
Церкви, браки и семейство —
Міра стараго злодѣйство!

— Должно-быть у того офицера взяли, а? спросилъ Петръ Степановичъ.

— А вы и того офицера изволите знать?

— Еще бы. Я тамъ съ ними два дня пировалъ. Ему такъ и надо было сойти съума.

— Онъ можетъ-быть и не сходилъ съума.

— Не потому ли что кусаться началъ?

— Но позвольте, если вы видѣли эти стихи за границей и потомъ оказывается здѣсь у того офицера....

— Что? замысловато! Вы, добрый мой Андрей Антоновичъ, меня, какъ вижу, экзаменуете? Видите-съ, началъ онъ вдругъ съ необыкновенною важностью.—О томъ что я видѣлъ за границей, я возвратясь уже кой-кому объяснилъ, и объясненія мои найдены удовлетворительными, иначе я не осчастливилъ бы моимъ присутствіемъ здѣшняго города. Считаю что дѣла мои въ этомъ смыслѣ покончены и никому не обязанъ отчетомъ. И не потому покончены что я донощикъ, а потому что не могъ иначе поступить. Тѣ которые писали Юліѣ Михайловнѣ, зная дѣло, писали обо мнѣ какъ о человѣкѣ честномъ.... Ну, это все однако же чорту, а я вамъ пришелъ сказать одну серіозную вещь, и хорошо что вы этого трубочиста вашего выслали.

Дѣло для меня важное, Андрей Антоновичъ; будетъ одна моя чрезвычайная просьба къ вамъ.

— Просьба? Гмъ, сдѣлайте одолженіе, я жду и, признаюсь, съ любопытствомъ. И вообще прибавлю, вы меня довольно удивляете, Петръ Степановичъ.

Фонъ-Лембке былъ въ нѣкоторомъ волненіи. Петръ Степановичъ закинулъ ногу за ногу.

— Въ Петербургѣ, началъ онъ,—я насчетъ многаго былъ откровененъ, но насчетъ чего-нибудь или вотъ этого напримѣръ (онъ стукнулъ пальцемъ по *Свѣтлой Личности*) я умолчалъ, вопервыхъ, потому что не стоило говорить, а вовторыхъ, потому что объявлялъ только о томъ о чемъ спрашивали. Не люблю въ этомъ смыслѣ самъ впередъ забѣгать; въ этомъ и вижу разницу между подлецомъ и честнымъ человѣкомъ, котораго просто-за-просто накрыли обстоятельства.... Ну, однимъ словомъ, это въ сторону. Ну-съ, а теперь.... теперь когда эти дураки.... ну, когда это вышло наружу и уже у васъ въ рукахъ, и отъ васъ, я вижу; не укроется — потому что вы человѣкъ съ глазами, и васъ впередъ не распознаешь,—а эти глупцы между тѣмъ продолжаютъ, я.... я.... ну, да я, однимъ словомъ, пришелъ васъ просить спасти одного человѣка, одного тоже глупца, пожалуй сумашедшаго, во имя его молодости, несчастій, во имя вашей гуманности.... Не въ романахъ же однихъ собственнаго издѣлія вы такъ гуманны! съ грубымъ сарказмомъ и въ нетерпѣніи оборвалъ онъ вдругъ рѣчь.

Однимъ словомъ, было видно человѣка прямаго, но неловкаго и не политичнаго, отъ избытка гуманныхъ чувствъ и излишней можетъ-быть щекотливости, главное, человѣка недалекаго, какъ тотчасъ же съ чрезвычайною тонкостью оцѣнилъ фонъ-Лембке и какъ давно уже объ немъ полагалъ, особенно когда въ послѣднюю недѣлю, одинъ въ кабинетѣ, по ночамъ особенно, ругалъ его изо всѣхъ силъ про себя за необъяснимые успѣхи у Юліи Михайловны.

— За кого же вы просите и что же это все означаетъ? сановито освѣдомился онъ, стараясь скрыть свое любопытство.

— Это.... это.... чортъ.... Я не виноватъ вѣдь что въ васъ вѣрю! Чѣмъ же я виноватъ что почитаю васъ за благороднѣйшаго человѣка, и главное толковаго.... способнаго то-есть понять.... чортъ....

Бѣдняжка, очевидно, не умѣлъ съ собой справиться.

— Вы, наконецъ, поймите, продолжалъ онъ, — поймите что

называя вамъ его имя, я вамъ его вѣдь предаю; вѣдь предаю, не такъ ли? Не такъ ли?

— Но какъ же, однако, я могу угадать, если вы не рѣшаетесь высказаться?

— То-то вотъ и есть, вы всегда подкосите вотъ этою вашею логикой, чортъ.... ну, чортъ.... эта „свѣтлая личность", этотъ „студентъ"—это Шатовъ.... вотъ вамъ и все!

— Шатовъ? То-есть какъ это Шатовъ?

— Шатовъ, это „студентъ", вотъ про котораго здѣсь уломинается. Онъ здѣсь живетъ; бывшій крѣпостной человѣкъ, ну, вотъ лощечину далъ.

— Знаю, знаю! прищурился Лембке,—но, позвольте, въ чемъ же собственно онъ обвиняется и о чемъ вы-то, главнѣйше, ходатайствуете?

— Да спасти же его прошу, понимаете! Вѣдь я его восемь лѣтъ тому еще зналъ, вѣдь я ему другомъ можетъ-быть былъ, выходилъ изъ себя Петръ Степановичъ. — Ну, да я вамъ не обязанъ отчетами въ прежней жизни, махнулъ онъ рукой,—все это ничтожно, все это три съ половиной человѣка, а съ заграничными и десяти не наберется, а главное—я понадѣялся на вашу гуманность, на умъ. Вы поймете, и сами покажете дѣло въ настоящемъ видѣ, а не какъ Богъ знаетъ что, какъ гдулую мечту сумаброднаго человѣка.... отъ несчастій, замѣтьте, отъ долгихъ несчастій, а не какъ чортъ знаетъ тамъ какой небывалый государственный заговоръ!...

Онъ почти задыхался.

— Гмъ. Вижу что онъ виновенъ въ прокламаціяхъ съ толоромъ, почти величаво заключилъ Лембке; позвольте, однако же, еслибъ одинъ, то какъ могъ онъ ихъ разбросать и здѣсь, и въ провинціяхъ, и даже въ X—й губерніи и.... и наконецъ главнѣйшее, гдѣ взялъ?

— Да; говорю же вамъ что ихъ, очевидно, всего-на-все пять человѣкъ, ну, десять, почему я знаю?

— Вы не знаете?

— Да почему мнѣ знать, чортъ возьми?

— Но вотъ знали же, однако, что Шатовъ одинъ изъ сообщниковъ?

— Эхъ! махнулъ рукой Петръ Степановичъ, какъ бы отбиваясь отъ подавляющей прозорливости волрошателя;—ну, слушайте, я вамъ всю правду скажу: о прокламаціяхъ ничего не знаю, то-есть ровнешенько ничего, чортъ возьми, понимаете

что̀ значитъ ничего?... Ну, конечно, тотъ подпоручикъ, да еще кто-нибудь, да еще кто-нибудь здѣсь.... ну, и можетъ Шатовъ, ну, и еще кто-нибудь, ну, вотъ и всѣ, дрянь и мизеръ.... но я за Шатова пришелъ просить, его спасти надо, потому что это стихотвореніе—его, его собственное сочиненіе и за границей черезъ него отпечатано; вотъ что̀ я знаю навѣрно, а о прокламаціяхъ ровно ничего не знаю.

— Если стихи—его, то навѣрно и прокламаціи. Какія же, однако, данныя заставляютъ васъ подозрѣвать господина Шатова?

Петръ Степановичъ, съ видомъ окончательно выведеннаго изъ терпѣнія человѣка, выхватилъ изъ кармана бумажникъ, а изъ него записку.

— Вотъ данныя! крикнулъ онъ, бросивъ ее на столъ. Лембке развернулъ; оказалось что записка писана, съ полгода назадъ, отсюда куда-то за границу, коротенькая, въ двухъ словахъ:

„*Свѣтлую Личность* отпечатать здѣсь не могу, да и ничего не могу; печатайте за границей.

„Ив. Шатовъ“.

Лембке пристально уставился на Петра Степановича. Варвара Петровна правду отнеслась что у него былъ бараній взглядъ, иногда особенно.

— То-есть это вотъ что̀, рванулся Петръ Степановичъ,—значитъ что онъ написалъ здѣсь, полгода назадъ, эти стихи, но здѣсь не могъ отпечатать, ну, въ тайной типографіи какой-нибудь—и потому проситъ напечатать за границей.... Кажется ясно?

— Да-съ, ясно, но кого же онъ проситъ? вотъ это еще не ясно? съ хитрѣйшею ироніей замѣтилъ Лембке.

— Да Кирилова же, наконецъ; записка писана къ Кирилову за границу.... Не знали что ли? Вѣдь что̀ досадно, что вы, можетъ-быть, предо мною только прикидываетесь, а давнымъ давно уже сами знаете про эти стихи, и все! Какъ же очутились они у васъ на столѣ? Съумѣли очутиться! За что̀ же вы меня истязуете, если такъ?

Онъ судорожно утеръ платкомъ потъ со лба.

— Мнѣ можетъ и извѣстно нѣчто.... ловко уклонился Лембке; но кто же этотъ Кириловъ?

— Ну да вотъ инженеръ пріѣзжій, былъ секундантомъ у Ставрогина, маньякъ, сумашедшій; подпоручикъ вашъ, дѣйствительно, только можетъ въ бѣлой горячкѣ, ну, а этотъ ужь совсѣмъ сумашедшій,—совсѣмъ, въ этомъ гарантирую. Эхъ,

Андрей Антоновичъ, еслибы знало правительство kakie это сплошь люди, такъ на нихъ бы рука не поднялась. Всѣхъ какъ есть цѣликомъ на седьмую версту; я еще въ Швейцаріи да на конгрессахъ наглядѣлся.

— Тамъ, откуда управляютъ здѣшнимъ движеніемъ?

— Да кто управляетъ-то? три человѣка съ полчеловѣкомъ. Вѣдь на нихъ глядя только скука возьметъ. И какимъ это здѣшнимъ движеніемъ? Прокламаціями что ли? Да и кто навербованъ-то, подпоручики въ бѣлой горячкѣ, да два-три студента! Вы умный человѣкъ, вотъ вамъ вопросъ: Отчего не вербуются къ нимъ люди значительнѣе, отчего все студенты да недоросли двадцати двухъ лѣтъ? Да и много ли? Небось милліонъ собакъ ищетъ, а много ль всего отыскали? Семь человѣкъ. Говорю вамъ, скука возьметъ.

Лембке выслушалъ со вниманіемъ, но съ выраженіемъ говорившимъ: „Соловья баснями не накормишь“.

— Позвольте, однако же, вотъ вы изволите утверждать что записка адресована была за границу; но здѣсь адреса нѣтъ; почему же вамъ стало извѣстно что записка адресована къ господину Кирилову, и, наконецъ, за границу и.... и.... что писана она дѣйствительно господиномъ Шатовымъ?

— Такъ достаньте сейчасъ руку Шатова, да и свѣрьте. У васъ въ канцеляріи непремѣнно должна отыскаться какая-нибудь его подпись. А что къ Кирилову, такъ мнѣ самъ Кириловъ тогда же и показалъ.

— Вы стало-быть сами....

— Ну да, конечно, стало-быть самъ. Мало ли что мнѣ тамъ показывали. А что эти вотъ стихи, такъ это будто покойный Герценъ написалъ ихъ Шатову, когда еще тотъ за границей скитался, будто бы на память встрѣчи, въ похвалу, въ рекомендацію, ну, чортъ.... а Шатовъ и распространяетъ въ молодежи. Самого, дескать, Герцена обо мнѣ мнѣніе.

— Те-те-те, догадался, наконецъ, совсѣмъ Лембке,—то-то я думаю: прокламація—это понятно, а стихи зачѣмъ?

— Да какъ ужъ вамъ не понять. И чортъ знаетъ для чего я вамъ разболталъ! Слушайте, мнѣ Шатова отдайте, а тамъ чортъ дери ихъ всѣхъ остальныхъ, даже съ Кириловымъ, который заперся теперь въ домѣ Филиппова, гдѣ и Шатовъ, и таится. Они меня не любятъ, потому что я воротился.... но обѣщайте мнѣ Шатова, и я вамъ ихъ всѣхъ на одной тарелкѣ подамъ.

Пригожусь, Андрей Антоновичъ! Я эту всю жалкую кучку полагаю человѣкъ въ девять—въ десять. Я самъ за ними слѣжу, отъ себя-съ. Намъ ужь трое извѣстны: Шатовъ, Кириловъ и тотъ подпоручикъ. Остальныхъ я еще только *разглядываю*.... впрочемъ не совсѣмъ близорукъ. Это какъ въ X—й губерніи; тамъ схвачено съ прокламаціями два студента, одинъ гимназистъ, два двадцатилѣтнихъ дворянина, одинъ учитель и одинъ отставной майоръ, лѣтъ шестидесяти, одурѣвшій отъ пьянства, вотъ и все, и ужь повѣрьте что все; даже удивились что тутъ и все. Но надо шесть дней. Я уже смекнулъ на счетахъ; шесть дней и не раньше. Если хотите какого-нибудь результата—не шевелите ихъ еще шесть дней, и я вамъ ихъ въ одинъ узелъ свяжу, а потревожите раньше — гнѣздо разлетится. Но дайте Шатова. Я за Шатова.... А всего бы лучше призвать его секретно и дружески, хоть сюда въ кабинетъ, и провзаменовать, поднявши предъ нимъ завѣсу.... Да онъ навѣрно самъ вамъ въ ноги броситься и заплачетъ! Это человѣкъ нервный, несчастный; у него жена гуляетъ со Ставрогинымъ. Приголубьте его, и онъ все самъ откроетъ, но надо шесть дней.... А главное, главное—ни полсловечка Юліи Михайловнѣ. Секретъ. Можете секретъ?

— Какъ? вытаращилъ глаза Лембке,—да развѣ вы Юліи Михайловнѣ ничего не.... открывали?

— Ей? Да сохрани меня и помилуй! Э-эхъ, Андрей Антоновичъ! Видите-съ: я слишкомъ цѣню ея дружбу, и высоко уважаю.... ну и тамъ все это.... но я не промахнусь. Я ей не противорѣчу, потому что ей противорѣчить, сами знаете, опасно. Я ей можетъ и закинулъ словечко, потому что она это любитъ, но чтобъ я выдалъ ей, какъ вамъ теперь, имена, или тамъ что-нибудь, э-эхъ, батюшка! Вѣдь я почему обращаюсь теперь къ вамъ? Потому что вы все-таки муцина, человѣкъ серіозный, съ старинною твердою служебною опытностью. Вы видали виды. Вамъ каждый шагъ въ такихъ дѣлахъ, я думаю, наизустъ извѣстенъ еще съ петербургскихъ примѣровъ. А скажи я ей эти два имени, напримѣръ, и она бы такъ забарабанила.... Вѣдь она отсюда хочетъ Петербургъ удивить. Нѣтъ-съ, горяча слишкомъ, вотъ что-съ.

— Да, въ ней есть нѣсколько этой фуги, не безъ удовольствія пробормоталъ Андрей Антоновичъ, въ то же время ужасно жалѣя что этотъ неучъ осмѣливается, кажется, выражаться объ Юліи Михайловнѣ немного ужь вольно. Петру же Степановичу,

вѣроятно, казалось что этого еще мало и что надо еще поддать пару чтобы польстить и совсѣмъ ужь покорить Лембку.

— Именно фуги, поддакнулъ онъ,—пусть она женщина можетъ-быть геніальная, литературная, но—воробьевъ она распугаетъ. Шести часовъ не выдержитъ, не то что шести дней. Э-эхъ, Андрей Антоновичъ, не налагайте на женщину срока въ шесть дней! Вѣдь признаете же вы за мною нѣкоторую опытность, то-есть въ этихъ дѣлахъ; вѣдь знаю же я кое-что, и вы сами знаете что я могу знать кое-что. Я у васъ не для баловства шести дней прошу, а для дѣла.

— Я слышалъ.... не рѣшался высказать мысль свою Лембке,—я слышалъ что вы, возвратясь изъ-за границы, гдѣ слѣдуетъ изъявили... въ родѣ раскаянія?

— Ну тамъ что бы ни было.

— Да и я, разумѣется, не желаю входить... но мнѣ все казалось, вы здѣсь до сихъ поръ говорили совсѣмъ въ иномъ стилѣ, о христіанской вѣрѣ напримѣръ, объ общественныхъ установленіяхъ и наконецъ о правительствѣ....

— Мало ли что я говорилъ. Я и теперь то же говорю, только не такъ эти мысли слѣдуетъ проводить, какъ тѣ дураки, вотъ въ чемъ дѣло. А то что въ томъ что укусилъ въ плечо? Сами же вы соглашались со мной, только говорили что рано.

— Я не про то собственно соглашался и говорилъ рано.

— Однако же у васъ каждое слово на крюкъ привѣшено, хе-хе! осторожный человѣкъ! весело замѣтилъ вдругъ Петръ Степановичъ.—Слушайте, отецъ родной, надо же было съ вами познакомиться, ну вотъ потому я въ моемъ стилѣ и говорилъ. Я не съ однимъ съ вами, а со многими такъ знакомлюсь. Мнѣ можетъ вашъ характеръ надо было распознать.

— Для чего бы вамъ мой характеръ?

— Ну почемъ я знаю для чего (онъ опять разсмѣялся). Видите ли, дорогой и многоуважаемый Андрей Антоновичъ, вы хитры, но до *этого* еще не дошло и навѣрно не дойдетъ, понимаете? Можетъ-быть и понимаете? Я хоть и далъ гдѣ слѣдуетъ объясненія, возвратясь изъ-за границы, и право не знаю почему бы человѣкъ извѣстныхъ убѣжденій не могъ дѣйствовать въ пользу искреннихъ своихъ убѣжденій... но мнѣ никто еще *тамъ* не заказывалъ вашего характера и никакихъ подобныхъ заказовъ *оттуда* я еще не бралъ на себя. Вникните сами: вѣдь могъ бы я не вамъ открыть первому два-то имени, а прямо *туда* махнуть, то-есть туда гдѣ первоначальныя объ-

ясненія давалъ; и ужъ еслибъ я старался изъ-за финансовъ, али тамъ изъ-за выгоды, то ужъ конечно вышелъ бы съ моей стороны не разчетъ, потому что благодарны-то будутъ теперь вамъ, а не мнѣ. Я единственно за Шатова, съ благородствомъ прибавилъ Петръ Степановичъ,—за одного Шатова, по прежней дружбѣ.... ну а тамъ, пожалуй, когда возьмете перо чтобы *туда* отписать, ну похвалите меня если хотите.... противорѣчить не стану, хе-хе! Adieu однако же, засидѣлся, и не надо бы столько болтать! прибавилъ онъ не безъ пріятности и всталъ съ дивана.

— Напротивъ, я очень радъ что дѣло такъ-сказать опредѣляется, всталъ и фонъ-Лембке, тоже съ любезнымъ видомъ, видимо подъ вліяніемъ послѣднихъ словъ.—Я съ признательностію принимаю ваши услуги и, будьте увѣрены, все что̀ можно съ моей стороны насчетъ отзыва о вашемъ усердіи...

— Шесть дней, главное шесть дней сроку, и чтобы въ эти дни вы не шевелились, вотъ что̀ мнѣ надо!

— Пусть.

— Разумѣется я вамъ рукъ не связываю, да и не смѣю. Не можете же вы не слѣдить; только не лугайте гнѣзда раньше времени, вотъ въ чемъ я надѣюсь на вашъ умъ и на опытность. А довольно у васъ должно-быть своихъ-то гончихъ припасено, и всякихъ тамъ ищеекъ, хе-хе! весело и легкомысленно (какъ молодой человѣкъ) брякнулъ Петръ Степановичъ.

— Не совсѣмъ это такъ, пріятно уклонился Лембке.—Это—предразсудокъ молодости, что слишкомъ много припасено.... Но кстати позвольте одно словцо: вѣдь если этотъ Кириловъ былъ секундантомъ у Ставрогина, то и господинъ Ставрогинъ въ такомъ случаѣ...

— Что̀ Ставрогинъ?

— То-есть если они такіе друзья?

— Э, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вотъ тутъ маху дали, хоть вы и хитры. И даже меня удивляете. Я вѣдь думалъ что вы насчетъ этого не безъ свѣдѣній... Гмъ, Ставрогинъ — это совершенно противоположное, то-есть совершенно... Avis au lecteur.

— Неужели! и можетъ ли быть? съ недовѣрчивостію произнесъ Лембке. — Мнѣ Юлія Михайловна сообщила что, по ея свѣдѣніямъ изъ Петербурга, онъ человѣкъ съ нѣкоторыми такъ-сказать наставленіями....

— Я ничего не знаю, ничего не знаю, совсѣмъ ничего. Adieu. Avis au lecteur! вдругъ и явно уклонился Петръ Степановичъ.

Онъ полетѣлъ къ дверямъ.

— Позвольте, Петръ Степановичъ, позвольте, крикнулъ Лембке,—еще одно крошечное дѣльце, и я васъ не задержу.

Онъ вынулъ изъ столоваго ящика конвертъ.

— Вотъ-съ одинъ экземплярчикъ, по той же категоріи, и я вамъ тѣмъ самымъ доказываю что вамъ въ высшей степени довѣряю. Вотъ-съ, и каково ваше мнѣніе?

Въ конвертѣ лежало письмо,—письмо странное, анонимное, адресованное къ Лембке и вчера только имъ полученное. Петръ Степановичъ къ крайней досадѣ своей прочелъ слѣдующее:

„Ваше превосходительство!

„Ибо по чину вы такъ. Симъ объявляю въ покушеніи на жизнь генеральскихъ особъ и отечества; ибо прямо ведетъ къ тому. Самъ разбрасывалъ непрерывно множество лѣтъ. Тоже и безбожіе. Приготовляется бунтъ, а прокламацій нѣсколько тысячъ, и за каждой побѣжитъ сто человѣкъ, высуня языкъ, если заранѣе не отобрать начальствомъ, ибо множество обѣщано въ награду, а простой народъ глупъ, да и водка. Народъ, почитая виновника, разоряетъ того и другаго, и боясь обѣихъ сторонъ, раскаялся въ чемъ не участвовалъ, ибо обстоятельства мои таковы. Если хотите чтобы доносъ для спасенія отечества, а также церквей и иконъ, то я одинъ только могу. Но съ тѣмъ чтобы мнѣ прощеніе изъ третьяго отдѣленія по телеграфу немедленно одному изъ всѣхъ, а другіе пусть отвѣчаютъ. На окошкѣ у швейцара для сигнала въ семь часовъ ставьте каждый вечеръ свѣчу. Увидавъ повѣрю и приду облобызать милосердную длань изъ столицы, но съ тѣмъ чтобы пенсіонъ, ибо чѣмъ же я буду жить? Вы же не раскаетесь, потому что вамъ выйдетъ звѣзда. Надо потихоньку, а не то свернутъ голову.

„Вашего превосходительства отчаянный человѣкъ.

„Припадаетъ къ столамъ

„раскаявшійся вольнодумецъ Incognito.“

Фонъ-Лембке объяснилъ что письмо очутилось вчера въ швейцарской, когда тамъ никого не было.

— Такъ вы какъ же думаете? спросилъ чуть не грубо Петръ Степановичъ.

— Я бы предположилъ что это анонимный пашквиль, въ насмѣшку.

— Вѣроятнѣе всего что такъ. Васъ не надуешь.

— Я главное потому что такъ глупо.

— А вы получали здѣсь еще какіе-нибудь пашквили?

— Получалъ раза два, анонимные.

— Ну ужь разумѣется не подпишутъ. Разнымъ слогомъ? Разныхъ рукъ?

— Разнымъ слогомъ и разныхъ рукъ.

— И шутовскіе были, какъ это?

— Да, шутовскіе, и знаете... очень гадкіе.

— Ну коли ужь были, такъ навѣрно и теперь то же самое.

— А главное потому что такъ глупо. Потому что тѣ люди образованные и навѣрно такъ глупо не напишутъ.

— Ну да, ну да.

— А что если это и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь хочетъ дѣйствительно донести?

— Невѣроятно, сухо отрѣзалъ Петръ Степановичъ.—Что значитъ телеграмма изъ третьяго отдѣленія и пенсіонъ. Пашквиль очевидный.

— Да, да, устыдился Лембке.

— Знаете что, оставьте-ка это у меня. Я вамъ навѣрно разыщу. Раньше чѣмъ тѣхъ разыщу.

— Возьмите, согласился фонъ-Лембке, съ нѣкоторымъ впрочемъ колебаніемъ.

— Вы кому-нибудь показывали?

— Нѣтъ, какъ можно, никому.

— То-есть Юліи Михайловнѣ?

— Ахъ, Боже сохрани, и ради Бога не показывайте ей сами! вскричалъ Лембке въ испугѣ.—Она будетъ такъ потрясена.... и разсердится на меня ужасно.

— Да, на васъ первая и разсердится, скажетъ что сами заслужили, коли вамъ такъ пишутъ. Знаемъ мы женскую логику. Ну прощайте. Я вамъ можетъ даже дня черезъ три этого сочинителя представлю. Главное уговоръ!

IV.

Петръ Степановичъ былъ человѣкъ можетъ-быть и не глупый, но Ѳедька Каторжный вѣрно выразился о немъ что онъ „человѣка самъ сочинитъ, да съ нимъ и живетъ“. Ушелъ онъ отъ фонъ-Лембке вполнѣ увѣренный что по крайней мѣрѣ на шесть дней того успокоилъ, а срокъ этотъ былъ ему до крайности нуженъ. Но идея была ложная, и все основано было только на томъ что онъ сочинилъ себѣ Андрея Антоновича, съ самаго начала, и разъ навсегда, совершеннѣйшимъ простачкомъ.

Какъ и каждый страдальчески мнительный человѣкъ, Андрей Антоновичъ всякій разъ бывалъ чрезвычайно и радостно довѣрчивъ въ первую минуту выхода изъ неизвѣстности. Новый оборотъ вещей представился ему сначала въ довольно пріятномъ видѣ, несмотря на нѣкоторыя вновь наступавшія хлопотливыя сложности. По крайней мѣрѣ старыя сомнѣнія падали въ прахъ. Къ тому же онъ такъ усталъ за послѣдніе дни, чувствовалъ себя такимъ измученнымъ и безпомощнымъ что душа его поневолѣ жаждала покоя. Но увы, онъ уже опять былъ не спокоенъ. Долгое чиновничье житье въ Петербургѣ оставило въ душѣ его слѣды неизгладимые. Офиціальная и даже секретная исторія „новаго поколѣнія“ ему была довольно извѣстна,—человѣкъ былъ любопытный и прокламаціи собиралъ, — но никогда не понималъ онъ въ ней самаго перваго слова. Теперь же былъ какъ въ лѣсу: онъ всѣми инстинктами своими предчувствовалъ что въ словахъ Петра Степановича заключалось нѣчто совершенно несообразное, внѣ всякихъ формъ и условій,—„хотя вѣдь чортъ знаетъ что̀ можетъ случиться въ этомъ „новомъ поколѣніи“ и чортъ знаетъ какъ это у нихъ тамъ совершается!“ раздумывалъ онъ, теряясь въ соображеніяхъ.

А тутъ какъ нарочно снова просунулъ къ нему голову Блюмъ. Все время посѣщенія Петра Степановича онъ выжидалъ недалеко. Блюмъ этотъ приходился даже родственникомъ Андрею Антоновичу, дальнимъ, но всю жизнь тщательно и боязливо скрываемымъ. Прошу прощенія у читателя въ томъ что этому ничтожному лицу отдѣлю здѣсь хоть нѣсколько словъ. Блюмъ былъ изъ страннаго рода „несчастныхъ“ Нѣмцевъ—и вовсе не по крайней своей бездарности, а именно неизвѣстно почему. „Несчастные“ Нѣмцы не миѳъ, а дѣйствительно существуютъ, даже въ Россіи, и имѣютъ свой собственный типъ. Андрей Антоновичъ всю жизнь питалъ къ нему самое трогательное сочувствіе, и вездѣ, гдѣ только могъ, по мѣрѣ собственныхъ своихъ успѣховъ по службѣ, выдвигалъ его на подчиненное, подвѣдомственное ему мѣстечко; но тому нигдѣ не везло. То мѣсто оставлялось за штатомъ, то перемѣнялось начальство, то чуть не упекли его однажды съ другими подъ судъ. Былъ онъ аккуратенъ, но какъ-то слишкомъ безъ нужды и во вредъ себѣ мраченъ; рыжій, высокій, сгорбленный, унылый, даже чувствительный и, при всей своей приниженности, упрямый и настойчивый какъ волъ, хотя всегда невпопадъ. Къ

Андрею Антоновичу питалъ онъ съ женой и съ многочисленными дѣтьми многолѣтнюю и благоговѣйную привязанность. Кромѣ Андрея Антоновича никто никогда не любилъ его. Юлія Михайловна сразу его забраковала, но одолѣть упорство своего супруга не могла. Это была ихъ первая супружеская ссора, и случилась она тотчасъ послѣ свадьбы, въ самые первые медовые дни, когда вдругъ обнаружился предъ нею Блюмъ, до тѣхъ поръ тщательно отъ нея припрятанный, съ обидною тайной своего къ ней родства. Андрей Антоновичъ умолялъ сложа руки, чувствительно разказалъ всю исторію Блюма и ихъ дружбы съ самаго дѣтства, но Юлія Михайловна считала себя опозоренною на вѣки и даже пустила въ-ходъ обмороки. Фонъ-Лемóке не уступилъ ей ни шагу и объявилъ что не покинетъ Блюма ни за что на свѣтѣ и не отдалитъ отъ себя, такъ что она наконецъ удивилась и принуждена была позволить Блюма. Рѣшено было только что родство будетъ скрываемо еще тщательнѣе чѣмъ до сихъ поръ, если только это возможно, и что даже имя и отчество Блюма будутъ измѣнены, потому что его тоже почему-то звали Андреемъ Антоновичемъ. Блюмъ у насъ ни съ кѣмъ не познакомился кромѣ одного только Нѣмца аптекаря, никому не сдѣлалъ визитовъ и, по обычаю своему, зажилъ скупо и уединенно. Ему давно уже были извѣстны и литературные грѣшки Андрея Антоновича. Онъ преимущественно призывался выслушивать его романъ въ секретныхъ чтеніяхъ наединѣ, просиживалъ по шести часовъ сряду столбомъ; потѣлъ, напрягалъ всѣ свои силы чтобы не заснуть и улыбаться; придя домой стеналъ вмѣстѣ съ длинноногою и сухолярою женой о несчастной слабости ихъ благодѣтеля къ русской литературѣ.

Андрей Антоновичъ со страданіемъ посмотрѣлъ на вошедшаго Блюма.

— Я прошу тебя, Блюмъ, оставить меня въ покоѣ, началъ онъ тревожною скороговоркой, очевидно желая отклонить возобновленіе давишняго разговора, прерваннаго приходомъ Петра Степановича.

— И однакожь это можетъ-быть устроено деликатнѣйше, совершенно не гласно; вы же имѣете всѣ полномочія, почтительно, но упорно настаивалъ на чемъ-то Блюмъ, сгорбивъ спину и придвигаясь все ближе и ближе мелкими шагами къ Андрею Антоновичу.

— Блюмъ, ты до такой степени преданъ мнѣ и услужливъ что я всякій разъ смотрю на тебя внѣ себя отъ страха.

— Вы всегда говорите острыя вещи и въ удовольствіи отъ сказаннаго засыпаете спокойно, но тѣмъ самымъ себѣ повреждаете.

— Блюмъ, я сейчасъ убѣдился что это вовсе не то, вовсе не то.

— Не изъ словъ ли этого фальшиваго, порочнаго молодаго человѣка, котораго вы сами подозрѣваете? Онъ васъ побѣдилъ льстивыми похвалами вашему таланту въ литературѣ.

— Блюмъ, ты не смыслишь ничего; твой проектъ нелѣпость, говорю тебѣ. Мы не найдемъ ничего, а крикъ подымется страшный, затѣмъ смѣхъ, а затѣмъ Юлія Михайловна....

— Мы несомнѣнно найдемъ все чего ищемъ, твердо шагнулъ къ нему Блюмъ, приставляя къ сердцу правую руку; — мы сдѣлаемъ осмотръ внезапно, рано поутру, соблюдая всю деликатность къ лицу и всю предписанную строгость формъ закона. Молодые люди, Лямшинъ и Телятниковъ, слишкомъ увѣряютъ что мы найдемъ все желаемое. Они посѣщали тамъ многократно. Къ господину Ворховенскому никто внимательно не расположенъ. Генеральша Ставрогина явно отказала ему въ своихъ благодѣяніяхъ, и всякій честный человѣкъ. если только есть таковой въ этомъ грубомъ городѣ, убѣжденъ что тамъ всегда укрывался источникъ безвѣрія и соціальнаго ученія. У него хранятся всѣ запрещенныя книги, *Думы* Рылѣева, всѣ сочиненія Герцена.... Я на всякій случай имѣю приблизительный каталогъ....

— О Боже, эти книги есть у всякаго; какъ ты простъ, мой бѣдный Блюмъ!

— И многія прокламаціи, продолжалъ Блюмъ, не слушая замѣчаній. — Мы кончимъ тѣмъ что непремѣнно нападемъ на слѣдъ настоящихъ здѣшнихъ прокламацій. Этотъ молодой Ворховенскій мнѣ весьма, весьма подозрителенъ.

— Но ты смѣшиваешь отца съ сыномъ. Они не въ ладахъ; сынъ смѣется надъ отцомъ явно.

— Это одна только маска.

— Блюмъ, ты поклялся меня замучить! Подумай, онъ лицо все-таки замѣтное. Онъ былъ профессоромъ, онъ человѣкъ извѣстный, онъ раскричится, и тотчасъ же пойдутъ насмѣшки по городу, ну и все пропало.... и подумай что̀ будетъ съ Юліей Михайловной!

Блюмъ лезъ впередъ и не слушалъ.

— Онъ былъ лишь доцентомъ, всего лишь доцентомъ, и по чину всего только коллежскій ассессоръ при отставкѣ, ударялъ онъ себя рукой въ грудь, — знаковъ отличія не имѣетъ, уволенъ отъ службы по подозрѣнію въ замыслахъ противъ правительства. Онъ состоялъ подъ тайнымъ надзоромъ и несомнѣнно еще состоитъ. И въ виду обнаружившихся теперь безпорядковъ вы несомнѣнно обязаны долгомъ. Вы же наоборотъ, улускаете ваше отличіе, потворствуя настоящему виновнику.

— Юлія Михайловна! Убиррайся, Блюмъ! вскричалъ вдругъ фонъ-Лембке, заслышавшій голосъ своей супруги въ сосѣдней комнатѣ.

Блюмъ вздрогнулъ, но не сдался.

— Дозвольте же, дозвольте, приступалъ онъ, еще крѣпче прижимая обѣ руки къ груди.

— Убиррайся! проскрежеталъ Андрей Антоновичъ, — дѣлай что хочешь... послѣ.... О Боже мой!

Поднялась портьера, и появилась Юлія Михайловна. Она величественно остановилась при видѣ Блюма, высокомѣрно и обидчиво окинула его взглядомъ, какъ будто одно присутствіе этого человѣка здѣсь было ей оскорбленіемъ. Блюмъ молча и почтительно отдалъ ей глубокій поклонъ и, согбенный отъ почтенія, направился къ дверямъ на цилочкахъ и разставивъ нѣсколько врозь свои руки.

Оттого ли что онъ и въ самомъ дѣлѣ понялъ послѣднее истерическое восклицаніе Андрея Антоновича за прямое дозволеніе поступить такъ какъ онъ спрашивалъ, или покривилъ душой въ этомъ случаѣ для прямой пользы своего благодѣтеля, слишкомъ увѣренный что конецъ увѣнчаетъ дѣло; но, какъ увидимъ ниже, изъ этого разговора начальника съ своимъ подчиненнымъ произошла одна самая неожиданная глупость, насмѣшившая многихъ, получившая огласку, возбудившая жестокій гнѣвъ Юліи Михайловны, и всѣмъ этимъ сбившая окончательно съ толку Андрея Антоновича, ввергнувъ его, въ самое горячее время, въ самую плачевную нерѣшительность.

V.

День для Петра Степановича выдался хлопотливый. Отъ фонъ-Лембке онъ поскорѣе побѣжалъ въ Богоявленскую улицу, но проходя по Быковой улицѣ, мимо дома въ которомъ

квартировалъ Кармазиновъ, онъ вдругъ пріостановился, усмѣхнулся и вошелъ въ домъ. Ему отвѣтили: „ожидаютъ-съ“, что̀ очень заинтересовало его, потому что онъ вовсе не предупреждалъ о своемъ прибытіи.

Но великій писатель дѣйствительно его ожидалъ и даже еще вчера и третьяго дня. Четвертаго дня онъ вручилъ ему свою рукопись „Merçi“ (которую хотѣлъ прочесть на литературномъ утрѣ въ день праздника Юліи Михайловны) и сдѣлалъ это изъ любезности, вполнѣ увѣренный что пріятно польститъ самолюбію человѣка, давъ ему узнать великую вещь заранѣе. Петръ Степановичъ давно уже примѣчалъ что этотъ тщеславный, избалованный и оскорбительно-недоступный для неизбранныхъ господинъ, этотъ „почти государственный умъ“, просто-за-просто въ немъ заискиваетъ и даже съ жадностію. Мнѣ кажется, молодой человѣкъ наконецъ догадался что тотъ, если и не считалъ его коноводомъ всего тайно-революціоннаго въ цѣлой Россіи, то по крайней мѣрѣ однимъ изъ самыхъ посвященныхъ въ секреты русской революціи и имѣющимъ неоспоримое вліяніе на молодежь. Настроеніе мыслей „умнѣйшаго въ Россіи человѣка“ интересовало Петра Степановича, но доселѣ онъ, по нѣкоторымъ причинамъ, уклонялся отъ разъясненій.

Великій писатель квартировалъ въ домѣ своей сестры, жены камергера и помѣщицы, оба они, и мужъ и жена, благоговѣли предъ знаменитымъ родственникомъ, но въ настоящій пріѣздъ его находились оба въ Москвѣ, къ великому ихъ сожалѣнію, такъ что принять его имѣла честь старушка, очень дальняя и бѣдная родственница камергера, проживавшая въ домѣ и давно уже завѣдывавшая всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Весь домъ заходилъ на цылочкахъ съ пріѣздомъ господина Кармазинова. Старушка извѣщала въ Москву чуть не каждый день о томъ какъ онъ почивалъ и что̀ изволилъ скушать, а однажды отправила телеграмму съ извѣстіемъ что онъ, послѣ званаго обѣда у градскаго головы, принужденъ былъ принять ложку одного лѣкарства. Въ комнату къ нему она осмѣливалась входить рѣдко, хотя онъ обращался съ нею вѣжливо, впрочемъ сухо, и говорилъ съ нею только по какой-нибудь надобности. Когда вошелъ Петръ Степановичъ, онъ кушалъ утреннюю свою котлетку съ полстаканомъ краснаго вина. Петръ Степановичъ уже и прежде бывалъ у него и всегда заставалъ его за этою утреннею котлеткой, которую тотъ и съѣдалъ въ его присутствіи, но ни разу его самого не попотчивалъ. Послѣ котлетки

подавалась еще маленькая чашечка кофе. Лакей, внесшій кушанье, былъ во фракѣ, въ мягкихъ неслышныхъ сапогахъ и въ перчаткахъ.

— А-а! приподнялся Кармазиновъ съ дивана, утираясь салфеткой, и съ видомъ чистѣйшей радости полѣзъ лобызаться— характерная привычка русскихъ людей, если они слишкомъ ужь знамениты. Но Петръ Степановичъ помнилъ по бывшему уже опыту что онъ лобызаться-то лѣзетъ, а самъ подставляетъ щеку и потому сдѣлалъ на сей разъ то же самое; обѣ щеки встрѣтились. Кармазиновъ, не показывая виду что замѣтилъ это, усѣлся на диванъ и съ пріятностію указалъ Петру Степановичу на кресло противъ себя, въ которомъ тотъ и развалился.

— Вы вѣдь не.... Не желаете ли завтракать? спросилъ хозяинъ, на этотъ разъ измѣняя привычкѣ, но съ такимъ разумѣется видомъ которымъ ясно подсказывался вѣжливый отрицательный отвѣтъ. Петръ Степановичъ тотчасъ же пожелалъ завтракать. Тѣнь обидчиваго изумленія омрачила лицо хозяина, но на одинъ только мигъ; онъ нервно позвонилъ слугу и несмотря на все свое воспитаніе брезгливо возвысилъ голосъ, приказывая подать другой завтракъ.

— Вамъ чего, котлетку или кофею? освѣдомился онъ еще разъ.

— И котлетку и кофею, и вина прикажите еще прибавить, я проголодался, отвѣчалъ Петръ Степановичъ, съ спокойнымъ вниманіемъ разсматривая костюмъ хозяина. Господинъ Кармазиновъ былъ въ какой-то домашней куцавеечкѣ на ватѣ, въ родѣ какъ бы жакеточки, съ перламутровыми пуговками, но слишкомъ ужь коротенькой, что вовсе и не шло къ его довольно сытенькому брюшку и къ плотно округленнымъ частямъ начала его ногъ; но вкусы бываютъ различны. На колѣняхъ его былъ развернутъ до полу шерстяной клѣтчатый плэдъ, хотя въ комнатѣ было тепло.

— Больны что ли? замѣтилъ Петръ Степановичъ.

— Нѣтъ не боленъ, но боюсь стать больнымъ въ этомъ климатѣ, отвѣтилъ писатель своимъ крикливымъ голосомъ, впрочемъ нѣжно скандируя каждое слово и пріятно, по барски, шепелявя;—я васъ ждалъ еще вчера.

— Почему же? я вѣдь не обѣщалъ.

— Да, но у васъ моя рукопись. Вы.... прочли?

— Рукопись? какая?

Кармазиновъ удивился ужасно.

— Но вы однако принесли ее съ собою? встревожился онъ

вдругъ до того что оставилъ даже кушать и смотрѣлъ на Петра Степановича съ испуганнымъ видомъ.

— Ахъ, это про эту „Bonjour“ что ли....

— „Merçi“.

— Ну пустъ. Совсѣмъ забылъ и не читалъ, некогда. Право не знаю, въ карманахъ нѣтъ.... должно-быть у меня на столѣ. Не безпокойтесь, отыщется.

— Нѣтъ ужь я лучше сейчасъ къ вамъ пошлю. Она можетъ пропасть и, наконецъ, украсть могутъ.

— Ну, кому надо! Да чего вы такъ испугались, вѣдь у васъ, Юлія Михайловна говорила, заготовляется всегда по нѣсколько списковъ, одинъ за границей у нотаріуса, другой въ Петербургѣ, третій въ Москвѣ, потомъ въ банкъ что ли отсылаете.

— Но вѣдь и Москва сгорѣть можетъ, а съ ней моя рукопись. Нѣтъ, я лучше сейчасъ пошлю.

— Стойте, вотъ она! вынулъ Петръ Степановичъ изъ задняго кармана пачку почтовыхъ листиковъ, — измялась немножко. Вообразите, какъ взялъ тогда у васъ, такъ и пролежала все время въ заднемъ карманѣ съ носовымъ платкомъ; забылъ.

Кармазиновъ съ жадностію схватилъ рукопись, бережно осмотрѣлъ ее, сосчиталъ листки и съ уваженіемъ положилъ покамѣстъ подлѣ себя, на особый столикъ, но такъ чтобъ имѣть ее каждый мигъ на виду.

— Вы, кажется, не такъ много читаете? прошипѣлъ онъ не вытерпѣвъ.

— Нѣтъ, не такъ много.

— А ужь по части русской беллетристики—ничего?

— По части русской беллетристики? Позвольте, я что-то читалъ.... „По пути“.... или „Въ путь“.... или „На перепутьи“ что ли, не помню. Давно читалъ, лѣтъ пять. Некогда.

Послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— Я, какъ пріѣхалъ, увѣрилъ ихъ всѣхъ что вы чрезвычайно умный человѣкъ и теперь кажется всѣ здѣсь отъ васъ безъ ума.

— Благодарю васъ, спокойно отозвался Петръ Степановичъ.

Принесли завтракъ. Петръ Степановичъ съ чрезвычайнымъ аппетитомъ набросился на котлетку, мигомъ съѣлъ ее, выпилъ вино и выхлебнулъ кофе.

„Этотъ неучъ“, въ раздумьи оглядывалъ его искоса Кармазиновъ, доѣдая послѣдній кусочекъ и выпивая послѣдній глo-

точекъ, „этотъ неужъ вѣроятно понялъ сейчасъ всю колкость моей фразы.... да и руколись конечно прочиталъ съ жадностію, а только лжетъ изъ видовъ. Но можетъ быть и то что не лжетъ, а совершенно искренно глупъ. Геніальнаго человѣка я люблю нѣсколько глупымъ. Ужь не геній ли онъ какой у нихъ въ самомъ дѣлѣ, чортъ его впрочемъ дери.“

Онъ всталъ съ дивана и началъ прохаживаться по комнатѣ изъ угла въ уголъ, для моціону, что̀ исполнялъ каждый разъ послѣ завтрака.

— Скоро отсюда? спросилъ Петръ Степановичъ съ креселъ, закуривъ папироску.

— Я собственно пріѣхалъ продать имѣніе и завишу теперь отъ моего управляющаго.

— Вы вѣдь, кажется, пріѣхали потому что тамъ эпидеміи послѣ войны ожидали?

— Н-нѣтъ, не совсѣмъ потому, продолжалъ господинъ Кармазиновъ, благодушно скандируя свои фразы и при каждомъ оборотѣ изъ угла въ другой уголъ бодро дрыгая правою ножкой, впрочемъ чуть-чуть. — Я дѣйствительно, усмѣхнулся онъ не безъ яду,—намѣреваюсь прожить какъ можно дольше. Въ русскомъ барствѣ есть нѣчто чрезвычайно быстро изнашивающееся, во всѣхъ отношеніяхъ. Но я хочу износиться какъ можно позже и теперь перебираюсь за границу совсѣмъ; тамъ и климатъ лучше и строеніе каменное и все крѣпче. На мой вѣкъ Европы хватитъ, я думаю. Какъ вы думаете?

— Я почемъ знаю.

— Гм. Если тамъ дѣйствительно рухнетъ Вавилонъ и паденіе его будетъ великое (въ чемъ я совершенно съ вами согласенъ, хотя и думаю что на мой вѣкъ его хватитъ), то у насъ въ Россіи и рушиться нечему, сравнительно говоря. Уладутъ у насъ не камни, а все расплывется въ грязь. Святая Русь менѣе всего на свѣтѣ можетъ дать отпору чему-нибудь. Простой народъ еще держится кое-какъ Русскимъ Богомъ; но Русскій Богъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, весьма неблагонадеженъ и даже противъ крестьянской реформы едва устоялъ, по крайней мѣрѣ сильно покачнулся. А тутъ желѣзныя дороги, а тутъ вы.... ужь въ Русскаго-то Бога я совсѣмъ не вѣрую.

— А въ Европейскаго?

— Я ни въ какого не вѣрую. Меня оклеветали предъ русскою молодежью. Я всегда сочувствовалъ каждому движенію ея. Мнѣ показывали эти здѣшнія прокламаціи. На нихъ смотрятъ

съ недоумѣніемъ, потому что всѣхъ пугаетъ форма, но всѣ однако увѣрены въ ихъ могуществѣ, хотя бы и не сознавая того. Всѣ давно падаютъ и всѣ давно знаютъ что не за что̀ ухватиться. Я уже потому убѣжденъ въ успѣхѣ этой таинственной пропаганды что Россія есть теперь попреимуществу то мѣсто въ цѣломъ мірѣ гдѣ все что̀ угодно можетъ произойти безъ малѣйшаго отпору. Я понимаю слишкомъ хорошо почему Русскіе съ состояніемъ всѣ хлынули за границу и съ каждымъ годомъ больше и больше. Тутъ просто инстинктъ. Если кораблю потонуть, то крысы первыя изъ него выселяются. Святая Русь страна деревянная, нищая и.... опасная, страна тщеславныхъ нищихъ въ высшихъ слояхъ своихъ, а въ огромномъ большинствѣ живетъ въ избушкахъ на курьихъ ножкахъ. Она обрадуется всякому выходу, сто́итъ только растолковать. Одно правительство еще хочетъ сопротивляться, но машетъ дубиной въ темнотѣ и бьетъ по своимъ. Тутъ все обречено и приговорено. Россія, какъ она есть, не имѣетъ будущности. Я сдѣлался Нѣмцемъ и вмѣняю это себѣ въ честь.

— Нѣтъ, вы вотъ начали о прокламаціяхъ; скажите все, какъ вы на нихъ смотрите?

— Ихъ всѣ боятся, стало-быть онѣ могущественны. Онѣ открыто обличаютъ обманъ и доказываютъ что у насъ не за что̀ ухватиться и не на что̀ опереться. Онѣ говорятъ громко, когда всѣ молчатъ. Въ нихъ всего побѣдительнѣе (несмотря на форму) эта неслыханная до сихъ поръ смѣлость засматривать прямо въ лицо истинѣ. Эта способность смотрѣть истинѣ прямо въ лицо принадлежитъ одному только русскому поколѣнію. Нѣтъ, въ Европѣ еще не такъ смѣлы: тамъ царство каменное, тамъ ещѐ есть на чемъ опереться. Сколько я вижу и сколько судить могу, вся суть русской революціонной идеи заключается въ отрицаніи чести. Мнѣ нравится что это такъ смѣло и безбоязненно выражено. Нѣтъ, въ Европѣ еще этого не поймутъ, а у насъ именно на это-то и набросятся. Русскому человѣку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременемъ, во всю его исторію. Открытымъ „правомъ на безчестье“ его скорѣй всего увлечь можно. Я поколѣнія стараго и, признаюсь, еще стою за честь, но вѣдь только по привычкѣ. Мнѣ лишь нравятся старыя формы, положимъ, по малодушію; нужно же какъ-нибудь дожить вѣкъ.

Онъ вдругъ пріостановился.

„Однако я говорю-говорю“, подумалъ онъ, „а онъ все мол-

читъ и высматриваетъ. Онъ пришелъ за тѣмъ чтобъ я задалъ ему прямой вопросъ. А я и задамъ."

— Юлія Михайловна просила меня какъ-нибудь обманомъ у васъ выпытать, какой это сюрпризъ вы готовите къ балу послѣзавтра? вдругъ спросилъ Петръ Степановичъ.

— Да, это дѣйствительно будетъ сюрпризъ, и я дѣйствительно изумлю.... пріосанился Кармазиновъ, — но я не скажу вамъ въ чемъ секретъ.

Петръ Степановичъ не настаивалъ.

— Здѣсь есть какой-то Шатовъ, освѣдомился великій писатель, и вообразите я его не видалъ.

— Очень хорошая личность. А что?

— Такъ, онъ про что-то тамъ говоритъ. Вѣдь это онъ по щекѣ ударилъ Ставрогина?

— Онъ.

— А о Ставрогинѣ какъ вы полагаете?

— Не знаю; волокита какой-то.

Кармазиновъ возненавидѣлъ Ставрогина, потому что тотъ взялъ привычку совершенно не замѣчать его.

— Этого волокиту, сказалъ онъ хихикая,—если у насъ осуществиться когда-нибудь то о чемъ проповѣдуютъ въ прокламаціяхъ, вѣроятно вздернутъ перваго на сукъ.

— Можетъ и раньше, вдругъ сказалъ Петръ Степановичъ.

— Такъ и слѣдуетъ, уже не смѣясь и какъ-то слишкомъ серіозно поддакнулъ Кармазиновъ.

— А вы ужь это разъ говорили и, знаете, я ему передалъ.

— Какъ, неужто передали? разсмѣялся опять Кармазиновъ.

— Онъ сказалъ что если его на сукъ, то васъ довольно и высѣчь, но только не изъ чести, а больно, какъ мужика сѣкутъ.

Петръ Степановичъ взялъ шляпу и всталъ съ мѣста. Кармазиновъ протянулъ ему на прощаніе обѣ руки.

— А что, пропищалъ онъ вдругъ медовымъ голоскомъ и съ какою-то особенною интонаціей, все еще придерживая его руки въ своихъ,—что если назначено осуществиться всему тому.... о чемъ замышляютъ, то.... когда это могло бы произойти?

— Почемъ я знаю, нѣсколько грубо отвѣтилъ Петръ Степановичъ. Оба пристально смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Примѣрно? приблизительно? еще слаще пропищалъ Кармазиновъ.

— Продать имѣніе успѣете и убраться тоже успѣете, еще

грубѣе пробормоталъ Петръ Степановичъ. Оба еще пристальнѣе смотрѣли другъ на друга. Произошла минута молчанія.

— Къ началу будущаго мая начнется, а къ Покрову все кончится, вдругъ проговорилъ Петръ Степановичъ.

— Благодарю васъ искренно, проникнутымъ голосомъ произнесъ Кармазиновъ, сжавъ ему руки.

„Успѣешь, крыса, выселиться изъ корабля!“ думалъ Петръ Степановичъ выходя на улицу. Ну коли ужъ этотъ, „почти государственный умъ“, такъ увѣренно освѣдомляется о днѣ и часѣ и такъ почтительно благодаритъ за полученное свѣдѣніе, то ужъ намъ-то въ себѣ нельзя послѣ того сомнѣваться. (Онъ усмѣхнулся.) Гм. А онъ въ самомъ дѣлѣ у нихъ не глупъ и.... всего только переселяющаяся крыса; такая не донесетъ!

Онъ побѣжалъ въ Богоявленскую улицу въ домъ Филиппова.

VII.

Петръ Степановичъ прошелъ сперва къ Кирилову. Тотъ былъ по обыкновенію одинъ и въ этотъ разъ продѣлывалъ среди комнаты гимнастику, то-есть разставивъ ноги вертѣлъ какимъ-то особеннымъ образомъ надъ собою руками. На полу лежалъ мячъ. На столѣ стоялъ неприбранный утренній чай, уже холодный. Петръ Степановичъ постоялъ съ минуту на порогѣ.

— Вы однакожъ о здоровьи своемъ сильно заботитесь, проговорилъ онъ громко и весело входя въ комнату;—какой славный однакоже мячъ, фу, какъ отскакиваетъ; онъ тоже для гимнастики?

Кириловъ надѣлъ сертукъ.

— Да, тоже для здоровья, пробормоталъ онъ сухо;—садитесь.

— Я на минуту. А впрочемъ сяду. Здоровье здоровьемъ, но я пришелъ напомнить объ уговорѣ. Приближается „въ нѣкоторомъ смыслѣ“ нашъ срокъ-съ, заключилъ Петръ Степановичъ съ неловкимъ вывертомъ.

— Какой уговоръ?

— Какъ какой уговоръ? всполохнулся Петръ Степановичъ, даже испугался.

— Это не уговоръ и не обязанность, я ничѣмъ не вязалъ себя, съ вашей стороны ошибка.

— Послушайте, что же вы это дѣлаете? вскочилъ ужъ совсѣмъ Петръ Степановичъ.

— Свою волю.

— Какую?

— Прежнюю.

— То-есть какъ же это понять? Значитъ ли что вы въ прежнихъ мысляхъ?

— Значитъ. Только уговору нѣтъ и не было, и я ничѣмъ не вязалъ. Была одна моя воля и теперь одна моя воля.

Кириловъ изъяснялся рѣзко и брезгливо.

— Я согласенъ, согласенъ, пусть воля, лишь бы эта воля не измѣнилась, усѣлся опять съ удовлетвореннымъ видомъ Петръ Степановичъ.—Вы сердитесь за слова. Вы что-то очень стали послѣднее время сердиты; я потому избѣгалъ посѣщать. Впрочемъ былъ совершенно увѣренъ что не измѣните.

— Я васъ очень не люблю; но совершенно увѣрены можете быть. Хоть и не признаю измѣны и не-измѣны.

— Однако знаете, всполохнулся опять Петръ Степановичъ,— надо бы опять поговорить толкомъ, чтобы не сбиться. Дѣло требуетъ точности, а вы меня ужасно какъ горопите. Позволяете поговорить?

— Говорите, отрѣзалъ Кириловъ, смотря въ уголъ.

— Вы давно уже положили лишить себя жизни.... то-есть у васъ такая была идея. Такъ что ли я выразился? Нѣтъ ли какой ошибки?

— У меня и теперь такая же идея.

— Прекрасно. Замѣтьте при этомъ что васъ никто не принуждалъ къ тому.

— Еще бы; какъ вы говорите глупо.

— Пусть, пусть; я очень глупо выразился. Безъ сомнѣнія было бы очень глупо къ тому принуждать; я продолжаю: вы были членомъ Общества еще при старой организаціи и открылись тогда же одному изъ членовъ Общества.

— Я не открывался, я просто сказалъ.

— Пусть. И смѣшно бы было въ этомъ „открываться“, что̀ за исповѣдь? Вы просто сказали, и прекрасно.

— Нѣтъ не прекрасно, потому что вы очень мямлите. Я вамъ не обязанъ никакимъ отчетомъ, и мыслей моихъ вы не можете понимать. Я хочу лишить себя жизни потому что такая у меня мысль, потому что я не хочу страха смерти, потому.... потому что вамъ нечего тутъ знать.... Чего вы? Чай хотите пить? Холодный. Дайте я вамъ другой стаканъ принесу.

Петръ Степановичъ дѣйствительно схватился было за чайникъ

и искалъ порожней посудины. Кириловъ сходилъ въ шкафъ и принесъ чистый стаканъ.

— Я сейчасъ у Кармазинова завтракалъ, замѣтилъ гость,— потомъ слушалъ какъ онъ говорилъ, и вспотѣлъ, а сюда бѣжалъ тоже вспотѣлъ, смерть хочется пить.

— Пейте. Чай холодный хорошо.

Кириловъ опять усѣлся на стулъ и опять уперся глазами въ уголъ.

— Въ Обществѣ произошла мысль, продолжалъ онъ тѣмъ же голосомъ,—что я могу быть тѣмъ полезенъ если убью себя, и что когда вы что-нибудь тутъ накутите, и будутъ виновныхъ искать, то я вдругъ застрѣлюсь и оставлю письмо что это я все сдѣлалъ, такъ что васъ цѣлый годъ подозрѣвать не могутъ.

— Хоть нѣсколько дней; и день одинъ дорогъ.

— Хорошо. Въ этомъ смыслѣ мнѣ сказали чтобъ я, если хочу, подождалъ. Я сказалъ что подожду пока скажутъ срокъ отъ Общества, потому что мнѣ все равно.

— Да, но вспомните что вы обязались, когда будете сочинять предсмертное письмо, то не иначе какъ вмѣстѣ со мной, и прибывъ въ Россію будете въ моемъ.... ну однимъ словомъ, въ моемъ распоряженіи, то-есть на одинъ только этотъ случай разумѣется, а во всѣхъ другихъ вы конечно свободны, почти съ любезностію прибавилъ Петръ Степановичъ.

— Я не обязался, а согласился, потому что мнѣ все равно.

— И прекрасно, прекрасно, я нисколько не имѣю намѣренія стѣснять ваше самолюбіе, но....

— Тутъ не самолюбіе.

— Но вспомните что вамъ собрали сто двадцать талеровъ на дорогу, стало-быть вы брали деньги.

— Совсѣмъ нѣтъ, вспыхнулъ Кириловъ,—деньги не съ тѣмъ. За это не берутъ.

— Берутъ иногда.

— Врете вы. Я заявилъ письмомъ изъ Петербурга, а въ Петербургѣ заплатилъ вамъ сто двадцать талеровъ, вамъ въ руки.... и они туда отосланы, если только вы не задержали у себя.

— Хорошо, хорошо, я ни въ чемъ не спорю, отосланы. Главное что вы въ тѣхъ же мысляхъ какъ прежде.

— Въ тѣхъ самыхъ. Когда вы придете и скажете: „пора“, я все исполню. Что, очень скоро?

— Не такъ много дней.... Но помните, записку мы сочиняемъ вмѣстѣ, въ ту же ночь.

— Хоть и днемъ. Вы сказали, надо взять на себя прокламаціи?

— И кое что̀ еще.

— Я не все возьму на себя.

— Чего же не возьмете? всполохнулся опять Петръ Степановичъ.

— Чего не захочу; довольно. Я не хочу больше о томъ говорить.

Петръ Степановичъ скрѣпился и перемѣнилъ разговоръ.

— Я о другомъ, предупредилъ онъ, — будете вы сегодня вечеромъ у нашихъ? Виргинскій имянинникъ, подъ тѣмъ предлогомъ и соберутся.

— Не хочу.

— Сдѣлайте одолженіе будьте. Надо. Надо внушить и числомъ и лицомъ.... У васъ лицо.... ну, однимъ словомъ, у васъ лицо фатальное.

— Вы находите? разсмѣялся Кириловъ,—хорошо, приду; только не для лица. Когда?

— О, пораньше, въ половинѣ седьмаго. И знаете, вы можете войти, сѣсть и ни съ кѣмъ не говорить, сколько бы тамъ ихъ ни было. Только знаете, не забудьте захватить съ собою бумагу и карандашъ.

— Это зачѣмъ?

— Вѣдь вамъ все равно; а это моя особенная просьба. Вы только будете сидѣть ни съ кѣмъ ровно не говоря, слушать и изрѣдка дѣлать какъ бы отмѣтки; ну хоть рисуйте что-нибудь.

— Какой вздоръ, зачѣмъ?

— Ну коли вамъ все равно; вѣдь вы все говорите что вамъ все равно.

— Нѣтъ, зачѣмъ?

— А вотъ затѣмъ что тотъ членъ отъ Общества, ревизоръ, засѣлъ въ Москвѣ, а я тамъ кой-кому объявилъ что можетъ-быть лосѣтитъ ревизоръ; и они будутъ думать что вы-то и есть ревизоръ, а такъ какъ вы уже здѣсь три недѣли, то еще больше удивятся.

— Фокусы. Никакого ревизора у васъ нѣтъ въ Москвѣ.

— Ну пусть нѣтъ, чортъ его и дери, вамъ-то какое дѣло и чѣмъ это васъ затруднитъ? Сами же членъ Общества.

— Скажите имъ что я ревизоръ; я буду сидѣть и молчать, а бумагу и карандашъ не хочу.

— Да почему?

— Не хочу.

Петръ Степановичъ разозлился, даже позеленѣлъ, но опять скрѣпилъ себя, всталъ и взялъ шляпу.

— *Этотъ* у васъ? произнесъ онъ вдругъ вполголоса.

— У меня.

— Это хорошо. Я скоро его выведу, не безпокойтесь.

— Я не безпокоюсь. Онъ только ночуетъ. Старуха въ больницѣ, сноха померла; я два дня одинъ. Я ему показалъ мѣсто въ заборѣ гдѣ доска вынимается; онъ пролѣзетъ, никто не видитъ.

— Я его скоро возьму.

— Онъ говоритъ что у него много мѣстъ ночевать.

— Онъ вретъ, его ищутъ, а здѣсь пока незамѣтно. Развѣ вы съ нимъ пускаетесь въ разговоры?

— Да, всю ночь. Онъ васъ очень ругаетъ. Я ему ночью Апокалипсисъ читалъ, и чай. Очень слушалъ; даже очень, всю ночь.

— А, чортъ, да вы его въ христіанскую вѣру обратите!

— Онъ и то христіанской вѣры. Не безпокойтесь, зарѣжетъ. Кого вы хотите зарѣзать?

— Нѣтъ, онъ не для того у меня; онъ для другаго.... А Шатовъ про Ѳедьку знаетъ?

— Я съ Шатовымъ ничего не говорю и не вижу.

— Злится что ли?

— Нѣтъ, не злимся, а только отворачиваемся. Слишкомъ долго вмѣстѣ въ Америкѣ пролежали.

— Я сейчасъ къ нему зайду.

— Какъ хотите.

— Мы со Ставрогинымъ къ вамъ тоже можетъ зайдемъ оттуда, этакъ часовъ въ десять.

— Приходите.

— Мнѣ съ нимъ надо поговорить о важномъ.... Знаете, подарите-ка мнѣ вашъ мячъ; къ чему вамъ теперь? Я тоже для гимнастики. Я вамъ пожалуй заплачу деньги.

— Возьмите такъ.

Петръ Степановичъ положилъ мячъ въ задній карманъ.

— А я вамъ не дамъ ничего противъ Ставрогина, пробормо-

талъ вслѣдъ Кириловъ, выпуская гостя. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, но не отвѣтилъ.

Послѣднія слова Кирилова смутили Петра Степановича чрезвычайно; онъ еще не успѣлъ ихъ осмыслить, но еще на лѣстницѣ къ Шатову постарался передѣлать свой недовольный видъ въ ласковую физіономію. Шатовъ былъ дома и немного боленъ. Онъ лежалъ на постели, впрочемъ одѣтый.

— Вотъ неудача! вскричалъ Петръ Степановичъ съ порога;— серіозно больны?

Ласковое выраженіе его лица вдругъ изчезло; что-то злобное засверкало въ глазахъ.

— Нисколько, нервно привскочилъ Шатовъ, —я вовсе не боленъ, немного голова....

Онъ даже потерялся; внезапное появленіе такого гостя рѣшительно испугало его.

— Я именно по такому дѣлу что хворать не слѣдуетъ, началъ Петръ Степановичъ быстро и какъ бы властно;—позвольте сѣсть (онъ сѣлъ), а вы садитесь опяту на вашу койку, вотъ такъ. Сегодня подъ видомъ дня рожденія Виргинскаго соберутся у него изъ нашихъ; другаго впрочемъ оттѣнка не будетъ вовсе, приняты мѣры. Я приду съ Николаемъ Ставрогинымъ. Васъ бы я конечно не потащилъ туда, зная вашъ теперешній образъ мыслей.... то-есть въ томъ смыслѣ чтобы васъ тамъ не мучить, а не изъ того что мы думаемъ что вы донесете. Но вышло такъ что вамъ придется идти. Вы тамъ встрѣтите тѣхъ самыхъ съ которыми окончательно и порѣшимъ какимъ образомъ вамъ оставить Общество и кому сдать что у васъ находится. Сдѣлаемъ непримѣтно; я васъ отведу куда-нибудь въ уголъ; народу много, а всѣмъ незачѣмъ знать. Признаться, мнѣ пришлось таки изъ-за васъ языкъ поточить; но теперь кажется и они согласны. съ тѣмъ разумѣется чтобы вы сдали типографію и всѣ бумаги. Тогда ступайте себѣ на всѣ четыре стороны.

Шатовъ выслушалъ нахмуренно и злобно. Нервный недавній испугъ оставилъ его совсѣмъ.

— Я не признаю никакой обязанности давать чорть знаетъ кому отчетъ, проговорилъ онъ наотрѣзъ; — никто меня не можетъ отпускать на волю.

— Не совсѣмъ. Вамъ многое было довѣрено. Вы не имѣли права прямо разрывать. И наконецъ вы никогда не заявляли о томъ ясно, такъ что вводили ихъ въ двусмысленное положеніе.

— Я какъ пріѣхалъ сюда заявилъ ясно письмомъ.

— Нѣтъ не ясно, спокойно оспаривалъ Петръ Степановичъ — я вамъ прислалъ напримѣръ *Свѣтлую Личность* чтобы здѣсь напечатать и экземпляры сложить до востребованія гдѣ-нибудь тутъ у васъ; тоже двѣ прокламаціи. Вы воротили съ письмомъ двусмысленнымъ, ничего не обозначающимъ.

— Я прямо отказался печатать.

— Да, но не прямо. Вы написали: „не могу“, но не объяснили по какой причинѣ. „Не могу“ не значитъ „не хочу“. Можно было подумать что вы просто отъ матеріальныхъ причинъ не можете. Такъ это и поняли и сочли что вы все-таки согласны продолжать связь съ Обществомъ, а стало-быть могли опять вамъ что-нибудь довѣрить, слѣдовательно себя компрометтировать. Здѣсь они говорятъ что вы просто хотѣли обмануть, съ тѣмъ чтобы, получивъ какое-нибудь важное сообщеніе, донести. Я васъ защищалъ изо всѣхъ силъ и показалъ вашъ письменный отвѣтъ въ двѣ строки, какъ документъ въ вашу пользу. Но и самъ долженъ былъ сознаться, перечитавъ теперь, что эти двѣ строчки не ясны и вводятъ въ обманъ.

— А у васъ такъ тщательно сохранилось это письмо?

— Это ничего что оно у меня сохранилось; оно и теперь у меня.

— Ну и пускай, чортъ!... яростно вскричалъ Шатовъ. — Пускай ваши дураки считаютъ что я донесъ, какое мнѣ дѣло! Я бы желалъ посмотрѣть что вы мнѣ можете сдѣлать?

— Васъ-бы отмѣтили и при первомъ успѣхѣ революціи повѣсили.

— Это когда вы захватите верховную власть и покорите Россію?

— Вы не смѣйтесь. Повторяю, я васъ отстаивалъ. Такъ ли, эдакъ, а все-таки я вамъ явиться сегодня совѣтую. Къ чему напрасныя слова изъ-за какой-то фальшивой гордости? Не лучше ли разстаться дружелюбно? Вѣдь ужь во всякомъ случаѣ вамъ придется сдавать станокъ и буквы и старыя бумажки, вотъ о томъ и поговоримъ.

— Приду, проворчалъ Шатовъ, въ раздумьи понуривъ голову. Петръ Степановичъ искоса разсматривалъ его съ своего мѣста.

— Ставрогинъ будетъ? спросилъ вдругъ Шатовъ, подымая голову.

— Будетъ непремѣнно.

— Хе, хе!

Опять съ минуту помолчали. Шатовъ брезгливо раздражительно ухмылялся.

— А эта ваша подлая *Свѣтлая Личность*, которую я не хотѣлъ здѣсь печатать, напечатана?

— Напечатана.

— Гимназистовъ увѣрять что вамъ самъ Герценъ въ альбомъ написалъ?

— Самъ Герценъ.

Опять помолчали минуты съ три. Шатовъ всталъ наконецъ съ постели:

— Ступайте вонъ отъ меня, я не хочу сидѣть вмѣстѣ съ вами.

— Иду, даже какъ-то весело проговорилъ Петръ Степановичъ, немедленно подымаясь,—одно только слово: Кириловъ кажется одинъ одинешенекъ теперь во флигелѣ безъ служанки?

— Одинъ одинешенекъ. Ступайте, я не могу оставаться въ одной съ вами комнатѣ.

„Ну, хорошъ же ты теперь!“ весело обдумывалъ Петръ Степановичъ выходя на улицу; „хорошъ будешь и вечеромъ, а мнѣ именно такого тебя теперь надо, и лучше желать нельзя, лучше желать нельзя! Самъ Русскій Богъ помогаетъ!“

VIII.

Вѣроятно онъ очень много хлопоталъ въ этотъ день по разнымъ побѣгушкамъ; и должно-быть успѣшно — что и отозвалось въ самодовольномъ выраженіи его физіономіи, когда вечеромъ, ровно въ шесть часовъ, онъ явился къ Николаю Всеволодовичу. Но къ тому его не сейчасъ допустили; съ Николаемъ Всеволодовичемъ только-что заперся въ кабинетѣ Маврикій Николаевичъ. Это извѣстіе мигомъ его озаботило. Онъ усѣлся у самыхъ дверей кабинета, съ тѣмъ чтобы ждать выхода гостя. Разговоръ былъ слышенъ, но словъ нельзя было уловить. Визитъ продолжался недолго; вскорѣ послышался шумъ, раздался чрезвычайно громкій и рѣзкій голосъ, вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и вышелъ Маврикій Николаевичъ съ совершенно блѣднымъ лицомъ. Онъ не замѣтилъ Петра Степановича и быстро прошелъ мимо. Петръ Степановичъ тотчасъ же вбѣжалъ въ кабинетъ.

Не могу обойти подробнаго отчета объ этомъ, чрезвычайно

краткомъ свиданіи двухъ „соперниковъ“,—свиданіи, повидимому, невозможномъ при сложившихся обстоятельствахъ, но однакоже состоявшемся.

Произошло это такъ: Николай Всеволодовичъ дремалъ въ своемъ кабинетѣ послѣ обѣда на кушеткѣ, когда Алексѣй Егоровичъ доложилъ о приходѣ неожидаемаго гостя. Услышавъ возвѣщенное имя, онъ вскочилъ даже съ мѣста и не хотѣлъ вѣрить. Но вскорѣ улыбка сверкнула на губахъ его—улыбка высокомѣрнаго торжества и въ то же время какого-то тупаго недовѣрчиваго изумленія. Вошедшій Маврикій Николаевичъ, кажется, былъ-пораженъ выраженіемъ этой улыбки, но крайней мѣрѣ вдругъ пріостановился среди комнаты, какъ бы не рѣшаясь: идти ли дальше или воротиться? Хозяинъ тотчасъ же успѣлъ измѣнить свое лицо и съ видомъ серіознаго недоумѣнія шагнулъ ему навстрѣчу. Тотъ не взялъ протянутой ему руки, неловко придвинулъ стулъ и, не сказавъ ни слова, сѣлъ еще прежде хозяина, не дождавшись приглашенія. Николай Всеволодовичъ усѣлся наискось на кушеткѣ и всматриваясь въ Маврикія Николаевича молчалъ и ждалъ.

— Если можете, то женитесь на Лизаветѣ Николаевнѣ, подарилъ вдругъ Маврикій Николаевичъ, и что̀ было всего любопытнѣе—никакъ нельзя было узнать по интонаціи голоса что̀ это такое: просьба, рекомендація, уступка или приказаніе.

Николай Всеволодовичъ продолжалъ молчать; но гость, очевидно, сказалъ уже все для чего пришелъ, и глядѣлъ въ упоръ ожидая отвѣта.

— Если не ошибаюсь (впрочемъ это слишкомъ вѣрно), Лизавета Николаевна уже обручена съ вами, проговорилъ наконецъ Ставрогинъ.

— Помолвлена и обручилась, твердо и ясно подтвердилъ Маврикій Николаевичъ.

— Вы.... поссорились?... Извините меня, Маврикій Николаевичъ.

— Нѣтъ, она меня „любитъ и уважаетъ“, ея слова. Ея слова драгоцѣннѣе всего.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— Но знайте что если она будетъ стоять у самаго налоя подъ вѣнцомъ, а вы ее кликнете, то она броситъ меня и всѣхъ и подойдетъ къ вамъ.

— Изъ-подъ вѣнца.

— И послѣ вѣнца.

— Не ошибаетесь ли?

— Нѣтъ. Изъ-подъ безпрерывной къ вамъ ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновеніе сверкаетъ любовь и.... безуміе.... самая искренняя и безмѣрная любовь и—безуміе! Напротивъ изъ-за любви которую она ко мнѣ чувствуетъ, тоже искренно, каждое мгновеніе сверкаетъ ненависть,—самая великая! Я бы никогда не могъ вообразить прежде всѣ эти.... метаморфозы.

— Но я удивляюсь какъ могли вы, однако, придти и располагать рукой Лизаветы Николаевны? Имѣете ли вы на то право? Или она васъ уполномочила?

Маврикій Николаевичъ нахмурился и на минуту потупилъ голову.

— Вѣдь это только одни слова съ вашей стороны, проговорилъ онъ вдругъ,—мстительныя и торжествующія слова; я увѣренъ, вы понимаете недосказанное въ строкахъ, и неужели есть тутъ мѣсто мелкому тщеславію? Мало вамъ удовлетворенія? Неужѣли надо размазывать, ставить точки на і. Извольте я поставлю точки, если вамъ такъ нужно мое униженіе: права я не имѣю, полномочіе невозможно; Лизавета Николаевна ни о чемъ не знаетъ, а женихъ ея потерялъ послѣдній умъ и достоинъ сумашедшаго дома, и въ довершеніе самъ приходитъ вамъ объ этомъ рапортовать. На всемъ свѣтѣ только вы одни можете сдѣлать ее счастливою, и только я одинъ—несчастною. Вы ее оспариваете, вы ее преслѣдуете, но не знаю почему не женитесь. Если это любовная ссора, бывшая за границей, и чтобы пресѣчь ее, надо принести меня въ жертву,—приносите. Она слишкомъ несчастна, и я не могу того вынести. Мои слова не позволеніе, не предписаніе, а потому и самолюбію вашему нѣтъ оскорбленія. Еслибы вы хотѣли взять мое мѣсто у налоя, то могли это сдѣлать безо всякаго позволенія съ моей стороны, и мнѣ, конечно, нечего было приходить къ вамъ съ безуміемъ. Тѣмъ болѣе что и свадьба наша послѣ теперешняго моего шага уже никакъ невозможна. Не могу же я вести ее къ алтарю подлецомъ? То что я дѣлаю здѣсь и то что я предаю ее вамъ, можетъ-быть непримиримѣйшему ея врагу, на мой взглядъ такая подлость которую я, разумѣется, не перенесу никогда.

— Застрѣлитесь, когда васъ будутъ вѣнчать?

— Нѣтъ, позже гораздо. Къ чему марать моею кровью ея брачную одежду. Можетъ я и совсѣмъ не застрѣлюсь, ни теперь, ни позже.

— Говоря такъ, желаете, вѣроятно, меня успокоить?

— Васъ? Одинъ лишній брызгъ крови что̀ для васъ можетъ значить?

Онъ поблѣднѣлъ и глаза его засверкали. Послѣдовало минутное молчаніе.

— Извините меня за предложенные вамъ вопросы, началъ вновь Ставрогинъ;—нѣкоторые изъ нихъ я не имѣлъ никакого права вамъ предлагать, но на одинъ изъ нихъ я имѣю, кажется, полное право: скажите мнѣ, какія данныя заставили васъ заключить о моихъ чувствахъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ? Я разумѣю о той степени этихъ чувствъ увѣренность въ которой позволила вамъ придти ко мнѣ и.... рискнуть такимъ предложеніемъ.

— Какъ? даже вздрогнулъ немного Маврикій Николаевичъ;— развѣ вы не домогались? Не домогаетесь и не хотите домогаться?

— Вообще о чувствахъ моихъ къ той или другой женщинѣ я не могу говорить вслухъ третьему лицу, да и кому бы то ни было, кромѣ той одной женщины. Извините, такова ужъ странность организма. Но взамѣнъ того я скажу вамъ всю остальную правду: я женатъ, и жениться или „домогаться“ мнѣ уже невозможно.

Маврикій Николаевичъ былъ до того изумленъ что отшатнулся на спинку кресла и нѣкоторое время смотрѣлъ неподвижно на лицо Ставрогина.

— Представьте, я никакъ этого не подумалъ, пробормоталъ онъ,—вы сказали тогда, въ то утро, что не женаты.... я такъ и повѣрилъ что не женаты....

Онъ ужасно блѣднѣлъ; вдругъ онъ ударилъ изо всей силы кулакомъ по столу.

— Если вы послѣ такого признанія не оставите Лизавету Николаевну и сдѣлаете ее несчастною сами, то я убью васъ палкой, какъ собаку подъ заборомъ!

Онъ вскочилъ и быстро вышелъ изъ комнаты. Вбѣжавшій Петръ Степановичъ засталъ хозяина въ самомъ неожиданномъ расположеніи духа.

— А, это вы! громко захохоталъ Ставрогинъ; хохоталъ онъ, казалось, одной только фигурѣ Петра Степановича, вбѣжавшаго съ такимъ стремительнымъ любопытствомъ.

— Вы у дверей подслушивали? Постойте, съ чѣмъ это вы прибыли? Вѣдь я что-то вамъ обѣщалъ.... А, ба! Помню: къ „нашимъ“! Идемъ, очень радъ, и ничего вы не могли придумать теперь болѣе кстати.

Онъ схватилъ шляпу, и оба немедля вышли изъ дому.

— Вы заранѣе смѣетесь что увидите „нашихъ“? весело юлилъ

Петръ Степановичъ, то стараясь шагать рядомъ съ своимъ спутникомъ по узкому кирпичному тротуару, то сбѣгая даже на улицу въ самую грязь, потому что спутникъ совершенно не замѣчалъ что идетъ одинъ по самой серединѣ тротуара, а стало-быть занимаетъ его весь одною своею особой.

— Нисколько не смѣюсь, громко и весело отвѣчалъ Ставрогинъ, — напротивъ, убѣжденъ что у васъ тамъ самый серіозный народъ.

— „Угрюмыя тулицы“, какъ вы изволили разъ выразиться.

— Ничего нѣтъ веселѣе иной угрюмой тулицы.

— А, это вы про Маврикія Николаевича! Я убѣжденъ что онъ вамъ сейчасъ невѣсту приходилъ уступать, а? Это я его подъуськалъ косвенно, можете себѣ представить. А не уступитъ, такъ мы у него сами возьмемъ—а?

Петръ Степановичъ, конечно, зналъ что рискуетъ пускаясь въ такіе выверты, но ужь когда онъ самъ бывалъ возбужденъ, то лучше желалъ рисковать хоть на все, чѣмъ оставлять себя въ неизвѣстности. Николай Всеволодовичъ только разсмѣялся.

— А вы все еще разчитываете мнѣ помогать? спросилъ онъ.

— Если кликните. Но знаете что есть одинъ самый лучшій путь.

— Знаю вашъ путь.

— Ну нѣтъ, это покамѣсть секретъ. Только помните что секретъ денегъ стоитъ.

— Знаю сколько и стоитъ, проворчалъ про себя Ставрогинъ, но удержался и замолчалъ.

— Сколько? что вы сказали? встрепенулся Петръ Степановичъ.

— Я сказалъ: ну васъ къ чорту и съ секретомъ! Скажите мнѣ лучше, кто у васъ тамъ? Я знаю что мы на именины идемъ, но кто тамъ именно?

— О, въ высшей степени всякая всячина! Даже Кирилловъ будетъ.

— Все члены кружковъ?

— Чортъ возьми какъ вы торопитесь! Тутъ и одного кружка еще не состоялось.

— Какъ же вы разбросали столько прокламацій?

— Тамъ куда мы идемъ, членовъ кружка всего четверо. Остальные, въ ожиданіи, шпіонятъ другъ за другомъ взапуски и мнѣ переносятъ. Народъ благонадежный. Все это матеріалъ

который надо организовать да и убираться. Впрочемъ вы сами уставъ писали, вамъ нечего объяснять.

— Что́ жъ, трудно что ли идетъ? Заколодило?

— Идетъ? Какъ не надо легче. Я васъ посмѣшу: первое что̀ ужасно дѣйствуетъ—это мундиръ. Нѣтъ ничего сильнѣе мундира. Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, предсѣдатели, регистраторы, ихъ товарищи—очень нравится и отлично принялось. Затѣмъ слѣдующая сила разумѣется сентиментальность. Знаете, соціализмъ у насъ распространяется преимущественно изъ сентиментальности. Но тутъ бѣда, вотъ эти кусающіеся подпоручики; нѣтъ-нѣтъ да и нарвешься. Затѣмъ слѣдуютъ чистые мошенники; ну эти пожалуй хорошій народъ, иной разъ выгодны очень, но на нихъ много времени идетъ, неусыпный надзоръ требуется. Ну и наконецъ самая главная сила—цементъ все связующій—это стыдъ собственнаго мнѣнія. Вотъ это такъ сила! И кто это работалъ, кто этотъ „миленькій“ трудился, что ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого въ головѣ! За стыдъ почитаютъ.

— А коли такъ, изъ чего вы хлопочете?

— А коли лежитъ просто, ротъ разѣваетъ на всѣхъ, такъ какъ же его не стибрить! Будто серіозно не вѣрите что возможенъ успѣхъ? Эхъ, вѣра-то есть, да надо хотѣнья. Да, именно съ этакими и возможенъ успѣхъ. Я вамъ говорю, онъ у меня въ огонь пойдетъ, стоитъ только прикрикнуть на него что недостаточно либераленъ. Дураки попрекаютъ что я всѣхъ здѣсь надулъ центральнымъ комитетомъ и „безчисленными развѣтвленіями“. Вы сами разъ этимъ меня корили, а какое тутъ надуваніе: центральный комитетъ — я да вы, а развѣтвленій будетъ сколько угодно.

— И все этакая-то сволочь!

— Матеріалъ. Пригодятся и эти.

— А вы на меня все еще разчитываете?

— Вы начальникъ, вы сила; я у васъ только сбоку буду, секретаремъ. Мы, знаете, сядемъ въ ладью, веселки кленовыя, паруса шелковые, на кормѣ сидитъ красна дѣвица, свѣтъ Лизавета Николаевна.... или какъ тамъ у нихъ, чортъ, поется въ этой пѣснѣ....

— Запнулся! захохоталъ Ставрогинъ. — Нѣтъ, я вамъ скажу лучше присказку. Вы вотъ высчитываете по пальцамъ изъ какихъ силъ кружки составляются? Все это чиновничество и

сентиментальность — все это клейстеръ хорошій, но есть одна штука еще получше: подговорите четырехъ членовъ кружка укокошить лятаго, подъ видомъ того что тотъ донесетъ, и тотчасъ же вы ихъ всѣхъ пролитою кровью какъ однимъ узломъ свяжете. Рабами вашими станутъ, не посмѣютъ бунтовать и отчетовъ спрашивать. Ха, ха, ха!

„Однако же ты.... однако же ты мнѣ эти слова долженъ выкупить“, подумалъ про себя Петръ Степановичъ, „и даже сегодня же вечеромъ. Слишкомъ ты много ужь позволяешь себѣ.“

Такъ, или почти такъ долженъ былъ задуматься Петръ Степановичъ. Впрочемъ ужь подходили къ дому Виргинскаго.

— Вы, конечно, меня тамъ выставили какимъ-нибудь членомъ изъ-за границы, въ связяхъ съ Internationale, ревизоромъ? спросилъ вдругъ Ставрогинъ.

— Нѣтъ не ревизоромъ; ревизоромъ будете не вы; но вы членъ-учредитель изъ-за границы, которому извѣстны важнѣйшія тайны—вотъ ваша роль. Вы конечно станете говорить?

— Это съ чего вы взяли?

— Теперь обязаны говорить.

Ставрогинъ даже остановился въ удивленіи среди улицы, недалеко отъ фонаря. Петръ Степановичъ дерзко и спокойно выдержалъ его взглядъ. Ставрогинъ плюнулъ и пошелъ далѣе.

— А вы будете говорить? вдругъ спросилъ онъ Петра Степановича.

— Нѣтъ, ужь я васъ послушаю.

— Чортъ васъ возьми! Вы мнѣ въ самомъ дѣлѣ даете идею!

— Какую? выскочилъ Петръ Степановичъ.

— Тамъ-то я пожалуй поговорю, но за то потомъ васъ отколочу, и знаете—хорошо отколочу.

— Кстати, я давеча сказалъ про васъ Кармазинову что будто вы говорили про него что его надо высѣчь, да и не просто изъ чести, а какъ мужика сѣкутъ, больно.

— Да я этого никогда не говорилъ, ха-ха!

— Ничего. Se non e vero.

— Ну спасибо, искренно благодарю.

— Знаете еще что говорилъ Кармазиновъ: что въ сущности наше ученіе есть отрицаніе чести, и что откровеннымъ правомъ на безчестье всего легче русскаго человѣка за собой увлечь можно.

— Превосходныя слова! Золотыя слова! вскричалъ Ставрогинъ;—прямо въ точку попалъ! Право на безчестье,—да это

всѣ къ намъ прибѣгутъ, ни одного тамъ не останется! А слушайте, Верховенскій, вы не изъ высшей полиціи, а?

— Да вѣдь кто держитъ въ умѣ такіе вопросы, тотъ ихъ не выговариваетъ.

— Понимаю, да вѣдь мы у себя.

— Нѣтъ, покамѣстъ не изъ высшей полиціи. Довольно, пришли. Сочините-ка вашу физіономію, Ставрогинъ; я всегда сочиняю когда къ нимъ вхожу. Побольше мрачности и только, больше ничего не надо; очень не хитрая вещь.

ѲЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

БАЛЛАДА СЪ ТЕНДЕНЦІЕЙ

1.

Порой веселой мая,
По лугу вертограда,
Среди цвѣтовъ гуляя,
Самъ-другъ идутъ два лада.

2.

Онъ въ мурмолкѣ червленой,
Каменьемъ корзно шито,
Тесьмою золоченой
Вкрестъ голени обвиты;

3.

Она же, молодая,
Вся въ ткани серебристой;
Звенятъ на ней, сверкая,
Граненыя мониста,

4.

Блеститъ вѣнецъ наборный,
А хвостъ ея понявы,
Шурша фатой узорной,
Мететъ за нею травы.

5.

Ей весело, невѣстѣ,
— О, милый! молвитъ другу,
Не лѣпо ли намъ вмѣстѣ
Въ цвѣтахъ идти по лугу?

6.

И взоръ ея онъ встрѣтилъ,
И станъ ей обнялъ гибкій.
— О, милая! отвѣтилъ
Со страстною улыбкой,

7.

Здѣсь рай съ тобою сущій!
Воистину все лѣто!
Но этотъ садъ цвѣтущій
Засѣютъ скоро рѣпой!

8.

— Какъ быть такой невзгодѣ!
Воскликнула невѣста: —
Ужели въ огородѣ
Для рѣпы нѣту мѣста?

9.

А онъ: — Моя ты лада!
Есть мѣсто рѣпѣ, точно,
Но садъ засѣять надо
За то что онъ цвѣточный!

10.

Она-жь къ нему: — Что жь будетъ
Съ кустами медвѣжины,
Гдѣ каждымъ утромъ будитъ
Насъ рокотъ соловьиный?

11.

— Кусты тѣ вырвать надо
Со всѣми ихъ корнями,
Индѣекъ здѣсь, о лада,
Хотятъ кормить червями!

12.

Поднявъ свои рѣсницы,
Спросила тутъ невѣста:
— Ужель для этой птицы
Въ курятникѣ нѣтъ мѣста?

13.

— Какъ мѣсту-то не быти!
Но соловьевъ, о лада,
Скорѣе истребити,
Во что̀ бъ ни стало, надо!

14.

— Но роща, гдѣ въ тѣни мы
Скрываемся отъ жара,
Ея, надѣюсь, мимо
Пройдетъ такая кара?

15.

— Ее порубятъ, лада,
На зданіе такое
Гдѣ-бъ жирные говяда
Кормились на жаркое;

16.

А можетъ выйдетъ проще.
О жизнь моя, о лада,
И будетъ въ этой рощѣ
Свиней пастися стадо.

17.

— О другъ ты мой единый!
Воскликнула невѣста: —
Ужель для той скотины
Иного нѣту мѣста?

18.

— Есть много мѣста, лада,
Но тотъ пріютъ тѣнистый
Затѣмъ изгадить надо
Что въ немъ свѣжо и чисто!

19.

— Но кто же люди эти,
Воскликнула невѣста,—
Хотящіе, какъ дѣти,
Чужое гадить мѣсто?

20.

— Чужимъ они, о лада,
Не многое считаютъ:
Когда чего имъ надо,
То тащутъ и хватаютъ;

21.

Они, вишь, коммунисты,
Честнѣйшіе межь всѣми,
И на руку нечисты
По строгой лишь системѣ;

22.

Системы ихъ дешевле
Другая есть едва ли,
Станичниками древле
У насъ ихъ называли;

23.

Они жь и реалисты,
Изящнаго не любятъ,
Знать сами не казисты,
Затѣмъ красу и губятъ;

24.

Они жь матерьялисты,
Отъ имени прогресса
Кричатъ что трубачисты
Суть выше Апеллеса.

25.

— Не тѣ ль то нигилисты,
Невѣста вопросила, —
Въ честь коихъ журналисты
Качаютъ такъ кадила?

26.

— Тѣ самые, о лада,
Такъ точно, нигилисты;
Ни толку въ нихъ, ни склада,
Но бойки и рѣчисты;

27.

Весь міръ желаютъ сгладить
И тѣмъ ввести равенство,
Что все хотятъ загадить
Для общаго блаженства!

28.

— Повѣдай, шутокъ кромѣ,
Спросила тутъ невѣста, —
Имъ въ сумашедшемъ домѣ
Ужели нѣту мѣста?

29.

— О, свѣтъ ты мой желанный!
Душа моя ты, лада!
Ужь очень имъ пространный
Построить домъ бы надо!

30.

Вопросъ: какимъ манеромъ
Такой имъ домъ построить?
Дозволить инженерамъ—
Премного будетъ стоить;

31.

А земству предоставить
На ихъ же иждивеньи,
То значило бъ оставить
Постройку безъ движенья!

32.

— О, другъ, что жь сдѣлать надо
Чтобъ не погибнуть краю?
— Такое средство, лада,
Мнѣ кажется, я знаю:

33.

Чтобъ Русская держава
Спаслась отъ ихъ затѣи,
Повѣсить Станислава
Имъ надо всѣмъ на шеи;

34.

Тогда пойдетъ все гладко
И станетъ все на мѣсто!

— Но это средство гадко!
Воскликнула невѣста.

35.

— Ничуть не гадко, лада,
Напротивъ, превосходно:
Не только безъ наклада,
Но даже и доходно!

36.

— Но это средство скверно!
Сказала дѣва въ гнѣвѣ.
— Но это средство вѣрно!
Женихъ отвѣтилъ дѣвѣ.

37.

— Какъ ты безнравственъ, право!
Въ сердцахъ сказала дѣва, —
Ступай себѣ направо,
А я пойду налѣво!

38.

И оба, вздѣвши длани,
Разстались разсержены,
Она въ сребристой ткани,
Онъ въ мурмолкѣ червленой.

39.

Къ чему жь твоя баллада?
Иная спроситъ дѣва.
О, жизнь моя, о, лада,
Ей-ей не для припѣва!

40.

Нѣтъ, полнъ иного чувства,
Я вѣрю реалистамъ:
Искусство для искусства
Ровняю съ птичьимъ свистомъ,

41.

И новому ученью
Отдавшись безъ раздѣла,
Хочу чтобъ въ пѣснопѣньи
Всегда сквозило дѣло!

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ТОЛСТОЙ.

МОЕ ЗНАКОМСТВО

СЪ ВОЕЙКОВЫМЪ

ВЪ 1830 ГОДУ

И ЕГО ПЯТНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ СОБРАНІЯ*

VI.

Читатель уже знакомъ съ тою квартирой А. Ѳ. Воейкова гдѣ онъ въ тридцатыхъ годахъ жилъ въ Шестилавочной улицѣ, получившей съ 1858 года названіе Надеждинской. Когда я идѣлъ комнаты эти утромъ, то онѣ носили печать безпорядочности и грязи; но вечеромъ, особенно по пятницамъ, въ ожиданіи гостей, комнаты, тѣ же самыя, были съ нѣкоторымъ тщаніемъ прибраны и сильно освѣщены многими кенкетами, разумѣется масляными, потому что въ то время, лѣтъ за 35—40 предъ симъ, и понятія не было о керасинѣ, вошедшемъ у насъ въ употребленіе не больше какъ какихъ-нибудь 15 много 20 лѣтъ. Кромѣ кенкетовъ горѣли въ канделябрахъ, разставленныхъ по разнымъ столамъ, калетовскія свѣчи, начинавшія замѣнять восковыя и сальныя. Обоняніе по пятницамъ здѣсь также не поражалось всѣми тѣми непріятными запахами какими атмосфера этихъ самыхъ комнатъ была

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

наполнена по утрамъ и въ особенности въ то утро когда я въ первый разъ, по странному стеченію обстоятельствъ, посѣтилъ Александра Ѳедоровича, замануившаго тогда меня въ ловушку. По вечерамъ и особенно по пятничнымъ вечерамъ, калмыкообразный казачокъ, примазанный масломъ и поопрятнѣе одѣтый, разносилъ довольно часто по комнатамъ дымящуюся плиту, на которую то-и-дѣло что подливалъ лоделаванъ, правда, довольно второстепеннаго качества; а на всѣхъ кафельныхъ печахъ, бѣлыхъ съ синими узорами, разставлены были такъ-называемыя „монашенки", курительныя свѣчи на грошахъ. Иногда же Воейковская экономка распоряжалась ставить эти курительныя свѣчи на стаканы съ водой, покрытые листками бумаги, и въ воду проваливались обгорѣвшія углевыя свѣчки, утратившія конечно свой ароматъ, но сохранявшія однако свою пирамидальную форму, почему снова могли быть продаваемы, съ нѣкоторою уступкой, неопытнымъ покупателямъ. Эти ароматы смѣшивались обыкновенно еще и съ табачнымъ запахомъ, потому что многіе изъ гостей курили или турецкій или вакштафъ, или, и больше всего входившій тогда „жуковъ", сдѣлавшійся особенно модньшъ послѣ моей статьи въ *Сѣверной Пчелѣ* съ анекдоктивною біографіей табачнаго фабриканта Василія Григорьевича Жукова, фабрику котораго на Фонтанкѣ, между Чернышевымъ и Семеновскимъ мостами, посѣтилъ, вслѣдствіе этой статьи, великій князь Михаилъ Павловичъ, большой табакокуритель, а за нимъ и весь петербургскій beau monde. Впрочемъ нѣкоторые юноши, посѣщавшіе въ тѣ времена гостиную А. Ѳ. Воейкова по пятницамъ, наполненную табачнымъ дымомъ, не взирая на частое отворяніе форточекъ, покуривали тогда соломенныя пахитосы, такъ какъ о папиросахъ, явившихся у насъ въ сороковыхъ годахъ, еще никто въ Петербургѣ и понятія не имѣлъ.

Входить въ большія подробности à la Бальзакъ или à la Вашингтонъ-Ирвингъ, Куперъ и Вальтеръ-Скоттъ, о квартирѣ и о меблировкѣ А. Ѳ. Воейкова, я положительно не нахожу нужнымъ, потому что, кажется, изъ всего что сказано теперь, читатель имѣетъ понятіе достаточно полное о жилищѣ этомъ, чтобы по жилищу судить о самомъ хозяинѣ, какъ это допускается нѣкоторыми старинными правоописателями. Однако не могу при этомъ не сказать что въ парадномъ кабинетѣ Воейкова было на стѣнѣ нѣсколько портретовъ, какъ царей и царицъ, такъ различныхъ военныхъ, гражданскихъ и

литературныхъ знаменитостей, между которыми, то-есть особенно послѣдними, виднѣе всѣхъ были портреты Карамзина, Жуковскаго и Пушкина. Послѣдній, казалось, былъ тутъ помѣщенъ позднѣе всѣхъ и отличался особенною свѣжестію. Въ то время когда я познакомился съ Александромъ Ѳедоровичемъ, одинъ изъ портретовъ былъ завѣшенъ зеленымъ коленкоромъ. Отъ близкихъ людей къ хозяину я узналъ что портретъ этотъ былъ въ опалѣ въ то время и потому закрытъ отъ глазъ. Дѣло объяснилось тѣмъ что это былъ портретъ тогдашняго товарища начальника морскаго штаба, генералъ-адъютанта Василія Алексѣевича Перовскаго, о которомъ Воейковъ до 1830 года отзывался не иначе какъ со свойственнымъ его манерѣ говорить о людяхъ имъ расхваливаемыхъ съ самымъ гиперболическимъ пафосомъ. Но, отдавая въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1830 года отчетъ о художественной годичной выставкѣ, Воейковъ, расхваливая мраморный бюстъ работы скульптора Гальберта, хвалилъ меньше искусство художника, чѣмъ ту личность, именно В. А. Перовскаго, которая послужила художнику оригиналомъ, и хвалилъ такъ неумѣренно, стараясь въ похвалахъ этихъ выказать короткость своихъ отношеній къ генералъ-адъютанту Перовскому, что генералъ-адъютантъ Перовскій, справедливо вознегодовавъ на автора столь неумѣреннаго панегирика, объявилъ печатно въ *Сѣверной Пчелѣ*, столь ненавидимой Воейковымъ, что онъ проситъ Воейкова никогда на столбцахъ періодическихъ изданій, да и вообще гдѣ бы то ни было, не упоминать его, Перовскаго, имени, иначе какъ въ случаяхъ офиціальныхъ. Это взбѣсило желчнаго Воейкова; но В. А. Перовскій былъ ему не по плечу: сплетнями, эпиграммами отвѣчать ему было невозможно, и вотъ Воейковъ счелъ за благо наказать прежняго своего благопріятеля очень оригинально, занавѣшиваніемъ его портрета.

Прежде чѣмъ кончить съ портретною галлереей Воейкова, не могу не вспомнить что въ числѣ всѣхъ этихъ портретовъ, нѣсколько въ сторонѣ, былъ портретъ самого хозяина, А. Ѳ. Воейкова, исполненный довольно искусно масляными красками; но тутъ онъ изображенъ какъ бы въ нумерѣ дома сумашедшихъ, за рѣшеткой, въ полосатомъ халатѣ и мѣховой шапкѣ. На верху надпись: „Домъ сумашедшихъ, отд. III, № 27“. Предъ нимъ листъ бумаги со слѣдующими четырьмя стихами:

Вотъ Воейковъ, что бранился,
Вѣкъ съ Булгаринымъ возился,
Честь свою тѣмъ запятналъ
И въ безумный домъ попалъ.

Когда кто-нибудь изъ новыхъ посѣтителей Воейкова останавливался предъ этимъ портретомъ, сатирообразный Александръ Ѳедоровичъ, замѣтивъ такое вниманіе новаго своего гостя, говорилъ ему, какъ это случилось и со мною:

— А другіе мои стихи на старикашку Воейкова вы, батенька, знаете?

— Нѣтъ-съ, не знаю, Александръ Ѳедоровичъ, сказалъ я.

И тогда Воейковъ прочиталъ мнѣ наизустъ изъ своего *Дома сумашедшихъ*, столь извѣстнаго многимъ, но тогда мнѣ однако знакомаго лишь по наслышкѣ:

Тотъ Воейковъ, что Делила
Столь безбожно исказилъ,
И терзать хотѣлъ Эмиля,
И Виргилію грозилъ, —
Долженъ быть какъ сумашедшій
Вовсе залертъ въ желтый домъ;
Темя все обрить поспѣшнѣй
И тереть почаще льдомъ.

— Да вы, юный писатель, восклицалъ Воейковъ,— видно совсѣмъ не читали моего *Дома сумашедшихъ?*

— Нѣтъ, Александръ Ѳедоровичъ, не то чтобы совсѣмъ не читалъ, но копіи все какъ-то достать не могъ нигдѣ. Вотъ можетъ-быть теперь удастся мнѣ списать у васъ эти ваши стихи. У меня только и есть что тѣ стихи въ которыхъ такъ забавно представлены Жуковскій, дразнящій чорта языкомъ, и кротка Батюшковъ, въ окошечкѣ сидящій.

— Списывать я не даю; а кто схватитъ на память, тому скажу съ удовольствіемъ, поддразнивалъ Александръ Ѳедоровичъ.

— Позвольте, сказалъ я, — записать карандашомъ въ моей агендѣ, и я вынулъ мою записную книжку, въ которой записывалъ, невольно смѣясь, пока Воейковъ читалъ „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“:

Ты, Хвостовъ, къ нему дошедши,
Вскрикнулъ я,—тебѣ ль здѣсь быть?
Ты дуракъ, не сумашедшій:
Не съ чего тебѣ сходить.

„Въ Буало я мысль добавилъ,
„Лафонтена я убилъ
„И Расина обезславилъ",
Быстро онъ проговорилъ.
И читать мнѣ началъ оду.
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя; но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицомъ печальнымъ,
Буквъ славянскихъ красоту,
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Преслозутую *виту*.
И на мебеляхъ повсюду
Коронованное—*кси*,
Старосвѣтскихъ книжицъ груду
И въ окладѣ *юсъ* и *пси;*
Томъ въ сафьянъ переплетенный
Тредьяковскаго стиховъ.....
Я увидѣлъ изумленный
И узналъ что то *Шишковъ*.

— Но вотъ, продолжалъ разохотавшійся надъ моимъ вниманіемъ и прилежнымъ записываніемъ, Воейковъ,—мнѣ сторожъ говоритъ:

Нумеръ первый, вашъ пріятель
Каченовскій здѣсь сидитъ.
Букву *э* на этафотѣ
Съ торжествомъ и пѣньемъ жжетъ;
Умъ его всегда въ работѣ:
По крюкамъ стихи поетъ.
То кавыки созерцаетъ,
То, обнюхивая гниль,
Духу розъ предпочитаетъ,
То сметаетъ съ книжекъ пыль,
И въ восторгѣ восклицаетъ,
Набивая ею ротъ:
„Соръ славянскій! Пыль родная!
„Слаще ты чѣмъ медъ изъ сотъ."

Нумеръ третій, на лежанкѣ
Истый *Глинка* возсидитъ.
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откупоренъ стоитъ.
Книга Корчая отверста

И уста отворены;
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.
„О! Расинъ! Откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ!
Изъ Россійскаго Стоглава
Ты Гоеолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженье, красота,
Въ Андромахѣ — подражанье
Погребенію кота."

Я не утерпѣлъ и расхохотался, записывая послѣдній стихъ и повторивъ прежнія слова:

„Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откупоренъ стоитъ!"

Сатирическіе отзывы о московскихъ писателяхъ навели разговоръ на Москву. Я сказалъ что былъ тамъ въ 1827 году проѣздомъ съ отцомъ изъ Петербурга въ Орелъ.

— Такъ вы въ первой самой юности были въ Москвѣ, мой юный новый пріятель, возгласилъ Воейковъ,—а не видѣли ли вы тамъ одного прескверная звѣрка, сильно распложеннаго въ матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной съ золотыми маковками въ преизрядномъ числѣ? Звѣрокъ этотъ двуногій и называется бьющимъ баклуши въ первопрестольной нашей столицѣ, *сынкомъ знатныхъ и богатыхъ родителей*?

— Видѣлъ, видѣлъ не одного даже, сказалъ я,—да вѣдь и здѣсь въ Петербургѣ этихъ звѣрковъ коллекція не малая. Я слышалъ давно ужъ на публичномъ актѣ въ Орловской гимназіи читанные однимъ воспитанникомъ стихи на этихъ звѣрковъ изъ піесы подъ названіемъ, кажется, *Сатира къ Сперанскому*, принадлежащей вашему, Александръ Ѳедоровичъ, перу, какъ упомянуто въ *Учебной книгѣ* Н. И. Греча.

— А вы, юный мой гость, не помните этихъ стиховъ, написанныхъ мною за двадцать пять лѣтъ предъ симъ, то-есть въ 1805 году?

Я сознался что стиховъ тѣхъ наизусть не помню. Воейковъ обыкновенно рѣдко вспоминалъ свои прежнія стихотворенія и скорѣе любилъ съ особеннымъ жаромъ только повторять свои новѣйшія современныя сочиненія и особенно тѣ которыя относились къ его журнальной войнѣ съ Гречемъ,

Булгаринымъ, Полевымъ, Сенковскимъ, Надеждинымъ, Бестужевымъ, Строевымъ и другими, войну которую велъ подъ рубриками то *Хамелеонистики*, то *Пересмѣшника*, то *Журнальныхъ Замѣтокъ*, гдѣ, правду сказать, между массой пошлостей и дрязговъ было не мало ѣдкости и сильнаго яда. Но безпристрастіе всегда тутъ было на заднемъ планѣ, потому что хотя Воейковъ преслѣдовалъ хамелеонство въ другихъ, самъ въ него впадалъ безпрестанно, увлекаемый своими симпатіями и антипатіями. Всѣ писавшіе и печатавшіе въ то время, больше или меньше испытывали эту эластичность Воейковскихъ мнѣній и дѣйствій и слабость его памяти. Между прочими и мнѣ привелось быть то предметомъ усиленныхъ, гиперболическихъ похвалъ Воейкова, то жертвой озлобленныхъ нападеній и оскорбительныхъ выходокъ его. Газета *Съверный Меркурій* безустанно вела у себя на своихъ жиденькихъ столбцахъ перечень всѣхъ Воейковскихъ барометрическихъ перемѣнъ. Между прочимъ журнальчикъ этотъ постоянно указывалъ на два противоположныхъ мнѣнія Воейкова о книжечкѣ въ стихахъ: *Марѳа Власьевна Томская*, сочиненія М. А. Бестужева-Рюмина. Книжечка эта, когда авторъ ея, въ 1828, 1829 и отчасти 1830 годахъ, давалъ много своихъ стиховъ *Славянину*, была расхвалена до небесъ; а какъ только авторъ пересталъ безмездно (какъ и всѣ тогда впрочемъ) сотрудничать Александру Ѳедоровичу, онъ ту же книжку на столбцахъ своихъ *Литературныхъ Прибавленій* предалъ анаѳемѣ и ругалъ наповалъ такъ рѣзко какъ только умѣлъ ругать одинъ Воейковъ, писавшій подъ псевдонимами: Кораблинскаго, Ѳеофилакта Нагайника, Луговова и пр. Въ отместку Бестужевъ постоянно печатно называлъ журналецъ Воейкова *Макулатурными*, а не *Литературными Прибавленіями* къ *Русскому Инвалиду*.

Однако я теперь незамѣтно сдѣлалъ большое отступленіе. Возвращаюсь къ разговору моему съ Воейковымъ, какой я имѣлъ въ первую пятницу, пришедши къ нему черезчуръ рано, когда еще не было гостей въ сборѣ. Я такъ рано тогда пришелъ съ цѣлью извиниться въ томъ что не могу быть въ эту пятницу его гостемъ, а между тѣмъ забесѣдовался и совершенно нечаянно остался во весь вечеръ, часовъ до двухъ почти ночи, причемъ у Воейкова по обыкновенію угощали общество въ изобиліи чаемъ со сливками или лимономъ, или ромомъ, ad libitum, съ булочками, сухарями, сайками, калачами и различными хлѣбными печеньями; часовъ же въ 10—11 подавали

горячій и холодный ужинъ, весьма сносный, съ винами еже-ли не высшаго, то порядочнаго качества. И этотъ-то ужинъ способствовалъ оживленію бесѣды, причемъ сыпались разказы, новости, сплетни, экспромты (немедленно записываемые Воейковымъ для напечатанія ихъ въ первомъ же нумерѣ его періодическаго изданія). Въ это же время иные, подзадориваемые хозяиномъ-угостителемъ, писали на ломберныхъ столикахъ, снабженныхъ не колодами картъ, а всѣми принадлежностями письма, цѣлыя статейки въ прозѣ и стихахъ. Въ числѣ такихъ борзописцевъ, помню, особенно отличались: баронъ Розенъ, Лука Якубовичъ, А. Гренъ, старикъ Степанъ Васильевичъ Руссовъ, страшный гонитель Полеваго, и нѣкоторые другіе.

Итакъ Воейковъ, объяснивъ мнѣ, по своимъ понятіямъ, опредѣленіе *звѣрка-барича*, продекламировалъ, со свойственнымъ ему монотоннымъ завываньемъ, стихи свои, которые, право, и нынче нельзя сказать чтобы были плохи, хотя имъ теперь, въ 1871 году, 66 лѣтъ. Вотъ они:

... не могу я вытерпѣть никакъ
Чтобъ воспитанный Французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался,
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцевъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай монархи имъ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и грамоты въ глазахъ честныхъ людей—
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не возжгутъ къ честямъ соревнованья,
Когда безъ славныхъ дѣлъ тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупый ихъ въ презрѣнной нѣгѣ спитъ;
А между тѣмъ сей князь, бояринъ этотъ гордый,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ будто онъ насъ царствомъ подарилъ,—
И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ.

VII.

Когда Воейковъ кончилъ чтеніе своихъ стиховъ, за которые я его благодарилъ, въ комнату вошла личность поразившая меня своимъ костюмомъ и вообще своею наружностію. То былъ плотный, дебелый, коренастый русскій бородачъ, остриженный въ скобку, съ лицомъ кроткимъ и съ тихою улыбкой

на лицѣ, одѣтый въ такой кафтанъ зеленаго цвѣта который называется „жалованнымъ“, весь въ золотыхъ галунахъ по груди, рукавамъ, поламъ и подолу, съ поясомъ изъ золотыхъ кистей и съ такими же кистями на всѣхъ застежкахъ. При видѣ этого золотаго человѣка, Воейковъ очень обрадовался и вскричалъ: „А! Русскій Борисъ! Ѳедоръ Никифоровичъ, какъ я радъ тебя видѣть!“ И онъ обнималъ и цѣловалъ почтеннаго русскаго бородача. А бородачъ, въ свою очередь, благодарилъ Александра Ѳедоровича за полученный имъ отъ Россійской Академіи этотъ почетный золотой кафтанъ и пожалованную ему серебряную медаль на Анненской лентѣ. То и другое, повидимому, очень радовало русскаго человѣка, который оказался нашимъ поэтомъ-самоучкой Ѳедоромъ Никифоровичемъ Слѣпушкинымъ (род. въ Ярославской губ. въ 1783, а умеръ въ Рыбацкомъ селѣ, близъ Петербурга, во время второй холеры, въ 1848 году). Въ тѣ времена стихотворенія Слѣпушкина многимъ нравились и породили ему подражателей въ крестьянахъ Сухановѣ и Алипановѣ, о которыхъ теперь едва ли много кто и помнитъ-то.

— Я вотъ только сегодня, говорилъ Слѣпушкинъ,—пріѣхалъ изъ Рыбацкаго и тотчасъ поспѣшилъ къ моимъ покровителямъ: былъ у Павла Петровича Свиньина и у Бориса Михайловича Ѳедорова, да въ обязанность себѣ вмѣнилъ и къ вамъ, Александръ Ѳедоровичъ, явиться, и не съ пустыми руками.

— Прекрасно, прекрасно, дорогой кумъ, восклицалъ Воейковъ.—А что, какъ поживаетъ мой крестникъ?

— Отлично-съ: все маткину титьку сосетъ, шельмецъ такой, отвѣчалъ самодовольно Слѣпушкинъ, и при этомъ представилъ Воейкову свое новое поэтическое дѣтище.

Воейковъ тотчасъ вскинулъ очки на лобъ, и взявъ листъ, весь исписанный, поданный ему Слѣпушкинымъ, сталъ читать:

Разказъ обитеньщика.

Извощикъ, саечникъ, столяръ,
Обручникъ, плотникъ и маляръ,
Всѣ господа мастеровые
За чай—и локти по столу,
Кричатъ: „Подай-ка ты *Пуолу!*“

— Ха-ха-ха! хохоталъ Воейковъ. — *Пуолу! Пуолу!*

Затѣмъ онъ прочелъ всю піесу, стиховъ въ сотню, и закончилъ повтореніемъ раза два особенно понравившихся ему стиховъ:

„Романы—люди, а не книга",
Толкуетъ пожилой бочаръ:
„Всѣхъ лучше книга—*Птица Жаръ!*"

— Умно, остро, типично, вылитая природа, прелесть! восклицалъ Воейковъ, и подозвавъ казачка, велѣлъ подать себѣ свой портфель, куда онъ погрузилъ это свое новое благопріобрѣтеніе, говоря:—Завтра же отвезу въ типографію для слѣдующаго моего нумера. Спасибо, спасибо, Ѳедоръ Никифоровичъ, спасибо. „А намъ статеечку, дай Богъ здоровья вамъ", какъ изволитъ всегда выражаться насчетъ даровыхъ статеекъ Николай Ивановичъ Гречъ.

Грѣшный человѣкъ, я во всѣхъ этихъ стихоплетеніяхъ всѣхъ этихъ доморощенныхъ нашихъ Борисовъ, какъ ихъ тогда именовали въ лубликѣ, съ легкой руки Павла Петровича Свиньина, не умѣлъ найти ни одного изъ тѣхъ качествъ какими сейчасъ только почтеннѣйшій Александръ Ѳедоровичъ чествлъ нововыточенное произведеніе Ѳедора Никифоровича, приготовлявшаго свои кирпичи на своемъ кирпичномъ заводѣ въ Рыбацкомъ едва ли не несравненно лучше чѣмъ всѣ эти самодѣльщинныя вирши, цѣнимыя имъ однако несравненно выше всевозможныхъ кирпичныхъ и другихъ издѣлій.

Воейкову, съ легкой руки Слѣпушкина, счастливилось въ этотъ вечеръ, потому что онъ получилъ съ дюжину различныхъ даровыхъ статей и статеекъ оригинальныхъ и переводныхъ, стихотворныхъ и прозаическихъ. Впрочемъ, вѣдь это не въ первый разъ, потому что у него уже такъ было заведено что почти никто изъ лишущей братіи не пилъ его чая со сливками, или лимономъ, или ромомъ, или краснымъ виномъ, и не ѣлъ его булочныхъ леченій, калачей, саекъ и ужинныхъ блюдъ совершенно даромъ: всѣ что-нибудь да давали, хоть омонимъ, шараду, эпиграму, логогрифъ или тому подобное. Къ тому же Воейковъ имѣлъ порядочныя связи и знакомства, посредствомъ которыхъ очень многимъ юношамъ доставлялъ служебную карьеру болѣе или менѣе порядочную, а эти юноши отвѣчали ему массой своихъ статеекъ, напечатаніе которыхъ съ ихъ именемъ, по ихъ мнѣнію, взносило ихъ прямо на Парнасъ и на Геликонъ. (Тогда такъ выражались всѣ журналы и всѣ журналисты, кромѣ Полеваго и Сенковскаго, которые первые стали осмѣивать эту страсть къ миѳологіи.) Сомнительно чтобы начальники этихъ юношей, стремившихся на Геликонъ и лѣнившихся

во-время посѣщать департаменты и канцеляріи, были очень благодарны Александру Ѳедоровичу за эти его рекомендаціи вдохновенныхъ канцеляристовъ. Къ числу такихъ юношей-дарителей принадлежалъ одинъ кулеческій сынокъ, владѣлецъ каменнаго дома въ три этажа въ Каравайной, который не только не получалъ гонорарія, но еще за напечатаніе своихъ переводныхъ повѣстей съ французскаго и съ англійскаго и своихъ оригинальныхъ стишонковъ, прикладывалъ въ пользу редактора разные подарки, въ родѣ ящика бордоскаго чернослива, вестфальскаго окорока, фунта Рязановскихъ конфетъ, бурака зернистой икры, пуда сахара въ головахъ и пр. и пр., благо у него была фруктово-колоніальная лавка въ Кругломъ рынкѣ. Затѣмъ и чествовать любилъ же Воейковъ своего щедраго сотрудника, сдѣлавшагося у него чѣмъ-то въ родѣ его домашняго секретаря и который, въ этотъ вечеръ, помнится, доставилъ Александру Ѳедоровичу цѣлую кипу прозы и стиховъ, причемъ, однако, Воейковъ сказалъ бѣлокурому, блѣднолицому, альбиносообразному юношѣ:

— Только, любезнѣйшій, чуръ не щедриться много для Пьянчужкина, сирѣчь для Бестужева-Рюмина.

— Я ему-съ, Александръ Ѳедоровичъ, говорилъ, пожимаясь и конфузясь, юноша, — я-съ ему посылаю самые мои что ни есть оборыши и всегда съ графинчикомъ коньячка-съ.

Явился затѣмъ одинъ изъ гайдуковъ графа Хвостова, въ столь извѣстной и памятной мнѣ синей съ малиновымъ ливреѣ, и подалъ Воейкову конвертъ отъ графа. Воейковъ вскрылъ конвертъ и прочелъ:

„Милостивый государь мой (мой по старосвѣтскому), Александръ Ѳедоровичъ! Легкій приладокъ холерины предалъ меня во власть Эскулапа, и я посему не могу имѣть сугубое сегодня удовольствіе пользоваться здоровьемъ, равно какъ вашимъ обществомъ въ компаніи просвѣщенныхъ вашихъ, въ день пятницы стекающихся, друзей и благопріятелей, которые всѣ несутся на доброѣзжихъ Пегасахъ на Парнасъ, куда и я, при моихъ болѣзненныхъ приладкахъ, однакожь отваживаюсь. Вчера слухъ мой упоенъ былъ райскимъ гласомъ оставляющей насъ, Петроградцевъ, Зонтагъ, и вотъ прилагаю вамъ, у сего, плодъ такого моего восхищенія, въ *шести* стихахъ, для напечатанія оныхъ“.

— Благодари, братецъ, его сіятельство, сказалъ Александръ Ѳедоровичъ,—и доложи что завтра самъ его провѣдаю, а сегодня

буду молить Мать нашу, Пресвятую Богородицу, да отогнала бы Она болѣзнь отъ него, при помощи доктора.

— Ихъ сіятельство, объяснилъ гайдукъ, — уже двѣнадцатую чашку ромашки выкушать изволили и теперь имъ легче стало. Только дохтуръ-съ, Богданъ Карлычъ, запретили имъ все стихи-то писать, отчего, говорятъ, никакая михстура не поможетъ, чего добраго.

Когда лакей ушелъ, Воейковъ принялся читать стихи ему присланные:

О соловей! Пари съ береговъ Невы—
Огонь сердецъ! Лети отъ странъ холодныхъ,
Внимая вновь, за блескъ даровъ природныхъ,
Хваленія сопуткицы волвы.
Зонтагъ! Твой взглядъ, раскаты, трель, *приливы*
Живутъ въ сердцахъ и вѣчно будутъ живы.

Прочитавъ эту дребедень, Воейковъ спустилъ на глаза очки и сказалъ вздыхая:

— Въ 1811 году издавался журналъ *Улей*, гдѣ справедливо стихотворенія его сіятельства, графа Дмитрія Ивановича, названы: le sublime du galimatias. Но такой ералаши, какъ эта, нашъ метроманъ еще ни разу не выплюнулъ. Правду же онъ въ письмецѣ своемъ говоритъ что написалъ эти стихи,—если стихами можно назвать эти вирши,—въ промежуткахъ припадковъ холерины. А что подѣлаешь? Надо напечатать: я съ нимъ связанъ условіемъ!

Ежели приподнять завѣсу съ этого условія, то дѣло окажется въ томъ что графъ Хвостовъ подписывается на сотню экземпляровъ періодическаго изданія Воейкова, изъ которыхъ каждый, подобно векселямъ, уничтожается, а не распространяется, чтобы не умалить могущихъ быть заправскихъ подписчиковъ, и за это графъ имѣетъ право помѣстить нѣсколько изъ своихъ угловатыхъ стихотвореній въ періодическихъ изданіяхъ Воейкова. Однако, повидимому, ни одно изъ стихотвореній этого риѳмотворца не дѣйствовало такъ непріятно на Воейкова-журналиста, какъ это, особенно теперь, когда Воейкову хотѣлось въ новомъ своемъ журналѣ щегольнуть вещами въ другомъ родѣ. Подъ гнетомъ необходимости, онъ долженъ былъ выполнить условіе, и это обстоятельство разлило въ немъ сильнѣе обычную его желчь, такъ что онъ принялся въ этотъ вечеръ злоязычничать самымъ неистовымъ образомъ.

Между тѣмъ обычные пятничные посѣтители начали появляться одинъ за другимъ, и всѣ съ какими-нибудь литературными дарами болѣе или менѣе пріятными. Въ числѣ такихъ посѣтителей были нѣкоторые мнѣ знакомые по вечерамъ Греча, по сходкамъ въ редакціи *Сѣвернаго Меркурія*, по книжнымъ магазинамъ, гдѣ я съ ними встрѣчался; но много было и такихъ которыхъ я видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Съ иными изъ послѣднихъ Воейковъ знакомилъ меня, съ другими же не находилъ нужнымъ знакомить; но нельзя было мнѣ не замѣтить что эти господа перешептывались съ хозяиномъ дома и что предметомъ ихъ перешептыванія тогда былъ я, какъ новый пятничный посѣтитель.

Большой диванъ въ гостиной былъ занятъ нѣсколькими лицами, другіе сидѣли въ креслахъ вокругъ стола, уставленнаго ихъ чашками и стаканами съ чаемъ; многіе сидѣли на стульяхъ около небольшихъ столиковъ и также упражнялись въ чаепитіи, которое имъ приходилось такъ по вкусу что эти господа выпивали, сколько я могъ замѣтить, по полудюжинѣ и болѣе стакановъ, уничтожая при этомъ массы сухарей, булокъ, саекъ и калачей, словно личности не обѣдавшія сутокъ двое. Къ числу такихъ принадлежалъ мой знакомецъ поэтъ Александръ Николаевичъ Глѣбовъ, имѣвшій привычку, какъ я уже прежде сказалъ, бесѣдовать съ вами не иначе какъ держа васъ за пуговицу фрака или сюртука дѣлая какія-то дикія конвульсивныя гримасы. Самъ Александръ Ѳедоровичъ сидѣлъ обыкновенно въ вольтеровскомъ креслѣ, крытомъ алымъ полинялымъ сафьяномъ, причемъ въ своемъ огромномъ черномъ парикѣ, грызя набалдашникъ костыля или чеша ногтями языкъ, имѣлъ видъ какого-то асмодея, бросавшаго чрезъ стекла золотыхъ очковъ взгляды направо и налѣво, подходившимъ къ нему гостямъ, съ которыми здоровался преимущественно восклицаніями: „Съ наслажденіемъ прочелъ я статью вашу въ *Альціонѣ* барона Егора Ѳедоровича (т.-е. Розена). Прелесть, прелесть! Божественно!“ или: „Лисенковъ * обѣщалъ мнѣ пріобрѣсти 500

* Книгопродавецъ того времени, сильно тогда торговавшій въ Б. Садовой въ домѣ Пажескаго корпуса. Онъ дѣлалъ превосходныя дѣла и, говорятъ, пріобрѣталъ много. Изъ всѣхъ книгопродавцевъ того времени онъ одинъ уцѣлѣлъ и донынѣ торгуетъ, хотя уже больше какъ дилеттантъ, въ верхней галлереѣ Гостинаго Двора, рядомъ съ кладовыми книгопродавца Вольфа. Этотъ Ив. Тим. Лисенковъ —

экземпляровъ вашей замѣчательной брошюры противъ *Московскаго Телеграфа*“, или: „Молю боговъ о ниспосланіи на васъ всѣхъ даровъ Аполлона“, или даже: „Ты гнѣваешься, Зевсъ; значитъ ты не правъ!“ или: „Ай! моська, знать она сильна что лаетъ на слона! сказалъ бы кто-нибудь, а наша моська вышла суцій левъ. Браво! браво!“ и т. д. и т. д., все въ разныхъ формахъ, но почти все съ тою же монотонною завывающею интонаціей, ему свойственною. Для весьма немногихъ, какъ напримѣръ, для высокаго превысокаго сѣдаго генерала въ инженерномъ морскомъ мундирѣ, исторіографа флота Берха, Воейковъ вставалъ и выходилъ до половины комнаты. Капитана гвардіи и старшаго адъютанта гвардейскаго корпуса Вильгельма Ивановича Карлгофа Воейковъ принималъ сидя, восклицая то: „Помилуй Богъ, какъ хороша ваша послѣдняя повѣсть въ *Невскомъ Альманахъ*“, или: „Не грѣшно ли вамъ было бросить ваши прелестные стихи въ помойную яму *Сѣвернаго Меркурія*“, или: „Въ ту пятницу вы насъ отсутствіемъ своимъ въ печаль и грусть повергли!“ и пр. и пр. Но вмѣстѣ съ производствомъ г. Карлгофа въ полковники и въ особенности послѣ того какъ онъ женился на богатой тамбовской дѣвицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Ошаниной и сталъ жить по-барски, Воейковъ выбѣгалъ, ковыляя, принимать его въ другую даже комнату, какъ онъ принималъ знаменитаго тогдашняго идиллиста Владиміра Ивановича Панаева, карьера котораго начинала очень ясно обозна-

---

личность въ своемъ родѣ замѣчательная и почтенная, между прочимъ тѣмъ что онъ, будучи родомъ изъ города Сумъ, Харьковской губерніи, дѣлаетъ постоянныя для тамошняго общества пожертвованія и довольно значительныя. Когда умеръ Смирдинъ, то Лисенковъ, изъ глубокаго уваженія къ памяти покойнаго, пріобрѣлъ для него въ Невской Лаврѣ дорогую могилу, по какимъ-то обстоятельствамъ семействомъ покойнаго не принятую. Лисенкова торговля не торговля теперь, а препровожденіе времени; но со всѣмъ тѣмъ онъ продолжаетъ успѣшно продавать нѣкоторыя свои изданія, какъ многія дѣтскія книжки Основьяненки и какъ въ особенности *Иліаду* Гомера въ переводѣ Гнѣдича. По случаю тысячелѣтія Россіи Лисенковъ удачно издалъ *Картину историческаго тысячелѣтняго существованія Россіи*, имѣвшую хорошій успѣхъ: по 1 р. продалось нѣсколько десятковъ тысячъ экземпляровъ. Нигдѣ въ Петербургѣ нельзя найти столько старыхъ книгъ, и очень рѣдкихъ, какъ у И. Т. Лисенкова, который еще очень богатъ театральными піесами всѣхъ временъ, почему охотники до театральной литературы піесы эти у него почти одного отыскиваютъ.

чаться, и еще переводчика Байроновской *Паризины* (съ французскаго, впрочемъ, языка), Василья Евграфовича Вердеревскаго, начинавшаго тогда уже очень богатѣть, благодаря должности правителя канцеляріи коммиссаріатскаго департамента военнаго министерства. Это тотъ самый Вердеревскій которому, 35 лѣтъ спустя послѣ того какъ я его видалъ на Воейковскихъ пятницахъ и на Гречевыхъ четвергахъ въ качествѣ quasi-литератора,—суждено было въ Нижнемъ-Новгородѣ на эшафотѣ подвергнуться, по суду, лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь. Достойно вниманія что тотъ же самый Карлгофъ, выше и превосходнѣе котораго Воейковъ, казалось, никого не зналъ, въ 1837—1838 годахъ сдѣлался предметомъ ненависти того же Воейкова, вслѣдствіе какихъ-то отношеній, кажется вслѣдствіе какихъ-то денежныхъ счетовъ, въ которыхъ Воейковъ оказался неисправнымъ къ Карлгофу. Какъ бы то ни было, но въ 1838 году *Домъ сумашедшихъ* дополнился стихами:

Вотъ, кадетомъ заклейменный,
Меценатъ, Карлгофъ поэтъ,
Въ общемъ мнѣньи зачерненный *
И Булгарина клевретъ! **
Худъ, мизеренъ, стиснутъ съ вида,
Сухощавъ думой своей,
. . . . . .
. . . . . .

Послѣдніе два стиха рѣшительно не для печати и отвратительно грязны. Подобныя выходки бросаютъ густую тѣнь на память Воейкова.

Въ эту пятницу, первую *мою* у Воейкова пятницу, явился въ гостиной одинъ кругловатенькій господинъ въ застегнутомъ черномъ фракѣ, съ Анной на шеѣ, гладко выбритый, съ весьма маленькими и узенькими бакенбардами. То былъ статскій совѣтникъ Телешевъ, бывшій секретарь исторіографа Николая Михайловича Карамзина, пріѣхавшій въ Петербургъ на короткое время изъ Курской губерніи, гдѣ онъ вице-губернаторствовалъ. Узнавъ его, Воейковъ бросился къ нему, заключилъ его въ свои объятія, облобызалъ, усадилъ на свободное мѣсто на диванѣ и объявилъ всѣмъ что это

* Вѣроятно послѣ размолвки съ Воейковымъ.
** Совершенная ложь.

г. Телешевъ (не помню теперь сказаннаго тогда его имени и отчества), бывшій секретарь и ближайшій человѣкъ. Николая Михайловича КарамзинаПри этомъ посыпались воспоминанія о безсмертномъ исторіографѣ, прерываемыя слезами Александра Ѳедоровича, лустившагося потомъ ругать, чуть не по извощичьи, Полеваго и Арцыбышева, осмѣливавшихся находить неточности и неправильности въ знаменитой *Исторіи Россійскаго Государства.*

Г. Телешевъ прихлебывалъ тихо чай; а когда Воейковъ кончилъ свою анаѳемную рѣчь, то съ особенною, повидимому у покойнаго исторіографа заимствованною имъ мягкостію, сказалъ:

— Я предъ вами, Александръ Ѳедоровичъ, очень, очень виноватъ. Дѣло въ томъ что умирая, въ 1827 году, покойный благодѣтель и начальникъ мой Николай Михайловичъ оставилъ мнѣ нѣсколько пакетовъ для передачи ихъ нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ одинъ и на ваше имя, съ двумя собственноручно покойнымъ переписанными стихотвореніями, однимъ собственнымъ его посланіемъ Ив. Ив. Дмитріеву, другимъ несчастнаго нашего поэта Батюшкова, написаннымъ въ то время когда еще онъ былъ здоровъ. Всѣ порученія покойнаго Николая Михайловича я свято выполнилъ; но конвертъ бывшій на ваше имя, по стеченію безчисленнаго множества обстоятельствъ, затерялся, и лишь по истеченіи почти четырехъ лѣтъ, найденъ былъ мною вчера въ старомъ чемоданѣ съ двойнымъ дномъ, куда онъ случайно провалился и гдѣ пролежалъ столько времени. Я никогда не простилъ бы себѣ, еслибы уѣхалъ изъ Петербурга, не возвративъ вамъ этого загробнаго дара безсмертнаго нашего Карамзина.

Снова объятія, снова лобзанія и на этотъ разъ уже лобзанія не только г. Телешева, но и пакета со стихами Батюшкова и Карамзина. Такъ-то Воейковъ казалось обожалъ Карамзина: а со всѣмъ тѣмъ онъ, въ 1824 году, почему-то разсердясь на нашего знаменитаго исторіографа, благодѣтельствовавшаго ему, Воейкову, имѣлъ нахальство написать на Н. М. Карамзина, на этого прототила честности и благородства, слѣдующіе ругательные стихи:

Вотъ въ передней рабъ писатель
Карамзинъ Хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель....
Взглянемъ что̀ маракетъ онъ?

Пѣснь свободѣ, деспотизму,
Брань и лесть властямъ земнымъ,
Гимнъ хвалебный атеизму
И аканѳистъ всѣмъ святымъ.

Ну можно ли, сохраняя мало-мальски человѣческое чувство, относиться такъ о такомъ прямомъ и благородномъ человѣкѣ, каковъ былъ Карамзинъ? По смерти же исторіографа, А. Ѳ. Воейковъ чуть не алоѳеозу создавалъ всѣмъ дѣламъ Карамзина и ратовалъ за него вмѣстѣ съ Руссовымъ, даже несправедливо и не вѣрно, противъ Полеваго и Арцыбышева. Все это представляетъ образцики характера и правилъ г. Воейкова. *

Всѣ бывшіе въ гостиной придвинулись къ Воейкову, чтобы послушать стихи, почти за четыре года предъ симъ назначенные Карамзинымъ въ даръ старинному его знакомцу Александру Ѳедоровичу. Какъ тѣ, такъ и другіе эти стихи въ 1831 году были немедленно напечатаны въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*, то-есть за 40 лѣтъ предъ симъ. О нихъ можно сказать что они *милы*, только милы, больше ничего. Я тогда же списалъ ихъ, и они у меня сохранились въ копіи какъ были. Вотъ они:

I. *И. И. Дмитріеву.*

Министръ, поэтъ и другъ: я все тремя словами
Объ немъ для похвалы и зависти сказалъ.
Прибавлю что чиновъ и ріемъ онъ не искалъ;
Но ріемы и чины къ нему летѣли сами.

Карамзинъ.

II. *Мыза Пріютино* (А. Н. Оленина).

Есть дача за Невой,
Верстъ двадцать отъ столицы,
У Выборгской границы,
Близь Парголы крутой;
Есть дача или мыза,
Пріютъ для добрыхъ душъ,
Гдѣ добрая Элиза

* Стихи эти на Карамзина находятся въ полномъ *Домѣ сумашедшихъ*, напечатанномъ въ Берлинѣ, и экземпляръ ихъ имѣется въ Публичной Библіотекѣ. Но со всѣмъ тѣмъ извѣстный старинный нашъ писатель Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ, и нынѣ здравствующій, упорно увѣрялъ меня что тутъ ошибка въ имени, и что стихи эти не на Карамзина, а на „Казазина“ будто бы написаны.

И съ ней почтенный мужъ:
Съ открытою душою
И лаской на устахъ,
За трапезой простою,
На бархатныхъ лугахъ,
Безъ бальнаго наряда,
Въ свой маленькій пріютъ
Друзей изъ Петрограда
На праздникъ сельскій ждутъ.
Тамъ мужъ съ супругой нѣжной,
Для отдыха отъ дѣлъ,
Подъ кровъ свой безмятежный
Музъ къ Граціямъ привелъ.
Поэтъ, лѣнтяй, счастливецъ
И тонкій философъ,
Мечтаетъ тамъ Крыловъ,
Подъ тѣнію березы,
О басенныхъ звѣряхъ,
И рветъ Парнаса розы
Въ Пріютинскихъ лѣсахъ
И Гнѣдичъ тамъ мечтаетъ
О греческихъ богахъ,
Межъ тѣмъ, какъ замѣчаетъ
Кипренскій лица ихъ,
И, кистію чудесной,
Съ безпечностью прелестной,
Вандиковъ ученикъ
Въ одинъ крылатый мигъ
Онъ пишетъ ихъ портреты,
Которые отъ Леты
Спасли бы образцовъ,
Когда и самъ Крыловъ
И Гнѣдичъ сочиняли
Какъ пишетъ Тинисловъ,
Иль Балдусы писали,
Забывъ и вкусъ и умъ!

Батюшковъ.

Впрочемъ стихотворенія эти и тогда были не новостію, будучи напечатаны даже въ тогдашнихъ хрестоматіяхъ.

VIII.

Вниманіе Воейкова привлекъ къ себѣ показавшійся на порогѣ статный бѣлокурый офицеръ въ гвардейскомъ адъютантскомъ сюртукѣ. То былъ капитанъ Лукъяновичъ *, адъютантъ знаменитаго русскаго Баярда генерала Карла Ивановича Бистрома, авторъ *Исторіи Турецкой войны 1828—1829 годовъ*, принимавшій болѣе или менѣе дѣятельное участіе своими дѣльными статьями въ журналахъ и альманахахъ того времени. Воейковъ былъ съ нимъ очень учтивъ и внимателенъ, расхваливая съ обычнымъ своимъ пафосомъ его книгу и вообще все то что̀ въ то время принадлежало перу г. Лукъяновича. Но среди всѣхъ этихъ любезностей, Воейковъ замѣтилъ таки въ этотъ разъ своему почтенному гостю: „А грѣхъ вамъ, Николай Андреевичъ, вы меня чарочкой обнесли, отдавъ Бестужеву ваши нѣсколько строкъ съ хохлацкимъ юморомъ о холерѣ. Это премило!“ И, при этомъ, Александръ Ѳедоровичъ досталъ новый нумеръ *Сѣвернаго Меркурія*, и передавъ его автору статьи, просилъ прочесть для всѣхъ. Авторъ прочелъ слѣдующее:

„Що се за холера така? Чи ты ей бачивъ?“ спросилъ одинъ хохолъ своего земляка, недавно возвратившагося съ Дона изъ заработковъ. — „Чувъ“, отвѣчалъ тотъ.—Яка жь вона? спросилъ снова первый. — „Кажутъ: жинка въ червонныхъ чоботахъ, ходе по води, да все оха!“

—Необыкновенно просто, вѣрно и мило! воскликалъ Воейковъ.

— Схвачено съ натуры, раздался чей-то голосъ.

— Читая эти строчки, я словно переношусь въ мою милую Полтавщину, замѣтилъ преимущественно молчаливый и сосредоточенный поэтъ-юноша Подолинскій, который въ эту пору издалъ уже двѣ свои поэмы, *Барскій*, и *Нищій* независимо отъ безчисленнаго множества мелкихъ его стихотвореній, наполнявшихъ собою журналы и альманахи.

Такъ какъ журналецъ Бестужева былъ уже на сценѣ, то Воейковъ нашелъ нужнымъ сказать Вильгельму Ивановичу Карлгофу:

— Вы также, Вильгельмъ Ивановичъ, даете статьи ваши въ изрядномъ количествѣ Бестужеву, а между тѣмъ смотрите-ка

* Нынѣ тайный совѣтникъ и директоръ канцеляріи комитета раненыхъ.

какъ этотъ неблагодарный пасквилянтъ позволяетъ себѣ относиться о вашей новой прелестной повѣсти *Софія*.

— Я читалъ отчетъ Бестужева о *Невскомъ Альманахѣ*, сказалъ Карлгофъ, пуская клубы дыма изъ своей стамбулки,—и, признаюсь, не замѣтилъ тамъ ничего для себя обиднаго.

— Помилуйте, вопилъ Воейковъ: — какъ же это не обидно? читайте. „На страницѣ 109й сказано: Графъ Лининъ, въ 26 лѣтъ отъ роду, смотрѣлъ на жизнь какъ на давно извѣстную и *слѣдственно* скучную книгу.—Напримѣръ Гомерова *Иліада* давнымъ давно извѣстная книга, но слѣдуетъ ли изъ сего что она скучна?“

— Это дѣйствительно обмолвка у меня, и я вполнѣ ее сознаю, объяснялъ Карлгофъ, почему и не считаю себя въ правѣ претендовать на рецензента, исполнившаго этимъ замѣчаніемъ свою обязанность.

— Еще вотъ на какія штучки пускается этотъ Бестужевъ, снова привязывается Воейковъ. — Вонъ онъ напечаталъ какое-то письмо къ себѣ отъ себя же, то-есть отъ Маріы Власьевны Томской, служащей ему псевдонимомъ. Въ письмѣ этомъ различныя напоминанія издателю этого листка за его неисправный выходъ и убѣжденіе поправиться какъ-нибудь. Вотъ отвѣтъ въ стихахъ:

Все свято исполнить я вамъ обѣщаю,
И вашихъ статей ожидаю.

— Куда какъ это тонко и остроумно!

Замѣчательно что всѣ выстрѣлы Воейкова противъ *Сѣвернаго Меркурія* оставались въ гостиной безъ отвѣта и никѣмъ почти не развивались. На это была та простая причина что всѣ личности наполнявшія гостиную Воейкова помѣщали статьи свои въ *Сѣверномъ Меркуріи* и въ *Гирляндѣ*, и ежели не посѣщали М. А. Бестужева-Рюмина, по причинѣ его уже черезчуръ цинічнаго образа жизни и вообще быта, то посѣщали, напротивъ, очень часто его хорошаго пріятеля и настоящаго издателя *Гирлянды* Николая Александровича Татищева, который въ тѣхъ же мѣстахъ жилъ, то-есть гдѣ-то около Знаменской, и жилъ очень комфортабельно, какъ человѣкъ богатый, свѣтскій, приличный, хотя постоянно страдавшій физически. Онъ говаривалъ что любитъ Бестужева за его доброе и незлобивое сердце; но весьма не одобряетъ въ немъ его безпорядочности и унизительной страсти къ горячимъ

напиткамъ. У Н. А. Татищева сходокъ и сборищъ въ родѣ Воейковскихъ не бывало; но затѣмъ каждый вечеръ, когда хозяинъ изящной и обширной квартиры бывалъ дома, а онъ почти никуда и никогда по хилости не выѣзжалъ, то въ его помѣстительномъ кабинетѣ всегда можно было встрѣтить двухъ, трехъ изъ тогдашнихъ сотрудниковъ журналовъ и вкладчиковъ альманаховъ. Предъ окончаніемъ вечера общество переходило въ столовую, отдѣланную въ готическомъ вкусѣ, и тутъ подавался такой ужинъ который по изяществу и дороговизнѣ никакъ не могъ идти въ сравненіе со скромными и всегда почти плохо сервированными ужинами Воейкова. Довольно понятно что весьма не многіе не посѣщавшіе г. Татищева и не знакомые съ нимъ, каковы были изъ числа гостей Воейкова: Борисъ Михайловичъ Ф(Ѳ)едоровъ, г. Олинъ, товарищъ его Вас. Прох. Никоновъ и наконецъ нѣкто г. Пасынковъ, — персонажъ довольно плотной корпуленціи, съ своеобразною, отрывистою дикціей и какою-то задыхающеюся интонаціей, — * относились далеко не любезно къ *Сѣверному Меркурію* и къ *Гирляндѣ*, а въ особенности къ ихъ издателю. Г. Олинъ, маленькій субтильненькій человѣчекъ, довольно щелетильный и говорящій съ нѣкоторымъ увлеченіемъ, въ то время издавалъ газетку *Колокольчикъ*, о которомъ въ *Сѣверномъ Меркуріи* было сказано:

Хотя разбитъ, хотя не звученъ,
Но, ахъ! какъ онъ несносно скученъ,
Когда велѣніемъ судьбинъ
Своимъ однообразнымъ звономъ
Онъ за безжалостнымъ Харономъ

---

* Я никогда не зналъ близко этого господина; но лѣтъ за 35 — 40 предъ симъ памятна была ходившая по рукамъ и едва ли не напечатанная въ *Меркуріи* дерзкая эпиграмма Бестужева-Рюмина, основанная на каламбурномъ смыслѣ фамиліи, носимой господиномъ Пасынковымъ, а именно:

„Онъ чести пасынокъ, а пошлости сынокъ.“

Чтобы громко объявлять такія вещи, надо быть увѣреннымъ въ ихъ безошибочности. Но г. Бестужевъ-Рюминъ оправдывался тѣмъ что „льяному море по колѣно.“ Сколько извѣстно, г. Пасынковъ отвѣчалъ только въ Воейковскихъ журналахъ, называя Бестужева „Пьянюшкинымъ,“ а журналъ его *Меркурій* „воромъ“.

Ословъ мычащихъ стадо мчитъ,
И для ушей ихъ дребезжитъ.

Г. Олинъ былъ переводчикъ Байронова *Корсара* и сочинитель и издатель великаго множества различныхъ книжекъ, книгъ и книжонокъ. Деньгами для изданія *Колокольчика* ему помогалъ, повсюду его сопровождавшій, молодой купеческій сынъ Никоновъ, блѣдный, бѣлобрысый какъ маймистъ и отличавшійся необыкновенною неловкостью. Впрочемъ, человѣкъ добрый и честный, насколько онъ дѣйствовалъ самостоятельно; но, къ сожалѣнію самостоятельности-то онъ, бѣднята, никакой не имѣлъ. Хотя онъ находился подъ опекой, но денегъ у него было не мало и онъ ими порядочно сорилъ. Онъ напечаталъ свою нелѣпѣйшую повѣсть *Новая бѣдная Лиза*, за напечатаніе которой въ своемъ журнальцѣ съ него взялъ Бестужевъ-Рюминъ, пользуясь его непроницательностью, 500 р. ассиг. Въ это время успѣли увѣрить Никонова что несравненно лучше самому издавать газету, чѣмъ платить другому журналисту за печатаніе у него своихъ повѣстей. Никоновъ уразумѣлъ прелесть издательства и охотно сдѣлался издателемъ *Колокольчика*, редакціей котораго занимался г. Олинъ, безпрестанно печатавшій тамъ чепуху, сочиняемую несчастнымъ издателемъ. Можно себѣ вообразить какъ шла эта газета и что̀ такое былъ этотъ *Колокольчикъ*, который вмѣстѣ со многими тогдашними петербургскими журналами я намѣренъ описать во всѣхъ подробностяхъ въ статьѣ: *Петербургскія редакціи тридцатыхъ годовъ*, которую надѣюсь напечатать въ 1872 году.

Бо́льшая часть Воейковскаго общества, состоя изъ участниковъ двухъ противоборствующихъ лагерей, не могла громить Бестужева, даже въ угоду Воейкову, и Воейковъ, понимая это, только старался, какъ уже мы видѣли, возбуждать отдѣльныя личности противъ своего врага. Затѣмъ, бесѣдуя съ лицами нисколько не связанными съ *Сѣвернымъ Меркуріемъ* и *Гирляндой*, для Воейкова уже не было никакой удержи, и эти два изданія, съ ихъ яснымъ издателемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, были тогда предметомъ самыхъ отчаянныхъ и отчасти крайне неприличныхъ атакъ, причемъ приводимы были примѣры различныхъ промаховъ и недостатковъ Бестужева; но главное, велся самый тщательный и строжайшій контроль выхода въ свѣтъ NN того и другаго изданій, съ внимательнымъ указаніемъ насколько имен-

но нумеровъ отстали отъ нормы *Гирлянда* или *Меркурій*. Послѣднее обстоятельство составляло почти особую рубрику въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, сатирическая же рубрика этой газеты, *Пересмѣшникъ*, наполнялась выписками изъ *Сѣверной Пчелы*, *Меркурія*, *Телеграфа* и *Библіотеки для Чтенія*, кромѣ выборокъ изъ московскихъ журналовъ, которымъ также доставалось изрядно отъ Воейкова, хлеставшаго направо и налѣво и подчасъ, когда черезчуръ шибко расходится, готоваго выхлеснуть глазъ хоть и кому-нибудь изъ близкихъ своихъ, причемъ однако тотчасъ прибѣгалъ къ ханжеству и восклицалъ:

— „Како можеши рещи брату твоему: брате! остави, да изму сучецъ иже есть во очеси твоемъ, самъ сущаго во очеси твоемъ бервна не видя? Изми первѣе бервно изъ очесе твоего, и тогда прозриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего.“

На этотъ разъ при мнѣ прочитано было слѣдующее изъ *Сѣвернаго Меркурія*:

„Между тѣмъ, оставляя все прочее ожидать своей очереди, мы протрубимъ апель для дружины альманаховъ, какъ любимицы главнаго нашего командира (публики) и велимъ ей для предстоящей инспекціи прибыть въ меркурьяльный манежъ.“

Далѣе цитировано что *Меркурій* объявилъ будто бумага *Литературныхъ Прибавленій* сѣра, а картинки лубочныя, * почему совѣстно положить газету эту на туалетъ, хотя бы и супруги гарнизоннаго прапорщика, и что всего приличнѣе употреблять эту сѣрую бумагу на патроны.

Исчислялись грамматическія ошибки въ *Меркуріи* и въ *Гирляндѣ*, особено во французскомъ правописаніи, какъ, напримѣръ, Бестужевъ, не знавшій ни одного иностраннаго языка, печаталъ у себя вездѣ Létiére, вмѣсто laitière, и многое множество тому подобныхъ нелѣпостей.

Еще приводились плоскія остроты Бестужева въ родѣ совѣта автору статьи *Разказъ подпоручика В****, въ альманахѣ *Альціона*, вступить на авторское поприще не иначе какъ по достиженіи штабъ-офицерскихъ эполетъ.

Затѣмъ приведенъ былъ еще примѣръ неприличной манеры при разборѣ книгъ. Рѣчь шла о книгѣ г. Вас. Ушакова,

---

* Трудно, да и не невозможно было бы доказать противное.

изданной въ Москвѣ: *Котъ Бурмосѣко, любимецъ Халифа Аль-Мамуна*. Критикъ *Меркурія* сказалъ что единственный экземпляръ этой книги, какой былъ въ книжномъ магазинѣ,—изъѣли мыши,—почему замѣчаетъ: „Итакъ, г. Ушакову предлежитъ теперь важный трудъ: описать *погребеніе кота изъѣденнаго мышами*!“

Въ отместку газетѣ Воейкова, объявлявшей о выходѣ въ свѣтъ газеты *Воръ* (Меркурій богъ промышленности и воровства), издаваемой *Пьянюшкинымъ-Безграмотнымъ*,—Бестужевъ объявилъ что скоро выйдетъ газета: *Сноторныя прибавленія къ Молодцу*, бумага которой, какъ обѣщаютъ, будетъ несравненно гаже даже той на какой печатаются *Летературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*.

По поводу какого-то своего отпора Воейкову, *Меркурій*, обличая его въ лжи, выдумкѣ и даже клеветѣ, обратился къ нему со стихами:

Ну что?... Чай горька
Меркуріальная микстура?... *
Небось; твоя крѣпка натура:
Снесетъ душа клеветника!

Чтеніе послѣдняго четверостишія Олинымъ, восклицавшимъ что за это четверостишіе авторъ заслуживаетъ быть посаженнымъ въ какой-нибудь новый нумеръ *Дома сумашедшихъ*, заставило Воейкова сказать:

— Много чести Пьяньчушкину сидѣть въ *Домѣ сумасшедшихъ*, гдѣ сидитъ и Жуковскій, и Батюшковъ; да и всѣ другіе кто бы ни были, даже Осударь Соколовъ, таковы что съ Мишкой Бестужевымъ не захотятъ быть въ одной компаніи, почему я предпочитаю приклеить къ портрету его косой и опухлой морды вотъ слѣдующій экспромтъ Василья Николаевича Щастнаго:

Не создавало естество
Рожъ неумытѣе и хуже!
Въ ней отразилось божество,
Какъ солнца лучь въ болотной лужѣ.

Не взирая на ласковость отношеній почти всѣхъ тутъ быв-

---

* Г. Бестужевъ старался давать названію своей газеты значеніе то миѳологическое, то терапевтическое, и на извѣстномъ значеніи меркуріальнаго лѣченія созидалъ остроты, правда, отличавшіяся полнымъ незнаніемъ азбуки приличій.

шихъ къ издателю *Меркурія*, а тѣмъ паче къ его меценату, г. Татищеву,—Воейковское ругательство, высказанное чужими словами, пріятно было довольно симпатично и заслужило одобрительный смѣхъ, можетъ-быть, впрочемъ, потому что брань эта относилась не къ характеру и не къ репутаціи ея жертвы, а лишь къ ея наружности, которая, по всей справедливости, далеко не отличалась физическими совершенствами.

IX.

Съ нѣкоторыми изъ гостей Воейкова мы уже знакомы, какъ по дому графа Хвостова, такъ потому что и здѣсь мы ихъ видѣли, другихъ же вы вовсе не знаете, почему теперь же сообщу вамъ о нихъ все что̀ знаю и что̀ помню:

Аладьинъ (Егоръ Васильевичъ), издатель въ теченіе многихъ лѣтъ *Невскаго Альманаха* и потомъ *Петербургскаго Вѣстника*, журнала не имѣвшаго успѣха. Наружность его была весьма непрезентабельная: коротенькій, толстоватенькій человѣкъ, съ бурымъ, одутловатымъ лицомъ, съ сваливающимися на глаза русыми волосами. Рѣчь не изящная, отрывистая, не ясная, выраженія далеко не отборныя. Онъ мастеръ былъ ежегодно выпрашивать у литераторовъ прозаическія и поэтическія статьи для своего *Невскаго Альманаха*, и искусенъ въ томъ чтобы повыгоднѣе издать книжку *Альманаха* и потомъ еще выгоднѣе продать ее отчасти публикѣ, а главное, разнымъ милостивцамъ. Онъ былъ родомъ Курчанинъ, и въ Курскѣ, при какомъ-то тамошнемъ губернаторѣ, началъ свое служебное поприще. Съ 1824 года онъ явился въ Петербургѣ, и увлеченный блестящимъ тогдашнимъ успѣхомъ альманаховъ, *Полярная Звѣзда* Бестужева и Рылѣева и *Сѣверные Цвѣты* барона Дельвига и Сомова, онъ предпринялъ свой *Невскій Альманахъ*, долгое время доставлявшій ему средства къ болѣе или менѣе сносной жизни. Въ ту пору когда Аладьинъ сначала былъ покровительствуемъ, а потомъ почему-то преслѣдуемъ Воейковымъ, ему удалось произвести еще другую довольно крупную спекуляцію, а именно, пріобрѣтя расположеніе бывшаго тогда смоленскимъ губернаторомъ, извѣстнаго нашего драматическаго писателя Хмѣльницкаго, онъ получилъ отъ послѣдняго безвозмездное право изданія въ свою собственность всѣхъ, сколько ихъ было, его театральныхъ, довольно милыхъ піесъ

изъ числа которыхъ знаменитая комедія въ стихахъ *Воздушные замки* и донынѣ считается не дурною театральною піесой. Аладьинъ объявилъ объ изданіи такого собранія подъ названіемъ: *Театръ Николая Хмѣльницкаго.* Изданію назначена была цѣна 20, а съ пересылкой 22 руб. ассигн. Подписку Аладьинъ открылъ бойкую и ловкую, пустивъ ее не только чрезъ книжную торговлю, но въ домахъ своихъ милостивцевъ, сановниковъ и купцовъ, а также, при посредствѣ протекціи, во всѣхъ почтовыхъ конторахъ. Объявленіе о подпискѣ было состряпано довольно мѣтко и, между прочимъ, снабжено слѣдующими стишками Хмѣльницкаго:

Чины вѣрнѣе Ипокрены
Насъ въ Академію ведутъ,
И кто въ чинахъ, тотъ мигомъ въ члены,
А стихотворцы вѣчно ждутъ.
За то, поразобравши строго,
Академическій причетъ,—
Превосходительныхъ въ немъ много,
А въ превосходныхъ недочетъ.

Подписка кипѣла, и нѣсколько тысячъ подпищиковъ прислали Егору Васильевичу Аладьину свою крупную лепту. Но Аладьинъ, собравъ деньги, книги не издавалъ. Жалобы сыпались. Носился слухъ что при этомъ г. Аладьинъ изволилъ очень мило шутить съ тѣми которые его на его квартирѣ (уголъ Невскаго и Литейной, домъ Давыдова) отыскивали и атаковывали. Онъ, чрезъ прислугу свою, не сказывался дома; но иногда случалось что прислуги не было въ наличности, и тогда владѣлецъ-де самъ принималъ претендателей, и разыгрывая роль лакея, объявлялъ что. — такъ по крайней мѣрѣ разказывали, — что баринъ уѣхалъ въ Царское или въ Гатчину, или что баринъ лежитъ боленъ, а разъ даже будто бы увѣрялъ самъ одного настойчиваго господина что издатель *Театра Хмельницкаго* умеръ и вчера на Смоленскомъ кладбищѣ погребенъ. Однако наконецъ самъ Николай Ивановичъ Хмѣльницкій, не на шутку, сталъ приступать къ Аладьину о необходимости удовлетворить публику изданіемъ обѣщаннаго собранія его піесъ. Чѣмъ же кончилось? Кончилось тѣмъ что за все поплатился добродушный Николай Ивановичъ Хмѣльницкій, принявшій на себя издержки изданія, поручивъ однако уже эту операцію другому лицу, отъ котораго мы и узнали всѣ эти куріозныя подроб-

ности. Самъ Аладьинъ, сколько мнѣ извѣстно, ничего не писалъ. Впрочемъ, извините, въ первой, на 1825 годъ книжкѣ *Невскаго Альманаха* была напечатана, написанная вяло, канцелярскимъ языкомъ, его повѣсть, извлеченная изъ матеріала имѣвшаго великолѣпный сюжетъ. Это было слѣдственное дѣло по поводу преступленія совершеннаго въ 1823 году курскимъ дворяниномъ Ширковымъ, убившимъ молодую дѣвушку не отвѣчавшую на его страсть, тѣмъ болѣе предосудительную что онъ былъ довольно старъ, дѣвушка же эта была подруга его взрослой дочери-невѣсты. Аладьинъ не сумѣлъ искусно воспользоваться хорошимъ матеріаломъ и, какъ дурной ваятель, изъ куска каррарскаго мрамора произвелъ, вмѣсто изящной статуи, уродливаго истукана.

Рѣзкую противоположность съ Аладьинымъ, представлялъ въ гостиной Воейкова и на многочисленныхъ вечерахъ Греча скромный, кроткій, тихій, привѣтливый, крайне деликатный во всѣхъ своихъ поступкахъ *Константинъ Петровичъ Масальскій*, авторъ весьма многихъ русскихъ историческихъ романовъ и стихотворной повѣсти: *Терпи казакъ, атаманъ будешь*. Эту повѣстушку, съ претензіями на что-то особенно теплое и сердечное, нынче едва ли кто изъ настоящаго поколѣнія знаетъ; но въ началѣ тридцатыхъ годовъ она имѣла такой успѣхъ что, напечатанная въ количествѣ 1.200 экземпляровъ, разошлась въ двѣ недѣли и потомъ въ теченіе одного года выдержала два изданія въ несравненно бо́льшемъ числѣ экземпляровъ, такъ что ее разошлось въ Россіи не менѣе 10.000 экземпляровъ въ теченіе одного года. Константинъ Петровичъ Масальскій воспитывался въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, а служилъ постоянно въ государственной канцеляріи. Онъ имѣлъ типъ очень приличнаго министерскаго чиновника, съ формами необыкновенно мягкими, кроткими, учтивыми, но безъ вкрадчивости и заискиванія, которыхъ былъ чуждъ. Онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и, между прочими, въ совершенствѣ испанскій языкъ, съ какого и перевелъ мастерски твореніе безсмертнаго Сервантеса *Донъ-Кихотъ*. Масальскій отличался движеніями чрезвычайно систематическими и скорѣе медленными чѣмъ проворными. Онъ былъ невеликъ ростомъ, пріятной наружности, съ тонкимъ продолговатымъ носомъ à la Henri IV и съ густыми каштановыми котлетообразными бакенбардами прежней формы, то-есть покрывавшими полосой щеки отъ висковъ

къ губамъ. Говорилъ онъ весьма не громко, никогда не спорилъ, и на литературныхъ сходкахъ, гдѣ сплетня царила, онъ углублялся съ трубкой въ уголокъ, гдѣ въ полголоса бесѣдовалъ съ кѣмъ-нибудь изъ тѣхъ посѣтителей сходки съ которымъ бесѣда могла быть для него пріятна. Полевой сильно нападалъ на все то что̀ выходило изъ-подъ пера Масальскаго; но Масальскій уклонялся отъ личной полемики, предоставляя защиту свою журналистамъ, которыхъ однако снабжалъ иногда матеріалами, необходимыми для антикритики. Имъ создано слово *бранелогія*, принятое *Сѣверною Пчелой*, для опредѣленія страсти къ полемикѣ между журналами.

Сіяновъ, жандармскій капитанъ, съ бойкими ухватками, бросавшій въ маленькія періодическія изданія, равно какъ въ плохенькіе альманашки, свою прозу, далеко не Карамзинскую, и свои стишки, далеко не Пушкинскіе. Съ Бестужевымъ часто былъ въ ссорѣ; а за Воейковымъ ухаживалъ, по тому уваженію что Воейковъ находился въ весьма пріятныхъ отношеніяхъ къ начальнику штаба корпуса жандармовъ Л. В. Дубельту.

Сергѣй Петровичъ Крашенинниковъ, въ то время флотскій лейтенантъ, очень дружный въ домѣ адмирала П. И. Рикорда и писавшій болѣе или менѣе интересныя статьи и статейки о морской жизни, морскомъ бытѣ и морскихъ походахъ. Онъ умеръ года за два предъ симъ въ отставкѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.

Владиміръ Андреевичъ Владиславлевъ, уланскій офицеръ, перешедшій потомъ старшимъ адъютантомъ въ корпусъ жандармовъ и пользовавшійся особымъ расположеніемъ Воейкова, человѣкъ довольно богатый по женѣ, урожденной Калагеорги. У него были назначенные дни, вечера, ужины и обѣды. Онъ писалъ въ прозѣ повѣстушки и военныя воспоминанія довольно вялыя. Владиславлевъ замѣчателенъ изданіемъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, изящнаго альманаха *Утренняя Заря*, виньетки и картинки котораго исполнялись въ Лондонѣ и были истинно хороши. Между этими картинками замѣчательны были въ особенности портреты петербургскихъ и московскихъ красавицъ изъ высшаго общества. Приложеніе это значительно возвышало цѣну изданія г. Владиславлева, которое впрочемъ расходилось тысячами экземпляровъ искусственнымъ образомъ, главнымъ образомъ благодаря письмамъ графа Бенкендорфа, просившаго всѣхъ губернаторовъ и городскихъ головъ

распространять это изданіе, такъ какъ половина сбора назначалась въ пользу благотворительныхъ цѣлей. Масса требованій на *Утреннюю Зарю*, продававшуюся по 10 р. экземпляръ, была громадна. Благодаря *Утренней Зарѣ*, Владиславлевъ съ каждымъ годомъ все улучшалъ и улучшалъ свое положеніе, да и прослылъ литераторомъ, находясь постоянно въ обществѣ Воейкова, славившаго его во всю ивановскую, а потомъ пользуясь пріязнью Кукольника и всей братіи этого общества.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ. О его поэтическихъ достоинствахъ нечего распространяться, потому что они, поднятыя высоко партіей, въ свое время были строго оцѣнены критикой Полеваго, на котораго за эту и за многія его другія правды поднималась ужаснѣйшая оппозиціонная буря, кончившаяся однако мыльными пузырями, какъ и вся шумливая и высокопарная поэзія. Ежели о поэтѣ, какъ личности, судить по его произведеніямъ, то можно бы было представить себѣ г. Бенедиктова величественнымъ, красивымъ и горделивымъ мужемъ, съ открытымъ большимъ челомъ, съ густыми кудрями темныхъ волосъ, граціозно закинутыхъ назадъ, съ головой смѣло поднятою, съ глазами устремленными глубоко вдаль, съ движеніями смѣлыми и повелительными, съ поступью плавною, съ рѣчью звучною, серебристою, музыкальною. Дѣйствительность же представляетъ человѣка плохо сложеннаго, съ длиннымъ туловищемъ и короткими ногами, роста ниже средняго. Прибавьте къ этому голову съ бѣлокуро-рыжеватыми, примазанными волосами и зачесанными на вискахъ крупными закорючками; лицо рябоватое блѣдно-геморроидальнаго цвѣта съ красноватыми пятнами и бѣловато-свѣтлосѣрые глаза, окруженные плойкой морщинокъ. Не знаю какъ въ послѣдствіи являлся почтенный Владиміръ Григорьевичъ, но въ тридцатыхъ и послѣдующихъ, еще до пятидесятаго года, я иначе нигдѣ, гдѣ только его видалъ, не встрѣчалъ какъ въ форменномъ фракѣ министерства финансовъ, съ орденомъ или даже и орденами на шеѣ и въ лѣвой петлицѣ, при широкомъ и неуклюжемъ черномъ атласномъ галстукѣ, весь складъ и типъ, отъ движеній до голоса, министерскаго чиновника временъ былыхъ. Во всей внѣшности г. Бенедиктова никогда не было нисколько не только поэтичности, но даже малѣйшаго оттѣнка свойственнаго человѣку которому сколько-нибудь присуще вдохновеніе. Г. Бенедиктовъ принадлежалъ къ Кукольниковскому братству и постоянно

посѣщалъ Нестора Васильевича, который въ своемъ интимномъ кружкѣ носилъ названіе или кличку „Епископа“, Богъ знаетъ почему. Въ этомъ обществѣ въ послѣдствіи сталъ являться Полевой, сдружившійся съ Кукольникомъ изъ крайности и нужды, когда онъ принужденъ былъ горькими обстоятельствами оставить Москву. Здѣсь у Кукольника Полевой встрѣчалъ Бенедиктова и казалось таялъ отъ восторга, слушая громогласныя стихотворенія форменнаго поэта.

Трилунный — былъ псевдонимъ нѣкоего г. Струйскаго, писавшаго въ журналахъ и альманахахъ очень много прозой и стихами, иногда довольно мило. Онъ издавалъ и отдѣльныя сочиненія подъ своимъ постояннымъ псевдонимомъ. *Сѣверная Пчела*, снисходительная къ самымъ дрянным посредственностямъ, проявляла строгость къ Трилунному, въ которомъ она, Богъ знаетъ почему, отвергала не только поэтическое дарованіе, но даже и всякую литературную способность, что было несправедливо. Г. Струйскій былъ человѣкъ довольно достаточный, принадлежалъ къ хорошему обществу, имѣлъ приличныя формы; но со всѣмъ тѣмъ напускалъ ли онъ на себя или нѣтъ, а только онъ отличался какими-то страшными манерами, благодаря которымъ его легко можно было принять за сумашедшаго или по крайней мѣрѣ за иступленнаго, за меланхолика, вообще за человѣка внѣ нормы. Движенія его были часто излишне порывисты, онъ являлъ примѣры странной разсѣянности въ туалетѣ своемъ, щеголеватомъ, но небрежномъ, причемъ иногда не по сезону онъ носилъ шинель съ мѣховымъ воротникомъ въ ту пору когда всѣ драпировались легкими плащами, по причинѣ іюльскихъ жаровъ. Онъ былъ некрасивъ, блѣдно-желто-коричневаго цвѣта имѣлъ лицо, глаза закрывались нависшими широчайшими бровями, волосы щетинились, очки никогда не снимались съ его мутныхъ глазъ. Вообще онъ казался молодымъ старикомъ.

Леопольдъ Ивановичъ Брандтъ, носившій всегда свѣтло-синій фракъ съ бѣлыми луговицами вѣдомства путей сообщенія, всегда съ золотою табатеркой и фуляровымъ платкомъ въ лѣвой рукѣ. Рѣчь наставительная и самовосхвалительная, движенія медленныя и плавныя, усмѣшка старающаяся быть остроумною и глубокомысленною. Слылъ литераторомъ, потому что печаталъ въ журналахъ различныя статейки довольно отрицательныхъ качествъ и издалъ какой-то романъ. Онъ являлся постоянно,

словно на службу, къ Гречу по четвергамъ, къ Воейкову по пятницамъ, и къ Кукольнику по субботамъ.

Василій Николаевичъ Щастный, родомъ Литвинъ, служилъ въ государственной канцеляріи, писалъ довольно много изрядныхъ стиховъ въ альманахахъ; но услуга его литературѣ русской состоитъ въ томъ что онъ перевелъ на русскій языкъ очень успѣшно поэму знаменитаго польскаго поэта Мицкевича *Фарисъ*, которую въ его переводѣ, истинно-изящномъ, можно не безъ удовольствія прочесть и нынче даже въ нашъ непоэтическій вѣкъ. Г. Щастный былъ довольно пріятный и спокойный молодой человѣкъ, тогда лѣтъ 25ти съ небольшимъ.

Михаилъ Алексѣевичъ Яковлевъ. Это былъ строгій и страшный для театральнаго міра критикъ-рецензентъ *Сѣверной Пчелы*. Онъ писалъ очень ловко и вѣрно, хотя, служа въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, иногда долженъ былъ смягчать правоту своихъ приговоровъ артистамъ и въ особенности артисткамъ имѣвшимъ своихъ покровителей между аристократами. Яковлевъ получилъ образованіе въ Петропавловской нѣмецкой школѣ и былъ сынъ русскаго купца торговавшаго подъ Думой серебряными издѣліями, почему нѣкоторые журнальные наѣздники, находившіе возможными всѣ средства для своихъ отпарированій, позволяли себѣ пошлыя шуточки на счетъ происхожденія автора статей съ подписью *М. Я.*—Яковлева выводили на сцену неоднократно. Я помню какой-то водевиль, гдѣ онъ являлся подъ именемъ Мишутки Яшуткина и былъ вылитый оригиналъ. Не помню только кто его представлялъ тогда, кажется, Марковецкій или Рязанцевъ. Та же корпуленція, болѣе чѣмъ плотная, то же огненно-кирпичекрасное лицо, съ очками въ черепаховой оправѣ, тотъ же черный сюртукъ, черный жилетъ по горло и съ бѣленькими форменными луговичками и то же отсутствіе всякаго наружнаго признака бѣлья, чѣмъ отличался костюмъ почтеннаго Михаила Алексѣевича. Онъ былъ давнишнимъ сотрудникомъ *Сѣверной Пчелы*, платившей ему только креслами въ театрахъ за его статьи. Воейковъ окружалъ его учтивымъ вниманіемъ и былъ съ нимъ на самой лучшей ногѣ, что̀ не мѣшало Воейкову при немъ ругать Булгарина, а Яковлеву хохотать при этихъ выходкахъ, точно доходившихъ до смѣшнаго.

Лука Михайловичъ Якубовичъ, веселый, разбитной малый, круглолицый, румяный, кудрявый, отставной какой-то офицеръ, печатавшій не мало статеекъ въ стихахъ и въ прозѣ,

изъ которыхъ нѣкоторыя были недурны. Онъ, говорили, былъ какимъ-то дальнимъ родственникомъ того Якубовича который находился въ числѣ декабристовъ и проявилъ столько дикихъ поступковъ на Дворцовой площади въ злосчастный день 14го декабря 1825 года. Впрочемъ въ Якубовичѣ печатавшемъ въ журнальчикахъ Воейкова, Бестужева, Олина и другихъ свои статейки, повидимому, не было ничего общаго съ тѣмъ о которомъ, по аналогіи ихъ фамилій, мы вспомнили. Это былъ нѣчто въ родѣ взрослаго enfant terrible, наивный, беззаботный, всегда имѣвшій въ запасѣ своей памяти разнаго рода новости журнальнаго дѣла. Онъ, кажется, посвящалъ бо́льшую часть своего дня на собираніе извѣстій по книжнымъ лавкамъ, кондитерскимъ, трактирамъ и типографіямъ, почему новости эти нерѣдко переходили въ оттѣнокъ сплетни; а сплетня, какъ я уже сказалъ прежде, царила въ Воейковской гостиной, гдѣ надобно было соблюдать изрядную осторожность чтобы не сдѣлаться ея жертвой или игралищемъ.

Степанъ Васильевичъ Руссовъ. Сильный преслѣдователь Полеваго и Арцыбашева за то что они не преклонялись предъ Карамзинымъ и находили недостатки въ его *Исторіи Государства Россійскаго.* Приземистый, сѣдой старикъ этотъ, говорившій съ пѣной у рта о тѣхъ вольностяхъ какія правительство дозволяетъ такому безсовѣстному нахалу, какъ онъ называлъ талантливаго издателя *Телеграфа*, каковъ Николка Полевой, былъ гдѣ-то когда-то учителемъ исторіи, которую зналъ таки довольно исправно. Въ тридцатыхъ годахъ вся спеціальность жизни его состояла въ томъ что онъ печаталъ брошюры и цѣлыя книжки въ защиту святой для него тѣни безсмертнаго исторіографа Карамзина. Это занятіе обратилось какъ бы въ мономаническое какое-то его дѣйствіе. Онъ въ одно время привлекалъ къ себѣ уваженіе за ту твердость воли какую онъ проявлялъ въ постоянномъ преслѣдованіи порицателей Карамзина; а съ другой стороны, онъ невольно возбуждалъ смѣхъ. Вотъ и въ этотъ разъ Руссовъ, какъ всегда, явился къ Воейкову со статьей. Статья эта была слишкомъ куріозна, почему, когда она была напечатана въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, я вырѣзалъ ее и помѣстилъ въ мой особый альбомъ, благодаря которому, теперь, 40 лѣтъ спустя, я здѣсь многое могу передать съ тою же точностью, какъ бы все это мною видимо и слышано сегодня. Благоволите прочесть эту статью, которая лучше всѣхъ брошюръ и то-

миковъ изданныхъ Руссовымъ, ознакомитъ васъ съ этимъ чудакомъ:

„Что совы и монстры допущены въ журналы, за то исторіографъ и вообще исторія, какъ лицо и вещь посторонія и никакого участія въ томъ не имѣвшія, отвѣчать не обязаны. Это правда что *сова*, эмблема мудрости, приписана г. Арцыбашеву неправильно; но я не вѣрю чтобы тѣнь исторіографа, ломавая г. Строеву, одобряетъ что онъ призываетъ критики на безсмертное его твореніе; ибо самъ онъ (Предисловіе) говоритъ что, посвятивъ 12 лѣтъ лучшаго времени своей жизни на сочиненіе девяти томовъ, можетъ по слабости желать хвалы и бояться охужденія.... Повѣритъ ли потомство что въ XIX столѣтіи, въ несправедливѣйшей критикѣ на безсмертное твореніе исторіографа, ссылались на безсмѣнное будто бы ломаваніе его тѣни? Повѣритъ ли что тогда же было столь великое ожесточеніе противъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ, добродѣтельнѣйшихъ и паче правдивѣйшихъ Россіянъ?“

На дняхъ авторъ этой статьи имѣлъ случай достать прекуріозное фактическое доказательство мелочности покойнаго, добрѣйшаго впрочемъ, С. В. Руссова. Доказательство это состоитъ въ 500 экземплярахъ превосходно гравированнаго на стали, въ видѣ медальйона, портрета его въ профиль съ непремѣннымъ Владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ. Внизу подпись по-латыни: Russow. Step. Was. Consil. Aul. St. Walod. Eques. etc. Душеприкащикъ покойнаго Руссова раздавалъ этотъ портретъ всѣмъ желающимъ имѣть эту рѣдкость 1822 года. *

Воейковъ, принимавшій охотно всякую челуху, лишь бы направленную противъ Полеваго, Булгарина или Сенковскаго, съ особеннымъ жаромъ и видимымъ удовольствіемъ завладѣлъ листомъ бумаги исписаннымъ стариковскимъ почеркомъ Руссова, объявляя что онъ въ слѣдующемъ нумерѣ напечатаетъ эту „прелесть“, какъ онъ выразился.

— А, вотъ, Александръ Ѳедоровичъ, сталъ говорить enfant terrible, Якубовичъ,—сегодня заходилъ это я къ Александру Филипповичу Смирдину, и видѣлъ тамъ, между прочими новыми, изъ Москвы полученными, книгами *Стихотворенія М. А. Дмитріева*. Въ числѣ этихъ стихотвореній одно особенно мнѣ показалось, именно *Люциферовъ праздникъ*. Тамъ есть одинъ стишокъ, обнаруживающій презрѣніе публики къ Полевому, имя котораго тутъ скаламбурировано очень удачно.

* Экземпляръ этого портрета, отличающагося поразительнымъ сходствомъ съ подлинникомъ, я передалъ въ коллекцію рѣдкостей почтеннаго издателя *Русской Старины* М. И. Семевскаго.

— Да то-то видѣли, да читали, заворчалъ Воейковъ, надувшись,—а нѣтъ того чтобы списать. Вотъ списали бы, да мнѣ и прислали бы, такъ ладнѣе было; а то теперь надо мнѣ завтра посылать за книжкой къ другу моему Ивану Тимоѳеевичу Лисенкову, который, многіе ему годы благополучно здравствовать, спасибо ему, не оставляетъ снабжать меня всѣми новыми книгами.

— Не безпокойтесь, Александръ Ѳедоровичъ, отозвался Аладынъ, подавая Воейкову тщательно сложенный листокъ.— Я сегодня собственноручно списалъ это стихотвореніе, бывши въ магазинѣ Ивана Васильевича Сленина.

— Вотъ благодѣтель, истинный благодѣтель, Егоръ Васильевичъ, рычалъ Воейковъ.—Глубоко вамъ признателенъ. А между тѣмъ прочтемъ-ка это стихотвореніе Михаила Александровича Дмитріева, племянника нашего безсмертнаго поэта, друга Карамзина и бывшаго министра юстиціи.

И Воейковъ громко прочиталъ:

Иду я лѣсомъ—съ лѣсомъ равенъ,
Травою—равенъ я съ травой;
И, какъ лѣсной, въ глуши я славенъ,
Хотя презрѣнъ какъ *полевой!*
За сильнымъ—хохотъ я пускаю;
Кто слабъ—того защекочу;
Съ кѣмъ слажу—просто изломаю;
Не слажу—мимо прокачу.

— Это однако, замѣтилъ Карлгофъ,—напоминаетъ стишокъ изъ одного водевиля Писарева съ такимъ же каламбуромъ.* Только тамъ больше вѣжливости и ничего не говорится о какомъ-то „презрѣніи“, какого всего менѣе Николай Алексѣевичъ Полевой заслужилъ отъ русской публики, доказывающей ему свое расположеніе тѣмъ что подписка на его журналъ доходитъ до значительныхъ размѣровъ.

---

* Всѣ любятъ цвѣтъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ *полевой.*

Публика приняла куплетъ этотъ въ 1829 году съ аплодисментомъ, въ которомъ сильно и шумно, съ веселымъ смѣхомъ, участвовалъ самъ Н. А. Полевой, что дѣлаетъ честь его такту, точно такъ какъ и то что онъ хорошо отнесся о водевилѣ П. А. Каратыгина, *Знакомые незнакомцы,* хотя онъ тамъ и выведенъ подъ именемъ и въ роли журналиста Баклушина.

— Ну вы, Вильгельмъ Иванычъ, возражалъ Воейковъ съ нѣкоторою злобой въ голосѣ,—всегда за вашего любезнаго Полеваго. Подождите, еще насолитъ онъ вамъ; подождите!

— А вотъ, вскрикнулъ опять Якубовичъ, всегда богатый новостями,—а вотъ не угодно ли взглянуть въ сегодняшній нумеръ *Литературной Газеты* почтеннѣйшаго Ореста Михайловича Сомова, который остался въ одиночествѣ за горестною смертью барона Дельвига. Изволите видѣть, г. издатель *Телеграфа* объявилъ, со свойственною ему скромностью, что журналъ его *и впредь хуже не будетъ*. На это *Молва* ему замѣтила что г. издатель *Телеграфа* невозможнаго сдѣлать не можетъ. „А мы, говоритъ Сомовъ, съ своей стороны, замѣтимъ *Молвѣ* что шутка ея остроумна, но не совсѣмъ справедлива: издатель *Телеграфа* первымъ нумеромъ своего журнала на нынѣшній годъ доказалъ что для него „невозможное возможно“.

Почти общій хохотъ со знаками сильнаго одобренія принялъ эту довольно ловкую шутку.

— Въ pendant къ этому, объяснилъ Воейковъ, — и у меня къ слѣдующему нумеру приготовлена хорошенькая вещица въ своемъ родѣ, при содѣйствіи самого же почтеннѣйшаго Николая Алексѣевича.

Глѣбовъ и кулеческій сынокъ, состоящіе секретарствовавшіе Воейкову, тотчасъ бросились къ его портфелю въ кабинетѣ, и одинъ изъ нихъ подалъ ему заблаговременно подготовленную статью, которую по просьбѣ Воейкова и прочелъ вслухъ:

„*Слово правды*. Г. Полевой, подправя по-своему нѣсколько стиховъ Пушкина, читаетъ ихъ задомъ напередъ и находитъ въ нихъ смыслъ (что̀ весьма забавляетъ г. Полеваго). Можно сей опытъ повторить и надъ другими поэтами. Возьмемъ, напримѣръ, извѣстную строфу Державина:

„Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не столько нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ;
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.“

„Красоту всей строфы составляетъ именно порядокъ въ которомъ изливаются сіи сладкозвучные стихи. Прочтя ихъ же снизу вверхъ, смыслъ въ нихъ останется, хотя, конечно

прелесть ихъ исчезнетъ. Пытались мы читать *Исторію Русскаго народа*: сверху внизъ, снизу вверхъ, справа на лѣво, слѣва на право, крестъ на крестъ, черезъ строку—а смысла все не находили."

— Ха! ха! ха! хохотало почти все общество.

Когда прекратился смѣхъ, то выступилъ г. Пасынковъ съ нумеромъ того дня *Литературной Газеты* и прочелъ слѣдующее:

„*Сѣверная Пчела*, при видѣ множества новыхъ журналовъ, являющихся словно грибы, осерчала на это изобиліе періодическихъ изданій и возгласила: „И теперь, когда россійской „литературѣ *угрожаетъ* бѣдствіе отъ множества журналовъ и „устрашаетъ *истинныхъ* литераторовъ, какъ вѣсть о саранчѣ,— „*Сѣверная Пчела* торжественно объявляетъ что она не намѣрена „на заграждать пути ни одному журналу, не станетъ спорить ни „съ однимъ изъ нихъ и предоставляетъ каждому жить, чахнуть „и умереть свободно". „Къ этому *Литературная Газета* дѣлаетъ замѣтку: „Это похоже на объявленіе князька какого-то „мелкаго негритянскаго племени, который, окончивъ свой обѣдъ, „велитъ своему глашатаю кричать: Абулъ-Фатитъ-Гругру по„обѣдалъ; теперь всѣ другіе государи могутъ обѣдать".

И это тотчасъ назначено было въ ближайшій нумеръ. Такъ-то составлялась газета безъ особенныхъ хлопотъ и вполнѣ патріархально. Чего же не хватало иногда, то очень просто дополнялось чрезъ вниманіе то сотни стиховъ, то нѣсколькихъ страницъ прозы изъ книгъ, альманаховъ и журналовъ съ именами знаменитыхъ авторовъ. Что можетъ быть легче и проще этого? Въ послѣдствіи Сенковскій, такимъ манеромъ, перепечатывалъ въ *Библіотекѣ для чтенія* иногда цѣлыя книги, а статьи сплошь и рядомъ. Но всего забавнѣе что и за эти перепечатки чужаго добра Сенковскій бралъ съ благодушнаго Смирдина, ввѣрившагося въ него словно въ Евангеліе, крупную полистную плату, какая была введена у насъ не ранѣе какъ по появленіи *Библіотеки для Чтенія*.

По случаю выхода *Сѣверной Пчелы*, которую коробило появленіе новыхъ журналовъ и газетъ, Воейковъ, который въ глубинѣ души самъ раздѣлялъ мнѣніе *Пчелы*, сказалъ pour faire bonne mine au mauvais jeu, думая замаскироваться благонамѣренностію:

— А вотъ я не таковъ, и постоянно повторяю себѣ драгоцѣнныя слова князя Петра Андреевича Вяземскаго:

Дай Богъ намъ болѣе журналовъ:
Плодятъ читателей они.
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Тамъ въ уваженіи перо,
Гдѣ грамота, тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье—тамъ добро!...

— Я въ особенности желаю успѣха хорошимъ журналамъ, продолжалъ Воейковъ, и впадая въ цитаты Св. Писанія, поспѣшилъ воскликнуть: „Входяще въ домъ, цѣлуйте достойнаго, глаголюще: миръ дому сему. И аще убо будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ на него. Аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится.“ Напримѣръ, ежели бы другъ мой и глубочайше мною уважаемый чуть не до боготворенія Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ принялся за журналъ, то я былъ бы въ восхищеніи, хотя и потерялъ бы сотрудника неоцѣненнаго. Такъ и теперь, въ доказательство моего прямодушія, получая, отъ времени до времени, отъ Бориса Михайловича отрывки изъ его давнишняго романа *Князь Курбскій*, извѣстнаго всей русской публикѣ по лоскуточкамъ, и дарами этими великолѣпно украшая мой скромный еженедѣльникъ, я не могу не пожелать, вмѣстѣ со всею публикой, того чтобы авторъ этого прекраснаго романа издалъ его наконецъ отдѣльно въ свѣтъ, чѣмъ всѣхъ порадовалъ бы несказанно. Мое желаніе подкрѣпилось сегодня письмомъ полученнымъ мною изъ Нарвы, отъ добраго моего пріятеля Каменева, который прислалъ мнѣ, по предмету *Курбскаго*, статеечку.

Всѣ пожелали услышать эту статью до прочтенія ея въ печати и услышали слѣдующее:

„*Казнь послѣ смерти.* Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ десять лѣтъ уже сочиняетъ романъ *Князь Курбскій*, и Богу одному извѣстно докончитъ ли его когда-нибудь. Между тѣмъ, отрывая отъ него куски, помѣщаетъ во всѣхъ журналахъ, газетахъ и альманахахъ, такъ что бѣдное его произведеніе, не будучи молодо, состарѣлось. Посмотришь, въ самомъ дѣлѣ, какъ непостижимъ жребій человѣковъ. Хитрый князь Курбскій, счастливо избѣгнувъ отъ царя Ивана Васильевича, попалъ въ руки Борису Михайловичу Ѳедорову. Грозный приговорилъ бы его, можетъ-быть, *четверить*, а Борисъ Михайловичъ *раздватцатерилъ* его. Такъ иногда мореходецъ безопасно переплываетъ океанъ и гибнетъ въ ручейкѣ.“

Г. Ф(Ѳ)едоровъ, тутъ бывшій, самъ съ другими смѣялся милой шуткѣ и объявилъ что надѣется что романъ его скоро

выйдетъ въ свѣтъ, хотя дѣйствительно вышелъ, и само собою разумѣется уже не произвелъ никакого эффекта, лѣтъ 15 спустя послѣ этой статьи и послѣ неоднократныхъ увѣреній автора о скоромъ появленіи романа, дѣйствительно, къ сожалѣнію, устарѣвшаго и опереженнаго слишкомъ многими историческими романами у насъ въ Россіи, а именно *Юріемъ Милославскимъ* Загоскина и *Самозванцемъ* Ѳаддея Булгарина, который, напечатавъ этотъ романъ, всячески силится подъ разными псевдонимами доказывать въ *Сѣверной Пчелѣ* что этотъ его романъ ставитъ его на ряду съ Вальтеръ-Скоттомъ.

— Кстати зашла рѣчь о Скоттѣ, сказалъ смѣясь баронъ Розенъ, произнося фамилію знаменитаго Британца такъ что двойное *т* мало было замѣтно, сегодня какъ я собирался къ вамъ ѣхать, Александръ Ѳедоровичъ, одинъ мой однополчанинъ, предобрый малый, который давно уже сбросилъ ментикъ и доломанъ, навѣстилъ меня и передалъ мнѣ для напечатанія свои, очень неправильные, но все-таки забавные стихи. Вотъ они. И онъ своимъ пискливымъ голосомъ, съ своею страшною интонаціей нараспѣвъ, прочелъ слѣдующія очень плохія вирши, имѣвшія только достоинство заключать въ себѣ грубый каламбуръ:

Романтикъ, балагуръ, Шотландецъ
Ввелъ подражанье за собой:
Вдругъ *Выжигинъ* и *Самозванецъ*
Явились на Руси святой.
Писатель гордый, издавая,
Мнилъ быть нашъ новый Вальтеръ-Скоттъ.
Къ чему фамилія двойная?
Ему довольно, повторяя,
Одной послѣдней безъ хлопотъ.

— „Ха! ха! ха!“ раздалось въ гостиной. — „Ну досталось же Ѳаддею Венедиктовичу или Архилу Ѳаддеевичу Зерову!“ раздались восклицанія. А Воейковъ, съ обычнымъ своимъ завываньемъ, объявилъ что непремѣнно въ слѣдующемъ нумерѣ, подъ видомъ логогрифа, онъ напечатаетъ эти стихи, въ послѣслѣдующемъ нумерѣ припечатавъ и объясненіе словъ *Скоттъ* и *скотъ*. *

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЪ В. Б.

(До слѣдующаго №).

* Обѣщаніе это осталось обѣщаніемъ; стихи эти не были напечатаны, и ежели теперь явились здѣсь, то это первое ихъ появленіе въ печати, хотя они очень и очень не новы.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ДОРОЖНЫЕ ЭСКИЗЫ

I.

Мнѣ всегда любо смотрѣть на соотечественника когда онъ садится въ вагонъ и ѣдетъ за границу.

Онъ ѣдетъ отдыхать. Сколько въ этомъ словѣ для него смысла, и сколько въ его фигурѣ выражается неоспоримыхъ правъ на этотъ отдыхъ; „ну ужь наслужился, да такъ наслужился что усталъ какъ собака и ѣду отдыхать", говоритъ самодовольный взглядъ этого соотечественника.

Въ вагонѣ гдѣ я сидѣлъ оказалось у всѣхъ былъ этотъ взглядъ, всѣ слѣдовательно были уставшіе какъ собаки слуги отечества.

Но всѣхъ самодовольнѣе глядѣлъ какой-то чиновникъ молодыхъ лѣтъ, съ фигурой стоявшею, несмотря на юность, на точкѣ перехода отъ чиновной къ сановной.

Кромѣ правъ на отдыхъ за границей, всѣ лица въ вагонѣ выражали несомнѣнное право и на лѣченіе.

Страстная любовь къ женщинѣ, нерѣдко, какъ извѣстно, даетъ болѣзнь сердца.

Любовь же къ родинѣ, не столько страстная, сколько сынолюбивая, даетъ, какъ тоже извѣстно, другую болѣзнь, когда она приковываетъ любовника къ стулу любаго департамента. Болѣзнь эту въ разнообразныхъ ея видахъ, кто ее не знаетъ! Казалось всѣ были въ вагонѣ по этой болѣзни братьями; лица измяты, блѣдны, глаза въ красныхъ рамкахъ, и такъ далѣе

Мы всѣ читали. Юный чиновникъ небрежно держалъ книгу, но прилежно ее читалъ: то былъ трактатъ о тюрьмахъ, на французскомъ языкѣ. На третьей станціи я узналъ что онъ ѣдетъ лѣчиться отъ малокровія, но въ промежуткѣ между водами и моремъ долженъ осмотрѣть и изучить всѣ тюрьмы въ Европѣ.

Кстати замѣчу: куда ни поѣдешь, всюду натыкаешься на изучающихъ тюрьмы, а между тѣмъ тюрьмы наши изъ рукъ вонъ какъ плохи, даже по мнѣнію арестантовъ, которые не очень прихотливы насчетъ комфорта. Не оттого ли они такъ плохи что ихъ все изучаютъ, а не перестраиваютъ?

Неподалеку сидѣли растянувшись два щеголя офицера; вошли они въ вагонъ съ трескомъ и усѣлись съ комфортомъ. Оба красавцы, оба молоды, оба молодцы. Одинъ началъ дремать, другой читать французскій романъ *Поль-де-Кока*. Дремавшій былъ постарше, читавшій помоложе.

Не спится юному витязю: зѣвнулъ разъ, зѣвнулъ два, а потомъ вытягиваясь говоритъ товарищу: „Что это ты читаешь?“—„*Поль-де-Кока*“ отвѣчаетъ товарищъ.

— Полно читать, глаза портишь, давай лучше поболтаемъ.

— Дай кончить, интересное очень мѣсто.

Зѣванье.

— Я такъ проще, ничего никогда не читаю, и отлично ей Богу. Вѣдь всего не прочтешь.

Интересное мѣсто было прочтено. Завязался разговоръ довольно оживленный, начавшійся вопросомъ: „Ты съ Фифинькой простился?“ Изъ разговора этого я узналъ много интереснаго: а именно что какой-то князь N хочетъ жениться на танцовщицѣ XX, что Фифинька женщина восхитительная и даже идеальная, и еслибы не была сгубленою, то стояла выше всѣхъ женщинъ въ мірѣ, что за нею ухаживаетъ цѣлый полкъ, что одинъ изъ собесѣдниковъ не манкировалъ ни одного представленія въ балетѣ, что вообще военная служба въ сущности вещь прекрасная, но скучная, что къ полковому празднику готовятся завтракъ, обѣдъ и ужинъ по 60 р. съ персоны, и прочія тому подобныя интересныя вещи.

Оба ѣхали за границу, и именно въ Парижъ, посмотрѣть на развалины.

— Ты какъ поѣдешь?

— Я? чрезъ Вѣну. Берлинъ чертовски скученъ, три раза

я былъ въ немъ: вообрази, ѣсть нечего,, дѣваться некуда, смотрѣть нечего, однимъ словомъ, такого глупѣйшаго города я, честное слово, никогда не видѣлъ.

Рѣшили что оба поѣдутъ чрезъ Вѣну въ Парижъ.

Порѣшивши—заснули.

Въ минуты досуга мы глядѣли въ окно: картины неутѣшительны: тощая береза, песчаное поле, или болото; наши лица и пейзажи удивительно были другъ на друга похожи. На полдорогѣ пейзажъ оживился; къ намъ въ вагонъ сѣлъ генералъ: утомленные видомъ нашей взаимной блѣдности, мы глядѣли съ жадностію и наслажденіемъ на красный воротникъ и золотые погоны новаго сосѣда. Генералъ былъ изъ болтливыхъ, и заговорилъ тотчасъ же съ ближайшимъ изъ сосѣдей. Этотъ ближайшій сосѣдъ былъ юный чиновникъ. Его превосходительство тоже отправляться изволили за границу. Разговоръ былъ слѣдующій. Узнавъ что генералъ ѣдетъ въ Пруссію, чиновникъ-прогрессистъ, не допускавшій мысли что можно ѣздить за границу не изучая что-нибудь, спросилъ генерала:

— Вы вѣрно изволите ѣхать изучать военную систему?

— Какой чортъ изучать? Я себѣ просто ѣду въ Берлинъ консультировать доктора, а оттуда куда-нибудь на воды!

Юный чиновникъ слегка былъ озадаченъ; какъ это такъ легко относиться къ военной системѣ Пруссіи, подумалъ онъ, и пытался опять свести разговоръ на военную ногу.

— А говорятъ есть что̀ изучать въ Пруссіи, по военной части! робко прошепталъ чиновникъ-прогрессистъ.—вотъ нынѣшняя война....

— Эхъ, полноте пожалуста, нынѣшняя война, нынѣшняя война, ну что̀ нынѣшняя война—пустяки, отколотили Французовъ, ну и отколотили, а завтра Прусаковъ отколотятъ, вотъ и все; изученіемъ тутъ ничего не возьмешь, все вздоръ; какъ за кого судьба встанетъ, тотъ и побѣдилъ....

— Однако вотъ....

— Ну что̀ вотъ? полноте пожалуста, ужь признаться, такъ надоѣли этою болтовней что мочи нѣтъ, куда ни пойдешь, все только и слышно что Пруссія, военная система, точно насъ самихъ поколотили, ей-Богу....

— Кто знаетъ, пожалуй и до насъ очередь дойдетъ, сказалъ чиновникъ, снимая и надѣвая pince-nez.

Генералъ забагровѣлъ.

— Нѣтъ, батюшка, руки коротки! Я вамъ вотъ что *скажу*: былъ у меня фельдфебель въ ротѣ, давно ужь это было, умный бестія, распреумный, первый солдатъ въ полку, ей-Богу, и что вы думаете, азбуки не зналъ, то-есть что называется, ни аза; такъ онъ, сударь мой, не то что понатужится, а такъ просто себѣ одною пятерней, возьметъ, да пять человѣкъ такъ съ ногъ и сшибетъ. Вотъ вамъ и система!

Фельдфебельская пятерня слегка съежила моего дряблаго чиновника. Онъ посмотрѣлъ на генерала: въ этомъ взглядѣ было и меланхолическое сожалѣніе и полупрезрительная насмѣшка. Генералъ утратилъ всякую для него прелесть, анекдотъ про фельдфебеля и его могучую пятерню его развѣнчалъ окончательно въ глазахъ молодаго слуги отечества.

„Онъ не отъ вѣка сего", подумалъ чиновникъ-прогрессистъ, и углубился въ свои тюрьмы.

Возвращаясь изъ-за границы вспомнилъ про этотъ эпизодъ.

Было въ вагонѣ три Прусака. Получили они каждый 6 мѣсяцевъ отпуска, и въ эти 6 мѣсяцевъ они взялись поѣздить по Россіи, да поглядѣть поближе: wie sich das Leben in Russland zeigt? Были ли эти шесть мѣсяцевъ отпуска формой, и не была ли это просто командировка съ весьма благоразумною цѣлью, кто можетъ это знать?

Невольно тогда припомнился нашъ генералъ, далеко не одинъ въ своемъ родѣ, смотрящій на вещи такъ цинически равнодушно.

Много ли нашихъ офицеровъ изучаютъ Пруссію? подумалъ я.

И пятерня фельдфебеля, сшибающая съ ногъ пять человѣкъ, и два офицерика сладко спавшіе во всю дорогу, безцеремонно растянувшись предъ генераломъ, невольно заставили призадуматься. Часокъ спустя вошли въ вагонъ двѣ личности, оба на видъ помѣщики, одинъ почище, другой погрязнѣе.

Усѣлись. Генералъ заговорилъ, обратившись къ русскому помѣщику.

— Вы изволите откуда ѣхать?

— Изъ деревни-съ, за границу-съ.

— А въ какой губерніи изволите быть помѣщикомъ?

— Въ Минской.

— Ну что, какъ у васъ тамъ поживаютъ?

— Ничего, славу Богу, помаленьку поживаемъ.

Чиновникъ-прогрессистъ отодвинулъ книгу отъ очей своихъ, снялъ pince-nez съ носа и не безъ важности сказалъ:

— Теперь вѣдь ваша губернія самостоятельная, на общемъ положеніи!

Генералъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: „Какъ? Какъ? Самостоятельная?“ Онъ не зналъ про свѣжія судьбы Минской губерніи. Чиновникъ ему объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Да-съ, сказалъ помѣщикъ,—благодаря Бога отдѣлили.

— Чего жъ тутъ Бога благодарить, по-моему генералъ-губернаторъ все какъ-то того, поважнѣе чѣмъ какой-нибудь губернаторъ. Вѣрно онъ у васъ еще изъ штатскихъ?

— Изъ штатскихъ, да-съ, но человѣкъ-то отличный. Да и вообще, знаете, какъ бы вамъ сказать, какъ-то вольнѣе, спокойнѣе стало; ей-Богу!

Польскій помѣщикъ ежился, а ротъ его принималъ ту классическую форму хвалебнаго трехъугольника который у Поляковъ очень обыкновенная фигура, когда они собираются льстить русскому человѣку. Чиновникъ-прогрессистъ потеръ пальцами глаза, а потомъ прочищая pince-nez сказалъ:

— Да, это своего рода, относительная, разумѣется, децентрализація!

— Какъ-съ? спросилъ генералъ.

— Децентрализація, спокойно отвѣтилъ чиновникъ-прогрессистъ, чувствуя что онъ раздавляетъ этимъ словомъ съ либеральнымъ запахомъ генерала и видимо наслаждаясь этимъ чувствомъ,—то-есть переходъ власти отъ центра къ мѣстнымъ учрежденіямъ.

— Все пустяки! сказалъ полу-грустно, полу-насмѣшливо генералъ.—Мудрено нонче что-то все стало.

Чиновникъ обдалъ всю генеральскую фигуру такимъ взглядомъ презрѣнія что такъ и казалось глядѣлъ не онъ одинъ, а in corpore цѣлое отдѣленіе.

Но взглядъ этотъ ни мало не смущалъ его превосходительство, которому прежде всего нужно было вертѣть языкомъ.

— Ну, а у васъ что, ничего? спросилъ онъ польскаго помѣщика,—небось тоже какая-нибудь децентрализація?

— О, нѣтъ, ваше превосходительство, у насъ, слава Богу, все въ порядкѣ, въ нашей губерніи все, слава Богу, идетъ отлично.

— А какая ваша губернія? спросилъ генералъ.

— Виленская, отвѣтилъ помѣщикъ.—У насъ, ваше превосхо-

дительство, мы очень весьма довольны и даже, смѣю сказать, счастливы....

И слава Богу, подумалъ я, и минскій русскій помѣщикъ счастливъ, и виленскій польскій помѣщикъ доволенъ. Чего же желать лучшаго! гордіевъ узелъ разрѣшенъ.

II.

Варшава.

„Въ Варшавѣ говорятъ по-русски?“ спросила одна дама въ моемъ присутствіи какого-то господина въ дорожномъ костюмѣ, съ соломенною шляпой, въ очкахъ и со Станиславомъ на шеѣ; кавалеръ-путешественникъ громко сморкнулся въ красный фуляръ, потомъ, отдавъ платокъ отъ носа, приподнялъ очки и сдѣлалъ такую физіономію что вотъ сейчасъ того и гляди что скажетъ ей: „вы матушка изъ Китая что ли? Въ Варшавѣ да чтобы не говорили по-русски? Какъ это можно?“ Не тутъ-то было! Физіономія солгала. „Мало“, сказалъ высморкавшійся кавалеръ, „больше по-нѣмецки да по-польски, да и признаться сказать, не съ кѣмъ по-русски-то и говорить“, прибавилъ онъ и сморкнулся еще разъ, съ жестомъ человѣка сказавшаго что-нибудь очень глубоко-осмысленное.

Вопросъ дамы показался мнѣ наивнымъ. Съ 1864 года прошло семь лѣтъ, сказалъ я себѣ, какъ тутъ не выучиться русскому языку, и на этомъ размышленіи успокоилъ свои патріотическія опасенія.

„Варшава“! крикнулъ кондукторъ отворяя дверцы. Увы, то былъ послѣдній *русскій* звукъ раздавшійся ex populo! Началась бесѣда съ извощикомъ; не говоритъ по-русски да и только! Нечего дѣлать, обрусѣніе извощиковъ не коснулось, бѣды еще въ томъ большой нѣтъ. Везутъ раба Божія по всѣмъ гостиницамъ. Нигдѣ нумеровъ нѣтъ по случаю ярмарки. Подъѣхалъ къ одной гостиницѣ, подзываю швейцара, подходитъ, спрашиваю; вмѣсто отвѣта панъ-швейцаръ налѣво кругомъ, махнулъ презрительно рукой и уходя говоритъ кому-то: „Москаль“, съ тономъ и жестомъ означавшими: „чортъ бы тебя подралъ“! Я не смутился, подозвалъ этого кого-то, взялъ карандашъ и свою записную книжку, и спокойнымъ тономъ спрашиваю какъ зовутъ сего швейцара и начинаю записывать. Едва я начертилъ первую букву, вдругъ бѣжитъ тотъ же швейцаръ и тутъ же на улицѣ падаетъ на колѣна и проситъ помилованія, да еще не по-польски, а просто себѣ по-русски,

объясняя что это онъ такъ сказалъ, самъ не зная почему, и такъ далѣе.

Эпизодъ характеристиченъ!

Вечеромъ того же дня обошелъ Саксонскій садъ, всюду прислушивался: пройдутъ дамы—польская рѣчь, пройдутъ двое штатскихъ—польская рѣчь, пройдутъ штатскій и военный—польская рѣчь! Но не грусти вѣрный Россъ. На всѣхъ вывѣскахъ языкъ твоей родины идетъ прежде, а послѣ уже надпись на языкѣ кичливаго Ляха. Если тебѣ этого мало, скажу тебѣ для вразумленія то что̀ нянюшки говорятъ дѣтямъ: „а кто малымъ не доволенъ, тотъ большаго не достоинъ".

На другой день насъ собралось трое пріятелей, два военныхъ и я штатскій, нанимаютъ извощика и говорятъ ему разныя вещи по-польски; я ихъ спрашиваю:

— Да почему же, любезные друзья, вы не говорите съ извощикомъ по-русски, тутъ вѣдь дѣло не въ квасномъ патріотизмѣ, а просто въ приличіи; вѣдь казалось бы русскимъ офицерамъ требовать чтобъ извощики понимали по-русски, а не извощикамъ требовать отъ русскихъ офицеровъ чтобъ они учились по-польски.

— Это, батюшка, не то еще ты здѣсь увидишь, отвѣтилъ пріятель,—ужь мы здѣсь зажились, такъ насъ ничего не удивляетъ, послѣ всего что̀ мы здѣсь переиспытали. Вѣришь ли, то что̀ тебя поражаетъ, то для насъ кажется блаженствомъ въ сравненіи съ тѣмъ временемъ когда.... но что̀ старое вспоминать!

Суть дѣла та: Русскіе, какъ прежде бывало, выучились по-польски чтобъ избавить Поляковъ отъ необходимости учиться по-русски.

Въ этотъ день обѣдалъ я въ Охотничемъ клубѣ. Что̀ такое Охотничій клубъ? Это варшавскій интернаціоналъ, поле гдѣ сходятся всѣ языки, и гдѣ брудершафтъ объединяетъ всѣ націи. Исторія его коротка: жилъ-былъ Русскій клубъ, родившійся въ 1861 году, живетъ онъ до сихъ поръ, но когда вы спросите какъ онъ поживаетъ, на васъ смотрятъ съ удивленіемъ и отвѣчаютъ что въ клубъ тотъ ни одинъ порядочный человѣкъ не ѣздитъ, что тамъ вхожа всякая сволочь, а съ нею и скандалы, и что вслѣдствіе этого основался годъ назадъ Охотничій клубъ, столько же Поляками сколько и Русскими. Этотъ клубъ des gens comme il faut. И дѣйствительно, надо отдать ему справедливость, онъ безупреченъ, этотъ клубъ, во всѣхъ отношеніяхъ.

Но грустно то, почему же Русскій клубъ потерпѣлъ такую печальную неудачу? Неужели потому только что онъ былъ предназначенъ волею судебъ быть русскимъ? Вотъ тутъ кстати и въ мораль пуститься. Клубъ есть учрежденіе прежде всего солидарное во всемъ, въ лицѣ всѣхъ своихъ членовъ: первое условіе его—единство въ познаніи добра и зла. Какъ только за столомъ сидятъ двое, изъ которыхъ одинъ допускаетъ возможность ѣсть руками или ноги класть на столъ, а другой ни того, ни другаго не допускаетъ, клубъ рушится. Чтобъ этого избѣгнуть, клубъ имѣетъ выборы, и выборы производятся во имя нравственныхъ интересовъ клуба. Кто выбиралъ сволочь? Выбиралъ весь клубъ, овцы и козлища. Кто виноватъ что сволочь попала въ клубъ? Очевидно овцы, или порядочные люди, ибо русское „авось“ и еще болѣе русское „какъ-нибудь“ руководило этими выборами, вмѣсто строгой заботы допускать въ клубъ только достойныхъ.

Отсюда что̀ произошло? Весьма печальное явленіе! И Полякъ въ Варшавѣ, и Нѣмецъ въ Варшавѣ, да и Русскій въ Варшавѣ говорятъ всякому встрѣчному: „Ah! le club russe c'est de la canaille!“ Вотъ вамъ и обрусѣніе!

Теперь представимъ себѣ что Нѣмцы устраиваютъ въ Страсбургѣ клубъ. Вдругъ года черезъ два Берлинъ узнаетъ что нѣмецкій клубъ въ Страсбургѣ hat sich encanaillirt, и что Французы уговорили Нѣмцевъ бросить свой клубъ чтобы вмѣстѣ съ ними устроить новый, и что при этомъ Нѣмцы сказали Французамъ: да, это правда, въ нашемъ клубѣ одна только сволочь!

Ну, спрашиваю васъ, мыслима ли такая гипотеза въ клубномъ мірѣ? Нѣтъ, не мыслима. Языкъ не повернется, засохнетъ въ горлѣ у Нѣмца скорѣе чѣмъ сказать обидное слово про своихъ же Нѣмцевъ, и кому же? Представителямъ другой націи! Надо быть нравственно дряблымъ чтобы не имѣть въ себѣ гордости за свою націю!

Безъ гордости нѣтъ силы! Оттого мы такъ слабы вездѣ гдѣ у насъ оспариваютъ право на господство и хозяйничанье.

Кто виноватъ? Кого винить? Неужели правительство, неужели чиновника N или чиновника Б?

Нѣтъ, насъ самихъ, всегда насъ самихъ, вездѣ насъ самихъ.

Не Поляку же мечтать между прочимъ о томъ чтобы въ Варшаву наѣзжало какъ можно больше годныхъ для поддержанія славы своего добраго имени Русскихъ! Всякій пойметъ что

ужъ если онъ коснется этого вопроса въ своихъ мечтаніяхъ, то только для того чтобы пожелать обратнаго.

А мы и рады! Соберемся въ свой русскій кружокъ, и давай другъ друга позорить! Досадно и грустно! Иные чиновники, какъ слышно, дѣло свое дѣлаютъ отлично. Кого ни спросишь напримѣръ о школахъ, всѣ говорятъ что эта часть идетъ отлично, и нѣтъ гимназіи гдѣ бы всѣ безъ исключенія не говорили отлично по-русски.

А вотъ русскій клубъ взрослыхъ и зрѣлыхъ людей оказался несостоятельнымъ.

Сопоставьте оба факта и вы должны будете согласиться со мною что въ неумѣньѣ обрусить виноваты мы, а не правительство!

Благодаря свободному времени, удалось мнѣ погрузиться во внутренній міръ частицы варшавскаго гарнизона.

Славные люди составляютъ этотъ мірокъ. Варшава, вѣдь серіозно говоря, для нашего войска, не то что̀ стоянка на родной землѣ, а ужъ подавно не то что̀ Петербургъ для нашей гвардіи.

Въ Варшавѣ волей или неволей войску нашему только жить что подъ командой: „сомкни ряды“, а не сомкнешь, того и гляди что одолѣетъ тебя невидимая вражья сила.

Оттого какъ войдешь въ этотъ міръ сомкнутой военной жизни, такъ и полюбишь ее съ перваго же обмѣна мыслей. Тутъ много было пережито горькаго и жуткаго въ первые дни стоянокъ; все пережитое стало духовною связью полка съ полкомъ, офицера съ офицеромъ, солдата съ солдатомъ, а такъ какъ и доселѣ у каждаго изъ нихъ на душѣ чувство что они на бивуакахъ, да не у себя дома, то чрезъ это общеніе и объединеніе продолжается!

Веселья много въ этомъ замкнутомъ мірѣ, но первое мѣсто не ему, а службѣ, радѣнію о ней, заботѣ офицера о солдатѣ.

Мысль безъ сравненія укладываться не можетъ, когда она раждается подъ вліяніемъ наблюденій. Невольно пришлось сравнить эту военную жизнь, серіозную и семейную, съ петербургскою того же міра; Боже, какая бездна между ними. Въ особенности сильно искушеніе сравнивать пришло въ голову когда я увидѣлъ въ этомъ варшавскомъ военномъ мірѣ тѣхъ двухъ красавцевъ Петербурга о которыхъ упомянулъ выше. Они начали было глядѣть свысока на все что̀ видѣли, но по мѣрѣ того какъ нравственная сила дружно сплоченной

среды, казалось, ихъ придавливала, бѣдняжки глядѣть стали какъ потерянные, и ровно ничего не понимали. Еще вчера они видѣли себя и другихъ любующимися самими собою, а тутъ застаютъ офицера любующагося своею ротой или эскадрономъ; еще вчера они жили въ томъ мірѣ гдѣ ученье кончается, и давай Богъ ноги бѣжать подальше отъ всего что̀ напоминаетъ солдата, а здѣсь видятъ офицера всѣмъ своимъ существомъ погруженнаго въ свой военный міръ: жизнь, понятіе о ней, обстановка ея, цѣль ея—все другое.

Что̀ это значитъ? Это значитъ что условія военнаго быта въ Варшавѣ несравненно благопріятнѣе для его закрѣпленія нравственною силой, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ среди множества искушеній военная служба можетъ, повидимому, еще обходиться безъ того что̀ въ настоящее время составляетъ ея сущность, ея главную силу,—серіозное на нее воззрѣніе и отданіе себя ей не по командѣ, а подъ вліяніемъ нравственной обязанности.

Дай-то Богъ, подумалъ я, прощаясь съ Варшавой, чтобы когда-нибудь пришло время такое что не горечь испытанія, а ясное сознаніе долга сплачивало военный людъ, но сплачивало не въ касту, не въ надменное сословіе, а въ духовную, крѣпкую семью, въ общеніи съ цѣлымъ отечествомъ.

III.

На дорогѣ въ Вѣну и въ Вѣнѣ.

— Какъ чувствуешь что мы уже въ Европѣ, сказалъ мнѣ мой юный чиновникъ, съ которымъ я опять очутился въ вагонѣ, на пути изъ Варшавы въ Вѣну.

— Отчего это вы чувствуете? спросилъ я, — развѣ только по скернымъ вагонамъ сравнительно съ нашими.

— Нѣтъ, какъ можно! По всему чувствуешь, когда ложивешь дня два въ Варшавѣ: пріемы другіе, лица другія, понятія.... знаете, люди какъ-то смотрятъ на вещи иначе....

— Напримѣръ?

— Да какъ бы вамъ сказать.... трудно опредѣлить въ чемъ именно, а такъ, вообще чувствуешь что Европа, а не Россія!

— Ну, а Петербургъ, развѣ по вашему это не Европа а Россія?

— Какъ бы вамъ сказать, Петербургъ это....

— Ни то, ни сё?

— Ну нѣтъ, а все-таки....

— Ну а вамъ пріятно развѣ что Варшава не Россія? казалось бы радоваться тутъ особенно нечему.

— Помилуйте, да неужели вы серіозно думаете что можно Варшаву сдѣлать Россіей? мы еще слишкомъ молоды чтобъ имѣть такія претензіи!

— Ну а Пруссія, она кажется моложе насъ, а вѣдь она имѣетъ кажется претензіи даже Лотарингію онѣмечить?

— То Пруссія, а мы не Прусаки!

Тутъ разобрала меня досада, и я спросилъ чиновника:—Скажите неужели вамъ никогда не приходитъ въ голову мысль что пора же наконецъ и намъ что-нибудь да значить и бросить эту жалкую манеру самихъ себя считать дураками?

— Ну ужь это вы пускаетесь въ патріотическія отвлеченности, ужь это не по нашей части, и безъ того дѣла довольно.

Вскорѣ за симъ мальчикъ-чиновникъ захрапѣлъ, мило растворивъ ротикъ. Такъ и видѣлось что онъ съ наслажденіемъ утопалъ въ необъятномъ морѣ прелестей Европы, и что съ вицъ-мундиромъ слетала съ плечъ его нѣжная забота о Россіи!

Заснулъ и я.

Утромъ пробужденіе. Яркое, теплое утро. Смотришь въ окно — густая зелень полей, букеты деревьевъ; то здѣсь, то тамъ желтѣютъ, утопая въ зелени, чистенькіе домики; здѣсь деревушка бѣлая какъ снѣгъ, тамъ церковь съ городкомъ, подальше привѣтливая усадьба; по полю ходитъ плугъ, предъ плугомъ здоровая пара воловъ: вездѣ народъ крѣпкій, красивый, здоровый, ни волы, ни мужикъ не смотрятъ лѣниво, все выглядитъ бодро, бойко, все кипитъ жизнію, отдыхаетъ одно седьмое поле!

— Вотъ вамъ! сказалъ чиновникъ-мальчикъ, указывая на эту картину,—небось не Россія, не то что̀ мы видѣли три дня назадъ на дорогѣ изъ Петербурга въ Варшаву.

— Да, не то! отвѣтилъ я, — а хотите я вамъ разкажу маленькій дорожный эскизецъ изъ недавнихъ воспоминаній? Годовъ десять назадъ ѣздилъ я по той дорогѣ на которой весь пейзажъ вамъ потому показался ужаснымъ что онъ русскій, и потому онъ показался русскимъ что онъ ужасенъ; ѣздилъ я по ней, и тогда дѣйствительно, какъ вы изволили говорить, впечатлѣніе было, какъ камень, тяжелое, такъ на грудь и давило, такъ и щемило сердце. Мужикъ подходилъ къ вамъ: тѣнь въ видѣ сѣраго, движущагося автомата, таковъ былъ этотъ мужикъ! Съ

головы до ногъ все было на немъ безъ жизни, безъ цвѣту и опредѣленнаго вида; волоса сливались съ лицомъ въ одну, не то сѣрую, не то коричневую массу; глаза смотрѣли какъ будто они не были на лицѣ, а гдѣ-то на спинѣ или на животѣ, безъ всякихъ живыхъ связей съ вмѣстилищемъ мысли—мозгомъ; казалось хоть сейчасъ проведите свѣчей по глазамъ, не моргнутъ даже; лобъ изрытъ не морщинами, а глубокими длинными ямами; то не забота, а палка и плеть изрыли. Я пробовалъ съ такимъ мертвецомъ заговорить, не понимаетъ онъ русской, живой рѣчи; и замѣтьте что это былъ крестьянинъ Виленской губерніи, губерніи богатой, плодородной, производительной. Побывалъ я и въ деревнѣ вблизи отъ дороги,—ну ужь что я тамъ видѣлъ, лучше и не вспоминать; вѣрите ли, я вышелъ изъ одной хаты съ такимъ отвратительнымъ впечатлѣніемъ какого никогда не испытывалъ въ моей жизни; ну просто скоты, а не люди; едва вы сдѣлаете движеніе или встанете на ноги чтобъ идти, мужикъ, баба, мальчуганъ, такъ и прячутся и прижимаются къ стѣнкѣ; и страхъ ихъ былъ до того тупъ, до того не человѣченъ что я выходя оттуда съ ужасомъ задалъ себѣ вопросъ: да что же эмансипація, она-то что? Она, изволите видѣть, тогда еще стояла у порога этого края и не смѣла войти, тогда вѣдь еще былъ только 1861 годъ! Простыя слова, естественнымъ голосомъ заданные вопросы просто пугали крестьянина и производили на этихъ несчастныхъ то же впечатлѣніе что тишина на любой фабрикѣ въ минуту когда останавливается весь механизмъ, одуряющее: вы смотрите и ничего не понимаете; то же и эти крестьяне: вы съ ними говорите, и вмѣсто отвѣта; изъ-подъ изрытаго ямами лба, выходилъ какой-то взглядъ полудикій и полумертвый и задавалъ вамъ какой-то смутный вопросъ. Таковъ былъ крестьянинъ Виленской губерніи 10 лѣтъ назадъ; можете себѣ представить чѣмъ же онъ долженъ былъ быть въ какой-нибудь Гродненской или Минской. Ну, а теперь извольте-ка заглянуть поближе въ этотъ ужасный пейзажъ, и вы увидите что онъ совсѣмъ не такъ ужасенъ, какъ кажется; то что мы здѣсь видимъ, это ужь послѣднее слово жизни, а тамъ гдѣ мы съ вами видѣли плачущую тощую березу, да торфяное болото, тамъ жизнь вѣдь первое еще молвитъ слово, да какое слово? Не угодно ли вамъ, господамъ чиновникамъ, даромъ что пейзажъ не красивъ, заглянуть

подальше, вы и увидите, если глаза и уши у васъ есть, что картина, если и не побогаче красками этой вотъ фермы, съ ложирѣвшимъ отъ благополучія фермеромъ, все же весьма интересна: тамъ вы увидите, вопервыхъ, что мальчики всѣ отлично учатся, да бойки да живы, да развязны, да говорятъ по-русски какъ мы съ вами, да поютъ: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ лучше чѣмъ мы съ вами, а вовторыхъ, что тотъ сѣрый мертвецъ у котораго десять лѣтъ назадъ живаго звука былъ одинъ крикъ, а живаго движенія одно подставленіе спины лодъ палку, совсѣмъ исчезъ изъ пейзажа; нѣтъ его да и только; ищите хоть со свѣчей, не найдете; все люди говорящіе, разсуждающіе, смѣющіеся, понимающіе себя, да понимающіе насъ съ вами! А въ десять лѣтъ передѣлать да пережить такую нравственную передѣлку, на это, согласитесь, надо много жизни. И вотъ какъ проѣзжаешь по этимъ тундрамъ, да знаешь что вотъ тамъ направо и налѣво милліоны людей стали не только людьми, но богатырями, такъ воля ваша, совсѣмъ не грустно глядѣть изъ окна: прійдетъ время что и береза перестанетъ плакать, да потолстѣетъ, да болото въ поле обратится; а дѣлать чиновничьи соображенья что вотъ де гніетъ болото, ну значитъ Русь святая, значитъ жизни нѣтъ, со всѣмъ не подобаетъ, потому что неосновательно. Вотъ вамъ мой эскизецъ.

Юный чиновникъ сказалъ:—Да, можетъ-быть оно и такъ!

Я сталъ опять глядѣть въ окно и, не дѣлая никакихъ сравненій, любовался веселыми пейзажами!

Дорога до Вѣны изъ Петербурга длинная и долгая дорога. Дѣлится она на 4 части: первая отъ Петербурга до границы Царства Польскаго или привислинскаго края, пейзажъ, какъ я сказалъ, безпощадно грустный своимъ внѣшнимъ колоритомъ: сермяга и природа сливались въ одинъ сѣрый цвѣтъ! человѣка обидѣла природа, природу обидѣла судьба; оба глядятъ какъ будто жалобно. Одному Еврею раздолье, ибо чѣмъ скупѣе природа, тѣмъ онъ изобрѣтательнѣе, чѣмъ небогаче народъ, тѣмъ онъ больше на немъ ѣздитъ.

Вторая часть начинается на рубежѣ привислинскаго края. Вдругъ являются предъ вами тщательно обработанныя поля, деревушки съ оттѣнками щегольства, отдѣльныя усадьбы фермеровъ, шоссейныя дороги, темныя струи фабричнаго дыма по небосклону. Жизнь нѣсколькими шагами ушла впередъ.

Галиція составляетъ третью полосу дороги. Щегольство уже бросается въ глаза въ полевомъ хозяйствѣ. Забытой земли уже не видно ни клочка; скотъ крупенъ и крѣпокъ; крестьянскія одежды выражаютъ благосостояніе; синее сукно замѣняетъ серьмягу, и посмотришь въ лицо Жиду, увидишь на немъ досаду что не онъ одинъ благоденствуетъ.

Наконецъ четвертая полоса, это Богемія. Здѣсь жизненная сила поразительна. Поле, садъ, роща, огородъ, все что̀ растетъ видимо составляетъ вседневную заботу хозяйства почти научнаго. Чехъ — земледѣлецъ, и его поле прекрасная картина, которою нельзя не любоваться. Посмотришь въ поле, какъ будто нѣтъ плевеловъ, капли трудоваго пота хватаетъ на каждое зерно, и каждое зерно даетъ много. Деревни и фермы дышатъ счастіемъ, видишь что вся жизненная сила этой страны въ ея деревнѣ. Крестьянинъ носитъ отпечатокъ благосостоянія; но отпечатокъ этотъ рельефнѣе чѣмъ гдѣ-либо потому что къ виду благосостоянія присоединяется оттѣнокъ цивилизаціи.

Ближе къ Вѣнѣ, по выѣздѣ изъ Богеміи, колоритъ деревни значительно блѣднѣетъ. Тому кто не повѣритъ этимъ путевымъ впечатлѣніямъ и признаетъ ихъ выдумкой воображенія я скажу: спросите моего сосѣда, даже онъ, чиновникъ-прогрессистъ, пораженъ былъ этими рѣзкими оттѣнками сельскаго благосостоянія.

Но вернемся отъ идиллiи къ жизни. Нѣмцы изобрѣтательный народъ, это аксіома. Какъ Англичанину непремѣнно нужно для жизни сильное движеніе мускуловъ, такъ Нѣмцу нужна работа мозга на выдумыванье чего-либо болѣе или менѣе хитраго и не съ разу понятнаго. Такъ, напримѣръ, шелъ себѣ прямой путь изъ Варшавы въ Вѣну съ тремя классами и шелъ благополучно, къ удовольствію и удобству путешественниковъ всѣхъ націй. Казалось бы, чего жъ еще, когда всѣ довольны и никто ничего не проситъ? Нѣтъ, не тутъ-то было! Придумано нѣчто очень остроумное и глубокомысленное: взяли одну точку на этой линіи, взяли и другую, и между обѣими пустили скорый поѣздъ, Eilzug. Спрашивается: почему и для кого? А вотъ почему. Вы пріѣзжаете на эту злополучную точку, вамъ предлагаютъ, хотите Eilzug? въ томъ предположеніи что вы очень наивны. Вы говорите: „да, хочу“, въ полной увѣренности что вы скорѣе пріѣдете въ Вѣну. Ни чуть не бывало: вы берете билетъ, приплачиваете $2^1/_2$ гульд-

дена, садитесь въ вагонъ, ѣдете, пріѣзжаете на другую злополучную точку, и тамъ ждете тотъ поѣздъ который вы покинули 3 часа назадъ, чтобы въ немъ, опять съ тремя классами, пріѣхать въ тотъ же часъ въ Вѣну въ какой вы должны были пріѣхать съ пассажирскимъ поѣздомъ. Надѣюсь что хитрѣе ничего нельзя и придумать. Въ итогѣ выходитъ что это изобрѣтеніе есть не что̀ иное какъ новая мѣра къ усиленію доходовъ желѣзной дороги!

Баварскій Нѣмецъ, съ которымъ вы знакомитесь на пути въ Вѣну на участкѣ нѣсколькихъ миль, тотъ тоже не живетъ безъ придумыванья чего-нибудь! Результатъ его придумыванья на желѣзной дорогѣ выразился для насъ трубой, которою, неизвѣстно почему, онъ замѣнилъ общеупотребительный свистокъ кондуктора, а такъ какъ свистокъ фальшивить не можетъ, а труба напротивъ способна издавать пренепріятные звуки, то вся практичность этой выдумки заключается въ томъ что на каждой станціи два раза вы должны подвергнуть ваши уши ужасному истязанію отъ рѣзкаго и скверная звука скверной трубы.

На какой-то станціи къ намъ сѣлъ въ вагонъ какой-то на видъ весьма важный господинъ. Важность его заключалась въ томъ что его подсаживалъ въ вагонъ камердинеръ, въ томъ что вслѣдъ за нимъ влѣзли въ карету два великолѣпные дорожные мѣшка, съ тремя плэдами и двумя подушками, и наконецъ въ томъ что какой-то щеголь Австріецъ, сидѣвшій съ нами, вскочилъ съ своего мѣста, и начавъ раскланиваться преподобострастно съ входившимъ магнатомъ, явно изъявилъ ему готовность обратиться въ подушку или даже уничтожиться вовсе, лишь бы влѣзавшему почтенному господину было удобно.

Мой спутникъ чиновникъ шепнулъ мнѣ на ухо: „ужь не министръ ли это какой-нибудь?“ и почти уже былъ готовъ вступить въ разговоръ съ сановникомъ о дѣлахъ Австріи вообще и о тюрьмахъ въ особенности; но вѣнскій щеголь такъ разсыпался въ любезностяхъ, что другому сунуть словечко было совершенно невозможно.

Наружность обманчива, говоритъ древняя пословица. Министръ оказался Евреемъ. Еврей этотъ былъ банкиръ NN; онъ возвращался изъ Россіи, если не съ отмороженнымъ, то все же съ предлиннымъ носомъ, наклееннымъ ему неудачей въ концессіи желѣзной дороги, которой онъ ѣздилъ добиться.

Но куріознѣе всего что вѣнскій щеголь этотъ, такъ ухажи-

вавшій за Евреемъ банкиромъ, оказался баронъ N, изъ хорошей австрійской фамиліи.

Такія отношенія выражаютъ собою нравы. Пришла минута когда Жидокъ протянулъ руку чтобы достать одинъ изъ своихъ мѣшковъ; баронъ бросился къ мѣшку, поднялъ его, сѣлъ напротивъ Еврея, положилъ себѣ мѣшокъ на колѣна, и обратившись въ табуретъ или столъ, находилъ себя въ самомъ нормальномъ положеніи. Хороша была въ эту минуту фигура банкира, сына Израиля, онъ чесалъ свои волосы, глядя въ зеркало, и принималъ услуги барона какъ самое естественное проявленіе поклоненія своей особѣ.

Какъ случайный эпизодъ, такая картина не стоила бы вниманія. Но не понятая мною тогда, до свиданія съ Вѣной, она предстала во всемъ своемъ смыслѣ когда я окунулся въ вѣнскій міръ.

IV.

Вѣна.

Если весьма вѣроятно что Парижъ столица и главная резиденція князя міра сего, сирѣчь діавола, то не менѣе вѣроятно и то что утомленный почестями и поклоненіемъ придворной своей челяди въ Парижѣ, онъ ѣдетъ отдыхать и наслаждаться villeggiatur'ой въ Вѣну.

По свидѣтельству мѣстныхъ старожиловъ, Вѣна стала виллой діавола недавно. Прежде жили въ ней его намѣстники, управляли довольно исправно, сбирали подушную подать съ весьма небольшими недоимками, но все это далеко не было то чѣмъ Вѣна теперь, когда монархъ самъ сталъ наѣзжать въ этотъ милый городъ.

Куріозно то что пріѣздъ діавола совпадаетъ съ другимъ общественнымъ событіемъ въ вѣнской жизни—воцареніемъ Евреевъ; но это двойственное цареніе автократа и демократовъ не мѣшаетъ нисколько ихъ тѣсному союзу между собою.

Вѣнцы же, какъ видно, такимъ порядкомъ вещей очень довольны, а Вѣна съ каждымъ годомъ растетъ въ ширину и высоту и хорошѣетъ.

Безспорно, она какъ городъ прелестна, оживленія много; въ иную пору экипажи снуютъ какъ въ Лондонѣ, веселье заливаетъ всѣ улицы и бульвары, все поетъ, все напѣваетъ, все насвистываетъ аріи, все хохочетъ и смѣется. Слѣдовъ заботъ

нигдѣ. Въ этомъ отношеніи поразительно сходство съ Парижемъ. Въ Парижѣ всѣ бѣгаютъ по улицамъ, точно потому только что именно надо по улицамъ бѣгать: такъ и кажется что другаго дѣла ни у кого нѣтъ. Тысячи человѣкъ сидятъ въ кафе, пьютъ водицу со смородиной и читаютъ газету, но и здѣсь чувствуется что только потому они и читаютъ что надо де сидѣть съ газетой предъ носомъ, а что̀ читаютъ? не все ли равно! О политикѣ говорятъ много, но какъ? Въ Вѣнѣ то же самое: Вѣнцы какъ будто не знаютъ что̀ такое серіозное выраженіе лица, что̀ такое ходить озабоченнымъ; вмѣсто водицы пьютъ они пиво, читаютъ машинально, толкуютъ про политику съ кѣмъ угодно и на всѣ тоны, но если вы подумаете что Вѣнецъ что-нибудь серіозное о политикѣ думаетъ, вы жестоко ошибетесь. Онъ ничего не думаетъ. Его патріотизмъ приходитъ въ восторгъ отъ прелестнаго вальса Штрауса, an der schönen blauen Donau, такъ же легко какъ патріотизмъ Парижанина обращается въ Везувій отъ звуковъ Марсельезы; но попробуйте этотъ патріотизмъ изъ фейерверка обратить въ постоянный огонь, попробуйте-ка обратиться къ Вѣнцу со словами: „надо обдумать это хорошенько“, немедленно Вѣнецъ ускользаетъ изъ-подъ вашихъ рукъ, и отдастъ всю Вѣну, даже всю Австрію, лишь бы только избавиться отъ серіозной заботы.

— Знаете что̀ такое Вѣна? говорилъ мнѣ одинъ Вѣнецъ послѣ получасоваго разговора въ первое съ нимъ свиданіе,—это прелестнѣйшій городъ, это веселый городъ, но въ то же время, это самый безнравственный изъ всѣхъ городовъ Европы. Безнравственность сдѣлалась у насъ нормальною принадлежностью жизни; быть безнравственнымъ у насъ называется быть милымъ, быть веселымъ, быть добрымъ малымъ; дѣвушкѣ 17ти лѣтъ, даже въ порядочномъ сословіи, имѣть любовника считается самою обыкновенною вещью, добродѣтельный мужъ уродство, а въ политическомъ отношеніи, если по правдѣ вамъ сказать, Вѣна, прошедши подъ желѣзнымъ ярмомъ Наполеона I, чуть-чуть не взятая приступомъ Венгерцами въ 1848 году, чуть-чуть не взятая Прусаками въ 1866 году, теперь покорена вся какъ есть Евреями.

Вѣнецъ этотъ, сказалъ ли онъ слишкомъ много или слишкомъ мало? вотъ вопросъ съ которымъ я ходилъ по Вѣнѣ, ища повсюду на него отвѣта.

Отвѣтить на него положительно, серіозно, очень трудно, ибо, какъ я сказалъ, Вѣна соблазняетъ и ослѣпляетъ своими прелестями и своею нарядностью въ каждомъ проявленіи жизни.

Я вошелъ въ Volksgarten, царство Штрауса; былъ вечеръ бенефисный: за ограду входила публика платившая по гульдену за входъ; этой публики были тысячи: все нарядно, все щегольски одѣто; вездѣ французская рѣчь; вездѣ разговоръ извѣстный подъ именемъ marivaudage: свѣтскія женщины являлись безъ лакеевъ, давая руку джентльменамъ; у каждаго изъ послѣднихъ розанъ въ бутоньеркѣ, бѣлая грудь рубашки широко раскрытая, много оттѣнковъ фатства въ манерахъ и походкѣ; kokotki же являлись съ лакеями, а лакеи въ ливреяхъ; за ними душистыя струи разныхъ эссенцій, и въ этомъ воздухѣ по три или по четыре кавалера на каждую, всѣхъ возрастовъ и всѣхъ положеній, но изъ четырехъ одинъ непремѣнно Еврей. Богатый Еврей это левъ Вѣны. Парижъ до этого еще не дожилъ. Должность эту въ Парижѣ исправляетъ обыкновенно богатый Англичанинъ.

За оградой платящихъ находились тысячи народа не платящаго за входъ; народъ этотъ глазѣлъ и, повидимому, упивался звуками всегда легкой и всегда веселой музыки Штрауса. Кривлянья послѣдняго какъ нельзя лучше приходились по душѣ каждому Вѣнцу.

Когда Штраусъ кончилъ играть, раздалась духовая музыка. Игралъ военный оркестръ Ганноверскаго полка, въ бѣлыхъ казакинахъ и красныхъ воротникахъ. Звуки этого оркестра поразили меня своею стройностью; играли точно артисты и играли несравненно лучше оркестра Штрауса. Началъ я собирать справки. Оказывается что впечатлѣнія мои были вѣрны; дѣйствительно военная музыка—это слава австрійскаго воинства. На Парижской выставкѣ, какъ извѣстно, они взяли первый призъ. Бо́льшая часть музыкантовъ—Чехи; а Чехи народъ необыкновенно способный къ музыкѣ. Посмотришь на военный оркестръ, и на лицѣ каждаго музыканта видишь что онъ играетъ осмысленно и наслаждается тѣмъ что̀ играетъ; фигура же дирижера оркестра—цѣлая картина: вдохновенный артистъ такъ въ немъ и виденъ.

Но увы, имѣть хорошіе военные оркестры не значитъ еще имѣть хорошую армію! А армія, Боже, что̀ за жалкая картина!

Прелести нарядности и граціозности Вѣны обитаютъ тоже въ австрійскомъ солдатѣ, но тутъ-то онѣ уже совсѣмъ не на мѣстѣ; ибо оспариваютъ это мѣсто у тѣхъ чертъ и свойствъ которыя для арміи сто разъ нужнѣе и которыя съ ними никакъ ужиться не могутъ. У каждаго солдата проборъ на головѣ доходитъ до спины. Уже это одно много значитъ: ибо сколько на составленіе и расчесываніе нужно времени и заботъ солдату, столько же, только въ удесятеренной пропорціи, убавляется у него военнаго закала и военной закваски; солдатъ у котораго щетка должна гулять тщательно по затылку, можно навѣрное сказать, всегда и вездѣ будетъ разбитымъ солдатомъ. Оттого воины на сценѣ какой-нибудь оперы или какого-нибудь балета и австрійскіе солдаты похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды. Когда они ходятъ отрядами, они кажутся сложившимися въ мундиръ, въ стойку и въ кадры только вчера; такъ и хотѣлось бы имъ сказать: „да будьте же солдатами“, еслибы не приходила въ голову ужасная мысль что имѣть въ сосѣдствѣ такую армію очень выгодно; когда же они гуляютъ по улицамъ на свободѣ, тогда у каждаго руки въ карманѣ, трубка въ зубахъ, и изъ десяти человѣкъ восемь ходятъ обнявшись съ какою-нибудь дульцинеей. А ужъ вечеромъ, когда стемнѣетъ, и солнце, котораго всегда боишься и стыдишься даже безсознательно, спрячется, тогда попытайтесь-ка прогуляться въ окрестностяхъ любой казармы — вы увидите прелестныя сцены.

Ну, а офицеры? спросите вы. А объ офицерахъ вотъ что я вамъ разкажу. Поѣхалъ я въ садъ Шперла. Вѣнцы называютъ это парижскимъ Mabile, неизвѣстно почему. Въ Mabile все красиво, все изящно, скандалъ черезчуръ разгульный не дозволенъ. У Шперла, посреди грязной и скверной улицы, между четырьмя домами, устроенъ крошечный садикъ, тамъ поставлено множество столиковъ, фонарей, есть танцовальная зала и оркестръ военный.

Вы входите и пятитесь назадъ съ вопросомъ: куда я попалъ? Вездѣ у столовъ разсажены женщины, и какія женщины!.. Кто подойдетъ къ столу изъ мущинъ, того захватываютъ какъ добычу и какъ кавалера для танцевъ, и съ минуты на минуту вы можете сдѣлаться героемъ цѣлаго ряда авантюръ.

Но вотъ сидятъ и офицеры, граціозные, красивые и безупречные на видъ; у каждаго какъ нарочно былъ свой мун-

диръ, но общаго была у нихъ одна черта: проборъ необыкновенно тщательно отдѣланный на затылкѣ.

Начинаются танцы. Дамы переходятъ въ большой залъ. Залъ большой, иллюминованъ a jiorno, посреди́нѣ какой-то господинъ энергической наружности, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, стоитъ и грозно повелѣваетъ дамамъ: „сюда, маршъ, скорѣе, не кричать, кавалеры, сюда“ и т. д.: все суетится, двигается и разставляется по командѣ сего энергическаго главнокомандующаго.

За этою картиной, на заднемъ планѣ, картина не менѣе куріозная: два огромныхъ портрета императора и императрицы во весь ростъ. Я подумалъ что имъ здѣсь совсѣмъ не мѣсто, но успокоился узнавъ что таковъ здѣсь обычай: вездѣ гдѣ мѣсто считается публичнымъ непремѣнно портреты ихъ величествъ.

Вдругъ являются офицеры, дамы ихъ берутъ и начинаются танцы, то вальсъ, то канканъ. Я, признаюсь, стоялъ, смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ:—Какъ? офицеры въ военной формѣ танцуютъ публично съ публичными женщинами, и за то платимъ мы деньги чтобъ этимъ зрѣлищемъ любоваться?

So, so ist es, сказалъ мнѣ мой Вѣнецъ.

Ну признаюсь, озадачили! Въ Парижѣ даже, гдѣ все бываетъ по части скандаловъ такого никто подумать не смѣлъ: вѣдь нѣтъ такой націи гдѣ военныя эполеты, подобно военному знамени, не были въ чести. А въ Австріи даже это топчутъ въ грязь. „Ну поколотятъ васъ голубчики“, подумалъ я, и насыщенный зрѣлищемъ Шперла, убрался не дождавшись конца. А конецъ, говорили мнѣ, самый интересный и есть. Танцы доходятъ до nec plus ultra, и каждая дама уѣзжаетъ съ кавалеромъ.

Теперь перейдемъ къ улицамъ и домамъ. Въ Вѣнѣ подъ именемъ Ring устроился цѣлый новый городъ, гдѣ великолѣпію домовъ нѣтъ предѣловъ.

А между тѣмъ истощеніе финансовъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, тоже безпредѣльно въ Австріи вообще и въ Вѣнѣ въ особенности.

Какъ же согласить эту поразительную роскошь въ постройкахъ со всеобщимъ разореніемъ.

Очень просто. Прохожу я по Рингу, вижу дворецъ только что отстроенный, красоты идеальной: лакеи въ красныхъ

ливреяхъ съ серебряными аксельбантами стоятъ у оконъ и презрительно смотрятъ на капалью-толпу; экипажъ съ красными жокеями à la Daumont стоитъ готовый у подъѣзда. Прохожу я и спрашиваю: „чей это дворецъ?“ думая вѣрно эрцгерцога какого-нибудь. Отвѣтъ: „Excellenz der Herr Baron N N“, а этотъ Excellenz, который никогда не былъ ни Excellenz, ни барономъ, просто-за-просто Еврей въ званіи банкира

Наткнувшись на такое особенно великолѣпное депо еврейской роскоши, я пошелъ за справками.

— Да что же наконецъ это за штука Евреи въ Вѣнѣ? спросилъ я моего Вѣнца при слѣдующемъ свиданіи.

— Евреи, отвѣтилъ онъ,—это все у насъ: это правительство, это желѣзныя дороги, это финансы, это общественное мнѣніе, это военное министерство, это судъ, это всякій изъ насъ, это воздухъ которымъ мы дышемъ. Еслибъ они захотѣли, да они всю Вѣну купили бы и нашу жизнь взяли бы на аренду.

— Ну однакоже, сказалъ я,—so arg ist es doch nicht!

— Именно so arg, отвѣтилъ мнѣ Вѣнецъ.

Да вотъ вамъ одинъ, напримѣръ, фактъ. Вся пресса въ рукахъ Евреевъ: всѣ эти *Presse*, *Neue Freie Presse* и т. д., всѣ мало-мальски вліятельныя газеты принадлежатъ Евреямъ. Другой примѣръ: всѣ желѣзныя дороги въ ихъ рукахъ; всѣ подряды и поставки по арміи исключительно у нихъ въ обладаніи: никакое общество, никакая ассоціація, никакая спекуляція не мыслимы безъ согласія Евреевъ. Спросите любаго Еврея на улицѣ: „правда ли что у нихъ раввины принялись за исправленіе какихъ-то молитвъ?“ онъ вамъ отвѣтитъ: „Правда!“

„Что за исправленіе молитвъ?“ спросилъ я. А вотъ что. Между австрійскими Евреями ходитъ молва что ихъ банкиры хлопочутъ сильно о томъ чтобы всѣ тѣ псалмы гдѣ народъ Израильскій молитъ Іегову о возвращеніи въ родную землю были выведены изъ употребленія, на томъ основаніи что обѣтованную землю они обрѣли въ Австріи и лучшаго ничего не желаютъ. „Se non è vero ben trovato“, подумалъ я!

Нѣтъ, какъ ни прелестна Вѣна, а дышетъ она растлѣніемъ, безсиліемъ своего политическаго организма.

V.

Прага.

Ничего не можетъ быть поразительнѣе какъ переходъ отъ Вѣны къ Прагѣ. Два міра будто раздѣленные одинъ отъ другаго десятками государствъ и десятками годовъ.

Вы въѣзжаете въ Прагу: улица широка, красива, но прежде всего васъ поражаетъ отсутствіе экипажей; нѣсколько извощичьихъ колясокъ и ничего болѣе. Вся Прага ходитъ пѣшкомъ, и движенія пѣшеходовъ очень много.

Потомъ вы вглядываетесь въ прохожаго или въ толпу: у всякаго на лицѣ забота, веселыхъ, безпечныхъ лицъ, типа зѣваки, типа наслаждающагося жизнію какъ будто въ Прагѣ нѣтъ!

Вы входите въ кофейню: все полно народомъ, но все читаетъ и углублено въ чтеніе газетъ, такъ что царствуетъ тишина и слышишь комара и муху. Едва одинъ кончилъ читать, и выпивъ свое пиво, встаетъ и очень скоро направляется къ двери, какъ другой уже схватилъ газету и усаживается читать ее такъ чтобы всѣмъ существомъ въ нее погрузиться.

И вотъ первый день въ Прагѣ вы уже схватываете весь ея колоритъ. Онъ скученъ, онъ грустенъ, но грусть эта, но скука эта не та грусть и не та скука которыми дышетъ развалина или покинутое мѣсто, гдѣ человѣкъ тоскуетъ потому что онъ безсиленъ воскрешать жизнь въ нѣмомъ памятникѣ прошедшаго. Въ Прагѣ чувствуешь грусть жизни сосредоточивающейся гдѣ-то смиренно и боязливо: это грусть постнаго дня или Великой Пятницы, сквозь которую вѣетъ въ воздухѣ предчувствіемъ чего-то въ будущемъ болѣе свѣтлаго! Вмѣстѣ съ грустью отпечатанъ вездѣ и во всемъ живой слѣдъ постоянно напряженныхъ заботъ.

Заботы эти на лицѣ у каждаго Чеха. Пройдетъ молодой человѣкъ, онъ весь погруженъ въ думу; пройдетъ зрѣлый мущина, онъ ходитъ и разсуждаетъ съ самимъ собою; пройдетъ старикъ, и онъ видно согбенъ подъ бременемъ долгихъ размышленій.

Чеха съѣдаетъ политическая духовная жизнь.

Но жизнь эта не праздная. Какъ всякая политическая и умственная дѣятельность, она слагаетъ и создаетъ не мало утопій, но возлѣ сколько создала она тоже плодотворнаго и прочнаго!

Когда Русскій пріѣзжаетъ въ Прагу, тогда совершаются въ ней два событія: первое—тревога въ секретной полиціи, которой поручаютъ вашу особу, второе—проявленіе самой безкорыстной симпатіи со стороны всякаго Чеха который случайно узнаетъ что вы Русскій.

Симпатія эта замѣчательна по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому что она безкорыстна, а въ XIX вѣкѣ безкорыстная симпатія — явленіе рѣдкое! А вовторыхъ, симпатизирующій вамъ Чехъ неизбѣжно попадаетъ въ списокъ политически-неблагонадежныхъ!

Года три назадъ нѣсколько шарманщиковъ на улицѣ вздумали было ввести въ свой музыкальный репертуаръ русскій народный гимнъ; ихъ выпроводили за такую политическую демонстрацію изъ Праги, съ запрещеніемъ въ нее возвращаться иначе какъ выкинувъ изъ механизма шарманки роковое *Боже царя храни!*

По этому эпизоду можно судить о любви полиціи, а слѣдовательно и администраціи австрійской къ Русскимъ и Россіи.

Впрочемъ, я узналъ отъ одного Венгерца что въ Венгріи и Галиціи Русскимъ сто разъ опаснѣе быть чѣмъ въ Прагѣ. Въ Прагѣ надзоръ секретный—ничего болѣе, да еще въ рукахъ весьма плохихъ шпіоновъ. Въ Венгріи же и Галиціи вы подпадаете прямо подъ надзоръ цѣлой Венгріи и цѣлой Галиціи, то-есть каждаго Венгерца-патріота и каждаго Поляка-Галичанина; опасности могутъ быть разнообразны, и самая низшая ихъ степень — ругательства. Венгерцы рѣшили взять Константинополь, и въ каждомъ Русскомъ видятъ вслѣдствіе этого преграду ихъ царьградоманіи, а Поляки рѣшили взять Варшаву съ сѣвера, а Кіевъ съ востока, и въ каждомъ Русскомъ видятъ заклятаго врага ихъ планамъ и подстрекателя народа къ неповиновенію польскому магнатству.

Какъ видите, причины ненависти къ намъ бѣднымъ, *неукротимымъ распространителямъ по всему міру нашей національности*, очень уважительны. Остзейскій и другіе края такъ обрусѣли что теперь намъ только и думать что объ обрусѣніи Австрійскихъ земель, а потомъ и Турецкихъ, а тамъ пожалуй доберемся и до Индѣйскихъ.

Но вернемся къ Прагѣ. Прежде всего васъ, какъ Русскаго, ведутъ въ отстраивающуюся православную церковь: гдѣ-то въ переулкѣ стоитъ древняя готическая церковь; вы входите въ нее и поражаетесь великолѣпіемъ ея внутренней новой

отдѣлки для православнаго богослуженія. Все красиво, все роскошно, все изящно.

Но полагаю что, осмотрѣвъ эту церковь, ни одинъ Русскій не вышелъ изъ нея не задавъ своему провожатому вопроса: какая цѣль этой церкви? Не бывавъ въ Прагѣ, я, какъ многіе, мечталъ о томъ что хорошо было бы имѣть въ Прагѣ православную церковь какъ попытку сблизить Чеховъ съ нами на религіозной почвѣ; но побывавъ на мѣстѣ, я эту мечту, какъ многія, записалъ въ расходъ и задался другою мыслью. Сколько мнѣ показалось,—дай Богъ чтобъ я ошибся,—вопросъ религіозный для чешской интеллигенціи отодвинутъ далеко на задній планъ нынѣшними чисто-политическими заботами объ автономіи. Для Чеховъ главное—добыть себѣ чешскую корону; для осуществленія этой мечты они пожертвовали бы всѣмъ, а нѣтъ сомнѣнія что первымъ условіемъ уступчивости австрійскаго правительства Чехамъ было бы изгнаніе всего похожаго на симпатіи къ Россіи, а въ особенности русской церкви. Чрезъ это Чехи были бы поставлены въ весьма непріятное положеніе.

Что же будетъ дальше?

А между тѣмъ, кладя въ сторону всякую сентиментальность, не слѣдуетъ ли сказать себѣ: сколько есть такихъ мѣстъ въ Европѣ гдѣ съѣзжаются наши соотечественники лѣчиться тысячами. Вотъ тамъ имѣть маленькія церкви для Русскихъ дѣйствительно потребность.

Впрочемъ я случайно послѣ узналъ какъ иной разъ смотрятъ у насъ на дѣло постройки русскихъ церквей за границей. Поступило, напримѣръ, заявленіе самаго невиннаго свойства: ходатайство о назначеніи священника на три лѣтніе мѣсяца для исполненія требъ въ походной церкви, на устройство которой, вмѣстѣ съ содержаніемъ священника, Русскіе готовы дать всѣ нужныя средства. Отвѣтъ, говорятъ, послѣдовалъ такой: поелику духовное начальство заботится, наоборотъ, объ упраздненіи вездѣ, гдѣ можно, русскихъ церквей за границей, напримѣръ въ Голландіи (гдѣ никогда и Русскихъ не бываетъ!), то ходатайство это слѣдуетъ отклонить! Если это правда, то нельзя не признать причину уважительною: ужь упразднять, такъ упразднять.

А Нѣмцы, глупые такіе люди, дерзающіе находить что молитва и богослуженіе необходимы человѣку вездѣ—разсуждаютъ иначе: нѣтъ водъ въ Австріи гдѣ бы Нѣмцы не имѣли

своего пастора, котораго содержатъ въ теченіе всего лѣчебнаго курса, и ему каждое воскресенье отводятъ свободное помѣщеніе для богослуженія.

Симпатія къ Россіи въ Прагѣ имѣетъ два пульса: одинъ болѣе сильный, другой послабѣе. Сильнѣйшій пульсъ бьется въ чешской молодежи; пульсъ болѣе вялый у старой Чехіи. Молодежь безъ задней мысли стремится къ одному только: къ духовному единенію съ нами, къ братанью во имя единой крови. Въ средѣ этой партіи многіе уже знаютъ по-русски, читаютъ русскіе журналы и книги, интересуются всѣми треволненіями и злобами дней нашей общественной жизни, вводятъ ихъ предметомъ оживленныхъ преній на своихъ сходкахъ, и даже устроили публичныя лекціи русскаго языка для чешскихъ дамъ, которыя за истекшую зиму оказали значительные успѣхи и горячее рвеніе.

Другая партія, степенная, зрѣлая возрастомъ, съ патріархомъ Палацкимъ во главѣ; та смотритъ на насъ съ симпатіей заднемыслящею, съ сильнымъ политическимъ оттѣнкомъ въ своей платонической къ намъ любви, съ одной стороны, а съ другой—съ какимъ-то не хитро скрываемымъ сознаніемъ въ своемъ надъ нами превосходствѣ. Объясняются же эти психическія свойства отношеній старой чешской партіи къ Русскимъ, сколько кажется, весьма просто. Партія эта издавна сложила въ своихъ посѣдѣвшихъ головахъ политическій планъ дѣйствій относительно Австріи, которому исключительно и посвящаетъ свою духовную или умственную жизнь. Понятно что Россія въ этомъ планѣ никакой самостоятельной роли не играетъ и играть не можетъ. Всѣ же самостоятельныя роли предназначаются исключительно старочешской партіи и ея вождямъ, и предназначаются имъ ими же самими; вслѣдствіе этого они очень ревниво и зорко слѣдятъ за тѣмъ чтобы въ область осуществленія ихъ политическихъ грезъ и плановъ не входило какое-либо другое начало, кромѣ ихъ самихъ. Россія, представляемая юною партіей какимъ-то двигателемъ въ ихъ пользу, является для старой партіи именно тѣмъ началомъ которое у нихъ отнимаетъ долю популярности въ свою будто бы пользу; и вслѣдствіе этого весьма понятно, на днѣ отношеній къ Россіи старой партіи гораздо болѣе недовѣрія чѣмъ прямой симпатіи.

Такъ или иначе, но ни старая, ни юная партія не подвигаютъ еще свое національное дѣло съ разительнымъ успѣхомъ.

Одна изъ главныхъ тому причинъ заключается въ томъ что Чехи, всецѣло отдавшись политикѣ, прежде всего не дипломаты и не политики. Маневрировать они не умѣютъ, и идутъ въ бой съ австрійскою силой вооруженные качествами первыхъ временъ христіанства: откровенностью, прямотой и порывами! Понятно что при такихъ условіяхъ бой между посѣдѣвшею въ коварствѣ политикой Австріи и образомъ дѣйствія Чеховъ, въ коемъ нѣтъ лести, весьма не равенъ.

VI.

Прага.

Народное образованіе и высшее образованіе представляютъ самую свѣтлую сторону общественной жизни въ Богеміи.

Въ Прагѣ и городахъ грамотныхъ до 93%; въ деревняхъ отъ 91—92%!

Предъ такимъ фактомъ восклицательнаго знака нельзя не поставить.

Въ остальныхъ провинціяхъ Австріи процентъ грамотности въ народѣ не превышаетъ 50. Такимъ образомъ если когда-нибудь Пруссія примется осуществлять свою завѣтную мысль о присоединеніи къ себѣ Богеміи, она наткнется на этотъ фактъ, какъ на самое сильное препятствіе къ онѣмеченію Чеховъ. Доселѣ ея пищевареніе, когда она съѣдала, съ бо́льшимъ или меньшимъ аппетитомъ, разныя государства, совершалось какъ нельзя благополучнѣе, благодаря тому что она, Пруссія, была образованіемъ сильнѣе тѣхъ которыхъ она съѣдала. Съ Чехами будетъ иначе, ибо Чехія народнымъ образованіемъ въ силахъ бороться съ Пруссіей. Каждая чешская деревушка представляетъ собою плотно объединенный союзъ интеллектуально развитыхъ крестьянъ. Процессъ этого развитія совершается тѣмъ же путемъ какъ въ Пруссіи,—посредствомъ школъ, а школы эти въ рукахъ у учителей отлично знающихъ свое дѣло и отдающихся ему съ любовью. У Чеховъ методъ преподаванія въ народныхъ школахъ выработанъ до послѣднихъ предѣловъ совершенства. Четыре элемента входятъ съ одинаковою силой въ это народное образованіе: вопервыхъ, религія, вовторыхъ, національность, втретьихъ, умственное развитіе одновременно съ пріобрѣтеніемъ знаній и наконецъ вчетвертыхъ, искусства, то-есть музыка для хороваго пѣнія и рисованіе; хоровое же пѣніе въ свою очередь является и образователемъ вкуса и началомъ смягчающимъ нравы, а съ дру-

гой стороны, немалозначущимъ подспорьемъ къ развитію въ народѣ посредствомъ пѣсенъ чувства своей національности. Каждый учитель не иначе поступаетъ на поприще народнаго обученія, какъ будучи въ состояніи удовлетворять вполнѣ всѣмъ этимъ требованіямъ. Вотъ почему воспитательная школа такихъ учителей нераздѣльна отъ прямаго вліянія ихъ на нравственный бытъ народа, и вотъ почему этимъ путемъ Чехи дошли до того что каждый молодой крестьянинъ или бюргеръ города составляетъ развитую умственно и нравственно личность, насквозь проникнутую крѣпкимъ сознаніемъ своей національности. А съ такою силой справиться штыку завоевателя очень и очень трудно, ибо если этотъ завоеватель будетъ Нѣмецъ, то ему придется, вѣроятно, прежде чѣмъ приняться онѣмечивать 3 милліона людей, поодиночкѣ каждаго проколоть штыкомъ или застрѣлить пулей.

Народная или приходская школа въ Прагѣ раздѣлена на три группы. Первая, низшая, имѣетъ дѣло съ учениками отъ 3хъ до 6ти-лѣтняго возраста! Какъ ни невѣроятенъ этотъ фактъ—онъ дѣйствителенъ. Я видѣлъ школу приходскую гдѣ сидѣло 100 мальчиковъ съ одной стороны, и 100 дѣвочекъ съ другой,—меньшимъ было 3 года; старшимъ 6 лѣтъ.

Прежде всего васъ поражаетъ смѣшеніе общественныхъ слоевъ въ этой школкѣ: нарядный барченокъ, сынъ богатаго какого-нибудь купца, сидитъ возлѣ босоногаго мальчика; обоимъ хорошо, обоимъ весело; обоимъ удобно, обоихъ посылаютъ въ школу на цѣлый день для того чтобы день не проходилъ праздно.

Всѣ эти 200 дѣтей сидятъ въ одномъ помѣщеніи. Начинается день молитвой, потомъ пѣніе, потомъ гимнастическія движенія, потомъ выговариваніе звуковъ и складываніе этихъ звуковъ на доскѣ, потомъ учитель разказываетъ дѣтямъ маленькую повѣсть, съ приложеніемъ ея нравоученія, потомъ дѣти встаютъ, нѣкоторыя изъ нихъ надѣваютъ на себя барабаны, и подъ барабанный бой, весело, стройно, попарно выходятъ они въ садъ, гдѣ начинаются игры, гимнастика, въ теченіе двухъ часовъ времени. Послѣ отдыха и рекреаціи они возвращаются въ классы, и тѣмъ же методомъ проходятъ чрезъ урокъ ариѳметики, на счетахъ или самыхъ простыхъ задачахъ; потомъ опять пѣніе, опять гимнастическія движенія, затѣмъ вопросы съ указаніемъ на висящія на стѣнахъ картинки: „что это за звѣрь? что это за вещь?“ и т. д. Мальчики и дѣвочки такъ и рвутся отвѣчать, поправляютъ одинъ другаго, жад-

но слѣдятъ за каждымъ движеніемъ учителя, и какъ только учителю кажется что дѣти могутъ быть утомлены, тогда немедленно—маршъ въ садъ, и опять игры и опять отдыхъ.

Такимъ методомъ и такою школой дѣти, сами того не замѣчая, шутя и веселясь, обучаются грамотѣ, закону Божію, ариѳметикѣ и пѣнію — въ то же время развиваются тѣлесно и умственно безъ малѣйшаго напряженія, и наконецъ пріучаются къ занятіямъ до такой степени что понятіе о праздности въ началѣ уже жизни не входитъ въ нее вовсе. И этотъ методъ обученія, соединяющій въ себѣ вмѣстѣ съ обученіемъ и развитіемъ умственнымъ—развитіе тѣла посредствомъ движеній гимнастическихъ въ самомъ классѣ, и гимнастики, и игръ два, три раза въ день, проходитъ чрезъ всѣ три группы народныхъ или приходскихъ школъ.

„Свобода“ въ занятіяхъ, вотъ главная прелесть ихъ, бросившаяся мнѣ въ глаза во всѣхъ видѣнныхъ мною школахъ въ Прагѣ. Но „свобода“ эта потому такъ прелестна и производительна что она является результатомъ самаго строгаго подчиненія учителя своему методу и своимъ обязанностямъ, съ одной стороны, и учениковъ своему учителю, съ другой.

Народные учители, это цѣлое, отдѣльно приготовляемое сословіе людей; это все сердца любящія дѣтей безгранично, это все умы развившіеся въ средѣ народа и исключительно подъ вліяніемъ этой безграничной любви къ дѣтямъ, это люди знающіе каждый оттѣнокъ впечатлѣнія и каждую складку мысли дитяти, которые по тому самому владѣютъ всѣми средствами помощію которыхъ могутъ дѣйствовать на дѣтей. Люди эти имѣютъ одинаковое отвращеніе къ злу, пороку, лжи и къ теоретическому опредѣленію какого-либо понятія.

Когда вы спросите: всѣ ли учителя народныхъ школъ въ Богеміи, таковы, Чехи вамъ отвѣчаютъ, указывая на громадные результаты въ дѣлѣ народнаго образованія достигнутые этими учителями въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ. Не грамотѣ одной на учили они дѣтей, но и умѣнью жить.

Теперь другой вопросъ. Русскій, когда видитъ что-нибудь хорошаго за границей, спрашиваетъ сейчасъ: что это стоитъ? и немедленно приказываетъ ему это прислать домой, какъ хорошую вещицу, для пріобрѣтенія или для подражанія. Вещица подъ именемъ народнаго образованія съ его учителями стоитъ Чехамъ сравнительно недорого: жалованье ихъ отъ 150—300 гульденовъ въ годъ, то-есть отъ 90—180 руб., то-есть

то что̀ у насъ получаютъ сторожа въ самыхъ смиренныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Но дѣло въ томъ что выписать эту вещицу въ Россію нѣтъ никакой возможности, даже если бы вы заплатили за нее втрое дороже.

Но пора перебираться и въ высшія сферы ученія, взглянуть что̀ тамъ дѣлается. Тамъ есть университетъ, есть гимназіи, конечно, классическія, есть реальныя училища 1го и 2го разряда.

Я пріѣхалъ въ Прагу весь еще полный нашею бранью реализма съ классицизмомъ и вслѣдствіе этого, само собою разумѣется, боязливо, запуганно, смиренно подходилъ къ громадному міру пражскихъ учебныхъ заведеній и еще смиреннѣе спросилъ какого-то Чеха:—Что̀ у васъ дѣлается въ университетѣ и гимназіи?

— Учатся, отвѣчалъ мнѣ Чехъ!

— Только? спросилъ я.

— Чего же больше? удивленно сказалъ Чехъ.

— Неужели только учатся? а я, признаться сказать, думалъ что кромѣ ученія задачей нынѣшнихъ университетовъ и гимназій непремѣнно должно быть призваніе бороться во славу вѣка сего!

— Бороться? съ кѣмъ? кому?

— Какъ съ кѣмъ? Само собою разумѣется реализму съ классицизмомъ, ученикамъ съ учителями, журналамъ съ газетами, родителямъ съ дѣтьми, женщинамъ съ мущинами, — по крайней мѣрѣ у насъ публицисты иначе не велятъ относиться къ дѣлу высшаго образованія.

— Неужели? Нѣтъ, у насъ никакой борьбы нѣтъ.

— Нѣтъ? Такъ что классицизмъ живетъ спокойно?

— Совершенно спокойно! Всѣ учащіеся въ университетѣ прошли классическій курсъ гимназіи и живутъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ учениками высшей технической школы.

— Ну, а женскій вопросъ, продолжалъ я вопросительно,—какъ онъ у васъ?

— То-есть въ какомъ смыслѣ?

— Какъ, въ какомъ смыслѣ? Вѣдь вѣроятно между студентами много женщинъ, вѣроятно многія держатъ экзаменъ на доктора, многія поступаютъ на разныя обществен....

Здѣсь Чехъ мой, не понимавшій моихъ рѣчей сначала, подумалъ что я смѣюсь и тоже засмѣялся....

Итакъ въ Прагѣ студенты и гимназисты учатся; итакъ

въ Прагѣ о борьбѣ классицизма съ реализмомъ нѣтъ и помину; итакъ женскій вопросъ въ Прагѣ возбуждаетъ въ видѣ отвѣта смѣхъ!

Въ мірѣ студентовъ въ Прагѣ двѣ особенности: студентомъ дѣлается молодой человѣкъ обыкновенно не ранѣе 22хъ или 23хъ лѣтъ; выходитъ онъ изъ университета около 26 и 25 лѣтъ.

Другую особенность этого міра нельзя не признать важнымъ недостаткомъ: это національно-политическія заботы университетской молодежи. Онѣ не мѣшаютъ имъ учиться, это правда, но онѣ отнимаютъ у молодежи чешской то время которое вездѣ въ мірѣ студентовъ дается на веселье въ товарищескихъ кружкахъ.

Студентское веселье далеко не ничтожный элементъ въ студентской жизни. Вопервыхъ, это отдыхъ для ума, вовторыхъ, это тотъ психическій процессъ посредствомъ котораго молодой человѣкъ, вкушая прелести жизни своего возраста, испытываетъ ихъ чарующее вліяніе на все свое существо. Товарищескій кружокъ, въ часы досуга, полный интересовъ жизни какъ она есть въ двадцать лѣтъ, это цѣлая школа, цѣлая академія пріобрѣтаемыхъ незамѣтно свѣдѣній, цѣлая лабаторія, гдѣ горячая кровь, веселый нравъ, болтовня и кутежъ, дружба и ссора и тысяча другихъ двигателей, быстрѣе пара, передѣлываютъ характеры, ломятъ предразсудки, расширяютъ кругозоры, смягчаютъ природу грубую, закаливаютъ природу изнѣженную, словомъ, дѣлаютъ все то въ маленькомъ видѣ что нѣсколько лѣтъ спустя дѣлаетъ жизнь. Студентъ хорошо прожившій свои студенческіе года дѣлается способнымъ и годнымъ на все въ жизни. Онъ становится предпріимчивымъ, развязнымъ, всѣ его движенія физически и нравственно получаютъ болѣе мужества; борьба съ искушеніями его не лугаетъ, онъ уже бывалый; онъ борется, онъ увлекается, онъ падаетъ и опять поднимается, и въ жизни умѣетъ переживать самыя разнообразныя положенія, созидаемыя тысячами ея эпизодовъ, только быстро и стойко, какъ переживалъ тѣ же положенія въ своемъ студентскомъ житьѣ-бытьѣ.

Вотъ почему въ этомъ-то сочетаніи серіозныхъ занятій и веселой жизни заключается суть воспитательнаго развитія студентскаго міра!

У чешскаго студента этого сочетанія нѣтъ. Наука соединяется съ національными стремленіями: голова утомленная занятіями призвана проходить чрезъ разгоряченіе патріоти-

ческими заботами, грезами и разговорами. Оттого чешскій студентъ всегда глядитъ сумрачно, всегда носитъ слѣдъ глубокой на челѣ заботы, онъ не понимаетъ что̀ значитъ удовольствіе, веселье, даже простая шутка ему недоступна: въ каждомъ словѣ ему сказанномъ онъ ищетъ только серіозное дно мысли; другаго убѣжденія кромѣ патріотическаго онъ не признаетъ: глаза у него разгараются только въ разговорѣ о Нѣмцахъ или о чешской независимости; только политика дѣлаетъ его предпріимчивымъ и неустрашимымъ.

Но увы! все что̀ нарушаетъ законы природы никогда не остается безнаказаннымъ! Являясь политикомъ на студентской скамьѣ, Чехъ, когда дѣлается гражданиномъ, обыкновенно представляетъ изъ себя довольно плохаго политика. Питты и Фоксы въ ихъ средѣ не раждаются. Мозгъ раздраженный преждевременными заботами, утомленный занятіями, настолько усталъ что не можетъ уже имѣть той упругости, той живости, той неутомимой дѣятельсти въ которыхъ область политики прежде всего нуждается.

Вотъ почему когда вамъ разказываютъ съ восторгомъ о политическихъ подвигахъ чешскихъ студентовъ, которые суть ни что̀ иное какъ демонстраціи то тамъ, то здѣсь, тогда вы невольно пожимаете плечами и искренно жалѣете что столько нравственной силы тратится по-пусту.

VII.

На водахъ.

Всѣ цѣлительныя воды въ Германіи имѣютъ три главныя особенности: 1) скверныхъ докторовъ, 2) предурную пищу и 3) изобиліе Русскихъ.

Я сказалъ бы 4) скуку, еслибы не былъ убѣжденъ что изъ всѣхъ вещей относительныхъ скука самая относительная. „Пойдемъ въ *Русланъ* и *Людмилу*“, говоритъ одинъ Петербуржецъ другому. „Ахъ, нѣтъ, какая скука!“ отвѣчаетъ этотъ другой: „пойдемъ-ка лучше въ Александринку на *Прекрасную Елену*“.—„Что̀, говорятъ у васъ о податной или военной реформѣ?“ спрашиваетъ одинъ соотечественникъ другаго; „Фуй, вотъ ужь скука!“ отвѣчаетъ ему другой: „побесѣдуемъ-ка лучше о балетѣ“.

Думаю что при такихъ условіяхъ нельзя не признать скуку понятіемъ весьма эластичнымъ.

Замѣчательно что три изъ этихъ отличительныхъ свойствъ германскихъ водъ въ прямомъ противорѣчіи съ практическимъ здравымъ смысломъ.

Гдѣ бы быть хорошимъ докторамъ какъ не тамъ гдѣ столько съѣзжается больныхъ и гдѣ отъ вопросовъ: „что мнѣ пить?“ „сколько пить?“ „не довольно ли?“ и т. д. зависятъ столько жизней. На всѣ эти вопросы отвѣчаютъ вамъ доктора составившіе себѣ репутацію, но къ сожалѣнію, за немногими исключеніями, главнымъ образомъ шарлатанствомъ.

То же и относительно пищи. Казалось бы нигдѣ человѣческій организмъ, воспринимающій въ себя необъятное количество воды, такъ не нуждается въ здоровой пищѣ, какъ на мѣстѣ этихъ вливаній, а между тѣмъ вы здѣсь все получите кромѣ свѣжей и здоровой пищи. Спросите, почему же это? Я полагаю что главная причина заключается въ томъ что дурная пища есть принадлежность жизни всей Германіи, и что Нѣмцу никогда не придетъ въ голову мысль сдѣлать иностранцу то что онъ самъ для себя не дѣлаетъ. Это послѣднее свойство присуще только намъ. Но почему же у Нѣмцевъ пища дурна? вопросъ этотъ рѣшить положительно трудно. Полагать надо отъ того что для Нѣмца, какъ говоритъ Гейне въ своихъ письмахъ объ Англіи, нѣтъ настоящаго; для него все или прошедшее или будущее, а такъ какъ гастрономическая забота о пищѣ есть прежде всего забота настоящаго, то, поелику ея нѣтъ,—и пища всегда дурна.

Но всего болѣе противорѣчитъ здравому смыслу изобиліе Русскихъ на водахъ Германіи. „Помилуйте“, говорятъ имъ Нѣмцы: „да что вы тутъ дѣлаете когда у васъ столько замѣчательныхъ минеральныхъ водъ для всякаго рода болѣзней?“ —„Да, есть“, отвѣчаемъ мы, „да только не устроены, рискуешь или опиться или умереть съ голоду“.—„Ахъ эти Русскіе“, говоритъ тогда про себя Нѣмецъ, „что у нихъ ни есть, все не устроено“, и начинаетъ такого Нѣмца сильно разбирать охота поѣхать въ Россію и эксплуатировать это неустройство, тѣмъ болѣе что Русскій отвѣтившій такъ Нѣмцу прибавляетъ неминуемо: „у насъ ничего не умѣютъ устраивать.“

Дѣло въ томъ что дѣйствительно вопросъ о нашихъ водахъ это дилемма призванная, кажется, очень еще долго оставаться таковою. Воды не устроены потому что никто на нихъ не ѣздитъ, а никто на нихъ не ѣздитъ потому что онѣ не устрое-

ны. А если кто и ѣздитъ, то въ такомъ мелкомъ чинѣ что устраивать для него воды—не стоитъ!

Вотъ почему, сидя однажды утромъ у одного изъ источниковъ мѣстечка Ф. я долго размышлялъ объ этомъ предметѣ и пришелъ къ слѣдующимъ двумъ заключеніямъ. Первое: попросить всѣхъ начальниковъ отдѣленій заболѣть хоть на одинъ годъ разными болѣзнями, потомъ устроить войну по всей Германіи, такъ чтобы на каждомъ мѣстечкѣ съ источникомъ минеральныхъ водъ было маленькое сраженіе; тогда всѣ наши начальники отдѣленій должны будутъ поѣхать на разныя русскія воды, и вслѣдствіе этого, такъ какъ каждому изъ нихъ будетъ угрожать смерть отъ перепитія водъ или отъ голода, неизбѣжно каждый напишетъ проектъ объ устройствѣ водъ, и воды будутъ устроены; это одинъ способъ.

Другой способъ проще: кликнуть во всѣхъ газетахъ Европы кличъ Нѣмцамъ объ отдачѣ имъ на арендное содержаніе всѣхъ нашихъ минеральныхъ водъ, съ условіемъ ихъ устроить съ возможнымъ комфортомъ, какъ если бы дѣло шло объ удобствахъ не столько Русскихъ, сколько Нѣмцевъ.

Итакъ, милыхъ нашихъ соотечественниковъ тьма-тмущая на всѣхъ водахъ Германіи. Если въ комъ и нѣтъ болѣзни, онъ непремѣнно ее придумаетъ, и если докторъ не знаетъ куда послать, онъ самъ его надоумитъ у какого источника искать исцѣленія.

На водахъ, какъ и вездѣ впрочемъ за границей, Русскіе отличаются своими особенными, имъ свойственными чертами. „Плюю я на всѣ ваши мѣстные порядки и обычаи, чортъ мнѣ въ томъ что всѣ такъ дѣлаютъ, не хочу повиноваться да и только“, и разныя въ этомъ родѣ милыя рѣчи выражаютъ собою умственное настроеніе нашей колоніи.

По плеванью на всѣ порядки и обычаи Русскіе на чужбинѣ братья.

Живутъ они всѣ вмѣстѣ, но не коммуной, а какъ грибы, особыми группами; бѣлые или отборные отдѣльно, потомъ подосинники и березовые—въ переносномъ смыслѣ чиновники покрупнѣе — всѣ вмѣстѣ, потомъ сыроѣшки или мелкій людъ, тоже вмѣстѣ; иногда скуки ради грибъ одного сорта перебѣгаетъ въ другую группу, но едва послѣдній стаканъ выпитъ, какъ бѣлый грибъ даетъ понять березовому что ты молъ все-таки не изъ нашихъ, а потому ко мнѣ въ

Петербургѣ и не помышляй являться; развѣ мнѣ будетъ крайняя нужда, тогда потребую.

Какъ ѣзжали дѣды наши на долгихъ по землѣ русской, такъ мы, ихъ милые внуки, доселѣ ухитряемся ѣздить по чужимъ землямъ. Бывало чуть ли не всю Русь, какъ она есть, широкую и размашистую, укладывали въ необъятный бездонный тарантасъ, въ необъятную и бездонную кибитку, и валяй, а глядишь, ловкѣка спустя изловчился нашъ братъ соотечественникъ ту же широкую размашистую Русь тащить съ собою въ вагонахъ и переносить въ любой крошечный узенькій міръ нѣмецкаго городишки. Ужь такова видно натура. Кому вездѣ тѣсно? Русскому! Кому все не по праву? Русскому! Кто раскладывается такъ что голова покоится въ одной комнатѣ, туловище въ другой, а ноги въ третьей? Русскій, все Русскій!

И ужь надо признаться, сущая онъ напасть для Нѣмцевъ, вездѣ гдѣ появляется, если Нѣмецъ не можетъ извлечь изъ него выгоды, какъ домохозяинъ или торговецъ, а просто призванъ жить подъ однимъ съ нимъ небомъ.

Нѣмецъ въ головѣ своей не можетъ сложить понятія о томъ что что-нибудь можетъ-быть слишкомъ дешево; для него все дорого, отъ бумажной нитки до куска золота. А если вы услышите въ магазинѣ или лавочкѣ что кто-нибудь говоритъ: „ach! wie billig“ (восклицаніе: *ахъ*, на всѣхъ языкахъ есть первый признакъ Русскаго), тогда вы можете смѣло къ нему подойти, протянуть руку и сказать: здравствуй соотечественникъ или соотечественница, откуда? и т. д.

Оттого легко себѣ представить какъ выгодно торговцамъ отъ этихъ восклицаній нашихъ соотечественниковъ, и какъ напротивъ Нѣмецъ проклинаетъ судьбу занесшую въ его уголокъ людей находящихъ все дешевымъ и портящихъ цѣны на все что продается.

Ну и признаться надо, инымъ изъ соотечественниковъ, болѣе благоразумнымъ и небогатымъ, не совсѣмъ-то благопріятно отъ розмаховъ широкой натуры собратіи. Напримѣръ: всѣ совѣтуются съ докторами при источникахъ, во время питья водъ; оно просто, удобно и дешево; кончится сезонъ, и докторъ, протягивая въ послѣдній разъ руку, получаетъ въ нее десять гульденовъ, кладетъ гонорарій въ карманъ, и очень счастливъ. А Русскіе! какъ можно! помилуйте; вотъ еще, стану я совѣтоваться съ докторомъ въ толпѣ, вмѣстѣ съ

какою-нибудь Нѣмчурой, подавайте-ка мнѣ доктора на домъ, да еще самаго плутоватаго. И вотъ ходитъ докторъ и ходитъ по домамъ Русскихъ, и вотъ платятъ и платятъ Русскіе докторамъ небывалыя цѣны за визиты, и очень довольны тѣмъ что отличаются этимъ отъ простыхъ смертныхъ. Вслѣдствіе этого докторъ смотритъ на каждаго Русскаго какъ на главную статью дохода, или говоря стилемъ сельскаго хозяйства, какъ на дойную корову, а тотъ несчастный Русскій который доить себя дать не можетъ, ну тотъ хоть помирай, а докторъ его знать не хочетъ!

Вторую отличительную черту нашихъ милыхъ соотечественниковъ, кто ее также не знаетъ? Казалось бы видя ихъ какъ грибовъ вмѣстѣ, слѣдуетъ радоваться, ибо если ужь у себя дома не дано имъ наслаждаться этимъ сожитіемъ, то все же хоть на чужбинѣ они братаются, каждый въ своемъ кружкѣ! Увы, увы! и тутъ горькое, да еще прегорькое разочарованіе! Сидятъ-то они вмѣстѣ, но пока Нѣмки чулокъ вяжутъ, а Нѣмцы толкуютъ про прошедшее или будущее, Русскіе заняты однимъ: ругаютъ своихъ и свое съ немилосердымъ ожесточеніемъ. Пройдетъ Русскій незнакомый, выругаютъ за то что не знакомъ; подойдетъ знакомый, присядетъ, посидитъ, посидитъ и уйдетъ, начнутъ ругать его за то что̀ сказалъ, а если ничего не сказалъ, то за то что̀ могъ или хотѣлъ сказать.

Но это еще ничего: пускай бранятся между собою; а вотъ что̀ скверно, когда милые соотечественники сводятъ знакомство съ иностранцами и иностранками, и при каждомъ случаѣ, начиная разговоръ такъ: „bei uns“, то-есть „а вотъ у насъ“, заводятъ такую брань на все родное, что иностранецъ не знаетъ какъ быть: повѣрить и поддакивать—значитъ обидѣть національную гордость (ничуть не бывало) собесѣдника; не повѣрить—значитъ обидѣть его подозрѣніемъ что онъ лжетъ! Кто не знаетъ надпись на Дельфійскомъ храмѣ. Мнѣ пришло въ голову что еслибы храмъ этотъ строили Русскіе, они неминуемо надписали бы: „ругай самого себя“, что̀ очевидно совсѣмъ не то же самое что „познай самого себя“.

Изъ любви къ соотечественникамъ замѣчу что въ гигіеническомъ отношеніи ругать все родное во время лѣченія водами весьма вредно, а потому кто изъ нихъ хочетъ серіозно лѣчиться, тому совѣтуемъ избѣгать своихъ соотечествен-

никовъ какого бы ранга и пола они ни были.

Медицина водъ, какъ извѣстно, раздѣлила жизнь человѣка на водахъ на двѣ половины, весьма неравныя. Въ одну половину, которую назвала *curmässig*, то-есть съ водами сообразную, она включила все непріятное для человѣка, разсматриваемаго какъ существо любящее наслаждаться жизнію. Напротивъ, вторую половину жизни, пріятную, а именно романы и страсти, все соленое, сырое и кислое, умственную работу и т. д., предписывается оставлять за порогомъ всякой германской Виѳезды, ибо что контрабанда и называется *nicht curmässig*, то-есть съ лѣченіемъ несообразное.

Легко понять что когда нѣмецкіе эскулапы сочиняли это дѣленіе жизни и правила для лѣченія водами, ни одному изъ нихъ не могло прійти въ голову что явятся паціенты такой націи для которыхъ ругать свое отечество и своихъ соотечественниковъ со страстію и съ постоянствомъ составляетъ удовольствіе стоящее всякаго успѣха въ любви и столь же вредно дѣйствующее на лѣченіе водами, какъ свѣжая земляника или самыя овощи. Они бы и это назвали nicht curmässig für die Russen. Тогда бы къ надписи у воротъ одного водолѣчебнаго заведенія въ Швейцаріи, гласящей такъ: „здѣсь запрещается говорить про политику, про религію и про свои болѣзни“, его учредители прибавили: „а Русскимъ про свою отчизну и своихъ соотчичей“. А пока этого нѣтъ, нѣтъ и житья отъ нашей брани. И благо еще еслибы самихъ себя бранили, а то нѣтъ, какъ можно! все скверно кромѣ того что я дѣлаю; всѣ дураки кромѣ меня одного!

VIII.

То же мѣстечко. Іюнь 1871 года.

Есть двѣ торжественныя эпохи дня на водахъ. Обѣимъ аккомпанируетъ музыка; одна во время питья водъ, отъ 6ти до 8ми часовъ утра, другая вечеромъ отъ $4^1/_2$ до 6ти часовъ; это эпоха спокойнаго, пріятнаго отдыха и всеобщаго перевариванья дня, съ его испитыми водами и съѣденнымъ дурнымъ обѣдомъ.

Первая эпоха въ разговорномъ отношеніи рѣзко отличается отъ второй. Главный и единственный даже предметъ разговора въ первую торжественную эпоху есть желудокъ; всѣ ду-

мы и житейскія заботы сосредоточиваются на этомъ другѣ человѣчества. Обыкновенно разговоръ начинается такъ:

— Ну, что вашъ желудокъ?

— Ничего, плохо; а вашъ?

— Тоже плохъ.

И начинаются объясненія въ чемъ онъ плохъ.

— Быть не можетъ! Вы какую воду пьете?

— Такую-то.

— А я такую-то! Да вообще, признаться сказать, я чувствую себя Богъ знаетъ какъ скверно. По утрамъ встанешь, горечь во рту; попьешь воды, тошнитъ; выйдешь изъ ванны, хоть ложись умирай, такая беретъ слабость; вечеромъ смерть какъ хочется спать, а ляжешь, не спится.

— Ну, вообразите, точь-въ-точь что у меня, да въ добавокъ вотъ рожу вздуло, должно-быть отъ душа! А кто вашъ докторъ?

— К., дуракъ набитый и шарлатанъ вдобавокъ; а вашъ?

— Ужь не говорите, Г., такая свинья, Жидъ проклятый, что право не понимаешь какъ это такихъ негодяевъ можно держать на водахъ, и вѣдь грабитъ, просто грабитъ бестія.

— Вообразите, въ какомъ я-то положеніи, говоритъ, вмѣшиваясь въ разговоръ третій паціентъ,—началъ я пить Bitterquelle, прекрасно, попилъ два дня: запоръ страшнѣйшій, приливы въ голову до одуренія: мой докторъ велитъ пить Marienquelle; пью Marienquelle—еще хуже, такъ чиститъ что не знаю куда дѣваться, слабость, апатія страшная; прихожу къ доктору, онъ велитъ пить Peterquelle вмѣстѣ съ Johannsquelle, начинаю пить и это—и что бы вы думали, черезъ день, то страшныя спазмы, колики, то головокруженіе, тошнота, горечь во рту, подкашиванье ногъ! Что дѣлать, думаю я, иду къ доктору. Вообразите, онъ велѣлъ мнѣ пить всѣ пять источниковъ заразъ, а, каково?

— И вы пьете?

— Еще бы, ужь если пріѣхалъ, такъ надо пить!

— Да, ужь съ этими докторами ничего не подѣлаешь.

И расходятся кійждо къ своему источнику безсонницъ головокруженій и тому подобныхъ пріятныхъ ощущеній.

Вся тайна этого питья заключается на днѣ стакана; выпьетъ паціентъ, посмотритъ въ донышко, и фигура доктора въ ней явится въ видѣ миленькаго ангельчика, говорящаго „А, вы это все чувствуете? Ну, это хорошо, очень хорошо, значитъ вода дѣйствуетъ, польза не вдругъ приходитъ,

а постепенно, мѣсяца чрезъ три вы увидите какъ поправитесь".

Въ пять часовъ вечера все кругомъ музыки облекается въ нарядное одѣяніе, представители всѣхъ націй сидятъ за столиками и отдѣльными группами пьютъ кофе и шеколадъ; отъ Америки до Испаніи все тутъ есть. Недоставало двухъ только націй: французской и англійской. Французамъ было вѣроятно не до лѣченія. Англичане не лѣчатся вообще водами, а желѣзными въ особенности, бо́льшее сравнительно съ другими націями количество желѣза въ крови есть именно то что̀ составляетъ суть ихъ національности. Англичанинъ малокровный перестаетъ быть Англичаниномъ, такъ же точно какъ Русскій съ избыткомъ желѣза въ крови дѣлается или Петромъ Великимъ или перестаетъ быть Русскимъ.

Но оставимте пока націи намъ чуждыя и познакомимся поближе съ нашими милыми соотечественниками, о которыхъ въ прошломъ письмѣ я говорилъ вообще.

Графъ Черносливовъ ходитъ взадъ и впередъ съ моимъ милымъ чиновникомъ-мальчикомъ.

Послѣдній познакомился съ графомъ слѣдующимъ образомъ. Онъ очень любитъ grand monde, хотя къ нему и не принадлежитъ; все титулованное пріятно щекочетъ ушко моего чиновника прогресиста, вслѣдствіе чего въ книгу гостей онъ самъ вписалъ себя такъ: Staats-Rath, Kammerjunker am Hofe des Kaisers von Russland, Cavalerie von verschiedenen Decorationen und Order, im Russischen Staatsdienste ehrlicher Beamte etc, etc, etc. Узнавъ что графъ Черносливовъ пріѣхалъ съ супругой и дѣтьми, онъ къ нему явился, и несмотря на то что графъ просто себѣ офицеръ въ отставкѣ, мой штатскій, но юный бригадиръ сказалъ ему: „Имѣю честь представиться, Иванъ Семеновичъ Худокопытовъ, статскій совѣтникъ, Русскій". Графъ протянулъ Худокопытову руку, и съ тѣхъ поръ послѣдній все ходитъ по вечерамъ съ графомъ, а по утрамъ сопутствуетъ графинѣ по магазинамъ и говоритъ ей сладкія вещи, прибавляя къ каждой изъ нихъ слово „comtesse", да притомъ всегда настолько громко чтобы всѣ это могли слышать.

Итакъ оба ходятъ взадъ и впередъ у музыки и разговариваютъ.

— Порядочнымъ людямъ развѣ у насъ можно служить? говоритъ графъ,—посмотрите-ка, кого у насъ двигаютъ....

— Да-съ, оно такъ-то такъ, но все-таки, какъ бы вамъ сказать, ну, отчего бы и вамъ не послужить, ну если не въ военной, то все-таки въ гражданской службѣ.

— Нѣтъ, ужь покорно васъ благодарю, я кланяться не умѣю.

— Да вамъ и не нужно, графъ, кланяться, помилуйте, вамъ поклонятся, если захотите служить. Вѣдь вотъ въ этомъ-то вся наша бѣда, что люди какъ вы такъ разсуждаютъ, оттого поневолѣ приходится подвигать всякаго Иванова и Петрова. Помилуйте, у васъ все есть, вы вѣроятно были въ университетѣ....

— Я? Нѣтъ, я прямо юнкеромъ въ полкъ поступилъ.

— Ну, да это не все ли равно; у васъ прекрасное положеніе, связи, имя, состояніе, чего же больше, ну, какъ же вамъ не грѣшно послѣ этого не служить? Какую пользу вы могли бы принести!...

— Да, я полагаю что я не хуже другаго могъ бы служить, способности есть, но, какъ я вамъ сказалъ, порядочнымъ людямъ на службѣ не везетъ.

— Но, знаете, не всегда это зависитъ чистѣйшимъ образомъ отъ обстоятельствъ: вотъ я, напримѣръ; вамъ скажу, я одно время тоже такъ думалъ, и дѣйствительно, можете себѣ представить, когда былъ министромъ Корытовъ, то-есть какъ будто меня въ министерствѣ совсѣмъ не было, а теперь, возьмите, я въ три года получилъ четыре чина, и слава Богу, не могу жаловаться, приношу пользу, насколько это отъ меня зависитъ; разумѣется будь я самостоятеленъ, я бы могъ гораздо больше сдѣлать, но все-таки кое-что дѣлаю....

— Ну, ужь это ваше особенное такое счастье....

— Да что̀ далеко искать, по-моему вы бы могли напримѣръ поступить въ министерство внутреннихъ дѣлъ, прекрасное министерство, два-три года послужили, а тамъ и въ губернаторы.

— Вы думаете? спросилъ покручивая усъ графъ, выражавшій своею физіономіей что онъ ужь немного сбитъ, и что предметъ этотъ начинаетъ ему показываться съ другой его стороны, пріятной.

— Помилуйте, я въ этомъ даже увѣренъ. Это общественная у насъ потребность—хорошіе губернаторы! Ну, кого у насъ теперь не назначаютъ въ губернаторы, вѣдь это просто срамъ; пора бы порядочныхъ людей сажать на эти мѣста, и если только вы захотите, я вамъ ручаюсь что васъ станутъ

просить о томъ чтобы вы приняли это мѣсто. И притомъ знаете что я вамъ скажу: я вотъ въ прошломъ году ѣздилъ по Россіи и видѣлъ близко всѣ эти вещи, губернаторское мѣсто очень интересно, какъ сфера дѣятельности....

— Вы думаете?

— Да я вамъ даже больше скажу: не будь я въ моемъ министерствѣ, я сейчасъ бы пошелъ въ губернаторы....

Въ это время подошла графиня съ вопросомъ: о чемъ это вы толкуете?

— Я вашего мужа уговариваю, comtesse, въ губернаторы идти.

— Ой нѣтъ, ни за что! Я ему уже сказала: до тѣхъ поръ пока у насъ не будетъ конституціи, я ему запрещаю служить, а вотъ когда у насъ будетъ какъ въ Англіи, ну тогда,—мой мужъ не дурно говоритъ,—онъ можетъ быть членомъ палаты лордовъ ... на это я согласна.

— То само по себѣ, а теперь, право, comtesse, грѣшно такимъ людямъ не служить, ей-Богу! Россія нуждается въ людяхъ. Вообразите, мы каждый день чувствуемъ что нѣтъ людей и только, что прикажете дѣлать?

И всѣ трое направились дальше.

Прелесть что за разговоръ! Человѣкъ ни на что негодный, потому что ничему не учился, вмѣсто того чтобы приняться за какое-нибудь дѣло и потомъ разсуждать о томъ широка или узка на Руси дорога для способныхъ людей, убаюкиваетъ себя тѣмъ что онъ дескать кланяться не хочетъ, а потому служить нигдѣ не можетъ, впрочемъ, если Русь обратится въ этого чиновника-мальчика и станетъ очень усердно о томъ его, графа, просить, онъ пожалуй не прочь взять мѣсто губернатора.

Графиня, жена его, не иначе хочетъ позволить мужу служить на Руси какъ на скамьѣ палаты лордовъ!

А чиновникъ-мальчикъ, въ три года схватившій четыре чина, этотъ новѣйшій типъ земли Русской, съ умственнымъ кругозоромъ не больше вицмундирной пуговицы его фрака, а съ претензіями въ величину Восточнаго океана, онъ не только не удивляется нелѣпости судьбы, на смѣхъ всему міру и наперекоръ здравому смыслу дѣлающей изъ него серіознаго дѣятеля, нѣтъ, нисколько; напротивъ, онъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ требуетъ отъ этой шутихи-судьбы еще бо́льшаго. Такіе люди — это стрѣлы пущенныя вверхъ безъ цѣли; достигши крайняго предѣла въ своемъ полетѣ, они въ правѣ спросить себя: если такъ высоко мы пущены, зачѣмъ не

выше еще? Вмѣсто отвѣта, они рано или поздно падаютъ обратно внизъ. Полетъ ихъ ничего не производитъ кромѣ разрѣза воздуха.

Подъ деревцомъ сидитъ группа четырехъ русскихъ мущинъ и двухъ дамъ. Трое между ними военныхъ.

Разговоръ шелъ слѣдующій:

— И побьютъ, непремѣнно побьютъ, вотъ увидите, говорилъ одинъ изъ военныхъ.

— Кого?

— Кого? Насъ, разумѣется; гдѣ намъ съ Прусаками тягаться.

— Ну, Богъ знаетъ, сказалъ одинъ изъ штатскихъ, — война вѣдь будетъ не два-три сраженія, а народная, страшная война, рѣзня славянскаго племени съ нѣмецкимъ; это не то что Французы!

— Какая чортъ народная война! Теперь народныхъ войнъ не бываетъ. Теперь дѣло очень просто; двѣ недѣли всего и времени-то нужно: привезли триста тысячъ войска, отколотили, то-есть что-называется въ щепки, заняли двѣ-три провинціи, вотъ вамъ и вся штука!

— Да, и я того мнѣнія; намъ не справиться съ Прусаками; съ Австрійцами еще куда ни шло.... сказалъ другой военный.

— И то не справимся, перебилъ первый,—ну вотъ увидите, не справимся; у нихъ, я вамъ скажу, офицеры куда какъ лучше нашихъ, а у насъ что? Офицеръ, вѣдь это тотъ же солдатъ, только что въ эполетахъ, ничего не знаетъ, да и знать-то ему откуда?...

— Ну нѣтъ, Степанъ Степановичъ, перебилъ штатскій,— ужь вы черезчуръ; солдатъ нашъ это не то что Австріецъ....

— Да, голубчикъ ты мой, не въ солдатѣ совсѣмъ дѣло. Что солдатъ? или онъ цѣлитъ, или въ него цѣлятъ, больше ровно ничего; у кого больше солдатъ цѣлятъ, тотъ и побѣдилъ; а вся штука въ томъ чтобы солдатъ такъ вести, да въ такія позиціи ставить, чтобы было легче ему цѣлить, чѣмъ въ него цѣлить, понимаете ли вы? А для этого надо офицеровъ дѣльныхъ, ученыхъ, развитыхъ, да не одного, двухъ, а цѣлый корпусъ, тысячи и тысячи, а гдѣ вы ихъ возьмете? Поищите-ка!...

Дама перебила офицера.

— Ну, полноте, надоѣли вы съ вашими военными разговорами; ну побьютъ такъ побьютъ, велика бѣда; теперь военная славачистый вздоръ.

— Ну нѣтъ, сударыня, не вздоръ, сказалъ штатскій.

— Ахъ, Боже, Николай Иванычъ, какой вы несносный; поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. А propos, вы знаете что я изучаю здѣсь нѣмецкихъ барынь, и все болѣе и болѣе убѣждаюсь что онѣ намъ и въ подметки не годятся.

— Будто? возразилъ одинъ изъ военныхъ, — вотъ такъ новость!

— Честное слово, правда! Куда здѣсь ни заглянешь, вообразите, только и слышишь что бабьи толки про хозяйство, про дѣтей, mein Kind, mein Kind, lernen, essen, и больше ничего, просто иной разъ тошнитъ, ей-Богу! А о сферѣ нашей современной женщины, объ ея призваніи даже понятія не имѣютъ.

— А я такъ думаю что не оттого ли и поколотили Нѣмцы такими молодцами Французовъ что у нихъ бабы все толкуютъ про хозяйство, насмѣшливо пробормоталъ штатскій.

— Ну, ужъ вы съ вашими ретроградными понятіями ничего живаго и понять даже не можете, сказала дама.

— Это вы съ досады, Марья Ивановна, все говорите, я вѣдь вашихъ современныхъ женщинъ у-у-у! какъ знаю; кого женихомъ Богъ обидѣлъ, кого дѣтьми, вотъ онѣ съ досады и изобрѣтаютъ разные женскіе вопросы....

— Удивительно какъ остроумно!...

Въ это время толпа дѣтей завизжала такъ что заглушила даже оркестръ. Дальнѣйшаго разговора слышать я не могъ. Но и этого отрывка было достаточно.

Какъ жаль что нѣтъ водъ исцѣляющихъ болѣзнь именуемую на Руси *женскимъ вопросомъ!*

Но женскій вопросъ, Богъ съ нимъ. Я думаю что штатскій господинъ замѣтилъ довольно вѣрно что главная причина зарождающая эту болѣзнь это ни что иное какъ досада и злоба женщинъ не наслаждающихся супружескимъ и материнскимъ счастіемъ на женщинъ наслаждающихся этими благами.

Я зналъ одну барышню которая тридцати двухъ лѣтъ говорила такъ: „Призваніе женщины съ каждымъ годомъ расширяется въ своей области: вчера эта область была кухня, завтра это будетъ—человѣчество!“ Сама того не замѣчая, по мѣрѣ того какъ проходили годы, а жениха все не было, она расширяла въ своемъ воображеніи кругъ дѣятельности женщины—себѣ въ утѣшеніе.

Недавно она нашла жениха, а теперь въ интересномъ положеніи. Случилось ее увидѣть и услышать отъ нея слѣдующія

слова, когда рѣчь зашла о женскомъ вопросѣ: „у женщины нѣтъ другихъ обязанностей какъ къ мужу и дѣтямъ.“

Подошелъ я къ группѣ двухъ знакомыхъ помѣщиковъ и третьяго незнакомаго.

— О чемъ бесѣдовать изволите? спросилъ я своихъ знакомыхъ.

— Да вотъ матушку Россею ругаемъ, сказалъ одинъ помѣщикъ.

— За что? спросилъ я.

— Да такъ!

— Отъ нечего дѣлать, прибавилъ незнакомый мнѣ соотечественникъ.

Тутъ знакомый помѣщикъ познакомилъ меня съ незнакомымъ.

— А вѣдь знаете что? шутки въ сторону! Ну какъ не ругать нашу родину, въ особенности когда находишься за границей, началъ второй помѣщикъ. Что ни тронь, о чемъ ни заговоришь со здѣшнимъ народомъ, просто себѣ и хорошо, а у насъ, до чего ни коснись, все скверно.... и вѣдь возьмите, какъ здѣсь все дешево, люди все порядочные, трезвые, честные, а у насъ-то....

— Все негодяи? спросилъ я.

— Не все, а много-таки есть этого народа.

На это я разказалъ маленькій эпизодъ изъ моихъ заграничныхъ скитаній. Сидѣлъ я года четыре назадъ на террасѣ у одного ресторана въ Парижѣ на Champs Elysées. Народу было множество; за мною сидѣла группа изъ пятерыхъ человѣкъ; четверо было Французовъ и одинъ нашъ соотечественникъ, котораго я узналъ въ лицо. Разговоръ зашелъ о таможняхъ на границахъ. Одинъ изъ Французовъ разказывалъ про тѣ непріятности которыя онъ претерпѣлъ на австрійской таможнѣ, и затѣмъ сказалъ: „Я полагаю что развѣ только въ Россіи да въ Турціи хуже.“ Очень было бы естественно соотечественнику моему вступиться за русскую таможню, которая и тогда уже была весьма хороша во многихъ отношеніяхъ. Ни чуть не бывало; онъ глупо улыбнулся, и къ удивленію моему, вдругъ два изъ сидѣвшихъ Французовъ возстали и очень энергично стали доказывать что русскіе таможенные чиновники—это жемчугъ изъ всѣхъ таможенныхъ управленій въ Европѣ, и было бы величайшимъ счастіемъ если бы французское могло хотя на одну четверть быть похоже на русское!

Легко себѣ представить какъ еще глупѣе была въ эту минуту фигура нашего соотечественника, предъ двумя Французами, вступившимися за честь нашей таможни. Вотъ вамъ, сказалъ я, маленькій примѣръ того что и у насъ не все скверно. Я нарочно сослался на Французовъ, чтобы вы не заподозрили меня въ пристрастіи.

— Есть и у насъ честные люди, есть, какъ не быть, никто не споритъ, сказалъ одинъ изъ помѣщиковъ,—да что толку въ нихъ?

— Одно что у насъ лучше, надо правду сказать, прервалъ его другой,—это пища. Кормятъ здѣсь больно скверно....

Мы всѣ засмѣялись. Не головоломная была похвала матушкѣ Руси.

Потелъ я затѣмъ опять бродить. Подходитъ одинъ генералъ военный, тоже изъ Русскихъ, къ другому генералу изъ штатскихъ, и завязывается слѣдующій разговоръ:

— Въ читальнѣ были? спрашиваетъ военный генералъ.

— Сейчасъ оттуда.

— Ну что новаго?

— Да что! все пожары, да убійства, да крушенія на желѣзныхъ дорогахъ; а тамъ еще Нечаевское дѣло!

— Я съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ Россіи, сказалъ себѣ что ни одной русской газеты въ руки не возьму, чтобы не портить себѣ кровь!

— И хорошо дѣлаете, сказалъ штатскій генералъ.

Отошелъ. Вдали увидѣлъ своего милаго юношу-чиновника; онъ жарко спорилъ съ чиновникомъ другаго министерства. Подхожу; рѣчь идетъ о Нечаевскомъ дѣлѣ. Чиновникъ одного министерства доказываетъ что наша полиція ни къ чорту не годится, а чиновникъ другаго министерства доказываетъ что нашъ личный составъ слѣдователей ниже всякой критики.

— Да помилуйте, я всю Россію изъѣздилъ, и слѣдственную часть знаю какъ свои пять пальцевъ; если хотите я вамъ даже могу прислать мой отчетъ, вы увидите сами какъ слѣдственная часть у насъ хороша....

— Да полноте, пожалуста, что вы мнѣ говорите, я, славу Богу, не меньше вашего знаю Россію, и могу вамъ поручиться за полицію, что въ девяти десятыхъ Россіи она очень хороша, я вамъ пришлю, если не вѣрите, мое подробное донесеніе министру, и вы увидите что она почище вашихъ слѣдователей.

Отошелъ. Дѣти играли и рѣзвились кругомъ меня. Подхожу къ нимъ, слушаю, русская рѣчь доходитъ изъ толпы; прислушиваюсь не ругаютъ ли и они бѣдную отчизну. Нѣтъ, толкуютъ о мячикѣ! Ну слава Богу!

Уходя, встрѣчаю старушку соотечественницу, лѣтъ около шестидесяти пяти. Спрашиваю какъ поживаетъ.

— Да слава Богу, грущу только.

— А что? спросилъ я, подумавъ: ужь не опять ли Россія виновата?

— Да вотъ не получила письма отъ мужа; вчера было письмо, и третьяго дня было, а сегодня нѣтъ.

— Такъ оттого вамъ грустно?

— Еще бы. Я дня не могу жить безъ его писемъ.

Слава Тебѣ Господи, подумалъ я, уходя. Дѣти заняты мячикомъ, старухи любовью къ мужьямъ!

Бѣдная Русь не совсѣмъ погибла.

IX.

Тамъ же.

Прошелъ одинъ изъ многихъ однообразныхъ дней на водахъ. Ночная темь спускалась на наше мѣстечко; воздухъ былъ чудесно теплъ и душистъ. Жизнь начинала замирать повсюду кругомъ, и съ каждою минутой становилась все слабѣе и тише. Прямо предъ окнами небосклонъ запирали послѣдніе отростки Богемскихъ горъ, и едва успѣли потемнѣть ихъ очертанія, какъ изъ-за нихъ сталъ подыматься багровый шаръ: то всходила луна.

У открытаго окна сидѣло насъ двое Русскихъ. Разговоръ нашъ замеръ, какъ будто повинуясь волшебному вліянію наступавшей повсюду ночной тишины.

Собесѣдникъ мой сидѣлъ на окнѣ, и взглядъ его стремился въ даль съ выраженіемъ глубокаго раздумья.

Человѣку этому было болѣе пятидесяти лѣтъ. То былъ одинъ изъ замѣчательныхъ умовъ земли Русской. Былъ ли онъ изгнанникъ? Былъ ли онъ изъ тайныхъ враговъ своей родины? Былъ ли онъ одинъ изъ тѣхъ недовольныхъ которые запускаютъ бороду въ знакъ презрѣнія своего ко времени?

Нѣтъ. То былъ просто русскій земскій человѣкъ, про котораго мой чиновникъ-прогрессистъ, увидѣвъ его на прогулкѣ вчера вечеромъ, сказалъ мнѣ: „да, умный, но *опасный* человѣкъ: онъ красный.“ Страстная любовь къ родинѣ была двига-

вигателемъ всей его жизни съ молодыхъ лѣтъ. Въ каждомъ изъ великихъ дѣлъ послѣднихъ 15 лѣтъ онъ былъ работникомъ, работникомъ выходившимъ рано утромъ и уходившимъ съ работы позже другихъ, но тайно, вскользь, безъ шума и треска, которые означаютъ: „Это я сдѣлалъ, слышите? давайте мнѣ награды.“ Нѣтъ, онъ этого не могъ сказать, потому что не понималъ даже какъ это дѣлается.

Это нашъ красный, подумалъ я, глядя на посѣдѣвшаго въ жизненномъ бою воина-гражданина, и невольно вызвалъ мысленно ему подъ пару моего чиновника-мальчика, быстро идущаго вверхъ по іерархической лѣстницѣ, и съ высоты своего величія ищущаго для Россіи и въ Россіи людей. О судьба! какъ ты иногда странно шутишь, подставляя пигмея къ гиганту, и, увидѣвъ между ними разницу, гиганту говоришь: иди внизъ, а пигмею велишь идти вверхъ—зачѣмъ? кому отъ этого польза?

„Въ Россіи нѣтъ людей“, слышу я повсюду; но такъ ли? Вотъ человѣкъ! изъ того закала изъ котораго дѣлаетъ судьба великихъ гражданъ-дѣятелей; и не одинъ онъ, есть на Руси гиганты подобные ему; клянусь вамъ, есть, я ихъ видѣлъ. Жизнь ея не изсякла, поколѣнія созидавшія великіе характеры временъ Іоанна IV, Алексѣя Михайловича, Петра Великаго, Екатерины Великой, Александра I не вымерли, но увы! вся бѣда въ томъ что чиновниковъ ищущихъ людей и пишущихъ отчеты о своихъ разысканіяхъ черезчуръ расплодилось; еще немного, и они ухитрятся застлать собою солнце и начнутъ кричать: гдѣ солнце? его нѣтъ!

Но возвращаюсь къ моему гражданину. Онъ изъ красныхъ, говоритъ про него со свойственнымъ ей легкомысліемъ молва.—Но вѣдь и солнце когда встаетъ — красно, луна, предъ нами выходившая изъ-за горъ, была багрова, природа вся въ минуту солнечнаго восхода, каждый листочекъ, каждая травка окрашиваются краснымъ свѣтомъ. Игра на это слово меня приводитъ къ мысли: не то же ли и человѣкъ? на веснѣ жизни, на разсвѣтѣ ея, если въ немъ есть огонь, онъ *красенъ*! Окраска этимъ цвѣтомъ его духовнаго существа означаетъ что свобода и ея стремленія дѣлаются его инстинктомъ, его нравственною потребностью, его любимою мечтой.

Человѣкъ который созрѣлъ, не бывъ въ молодости краснымъ, и не переживъ этотъ періодъ душевнаго состоянія, дѣлается дряблымъ и завянувшимъ существомъ, годнымъ для

чернильнаго міра, но не годнымъ для труда самостоятельнаго.

Но кто рѣшится это состояніе юнаго ума назвать опаснымъ и вреднымъ, и дать ему кровавое значеніе красноты Маратовъ и Робеспьеровъ? Развѣ только тотъ кто способенъ разливъ утренней зари принять за пожаръ.

Молодой человѣкъ у котораго мысль свободна какъ воздухъ, свободна потому что она есть его сущность, печать отмѣчающая его какъ благороднѣйшее созданіе Божьей мысли, разъ что онъ посвящаетъ эту мысль труду, и труду общественному, серіозному, государственному, такой человѣкъ никогда не можетъ быть опасенъ, напротивъ, онъ всегда полезенъ, онъ всегда нуженъ; свободная мысль облагораживаетъ все его нравственное существо, дѣлаетъ его неспособнымъ на полюбовныя сдѣлки съ совѣстью, мѣшаетъ ему обратиться въ формалиста-чиновника, отстраняетъ его отъ искушенія ставить почести выше чести, словомъ, дѣлаетъ изъ него самостоятельнаго, а не наемнаго слугу государства.

Но обыкновенно это безкорыстное служеніе свободѣ длится не долго и проходитъ вмѣстѣ съ первою молодостью. Рутина жизни создаетъ цѣлый міръ мелочей и подробностей, которыя, или всѣ вмѣстѣ, или поодиночкѣ, изъ человѣка дѣлаютъ раба; ему остается въ утѣшеніе одно лишь воспоминаніе той благородной свободы которую когда-то онъ такъ любилъ. Человѣкъ дѣлается добрымъ семьяниномъ, мирнымъ чиновникомъ, но ужь онъ не боецъ, не воинъ; его жизнь ужь не поле битвы, а мирная, спокойная дорога отъ востока къ западу. Времени, когда бывало онъ, глядя на крестъ, видѣлъ въ немъ эмблему распинанія себя за правду, пришло на смѣну другое время; крестъ для него уже орденъ, а орденъ имѣетъ степени, онъ мѣтитъ на высшую, а чѣмъ выше онъ мѣтитъ, тѣмъ дальше онъ уходитъ отъ самораспинанія.

Но блаженъ тотъ кто дожилъ до сѣдинъ и сберегъ отъ юности ея лучшее украшеніе, обожаніе свободы, свободы въ трудѣ, свободы въ отданіи себя въ цѣлости общественной пользѣ, свободы въ стойкомъ и мужественномъ отстаиваніи всѣхъ доблестей гражданина. Такіе люди рѣдки, и чѣмъ они рѣже, тѣмъ рѣзче ихъ отличіе отъ массы чиновниковъ въ пеленкахъ, тѣмъ непріятнѣе нашему брату на нихъ глядѣть, и тѣмъ больше слѣдовательно намъ искушеній сбереженную честную свободу назвать краснымъ и опаснымъ либерализмомъ.

И вотъ одинъ изъ этихъ людей, сберегшихъ сквозь годы, сквозь множество разнообразныхъ положеній жизни, сквозь бездну искушеній, звавшихъ его дать духу вздремнуть и цвѣту убѣжденій поблѣднѣть, свою любовь къ свободѣ мысли и къ самостоятельному труду, стоялъ предо мною и глядѣлъ на восходящій надъ Богемскими горами мѣсяцъ, съ тѣмъ же спокойствіемъ съ какимъ могъ глядѣть назадъ на каждый день прожитой имъ жизни.

Народы, какъ и человѣкъ, переживаютъ всѣ четыре времена года природы. Давно ли была наша весна, то чудное время когда новое дыханіе, подобно полету ангела, неслось надъ каждою пядью земли Русской, и на пути своемъ воскрешало души, воскрешало домы, воскрешало села, воскрешало области дивнымъ именемъ свободы, и вставали тьмы тысячей изъ вѣковыхъ гробницъ своихъ при звонѣ колоколовъ всѣхъ церквей Русскихъ; великое таинство свободы совершалось во храмѣ Божіемъ именемъ Царя, и тяжелыя, оковы спадавшія съ рукъ, спадавшія съ ногъ, снимались какъ будто посланными отъ Бога ангелами, безъ сотрясеній и крови, подъ сладкія пѣсни молитвъ.

Міръ, притая дыханіе, глядѣлъ на эту чудную весну народа Русскаго съ удивленіемъ, ибо никогда еще свобода не возвѣщалась такъ мирно и такъ просто.

Да! Это былъ одинъ изъ самыхъ яркихъ, одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ восходовъ какіе когда-либо міръ съ своего сотворенія видѣлъ.

Возможно ли послѣ этого думать чтобы среди тѣхъ кто этотъ восходъ видѣли, и видѣли глазами не чиновническими, а человѣческими, не нашлись такіе которыхъ это таинство не только поразило, но тронуло до глубины души, даже болѣе того, кого оно переродило и вдохновило безкорыстіемъ въ любви къ свободѣ. А между тѣми кому выпалъ жребій работать въ потѣ лица для этого дѣла, и работать не наемниками, не чиновниками, а съ убѣжденіемъ, съ любовью къ его зачинателю, съ вѣрованіемъ въ его силу, неужели не нашлись такіе которые, насладившись зрѣлищемъ 1861 года, гдѣ атомъ великаго совершеннаго былъ ихъ трудъ, не могутъ уже ничему другому отдавать свою душу, ни во что другое полагать свои вѣрованія?

И неужели такимъ немногимъ именно это и должно ставить въ вину? Неужели грозное слово „красный“ должно но-

ситься надъ ихъ головами за то что они всецѣло сберегли завѣтъ 1861 года, неужели они красны въ смыслѣ революціонеровъ, потому что вся ихъ духовная жизнь еще свѣжо оцвѣтена тѣми чудными красками зари, которыми десять лѣтъ назадъ горѣла вся Русь? Неужели наконецъ надежные и честные работники 1861 года сдѣлались въ 1871 опасными?

Нѣтъ, съ трудомъ этому вѣрится. Женщину разъ полюбленную не забываешь. Можно же ли забыть цѣлый завѣтъ страстныхъ ожиданій и святыхъ надеждъ которыя *сбылись*? Можно же ли забыть цѣлое исполинское дѣло, задуманное, рѣшенное и совершившееся во имя свободы и любви къ человѣчеству?

Вотъ почему мнѣ кажется что сто разъ опаснѣе тѣ которые потому забыли свѣжее прошедшее что ничего въ немъ не испытали; ибо если, переживая великое и славное, они ни того, ни другаго не видятъ и не понимаютъ, то столь же легко имъ видѣть опасное тамъ гдѣ безопасно, и безопасное тамъ гдѣ опасно.

На другой день мы сошлись съ этимъ опаснымъ въ читальнѣ Курзаля. Предъ нами лежали русскія газеты, а въ нихъ Нечаевское дѣло.

И этого дѣла дѣлатели красны, невольно подумалъ я. Гдѣ же правда? И стало грустно, и стало больно отъ постыднаго сближенія человѣка тридцать лѣтъ трудящагося на пользу своей родины съ горстью героевъ Нечаевскаго дѣла.

И въ самомъ дѣлѣ сближеніе странно. Удѣлъ одного—чистая какъ Божій день жизнь, и право на благодарность отъ государства за трудъ обращенный въ жизнь, и за жизнь обращенную въ трудъ. Удѣлъ другихъ—жизнь не начатая, а уже мрачная, бурная и праздная, и право на упрекъ отъ общества за безумную попытку направить жизнь наперекоръ здравому смыслу и нуждамъ времени.

Жаль что мы такъ легкомысленны въ опредѣленіи цвѣтовъ и направленій людей; очень жаль, ибо теперь, именно теперь, когда мы не прочь сомнѣваться во всемъ, въ томъ что̀ завѣщали намъ отцы и матери, въ томъ что̀ мы сами называли когда-то прекраснымъ и святымъ, въ томъ что̀ мы перечувствовали и перемыслили, въ томъ наконецъ что̀ составляло смыслъ нашего перехода отъ стараго завѣта къ новому, въ такое время, думается намъ, болѣе чѣмъ когда-либо нужны намъ тѣ люди труженики, сильные мыслію и твердые волей,

которыхъ мы называемъ „красными“ потому что мы ихъ не понимаемъ.

А понять ихъ надо, ибо въ день когда мы ихъ поймемъ, мы постигнемъ также что чѣмъ этихъ людей будетъ больше, тѣмъ Нечаевыхъ будетъ меньше.

X.

Гдѣ-то между небомъ и землей.

Вмѣсто предисловія.

Пора кончить. Но, скажете вы, любезные читатели, къ чему эти на лету схваченныя впечатлѣнія, зачѣмъ является этотъ юный чиновникъ, зачѣмъ эти подслушанные разговоры, къ чему эта фигура одного изъ опасныхъ?

Увы! во всемъ этомъ есть сторона серіозная. Серіозное именно и есть вопросъ: зачѣмъ все это? Но вопросъ обращенный не ко мнѣ, а къ лицамъ и мыслямъ которыхъ слегка я коснулся въ моихъ эскизахъ. Да! Зачѣмъ мой мальчикъ-чиновникъ является Діогеномъ, зачѣмъ столько изъ нашихъ соотечественниковъ являются за границей разноциками всѣхъ возможныхъ браней на бѣдную свою родину, зачѣмъ этотъ человѣкъ труда и мысли, проникнутый зиждительными началами жизни своего отечества, является опаснымъ, а мальчикъ-чиновникъ надежнымъ человѣкомъ; зачѣмъ наконецъ въ томъ мірѣ гдѣ я писалъ эти строки, всего этого нѣтъ, все это немыслимо?

Милые соотечественники, вы, что̀ такъ легки на полетъ за границу и такъ тяжелы на подъемъ у себя дома, вы, что̀ находите что даже заграничный комаръ звучнѣе жужжитъ роднаго, вы, что̀ восхищаетесь всѣмъ за границей и все отъ громадныхъ зданій администраціи до паутины мельчайшаго изъ пауковъ, называете совершенствомъ, а сами творите такъ мало и все творимое у насъ находите глупымъ и гадкимъ, — скажите, задавали ли вы себѣ когда-нибудь вопросъ, да не какъ-нибудь, а ясно и отчетливо: да въ чемъ же именно заключается различіе между нашею жизнью и заграничною?

Само собою разумѣется что̀ дѣло идетъ не о лицѣ, не объ одеждѣ, но о предметахъ различія болѣе серіозныхъ.

Вы скажете можетъ-быть, какъ мой чиновникъ-мальчикъ:

„помилуйте, какъ чѣмъ? всѣмъ!“ Надо чтобы различіе это было выражено точно и называло предметы ихъ именемъ.

Богатырское *уууфъ*! сказалъ все тотъ же мой герой, юноша-чиновникъ, изо всей маленькой своей груди, когда онъ переѣхалъ границу, и помчался dahin, dahin, wo die Zitronen blühen, отдыхать *на свободѣ*! Я подчеркнулъ это слово, ибо пришелъ въ голову вопросъ: не въ этомъ ли сущность различія между нашею и заграничною жизнью: у насъ меньше свободы, тамъ больше. О нѣтъ, читатель: если ты такъ думаешь, ты ошибаешься: знаешь ли ты что нигдѣ нѣтъ такъ много свободы какъ у насъ? Тебя это смущаетъ, пугаетъ, коробитъ даже быть-можетъ, но это такъ. Знаешь ли ты что Америка можетъ намъ позавидовать въ этомъ отношеніи, если.... если наша свобода можетъ ее прельстить?

Да-съ, милые читатели; кто знакомъ съ жизнью на Руси, тотъ приходитъ къ убѣжденію что у насъ столько свободы, что мы не знаемъ куда ее дѣвать, а черезъ это подъ-часъ не знаемъ куда намъ самимъ дѣваться; нами овладѣваетъ извѣстнаго рода болѣзнь, которую можно назвать тоской *по порядку*, и встрѣчая его именно за границей, мы говоримъ: *уууфъ*! и какъ будто находимъ покой, исцѣленіе отъ нашей томительной тоски.

Начнемъ съ чего хотите чтобъ убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Возьмемте напримѣръ семейство. Дѣти въ ученическомъ возрастѣ свободны учиться или не учиться, дѣти вообще свободны безусловно въ своихъ отношеніяхъ къ родителямъ, къ наставникамъ, къ кому хотите; подъ-часъ они присвоиваютъ себѣ право даже не уважать ихъ; даже болѣе того: дитя высѣченное въ правѣ сослаться на права свои гражданина и жаловаться на отца или учителя мировому судьѣ! Мальчикъ 17 лѣтъ получаетъ полную свободу какъ гражданинъ, помимо всякихъ законовъ о совершеннолѣтіи! „Что твой директоръ?“ спрашивалъ при мнѣ одинъ мальчикъ постарше (лѣтъ 15) другаго (лѣтъ 12), въ разговорѣ о школѣ; „ничего“, отвѣтилъ онъ, „хорошій человѣкъ, но онъ слишкомъ *фантазируетъ*: онъ хочетъ чтобы мы учились какъ учатся ученые, *а мы этого не хотимъ*.“

Но пойдемте дальше. Женщина ,изъ-за которой у насъ поднято столько женскихъ вопросовъ, знаете ли вы что вѣдь въ сущности она свободна до того что можетъ сказать: я не женщина, вздоръ, я не призвана ни къ супружеству, ни къ

материнской жизни,—я къ высшему призванію предназначена! Женщина у насъ свободна быть *фиктивною* въ роли жены, въ роли матери, въ роли самой женщины. Она въ иныхъ сферахъ свободна даже то что вездѣ именуется развратомъ объявить *принципомъ общежитія*! А отцы наши и матери, сколько есть такихъ которые признаютъ своимъ правомъ полнѣйшую свободу воспитывать дѣтей или не воспитывать, раздѣлять съ ними отвѣтственность за нихъ, или не раздѣлять!

Войдемте въ военный міръ: развѣ любой офицеръ, кончившій 17ти лѣтъ курсъ ученія, не вполнѣ свободенъ ровно ничего не дѣлать, и внѣ часовъ посвящаемыхъ на фронтовую обязательную службу, кутить, кутить, и кутить безъ малѣйшаго страха нарушить какую бы то ни было обязанность? Развѣ онъ не свободенъ шагать впередъ ничего не дѣлая? Согласитесь что уже одно то что свободою у насъ начинаютъ пользоваться съ 17 и 16 лѣтъ, не стѣсняясь никакими началами общежитія *укрощающими*, доказываетъ ясно что свободы у насъ много.

Войду я въ любой департаментъ. Такъ и пахнётъ на меня свободой! „Когда пріѣзжаетъ Иванъ Ивановичъ?“ спрашиваю я; „Да когда вздумается“, отвѣчаютъ мнѣ; „иной разъ въ два, иной разъ въ три, какъ придется, а иной разъ случается такъ что совсѣмъ не пріѣзжаетъ.“ Начинаю колаться въ бумагахъ, воображая себѣ что я главный ревизоръ всѣхъ департаментовъ. Смотрю: здѣсь маленькая, тамъ побольше попытка обойти законъ, и вѣдь какъ ловко.... свобода, думаю я, свобода, и здѣсь ты царствуешь....

Дай-ка окунусь просто въ жизнь, на улицѣ, въ домѣ, въ Петроградѣ или Царевококшайскѣ, все равно, вездѣ меня поражаетъ свобода полная, ничѣмъ не стѣсняемая. Протянута веревка съ надписью: „здѣсь ходить нельзя“, и съ двумя сторожами въ дополненіе къ запретительной надписи; подхожу, пячусь назадъ; не смѣю, запрещено, и не пойду; вдругъ что же я вижу: подходитъ офицеръ: „я офицеръ, пусти“, проходитъ; подходитъ генералъ: „я генералъ, пусти“, проходитъ; подходитъ человѣкъ со звѣздой и съ нимъ дама: „я со звѣздою, а дама со мною, пусти“, проходятъ; считаю: прошло черезъ веревку 101; не прошло 11! Очевидно опять свобода нарушать законъ почти полная!

Эпизодъ съ протянутою веревкой повторяется вездѣ куда я ни пойду, въ видѣ ли нарушенія закона или въ видѣ скач-

ка черезъ протянутую веревку, все равно. Хочу, повинуюсь закону, не хочу—не повинуюсь. Оттого, признаюсь, нигдѣ какъ въ отчизнѣ не удивляло меня безцеремонное обращеніе съ закономъ, изъ чего опять заключаю что нигдѣ нѣтъ такой свободы полной какъ въ Россіи.

Но, скажете вы, а печать наша развѣ она свободна? Развѣ за границей она не сто разъ свободнѣе?

О нѣтъ, милые читатели, нѣтъ! могу васъ въ томъ увѣрить! Еще живо у каждаго въ памяти преданіе о томъ времени когда у насъ была строгая, наистрожайшая предварительная цензура, которой подчинялись сочиненія Пушкина столько же какъ и похоронныя приглашенія и транспаранты; и что же? то что писалъ Герценъ въ *Колоколѣ*, то между строками читалось въ книгѣ, одобренной цензурой, съ тою только разницей что Герценъ писалъ съ огромнымъ талантомъ, и въ талантѣ своемъ находилъ извѣстныя преграды, далѣе которыхъ идти не могъ; а между строками нашей цензурованной печати свобода говорить дошла до такихъ размѣровъ что растлила цѣлое поколѣніе молодежи, разрушила всѣ преграды для праздномыслія, осмѣивала все что попадало подъ руку державшую перо, и внесла въ жизнь такую ложь, такое искривленіе и искаженіе началъ что даже иныя аберраціи ума въ самую бурную эпоху революціи 1793 года кажутся скромными въ сравненіи съ дерзостью въ области мышленія иныхъ изъ нашихъ цензурой одобренныхъ мыслителей давно, къ счастью, минувшаго времени.

А теперь неужели, слыша съ одной стороны жалобы на стѣсненіе будто бы у насъ печати, съ другой стороны вы не поражаетесь тѣмъ что свобода заграничной печати просто рабство въ сравненіи съ нашею? Хочешь писать, ничего не зная, ничего не читавши—пиши, съ увѣренностію найти читателей, и чѣмъ смѣлѣе будешь себя провозглашать авторитетомъ, въ замѣнъ всемірныхъ авторитетовъ, въ замѣнъ законовъ изъ всѣхъ областей прожитой міромъ жизни, тѣмъ больше у тебя будетъ почитетелей, тѣмъ несомнѣннѣе твой успѣхъ.

А вѣдь за границей наоборотъ. Множество обязанностей обусловливаютъ собою положеніе всякаго пишущаго для гласности. Буде онъ хоть одну изъ нихъ нарушитъ, его перестанутъ читать.

Изъ этого я тоже заключаю что свободы у насъ гораздо больше чѣмъ за границей.

Итакъ скажу съ чего началъ: кто полагаетъ что сущность различія между нашею и заграничною жизнію заключается въ большей тамъ свободѣ чѣмъ у насъ, тотъ не правъ. Надо искать различія въ чемъ либо-другомъ.

Свободы у насъ, сказалъ я, несравненно больше чѣмъ за границей, но свобода эта, увы! свобода безпорядка, свобода часовъ то отстающихъ, то идущихъ впередъ.

Вотъ почему, когда вы входите всѣмъ своимъ существомъ въ заграничную жизнь, вы испытываете впечатлѣніе человѣка внезапно переходящаго изъ разношерстной толпы въ комнату гдѣ все прибрано, все спокойно, все на своемъ мѣстѣ, отъ хозяина и хозяйки васъ встрѣчающихъ, до комара напѣвающаго вамъ на ухо свою монотонную пѣснь.

Вы перешли отъ безпорядка свободы къ порядку, и все что въ силу порядка является стѣсненіемъ свободы, дѣйствуетъ на васъ таинственнымъ вѣяніемъ спокойствія.

Но что же это за безпорядокъ? Спѣшу объясниться, чтобы не подумали что я, подобно моимъ героямъ-соотечественникамъ которыхъ я коснулся въ № VIII эскизовъ, безпорядокъ этотъ у насъ приписывалъ присутствію или отсутствію полиціи, или тому или другому департаменту. Администрація не имѣетъ ничего общаго съ этимъ безпорядкомъ.

Безпорядокъ,—это мы, наши умы, наша внутренняя жизнь, нашъ домъ, среди котораго комаръ хочетъ быть мухой, муха—пчелой, пчела—паукомъ и такъ далѣе, и гдѣ вслѣдствіе этого много шуму, много движеній и передвиженій, но весьма мало гармоніи: комаръ жужжитъ мухой, муха поетъ комаромъ, муравей бросаетъ свой муравейникъ и берется строить пчельникъ. Остановите такого муравья или такую муху и спросите ихъ: „что вы дѣлаете?“ Оба вамъ пожалуются на безпорядокъ и неизбѣжно прибавятъ: „правительство виновато“, что весьма съ ихъ стороны естественно, ибо разъ что каждый изъ нихъ уже не на своемъ мѣстѣ, прежде всего онъ утрачиваетъ способность вѣрно судить причины и ихъ послѣдствія, и очень радъ на кого-нибудь свалить обузу отвѣтственности за безпорядокъ. Безпорядокъ у себя дома ввели мы безсознательно, и безпорядокъ въ обоихъ этажахъ, въ верхнемъ, то-есть въ умѣ, и въ бель-этажѣ, то-есть въ душѣ; оттого у насъ недостаетъ того что бросается въ глаза за границей, *сознательнаго служенія каждаго лица порядку самостоятельно.* Въ этомъ вся сущность различія.

У насъ гражданинъ задаетъ гражданину вопросъ: „гдѣ вы служите?“ За границей же спрашиваютъ: „что вы дѣлаете?“ Эти два выраженія характеризуютъ обѣ нравственныя и общественныя жизни. Въ вопросѣ: „гдѣ вы служите?“ заключается понятіе зависимости отъ мѣста или лица; въ вопросѣ: „что вы дѣлаете?“ напротивъ, понятіе самостоятельнаго служенія идеѣ, порядку, труду! Служа мѣсту или лицу, я свободенъ промѣнять служеніе принципамъ на служеніе личнымъ интересамъ или капризамъ, моимъ или чужимъ, все равно; тамъ гдѣ я служу дѣлу, я обязанъ служить его идеямъ, его принципамъ, ибо иначе дѣло каждаго пострадаетъ отъ моего нарушенія обязанности.

И вотъ уже потому именно что я служу лицу или мѣсту, вмѣсто того чтобы служить порядку, я произвожу безпорядокъ, я причина безпорядка, а обязанность служить порядку и охранять его я преспокойно слагаю съ себя и всецѣло переношу на правительство. Не я, а оно должно служить тѣмъ идеямъ которымъ за границей служатъ люди.

Но какія же это идеи?

Думаю что скажу не новость, если скажу что этихъ идей три: *религія*, *нравственность* и *патріотизмъ*. Религія ложится въ основу государства; нравственность является тѣмъ началомъ которое вноситъ религію въ государственный строй, начиная съ семьи и кончая обществомъ, и проникаетъ собою всѣ проявленія жизни и всѣ взаимныя отношенія людей. Нравственность это то начало которое совмѣщаетъ государство съ религіей. Наконецъ патріотизмъ, это двигатель всей государственной жизни, это та идея которая объединяетъ всѣхъ членовъ государства и сливаетъ ихъ дѣйствія, и приводитъ ихъ самостоятельно и сознательно къ одной цѣли—благосостоянію своего государства. Кто рѣшится сказать что государство безъ какого-либо изъ этихъ трехъ началъ можетъ существовать съ прочною будущностью впереди?

Государство въ плоть и кровь котораго входятъ эти три идеи,—это корабль съ надежнымъ и вѣрно разчитаннымъ балластомъ на его днѣ, который можетъ смѣло идти въ море, на встрѣчу бурямъ и невзгодамъ.

Наоборотъ, государство гдѣ одна изъ этихъ трехъ идей перестаетъ быть главною похоже на корабль въ основѣ коего часть балласта сдвинута съ мѣста, и гдѣ слѣдовательно есть постоянная угроза опасности отъ нарушеннаго равновѣсія.

Вглядываясь ближе въ нашу жизнь, я представляю себѣ ее кораблемъ гигантомъ, гдѣ молодцы-богатыри матросы хотятъ своими подвигами возстановлять равновѣсіе, и замѣнять собою вѣрную укладку балласта, сдвинутаго когда-то. Вѣтра нѣтъ, погода ясная, а все корабль клонится то въ одну, то въ другую сторону, и все на немъ слышится суета въ экипажѣ, и вездѣ признаки чего-то безпокойнаго, чего-то лихорадочнаго; всѣ взоры устремлены на матросовъ, и съ досадой хочется крикнуть: да не въ нихъ дѣло! Смотрите на дно судна, балластъ сдвинутъ съ своего мѣста! А когда я смотрю близко на Германію, мнѣ кажется она кораблемъ величественнымъ, спокойно и плавно идущимъ въ море: балластъ крѣпокъ и вѣренъ; команда не суетится, напротивъ каждый на своемъ мѣстѣ, каждый спокоенъ, ибо каждый сознаетъ отчетливо что онъ сдѣлалъ и что будетъ дѣлать; ничего непредвидѣннаго не можетъ случиться. И этою картиной я любуюсь, но любуясь чувствую что сердце сжимается, ибо она еще живѣе переноситъ меня въ мою родину, гдѣ я еще явственнѣе постигаю то различіе надъ которымъ задумываюсь.

Да, и у насъ есть религія въ основѣ жизни нашего народа; есть нравственность официально признанная государственною жизнію; есть наконецъ и патріотизмъ. Но чего у насъ нѣтъ, увы! это объединенія этихъ трехъ главныхъ идей въ нераздѣльное цѣлое; чего у насъ нѣтъ, увы! это служенія каждаго изъ насъ и всѣхъ вмѣстѣ этимъ тремъ идеямъ исключительно. Есть минуты когда у насъ ставятъ вопросительный знакъ предъ фразой: нужна ли религія? есть минуты когда мы спрашиваемъ: нуженъ ли патріотизмъ?

Но, спросите вы, отчего же у насъ нѣтъ служенія этимъ идеямъ? Отвѣтъ простой: насколько онѣ есть въ нашей исторіи, въ нашей внутренней инстинктивно или исторически развивающейся народной жизни, настолько ихъ нѣтъ въ насъ самихъ.

Но почему же у насъ нѣтъ этихъ идей?

И здѣсь отвѣтъ простой. Потому, увы, что у насъ нѣтъ образованія. Сочетаніе этихъ идей составляетъ сущность образованія каждаго народа.

Наше образованіе является ни общечеловѣческимъ, ни русскимъ; оно просто принадлежность административнаго вѣдомства. Оно не даетъ у насъ ни крѣпкаго союза людей, въ

высокомъ и серіозномъ значеніи этого слова, ни гражданъ сильныхъ единомысліемъ.

Жизнь проникнутая этими тремя главными идеями является подвигомъ, удѣломъ замѣчательнаго человѣка, тогда какъ въ мірѣ гдѣ я пишу эти строки, она жизнь каждаго; у насъ патріотизмъ является, какъ на кораблѣ во время крушенія, внезапнымъ порывомъ охватывающимъ всѣхъ въ минуту опасности, тогда какъ въ германской жизни онъ присущее въ жизни начало, наравнѣ съ воздухомъ, наравнѣ со всѣми стихіями.

Жестоко ошибаются тѣ которые думаютъ что счастливая Германія празднуетъ нынѣ побѣду на полѣ битвы, нѣтъ! Ея праздникъ есть торжество ея образованія, торжество долгаго служенія каждаго изъ ея гражданъ великимъ идеямъ порядка, основаннаго на религіи, нравственности и патріотизмѣ.

И глядя на этотъ праздникъ, хотѣлось плакать, и плакать горько, плакать отъ мысли что тѣ великія идеи которыхъ здѣсь я вижу торжество, которыхъ здѣсь я ощущаю силу, у насъ не только не признаны, но подчасъ возбуждаютъ сомнѣніе, подчасъ смѣхъ, подчасъ просто отринуты.

Какая наша историческая задача въ будущемъ — Богъ одинъ знаетъ, но меня страшитъ это будущее, потому что мы такъ мало понимаемъ настоящее.

Мы смотримъ на событія этого настоящаго, не сознавая что никогда въ исторіи народовъ не дано было современникамъ столько уразумѣть поучительнаго какъ теперь.

Предъ нами Франція переживающая еще одинъ эпизодъ своей трагической новой исторіи, коей начало она съ гордостію называетъ великою революціей. Послѣдній ли это эпизодъ или нѣтъ, кто можетъ это знать? Но за то не знаемъ ли мы что со дня когда эта нація, провозгласивъ великія права человѣка, отвергла права Божіи, нравственная ея сила стала замирать, союзъ интеллигенціи народа съ народомъ разорванъ, отъ патріотизма остался дымъ, и великая когда-то нація дала міру позорное зрѣлище страны изнемогающей отъ рабства своимъ тиранамъ и рабства своимъ страстямъ.

А возлѣ Германія, эта мирная, тихая страна, чрезъ которую всѣ мы пробѣгали скучая и зѣвая, чтобъ опрометью стремиться во Францію и ея центръ, Парижъ, чтобы тамъ любоваться и наслаждаться цивилизаціей! Что дѣлала она пока корабль Франціи въ перемѣнахъ своихъ кормчихъ

думалъ найти равновѣсіе утраченное потерей груза? Она не кричала о великихъ правахъ человѣка, нѣтъ! Но съ воздухомъ они входили въ каждую хижину и въ каждый домъ. Не палачи провозглашали свободу въ потокахъ крови, нѣтъ! но матери и отцы въ домахъ, а учителя въ училищахъ открывали ее дѣтямъ въ бесѣдахъ, въ урокахъ, въ ежеминутномъ общеніи; не на улицахъ и не на площадяхъ кричали Нѣмцы про патріотизмъ, нѣтъ!—такъ же тихо и незамѣтно какъ вся жизнь въ Германіи, любовь къ своей странѣ, любовь къ своей народности входила въ нее всѣми отправленіями духовной жизни, начиная съ молитвы въ церквахъ и кончая веселою бесѣдой за кружкой пива.

Всѣ эти дѣйствія начинала семья: она влагала въ душу дитяти сѣмена религіи, нравственности и любви къ родинѣ, но не потому что такъ было приказано, а потому что того требовала жизнь. Затѣмъ школа была вторая ступень гдѣ дѣтямъ говорили то же, только подробнѣе и точнѣе, и опять же не по приказанію начальства, а подъ вліяніемъ обязанности которую учитель черпалъ изъ жизни его окружавшей, изъ своего собственнаго образованія.

А возлѣ, пока мать зорко слѣдила за тѣмъ чтобы душа дитяти была какъ ея домъ чиста, честна, прибрана и съ каждымъ предметомъ на своемъ мѣстѣ, а школа словами науки запечатлѣвала истину материнскаго вліянія, отецъ, съ своей стороны, приходилъ обоимъ на подмогу, давая собою, своею жизнію практическое объясненіе дитяти смысла жизни.

И вотъ дитя выросши и развившись возвращается въ домъ, и находя въ немъ полное согласованіе съ началами добытыми въ школѣ, крѣпнетъ въ нихъ на всю уже жизнь, и становится на свое мѣсто въ этой жизни, съ тѣми же понятіями о домѣ и жизни какія имѣли его отецъ, его мать, его учителя.

И такимъ простымъ и естественнымъ способомъ, преемственно изъ рода въ родъ, разставлялись дѣятели по своимъ мѣстамъ во всѣ области жизни, начиная съ сапожника и кончая министрами, все тѣ же совѣты твердили школы ученикамъ, начиная съ сельской и кончая университетомъ: будьте людьми, будьте гражданами, будьте христіанами, и подъ звуки все той же пѣсни, и неизмѣнной и старой, о чудо! поколѣнія все шли впередъ, жизнь двигалась, наука росла, литература расцвѣтала.

Чудо было просто: именно это-то совокупное, объединенное, самостоятельное дѣйствіе воспитанія семьи и школы, разставлявшее на всѣ общественныя мѣста и во всѣ семьи дѣятелей для служенія идеямъ религіи, нравственности и патріотизма, и создало такую жизнь гдѣ сила цивилизаціи оказалась тысячу разъ могущественнѣе и плодотворнѣе той которая во Франціи, при одинокихъ усиліяхъ отдѣльныхъ дѣятелей, не могла спасти націю отъ погибели.

Если мы не вѣримъ въ принципы и уроки исторіи, мы не можемъ не вѣрить въ то что̀ мы видимъ, въ то поразительное зрѣлище контраста между великими подвигами ума отдѣльныхъ тружениковъ области науки во Франціи, и грубымъ невѣжествомъ массы, и растлѣніемъ всѣхъ образованныхъ и полуобразованныхъ слоевъ ея общества.

Мы не можемъ тоже не вѣрить въ поразительный контрастъ между внутреннею жизнію Германіи и внутреннею жизнію Франціи.

Въ Германіи отъ крестьянина до Бисмарка всѣ на своихъ мѣстахъ, въ силу сознанія своего долга.

Во Франціи, несмотря на всѣ усилія правительства, все и всѣ не на своихъ мѣстахъ: нѣтъ гражданъ; всѣ или чиновники, или рабы.

Но увы! Мы все это отвергаемъ! Намъ любо говорить что Германія побѣдила Францію кулакомъ; намъ любо, подобно генералу моего перваго эскиза, приписывать всѣ событія случаю и говорить что наука вздоръ когда она обязываетъ насъ къ тому до чего мы не охотники!

Мы какъ будто боимся разглядывать слишкомъ близко все что̀ мы видѣли, изъ страха быть испуганными рукой чего-то болѣе ужаснаго, болѣе могучаго чѣмъ рокъ или судьба.

А между тѣмъ—надо, надо, надо подойти и взглянуть поближе въ событія нынѣшняго времени. Извѣстныя черты нашей нынѣшней общественной жизни до того похожи на французскую что невольно страшишься за будущее.

Совокупность этихъ извѣстныхъ чертъ, уподобляющихъ нашу мыслящую часть общества французскому, имѣетъ одну причину. Я ужь ее назвалъ. Это отсутствіе народнаго образованія, такъ высоко поднявшаго Германію. Не мало у насъ людей очень серіозно и искренно думающихъ что народное образованіе есть одно и то же что̀ обученіе крестьянскихъ

дѣтей грамотѣ. Чтобы такъ понимать это слово, надо, увы! весьма и весьма мало быть образованнымъ самому.

Народное образованіе, это тотъ процессъ посредствомъ котораго вышеназванныя мною три главныя идеи государства входятъ въ плоть и кровь каждаго начинающаго жить гражданина этого государства, и имѣетъ цѣлію одновременно воспитывать человѣка, гражданина и христіанина.

Представьте себѣ государство гдѣ этотъ процессъ совершается только администраціей, за неимѣніемъ въ странѣ охотниковъ имъ заняться въ средѣ отцовъ и матерей. Не должно ли изъ этого выйти то что всѣ дѣти получатъ превратное понятіе о христіанствѣ и о нравственности, и о патріотизмѣ, ибо первое реальное понятіе съ которымъ они сталкиваются въ жизни есть полнѣйшее равнодушіе ихъ отцовъ и матерей къ вопросамъ: что такое Богъ? что такое нравственность? что такое патріотизмъ? или, что то же, полнѣйшее противорѣчіе съ тѣмъ что чиновникъ, когда онъ добросовѣстенъ, преподаетъ имъ по необходимости, подъ именемъ понятій о религіи, о нравственности и о патріотизмѣ.

Мы толкуемъ о политикѣ, мы изнемогаемъ отъ писанія проектовъ и критики на того или другаго чиновника, мы немилосердо бранимъ другъ друга, мы говоримъ что Россія хаосъ, мы ищемъ повсюду покоя и его не находимъ, мы чувствуемъ что чего-то въ насъ недостаетъ, мы говоримъ на каждомъ шагу и при каждомъ случаѣ: въ Россіи нѣтъ талантовъ....

Но одного мы не говоримъ: мы необразованы, мы глубоко невѣжественны, мы безусловно равнодушны къ народному образованію въ области нашей дѣятельности; таланты суть продукты народнаго образованія; когда ихъ нѣтъ, значитъ нѣтъ народнаго образованія, ибо въ мірозданіи нѣтъ зачатія тамъ гдѣ нѣтъ сѣмени!

Дикій разгулъ мысли, о которомъ я сказалъ выше—свобода во всемъ, поставленная возлѣ тьмы невѣжества народа—есть такое же зрѣлище поразительнаго контраста какъ различіе между интеллигенціей Франціи и ея народомъ.

На этомъ сближеніи мы должны остановиться и долго-долго обдумывать что намъ дѣлать.

Взять ли народное образованіе въ свои руки, то-есть начать съ передѣлыванія себя самихъ, нашей уродливой жизни, нашихъ воззрѣній на жизнь и ея смыслъ, нашего равнодушія къ своему государству, или преспокойно продолжать

ожидать воспитанія дѣтей нашихъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, все на него сваливать, даже отцовскія и материнскія обязанности, а что касается нашей жизни вообще, сваливать все на всѣхъ чиновниковъ поодиночкѣ и въ совокупности, и затѣмъ, закрывъ глаза, сказать себѣ: будетъ что̀ будетъ?

Ну а если будетъ скверно?

Ну, тогда поможетъ патріотизмъ! онъ вспыхнетъ.

Ну, а если такъ случится что промежутокъ между двумя причинами внезапнаго пробужденія патріотизма будетъ настолько длиненъ что переживетъ цѣлое поколѣніе, и слѣдующее, какъ случилось во Франціи, успѣетъ растлѣть, тогда что̀?

Ну, тогда....

Здѣсь надо кончить. Знаю что за такую философію и за такіе эскизы меня осмѣютъ, и лобранятъ, но въ минуты жизни когда плачешь за родину, боишься за родину, страдаешь за родину, можно ли бояться насмѣшки и суда людей?

Я настолько видѣлъ Россію вблизи что знаю что я правъ. Опасность для насъ присуща и велика. Не только для борьбы, но для сожитія съ народомъ коего образованіе сильно, надо самому быть на уровнѣ его образованія; иначе мы будемъ приближаться къ состоянію Австріи, то-есть умирать безъ борьбы, отъ растлѣнія нравственнаго, при полномъ ходѣ наружныхъ матеріальныхъ отправленій.

Итакъ, на вопросъ: зачѣмъ мы все это написали? отвѣтъ слѣдующій: затѣмъ чтобы привести къ вопросу, какая разница между русскою и заграничною жизнью.

А на этотъ послѣдній вопросъ мы дали слѣдующій отвѣтъ; различіе въ томъ что у насъ народное образованіе есть дѣло только администраціи, а въ Германіи оно есть главная функція жизни самого народа.

А если нѣтъ самообразованія, то нѣтъ самодѣятельности, если нѣтъ самодѣятельности—нѣтъ самоуваженія.

Вмѣсто указателя содержанія.

1. Оттого такая куча нашихъ милыхъ соотечественниковъ таскается за границей и изобрѣтаетъ болѣзни, осмотры тюремъ и другіе предлоги, чтобы чувствовать потребность только поотдохнуть на чужбинѣ отъ утомительной своею безсодержательностью жизни у себя дома.

2. Оттого иные изъ чиновниковъ въ родѣ моего мальчика, такъ часто глядящіе важно, самодовольно и всевѣдущими, понастоящему должны были бы уничтожаться, плакать надъ собою и изумлять своимъ невѣжествомъ.

3. Оттого мыслимо у насъ что̀ у другихъ народовъ, даже у Французовъ, немыслимо,—пріятные и оживленные разговоры между Русскими на желѣзныхъ дорогахъ и водахъ Германіи о томъ какъ де насъ въ первую же войну поколотятъ.

4. Оттого когда мы ѣздимъ по Россіи, мы смотримъ на все насъ окружающее съ тѣмъ же чувствомъ съ какимъ мой мальчикъ-чиновникъ глядѣлъ изъ окна вагона на губерніи Петербургскую, Псковскую, Витебскую, Могилевскую, Гродненскую и Виленскую.

5. Оттого когда вы въ Варшавѣ спросите, какъ моя дама эскиза № II: „здѣсь говорятъ по-русски?“—вамъ посмотрятъ въ глаза и спросятъ васъ въ свою очередь: „что вы съ ума что ли сошли? Кому здѣсь говорить по-русски? Былъ какой-то клубъ русскій, да и тотъ осрамился.“

6. Оттого когда мы за границей, мы все замѣчаемъ кромѣ одного: презрѣнія къ намъ иностранцевъ за то что мы себя самихъ такъ мало уважаемъ.

7. Оттого намъ никогда не приходитъ въ голову мысль что презрѣніе это нами заслужено, ибо когда мы по всей вселенной разносимъ брань на нашихъ чиновниковъ, на наши учрежденія, на наши общественныя дѣла, то мы этимъ самихъ себя низводимъ до степени послѣдняго по уровню образованія государства, ибо вѣдь всѣ чиновники на Руси отъ мала до велика это мы, наши отцы, наши дѣти, наша плоть и наша кровь, всѣ ихъ дѣла наши дѣла — исчадія нашей мысли, плоды нашего образованія, и что поэтому если дѣйствительно мы такъ плохи какъ чиновники и дѣятели, то каждому изъ насъ надо приняться бранить не другихъ, а самого себя, и съ себя начать передѣлку и исправленіе для встрѣчи будущихъ судебъ нашего государства.

8. Оттого съ привитіемъ себѣ въ кровь привычки все ругать, могутъ у насъ быть судьями времени тѣ которые, какъ мой юный чиновникъ, болѣе другихъ ругаютъ и болѣе другихъ презираютъ все что̀ кругомъ ихъ дѣлается, и напротивъ отступаютъ на задній планъ тѣ которые, вмѣсто того чтобы все и всѣхъ ругать, являются честными и доблестными тружениками, какъ мой опасный эскиза № IX.

Наконецъ если меня спросятъ: да кто же эти „мы“, объяснитесь, неужели вся Россія? я осмѣлюсь высказать мысль еще болѣе дерзкую чѣмъ всѣ предыдущія: подъ словомъ „мы“ я разумѣю насъ Петербуржцевъ, такъ-называемыхъ образованныхъ мыслителей всѣхъ категорій.

Бывало, ѣдучи по Россіи, я поражался тѣмъ что въ сущности эта провинція, эта глушь, на которую мы, образованные люди, смотримъ съ такимъ презрѣніемъ, гораздо богаче народнымъ образованіемъ чѣмъ наша среда, и слѣдовательно ближе подходитъ жизнью своею къ Германской, чѣмъ наша.

Причина понятна. Процессъ развитія жизни въ провинціи чисто инстинктивный: здравый смыслъ и духъ народа это главные ея двигатели, къ нимъ присоединяются: семейная жизнь, мѣстная общественная, народная среда. Все это вмѣстѣ объединяетъ столько же интересы, сколько и воспитаніе въ одну среду. Оттого провинціалъ прошедшій жизненную школу въ своей глуши, даже когда онъ по-французски не говоритъ и похожъ на медвѣдя, гораздо менѣе отличается отъ туземца за границей, гораздо ближе къ европейской жизни, чѣмъ мы, такъ усердно стремящіеся быть похожими на Европейцевъ.

КН. В. МЕЩЕРСКІЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

Стр.

Уроки исторіи. Очерки современной Франціи. *Е. М. Өе-октистова* 5

Аспазія Ламприди. Греческая повѣсть. Окончаніе. *К. Н. Леонтьева* 72

Русскій торговый и военный флотъ. Гл. I—IV. *Х. М. Вольдемара* 100

Бѣсы. Романъ. Часть вторая. Гл. III—V. *Ѳ. М. Достоевскаго* 131

Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. (Заключеніе.) Гл. I. *Барона Ѳ. А. Бюллера.* 192

Илья Муромецъ. Стихотвореніе. *Графа А. К. Толстаго.* 218

Сватовство. Стихотвореніе. *Графа А. К. Толстаго* 220

Русскія желѣзныя дороги. *К. К. Пелисье* 229

Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 году и его пятничные литературные вечера. Гл. I—V. *Петербургскаго старожила В. Б.* 250

Иностранная литература 284

По поводу *Ежегодника министерства финансовъ. В. Р.* 305

Одинъ изъ многихъ. (Отвѣтъ г. Пыпину.) *П. К. Щебальскаго* 320

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

По волѣ судьбы. Романъ. Албани Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. Гл. I—X.

Приключенія Гарри Ричмонда. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. XLI—XLIII.

ОКТЯБРЬ.

Стр.

Русскій торговый и военный флотъ. Окончаніе. *Х. М. Вольдемара*..... 329

Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Гл. II—IV. *Барона Ѳ. А. Бюлера*..... 348

На ножахъ. Романъ. Окончаніе. *И. С. Лѣскова* (Стебницкаго)..... 393

Военныя поселенія и графъ Аракчеевъ. *П. К. Щебальскаго*. 485

Посланіе къ чиновнику-либералу отъ мирнаго обывателя. Стихотвореніе. *Б. Н. Алмазова*..... 537

Бѣсы. Романъ. Часть вторая. Гл. VI. *Ѳ. М. Достоевскаго*..... 550

Баллада съ тенденціей. Стихотвореніе. *Гр. А. К. Толстаго*. 593

Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 году и его пятничные литературные вечера. Гл. VI—IX. *Петербургскаго старожила В. Б*..... 599

Заграничные дорожные эскизы. *Кн. В. П. Мещерскаго*... 637

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

По волѣ судьбы. Романъ. Альбани Фонбланка. Переведъ съ англійскаго. Окончаніе.

Приключенія Гарри Ричмонда. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. XLIV—XLVII.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1872 году стóитъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ *.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. **, и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 75 к. ***.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

---

* ** *** Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почтѣ 8% подписной цѣны (съ доставкою), и сверхъ того платаза бандероль и печатный адресъ.

пользовался кредитомъ безъ всякихъ затрудненій, но когда исключеніе его имени изъ списка кандидатовъ въ прапорщики показало что „дѣло плохо“, кредитъ вдругъ прекратился.

Сердце мистрисъ Виллертонъ болѣло все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того какъ она открывала одинъ счетъ за другимъ. Что̀ дѣлать? Гдѣ Фредъ? Онъ не являлся домой послѣ своей постыдной неудачи. „О, если горе побудило его на какой-нибудь отчаянный поступокъ!“ рыдала несчастная мать. (Фредъ въ это время ѣхалъ съ миссъ Спрингъ въ Ричмондскій паркъ и намѣревался обѣдать съ ней въ лучшемъ ресторанѣ.)

Мистриссъ Виллертонъ, не зная что̀ дѣлать, посовѣтовалась съ братомъ.

— О, Бертрамъ, все это случилось по милости негоднаго Гилля. Онъ погубилъ моего бѣднаго мальчика. Что̀ скажетъ отецъ? Я убѣждена что онъ занималъ не для себя. Я давала ему много денегъ. Онъ занималъ для мистера Гилля, который, какъ онъ признался, страшный игрокъ. Мой бѣдный, бѣдный, обманутый мальчикъ, какъ его ограбили. Бертрамъ, рѣшительно нѣтъ возможности предположить что онъ бралъ всѣ эти вещи для себя.

Лордъ Гильтонъ былъ того же мнѣнія, въ особенности когда увидалъ въ счетѣ одного портнаго женскую амазонку, и прочелъ описаніе браслетовъ и серегъ взятыхъ у ювелировъ. Но онъ не сказалъ ни слова, и слушалъ какъ сестра срывала свой гнѣвъ на безлутномъ Джекѣ. Есть вещи которыхъ мы не рѣшаемся высказать даже нашимъ сестрамъ.

День проходилъ за днемъ, а Фредерикъ все не являлся. „Тамъ теперь страшная сумятица“, думалъ онъ, „а чтобъ и меня не впутали, лучше скрыться во̀-время“. Онъ переѣхалъ въ Бромптонъ и скрылся во̀-время. Отецъ, видѣвшій его въ продолженіи послѣдняго мѣсяца не болѣе шести разъ, не замѣчалъ его отсутствія или не находилъ ничего страннаго въ томъ что ему стыдно показаться. Спенсеръ Виллертонъ, такой смѣлый и энергичный общественный дѣятель, всегда готовый взглянуть прямо на затрудненія своей родины и своей партіи, не имѣлъ достаточно нравственнаго мужества чтобъ отыскать своего заблудшагося сына. Онъ видѣлъ что жена страдаетъ, но не зналъ и десятой доли причинъ ея страданія. Даже слуги знали болѣе чѣмъ онъ.

Въ чужихъ дѣлахъ лордъ Гильтонъ былъ человѣкъ практическій. Первымъ его совѣтомъ было послать объявленіе въ

газеты (онъ, какъ намъ извѣстно, вѣрилъ въ силу объявленій), приглашающее Фреда возвратиться, съ условіемъ что все будетъ забыто. Но мать Фреда на это не согласилась, на томъ основаніи что объявленіе можетъ попасться на глаза отцу (какъ будто онъ имѣлъ время читать объявленія). Вторымъ совѣтомъ лорда было поручить полицейскому отыскать Фреда. „О, нѣтъ, какой позоръ," отвѣчала мать. Дюжина другихъ совѣтовъ была встрѣчена подобными же возраженіями, и наконецъ бѣдная женщина для облегченія сердца накинулась опять на Джека Гилля; и можете быть увѣрены что „милѣйшая Матильда" усердно вторила ей. Констанція сказала что-то въ защиту Джека, и была съ позоромъ выслана изъ комнаты за свое неумѣстное вмѣшательство. Мери Эйльвардъ была видимо огорчена нападками на Джека, но не сказала ни слова. Она выжидала удобнаго времени. Что же касается хорошенькой, избалованной Милли, она старалась обратить все дѣло въ шутку. и объявила что презираетъ человѣка который не былъ въ молодости кутилой. Семьсотъ фунтовъ пустяки для мистрисъ Вилертонъ. Милли еще болѣе полюбила Фреда съ тѣхъ поръ какъ онъ разорвалъ свои пеленки.

— О, Милли, я заплатила бы хоть семь тысячъ, только бы онъ возвратился, рыдала бѣдная мать.—Развѣ мнѣ денегъ жаль? Меня страшитъ ужасное общество въ которомъ онъ вращается.

— Извините, милая тетушка, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, сказала Мери Эйльвардъ своимъ кроткимъ голосомъ.— Но мнѣ не вѣрится что мистеръ Гилль такъ безчестенъ какъ вы предполагаете.

— Развѣ вы его знаете?

— Очень мало, но достаточно чтобы надѣяться что вы ошибаетесь. Папа. обратилась она къ отцу,—свозите меня къ нему. Если онъ имѣетъ такое вліяніе на кузена, я увѣрена что онъ уговоритъ его вернуться домой, когда узнаетъ какъ страдаетъ его бѣдная мать. Онъ *не могъ бы* отказать.

— Какъ это похоже на тебя, Мери, сказалъ рѣзко отецъ.— Взять сторону негодяя, ѣхать къ нему и опозорить себя! И кто же знаетъ гдѣ его найти, прибавилъ онъ, сообразивъ что предложеніе дочери совсѣмъ не такъ дурно какъ ему показалось сначала.

— Онъ живетъ въ Клементсъ-Иннѣ, № 37.

— Какъ же ты узнала? спросилъ пораженный перъ.

— Когда я танцовала съ нимъ, онъ разказывалъ мнѣ о своей старой кормилицѣ, которая живетъ въ Соутерномѣ. Я написала ей, прося ее сообщить мнѣ его адресъ, и сейчасъ получила ея отвѣтъ.

— Честное слово, леди Мери Эйльвардъ, вы, кажется, очень заинтересованы мистеромъ Гиллемъ, сказалъ насмѣшливо отецъ.

— Я думала, кротко отвѣчала Мери,—что мы можемъ найти съ его помощью кузена, и.... и....

— И что? Скажи всѣ твои причины.

— Я думаю также что слѣдуетъ дать ему возможность оправдаться, прибавила Мери, поднявъ свои добрые глаза и не покраснѣвъ нисколько. Еслибъ она хотѣла открыть всѣ причины побудившія ее написать мистрисъ Проссеръ, она сказала бы: „Я сдѣлала это, мой милый, неосторожный папа, потому что знала что еслибы вы взяли это на себя, вы непремѣнно сказали бы что-нибудь обидное доброй старухѣ или заставили бы ее подумать что ея питомцу угрожаетъ опасность и не получили бы отвѣта“.

— Я конечно не повезу Мери въ Клементсъ. Нѣтъ, сказалъ подумавъ лордъ Гильтонъ сестрѣ,— но ея мысль чтобы кто-нибудь съѣздилъ къ Гиллю, очень не дурна. Не съѣздить ли мнѣ?

— О, еслибы ты съѣздилъ.

Мери ушла въ комнату Констанціи Конвей.

— Папа ѣдетъ къ мистеру Гиллю, сказала она,— и я увѣрена что мистеръ Гилль разсердится и не скажетъ ничего. Вы знаете какъ папа высокомѣренъ. О, Конъ, что намъ дѣлать?

— Напишемъ ему, разкажемъ ему все что они говорятъ о немъ, и попросимъ его, для его же пользы, не сердиться и оправдаться.

— Поздно, милая. Папа ѣдетъ сейчасъ. Тетушка приказала заложить для него карету, когда я выходила изъ комнаты.

— Въ такомъ случаѣ если Джекъ разсердится на лорда Гильтона и не скажетъ ничего, мы сами съѣздимъ къ нему, Мери. Онъ долженъ оправдаться, и оправдается.

— О, Конъ! Развѣ это прилично?

— Что прилично?

— Намъ ѣхать въ квартиру молодаго человѣка.

— Мнѣ все равно, прилично или неприлично, отвѣчала Кон-

станція.—Если вы не поѣдете со мной, Мери, я поѣду одна. Я не хочу чтобъ они смѣли бранить его какъ бранятъ теперь, онъ оправдается, прибавила она съ блескомъ въ глазахъ, и съ волненіемъ въ голосѣ.

Замѣчательно что имя Фредерика Виллертона не было ни разу упомянуто въ предыдущемъ разговорѣ, что вся забота молодыхъ дѣвушекъ состояла только въ томъ чтобы нашъ ни на что негодный могъ оправдаться, и что онѣ были вполнѣ убѣждены что онъ можетъ оправдаться, если только его не разсердятъ.

Джекъ Гилль работалъ надъ статьей для *Цензора*, въ комнатѣ Бекквиса. Бекквисъ сидѣлъ въ креслѣ у окна, съ Ваской на колѣняхъ. Былъ теплый, свѣтлый день. Скворецъ весело прыгалъ по брустверу, гоняясь за воробьями, которые, повидимому, были также нахлѣбниками его хозяина, и объявлялъ имъ съ жаромъ что онъ птица мистера Бекквиса, настоятельно требуя чтобъ они сказали ему чьи они птицы.

Бекквисъ былъ теперь внѣ опасности, но еще очень слабъ, такъ слабъ что не могъ переселиться въ квартиру Джека, которая была больше и лучше его квартиры. Послѣ многихъ стычекъ, онъ покорился предписаніямъ доктора и покинулъ мысль приняться немедленно за работу. Онъ началъ понимать нижняго жильца и помирился съ мыслію что Джекъ работалъ за него. Но онъ не зналъ что Джекъ самъ нуждается въ работѣ.

Входитъ Полли Secunda съ визитною карточкой, бережно обернутою концомъ фартука, между двумя сальными пальцами.

— Извините, мистеръ Гилль. Какой-то джентльменъ ждетъ васъ въ вашей комнатѣ.

Джекъ взялъ карточку, и взглянувъ на нее, испустилъ протяжный свистъ.

— Кто это? спросилъ Бекквисъ.

— О, не болѣе какъ лордъ, сказалъ Джекъ вставъ,—графъ Гильтонъ! Какого чорта понадобилось отъ меня графу Гильтону?

— Не лучше ли вамъ пойти и узнать.

— Мой безцѣнный другъ, возразилъ Джекъ,—у васъ начинаютъ появляться самыя блестящія мысли. Еслибы вы принимали аккуратнѣе рыбій жиръ, вы удивили бы всю вселенную. Я пойду и узнаю.

И онъ пошелъ, и увидавъ посѣтителя, воскликнулъ:

— О, мистеръ Эйльвардъ! Я думалъ, и онъ взглянулъ опять на карточку.

— Вы не знаете что ко мнѣ перешелъ Гильтонскій титулъ, сказалъ гость высокомѣрно.

— Извините, милордъ, я забылъ на минуту. Садитесь пожалуста.

— Нѣтъ, сэръ, возразилъ новый перъ,—мое посѣщеніе будетъ непродолжительно. Позвольте узнать, мистеръ Гилль, считаете-ли вы честнымъ и приличнымъ отвлекать молодаго человѣка отъ его семейства, вовлекать его въ безлутную жизнь, поощрять его пренебрегать ученіемъ, портить его будущность, терзать сердце его матери и, — и, — словомъ учить его чортъ знаетъ чему? Отвѣчайте мнѣ, сэръ!

Перъ довелъ себя до состоянія добродѣтельнаго негодованія, когда всходилъ на лѣстницу, и рѣшился ошеломить негодяя Гилля.

— Я нахожу лишнимъ отвѣчать на двусмысленные вопросы, сказалъ Джекъ улыбаясь,—но если вамъ угодно знать мое мнѣніе, то человѣкъ который способенъ на все исчисленное вами—перворазрядный негодяй.

— Гдѣ Фредерикъ Виллертонъ? спросилъ перъ торжественнымъ тономъ, скрестивъ руки на груди.

— А я почемъ знаю, отвѣчалъ Джекъ, поднявъ глаза.

— Молодой человѣкъ, продолжалъ лордъ Гильтонъ, и тонъ его съ минуты на минуту становился торжественнѣе.—Фредерикъ не являлся домой около двухъ недѣль. До тѣхъ поръ онъ проводилъ внѣ дома гораздо болѣе времени нежели подобаетъ молодому человѣку его лѣтъ. Онъ пренебрегалъ ученіемъ, проводилъ безсонныя ночи и оправдывалъ свои частыя отлучки изъ дома тѣмъ что проводилъ время въ вашемъ обществѣ.

— Онъ лгалъ, сказалъ Джекъ, ни мало не смущенный торжественнымъ тономъ.—Я не видалъ его со дня бала его матери.

— Долженъ ли я понять изъ вашихъ словъ, мистеръ Гилль, что вы не были съ нимъ на балахъ, что онъ не проводитъ ночь за ночью съ вами въ кутежахъ—ужь не помню съ какихъ поръ, что....

— Вы должны понять прямой смыслъ прямыхъ словъ, милордъ, прервалъ Джекъ, смотря лорду въ глаза такъ гордо какъ самъ лордъ едва ли умѣлъ смотрѣть.—Я уже сказалъ

вамъ что не видалъ Фредерика Виллертона со дня бала его матери, слѣдовательно болѣе трехъ недѣль.

— Можете.... можете вы доказать это, произнесъ лордъ Гильтонъ, покидая повелительный тонъ съ повелительными словами.

— Еслибы вы спросили меня хочу ли я доказать это, я отвѣтилъ бы вамъ что вы можете идти за доказательствами куда вамъ угодно.

— Мистеръ Гилль, сказалъ лордъ Гильтонъ, внезапно слуствившись съ пьедестала,—его бѣдная мать страдаетъ. Она моя сестра.

— А этотъ лгунишка вамъ племянникъ.

— Да, къ стыду моему. Мы вѣрили его словамъ и считали васъ его губителемъ. Мы были несправедливы къ вамъ, я это вижу, я въ этомъ увѣренъ. Будьте великодушны. Отплатите добромъ за зло, и помогите его бѣдной матери отыскать его.

— Что же онъ надѣлалъ? спросилъ Джекъ.

Лордъ Гильтонъ, теперь смиренный проситель предъ человѣкомъ котораго онъ пришелъ застращать, далъ полный отчетъ о томъ что „надѣлалъ“ мистеръ Фредъ, не забылъ упомянуть о браслетахъ, серьгахъ и амазонкахъ красовавшихся въ счетахъ молодаго человѣка.

— Но, прибавилъ онъ какъ бы извиняясь,—я теперь увѣренъ и увѣрю мистрисъ Виллертонъ, что вы не принимали въ этомъ никакого участія.

Джекъ поблѣднѣлъ и прикусилъ губы.

— Позвольте, сказалъ онъ. — Вы пришли сюда, милордъ, съ предубѣжденіемъ противъ меня, но почему-то вдругъ перемѣнили ваше мнѣніе.

— Я оскорбилъ бы джентльмена еслибы сказалъ что не вѣрю ему, возразилъ перъ.—Въ васъ есть что-то такое, мистеръ Гилль, что-то такое что я болѣе чѣмъ вѣрю вамъ, мистеръ Гилль, я, я, чортъ возьми! Еслибы вы были моимъ сыномъ, я вѣрилъ бы вамъ не болѣе чѣмъ теперь.

— Подождите пока не узнаете всего, милордъ, возразилъ Джекъ серіозно.—Вечеромъ, въ день бала мистрисъ Виллертонъ, я представилъ Фреда, не подозрѣвая къ какимъ это приведетъ послѣдствіямъ; одной актрисѣ, съ которою ему очень хотѣлось познакомиться. Боюсь что она принимала участіе въ томъ что вы мнѣ разказывали.

— Что тутъ замѣшана женщина, это ясно какъ день.

— Милордъ, продолжалъ Джекъ, — осуждайте меня, если хотите, за необдуманный поступокъ, но не вините меня въ его послѣдствіяхъ. Могъ ли я предполагать что вашъ племянникъ позволитъ такъ одурачить себя.

— Конечно не могли.

— И развѣ онъ не нашелъ бы другаго средства познакомиться съ ней, еслибъ я не представилъ его. Она очень доступна.

— О, не думайте объ этомъ. Она не причинила большаго убытка, нѣсколько лишнихъ сотенъ. Но скажите какъ могло понадобиться ему такое множество платьевъ?

— О, милордъ, прервалъ Джекъ,—свѣтъ измѣнился съ тѣхъ поръ какъ вы были молоды, если вы не знаете что есть портные которые ставятъ платье въ счетъ отцу, а сыну вмѣсто платья даютъ билетъ въ десять фунтовъ. Вы думаете что вашъ племянникъ видѣлъ или носилъ платье отпущенное ему въ долгъ, какъ написано въ счетахъ? Никогда. Онъ получилъ вмѣсто него деньги, и тратилъ ихъ; но дѣло не въ деньгахъ,— его отецъ богатъ,—а въ безчестномъ способѣ какимъ онъ пріобрѣталъ ихъ; вотъ это дѣйствительно ужасно, прибавилъ Джекъ съ горечью.

Лордъ Гильтонъ взглянулъ на его честное, взволнованное лицо, и подумалъ: еслибы Фредъ говорилъ правду, и дѣйствительно проводилъ время въ обществѣ этого человѣка, онъ не былъ бы тѣмъ чѣмъ онъ теперь.

— Можете вы помочь намъ? спросилъ онъ.

— Могу и готовъ, отвѣчалъ Джекъ.—Прежде всего надо узнать основательно ли мое подозрѣніе, и если оно основательно, я считаю себя обязаннымъ поправить зло которое я сдѣлалъ, и это будетъ не трудно. Если вы дадите мнѣ вашъ адресъ, милордъ, то узнаете завтра что-нибудь положительное.

Джекъ надѣлъ шляпу и дошелъ съ лордомъ Гильтономъ до кареты. Лордъ Гильтонъ поѣхалъ въ Итонъ-Скверъ, Джекъ пошелъ къ театру *Регентства*, гдѣ онъ предложилъ нѣсколько вопросовъ швейцару, и возвратившись домой, написалъ слѣдующее письмо:

„Милая Салли,

„Я встрѣтилъ недавно Б. возвращавшагося изъ Сити. Онъ былъ мраченъ. Боюсь что зеленоглазое чудовище грызло его подъ одеждой. Я слышалъ что онъ сдѣлалъ славную спекуляцію съ Индиго—одни говорятъ тысячъ на 80, другіе на 20;

мы возьмемъ среднее число и скажемъ 50. Счастливецъ Б. Еслибъ я былъ женщина, я не далъ бы ему повода хмуриться.

„Глупый мальчишка котораго я рекомендовалъ вамъ въ театрѣ, когда мы видились въ послѣдній разъ, оказался ужасною дрянью и попалъ въ бѣду. Мама прекратила выдачу денегъ, онъ началъ брать деньги у портныхъ, его обличили и по всей вѣроятности высѣкутъ. Вообразите Б. выпрашивающимъ деньги у портныхъ!

„Au revoir, Салли. Хорошъ ли доходъ *Регентства*? Я думаю убыточная игрушка. Счастливъ Б. что спекуляція была такъ удачна.

„Пришлите мнѣ адресъ Фредерика Виллертона.

„Преданный вамъ

„Джекъ Гилль.

Отвѣтъ прибылъ на изящнѣйшей бумажкѣ съ вычурнымъ вензелемъ изъ двухъ переплетенныхъ S.

„Милый мистеръ Гилль,

„Не понимаю о какомъ зеленоглазомъ чудовищѣ подъ одеждой Б. говорите вы. Полагаю что это была изъ вашихъ безсмыслицъ. Вы знаете что у меня съ нимъ не можетъ быть ничего общаго. Что же касается до Виллертона, я о немъ ничего не знаю, но моя горничная говоритъ что онъ оставилъ карточку съ адресомъ: № 6, Ульстеръ, Брамптонъ.

„Въ новомъ фарсѣ миссъ Гвиндолини танцуетъ послѣ меня, и весь домъ трясется. Жалѣю что я не взяла вашего фарса. Дайте мнѣ пожалуста просмотрѣть его опять.

„Искренно ваша

„Салли Спрингъ.

„P. S. Не могу вспомнить что онъ бралъ деньги у портныхъ. Каковъ! достанется же ему отъ меня. С. С.

Прочитавъ эту записку: Джекъ написалъ:

„Милордъ,

„Адресъ Фредерика Виллертона: № 6, Ульстеръ, Бромптонъ. Мое предположеніе оправдалось, но связь разорвана. Возьмите его домой.

„Вашъ покорнѣйшій слуга

„Джекъ Гилль.

„Досточтимому графу Гильтону.“

ГЛАВА V.

Бобъ Берриджеръ доноситъ объ успѣхѣ.

Между тѣмъ мистеръ Берриджеръ на свою обычную просьбу о небольшой суммѣ впередъ, такъ какъ онъ на пути къ великому открытію касательно все еще пропадавшаго Плесмора, получилъ въ отвѣтъ записку отъ своего патрона давшую ему почувствовать что пора вести игру къ развязкѣ. Досточтимый предсѣдатель Общества Искусственнаго Орошенія и Земледѣлія въ Экуадорѣ часто видался съ секретаремъ по дѣламъ не касавшимся Общества, и представилъ его своимъ дочерямъ и Виллертонамъ, какъ своего главнаго оракула, замѣнившаго ему Чемпіона и Берриджера. Блиссету хотѣлось знать результатъ изслѣдованій касательно давно потеряннаго изъ виду Плесмора, и мистеръ Бобъ, вмѣсто небольшой суммы впередъ, получилъ рѣшительное повелѣніе явиться ровно черезъ недѣлю къ лорду Гильтону въ Вентворъ и донести о своихъ похожденіяхъ.

Въ Вентворскую виллу, куда возвратился теперь графъ съ дочерьми, былъ также приглашенъ Абель Блиссетъ, въ качествѣ секретаря и совѣтника его свѣтлости, и согласно съ его обѣщаніемъ присутствовать когда мистеръ Берриджеръ представитъ свой отчетъ. Велико было изумленіе послѣдняго, когда, войдя въ кабинетъ лорда Гильтона, онъ засталъ своего кремлинскаго собесѣдника въ дружескомъ разговорѣ съ его свѣтлостью.

Этотъ день не былъ однимъ изъ лихорадочныхъ дней графа, но онъ искусственно довелъ себя до лихорадки, ожидая, отгадывая, опасаясь результата поисковъ, строя воздушные замки на предположеніи что Плесморъ умеръ, и сердясь когда страхъ, котораго онъ не могъ преодолѣть, бралъ верхъ и разрушалъ воздушные замки построенные надеждой. Терпѣливой мери жилось плохо со времени возвращенія въ Вентворъ. Что бы она ни сдѣлала, все было дурно. То чѣмъ былъ доволенъ мистеръ Эйльвардъ, насколько онъ могъ быть доволенъ съ своимъ характеромъ, казалось лорду Гильтону отвратительнымъ, вульгарнымъ, неприличнымъ и т. д. Онъ ворчалъ даже на свою любимицу Милли. Зачѣмъ было давать Берриджеру цѣлую недѣлю? Достаточно было бы четырехъ дней,

даже трехъ, двухъ, одного. Полагаетъ ли мистеръ Блиссетъ что онъ узналъ что-нибудь? Что это за великое открытіе о которомъ онъ говоритъ? Словомъ, лордъ Гильтонъ довелъ себя до одного изъ своихъ лихорадочныхъ припадковъ и былъ не въ духѣ когда Бобъ вошелъ въ его святилище, опоздавъ на полчаса.

— Развѣ я не приказалъ вамъ, сэръ, быть здѣсь ровно въ три часа, спросилъ онъ гнѣвно, въ отвѣтъ на раболѣпное привѣтствіе Боба.

— Если позволите доложить, ваша свѣтлость, пароходъ опоздалъ, началъ оправдываться провинившійся Бобъ.—Я сказалъ капитану что ѣду къ вашей свѣтлости по очень важному дѣлу, а онъ сказалъ, онъ осмѣлился сказать...

— Ну все равно что бы онъ ни сказалъ. Теперь вы здѣсь и говорите что имѣете сказать, и скорѣе, приказалъ лордъ Гильтонъ, откинувшись на спинку кресла.

Но Бобъ началъ угощать своего нетерпѣливаго патрона подмигиваніемъ и пантомимными движеніями, которыми хотѣлъ указать на Блиссета.

— Онъ хочетъ меня съ ума свести! воскликнулъ лордъ Гильтонъ.—Что это за гримасы, любезный?

— О, Боже, о, милордъ, хотѣлъ я сказать, воскликнулъ растерявшійся Бобъ,—я.... я.... я хотѣлъ только сказать что это было частное, секретное, тайное, и при немъ... онъ мигнулъ опять на Блиссета.

— Мистеръ Блиссетъ можетъ слышать все что вы имѣете сказать мнѣ, отвѣчалъ лордъ Гильтонъ.

— О, если мистеръ Берриджеръ желаетъ чтобъ я ушелъ, началъ Блиссетъ, лѣниво поднимаясь съ мѣста.

— Что вамъ, чортъ возьми, за дѣло до его желаній? Я желаю чтобы вы остались. Вы меня, право, удивляете, мистеръ Блиссетъ! воскликнулъ графъ.

Робертъ Берриджеръ между тѣмъ стоялъ среди комнаты, со шляпой и краснымъ бумажнымъ платкомъ въ одной рукѣ и свертkомъ бумагъ въ другой. День былъ жаркій, а онъ прибѣжалъ, чтобы наверстать потерянное время. Слѣдствіемъ была сильная испарина, не уменьшавшаяся отъ холоднаго пріема. Запыхавшійся, тщетно пытаясь осушить мокрый лобъ вышеупомянутымъ краснымъ платкомъ, но въ замѣшательствѣ употребляя вмѣсто него шляпу или бумаги, перекладывая всѣ три вещи изъ одной руки на другую, роняя ихъ, переминаясь

съ ноги на ногу и повременамъ издавая звуки средніе между храпомъ и всхлипываньемъ, Бобъ не представлялъ собою зрѣлища способнаго успокоить нервы его раздраженнаго патрона.

— Если вы не начнете сію же минуту вашего проклятаго донесенія, заревѣлъ графъ,—я прикажу вытолкать васъ.

— Такъ что же вы не дадите мнѣ сѣсть и разобрать бумаги! воскликнулъ Бобъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, отъ страха лишиться обѣщаннаго вознагражденія.

— Извините, я забылъ, сказалъ лордъ Гильтонъ спокойнѣе.—Я не совсѣмъ здоровъ сегодня и.... садитесь пожалуста, начинайте.

Бобъ сѣлъ, разложилъ предъ собою бумаги и прокашлявшись началъ читать:

„Удостоившись получить приказаніе сіятельнаго графа Гильтона произвести нѣсколько деликатныхъ и важныхъ справокъ, нижеподписавшійся, осчастливленный оказанною ему честью, рѣшился посвятить всю жизнь свою благородному довѣрителю, и не щадя никакихъ усилій, такъ какъ его величайшимъ желаніемъ было удовлетворить, нижеподписавшійся....“

— Боже, что за чушь! воскликнулъ графъ. — Блиссетъ, не можете ли вы, не заставите ли вы его сказать поскорѣе главное. Нашелъ онъ Плесмора или нѣтъ? Мнѣ больше ничего не надо знать. Если онъ не оставитъ въ покоѣ свою проклятую рукопись, я выброшу ее за окно и его съ нею.

Блиссетъ сдѣлалъ движеніе имѣвшее цѣлью успокоить гнѣвнаго графа, но Бобъ, вообразивъ что оно угрожаетъ его драгоцѣнной рукописи, прижалъ ее къ груди и воскликнулъ:

— Не смѣть трогать мои бумаги, Абель Блиссетъ! Я понимаю вашу хитрость. Руки подальше.

— Когда мнѣ придетъ охота дотронуться ими до васъ, мистеръ Берриджеръ, ваши возраженія будутъ безполезны; до тѣхъ же поръ прошу васъ не забываться. Что это за рукопись? Кажется длинная? спросилъ онъ.

— Это правдивый, неполированный (Бобъ вѣроятно хотѣлъ сказать неукрашенный) разказъ о томъ что я сдѣлалъ и узналъ по вашему порученію, сказалъ Бобъ, обращаясь исключительно къ графу.—Мнѣ стоило не малаго труда составить эту рукопись, и мнѣ очень больно....

— Что вы не будете имѣть удовольствія прочесть вашего произведенія его свѣтлости, прервалъ невозмутимый Блиссетъ. — Я вполнѣ понимаю чувства автора, мистеръ Берриджд-

жеръ, но если вы будете такъ добры, оставите вашу рукопись здѣсь, я увѣренъ что милордъ прочтетъ ее съ величайшимъ интересомъ въ свободное время. Правда что разказъ утратитъ силу и выразительность, которыя можетъ придать ему только голосъ автора; но милордъ не совсѣмъ здоровъ сегодня, что̀ онъ уже самъ сообщилъ вамъ, и разказъ такой потрясающій какимъ долженъ быть вашъ можетъ слишкомъ сильно подѣйствовать на его нервы. Не можете ли сообщить его свѣтлости въ настоящую минуту краткое извлеченіе изъ этого интереснаго документа?

— У меня нѣтъ никакихъ извлеченій, отвѣчалъ Бобъ, нѣсколько смягчившись.—Съ начала до конца все написано моею рукой.

— Подъ извлеченіемъ я разумѣю сущность написаннаго вами, мистеръ Берриджеръ, возразилъ Блиссетъ.

— Вы бы такъ и сказали, что сущность, отвѣчалъ Бобъ, довольный случаемъ поломаться.

— Можно ли толковать съ такимъ болваномъ? воскликнулъ графъ, вставъ съ мѣста. — Слушайте, сэръ: если вы не отвѣтите мнѣ на десять вопросовъ во столько же минутъ, я отдамъ васъ подъ судъ за вымогательство денегъ подъ вымышленными предлогами.

— Не можете вы отдать меня подъ судъ, сказалъ Бобъ, вспыхнувъ.

— Отдамъ.

— Лучше и не пробуйте, я знаю законъ.

— Я не имѣю притязанія знать законъ, сказалъ Блиссетъ спокойнымъ голосомъ,—но мнѣ кажется, мистеръ Берриджеръ, что вы не совсѣмъ правы. Развѣ вы не взяли недѣли двѣ тому назадъ у его свѣтлости пятнадцать фунтовъ на томъ основаніи что вы будто бы нашли Аугустуса де-Баркгема Плесмора?

— Такъ что̀ же? воскликнулъ Бобъ съ негодованіемъ.

— А такъ какъ вы не нашли его....

— Но я нашелъ его, воскликнулъ Бобъ, не выдержавъ.

— А! промолвилъ спокойно Блиссетъ, откидываясь на спинку стула. — Наконецъ-то мы услыхали отъ васъ хоть одинъ прямой отвѣтъ.

Еслибы взглядомъ можно было убить, Блиссетъ былъ бы убитъ на мѣстѣ.

— Боже, Боже! воскликнулъ лордъ Гильтонъ, ладая на

стулъ.—Я погибъ. Гдѣ онъ? Скажите мнѣ сію минуту гдѣ онъ?

— Милордъ, возразилъ Бобъ, перелистывая свою драгоцѣнную рукопись, — еслибы вы только позволили мнѣ прочесть.

— Это невыносимо, Блиссетъ! Рѣшительно невыносимо! Скажите ему что я дамъ ему двадцать фунтовъ сверхъ условія за его проклятую рукопись. Неизвѣстность убьетъ меня.

— Слышите что̀ говоритъ милордъ? спросилъ Блиссетъ. — Что̀ вы на это скажете?

— Что̀ я скажу! воскликнулъ восхищенный Бобъ, закрывая рукопись.—Я готовъ отвѣчать вамъ какъ свидѣтель въ судѣ. Предлагайте вопросы, и увидите какъ славно я буду отвѣчать.

— Вы нашли Плесмора?

— Нашелъ.

— Гдѣ онъ?

— Въ Бермудѣ.

— Въ какомъ положеніи?

— Въ положеніи ссыльнаго.

— Вотъ какъ! За какое же преступленіе онъ сосланъ?

— За поддѣлку векселей.

— На какой срокъ?

— На пятнадцать лѣтъ.

— Съ которыхъ поръ?

— Съ перваго дня весеннихъ ассизовъ въ Йоркѣ въ 1852, кажется 3го марта, но въ числѣ я не увѣренъ.

— Но вы вполнѣ увѣрены что онъ теперь въ Бермудѣ?

— Онъ былъ сосланъ туда, судя по списку Пентонвильской тюрьмы, въ 1854 году, и до сихъ поръ еще не получилъ отпускнаго билета: такъ по крайней мѣрѣ сказали въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а гдѣ же знать это какъ не тамъ? отвѣчалъ Бобъ съ досадой.

— Не желаетъ ли, милордъ, чтобъ я предложилъ ему еще какой-нибудь вопросъ? спросилъ Блиссетъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ графъ слабымъ голосомъ.—Впрочемъ еще одинъ: есть на все это доказательства?

— Въ этихъ бумагахъ, возразилъ Берриджеръ,—есть засвидѣтельствованная копія съ судебнаго слѣдствія и приговора; копія съ повелѣнія сослать его въ Пентонвиль и съ распоряженія о пересылкѣ его моремъ въ Бермуду; и удостовѣренія отъ помощника секретаря министерства внутреннихъ дѣлъ что ему еще не выданъ отпускной билетъ, и что его имя не

встрѣчалось въ спискахъ умершихъ. Доказательства это или нѣтъ?

— Доказательства, неопровержимыя доказательства, простоналъ графъ.

— Еслибы вы только дали мнѣ прочесть мое письменное изложеніе, просилъ обиженный Бобъ.

— Я прочту его завтра, сказалъ графъ слабымъ голосомъ.— Дайте мнѣ бутылку съ водкой изъ этой шкатулки, мистеръ Блиссетъ: мнѣ дурно, мистеръ Блиссетъ; о, подумать только что онъ найденъ, мистеръ Блиссетъ, и ссыльный! Ужасно, ужасно! Блиссетъ, почему вы не скажете что это ужасно?

— Я глубоко сочувствую вашему горю, милордъ, сказалъ Блиссетъ вполголоса,—но можетъ-быть....

— О, теперь не время говорить о томъ что̀ можетъ быть. Я это предчувствовалъ. Я былъ увѣренъ что онъ живъ; а если онъ хорошо велъ себя, то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ свободенъ. Подумать что Челель-Гильтонское имѣніе достанется ссыльному, а я, государственный перъ, останусь нищимъ. Это ужасно, Блиссетъ, ужасно, ужасно!

Блиссетъ промолчалъ.

— Онъ моложе меня, и я слышалъ что каторжники люди здоровые, благодаря регулярной жизни которую они принуждены вести, продолжалъ лордъ Гильтонъ.—Притомъ же онъ можетъ имѣть сына, а въ такомъ случаѣ, если я даже переживу его, то все же не получу наслѣдства. Блиссетъ, что̀ вы не скажете ни слова?

— При постороннемъ, милордъ, шепнулъ Блиссетъ, мигнувъ многозначительно въ сторону гдѣ сидѣлъ Берриджеръ, навостривъ большія, красныя уши, и не пропустивъ ни слова изъ сказаннаго.—Не позволите ли вы....

— О, конечно, отвѣчалъ графъ на произнесенный шепотомъ совѣтъ. — Вы вѣроятно голодны послѣ дороги, мистеръ Берриджеръ. Потрудитесь позвонить, и позвольте предложить вамъ закусить и.... и.... вы видите какъ я слабъ. Малѣйшее волненіе раздражаетъ меня, а новость которую вы сообщили, дѣйствительно.... Хорошо, хорошо, (обращаясь къ Блиссету) я не скажу болѣе ни слова. Идите, мистеръ Берриджеръ, позавтракайте.

— Но счеты, милордъ, воскликнулъ Бобъ, вспомнивъ опять о своихъ бумагахъ. — Они всѣ готовы.

— И двадцать фунтовъ сверхъ условія?

— Да, да, да. Вотъ вы не понимаете что я неспособенъ теперь говорить о такихъ мелочахъ. Пожалуста оставьте меня вы оба; или нѣтъ, останьтесь Блиссетъ, дайте мнѣ вашу руку, доведите меня до моей комнаты. Мнѣ необходимо отдохнуть немного, иначе, о, моя голова! моя голова!

Бобъ Берриджеръ ушелъ въ сопровожденіи буфетчика, а секретарь заботливо отвелъ своего почти безчувственнаго патрона въ спальню, умоляя его не безпокоиться, не слѣшить и т. д. и т. д., и уложивъ его въ постель, возвратился въ кабинетъ, гдѣ онъ накинулся на рукопись Боба какъ голодный хищный звѣрь накидывается на свою добычу. Его лицо, предъ тѣмъ такое блѣдное и спокойное, побагровѣло, жилы на лбу налились отъ волненія, потъ буквально катился на страницы которыя онъ перелистывалъ руками дрожавшими такъ что онъ едва могъ владѣть ими. Почеркъ былъ самый разборчивый, но слова плясали предъ его глазами и строчки переплетались въ узлы, которыхъ не могъ распутать его разстроенный умъ. Онъ схватилъ бутылку изъ шкатулки графа, но поспѣшно поставилъ ее назадъ. „Нѣтъ, пробормоталъ онъ, это не поможетъ.“ Онъ поднялъ стору и началъ съ жадностью вдыхать въ себя свѣжій морской воздухъ. „Боже, воскликнулъ онъ громко, что̀ еслибъ я пришелъ въ такое состояніе когда допрашивалъ негодяя!“

Онъ вернулся къ рукописи, и просматривая ее спокойно, увидалъ имя которое повидимому объяснило ему все что̀ онъ хотѣлъ знать.—Хорошо, пусть будетъ такъ, пробормоталъ онъ, глубоко вздохнувъ.—Негодяй хорошо исполнилъ свою задачу, очень хорошо. Соблазнъ былъ силенъ, такъ силенъ что стоилъ риска. Теперь нѣтъ риска, теперь несомнѣнная увѣренность. Уфъ! еслибъ я попробовалъ и... но надо извлечь возможную пользу изъ настоящаго положенія вещей.

Абель Блиссетъ, спокойный, вполнѣ владѣющій собой, и шутливый, какимъ онъ бывалъ иногда съ подчиненными, когда находилъ это нужнымъ, присоединился къ Бобу Берриджеру, воздававшему полную справедливость завтраку.

— Ну, Бобъ, сказалъ онъ, наливая себѣ стаканъ воды съ хересомъ,—вы вполнѣ заслужили двадцать фунтовъ лишнихъ.

— Еще бы, возразилъ Бобъ, откинувшись на спинку стула съ видомъ побѣдителя.—Мнѣ удалось наласть на слѣдъ Плесмора, но вѣдь это еще вздоръ.—Затрудненіе состояло въ томъ чтобъ...

— Чтобъ отождествить его съ человѣкомъ осужденнымъ въ Йоркѣ за поддѣлку векселей, подъ именемъ Уатса? Да, Бобъ?

— Такъ вы уже прочли мою рукопись? сказалъ Бобъ съ испугомъ.

— Я просмотрѣлъ ее, отвѣчалъ Блиссетъ небрежно.

— Графъ позволилъ вамъ?

— Конечно. У него нѣтъ секретовъ отъ меня, Бобъ.

— Такъ вы можетъ-быть знаете почему ему хотѣлось знать о Плесморѣ, спросилъ Бобъ, засунувъ большіе пальцы въ проймы жилета и устремивъ на своего собесѣдника взглядъ зловѣщей сороки.

— Можетъ-быть и знаю.

— Но во всякомъ случаѣ, другъ любезный, условіе лучше денегъ. Это все-таки мое дѣло. Вы мнѣ его продали, и я заплатилъ вамъ съ лихвой. Противъ этого вы не хотѣли спорить.

— Конечно нѣтъ. Я тоже отплачу вамъ съ лихвой, какъ вы выражаетесь, и тогда всему дѣлу конецъ.

Бобъ захохоталъ.

— Робертъ, дитя мое, сказалъ Блиссетъ ласково,—если вы думаете что я не знаю что̀ происходитъ въ вашей смышленой головѣ, вы очень ошибаетесь, право ошибаетесь. Вы взяли съ лорда Гильтона кучу денегъ за отысканіе Плесмора, а теперь думаете нельзя ли получить что-нибудь отъ самого Плесмора, представивъ его лорду Гильтону, когда неблагодарная родина утомится его услугами въ Бермудѣ. Мнѣ очень пріятно видѣть что вы способны краснѣть, Бобъ; а я ужь боялся что вы утратили эту способность. Это хорошій признакъ если молодой человѣкъ вашихъ лѣтъ и вашей профессіи можетъ краснѣть.

— Чортъ васъ возьми совсѣмъ.

— Нѣтъ, Бобъ, нѣтъ. Помните что вы въ домѣ джентльмена. Здѣсь есть дамы, которымъ непріятно будетъ услыхать грубыя рѣчи.

— Знайте свое дѣло, а я буду знать свое, возразилъ Бобъ ворчливо.

— Старость пользуется привилегіей давать совѣты молодости, Бобъ Берриджеръ, сказалъ Блиссетъ съ возмутительнымъ хладнокровіемъ,—и мой совѣтъ вамъ: удовольствуйтесь тѣмъ что̀ получили, и оставьте въ покоѣ Плесмора или Уатса, или

кто бы онъ ни былъ. Вы узнали много, но *я знаю больше* и повторяю, оставьте его въ покоѣ.

Въ глазахъ говорившаго былъ зловѣщій блескъ. Бобъ Берриджеръ вспоминалъ объ этомъ въ послѣдствіе съ содроганіемъ, но въ эту минуту онъ только подумалъ что предъ нимъ сидитъ человѣкъ которому поручено заплатить ему по счетамъ, и что нельзя ссориться съ нимъ.

— Оставить его въ покоѣ? Конечно оставлю. Ха, ха, ха, вѣдь я шутилъ. Выпейте стаканъ кларета. И Бобъ протянулъ бутылку, съ видомъ альдермена, угощающаго бѣднаго родственника.—Что же касается до моихъ счетовъ, продолжалъ онъ,—вы сами побудили меня увеличить ихъ, и не можете этого отвергнуть. У васъ тутъ были свои разчеты, другъ любезный. Вы не захотите чтобъ я погубилъ васъ. Если вы меня обсчитаете послѣ того какъ сами побудили...

— Ну?

— Я разкажу его свѣтлости.

— Онъ не повѣритъ вамъ и позволитъ мнѣ вытолкать васъ изъ дома, что̀ я исполню съ величайшимъ удовольствіемъ, сказалъ Блиссетъ.—Впрочемъ на этотъ счетъ вы можете быть покойны. Мнѣ поручено заплатить вамъ, но не торговаться съ вами.

— Я прошу совсѣмъ не много за всѣ мои хлопоты, ворчалъ Бобъ. — Я посвятилъ цѣлый день и цѣлую ночь на составленіе отчета, котораго онъ не далъ мнѣ прочесть. Хотя я не сравниваю мое сочиненіе съ Диккенсовымъ или съ *Лондонскимъ Журналомъ*, все же однако.... Вамъ я признаюсь, Блиссетъ, потому что вы другъ, продолжалъ онъ таинственно.— Я предъ зеркаломъ учился декламировать его, потому и опоздалъ на первый пароходъ.

— Я завтра постараюсь отдать вамъ справедливость, когда буду читать ему вашъ отчетъ, сказалъ Блиссетъ.

— Развѣ вы живете здѣсь?

— Въ настоящее время здѣсь.

— Не думаю чтобы вамъ было пріятно сознаться какимъ способомъ вы такъ скоро подружились съ его свѣтлостью, спросилъ Бобъ съ своимъ злымъ смѣхомъ.

— Это дѣло мое и его свѣтлости, возразилъ Блиссетъ.—Но если вы такъ интересуетесь моею судьбой, я пожалуй сообщу вамъ что я оставилъ мое прежнее мѣсто и надѣюсь скоро обогатиться посредствомъ концессіи подъ залогъ которой вы не хотѣли дать мнѣ пять фунтовъ.

— Чортъ возьми!

— Да, она приноситъ теперь семь съ половиной процентовъ и повышается въ цѣнѣ. Однако если вы намѣрены возвратиться домой сегодня, такъ пойдемте, я отдамъ вамъ вашъ ордеръ.

Они вошли въ кабинетъ графа, гдѣ ордеръ былъ исправно дополненъ, къ невыразимому восхищенію Боба, и унесенъ Блиссетомъ въ спальню графа для подписанія. Бобъ сократилъ минуты ожиданія занявшись прощальнымъ обозрѣніемъ своего талантливаго произведенія.

— Очень радъ что вы пришли, Блиссетъ, сказалъ лордъ Гильтонъ слабымъ голосомъ.—Я не могъ заснуть, думая о Плесморѣ, и мнѣ пришло въ голову что надежда еще не совсѣмъ потеряна даже теперь. По закону, человѣкъ провинившійся въ поддѣлкѣ чужихъ подписей лишается правъ на территоріальное владѣніе, которое переходитъ въ казну. Такъ или нѣтъ?

— Кажется что такъ, милордъ.

— А казна большею частью передаетъ имѣніе ближайшему наслѣднику. Правительство не лишитъ меня Челель-Гильтона, Блиссетъ?

— Я не знаю законовъ, возразилъ Блиссетъ, — но мнѣ кажется что человѣкъ выстрадавшій свое наказаніе получаетъ опять всѣ свои права.

— Боюсь что вы правы, Блиссетъ, простоналъ графъ опрокинувшись на подушку.—Мы все-таки пришли къ тому что если мистрисъ Игльтонъ проживетъ до тѣхъ поръ когда негодяй получитъ свободу, то мнѣ не останется никакой надежды. Это ужасно, ужасно! Неужели вы не можете сказать мнѣ ни одного утѣшительнаго слова, Блиссетъ?

— Еслибъ я не боялся взволновать васъ, милордъ, я сообщилъ бы вамъ одно очень важное обстоятельство, сказалъ Блиссетъ, поставивъ стулъ къ постели графа.

— Говорите; хуже чѣмъ теперь я не могу себя чувствовать.

— Я сказалъ вамъ, милордъ, когда вы въ первый разъ удостоили меня откровенностью касательно Плесмора, что есть пунктъ далѣе котораго не пойдетъ мистеръ Берриджеръ, и гдѣ начинается мое знакомство съ этимъ дѣломъ.

— Да, но вѣдь онъ разузналъ все.

— Не совсѣмъ *все*, милордъ.

— Какое мнѣ дѣло до второстепенныхъ обстоятельствъ? Онъ прослѣдилъ Плесмора и указалъ намъ гдѣ онъ находится

— Гдѣ онъ находился, милордъ.

— Что вы хотите сказать, Блиссетъ?

— Мистеръ Берриджеръ очень хитеръ, милордъ, изъ него вышелъ бы хорошій сыщикъ. Онъ узналъ—какимъ образомъ, вы это узнаете изъ руколиси которую онъ оставилъ—что Плесморъ былъ уличенъ въ преступленіи и сосланъ на пятнадцать лѣтъ, но все это я могъ бы давно сообщить вамъ.

— Боже мой, такъ почему же вы не сообщили?

— Потому что не могъ доказать. Я не могу сказать что зналъ это. У меня было только сильное подозрѣніе что Плесморъ былъ человѣкъ котораго я зналъ подъ другимъ именемъ; но я не могъ отождествить одного съ другимъ: мистеръ Берриджеръ дополнилъ мои свѣдѣнія, и теперь все ясно.

— Да, ясно къ моему несчастію, вздохнулъ графъ.

— Подождите, милордъ. Мистеръ Берриджеръ очень проницательный молодой человѣкъ, но подобно другимъ проницательнымъ молодымъ людямъ, онъ преувеличиваетъ свою проницательность. Онъ полагаетъ что если Плесморъ или Уатсъ былъ сосланъ въ Бермудъ и не получилъ еще отпускнаго билета и не былъ внесенъ въ списки умершихъ, то онъ и теперь находится тамъ. Ему не пришло въ голову справиться о *бѣжавшихъ преступникахъ*.

— Дайте мнѣ хлебнуть изъ этой бутылки, Блиссетъ, изъ четырехугольной, и продолжайте поскорѣе, продолжайте.

— Уатсъ и преступникъ по имени Емминъ бѣжали съ галеры въ Бермудѣ, лѣтъ семь или восемь тому назадъ, когда мистеръ Берриджеръ, по всей вѣроятности, былъ еще въ школѣ. Я удивляюсь какъ вы не помните этого происшествія; оно было напечатано во всѣхъ газетахъ, потому что побѣгъ былъ совершенъ замѣчательно.

— Ничего не помню; но продолжайте, продолжайте.

— Бѣглецовъ искали усердно и прослѣдили до Маракаибо, гдѣ нашли лодку на которой они спаслись; но здѣсь ихъ слѣдъ исчезъ.

— Такъ негодяй гуляетъ теперь по свѣту и со дня на день можетъ вернуться?

— Успокойтесь, милордъ, сказалъ Абель Блиссетъ. — Вамъ нечего бояться. Чепель-Гильтонъ принадлежитъ вамъ. Плесморъ никогда не потревожитъ васъ. Онъ умеръ въ Панамѣ, шесть лѣтъ тому назадъ.

ГЛАВА VI.

На берегу моря.

Живописцы и скульпторы изображаютъ правосудіе въ образѣ женщины, но принуждены завязывать ей глаза въ знакъ того что она лишена возможности судить пристрастно. Я знаю что значеніе повязки объясняютъ иначе, но это вздоръ. На все есть свои причины, и причины которыми мы объясняемъ наши дѣйствія не всегда тѣ по которымъ мы дѣйствуемъ. Можетъ-быть одна изо ста женщинъ способна взглянуть безпристрастно на человѣка или поступокъ. Остальныя девяносто девять останавливаются съ изумительною быстротой на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, обыкновенно не имѣющемъ ничего общаго съ исходною точкой подъ вліяніемъ которой онѣ судятъ о немъ. Женщина беретъ зерно золота и, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на грязный песокъ изъ котораго оно было извлечено, кричитъ: смотрите! Если же вниманіе ея обратилось въ другую сторону, безполезно показывать ей зерно за зерномъ чистѣйшаго металла. Она не будетъ смотрѣть ни на что кромѣ грязи изъ которой его извлекаютъ. Нѣтъ! Правосудіе въ образѣ женщины даетъ живописцамъ и скульпторамъ сюжетъ для граціозныхъ формъ и живописныхъ складокъ; но я предпочитаю судью ея величества, формы котораго можетъ-быть не красивы и складки одежды ложатся не артистически, но которому нѣтъ надобности завязывать глаза.

Правосудіе *en femme* судило нашего ловѣсу и осудило его за вѣроломство, измѣну и безпечность. Еслибы члены судилища засѣдавшаго въ будуарѣ мистрисъ Виллертонъ могли приговорить его къ какому-нибудь наказанію, Джеку пришлось бы плохо. Нужды нѣтъ что онъ пригналъ заблудившагося агнца къ стаду. Нужды нѣтъ что заблудшій агнецъ былъ единственный свидѣтель противъ него, и что̀ уже было доказано что свидѣтель лгунъ. Фактъ что Джекъ рекомендовалъ его „ужасному созданію“, единственное наименованіе подъ которымъ была извѣстна въ Итонъ-Скверѣ прекрасная миссъ Салли Спрингъ, былъ неоспоримъ, а изъ него слѣдовало само собою что онъ, Джекъ и Спрингъ, были въ заговорѣ обобрать неопытнаго агнца; что они, Джекъ и ужасное созданіе, раздѣлили добычу пополамъ; и что онъ, Джекъ, ви-

дѣлъ несчастнаго агнца только тогда когда его черная шерсть была уже тщательно сбрита. Черный агнецъ возвратился съ черпымъ разказомъ о своихъ страданіяхъ, или о части своихъ страданій, и былъ очень доволенъ замѣтивъ что ему уже постарались пріискать оправданія и избавили его отъ труда.

— Довольно, и къ чорту все это, отвѣчалъ онъ на робкіе упреки которыми встрѣтила его мать.—Отецъ долженъ былъ назначить мнѣ приличное содержаніе, чтобъ я могъ жить какъ другіе. Не могу же я срамиться предъ другими.

Лордъ Гильтонъ защищалъ Джека и доказывалъ что онъ поступилъ какъ джентльменъ. Но это было все равно какъ еслибъ онъ сталъ доказывать своей сестрѣ и ея отголоску, милой Матильдѣ, что царь тьмы джентльменъ. Спенсеръ Виллертонъ взглянулъ на то что разказалъ ему своякъ и что разказывала ему жена, когда пришло время разказывать, съ своей собственной точки зрѣнія. Мери и Констанція молчали, довольныя тѣмъ что Джекъ оправдался, но хорошенькая, балованная Милли требовала чтобъ ее свозили въ *Регентство* и показали ей миссъ Салли Спрингъ; напрасно доказывали ей что по случаю траура по покойникѣ лордѣ Гильтонѣ ей неприлично показываться въ публичномъ мѣстѣ вскорѣ послѣ его смерти.

— Я даже не видала ни разу несноснаго старика, ворчала она.—Но во всякомъ случаѣ я сниму трауръ когда мы возвратимся на морской берегъ.

Мы умолчимъ о свиданіи благороднаго государственнаго человѣка съ сыномъ. Древніе драматурги хорошо дѣлали опуская занавѣсъ надъ агоніей героя. Когда сынъ, подготовившійся къ свиданію полубутылкой водки, вышелъ пошатываясь изъ комнаты, голова отца, всегда высоко поднятая предъ друзьями и врагами, опустилась на столъ и.... но мы опустимъ занавѣсъ.

Заблудившійся агнецъ объявилъ матери съ великимъ самодовольствомъ что онъ „переговорилъ со старикомъ и заставилъ его взглянуть на дѣло съ болѣе здравой точки зрѣнія“. Затѣмъ онъ выпросилъ пять совереновъ и ушелъ, давъ честное слово возвратиться къ обѣду.

Лишнее говорить что онъ отправился не къ Джеку Гиллю и слова своего не сдержалъ.

Когда Беквисъ началъ поправляться и получилъ позволеніе говорить, Джекъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ди-

вился на него. Что̀ это за человѣкъ который чувствуетъ сильнѣйшую страсть къ деньгамъ какъ къ деньгамъ, который говоритъ съ жаромъ объ охотѣ и различныхъ физическихъ упражненіяхъ, и самъ когда-то былъ страстнымъ охотникомъ, и имѣя средства вполнѣ позволяющія ему пользоваться любимыми забавами, живетъ въ жалкомъ лондонскомъ чердакѣ, отказывается отъ всякаго развлеченія и не дождется того времени когда ему позволятъ приняться опять за работу. Джекъ не могъ понять его.

Принявъ въ соображеніе его болѣзненное состояніе, Беквису можно было дать отъ тридцати пяти до сорока лѣтъ, когда Джекъ познакомился съ нимъ. Онъ былъ высокъ и мужественъ. Черты его лица въ спокойномъ состояніи были женственно красивы и изящны, но жизнь придала имъ какое-то жесткое, холодное выраженіе, несвойственное имъ въ прежніе годы. Это выраженіе пропадало когда онъ спалъ у Джека. Глядя на его спокойное кроткое лицо, на свернувшуюся у него подъ мышкой собаку и птицу сидящую на его подушкѣ, сжималось сердце о жестокихъ словахъ которыми онъ называлъ этого человѣка когда не зналъ его.

Но не подумайте что два сосѣда жили вмѣстѣ какъ Дамонъ и Пифій. Не мало генеральныхъ сраженій произошло между ними, не мало рѣзкихъ замѣчаній было высказано съ той и другой стороны; *casus belli* по обыкновенію было требованіе доктора чтобы Беквисъ не прикасался къ перу и бумагѣ, и намѣреніе Джека работать за двоихъ.

— Вы знаете свое дѣло, былъ прилѣвъ Джека.—Ваше дѣло выздоравливать, а мое заниматься вашими другими дѣлами, которыми вы теперь не можете заниматься.

— Хорошо вамъ говорить когда у васъ нѣтъ своихъ дѣлъ, сказалъ Беквисъ, опрокидываясь на подушку.

Джекъ взглянулъ на него съ улыбкой, но не сказалъ ни слова. Беквисъ все еще смотрѣлъ на него какъ на счастливаго лѣнивца съ вѣрнымъ доходомъ.

— Не могу я понять васъ, сказалъ Джекъ, окончивъ статью и отложивъ въ сторону перо. — Почему вамъ такъ хочется приняться опять за работу. Вы сами сейчасъ сказали что терпѣть не можете работать.

— Я долженъ работать.

— На все есть время; но вы навѣрное не проживаете чет-

верти того что̀ получаете и.... Джекъ остановился, не рѣшаясь досказать свою мысль.

Были сумерки, и Джекъ не могъ замѣтить выраженія появившагося на лицѣ Бекквиса при его послѣднихъ словахъ. Онъ досадовалъ на себя что заговорилъ о такомъ щекотливомъ предметѣ и хотѣлъ перемѣнить разговоръ, когда изъ темноты послышался тихій, грустный голосъ Бекквиса:

— Въ ваши лѣта, Гилль, а можетъ-быть и моложе, я повѣсилъ себѣ камень на шею. Если я не буду бороться усиленно, онъ потянетъ ко дну меня и.... и другихъ.

Джекъ вспомнилъ о своихъ оксфордскихъ долгахъ и выразилъ свои чувства протяжнымъ свистомъ.

— Да, я знаю что̀ такое долги, сказалъ онъ помолчавъ. — Но не унывайте, Бекквисъ, вы скоро избавитесь отъ нихъ, если будете дѣйствовать какъ дѣйствовали до сихъ поръ. Но въ настоящее время вамъ все-таки нельзя работать.

Жесткая, насмѣшливая улыбка показалась на лицѣ больнаго, но онъ не сказалъ ни слова.

Этотъ разговоръ произошелъ спустя нѣсколько дней послѣ посѣщенія лорда Гильтона, а еще черезъ нѣсколько дней, докторъ простился съ своимъ паціентомъ сказавъ:

— Теперь отправляйтесь недѣльки на три на берегъ моря, а когда возвратитесь, можете дѣлать что̀ вамъ угодно.

Бекквисъ объявилъ рѣшительно что это невозможно, что онъ останется въ Лондонѣ и будетъ работать. Джекъ не сталъ спорить, но тотчасъ же ушелъ изъ дома, а возвратившись часа черезъ два, объявилъ что все уже рѣшено.—Издатели *Цензора* превосходные люди, сказалъ онъ. Они обѣщались телеграфировать каждую среду на какія темы имъ нужны статьи, которыя будутъ отсылаться имъ каждый четвергъ. Лучше этого нельзя ничего придумать. Полли Секунда уложитъ чемоданы и завтра можно будетъ уѣхать. У Бекквиса захватило духъ, когда онъ услыхалъ такое неожиданное рѣшеніе. Онъ началъ возражать, но напрасно.

— Завтра вы отправитесь со мною на островъ Вайтъ, какъ послушный мальчикъ, сказалъ нашъ ловѣса тономъ не допускавшимъ возраженій. — Тамъ вы будете собирать морскія раковины, съ которыми сдѣлаете потомъ что̀ угодно, будете дышать морскимъ воздухомъ и подкрѣплять силы здоровою пищей. Рѣшено!

Около этого времени знакомые съ дѣломъ люди начали ло-

говаривать что въ *Цензорѣ* появился новый сотрудникъ, который распекаетъ министровъ, епископовъ, администраторовъ и рѣшаетъ вопросы смущавшіе многія поколѣнія государственныхъ людей, экономистовъ и духовныхъ, и рѣшаетъ ихъ съ хладнокровіемъ и сознаніемъ своей правоты поистинѣ изумительными; вмѣстѣ съ тѣмъ въ журналѣ исчезли серіозныя, спокойныя статьи, которыми онъ славился и въ которыхъ вопросы обсуждались основательнѣе нежели въ рѣзкихъ статьяхъ новаго сотрудника. Но публика, которая любитъ горячительную пищу, нашла что журналъ улучшился. Онъ дѣйствительно началъ расходиться лучше, а еслибъ издатель телеграфировалъ на островъ Вайтъ что ему нужна статья о разведеніи хлопчатника на лунѣ, онъ получилъ бы ее съ слѣдующею почтой. Ничто не могло привести въ затрудненіе новаго сотрудника.

— Но что̀ вы знаете о нѣмецкой политикѣ? спросилъ Бекъ-висъ нѣсколько сердито, когда Джекъ, получивъ телеграмму, сѣлъ писать, нисколько не смущенный трудною задачей.

— Рѣшительно ничего не знаю, отвѣчалъ Джекъ съ своимъ веселымъ смѣхомъ,—и на этомъ основаніи берусь написать о ней задорную статью. Поверхностное знаніе самая опасная вещь, Бекъ-висъ; а такъ какъ у меня нѣтъ никакого, то я могу писать смѣло. Если вамъ случится писать о Германіи и нѣмецкой политикѣ, напишите такъ чтобы васъ никто не понялъ, и ваши слова сойдутъ за глубомысліе—особенно въ переводѣ.

Итакъ онъ поправилъ Бисмарка по всѣмъ пунктамъ и открылъ глаза міру.

Между тѣмъ Спенсеръ Виллертонъ прибылъ съ своею яхтой на островъ Вайтъ, а жена его съ сыномъ, милою Матильдой и ея дочерью поселились въ виллѣ нанятой для нихъ лордомъ Гильтономъ. Мистрисъ Виллертонъ терпѣть не могла моря, то-есть путешествія по морю, и конечно ея милая Матильда тоже терпѣть не могла моря. Часто пожимали онѣ плечами и вздыхали объ эгоизмѣ мущинъ и преимущественно объ эгоизмѣ досточтимаго Спенсера, тратившаго почти столько же на свою яхту, сколько жена его тратила на свои наряды и развлеченія.

Мы знаемъ что поѣздка на островъ Вайтъ была рѣшена въ семействѣ Виллертоновъ раньше чѣмъ кто-либо изъ его членовъ познакомился съ мистеромъ Гиллемъ. Слѣдовательно никакъ нельзя предположить что они погнались сюда за нимъ.

Погнался ли онъ сюда за кѣмъ-нибудь изъ нихъ, это другой вопросъ. Правда что докторъ Джемсъ вполнѣ одобрилъ его намѣреніе свозить Бекиса для поправленія здоровья въ Коусъ. Правда также что во время болѣзни Бекиса, въ тяжкіе часы ночи проведенные Джекомъ у его постели, лица Мери Эйльвардъ и Констанціи Конвей, слитые какъ прежде, стояли опять предъ его умственнымъ взоромъ и смущали его душу. Онъ зналъ что Мери живетъ въ Вентворѣ и это можетъ объяснить почему изъ всѣхъ приморскихъ мѣстъ онъ выбралъ именно Коусъ. Когда же онъ узналъ что Констанція живетъ въ недалекомъ разстояніи отъ его квартиры, онъ даже не удивился, такъ привыкъ онъ считать этихъ дѣвушекъ неразлучными.

Узналъ же онъ это отъ мистера Фреда, который подошелъ къ нему однажды на набережной какъ ни въ чемъ не бывало и очень удивился когда Джекъ повернулся къ нему спиной. Фредъ сказалъ матери о своей встрѣчѣ съ Джекомъ, но умолчалъ о пріемѣ который тотъ ему сдѣлалъ. Бѣдная мать, вообразивъ что обольститель преслѣдуетъ ея заблудшагося агнца, поѣхала въ отчаяніи къ брату, который успокоилъ ее и пригласилъ Джека обѣдать. За обѣдомъ Джекъ встрѣтилъ Спенсера Виллертона, который пригласилъ его прокатиться на яхтѣ. На эту прогулку были также приглашены дѣвицы Эйльвардъ и Констанція Конвей, не раздѣлявшая отвращенія своей матери къ морю, и такъ....

Такъ дошло до того что однажды за завтракомъ, недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда на островъ, Бекисъ ни съ того ни съ сего сказалъ:

— Джекъ, мнѣ кажется что вы сами себя дурачите.

— На какого чорта вы намекаете?

— На что я намекаю? Я замѣтилъ что вы съ нѣкоторыхъ поръ начали носить бѣлые жилеты и панталоны необыкновенныхъ цвѣтовъ. Вчера вы вернулись домой верхомъ. Ваша послѣдняя статья въ *Цензорѣ* никуда не годится и не была бы напечатана въ другое время года.

— Я не нахожу ничего глупаго въ томъ что одѣваюсь какъ джентльменъ, Бекисъ, и въ томъ что провожу время съ джентльменами, возразилъ Джекъ съ досадой.—Что же касается моихъ статей, это дѣло издателя, а не ваше.

— О, конечно, если вы такъ поняли мои слова.

— Развѣ я говорилъ вамъ что вы дурачите себя, когда вы

не приняли приглашенія лорда Гильтона или предпочли провести всю ночь на вонючемъ торговомъ суднѣ нежели воспользоваться яхтой мистера Виллертона, которую онъ неоднократно предлагалъ вамъ какъ моему другу? Нѣтъ. Я старался убѣдить васъ что нѣтъ ничего хорошаго въ вашей несообщительности, но увидѣвъ что мои старанія напрасны, я оставилъ васъ въ покоѣ. Я предпочитаю быть сообщительнымъ или, какъ вы выразились, дурачить себя. Оставьте меня въ покоѣ, если такъ мнѣ нравится. Это до васъ не касается.

— Очень жаль что я заговорилъ объ этомъ, Джекъ. Я не зналъ что это зашло такъ далеко, возразилъ Беквисъ.

— Что̀ такое зашло далеко? спросилъ Джекъ.

— То вслѣдствіе чего вы приняли такъ неблагосклонно мои слова, сказанныя въ шутку. Впередъ я буду молчать. Пожалуста перестанемъ говорить объ этомъ.

— Нѣтъ, вы должны сказать на что̀ вы намекаете.

— Я сказалъ вамъ что жалѣю что заговорилъ объ этомъ, Гилль. Развѣ вамъ этого мало. Продолжать, значитъ набиваться на откровенность, къ которой вы повидимому не расположены, что̀ меня впрочемъ не удивляетъ. Пусть будетъ по вашему. Поступайте какъ вамъ нравится, а я буду поступать какъ мнѣ нравится.

Не въ первый разъ спорили они другъ съ другомъ, но ихъ споры никогда не принимали такого рѣзкаго оборота какъ въ этотъ разъ. *Dove la donna?* Когда мущины любящіе другъ друга какъ Гилль и Беквисъ начинаютъ обмѣниваться улрсками и сердитыми взглядами, будьте увѣрены что между ними замѣшалась женщина. Кто же была эта женщина? Она ходила взадъ и впередъ по лугу виллы лорда Гильтона, безпрестанно взглядывая на часы, въ ожиданіи двѣнадцати, и если-бы часы бились вполовину такъ скоро какъ ея сердце, они ушли бы по крайней мѣрѣ на полчаса впередъ. Было безъ двадцати минутъ двѣнадцать. Женщина, считавшаяся дѣвочкой нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, была та самая которая вывихнула себѣ руку, которая вступила въ недѣтскій разговоръ съ Алисой Блексемъ на берегу Соутертонскаго ручья, которая испустила дикій, за сердце хватающій крикъ: „мой отецъ, мой отецъ, о, мой отецъ!“ въ день своего перваго бала. Теперь она уже не дѣвочка. Время сдѣлало невозможнымъ не видѣть въ ней внѣшняхъ проявленій женствен-

ности, а въ сердцѣ ея случилось нѣчто сдѣлавшее ее вполнѣ женщиной. Когда на дорогѣ, ровно въ двѣнадцать, послышался стукъ колытъ, и надъ зоборомъ показалась бѣлая шляпа Джека, она убѣжала и спряталась.

— По моему мнѣнію, мой милый Гильтонъ, сказала однажды мистрисъ Виллертонъ брату,—не слѣдуетъ поощрять такъ сильно мистера Гилля. Ты можешь думать о немъ что тебѣ угодно, и онъ можетъ быть дѣйствительно такой какимъ ты его считаешь, но право начнутъ говорить, если онъ будетъ показываться такъ часто съ Мери и Амеліей.

— Что за вздоръ.

— Ты можешь считать это вздоромъ если тебѣ угодно. Онѣ твои дочери, не мои. Что касается Мери, я вполнѣ спокойна и убѣждена что она не сдѣлаетъ никакой глупости; но милая Милли, съ ея красотой, впечатлительностью и неопытностью.... нѣтъ, тебѣ слѣдуетъ быть осторожнѣе.

— Надо быть совсѣмъ слѣпою, Джертруда, чтобъ это сказать, возразилъ графъ.—Развѣ ты не замѣтила что за Милли ухаживалъ молодой Винторнъ въ послѣдній сезонъ? Онъ теперь на охотѣ въ Шотландіи, иначе былъ бы непремѣнно здѣсь. По одному намеку который онъ мнѣ сдѣлалъ, когда я еще не получалъ титула, я имѣю основаніе надѣяться что дочь моя въ нынѣшнемъ году сдѣлается маркизой.

— Винторнъ, говорятъ, ужасный сумасбродъ, замѣтила сестра недовольнымъ тономъ.

— Онъ получаетъ сто двадцать тысячъ въ годъ и не играетъ. Онъ будетъ отличнымъ мужемъ для Милли. Гилля я очень люблю, онъ славный малый, но зять! Какъ могла придти тебѣ въ голову такая мысль, моя милая Джертруда?

— Ты думаешь что маркизъ нравится Милли?

— Я въ этомъ увѣренъ.

Любящій отецъ не ошибся. Къ сожалѣнію въ наши будничные дни репутація „ужаснаго сумасброда“ приноситъ болѣе пользы нежели вреда молодому человѣку. Лишь только хорошенькая Милли узнала что молодой маркизъ Винторнъ хандритъ (я не могу постигнуть какъ удается прослыть ипохондриками молодымъ людямъ которые живутъ единственно для удовольствій и имѣютъ возможность тратить около трехъ сотъ фунтовъ въ день), она тотчасъ же потребовала чтобъ ее познакомили съ нимъ, что было исполнено и привело къ вышеупомянутому результату. Счастливый молодой человѣкъ

(будемъ надѣяться что его хандра прошла) принужденъ былъ отправиться въ Шотландію, потому что пригласилъ туда общество на охотничій сезонъ прежде чѣмъ нѣсколько избитыхъ фразъ и музыка дали ему право обнять стройный станъ Милли и унестись съ нею въ вихрѣ вальса. Милли овладѣла лучшею *партіей* сезона. Опасаться Джека Гилля! Что за вздоръ!

Они и не подумали о маленькой Конъ. Они все еще смотрѣли на нее какъ на ребенка, вопреки ея длинному платью. Она проводила цѣлые дни съ своимъ другомъ Мери Эйльвардъ, къ великому облегченію ея матери. Съ нѣкотораго времени между мистрисъ Конвей и ея дочерью пробѣжала тѣнь, и мистрисъ Конвей, прикладывая къ глазамъ батистовый платокъ, увѣряла свою милую Джертруду что нельзя понять что случилось съ Констанціей. Она избѣгаетъ меня какъ злѣйшаго врага, жаловалась несчастная мать,—а вы знаете сколько жертвъ я принесла для нея. Милая Джертруда увѣряла свою подругу что ей только такъ кажется, что нѣтъ ничего страннаго въ томъ что дѣвочка ищетъ общества ровесницъ, и что надо радоваться что она нашла такую подругу какъ Мери Эйльвардъ и т. д. и т. д. Но Матильда не принимала утѣшеній.

Были и другія обстоятельства нарушившія ея покой. Ея горничная изъ Девонширa, дѣвушка всегда угрюмая, но послушная, сдѣлала внезапное и ничѣмъ не вызванное нападеніе на свою кроткую госпожу. Она бросилась на нее какъ тигръ, получивъ выговоръ за какой-то проступокъ, едва не повалила ее, ушибла ей голову о кровать, толкала ее ногами и въ то же время имѣла дерзость кричать: „помогите“ и „убьетъ“. Мистрисъ Виллертонъ, услыхавъ крикъ, прибѣжала въ комнату своей подруги и нашла ее почти безъ чувствъ, съ красными пятнами на бѣлыхъ, нѣжныхъ рукахъ.

Обвиняемая не сказала ни слова въ свое оправданіе, пока мистрисъ Конвей описывала ея ужасный поступокъ. Она стояла угрюмо въ сторонѣ, приглаживая волосы, растрепавшіеся вѣроятно во время борьбы. Но когда мистрисъ Виллертонъ спросила ее, неужели ей не стыдно, она отвѣчала:

— Пусть будетъ по вашему. Оправдываться было бы безполезно. Вы повѣрите скорѣе ей чѣмъ мнѣ. Но я предупреждаю ее чтобъ она не смѣла говорить того что сейчасъ разказала вамъ, если кто-нибудь спроситъ у нея мой аттестатъ. Миссъ Констанція все видѣла, а она не солжетъ.

— Безсовѣстная, возразила ея барыня.—Миссъ Констанція не была здѣсь. Вотъ по этому вы можете судить какое это лживое созданіе, прибавила она, обращаясь къ сочувствовавшей ей Джертрудѣ.

— Она не была здѣсь, возразила горничная,—но она все видѣла изъ своей комнаты. Дверь была отворена.

Мистрисъ Конвей побагровѣла и не сказала ни слова. Когда она въ этотъ день сошла къ обѣду, болѣе обыкновеннаго нѣжная и изящная, подруга ея узнала, къ своему величайшему изумленію, что горничная попросила прощенія и получила его.

— Она слишкомъ вспыльчива, моя милая Джертруда, но это проходитъ у нея въ одну минуту, и какъ она теперь жалѣетъ о своемъ поступкѣ! Я погубила бы ее, еслибы прогнала, а она мнѣ очень полезна. Что сгала бы я дѣлать съ новою горничной, которая не знаетъ моихъ привычекъ?

Слуги замѣтили что въ слѣдующее воскресенье провинившаяся служанка была въ церкви въ новомъ шелковомъ платьѣ, которое ея барыня надѣвала только разъ, и заключили что она получила полное прощеніе.

— Вы слишкомъ балуете вашу горничную, Матильда, сказала мистрисъ Виллертонъ, узнавъ объ этомъ важномъ событіи (вѣроятно отъ своей горничной, позавидовавшей новому платью).—Вы сами поощряете ее къ дурному поведенію.

— О, Боже, Боже, развѣ я не знаю что это глупо, простонала бѣдная женщина.—Но чего же вы хотите отъ такого беззащитнаго существа какъ я? Со мною всякій можетъ дѣлать что хочетъ.

Происшествіе съ горничной случилось за нѣсколько дней предъ тѣмъ какъ Констанція убѣжала, увидѣвъ бѣлую шляпу Джека. Онъ провелъ тогда очень пріятный день и погубилъ одну изъ новыхъ паръ панталонъ, собирая папоротникъ и цвѣты для дѣвушекъ во время прогулки. Сколько лѣтъ, казалось ему, прошло съ тѣхъ поръ какъ онъ игралъ съ ними въ крикетъ, водилъ Констанцію за руку какъ ребенка и говорилъ съ ней объ ея отцѣ. Какъ она измѣнилась! Какъ она похорошѣла! Она была хороша въ день бала мистрисъ Виллертонъ, но теперь, отъ морскаго ли воздуха или отъ чего другаго, появилось какое-то особое одушевленіе въ ея лицѣ. Бѣдная маленькая Конъ! Онъ не подозрѣвалъ что это одушевленіе исчезаетъ, лишь только она возвратится домой.

Еслибъ онъ видѣлъ ее въ тотъ ужасный часъ когда была прощена горничная ея матери и слышалъ ея рыданія и хватающія за сердце слова: „отецъ мой, отецъ мой, о мой бѣдный отецъ!“

А Джекъ? Случилось что-нибудь съ его сердцемъ? Кажется еще нѣтъ. Всѣ три дѣвушки нравились ему; если же онъ отдавалъ которой-нибудь изъ нихъ предпочтеніе, такъ это Мери. Она такая благоразумная, такая добрая, такая безупречная. Онъ любилъ поспорить съ Милли, которая выказывала притворное презрѣніе къ его литературной дѣятельности, и любилъ обернувшись увидать большіе глаза Констанціи, внимательно устремленные на него, между тѣмъ какъ онъ поучалъ ихъ, относясь къ нимъ какъ къ двумъ глупымъ дѣвушкамъ. Но похвала и порицаніе Мери принимались совершенно иначе.

Возвратясь домой въ отличномъ расположеніи духа, онъ засталъ у Бекквиса гостя — высокаго, худощаваго джентльмена, который выкурилъ множество превосходныхъ сигаръ, говорилъ хотя и мало, но съ большимъ одушевленіемъ о различныхъ охотахъ на Востокѣ и просидѣлъ до поздней ночи.

— Вы не противъ того чтобъ онъ приходилъ изрѣдка поболтать со мною? спросилъ Бекквисъ, когда гость ушелъ.

— Конечно нѣтъ; что̀ за вопросъ! Онъ, кажется, славный малый.

— Онъ такой какимъ кажется.

— Кстати, вы представили насъ другъ другу, но забыли сказать мнѣ его имя.

— Извините, странно что я забылъ. Его имя Андрю Стендрингъ. Онъ прожилъ много лѣтъ въ Смирнѣ, гдѣ я познакомился съ нимъ тогда—нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Стендрингъ, повторилъ Джекъ.—Мнѣ знакомо это имя. Нѣтъ ли у него родныхъ въ Лондонѣ?

— У него, кажется, нѣтъ нигдѣ ни родныхъ, ни друзей, отвѣчалъ Бекквисъ тѣмъ грустнымъ тономъ какимъ онъ говорилъ всегда о чемъ-нибудь серіозномъ.—Онъ какъ и я одинокъ въ мірѣ.

— Послушайте, Бекквисъ, сказалъ Джекъ, положивъ руку на плечо своего друга.—Я погорячился давеча; вы не сердитесь? Я не думалъ того что̀ говорилъ. Вы не сердитесь, не правда ли?

— Я не могу сердиться на васъ, Джекъ, но....

— Что̀?

— Вотъ что, сказалъ Беквисъ, и лицо его оживилось.—Ради Бога, будьте осторожны. Вы теперь на хорошей дорогѣ. Не рискуйте влѣзть опять въ нищету ради женщины, которая непремѣнно обманетъ васъ.

— О, вы несчастный старый циникъ, возразилъ Джекъ смѣясь.—Кто же обманетъ меня?

— Не знаю кто. Всѣ онѣ на одинъ ладъ. Теперь вы влюблены въ нее, а когда она окажется обманщицей, что случится непремѣнно, тогда вы поймете женщинъ.

Онъ говорилъ съ такимъ одушевленіемъ что удивилъ Джека.

— Такъ вы полагаете что въ семъ мірѣ нѣтъ порядочной женщины, Беквисъ?

— Отыщите ее и отправляйтесь жить съ ней на необитаемый островъ. Иначе не разчитывайте на счастіе.

— Вы не допускаете что женщина можетъ быть вѣрна?

— Я не говорю о вѣрности въ общепринятомъ значеніи слова, и не говорю о невѣрныхъ женахъ. Я говорю о женщинахъ вообще. Гдѣ сойдутся двѣ женщины, тамъ готовится гибель мущинѣ, который связанъ съ одною изъ нихъ.

— Ну, нѣтъ, мой милый другъ. Это мы, мущины, губимъ женщинъ въ девяносто девяти случаяхъ изо ста.

— Я съ вами совершенно несогласенъ. Едва ли одна изъ пятисотъ женщинъ гибнетъ какимъ бы то ни было образомъ безъ содѣйствія другой женщины.

— Вы не любите женщинъ.

— У меня есть на то причины. Выслушайте меня. Одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, человѣкъ которому даже враги не отказывали во многихъ хорошихъ качествахъ, женился на дѣвушкѣ которую онъ любилъ сильно и надѣялся сдѣлать счастливою женой. И она могла бы быть счастлива. Она была молода, неопытна, и онъ руководилъ ее какъ умѣлъ. Нѣсколько времени они были очень счастливы, но потомъ вокругъ нея собрался кружокъ женщинъ, которыя начали убѣждать ее что совѣты ея мужа не совѣты, а приказанія, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло, что она не должна поддаваться ему, а должна быть, какъ онѣ выражались, полновластною хозяйкой, чѣмъ она и была и никогда въ этомъ не сомнѣвалась, пока не вмѣшались эти кумушки. Между ними была одна которой удалось, Богъ знаетъ какъ, выдти за знаменитаго художника. Она была холодная, разчетливая, практическая женщина, въ которой было столь же мало изящества какъ въ

каракатицѣ, но съ виду довольно приличная и отличная хозяйка. Мужъ ея, возвращаясь изъ своей студіи, находилъ дома покой, порядокъ, чистоту и былъ счастливъ съ своею вульгарною женой, потому что только въ романахъ мужья ищутъ въ женахъ чего-то особеннаго. Она же выставляла его за образецъ мужа, и отъ моего друга требовали чтобъ онъ былъ такой же въ своемъ безпорядочномъ домѣ. Возвратившись домой и замѣчая во всемъ безпорядокъ, онъ конечно сердился. Это называли вмѣшательствомъ не въ свое дѣло. Онъ старался помочь женѣ, это называли самоуправствомъ. Онъ видѣлъ жену въ безпрерывной ссорѣ съ прислугой, и пытался какъ умѣлъ успокоить обѣ стороны. Все хуже и хуже. Онъ пересталъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла. Жена хотѣла быть полновластною хозяйкой въ своемъ домѣ, и онъ уступилъ ей это право, чтобъ успокоить ее, но она съ своею неопытностью скоро превратила для него домъ въ сущій адъ. Тогда онъ сталъ проводить время внѣ дома, въ самыхъ невинныхъ занятіяхъ. Это повело къ ревности. Даже дѣти его,—но объ этомъ лучше не говорить... Зло было слишкомъ ужасно. Удивительно ли что человѣкъ въ такомъ положеніи сбился съ пути? Удивительно ли что тѣ которые знали его веселымъ, счастливымъ и потомъ были свидѣтелями его паденія, негодуютъ на зло причиняемое женщинами женщинамъ?

— Но это случай исключительный.

— Исключительный! такіе исключительные случаи повторяются безпрерывно какъ удары молота по наковальнѣ.

— Но, послушайте! воскликнулъ Джекъ,—не всѣ же женщины такъ глупы какъ жена вашего друга.

— Я привелъ вамъ только одинъ примѣръ изъ общаго правила, но есть множество другихъ. Женщины учатъ женщинъ ревности, расточительности, тщеславію, ссорятъ мужей съ ихъ родными и друзьями. На всѣхъ путяхъ ведущихъ къ нарушенію седьмой заповѣди,—вѣрьте мнѣ, Джекъ,—указателемъ служитъ всегда рука женщины. И когда подумаешь что наши дѣти, наши невинные малютки воспитываются подъ такимъ руководствомъ, о! это слишкомъ ужасно, прибавилъ онъ, стиснувъ зубы.

— Читали вы мою статью въ предпослѣднемъ нумерѣ о свидѣтельствѣ дѣтей, спросилъ Джекъ чтобы перемѣнить разговоръ.

— Да, и вполнѣ согласенъ съ каждымъ вашимъ словомъ. Дѣтей

можно убѣдить что они видѣли и слышали то чего они никогда не видали и не слыхали. Ваши доказательства очень хороши.

Статья о которой шла рѣчь была основана на аргументахъ которыми Джекъ оспаривалъ мистрисъ Конвей на Виллертонскомъ балѣ. Статья была хороша, но едва ли стоило читать ее безчисленное число разъ, какъ читала ее Констанція. Серіозная статья, свободная отъ запальчивости и рѣзкости свойственныхъ Джеку, но все же не такая чтобы побудить молодую дѣвушку броситься на колѣни и молиться со слезами о прощеніи и руководствѣ.

ГЛАВА VII.

Джекъ становится Джекомъ въ Вентворѣ.

Еслибы кто-нибудь пришелъ къ графу Гильтону и сталъ жаловаться на своего повѣреннаго по дѣламъ, который отказался достать двадцать пять тысячъ фунтовъ въ двадцать четыре часа, подъ залогъ ожидаемаго наслѣдства, лордъ Гильтонъ принялъ бы свой высокомѣрный диктаторскій тонъ и сказалъ бы:

„Мой дорогой сэръ, двадцать пять тысячъ фунтовъ сумма не маленькая. Люди не даютъ двадцать пять тысячъ фунтовъ взаймы не подумавъ и не разузнавъ хорошенько. Надо посовѣтоваться съ адвокатами, навести справки, просмотрѣть документы и мало ли что̀ еще. Къ тому же въ настоящее время года городъ пустъ. Будьте благоразумны, подождите.“ Но относительно самого себя такія соображенія не приходили въ голову лорду Гильтону. Услыхавъ что Плесморъ умеръ, онъ тотчасъ же телеграфировалъ Чемліону, приглашая его пріѣхать немедленно. Адвокатъ, отдыхавшій съ своимъ семействомъ въ Скарборо, получивъ телеграмму, подумалъ что кліентъ лежитъ на смертномъ одрѣ или попалъ въ какое-нибудь необычайное затрудненіе, и тотчасъ же исполнилъ его желаніе. Нельзя сказать чтобъ онъ остался доволенъ милордомъ, когда узналъ причину вызова, а милордъ пришелъ въ бѣшенство, услыхавъ отъ него что тотъ кто не даетъ двадцать пять тысячъ подъ Чепель-Гильтонъ потребуетъ болѣе существенныхъ доказательствъ чѣмъ свидѣтельство мистера Блиссета что ближайшій наслѣдникъ умеръ.

Какъ узналъ Абель Блиссетъ что Альджернонъ въ Панамѣ? Случайно. Онъ былъ въ этомъ городѣ (сказалъ онъ лорду Гильтону) по дѣламъ одной фирмы, которой онъ служилъ въ то время, и узнавъ однажды утромъ что на берегу моря найдено тѣло Англичанина, конечно пошелъ взглянуть на своего мертваго, нѣкоторые говорили убитаго, соотечественника, и нашелъ его до того обезображеннымъ морскими раками что лицо было неузнаваемо. Но по платью и по бумагамъ найденнымъ въ карманѣ покойнаго въ немъ узнали человѣка который ходилъ наканунѣ изъ трактира въ трактиръ, съ бутылкой въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой, принуждая всѣхъ встрѣчныхъ выпить съ нимъ и доказывая имъ въ то же время что они недостойны такой чести, такъ какъ онъ англійскій баронетъ и владѣлецъ большаго имѣнія называемаго Плесморъ-Галль. Его слова сочли за льяную болтовню, тѣмъ болѣе что вскорѣ доказано было справками наведенными нашимъ консуломъ что его имя Уатсъ и что онъ былъ бѣглый каторжникъ. Мистеръ Блиссетъ мало думалъ объ утопленникѣ пока не прочелъ извѣстнаго объявленія. Тогда его подозрѣнія опредѣлились, а когда проницательный Берриджеръ доказалъ что Уатсъ и Плесморъ одно и то же лицо, всѣ сомнѣнія разъяснились.

Тонъ и манеры которыми Блиссетъ хотѣлъ умалить значеніе своего открытія, придали ему двойное значеніе.—Не будучи адвокатомъ, прибавилъ онъ, окончивъ разказъ,—я не знаю какое значеніе можетъ имѣть по закону мое свидѣтельство. Но внутренно я такъ же твердо убѣжденъ въ томъ что тотъ человѣкъ былъ Плесморъ какъ въ томъ что сижу здѣсь.

Такъ какъ объявленіе принесло плоды, то присовѣтовавшій его оракулъ, Лилли, былъ вновь удостоенъ откровенностью своего сангвиническаго друга, и какъ бывшій консулъ, мгновенно разрѣшилъ затрудненіе.

Господи! воскликнулъ маленькій человѣкъ,—да это ясно какъ день. Отправьтесь къ генеральному регистратору и спросите у него списокъ умершихъ изъ Панамскаго консульства. Потомъ отправьтесь въ министерство иностранныхъ дѣлъ и возьмите копію съ донесенія консула объ этомъ убійствѣ. Развѣ этихъ двухъ документовъ недостаточно?

Адвокаты находили что недостаточно, чортъ бы ихъ побралъ (замѣчаніе лорда Гильтона). Капиталистъ готовый дать двадцать пять тысячъ нашелся, но коммиссія которой онъ

поручилъ навести справки, не только удостовѣрилась что Плесморъ былъ Уатсъ, а Уатсъ умеръ, но еще потребовала доказательствъ что у него не было сыновей, а если были то умерли, и рѣшила что безъ этихъ доказательствъ нельзя дать ни копѣйки.

Лордъ Гильтонъ принялъ это противорѣчіе какъ личное оскорбленіе. — Не думаетъ ли онъ, мошенникъ (вышеупомянутый капиталистъ), что я хочу ограбить его? Какой чортъ докажетъ что негодяй (подразумѣвается Плесморъ) не былъ женатъ на дюжинѣ женъ и не имѣлъ столько же щенковъ? Какъ не стыдно Чемпіону подчиняться такимъ вздорнымъ требованіямъ.

Но такимъ вздорнымъ требованіямъ пришлось подчиниться, и лордъ Гильтонъ, съ своими большими ожиданіями, терпѣлъ такую нужду, какой не знавалъ Бертрамъ Эйльвардъ. Кредиторы, оставлявшіе его въ покоѣ по безнадежности, когда онъ былъ простой джентльменъ, не хотѣли понять что графскій титулъ не далъ ему даже средствъ заплатить за корону, а фактъ что онъ перемѣнилъ свой скромный фаэтонъ на большую желтую коляску и другіе подобные признаки богатства, подкрѣпляемые его избраніемъ въ предсѣдатели Общества Искусственнаго Орошенія и Земледѣлія, нисколько не улучшили положенія дѣлъ.

Онъ ужасно сердился что Блиссетъ не находилъ средствъ помочь ему въ новомъ затрудненіи. Новый оракулъ былъ очень тронутъ, узнавъ что надо доказать что у Плесмора не осталось наслѣдниковъ, но не далъ никакого совѣта и не сдѣлалъ попытки найти требуемыя доказательства. Его знакомство съ Плесморомъ было такъ поверхностно и т. д. Его новыя занятія отнимаютъ у него столько времени, и т. д. Можетъ-быть мистеръ Берриджеръ, который дѣйствовалъ до сихъ поръ такъ успѣшно, можетъ принести пользу и теперь. Современемъ все уладится, теперь же, такъ какъ срокъ платежа въ Общество Искусственнаго Орошенія и Земледѣлія наступитъ на дняхъ, то онъ будетъ считать себя счастливымъ если графъ сдѣлаетъ его своимъ кредиторомъ хоть на двѣсти фунтовъ.

— Честное слово, Блиссетъ лучшій человѣкъ въ мірѣ! воскликнулъ лордъ Гильтонъ, прочитавъ письмо въ которомъ заключалось это предложеніе.

Въ семействѣ его свѣтлости была особа не раздѣлявшая

этого мнѣнія, и особа эта была Милли. Избалованная красавица не могла принудить себя обращаться вѣжливо съ Блиссетомъ, даже когда онъ былъ гостемъ ея отца, и не упускала случая побранить его.

— Стыдись, стыдись, милое дитя мое, возразилъ графъ на нѣкоторыя изъ ея злѣйшихъ насмѣшекъ. — Я убѣжденъ что Блиссетъ не заслужилъ отъ тебя такого мнѣнія. Его обращеніе съ тобою было всегда въ высшей степени вѣжливо и почтительно.

— Это-то и противно, папа. Я ненавижу его кашачьи, покорныя манеры. Какъ онъ смѣетъ обращаться со мною вѣжливо, когда я груба, умышленно груба съ нимъ? Я ненавижу его!

Графъ сердился, говорилъ то чего не думалъ и дѣлалъ угрозы, которыхъ не имѣлъ намѣренія исполнить, и Милли приходилось покориться какъ женщинѣ предъ вспылившимъ мущиной.

Мери, всегда старавшаяся поддерживать въ домѣ миръ, поступала иначе.

— Я тоже не люблю мистера Блиссета, Милли, сказала она однажды,—и поэтому никогда не дамъ ему права сказать что я не умѣю держать себя какъ слѣдуетъ порядочной женщинѣ въ домѣ моего отца.

— Мери, милая моя! воскликнула сестра жалобнымъ, совсѣмъ не свойственнымъ ей тономъ,—мнѣ право очень жаль. Я сама не знаю что̀ это такое. Онъ какъ-то странно смотритъ на меня, и я боюсь его.

— Какой вздоръ, Милли.

— Я не могу переломить себя, Мери, право не могу. Помнишь ты змѣю которую мы видѣли въ Зоологическомъ саду, такая большая, черная, которая, говорятъ, разъ ушла? Вотъ у нея, въ ея ужасныхъ глазахъ, такой же точно взглядъ какъ у этого человѣка. Почему онъ никогда не смотритъ въ глаза когда говоритъ съ нимъ, и всегда смотритъ когда не говоритъ?

— Но, милая Милли, ты постоянно повертываешься къ нему спиной.

— Все равно. Я чувствую что онъ на меня смотритъ. Я могу закрыть глаза и видѣть что его глаза устремлены на меня; точно глаза змѣи.

— Какая ты фантазерка, Милли.

— Неправда. Джекъ его также ненавидитъ. Джекъ не приходитъ когда онъ у насъ.

— Но Джекъ медвѣдь, какъ ты часто говоришь, сказала сестра улыбаясь.

— Да, медвѣдь, но милый, честный медвѣдь, который можетъ смотрѣть въ глаза кому угодно.

Что произошло дальше между сестрами по этому поводу, не имѣетъ значенія, но результатъ былъ тотъ что Милли обѣщала слѣдовать примѣру Джека и избѣгать мистера Блиссета, лока не пройдетъ ея черная фантазія.

Мери, всегда внимательная и нѣжная съ младшею сестрой, сдѣлалась еще внимательнѣе и нѣжнѣе, когда поняла женскимъ инстинктомъ что Милли не совсѣмъ счастлива. Страдающіе хандрой молодые люди и въ особенности страдающіе хандрой молодые маркизы интересны какъ бальные знакомые, но когда знакомство переходитъ въ дружбу, а дружба въ нѣчто другое, тогда грустно вспомнить о томъ что было первою причиной интереса. Бѣдная Милли не могла знать или угадать почему тетя Виллертонъ и другія почтенныя матроны покачивали головой, когда рѣчь заходила о маркизѣ Винторнѣ. Хандра, такая какъ его хандра, была незнакомымъ чувствомъ для невинной Милли. Она видѣла что всѣ ласкаютъ его и ухаживаютъ за нимъ, и была очень довольна когда замѣтила что онъ расположенъ ухаживать за ней и ласкать ее. Они встрѣчались часто во время ея пребыванія въ Лондонѣ, а на балѣ у ея тетки его рука какъ-то случайно обняла ея талію, когда оркестръ не игралъ, и въ такомъ мѣстѣ гдѣ нѣтъ обыкновенія танцовать; и онъ началъ шептать ей на ухо то что она выслушала бы съ большимъ удовольствіемъ, еслибъ имъ не помѣшали. Потомъ пришло извѣстіе о смерти лорда Гильтона и пришлось удалиться отъ веселыхъ мѣстъ гдѣ они встрѣчались. Надо отдать справедливость молодому маркизу: онъ возобновилъ бы разговоръ начатый и внезапно прерванный въ оранжереѣ мистрисъ Виллертонъ, еслибъ имѣлъ къ тому случай. Но домъ ихъ былъ закрытъ для посѣтителей до похоронъ, а потомъ маркизъ долженъ былъ ѣхать на проклятую охоту въ Шотландію.

Лордъ Гильтонъ, который былъ такъ же мало способенъ сохранить тайну какъ совереиъ, конечно выболталъ что маркизъ говорилъ ему о своемъ намѣреніи купить яхту и пріѣхать на островъ Вайтъ, намѣреніи примирившемъ Милли

съ ея чернымъ платьемъ и насильственнымъ удаленіемъ въ это „дурацкое мѣсто“, такъ она теперь называла его.

Бѣдная Милли! проходили недѣли, а онъ не пріѣзжалъ, хотя газеты посвященныя хроникѣ событій въ высшемъ обществѣ уже объявили объ окончаніи его охоты, во время которой было истреблено не помню сколько тысячъ тетеревовъ. Тѣ же интересные авторитеты вскорѣ оповѣстили міру что его свѣтлость маркизъ Винторнъ отправится въ Баденъ-Баденъ, и тамошнія газеты объявили что свѣтлость играетъ, конечно не на музыкальномъ инструментѣ. Милли знала только что онъ не ѣдетъ на островъ Вайтъ, и этого было съ нея довольно.

— Скажите Бога ради что̀ случилось съ вами? спросилъ однажды Джекъ, сидя съ дѣвушками на лугу.—Не впала ли маленькая Конъ въ сентиментальность и не заразила ли она Милли, или *vice vicious*? Право вы обѣ глупы сегодня какъ совы.

— Вспомните что мы провели часа полтора въ вашемъ обществѣ, и будьте снисходительны къ намъ, отозвалась Милли.

— Грустно подумать какъ молодыя дѣвушки пренебрегаютъ случаями поучиться посылаемыми имъ милостивымъ провидѣніемъ, возразилъ Джекъ.

— Такъ вы уходите? Прощайте, сказала Милли.

Такъ началась стычка.

Позже въ тотъ же день Джекъ отвелъ въ сторону Мери Эйльвардъ и спросилъ ее серіозно: что̀ случилось съ Констанціей?

— Надѣюсь что я ошибаюсь, Джекъ, отвѣчала она съ своимъ прямымъ, добрымъ взглядомъ, который былъ въ нея такъ привлекателенъ,—но мнѣ кажется что она не совсѣмъ счастлива дома,

— Гдѣ дома?

— Я хочу сказать что она и ея мать — право я не знаю какъ выразиться о такомъ щекотливомъ предметѣ, но вѣдь вы меня понимаете. Неправда ли?

— Кажется понимаю.

— Ее что-то мучаетъ, это ясно, а она такая милая, добрая дѣвушка что навѣрное ни въ чемъ не виновата. Все свободное время она проводитъ съ нами, и все-таки тоскуетъ, какъ вы замѣтили. Какъ вы думаете, какой вопросъ задала она мнѣ на дняхъ?

— Какой?

— Считаю ли я ее способной быть гувернанткой.

— Господи! Вообразите маленькую Конъ гувернанткой!

— Повѣрьте мнѣ, Джекъ, что она задала этотъ вопросъ не безъ причины. Констанція все что̀ вамъ угодно, только не ребенокъ. Вы и лапа не хорошо дѣлаете, обращаясь съ ней какъ съ милою игрушкой. Она умнѣе многихъ дѣвушекъ которыхъ я знаю. У ней такъ много здраваго смысла и наблюдательности что вы удивились бы еслибы знали ее такъ какъ я ее знаю.

— Она всегда точно во снѣ.

— Боюсь что въ тяжеломъ снѣ; бѣдная.

— Не можете ли вы разбудить ее?

— Я не считаю благоразумнымъ даже пробовать. Можетъ-быть она когда-нибудь сама откроетъ мнѣ свое сердце. Такое робкое и нервное существо не слѣдуетъ вызывать на откровенность.

Замѣтьте что „Джекъ“, „Мери“, „Милли“ и „маленькая Конъ“ уже замѣнили „мистеръ Гилль“, „Леди Эйльвардъ“ и „миссъ Конвей“. Какъ и когда началась эта фамильярность, никто изъ нихъ не зналъ и никто не думалъ къ чему она поведетъ. Лордъ Гильтонъ, правда, выразилъ протестъ противъ того что дочери его, говоря о нашемъ повѣсѣ называли его Джекомъ, и доказывалъ что это въ высшей степени неприлично, но на слѣдующій день замѣтилъ что самъ называетъ его Джекомъ въ глаза. Должно-быть въ этомъ человѣкѣ было что-нибудь особенное, если благовоспитанныя дѣвушки и надменный старикъ забыли относительно его всѣ правила приличія.

За нѣсколько дней предъ тѣмъ какъ Джекъ сдѣлался Джекомъ въ Вентворской виллѣ, онъ удостоился, какъ и половина города, откровенности ея благороднаго владѣльца касательно великаго затрудненія. Не потому чтобы лордъ Гильтонъ считалъ Джека способнымъ разрѣшить затрудненіе, но это давало ему случай побранить адвокатовъ вообще и Чемпіона въ особенности. Джекъ не зналъ Чемпіона, но заключивъ изъ словъ его кліента (онъ еще не подмѣтилъ слабую струну графа) что Чемпіонъ ужасно глупъ, думалъ оказать услугу старому другу, сообщивъ лорду Гильтону что мистеръ Блексемъ въ Соутертонѣ способенъ разрѣшить какое угодно затрудненіе. Нѣсколькихъ вопросовъ и отвѣтовъ было достаточно чтобъ убѣдиться въ тождественности ловкаго адвоката съ другомъ юности графа.

Сердце у лорда Гильтона было доброе, но онъ былъ изъ

тѣхъ людей къ которымъ примѣнима пословица: „Долой съ глазъ, вонъ изъ сердца“.

— Мы были друзьями въ молодости, сказалъ онъ грустнымъ тономъ, — и одно время я думалъ что обязанъ ему величайшимъ счастіемъ въ жизни. Я ошибся, мистеръ Гилль, жестоко ошибся, но это не измѣнило моего мнѣнія о вашемъ другѣ, о моемъ другѣ. Онъ былъ въ ужасномъ положеніи когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ, много лѣтъ тому назадъ, гораздо раньше чѣмъ родилась моя старшая дочь. Я уѣхалъ за границу и потерялъ его изъ виду. Жаль что я не повидался съ нимъ когда былъ въ Лондонѣ. Передайте ему, когда увидитесь съ нимъ, что я очень радъ что онъ счастливъ и живетъ въ довольствѣ. Есть у него семейство?

— Большое, все дочери, и онъ балуетъ ихъ ужасно, отвѣчалъ Джекъ.—Его опекунъ, кажется, сильно угнеталъ его, когда онъ былъ мальчикомъ. Вслѣдствіе этого онъ впалъ въ другую крайность и даетъ своемъ дѣтямъ полную свободу.

— Да, опекунъ его былъ суровый, злой человѣкъ.

— Жаль что онъ не былъ немного построже со мной, сказалъ Джекъ.

— Какъ! Что вы могли имѣть общаго со Стендрингомъ?

— Онъ былъ моимъ опекуномъ.

Разговоръ этотъ происходилъ когда они сидѣли вдвоемъ за десертомъ послѣ обѣда. Графъ страшно поблѣднѣлъ при послѣднихъ словахъ Джека, и стаканъ бордосскаго который онъ поднесъ къ губамъ едва не выпалъ изъ его рукъ?

— Не родня ли вы ему? спросилъ онъ подумавъ.

— Нѣтъ, онъ былъ только моимъ опекуномъ.

— Не родня ли вы Дунканамъ?

— Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно. Почему вы это спрашиваете?

— Такъ, отвѣчалъ графъ задумчиво. — Странно что имѣя власть надъ вами, онъ не злоупотреблялъ ею, какъ злоупотреблялъ властью надъ другими имѣвшими несчастіе зависѣть отъ него. Этотъ человѣкъ, мистеръ Гилль, — нѣтъ, я лучше не буду говорить о немъ. Вы видѣлись съ нимъ часто въ послѣднее время?

— Я, кажется, видѣлъ его всего разъ въ жизни, и въ этотъ разъ мы разстались навсегда; мистеръ Блиссетъ былъ посредникомъ между нами.

— А, теперь я понимаю почему вы не любите Блиссета, сказалъ графъ.

— Не знаю, милордъ, чѣмъ я далъ вамъ поводъ думать что не люблю его. Какъ гость въ вашемъ домѣ....

— Я не обвиняю васъ въ невѣжливости, мистеръ Гилль. Напротивъ, именно потому что вы строго вѣжливы съ нимъ, между тѣмъ какъ съ нами вы просты и откровенны,—за что мы и любимъ васъ, — я заключаю что между вами и Блиссетомъ есть какое-то недоразумѣніе. Что можете вы сказать противъ Блиссета?

— Милордъ, началъ Джекъ, повернувъ стулъ такъ что его честные глаза встрѣтились съ вопросительнымъ взглядомъ графа.—Я сужу о человѣкѣ по его поступкамъ. Ваша свѣтлость, конечно, поступаете точно такъ же. Мистеръ Блиссетъ теперь не въ томъ положеніи въ какомъ я зналъ его, и, безъ сомнѣнія, измѣнился. Изъ того что мнѣ позволено бывать здѣсь, я заключаю что онъ, который несравненно полезнѣе для васъ чѣмъ я могъ бы когда-нибудь быть, не вооружаетъ вашу свѣтлость противъ меня; а онъ могъ бы разсказать обо мнѣ много такого вслѣдствіе чего двери вашего дома были бы закрыты для меня. Впрочемъ надѣюсь что и я измѣнился къ лучшему. Я не люблю мистера Блиссета, но это еще не причина чтобъ и ваша свѣтлость не любили его.

Лордъ Гильтонъ разгрызъ молча нѣсколько орѣховъ и потомъ сказалъ:

— Мы начали нашъ разговоръ безъ такого множества *милордовъ и вашихъ свѣтлостей* какимъ вы закончили. Я, кажется, заставилъ васъ вспомнить о формальностяхъ, заговоривъ о вѣжливости. Вы мнѣ болѣе нравились когда вы естественны, Джекъ.

Это было взломомъ льда. Съ этихъ поръ Джекъ сдѣлался Джекомъ.

Между тѣмъ какъ визиты Джека въ виллу дѣлались чаще и продолжительнѣе, совѣсть упрекала его за одиночество Бекуиса, и онъ былъ доволенъ частыми посѣщеніями Стендринга, доволенъ тѣмъ болѣе что присутствіе гостя мѣшало Бекуису возобновить непріятный разговоръ. Аргументы Бекуиса противъ женщинъ были ему антипатичны.

— Надѣюсь что завтра вы выползете изъ своей раковины, старая улитка, и поѣдете посмотрѣть на гонку лодокъ, сказалъ онъ ему однажды.—Виллертонъ, который знаетъ васъ по слухамъ, просилъ меня опять пригласить васъ завтракать на его яхту. Онъ обидится если вы не пойдете.

— Мнѣ очень не хотѣлось бы обидѣть мистера Виллертона, сказалъ Бекъисъ серіозно, — но....

— Пожалуста безъ *но*. Пойдемте, милый другъ мой, сдѣлайте это хоть для меня.

— На такую просьбу я не могу отказать, Джекъ, отвѣчалъ Бекъисъ съ грустною улыбкой на поздоровѣвшемъ лицѣ. — Надѣюсь что тамъ будетъ мужское общество?

— Избави Богъ! Тамъ будутъ дочери Гильтона, мистрисъ Виллертонъ и ея подруга съ своею дочерью, очень милою дѣвушкой, и еще двѣ или три женщины.

— Идти ли мнѣ, Джекъ?

— Непремѣнно. И вы должны взять съ собою Васлу. Леди Амелія Эйльвардъ хочетъ непремѣнно видѣть Васлу. Джекъ (такъ окрестили скворца) тоже приглашенъ, но я не знаю какъ мы его возьмемъ.

— Слѣдовательно я нуженъ тамъ только какъ хозяинъ звѣринца.

— Не говорите этого, Бекъ, сказалъ Джекъ, огорченный томъ словъ своего друга.—Воспользуйтесь случаемъ убѣдиться что васъ можно любить за ваши личныя качества. Чортъ возьми! Они любятъ меня, а вы можете показать имъ мое ничтожество въ сравненіи съ вами.

Въ день гонки лодокъ, семейство лорда Гильтона прибыло на набережную въ большой желтой коляскѣ, и Бекъисъ былъ представленъ графу и его дочерямъ. Мистрисъ Виллертонъ по обыкновенію опоздала, а такъ какъ *Келпія* была готова и могла перевезти за разъ не болѣе пяти или шести человѣкъ, то было рѣшено что Джекъ проводитъ первый отрядъ, состоявшій изъ Мери и Милли Эйльвардъ, эксъ-оракула Лилли, его жены и дочери. Лордъ Гильтонъ и Бекъисъ остались ждать Виллертоновъ.

— Я одна во всемъ виновата, дорогой лордъ Гильтонъ, заговорила мистрисъ Конвей, когда прибыла на набережную, въ облакѣ кисеи и шелку, минутъ двадцать спустя послѣ отплытія перваго отряда. Не браните милую Джертруду, это я задержала ее. Моя горничная стала такая безпечная. Констанція, душа моя, ты, кажется, сидишь на моемъ платьѣ. Какъ вы думаете, дорогой лордъ Гильтонъ, будетъ очень страшно? Дай Богъ чтобы было не очень страшно. Я такъ боюсь воды. Это *Келпія*? продолжала она, указывая на американское торговое судно въ 800 тоннъ, только-что ставшее

на якорь. Какъ! вонъ та съ краснымъ флагомъ? Какая маленькая! Не опасно ли будетъ, дорогой лордъ Гильтонъ?

Лордъ Гильтонъ выразилъ мнѣніе что какъ ни мала *Келпія* въ сравненіи съ американскимъ судномъ, но на ней можно будетъ позавтракать не подвергая жизнь серіозной опасности, когда она станетъ на якорь въ гавани Коусъ, и мистрисъ Конвей нѣсколько успокоилась.

Какого труда стоило втащить ее съ ея кисеей и шелкомъ на палубу яхты, предоставляю вообразить тѣмъ кому случалось страдать въ подобныхъ случаяхъ. Она объявила что умретъ если ее принудятъ взойти на такую страшную лѣстницу (цѣлыхъ три ступеньки) и вела себя такъ что ея милая Джертруда принуждена была посовѣтовать ей не ломаться.

— Гдѣ же Беквисъ, спросилъ Джекъ, когда высадился второй отрядъ.

— Боже мой, мы забыли его! воскликнулъ графъ;—эта женщина такъ шумѣла, прибавилъ онъ *sotto voce*, обратившись къ Спенсеру,— что....

— Отправляйтесь опять къ пристани за джентльменомъ который тамъ дожидается, мистеръ Оксонъ, сказалъ Виллертонъ своему рулевому,—и пожалуста не проглядите его.

Яхта причалила опять къ пристани, рулевой смотрѣлъ долго, но дожидающагося джентльмена не оказалось.

— Каковъ! Подумалъ Джекъ.—Убѣжалъ таки въ послѣднюю минуту.

Возвратясь вечеромъ домой, съ намѣреніемъ прочесть строгое наставленіе своему другу, Джекъ не нашелъ никого въ темномъ домѣ. Мистеръ Беквисъ, сказала хозяйка, уложилъ свои вещи и уѣхалъ въ четыре часа пополудни, на пароходѣ. Не оставилъ ли онъ какого-нибудь порученія или письма? Да, письмо лежитъ на столѣ мистера Гилля. Джекъ прочелъ:

„Милый Джекъ,

„Я пріѣхалъ сюда чтобы поправить здоровье. Теперь я здоровъ и могу приняться за работу. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до гонки лодокъ.

„Вашъ навсегда
„Джоржъ Беквисъ.“

— Какъ жаль что онъ такъ скоро уѣхалъ, сказала хозяйка.—Только-что началъ было поправляться. Бѣдный! на немъ лица не было когда онъ пришелъ сегодня домой. Должно-быть захворалъ опять.

ГЛАВА VIII.

По почтѣ.

Мартинъ Блексемъ досточтимому графу Гильтону.

„Дорогой графъ Гильтонъ,

„Я получилъ ваше письмо отъ 14го числа, въ которомъ вы предложили мнѣ быть вашимъ повѣреннымъ въ изложенномъ вами дѣлѣ. На ваше предложеніе я отвѣтилъ бы вамъ съ первою почтой, какъ вы того желали, но въ вашемъ письмѣ были другіе пункты, о которыхъ мнѣ хотѣлось подумать. Сначала о вашемъ предложеніи. Я очень благодаренъ вамъ и моему другу Гиллю, но не могу взяться за ваше дѣло: вопервыхъ, потому что оно не относится къ моей спеціальности, вовторыхъ, потому что Чемпіонъ мой лондонскій агентъ и мнѣ неприлично конкуррировать съ нимъ. Еслибъ я сдѣлался вашимъ адвокатомъ, вы стали бы поступать по моимъ совѣтамъ. Поступите и теперь по моему совѣту: оставьте ваше дѣло тамъ гдѣ оно теперь. Оно въ хорошихъ рукахъ.

„Дружескій тонъ вашего письма ободряетъ меня сдѣлать замѣчаніе, которое вы, надѣюсь, не переголкуете въ дурную сторону. Я прочелъ съ сердечною болью и удивленіемъ то мѣсто вашего письма гдѣ вы говорите о вашей первой женѣ. Вспомните что я обязанъ своимъ счастіемъ какъ вамъ такъ и ей. Вы конечно оказали мнѣ болѣе помощи чѣмъ она, когда я былъ въ крайней нуждѣ, но она пришла къ моей постелѣ съ такими же добрыми намѣреніями какъ и вы, но съ гораздо большимъ рискомъ. Позвольте мнѣ стать на минуту между бѣдною Джуліей и гнѣвомъ котораго не могли охладить многіе годы.

„Мы не видались со дня вашей свадьбы; вы пошли своимъ путемъ, а я своимъ; я ничего не подозрѣвалъ, пока не узналъ о вашей ссорѣ со Стендрингомъ, которая, по небрежности съ вашей стороны, попала въ газеты. Вполнѣ ли вы увѣрены что положеніе дѣлъ было такъ дурно какъ казалось? Вы говорите что Джебезъ Стендрингъ подтвердилъ „подлость своего сына и низость воспитанницы“. Но онъ былъ золъ на обоихъ и имѣетъ обыкновеніе выставлять въ дурномъ свѣтѣ поступки тѣхъ кто идетъ противъ него. Онъ отзывался очень жестоко и о васъ. Въ такомъ дѣлѣ какъ то о которомъ я говорю ничего нельзя было считать несомнѣннымъ. Съ такимъ человѣкомъ какъ Джебезъ Стендрингъ надо быть всегда настороже, а вы, извините меня за откровенность, вы осудили правдивую, мужественную, любящую женщину на основаніи доказательствъ не провѣривъ которыхъ я не осудилъ бы послѣднюю уличную бродягу. Я полагаю что исчисливъ причины по которымъ вы считаете себя въ правѣ говорить о бѣдной

Джулiи то что̀ вы сказали, вы исчислили главныя причины. Въ противномъ случаѣ я беру назадъ мои слова и прошу у васъ прощенiя.

„Какъ бы то ни было, теперь есть возможность разъяснить многое. Андрью Стендрингъ въ Англiи. Я не говорю: повидайтесь съ нимъ, потому что по тону вашего письма вижу что лордъ Гильтонъ и мой неукротимый другъ Бертрамъ Эйльвардъ одно и то же; но позвольте мнѣ повидаться съ нимъ. Положенiе дѣлъ не могло быть хуже чѣмъ вы понимаете, но могло быть лучше.

„Я знаю что это вопросъ слишкомъ щекотливый для вмѣшательства третьяго лица; но послѣ долгаго размышленiя я счелъ моею обязанностью, даже моимъ правомъ, такъ какъ вы такъ добры что просите меня считать нашу дружбу не прерванною, сказать то что̀ я сказалъ. Если вы примете мое предложенiе, я буду очень радъ; если вы разсердитесь на меня за него, говорю вамъ прямо, я не буду раскаиваться что сдѣлалъ его.

„Поблагодаривъ васъ за добрыя пожеланiя мнѣ и моему семейству, остаюсь, дорогой лордъ Гильтонъ,

„искренно преданный вамъ

„Мартинъ Блексемъ.“

Лордъ Гильтонъ Мартину Блексему, эсквайру.

„Лордъ Гильтонъ свидѣтельствуетъ свое почтенiе мистеру Блексему и увѣдомляетъ его о полученiи его письма заключающаго отказъ дѣйствовать въ качествѣ повѣреннаго по дѣламъ.

„Что же касается до другаго пункта письма мистера Блексема, лордъ Гильтонъ отвѣчалъ что онъ не имѣетъ обыкновенiя дѣйствовать на основанiи недостаточныхъ доказательствъ.

„Вентворъ 19го сентября.“

Миссъ Блексмъ Джону Гиллю, эсквайру.

„Милый Джекъ.

„Я не подумала бы писать вамъ еслибы папа не сказалъ какъ-то на дняхъ, за завтракомъ, что вы хорошiй человѣкъ, но что онъ желалъ бы, неизвѣстно почему (вы знаете папа), чтобы вы не трудились отыскивать ему кліентовъ.

„Однажды въ недобрый часъ, по просьбѣ бѣдной Катерины (вы знаете что мы ни въ чемъ не отказываемъ ей), я дала мою лошадь новому помощнику священника, и умное животное сбросило его и переломило себѣ ногу. Я конечно сама хожу за ней и надѣюсь вылѣчить ее такъ что не останется послѣдствiй.

„Наша Мабель достигла блистательнаго успѣха. Модель которую она послала въ Ганконъ будетъ вылита изъ серебра. Мы всѣ такъ гордимся.

„Теперь о дурныхъ новостяхъ. Глупая Меджи Грейсъ убѣжала. Ее послали въ Лондонъ, чтобъ она нашла себѣ тамъ мѣсто служанки, и думали что все обстоитъ благополучно, пока ея тетка не написала спрашивая почему она не ѣдетъ. Бѣдный старикъ Грейсъ совсѣмъ убитъ.

„Я получила вчера письмо отъ Констанціи. Она говоритъ что встрѣтилась съ вами на островѣ Вайтъ. Констанція почти моя единственная корреспондентка, но она пишетъ какъ вамъ угодно, только не весело. Что съ нею сдѣлалось? И увѣдомте пожалуста нетерпѣливыхъ друзей кто такая Мери и почему ваше имя, мистеръ Джекъ, всегда соединено съ ея именемъ?

„Остальное должно бы было заключаться въ постскриптумѣ, такъ какъ это самое главное въ моемъ письмѣ; но я этого не дѣлаю, потому что не принадлежу къ числу благовоспитанныхъ дѣвушекъ. Наша Беатриса выходитъ замужъ за капитана .... полка. Онъ какъ-то родня Врейсамъ, и хотя не такая партія какую мы пророчили нашей красавицѣ, но человѣкъ хорошій и ѣздитъ хорошо (для водолаза). Онъ говоритъ что у него въ Итонѣ былъ подъ началомъ ученикъ по имени Джекъ Гилль, „ужасно вѣтряный чертенокъ“, и хочетъ знать вы ли это. Описаніе такъ подходитъ къ вамъ что мы всѣ думаемъ что это вы. Его имя Дакресъ, и жилъ онъ въ Чертси. Если вы окажетесь его чертенкомъ, то онъ, кажется, имѣетъ намѣреніе просить васъ быть его шаферомъ.

„День свадьбы еще не назначенъ, но будетъ въ декабрѣ; я увѣдомлю васъ заблаговременно. Мы поставимъ старый домъ вверхъ дномъ и сдѣлаемъ балъ и еще что-то. Вы должны пріѣхать дня за два по крайней мѣрѣ, чтобы помогать намъ. Одѣньтесь во что-нибудь старое, потому что работа будетъ ужасная. Надо будетъ разрисовать маркизы, убрать арки зеленью и сдѣлать много такого что не подъ силу однимъ безпомощнымъ женщинамъ. Потомъ намъ надо будетъ повеселиться, когда все будетъ готово. Такъ пріѣзжайте же.

„Искренно любящая васъ,
„Алиса Блексемъ.“

Евгеній Лапласъ Абелю Блиссету, эсквайру.

„Театръ. Брюссель.

„Милостивый государь,

„Молодая особа которую вы рекомендовали мнѣ какъ *première danseuse* сыграла со мной ужасную штуку. Получая 600 франковъ въ недѣлю, имѣя готовую квартиру, карету и пять гарантированныхъ букетовъ каждый вечеръ, кажется можно быть довольною? Увы! Есть люди которые не умѣютъ пользоваться счастіемъ когда оно само дается имъ въ руки.

„Однажды, когда я назначилъ одно изъ моихъ блистательнѣйшихъ представленій въ театрѣ, былъ одинъ австрійскій эрцгерцогъ. Драма прошла отлично. Балетъ готовъ былъ на-

чаться, когда одинъ *distrait* увѣдомилъ меня что mademoiselle Adèle еще не пріѣхала. Я пришелъ въ отчаяніе и бросился къ ней. Представьте мое удивленіе, мой ужасъ, когда мнѣ объявили что она уѣхала куда-то на извощикѣ, въ три часа пополудни, уложивъ въ сакъ-вояжъ нѣсколько вещей.

„Я возвратился въ театръ какъ безумный и нашелъ публику разъяренною противъ меня—меня, жертвы такой неблагодарности. Въ отчаяніи, взбѣшенный, оскорбленный, я представился публикѣ. Она, неблагодарная, не хотѣла меня выслушать. Меня ошикали—*меня!* Наконецъ полиція возстановила тишину, и меня выслушали.

„На слѣдующій день mademoiselle соблаговолила вернуться. Она, видите ли, была не совсѣмъ здорова, и докторъ посовѣтовалъ ей прокатиться за городъ. Mon Dieu! Можно ли говорить такія вещи безнаказанно?

„Другъ мой, даю вамъ честное слово что я сдѣлалъ для этой дѣвушки все что могъ. Я досталъ ей формальное свидѣтельство о болѣзни, и напечаталъ его въ газетахъ. Нѣтъ болѣзни которой я не приписывалъ бы ей въ кофейняхъ, оправдывая ея несчастный поступокъ. Тщетно! Публика грубая, *entêtée*, подстрекаемая партіей Меланіи (высокой, толстой, ложилой женщины, которой хочется опять на сцену), публика разъярилась противъ нея какъ разъярилась сначала противъ меня. Какая сцена, какой крикъ, какое буйство! А мой театръ только-что отдѣланъ заново. Но признаюсь, Адель была великолѣпна, поразительна. Скрестивъ маленькія ручки, съ огнемъ въ глазахъ, съ поднимающеюся отъ волненія грудью, она встрѣтила бурю и черезъ минуту укротила бы ее. Но увы! она женщина, а женщина не можетъ остаться двѣ минуты сряду въ одинаковомъ расположеніи духа. Она расплакалась, и все пропало.

„Съ большимъ сожалѣніемъ принужденъ я былъ отказать ей и начать искъ противъ нея въ предостереженіе другимъ. Увы! Она начала блистательно, бѣдная, но какая неосторожность!

„Вашъ неизмѣнный другъ,
„Евгеній Лапласъ.“

Абель Блиссетъ къ мадемуазель Адель Сальзаръ.

„Chère méchante,

„Вѣсть о твоемъ новомъ приключеніи дошла до меня. Я тебя извиняю. Ты больна, а я знаю что болѣзнь тѣла отражается на духѣ. Поѣзжай для поправленія здоровья въ какое-нибудь веселое мѣсто, въ Баденъ-Баденъ напримѣръ. Посылаю тебѣ три тысячи франковъ для покупки дорожнаго мѣшка. Если будешь умна, то въ концѣ мѣсяца купишь себѣ другой. Понимаешь?

„Въ Баденѣ находится въ настоящее время одинъ англійскій лордъ, господинъ маркизъ де-Винторнъ. Онъ молодъ, очень богатъ и, вопреки совѣтамъ своихъ друзей, хочетъ жениться на дѣвушкѣ *sans naissance*.

„Не такой умной особѣ какъ ты я указалъ бы какими средствами можно извлечь изъ сердца влюбленнаго образъ этой дѣвушки; тебѣ же я скажу только: познакомься съ нимъ. Остальное ты сама поймешь.

„Весь твой

„Абель Блиссетъ."

Мадемуазель Адель Сальзаръ Абелю Блиссету.

„Cher Ours,

„Я поняла тебя вполнѣ, но твой молодой другъ надоѣдаетъ мнѣ ужасно. Онъ непремѣнно хочетъ чтобъ я ѣхала съ нимъ въ Италію. Такъ не трудись искать мнѣ мѣста въ твоемъ печальномъ отечествѣ. Теперь это уже не нужно. Я знаю что ты меня поймешь.

„Твоя ученица Адель."

Джонъ Гилль Джорджу Беквису, эсквайру.

„Поусъ, 28го сентября.

„Дорогой Беквисъ.

„Позвольте мнѣ поздравить васъ съ полнымъ успѣхомъ увѣнчавшимъ ваше намѣреніе, оставить меня въ дуракахъ предъ моими друзьями, скрывшись отъ насъ въ день гонки лодокъ. Если вы пойдете по этому пути, васъ ожидаетъ извѣстность. но я желалъ бы чтобы вы обратили ваши способности на что-нибудь иное. Я понимаю что человѣкъ можетъ не интересоваться гонкой лодокъ, но въ такомъ случаѣ онъ не долженъ принимать приглашенія ѣхать смотрѣть на гонку лодокъ. Я понимаю что глупый мальчишка можетъ не любить женское общество; я самъ не любилъ его когда былъ глупый мальчишка. Но если такой человѣкъ какъ вы убѣгаетъ, завидѣвъ женскую юпку, мнѣ чуется тутъ что-то недоброе. Впрочемъ мы провели день очень весело, несмотря на отсутствіе мистера Бекваса.

„Я узналъ что уѣзжая вы заплатили сполна по нашему счету. Это что-то очень похоже на дерзость. Къ этому письму прилагаю квитанцію на полученіе съ почты моей доли. Въ другой разъ, сдѣлайте одолженіе, предоставьте мнѣ платить самому мою долю.

„Преданный вамъ

„Джекъ Гилль."

Джорджъ Бекваса Джеку Галлю, эсквайру.

30го сентября.

„Милый Джекъ,

„Я закурилъ трубку вашимъ письмомъ и размѣнялъ нашу квитанцію на деньги. Половина двѣнадцати фунтовъ семнадцати шиллинговъ не шесть фунтовъ, судя по ариѳметикѣ, которой

меня учили въ дѣтствѣ. Если считаться такъ ужь считаться какъ слѣдуетъ.

„Такъ какъ вы новичокъ въ *Цензорѣ*, то мой совѣтъ вамъ: не оставайтесь долѣе въ отсутствіи.

„Преданный вамъ
„Дж. Беквисъ."

Гг. Чемпіонъ сынъ и Дей.
Досточтимому лорду Гильтону.

„Терлей-Чамберзъ, 30го сентября.

„Милордъ!

„Согласно съ инструкціями вашего лордства, мы вошли въ сношенія съ мистеромъ Берриджеромъ съ тѣмъ чтобы воспользоваться его содѣйствіемъ для отысканія доказательствъ требуемыхъ повѣренными лица съ которымъ мы ведемъ переговоры о займѣ двадцати ляти тысячъ подъ обезпеченіе Челель-Гильтонскаго имѣнія.

„Мы сочли нужнымъ сообщить мистеру Берриджеру что прямой наслѣдникъ умеръ, для того чтобъ онъ прямо приступилъ къ изслѣдованію, оставилъ или нѣтъ этотъ наслѣдникъ мужское поколѣніе. Къ нашему удивленію, мистеръ Берриджеръ при этомъ извѣстіи совершенно забылся и прибѣгнулъ къ самымъ неприличнымъ выраженіямъ, въ особенности противъ мистера Блиссета; началъ утверждать что мистеръ Плесморъ живъ и находится въ Бермудской тюрьмѣ и дошелъ даже до того что обвинилъ всѣхъ утверждающихъ противное въ заговорѣ и обманѣ. Невозможно было продолжать разговоръ съ мистеромъ Берриджеромъ пока онъ былъ въ такомъ расположеніи духа. Уходя отъ насъ, онъ объявилъ что войдетъ въ прямыя сношенія съ вашимъ лордствомъ. Въ своемъ волненіи онъ однако проронилъ намекъ которымъ мы воспользуемся, и если наши изслѣдованія, которыя мы уже начали, увѣнчаются, какъ мы надѣемся, успѣхомъ, то не будетъ надобности тревожить вторично мистера Берриджера по тому же поводу. Во всякомъ случаѣ мы почтительно просимъ ваше лордство не принимать вышеупомянутое лицо и не переписываться съ нимъ до полученія дальнѣйшихъ извѣстій отъ насъ.

„Остаемся, милордъ,
„Готовые къ услугамъ
„Чемпіонъ, сынъ и Дей."

Мистеръ Робертъ Берриджеръ лорду Гильтону.

„Милордъ, графъ Гильтонъ!

„Я только-что вернулся отъ вашего повѣреннаго по дѣламъ, который обошелся со мною оскорбительно, чего и надо было ожидать отъ человѣка который не сумѣлъ сдѣлать то что я сдѣлалъ и теперь завидуетъ мнѣ. Мистеръ Блиссетъ можетъ говорить что ему угодно, но я совѣтую ему быть осторож-

нѣе. Съ какою цѣлью передалъ онъ мнѣ то что называлъ ключомъ къ отысканію Плесмора за 20 фунтовъ, и помѣшалъ пріобрѣсти вознагражденіе въ 220 фунтовъ, если зналъ съ самаго начала что Плесморъ умеръ? Неужели вы думаете что послѣ этого судьи и присяжные повѣрятъ ему на слово? *Я знаю почему вамъ хочется доказать что Плесморъ умеръ!* И вы могли бы найти во мнѣ лучшаго союзника чѣмъ въ двадцати Блиссетахъ, какъ онъ ни много думаетъ о себѣ. Я объявляю ему и всѣмъ что меня опасно имѣть врагомъ, потому что я много трудился чтобы проложить себѣ дорогу, и потому что я человѣкъ благонамѣренный, чего онъ не могъ бы сказать о себѣ, еслибы говорилъ правду, что̀ онъ дѣлаетъ рѣдко, когда ложь можетъ принести ему пользу.

„Если ваше лордство, пригласите меня опять въ вашу виллу, я сообщу вамъ кое-что о Блиссетѣ, наединѣ и безъ предубѣжденія; но я не могу и не хочу позволить чтобы меня надували различные Чемпіоны и Блиссеты, и всякому полезно знать кто его другъ и кто нѣтъ.

„Вашъ покорный слуга

„Р. Берриджеръ.“

„P. S. Я вступилъ въ товарищество съ мистеромъ Самуэлемъ Исаакомъ, почтеннымъ и талантливымъ джентльменомъ (№ 31, Букингамъ-Стридъ, Странд), который сталъ бы обдѣлывать всѣ ваши дѣла дешево и хорошо, а не такъ какъ какіе-то Чемпіоны, которые вовсе не первостепенная фирма, какъ они ни важничаютъ.

„Р. Б.“

Лорду Гильтону Генри Сенъ-Джону Чемпіону, эсквайру.

„Любезный Чемпіонъ!

„Удивляюсь какъ вы, зная насколько я терпѣть не могу загадочности и сомнѣній, рѣшились написать мнѣ такое письмо какъ ваше письмо отъ 30го. Я получилъ также письмо отъ мистера Берриджера, полное гнуснѣйшихъ доносовъ, но я не забываю что такія твари могутъ быть полезны и не теряю съ ними терпѣнія, какъ, повидимому, случилось съ вами. Какой камень проронилъ онъ? Будетъ ли когда конецъ моему несносному положенію? Еслибы не благороднѣйшій Блиссетъ, который далъ мнѣ двѣ тысячи фунтовъ безъ всякой росписки, я не зналъ бы что̀ мнѣ дѣлать. Постарайтесь забыть на нѣсколько минутъ что вы адвокатъ и написать подробно.

„Искренно вашъ

„Гильтонъ.“

Генри Сенъ-Джонъ Чемпіонъ досточтимому лорду Гильтону.

„Дорогой лордъ Гильтонъ!

„Боюсь что наше письмо отъ 30го было слишкомъ формально при настоящемъ обстоятельствѣ; но я долженъ былъ

написать вамъ что-нибудь и не хотѣлъ писать все что думалъ, изъ опасенія огорчить васъ. Я не потерялъ терпѣнія съ мистеромъ Берриджеромъ, какъ вы ошибочно полагаете, но заставилъ его потерять терпѣніе со мною. Сначала, признаюсь, я былъ нѣсколько озадаченъ, когда онъ такъ разгорячился, но потомъ я понялъ что къ этому есть причина ловажнѣе вашего недовѣрія къ нему, какъ онъ говорилъ. Признаюсь также что я подстрекалъ его жестоко, и такимъ образомъ заставилъ его показать мнѣ свою игру. Онъ имѣлъ намѣреніе отыскать Плесмора и можетъ-быть взять съ него столько же тысячъ сколько онъ взялъ сотенъ съ васъ, и извѣстіе что Плесморъ умеръ было для него конечно жестокимъ ударомъ. Но что̀ ему досаднѣе всего такъ это то что мистеръ Блиссетъ, котораго онъ ненавидитъ и дѣлаетъ видъ что презираетъ, взялъ верхъ надъ нимъ. Воспользовавшись его ненавистью къ мистеру Блиссету, я незамѣтно для него самого заставилъ его высказать все то на чемъ онъ основываетъ свое предположеніе что Плесморъ живъ, и тогда обнаружился фактъ, тщательно замаскированный въ отчетѣ который онъ подалъ вамъ, что жена Плесмора жива, и что негодяй почерпнулъ всѣ свои свѣдѣнія у нея. Онъ не былъ ни въ Джерси, ни въ Антверпенѣ, ни въ Гласго и вообще нигдѣ изъ тѣхъ мѣстъ гдѣ, по его словамъ, онъ наводилъ справки. Его разказъ о томъ какъ онъ случайно получилъ нить къ отождествленію Плесмора съ Ятсомъ отъ досточтимаго Генри Оуэна ничто иное какъ вымыселъ. Онъ видѣлся съ этимъ джентльменомъ, но не случайно, а съ умысломъ, и по указанію жены Плесмора. Онъ напираетъ на то что жена Плесмора знаетъ навѣрное что ея мужъ живъ, то-есть мистеръ Берриджеръ говорилъ что она знаетъ это навѣрное. Мнѣ не удалось разозлить его настолько чтобы выпытать у него ея адресъ, но я получу его сегодня и тотчасъ же повидаюсь съ ней.

„Для всѣхъ нашихъ цѣлей уже достаточно ясно доказано что Плесморъ умеръ, а жена его лучшій авторитетъ относительно другаго вопроса. Я полагаю—замѣтьте что я только *полагаю*—что вы можете не опасаться за результатъ моего свиданія съ ней, потому что еслибы былъ сынъ, мистеръ Берриджеръ не сталъ бы настаивать, вопреки очевидности, что отецъ живъ. Съ женщиной и мальчикомъ (если сынъ есть, то еще не совершеннолѣтній) легче вести дѣло чѣмъ съ такимъ человѣкомъ какъ Плесморъ. Ожидайте сегодня или завтра рано утромъ телеграммы отъ

„вашего покорнѣйшаго слуги
„Г. С.—Джона Чемпіона.“

Лордъ Гильтонъ Абелю Блиссету, эсквайру.

„Мой милый мистеръ Блиссетъ!

„Поздравьте меня. Наступилъ конецъ всѣмъ моимъ мученіямъ. Чемпіонъ, дѣйствовавшій съ удивительнымъ тактомъ

и энергіей, узналъ что жена Плесмора жива и повидался съ ней. Она засвидѣтельствовала что у Плесмора не было сына, а такъ какъ бѣдная женщина вела жизнь самую скромную, въ качествѣ смотрительницы дѣтской школы, то ея свидѣтельству можно вѣрить. Любопытно однако что она утверждаетъ что мужъ ея живъ, хотя не видѣла его и не получала отъ него извѣстій съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ отправленъ въ ссылку изъ Мильбанка. Она говоритъ что иначе ей прислали бы увѣдомленіе о его смерти, но это конечно вздоръ.

„Когда у васъ будетъ нѣсколько дней свободныхъ, не съѣздите-ли вы со мной въ Чепель-Гильтонъ, чтобы потолковать намъ вмѣстѣ о передѣлкахъ. Неправда ли что Крезъ лучшій обойщикъ какого я могъ выбрать? Для устройства цвѣтниковъ я пригласилъ хорошаго садовника, ученика Бакстона. Боюсь что я не буду въ состояніи предложить вамъ поохотиться въ нынѣшнемъ году; условія покойнаго графа на этотъ счетъ умерли вмѣстѣ съ нимъ, и хотя права мои несомнѣнны, но я считаю благоразумнымъ уступить ихъ на время моему сосѣду сэръ-Ричарду Плумеру.

„Я возвращусь въ Лондонъ въ началѣ декабря; мнѣ предстоитъ еще много дѣла. Если услышите что отдается внаймы удобный домъ, займите его для меня. Я имѣю слабость къ Паркъ-Лену, къ Пиккадильской сторонѣ, конечно.

„Вѣрьте мнѣ, дорогой мой Блиссетъ, что ваша быстрая и своевременная помощь никогда не будетъ забыта. Имѣя въ виду блестящую будущность ожидающую васъ, не смѣю просить васъ занять опять должность которую вы великодушно взяли на себя во время моей послѣдней болѣзни, но если я могу быть вамъ полезенъ, скажите только слово.

„Я намѣренъ предложить молодому Гиллю должность моего частнаго секретаря. Онъ кажется уменъ. Какъ вы полагаете?

„Искренно любящій васъ

„Гильтонъ.“

„Вентворъ 4го декабря.“

Лордъ Гильтонъ мистеру Роберту Берриджеру.

„Сэръ!

„Я получилъ ваше дерзкое письмо, и въ отвѣтъ объявляю вамъ что вы можете считать себя счастливымъ что болѣе важныя дѣла мѣшаютъ мнѣ преслѣдовать васъ судебнымъ порядкомъ за вымогательство денегъ подъ вымышленными предлогами.

„Вашъ покорнѣйшій слуга

„Гильтонъ.“

„Вентворъ 4го октября.“

ГЛАВА IX.

Мистрисъ Конвей теряетъ браслетъ.

Вечеромъ, въ день гонки лодокъ на которую не хотѣлъ посмотрѣть Джоржъ Бекwисъ, Спенсеръ Виллертонъ уѣхалъ на своей яхтѣ въ Шербургъ, а на другой день въ домѣ его жены случилось непріятное происшествіе. У ея милой Матильды пропалъ браслетъ, гладкій, золотой, съ жемчужнымъ фермуаромъ, браслетъ который она любила, о какъ любила! Онъ былъ подаренъ ей милой Джертрудой. Мистрисъ Конвей увѣряла что сняла его вернувшись домой и положила на туалетный столъ, и что никто не входилъ въ комнату кромѣ Констанціи и горничной Блеръ, и что Констанція даже видѣла какъ она сняла его. Она всегда такъ берегла его! Она любила его больше всѣхъ своихъ вещей. О, какое ужасное лишеніе! Она готова отдать все что̀ у нея есть за этотъ браслетъ. О, неужели милая Джертруда не постарается отыскать его?

Милой Джертрудѣ было конечно очень непріятно что такое происшествіе случилось въ ея домѣ, а такъ какъ мы всегда склонны взять сторону нашихъ собственныхъ слугъ, то ея подозрѣнія естественно обратились на негодную Блеръ.

Мистрисъ Виллертонъ, привыкшая съ дѣтства видѣть вокругъ себя прислугу въ высшей степени приличную (наружно), не могла понять какъ милая Матильда можетъ держать горничную которая однажды прибила ее. По мнѣнію мистрисъ Виллертонъ, не было наказанія слишкомъ жестокаго за такое преступленіе. Но если милая Матильда довольна и т. д., мистрисъ Виллертонъ не позволитъ никому вмѣшиваться между госпожей и ея служанкой и т. д. и т. д. Но вполнѣ ли увѣрена милая Матильда въ честности своей служанки? Милая Матильда всплеснула своими бѣлыми ручками и объявила что думать иначе было бы ужасно; но Констанція видѣла какъ она положила браслетъ на туалетный столъ, и никто, кромѣ Блеръ, не входилъ въ комнату до слѣдующаго утра, когда браслета не оказалось; Матильда это знаетъ навѣрное, потому что, какъ милой Джертрудѣ извѣстно, ужасныя пушки и морская качка причинили ей (милой Матильдѣ) такую головную боль что она не могла сойти даже къ обѣду.

Позвали подозрѣваемую Блеръ, и мистрисъ Виллертонъ (по-

тому что милая Матильда *не могла* говорить строго съ несчастною) объявила ей чтобы браслетъ былъ отысканъ во что бы то ни стало, но она (несчастная) сама испортила все дѣло угрюмо отказавшись искать браслетъ и прибавивъ что госпожа ея ищетъ какого-нибудь предлога погубить ее, и что пропажа браслета есть ничто иное какъ такой предлогъ.

Мы, Британцы, хвалимся что любимъ справедливость ради справедливости. Но нельзя оспаривать что мы любимъ ее только издали. Иначе какъ объяснить что большинство изъ насъ считаетъ униженіемъ явиться въ судъ въ качествѣ свидѣтеля или исполнить свою обязанность относительно общества обличивъ злодѣя?

Въ полчаса вѣсть о непріятномъ происшествіи разнеслась по всему дому, и слуги начали являться одинъ за другимъ къ смущеннымъ барынямъ, прося позволенія сказать нѣсколько словъ. Получивъ позволеніе, они начинали неизмѣнно заявленіемъ о своей невинности и кончили настоятельнымъ требованіемъ чтобъ ихъ подвергли обыску.

— Не послать ли за братомъ, другъ мой? сказала мистрисъ Виллертонъ.—Въ такихъ случаяхъ всегда полезно вмѣшательство мущины, а Фредъ дѣйствительно не можетъ ломочь намъ.

Мистеръ Фредъ, когда къ нему обратились, объявилъ что „все это вздоръ“ и что ему необходимо съѣздить къ одному пріятелю въ Портсмутъ.

Лордъ Гильтонъ, получивъ приглашеніе, явился тотчасъ же, облекшись въ диктаторскую важность. Ему разказали печальную новость и „о, еслибъ она созналась и отдала браслетъ“, заключила мистрисъ Конвей, „я простила бы ее, право простила бы!“

Но обвиняемая на вторичный допросъ отвѣчала попрежнему угрюмымъ молчаніемъ. Она искала браслетъ, и больше не намѣрена искать; она не виновата, но барыня мститъ ей,—вотъ все что она сказала.

— Вашъ отзывъ о вашей госложѣ, молодая дѣвушка, сказалъ лордъ Гильтонъ, какъ бы съ судейской скамьи,—не располагаетъ насъ въ вашу пользу. Вы знаете что мистрисъ Конвей не единственная свидѣтельница противъ васъ. Миссъ Констанція видѣла какъ ея мама сняла браслетъ въ вашемъ присутствіи.

— Но развѣ миссъ Констанція говоритъ что я украла его?

— Что говоритъ Констанція? спросилъ графъ шепотомъ.

— Мы еще не знаемъ хорошенько что она скажетъ, отвѣчала ему сестра.—Она съ утра у васъ. Почему вы не привели ее съ собой?

— Да развѣ я зналъ что она нужна здѣсь? Констанція, слѣдовательно, ушла раньше чѣмъ вы узнали о пропажѣ вашего браслета, мистрисъ Конвей?

— Да, кажется; но, лордъ Гильтонъ, неужели вы думаете что дочь моя способна....

— Избави Богъ, сударыня, избави Богъ! воскликнулъ графъ.—Меня только удивляетъ что она говорила съ вами о браслетѣ когда еще не было извѣстно что онъ пропалъ.

— Она стояла возлѣ меня когда я сняла его и видѣла какъ я положила его въ футляръ.

— И она сказала вамъ это сама?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ, если вы вполнѣ увѣрены что къ вамъ не входилъ никто кромѣ вашей служанки, вы должны, по моему мнѣнію, отдать ее подъ судъ.

— Непремѣнно, Матильда, прибавила мистрисъ Виллертонъ. — Ради другихъ слугъ. Кто же захочетъ жить у меня, если это дѣло не будетъ разъяснено?

— Но это ужасно! простонала милая Матильда.

— Это ваша обязанность, сказалъ графъ.

— Если я дамъ ей пять фунтовъ, она можетъ-быть возвратитъ мнѣ браслетъ и попроситъ прощенія, сказала мистрисъ Конвей чуть не плача.

— Нѣтъ, сударыня, возразила служанка.—Еслибы вы дали пятьсотъ фунтовъ, я не могла бы возвратить вамъ браслетъ. Что же касается до прощенія, мы еще увидимъ кому придется попросить прощенія. Я не видѣла вашего браслета и не брала его, и все это только хитрость чтобъ....

— Довольно, довольно, вы только вредите себѣ такими словами, прервалъ ее лордъ Гильтонъ.—Какая вы неблагодарная! Неужели вы полагаете что такихъ великодушныхъ хозяекъ какъ ваша много! Отдайте ее подъ судъ, мистрисъ Конвей.

И ее отдали подъ судъ, а хозяйка ея умоляла полицейскаго, чѣмъ доставила ему не малое развлеченіе, не заковывать несчастную, не бить ее и не дѣлать съ ней ничего ужаснаго.

Вернувшись вечеромъ домой, Констанція узнала что мать желаетъ видѣть ее немедленно. Она вошла въ ея комнату и была встрѣчена ласковѣе обыкновеннаго. Въ послѣднее вре-

мя, какъ было уже замѣчено выше, между матерью и дочерью стояла какая-то тѣнь.

— Ты помнишь, милочка, мой любимый браслетъ, тотъ который подарила мнѣ милая мистрисъ Виллертонъ? спросила мистрисъ Конвей, лаская руку Констанціи.

— Помню, мама.

— И ты знаешь что я надѣвала его вчера?

— Знаю, мама.

— Блеръ украла его?

— Украла! О, мама, она, кажется, не способна украсть.

— Кромѣ нея не на кого подумать. Ты сама видѣла какъ я сняла его, когда вернулась вчера домой совсѣмъ больная. Ты слышишь что̀ я говорю, милая? Я говорю: ты видѣла какъ я сняла его, когда вернулась вчера домой, и положила въ футляръ?

— Не помню, мама, я не замѣтила, отвѣчала Констанція.

— Ты не могла не замѣтить. Ты помогала мнѣ раздѣться и сама говоришь что онъ былъ вчера на мнѣ.

— Вы, конечно, сняли его, мама, но я не видала.

— Я сняла его у туалетнаго стола и положила въ футляръ, и ты стояла возлѣ меня, Констанція. Почему же ты говоришь что не видала? спросила мать, начиная сердиться.

— Потому что я не видала, мама.

— Послушай, милая, я право же положила его въ футляръ, и немного подумавъ, ты непремѣнно вспомнила бы что ты это видѣла, и я уже сказала всѣмъ что ты видѣла и... и....

— Что̀, мама?

— Если тебя спросятъ, ты, конечно, скажешь что ты видѣла какъ я сняла браслетъ, потому что я сняла его, право сняла. Неужели ты считаешь меня способною солгать въ такомъ дѣлѣ?

— Но вы хотите чтобъ я солгала.

— Развѣ это ложь, Констанція? И какъ ты смѣешь это говорить? Я сняла его и положила въ футляръ, какъ всегда дѣлала, настаивала мистрисъ Конвей.

— Я не говорю что вы не сняли и не спрятали его, мама. Я говорю только что я не видала какъ вы сняли и спрятали его, возразила Констанція.

— И тебѣ не стыдно идти противъ родной матери! воскликнула поблѣднѣвъ мистрисъ Конвей. Констанція сдѣлала шагъ назадъ и подняла руку какъ бы ожидая удара.

— Я не иду противъ васъ, мама, промолвила она тихо.

— Такъ почему же ты не хочешь сказать правду?

— Если меня спросятъ, мама, — но надѣюсь что меня не спросятъ, — я разкажу все что̀ знаю и что̀ видѣла. О, мама, не заставляйте меня лгать. Я не могу и не хочу лгать. Я начинаю приломинать что̀ я говорила въ дѣтствѣ, и я увѣрена что я тогда не видала многаго что̀ мнѣ казалось видѣннымъ. Вы увѣряли меня что я видѣла, и я.... о, мама, вы понимаете что̀ я хочу сказать?

Кровь бросилась въ лицо матери и не оставила слѣдовъ чувствительной леди какою мы знаемъ мистрисъ Конвей. Свирѣпая фурія въ которую она преобразилась схватила Констанцію за плечо и трясла ее до тѣхъ поръ пока та не упала.

— Если ты скажешь еще что-нибудь такое, чертенокъ, я убью тебя, прошипѣла преображенная мистрисъ Конвей.

— Лучше было бы еслибы вы убили меня, чѣмъ заставлять жить такою жизнію, сказала плача Констанція.

— Гадкая обманщица! Вотъ я разкажу всѣмъ какая ты на самомъ дѣлѣ.

— Мама! воскликнула оскорбленная дѣвушка, вскочивъ на ноги, съ выраженіемъ лица похожимъ, но слава Богу въ очень слабой степени, на выраженіе лица матери, — мама, не выводите меня изъ терпѣнія. Не забывайте что у меня въ жилахъ ваша кровь. Называйте меня здѣсь какъ угодно, бейте меня какъ вы уже не разъ били меня, но будьте осторожны. Вы не имѣете права требовать чтобъ я любила и уважала васъ; но попробуйте очернить меня въ глазахъ тѣхъ кого я люблю и уважаю, и которые любятъ меня.... о, мама, не дѣлайте этого, не дѣлайте!

И бѣдная Констанція зарыдала.

— Перестань плакать, глупая дѣвчонка, сказала мать, входя понемногу въ свою обычную роль. — Я не намѣрена чернить тебя предъ кѣмъ бы то ни было, а если ты скажешь лорду Гильтону что ты видѣла какъ я сняла браслетъ, потому что клянусь тебѣ, я сняла его....

— Нѣтъ, мама, я этого не скажу, возразила Констанція, утирая слезы.—Я не скажу ничего, или скажу правду. Мама, вы часто говорите что я для васъ тяжелое бремя. Отдайте меня, пожалуста, опять въ школу. Я надѣюсь что меня возьмутъ тамъ въ качествѣ учительницы, а года черезъ два я буду въ состояніи сдѣлаться гувернанткой и жить независимо.

— Жить независимо гувернанткой!

— Независимо отъ васъ. Я готова работать какъ бы ни была тяжела работа, но я не могу жить такъ какъ живу теперь. Такая жизнь убьетъ меня. Вы назвали меня сейчасъ обманщицей, и я въ самомъ дѣлѣ была обманщица, но по вашей винѣ. Когда вы въ Брайтонѣ бросили мнѣ въ лицо свѣчку, я принуждена была сказать что я обожглась читая ночью въ постели. Когда вы въ Соутертонѣ вывихнули мнѣ руку, я принуждена была сказать что сдѣлала это сама. Когда вы на дняхъ прибили Блеръ и сказали что она сама бросилась на васъ, я все равно что солгала, притворяясь что я согласна съ тѣмъ что вы сказали имъ. Въ другой разъ я этого не сдѣлаю. Отпустите меня въ школу или.... о, мама, отпустите меня къ отцу.

Мистрисъ Конвей начинала опять приходить въ бѣшенство пока Констанція говорила, но послѣднія слова ошеломили ее.

— Ты... ты... ты не знаешь что говоришь, прошептала она, поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Нѣтъ, знаю, мама. Я много думала о немъ въ послѣднее время. Я не стала бы вредить вамъ, поймите меня пожалуста.

— И не могла бы. Весь свѣтъ знаетъ что твой отецъ...

— Не договаривайте, мама, онъ мой отецъ.

Въ эту минуту тяжелая сцена была, къ счастію, прервана приходомъ горничной мистрисъ Виллертонъ, которая пришла, по приказанію своей барыни, предложить свои услуги мистрисъ Конвей на время отсутствія подсудимой.

Мы видѣли нѣсколько времени тому назадъ какъ Констанція была поражена теоріей Джека Гилля о правдивости дѣтей, какъ у нея явилось сомнѣніе при воспоминаніи о прошломъ и какъ любовь къ давно исчезнувшему отцу воскресла въ ея сердцѣ. Мы знаемъ также что общество осудило Джоржа Конвей преимущественно на основаніи показаній его дочери, а теперь мы можемъ понять какъ были подготовлены ея показанія. Еслибы происшествіе съ браслетомъ случилось десятью годами раньше, мать посадила бы Констанцію къ себѣ на колѣни, повторяла бы ей что она милая дѣвочка и что она видѣла какъ браслетъ былъ положенъ въ футляръ, пока дѣтскій довѣрчивый разумъ не поддался бы чужой, болѣе сильной волѣ. Когда же потребовалось бы убѣдить другихъ, во-

просъ былъ бы предложенъ такъ: „ты меня видѣла, неправда ли, голубчикъ?“ и отвѣтъ былъ бы конечно: „да, милая мама“.

Такимъ же образомъ были предложены вопросы: „развѣ твой папа не вернулся пьяный и не разбилъ прекрасныхъ часовъ мама?“ или: „развѣ это не папа ушибъ мнѣ руку?“ или: „развѣ папа не сказалъ что поѣдемъ на рыбную ловлю въ Валисъ и не провелъ вмѣсто того все время въ Лондонѣ съ негоднымъ созданіемъ?“ И бѣдная дѣвочка отвѣчала на нихъ какъ пріучена была отвѣчать.

Вы можетъ-быть осудите мою маленькую Конъ и скажете что она не должна была поддаваться такъ легко вліянію матери? Но потрудитесь взглянуть на оборотную сторону печальной картины. Вспомните какъ много дѣтей воспитанныхъ въ убѣжденіяхъ что отцы ихъ лучшіе изъ людей, между тѣмъ какъ отцы ихъ въ дѣйствительности пьяницы, негодяи и не любятъ своихъ женъ. Вспомните какъ часто такая благородная ложь какъ напримѣръ: „папа притворялся“ или „папа не хотѣлъ сдѣлать мнѣ больно; милый, мнѣ не больно,“ принимается за правду, хотя ребенокъ самъ видѣлъ водку въ рукахъ отца и кровь на лицѣ матери. Констанцію Конвей было еще легче увѣрить чѣмъ такого ребенка.

Ей можно было показать разбитые часы—она не знала что мать сама разбила ихъ; ей можно было показать синее пятно на рукѣ,—она не догадалась что оно произошло отъ того что отецъ удерживалъ мать отъ постыднаго насилія во время одного изъ ея припадковъ бѣшенства, и такъ далѣе. Мудрено ли что видя полуистину, слыша постоянныя жалобы матери, ребенокъ такъ хорошо подготовился къ роли которую ему пришлось исполнить? Были люди находившіе страннымъ что семилѣтняя дѣвочка знала что отецъ ея проводилъ время въ Лондонѣ съ негоднымъ созданіемъ и что общество повѣрило такому странному показанію. Но общество большой ребенокъ, который вѣритъ всему что̀ ему говорятъ, особенно дурному, не доискиваясь правды, какъ маленькая Констанція.

Вы можетъ-быть скажете что мать не способна учить своего ребенка клеветать на отца. Я не буду обсуждать этотъ вопросъ съ отвлеченной стороны. Злые духи—злоба и ревность такъ долго отравляли сердце мистрисъ Конвей (какъ она потомъ отравляла сердце своей дочери) что она наконецъ сама стала вѣрить тому что̀ говорила. Она была такъ же твердо убѣждена въ невѣрности и грубости своего мужа какъ теперь

въ нечестности угрюмой Блеръ. Доказательства были убѣдительны, по крайней мѣрѣ такими они казались ей и ея друзьямъ. Пришло время когда Джоржъ Конвей не могъ опровергнуть части взводимыхъ на него обвиненій. Потрудитесь вообразить положеніе благороднаго, любящаго человѣка когда его, въ присутствіи слугъ и постороннихъ, обвиняютъ въ нарушеніи всѣхъ десяти заповѣдей, и когда дочь его подтверждаетъ своимъ „да, милая мама“ каждый параграфъ обвинительнаго акта.

Частое повтореніе такихъ происшествій какъ пропажа браслета, при которыхъ отъ Констанціи требовали чтобъ она подтверждала болѣе или менѣе того что она видѣла, создало туманъ въ которомъ блуждалъ ея бѣдный разумъ. Двухлѣтнее пребываніе въ школѣ, пока ея мать путешествовала по континенту, ослабило вліяніе дѣлавшее ее эхомъ этой женщины; потомъ дружба съ прямою Агнесой Блексемъ и съ умною Мери Эйльвардъ объяснила ей многое. Туманъ началъ проясняться, и случай о которомъ мы упомянули, что она рыдала въ темнотѣ повторяя: „отецъ мой, отецъ мой, о мой бѣдный отецъ!“ былъ не первый. Когда ей сказали что ея негодяй отецъ гуляетъ по свѣту, не отказывая себѣ ни въ чемъ, но лишая жену свою и дочь комфорта необходимаго при ихъ положеніи въ свѣтѣ, она спросила себя: какую пользу принесли бы деньги безъ которыхъ теперь обходилась ея мать? Она помнила что у нихъ былъ свой домъ, не такой роскошный какъ Виллертоновскій, но все же приличный. Мать бросила его, подъ предлогомъ что гораздо лучше быть свободною и гостить гдѣ угодно, такъ что потомъ ея жалобы на свою безпріютность казались неосновательными. Мать никогда не уставала разказывать всякому встрѣчному какихъ жертвъ стоило ей воспитаніе Констанціи, а Констанція знала что, кромѣ двухлѣтняго пребыванія въ дешевой школѣ, ей было предоставлено заботиться самой о своемъ образованіи; и она глубоко чувствовала лишенія при которыхъ ей приходилось работать. Удивительно ли и можно ли упрекать ее за то что видя постыдную жизнь матери, и постоянно страдая отъ ея насилій, Констанція поколебалась въ своей любви и уваженіи, и что одна искра могла взорвать ихъ на воздухъ.

Эта искра была брошена въ ея душу на балѣ у мистрисъ Виллертонъ адмираломъ разказавшимъ Фреду и его товари-

щамъ что общество осудило Джорджа Конвея преимущественно на основаніи показаній его маленькой дочери.

Но мать все же мать, и потерять къ ней уваженіе было тяжелымъ испытаніемъ для бѣдной дѣвушки. Еслибъ отецъ ея умеръ, или она не знала бы о своемъ участіи въ его обвиненіи, она можетъ-быть вынесла бы свою тяжелую участь до конца, но теперь... чѣмъ сильнѣе становилось ея подозрѣніе что она повредила своему отцу, тѣмъ сильнѣе она любила его. О, еслибъ ей удалось возвратить ему счастіе, сдѣлать опять всѣхъ счастливыми!

Бѣдная Констанція!

Въ домѣ Виллертоновъ чувствовалось нѣкоторое безпокойство, причиненное продолжительнымъ отсутствіемъ мистера Фреда и другими тревожными обстоятельствами. Приближался день съѣзда мировыхъ судей округа къ которому принадлежитъ Коусъ, и мистрисъ Конвей узнала, къ своему величайшему удивленію, что ей придется явиться въ судъ въ качествѣ свидѣтельницы противъ своей горничной, заподозрѣнной въ похищеніи ея любимаго браслета.

— О, Боже, но развѣ это еще не совсѣмъ кончено? спросила она.—Я думала что полицейскій взялъ ее чтобы прямо отправить въ ссылку, или какимъ-нибудь другимъ образомъ покончить съ ней.

— Но ее еще не судили, возразилъ лордъ Гильтонъ.

— Для чего же ее судить, когда всѣ знаютъ что она виновата? возразила мистрисъ Конвей, съ своею милою наивностью.—Право можно подумать что вы мнѣ не вѣрите. И Констанція начала тоже увѣрять что не видала....

— Пожалуста не говорите со мной объ этомъ дѣлѣ, мистрисъ Конвей, прервалъ ее лордъ Гильтонъ.—Мнѣ можетъ-быть придется принять участіе въ судопроизводствѣ. Я постараюсь освободиться, но боюсь что кромѣ меня не найдется никого на мѣсто втораго судьи.

Наступило страшное утро, и мистрисъ Конвей, въ черномъ платьѣ, подъ двумя густыми вуалями, долженствовавшими скрыть ея лицо отъ „ужаснаго народа“ въ судѣ, уже садилась въ карету чтобъ отправиться въ вышеуломянутое постыдное мѣсто, когда ея милая Джертруда, всегда такая спокойная и сдержанная, сбѣжала съ лѣстницы въ страшномъ волненіи, держа въ рукахъ письмо отъ мужа изъ Шербурга.

— О, Матильда, что вы надѣлали! воскликнула она.—Прочтите.

И она указала ей на слѣдующій заключительный параграфъ письма Спенсера Виллертона:

„Кстати, кто-то оставилъ браслетъ на умывальникѣ въ моей каютѣ: золотой съ жемчужнымъ фермуаромъ. Если это не твой, то потрудись отыскать обладательницу.“

Очередь дѣла Анны Блеръ пришла въ свое время, но оно конечно не разбиралось за неявкой свидѣтельницы. Я уже осмѣлился замѣтить что женщины не имѣютъ понятія о справедливости. Мистрисъ Виллертонъ и ея подруга рѣшили хранить увѣдомленіе Спенсера Виллертона въ тайнѣ и оставить предполагать что мистрисъ Конвей не рѣшилась преслѣдовать свою служанку по добротѣ своего сердца. Мысль что репутація дѣвушки пострадаетъ не могла поколебать ихъ рѣшенія.

— Надо быть осторожнѣе, Матильда, сказала мистрисъ Виллертонъ.—Подумайте какъ мнѣ было бы непріятно еслибы вы дали въ судѣ ложную клятву.

— Но я всегда сама клала его въ футляръ, отвѣчала, рыдая, милая Матильда.—Я такъ любила его и я была увѣрена....

— Ну, довольно. Если дѣвушка найдетъ себѣ мѣсто, не упоминайте объ этомъ въ ея аттестатѣ. Подите умойтесь и будемъ считать дѣло покончеинымъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. На слѣдующей недѣлѣ мистрисъ Конвей получила письмо отъ прокурора Самуэля Мосса, почтительно спрашивавшаго: можетъ ли ложное обвиненіе въ воровствѣ и напрасное содержаніе въ тюрьмѣ Анны Блеръ считаться за доказательство въ пользу мужа мистрисъ Конвей?

Когда дѣло приняло такой оборотъ, нельзя уже было не разказать его Спенсеру Виллертону, который конечно не остался доволенъ случившимся въ его домѣ во время его отсутствія.

— Она должна была попросить у нея прощенія въ судѣ, при всемъ народѣ и привезти ее домой въ каретѣ, сказалъ онъ женѣ.—Я давно говорю тебѣ, Джертруда, что мнѣ не нравится эта женщина. Я не довѣряю ей и удивляюсь какъ ты можешь считать ее своимъ другомъ.

— Дѣвушка сама отчасти виновата, Спенсеръ, защищалась мистрисъ Виллертонъ.—Она такъ упряма что не хотѣла ничего сказать.

— Что же она могла сказать? Развѣ она знала что ея барыня оставила своей браслетъ на моей яхтѣ?

Ему однако не сказали о попыткѣ вовлечь Констанцію въ обманъ. Но Констанція присутствовала при чтеніи письма, и это новое доказательство несправедливости матери было каплей переполнившею чашу ея терпимости.

ГЛАВА X.

Мрачный понедѣльникъ.

Глупъ былъ пѣтухъ басни, который найдя въ навозной кучѣ жемчужное зерно пожалѣлъ что оно не ячменное, но мнѣ сдается что его порода не исчезла до нашихъ дней, и что у насъ не мало подобныхъ пѣтуховъ въ національномъ курятникѣ. Даже есть двуногіе глупѣе героя басни, вовсе не замѣчающіе сокровищъ лежащихъ у нихъ подъ носомъ. Но законъ гармоніи, которымъ держится нашъ міръ, нейтрализовалъ зло, создавъ пѣтуха, который постоянно роется гдѣ-ни-попало, находя иногда изумруды, чаще осколки разбитыхъ бутылокъ, и постоянно кричитъ о своихъ открытіяхъ, принуждая второстепенныхъ геніевъ смотрѣть на нихъ съ его собственной точки зрѣнія. Такой пѣтухъ отправляется завтракать съ генераломъ, котораго курятникъ еще не призналъ за втораго Веллингтона, и возвратившись съ полнымъ зобомъ, начинаетъ кричать, и слава угостившаго его генерала упрочена. Изъ двадцати тысячъ тружениковъ курятника, которые всѣ бѣдны, всѣ страдаютъ ревматизмомъ и всѣ живутъ въ жилищахъ годныхъ только для свиней, нашъ неутомимый искатель выбираетъ одного, который совсѣмъ не бѣднѣе, не ревматичнѣе и живетъ не въ худшемъ жилищѣ чѣмъ остальные девятнадцать тысячъ девятьсотъ девяносто девять, и объявляетъ о своей находкѣ въ курятникѣ. Тотчасъ же составляются подписки, и несчастный обезпеченъ (и испорченъ) на всю жизнь. Возьмемъ еще примѣръ. Многія поколѣнія крысъ спокойно проживали въ житницѣ, питаясь на чужой счетъ, но въ одно прекрасное утро нашъ пѣтухъ отъ нечего дѣлать захватилъ *in flagrante delicto* одного изъ негодныхъ воришекъ. Никогда не было и не будетъ такого злодѣя, вторитъ весь курятникъ. Преступника осуждаютъ почти безъ суда, казнятъ, а товарищи его продолжаютъ жить по-прежнему.

Да, этотъ лѣтухъ постоянно открываетъ намъ сокровища. Вѣдь это онъ сказалъ вамъ, мой дорогой сэръ, что молодой Блекъ, котораго вы считали за самаго пустаго малаго, на самомъ дѣлѣ замѣчательный молодой человѣкъ, съ которымъ никто не откажется познакомиться; и вы немедленно пригласили молодаго Блека обѣдать. Вы не обратили бы вниманія на этотъ костюмъ, который такъ идетъ къ вамъ, сударыня: еслибы лѣтухъ не написалъ въ своемъ объявленіи что такой же точно костюмъ былъ на принцессѣ де-ла-Туръ де-Шиньонъ на балѣ у туркестанскаго хана. Стормеръ, королевскій судья, ждалъ бы до сихъ поръ какого-нибудь дѣла сидя на задней скамьѣ Вестминстеръ-Галля; а Дабстигъ, членъ королевской академіи, срисовывалъ бы и теперь портреты со своей хозяйки за квартирную плату, еслибы не лѣтухъ. Намъ съ вами никогда не открыть бы ихъ. Какъ должны мы быть благодарны лѣтуху! Иногда,—и это пріятнѣйшая часть изъ его открытій,—иногда онъ открываетъ насъ. Мы все считали себя осколкомъ разбитой бутылки, а онъ убѣждаетъ насъ что мы изумрудъ чистѣйшей воды. Развѣ Поджерсъ попалъ бы въ парламентъ еслибы не лѣтухъ? Развѣ нашъ веселый другъ Джанспарту осмѣлился бы поднять глаза на богатую и прекрасную миссъ Плумъ, еслибы лѣтухъ не сказалъ ему: „чортъ возьми! съ вашею наружностью и манерами вамъ все возможно“. Мы всѣ знаемъ что это неправда. Итакъ, да здравствуетъ лѣтухъ!

Джекъ Гилль былъ изъ породы лѣтуха басни и очень нуждался въ помощи лѣтуха, которому я сейчасъ воспѣлъ хвалу.

Двѣ недѣли проведенныя въ обществѣ Мери Эйльвардъ дали ему почувствовать сначала: что было бы очень лестно заслужить уваженіе такой дѣвушки какъ она; потомъ: что онъ въ состояніи это сдѣлать, постаравшись хорошенько. Ему никогда не приходило въ голову прослѣдить процессъ зарожденія такихъ идей и онъ не могъ бы вспомнить ни одного слова съ ея стороны которое дало бы поводъ къ такому заключенію. Тѣмъ не менѣе заключеніе составилось и сильно занимало его. Есть женщины присутствіе которыхъ вноситъ въ общество какую-то легкую, здоровую, но совершенно неуловимую атмосферу, счищающую всю грязь съ человѣка (если въ немъ не все грязь) и заставляющую сіять чистѣйшій металлъ. Такова была и Мери Эйльвардъ. Развѣ я не говорилъ

что Джекъ былъ счастливъ, попавъ на балъ къ мистрисъ Вилертонъ?

Другой полезный урокъ дала Мери нашему повѣсѣ, сказавъ въ разговорѣ о Констанціи:

— Констанція все что̀ хотите только нѐ ребенокъ. Вы и пала не хорошо дѣлаете обращаясь съ ней какъ съ милою игрушкой. Она умнѣе многихъ дѣвушекъ которыхъ я знаю. У ней такъ много здраваго смысла и наблюдательности что вы удивились бы еслибы знали ее такъ хорошо какъ я ее знаю.

Эти слова, сказанныя тихимъ, ласковымъ голосомъ Мери и проникнутыя горячимъ убѣжденіемъ, не пропали даромъ. Джекъ самъ замѣтилъ что Констанція тоскуетъ и пытался развеселить ее своею грубоватою шутливостью. Когда̀ онъ понялъ свою ошибку, у него сжалось сердце при воспоминаніи о печальномъ, негодующемъ взглядѣ которымъ она отвѣчала на нѣкоторыя изъ его шутокъ. Всѣ, кромѣ Мери, обращались съ ней какъ съ ребенкомъ, и у него не хватило наблюдательности чтобы замѣтить что Мери обращалась съ ней иначе. Ему нужна была помощь лѣтуха.

Маленькая Конъ была не ребенокъ и (тѣмъ хуже для нея) никогда не была ребенкомъ. Задумчивая, робкая дѣвушка, вполнѣ предоставленная самой себѣ, когда ей приходила охота заняться своимъ образованіемъ, дѣлала изъ него себѣ забаву и усердно трудилась надъ тѣмъ что̀ овладѣвало ея фантазіей. Бо́льшая часть свѣдѣній обыкновенно украшающихъ юныхъ дѣвицъ была ей совершенно чужда. Она не понимала значенія глобусовъ и однажды отпеслась съ пренебреженіемъ объ этомъ важномъ научномъ пособіи. Ей не придется быть капитаномъ корабля, сказала она, и она не видитъ никакой пользы въ изученіи долготы и широты. Она не умѣла считать, что̀ было очень странно, и такъ плохо владѣла иголкой что не могла бы даже сдѣлать вамъ перочистку. Но она умѣла вырѣзать модель парохода перочиннымъ ножемъ; умѣла передать сущность *Исторіи Голландской республики* Мотлея на небольшомъ листкѣ бумаги, знала ботанику лучше знаменитаго садовника лорда Гильтона и знала путь каждой звѣзды на небѣ.

Когда Джекъ впервые заговорилъ съ ней какъ съ разумнымъ существомъ, онъ былъ щедро вознагражденъ радостною, благодарною улыбкой, освѣтившею ея блѣдное, грустное лицо. Потомъ онъ скоро замѣтилъ что съ ней надо быть осторож-

нѣе въ разговорѣ. Тихая и уступчивая до крайности, она горячилась когда нападали на ея любимцевъ или героевъ, и однажды разорвала предъ носомъ мистера Гилля одну изъ его задорныхъ статей за то что онъ осмѣлился насмѣхаться надъ мистеромъ Питтомъ. Констанція не могла бы назвать годъ крещенія Эдуарда Исповѣдника, но она знала отлично все что сдѣлалъ и что сказалъ мистеръ Питтъ, а Джекъ не зналъ, несмотря на то что писалъ задорныя статьи.

Мраченъ, очень мраченъ былъ понедѣльникъ когда нашъ повѣса ходилъ прощаться на виллу. Мистрисъ Виллертонъ, кромѣ одного офиціальнаго визита, онъ не обремѣнялъ своими посѣщеніями, и не видалъ мистрисъ Конвей и ея дочь въ ихъ временномъ пребываніи. Онъ не искалъ общества мистера Фреда, а въ домѣ его матери чувствовалъ себя нежеланнымъ гостемъ. И притомъ развѣ онъ не видалъ въ Вентморѣ всѣхъ кого ему хотѣлось видѣть. Уговора никакого не было чтобы Констанція была тамъ когда онъ придетъ прощаться, но она была тамъ. Она бывала тамъ такъ часто.

Мрачный день наступилъ позже чѣмъ ему слѣдовало наступить.

— Я покажу Беквису что не позволю ему командовать мною, проворчалъ Джекъ однажды вечеромъ. — Я хотѣлъ вернуться на нынѣшней недѣлѣ, но будь я повѣшенъ, если я вернусь теперь раньше будущей.

Можетъ-быть для того чтобъ избавиться отъ предписаній Клементсъ-Инна, Джекъ такъ долго откладывалъ прощальный визитъ въ виллу что опоздалъ на пароходъ, и аккуратная хозяйка взяла съ него за недѣлю впередъ. А можетъ-быть потому что было очень трудно выговорить: прощайте Констанція.

Почему когда его честные глаза говорили достаточно ясно чтобъ она могла понять: „милая моя, которую я только научился любить, мы разстаемся и можетъ-быть навсегда," и его смуглая рука дрожала держа ея руку.— почему не сказала она: развѣ вы не знаете что мы скоро встѣтимся въ Соутертонѣ, на свадьбѣ Беатрисы? Почему когда онъ ушелъ, она вернулась домой, взяла осколокъ разбитаго блюда, хранившійся въ ея столѣ (помните день когда они поймали большую щуку?) и плакала надъ нимъ и цѣловала его? Почему въ эту ночь ея наболѣвшее сердце повторяло безпрестанно: можетъ-

быть можно сказать ему; можетъ-быть онъ нашелъ бы мнѣ моего друга; можетъ-быть онъ не сталъ бы презирать меня еслибы зналъ все.

Вотъ пара глупцовъ! Еслибы нашъ пѣтухъ зналъ ихъ, онъ прокричалъ бы: не унывайте, Джекъ, она любитъ васъ. Не унывайте, Констанція, разкажите ему все и вы будете счастливы. Но пѣтухъ не зналъ ихъ.

На пути въ Лондонъ Джекъ сокращалъ время репетируя то что онъ намѣренъ былъ сказать при неизбѣжной встрѣчѣ съ диктаторомъ Беквисомъ. Онъ уже все обдумалъ и былъ вполнѣ доволенъ своимъ планомъ. Онъ не заглянетъ къ сосѣду, пока сосѣдъ, дня черезъ два, не раскается и не придетъ къ нему самъ. Джекъ приметъ его съ утонченною вѣжливостью. Сосѣдъ начнетъ такъ; Джекъ возразитъ ему: нѣтъ, и скоро одержитъ верхъ надъ нимъ, наговоривъ много умнаго. Но такъ или иначе ссора окончится примиреніемъ, къ посрамленію сосѣда и къ торжеству Джека. Мы часто рѣшаемъ такія вещи заранѣе, и если противникъ скажетъ что-нибудь похожее на то чего мы ожидаемъ отъ него, мы закидаемъ его отвѣтами и возраженіями; но стоитъ ему только сказать что-нибудь неожиданное, и весь вашъ планъ разрушенъ.

Джекъ, который, какъ мы знаемъ, опоздалъ на день, имѣлъ удовольствіе увидать огонь въ своихъ окнахъ, когда утомленный, прозябшій, голодный онъ прибылъ въ Клементсъ-Иннъ въ половинѣ одинадцатаго, послѣ длиннаго и скучнаго пути.

— Какая славная старуха, похвалилъ онъ въ душѣ свою Полли Секунду. — Ручаюсь что она приготовила мнѣ поужинать. И у него мелькнула мысль что хорошо бы, вопреки всему, позвать Бекриса и поужинать вмѣстѣ.

Каково же было его удивленіе когда отворивъ дверь своей квартиры онъ увидалъ не Полли Секунду, а преступнаго Бекриса и Андрю Стендринга. Они сидѣли предъ пылающимъ каминомъ и уничтожали громадную коллекцію устрицъ, соблазнительно красовавшихся на столѣ между двумя пѣнящимися кружками пива и артистически нарѣзанными ломтями хлѣба съ масломъ.

— А мы уже перестали ждать васъ, сказалъ Бекрисъ, слегка повернувшись на стулѣ, на любимомъ стулѣ Джека. — Но лучше поздно чѣмъ никогда. Будьте какъ дома.

Бекрису слѣдовало начать совсѣмъ не такъ. По программѣ которую Джекъ составилъ для него въ вагонѣ, Бекрисъ дол-

женъ былъ встрѣтить его угрюмо, съ видомъ виноватаго, и этимъ дать ему поводъ сказать нѣсколько ѣдкихъ сарказмовъ, которые были у него уже готовы. А онъ завладѣлъ комнатой Джека, сидитъ на любимомъ стулѣ Джека и предлагаетъ ему, оскорбленному, быть какъ дома. Это ужъ слишкомъ безсовѣстно со стороны Бекквиса. Чѣмъ онъ лучше экономки *Мѣщанина во дворянствѣ*, которая не хотѣла толкаться по правиламъ?

Съ минуту Джекъ злился и у него вертѣлись на языкѣ такія слова что онъ сталъ бы очень раскаяваться въ послѣдствіи, еслибы произнесъ ихъ. Бекквисъ конечно позволялъ себѣ слишкомъ много, но въ то же время смотрѣлъ такъ весело и простодушно что.... не говоря уже объ устрицахъ. Я не утверждаю что человѣкъ можетъ забыть справедливый гнѣвъ при видѣ устрицъ, но другое дѣло было когда гнѣвъ напускной. Притомъ Джекъ не могъ бы лобраниться хорошенько съ Бекквисомъ въ присутствіи Стендринга. Со Стендрингомъ слѣдовало быть вѣжливымъ. Не отложить-ли стычку съ Бекквисомъ до завтра? А устрицы-то! Трескъ дровъ въ каминѣ, уютный видъ комнаты произвели успокоительное впечатлѣніе на Джека. Онъ сѣлъ и почувствовалъ себя дома, какъ ему предлагали, а когда Бекквисъ подвинулъ къ нему устрицы, его дурное расположеніе духа улетучилось окончательно.

— Кстати, Джекъ, сказалъ Бекквисъ, когда блюдо скорлупы приняло угрожающіе размѣры, и пробки были вынуты изъ бутылокъ, — взгляните на потолокъ.

Джекъ поднялъ глаза и увидалъ что его нѣкогда бѣлый какъ снѣгъ потолокъ превратился во что-то похожее на карту Тихаго Океана, со всѣми островами и коралловыми рифами, нарисованными бурою краской.

— Вчера лопнула водяная труба въ моей комнатѣ, и выпогибли бы еслибы были здѣсь, продолжалъ Бекквисъ. — Наверху подаяли полъ чтобы найти поврежденіе, и мой чердакъ сдѣлался необитаемъ. Потому-то мы и завладѣли вашею комнатой.

— Надѣюсь что мистеръ Гилль, началъ Стендрингъ, но Джекъ, который былъ опять самимъ собою, прервалъ его.

— Сэръ, Бекквисъ знаетъ что я всегда радъ видѣть его у себя, и что я считаю его друзей моими друзьми. Нельзя-ли послать кого-нибудь за пивомъ?

На его призывъ откликнулся мальчикъ, только-что пришед-

шій за посудой. Пустыя бутылки были замѣнены полными, и всякое стѣсненіе прошло.

— Нашъ другъ становится опять похожимъ на самого себя, мистеръ Гилль, замѣтилъ Стендрингъ.—Еслибы онъ не узналъ меня въ Коусѣ, я ни за что̀ не узналъ бы его. Морской воздухъ принесъ ему много пользы.

— И принесъ бы еще болѣе, началъ Джекъ рѣшительно, — еслибъ онъ пользовался представлявшимися ему удовольствіями. Скажите, неужели онъ былъ всегда такимъ брюзгливымъ отшельникомъ какой онъ теперь. Вообразите, продолжалъ онъ не дождавшись отвѣта и не замѣтивъ взгляда которымъ обмѣнялись Беквисъ и Стендрингъ, — былъ онъ приглашенъ на веселый пикникъ или морскую прогулку и убѣжалъ въ послѣднюю минуту только потому что на бортѣ были женщины.

Лицо Беквиса омрачилось. — Я надѣялся, сказалъ онъ, помолчавъ, что мы не сочтемъ нужнымъ возобновлять этотъ непріятный разговоръ. Но я радъ что вы возобновили его при человѣкѣ который знаетъ обо мнѣ болѣе чѣмъ вы когда-либо узнаете, хотя я очень люблю васъ и очень обязанъ вамъ. Повѣрьте, Джекъ, его ручательству что я не могъ поступить иначе и покончимъ съ этимъ непріятнымъ недоразумѣніемъ.

— Даю вамъ слово, мистеръ Гилль, что онъ не могъ поступить иначе, сказалъ Стендрингъ. Ваша дружба съ нимъ, горячая какъ ей и слѣдуетъ быть (я знаю все что̀ вы для него сдѣлали), началась нѣсколько недѣль тому назадъ, а я знаю его нѣсколько лѣтъ. Будьте великодушны, не упоминайте объ этомъ непріятномъ происшествіи.

Джекъ взглянулъ на Стендринга недоумѣвая почему онъ говоритъ такъ серіозно. Еслибъ онъ подмѣтилъ выраженіе промелькнувшее на лицѣ Беквиса, онъ былъ бы удивленъ еще болѣе.

— Пусть будетъ по вашему, сказалъ онъ небрежно. Я тѣмъ не менѣе провелъ тотъ день очень пріятно, и также провелъ бы его и онъ еслибы.... впрочемъ я молчу. Гдѣ вы будете спать Бекъ?

— На вашемъ диванѣ, если позволите.

— Нѣтъ, вы будете спать на моей постели. Вы еще не совсѣмъ здоровы. И прошу васъ, обратился онъ къ Стендрингу, — будьте здѣсь какъ дома. Моя квартира принадлежитъ

теперь Беквису, а его мнѣ. И если вы любите ходить въ театръ, почему вы....

— Я буду просить васъ сопутствовать мнѣ. Я понимаю и благодарю васъ, мистеръ Гилль, отвѣчалъ Стендрингъ.—Въ общественныя мѣста грустно ходить одному, и я, признаюсь, очень люблю театръ. Меня не пускали туда когда я былъ молодъ. Вчера я видѣлъ піесу которая тронула меня какъ ни одна до сихъ поръ не трогала.

— Что же это было?

— Я даже не знаю названія. Я вошелъ въ какой-то театръ въ Странде среди представленія. Надо будетъ посмотрѣть піесу еще разъ чтобъ узнать вполнѣ содержаніе. Знаю только что человѣкъ нѣкогда извѣстный и любимый въ своей деревнѣ возвратился туда послѣ двадцатилѣтняго отсутствія, и никто, даже его родное дитя, не узнаетъ его.

— Рипъ Ванъ-Винкль?

— Да, его звали такъ. Я похожъ на Рипъ Ванъ-Винкля въ Англіи. Когда этотъ бѣднякъ сказалъ что когда-то не было ребенка который бы не бросался къ нему или собаки которая бы не махала хвостомъ когда онъ проходилъ, но что теперь дѣти бѣгутъ отъ него со страхомъ, а собаки лаютъ на него, я.... я расплакался какъ дуракъ, а публика смѣялась.

— Публика—собраніе идіотовъ! воскликнулъ Джекъ съ негодованіемъ.—Я самъ видѣлъ эту піесу нѣсколько разъ, и публика смѣялась всегда невпопадъ. Но надо отдать справедливость партеру и галлереѣ. Они понимаютъ правильно, и не стыдятся выказывать свое чувство. Меня, кажется, нельзя назвать человѣкомъ чувствительнымъ, но я не могъ удержаться отъ слезъ смотря на нѣкоторыя піесы, и готовъ плакать опять если ихъ будутъ играть хорошо. Но вспомните, мистеръ Стендрингъ, продолжалъ онъ, — хорошо все то что хорошо кончится. Рипъ кончилъ тѣмъ что возвратилъ себѣ свои права, служа тѣмъ кого онъ любилъ и платя врагамъ добромъ за зло.

— У меня нѣтъ ни друзей, ни враговъ, мистеръ Гилль, возразилъ Стендрингъ, — но тѣмъ не менѣе благодарю васъ за ваше замѣчаніе.

За нѣсколько часовъ до возвращенія Джека въ Лондонъ, письмо прекрасной, но своенравной Адели, увѣдомлявшей что она вполнѣ понята мистера Блиссета, было получено послѣд-

нимъ, въ его скромной квартирѣ, которой онъ еще не перемѣнилъ не по недостатку средствъ, но по неподвижности. Онъ удовольствовался покупкой нѣсколькихъ не гармонировавшихъ между собою предметовъ роскоши. Коверъ которымъ былъ покрытъ полъ годился бы въ будуаръ герцогини, но былъ слишкомъ широкъ и недостаточно длиненъ для его комнаты. Онъ купилъ себѣ отдѣланный золотомъ туалетный ящикъ и дорогія бритвы, но мыльницей служило ему попрежнему оловянное блюдце. Его письменный столъ розоваго дерева и великолѣпныя письменныя принадлежности не гармонировали съ глиняною бутылкой служившей ему чернильницей. Окружающее этого человѣка никогда не составляло чего-нибудь цѣлаго.

— Ей-Богу! воскликнулъ онъ прочитавъ письмо Адели,— судьба слишкомъ, слишкомъ милостива ко мнѣ, и это предъ чѣмъ-нибудь недобрымъ. Когда я былъ въ самомъ плохомъ, почти безнадежномъ положеніи, она сжалилась надо мной, теперь же.... но зачѣмъ унывать заранѣе. Мой приливъ счастія все возвышается, возвышается и возвышается. Да, моя хорошенькая насмѣшница Милли, я завладѣю вашимъ сердечкомъ. Влюблена и въ кого же! въ безсмысленнаго танцора. Я отомщу вамъ, красавица Милли, непремѣнно отомщу. Ваша величественная сестрица для меня недоступна, но вы? Когда вашъ болванъ отецъ получитъ и промотаетъ свои двадцать пять тысячъ фунтовъ, тогда мы посмотримъ. Родство съ графомъ и богатство что-нибудь да значитъ. Я родился джентльменомъ, одаренъ вкусами и привычками джентльмена и буду джентльменомъ во что бы то ни стало. Деньги? Да! Эти безсмысленные торгаши думаютъ что я могу удовлетвориться ихъ жизнью. Я скорѣе соглашусь подметать мостовую. А вы, гордые джентльмены, чуждающіеся Абеля Блиссета, потому что онъ былъ бѣденъ и только недавно разбогатѣлъ, оглянитесь на себя. Еслибъ я описалъ вамъ мое положеніе, между вами не нашлось бы одного изъ десяти который не позавидовалъ бы моему положенію. Ха, ха, ха, вотъ мы посмотримъ.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, съ мрачнымъ блескомъ въ глазахъ, хотя мысли его были самыя радостныя, надежды самыя блестящія. Но воздушные замки не радовали его. Мысль что что-то подкапывается подъ ихъ основаніе и взорветъ ихъ на воздухъ, не давала ему покоя, охватывала

его какъ иногда въ пріятномъ снѣ охватываетъ мысль что это только сонъ, мысль еще болѣе непріятная при пробужденіи, когда снилось что какое-нибудь дѣйствительное горе или опасность миновали. *Что-то* обнаружилось раньше чѣмъ онъ ожидалъ и со стороны съ которой онъ не ожидалъ ничего непріятнаго. Оно обнаружилось въ письмѣ лорда Гильтона, увѣдомлявшаго своего милаго Блиссета что всѣ тревоги пришли къ концу, ибо уже доказано несомнѣнно что Плесморъ умеръ не оставивъ потомства.

— Я предсказывалъ тебѣ къ чему это поведетъ, сказалъ Мартинъ Блексемъ женѣ.—За мое участіе мнѣ отплатили грубостью.

Онъ только-что передалъ ей холодный отвѣтъ лорда Гильтона на его дружеское письмо, и сдѣлалъ вышеприведенное замѣчаніе, когда замѣтилъ по вспыхнувшему лицу жены что она прочла его.

— Какъ осмѣлился этотъ дерзкій выскочка написать тебѣ такое письмо? начала мистрисъ Блексемъ съ негодованіемъ.

— Ну, довольно, довольно, прервалъ ее мужъ.—Словами дѣлу не поможешь. Мы исполнили нашъ долгъ. Я ошибся предположивъ что онъ не измѣнился. Онъ измѣнился и, повидимому, не къ лучшему.

— Мартинъ, никто въ мірѣ не убѣдитъ меня что Джулія виновата.

— И меня тоже, но, къ сожалѣнію, насъ съ тобой объ этомъ не спрашиваютъ. Увѣренность Бертрама Эйль.... лорда Гильтона въ ея виновности длится уже двадцать лѣтъ, и успѣла укорениться въ это время глубоко. Я не удивляюсь что онъ остался при своемъ мнѣніи, но онъ могъ бы.... ну, да все равно. Еслибы мнѣ опять представился случай предложить ему мои услуги, я не поколебался бы предложить ихъ, рискуя услыхать опять грубость. Я ему многимъ обязанъ. Помнишь день когда я лежалъ больной въ коттеджѣ Проссера, гдѣ дождь просачивался сквозь соломенную крышу, и докторъ говорилъ что мнѣ необходимо хорошее помѣщеніе, портвейнъ, бульйонъ, а у насъ было всего десять пенсовъ и никакой надежды получить еще хоть фардингъ?

— Тогда онъ былъ нашимъ спасителемъ, Мартинъ, но....

— Никакихъ *но* здѣсь не можетъ быть. Сожги его глупое письмо, и не будемъ больше говорить объ этомъ. Скажи лучше нѣтъ ли какого-нибудь извѣстія о бѣдной Меджи Грейсъ?

— Нѣтъ, исключая....

— Ну? исключая чего?

— Не хочется говорить, потому что я этому не вѣрю.

— Я увѣренъ что ты права, но чему ты не вѣришь?

— Говорятъ что Джекъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ.

— Кто это говоритъ? спросилъ рѣзко адвокатъ.

— Прислуга въ Галлѣ. Говорятъ будто Джекъ имѣлъ съ ней свиданіе зъ полѣ, въ день игры въ крикетъ, и отдалъ ей письмо. Говорятъ также что это онъ уговорилъ мистрисъ Проссеръ убѣждать Грейсовъ отослать Меджи въ Лондонъ.

— Но кто это говоритъ? Неужели и мистрисъ Проссеръ?

— И она.

— Какъ! она говоритъ что онъ переписывался съ Меджи, воскликнулъ съ удивленіемъ Блексемъ.

— О, нѣтъ; только что онъ совѣтовалъ послать Меджи въ Лондонъ; но ты знаешь, Мартинъ, что мы всѣ считали нужнымъ удалить ее отсюда.

— Кто видѣлъ что онъ передалъ ей письмо?

— Симмондсъ, помощникъ буфетчика въ Галлѣ.

— Такъ это уже разнеслось по всей деревнѣ?

— Конечно. Не лучше ли тебѣ посовѣтовать Чарльсу Дакрсу пригласить Альжернона Врея быть шаферомъ вмѣсто Джека. При настоящихъ обстоятельствахъ Джеку не слѣдуетъ пріѣзжать сюда.

— При настоящихъ обстоятельствахъ ему не слѣдуетъ скрываться, возразилъ Блексемъ, — если только онъ.... но это не правда. Нѣтъ, надо предложить ему быть шаферомъ мужа нашей Беатрисы, и если онъ пріѣдетъ, то онъ невиненъ. Не знаешь ли кто особенно настаиваетъ на этомъ обвиненіи?

— Нѣтъ, это, кажется, общая молва, возразила вздохнувъ мистрисъ Блексемъ.

— Тѣмъ хуже; общая молва опасная гостья; но мы ее выживемъ когда Джекъ пріѣдетъ.

— Можетъ-быть онъ не знаетъ въ чемъ его обвиняютъ. Не лучше ли предупредить его, Мартинъ?

— Ты права какъ и всегда, моя милая. Я скажу ему все что ему надо знать. Чарли уже писалъ ему?

— Нѣтъ. Джекъ еще не отвѣтилъ на письмо Алисы. Не правда ли что это странно?

Лицо Блексема омрачилось.

— Онъ уѣзжалъ изъ Лондона на.... да, когда онъ переселился на островъ Вайтъ?

— Не знаю хорошенько. Констанція видѣла его тамъ въ серединѣ сентября.

— А Меджи Грейсъ исчезла въ августѣ?

— Да, 29го августа.

— Ну, это не можетъ послужить доказательствомъ въ нашу пользу. Пусть Чарли скажетъ мнѣ когда будетъ писать Джеку, и я припишу нѣсколько словъ.

Вотъ къ чему ведетъ безпечность. Джекъ, сердце котораго пребывало безотлучно въ Вентворѣ, откладывалъ день за днемъ отвѣтъ на письмо Алисы Блексемъ пока совсѣмъ не забылъ о немъ. Еслибъ онъ только зналъ что Констанція будетъ одною изъ свадебныхъ подругъ; но Констанція изъ скромности молчала, а безпечность Джека была сильнымъ свидѣтельствомъ противъ него. Дакресъ, что̀ очень естественно, пригласилъ другаго шафера, а Блексемъ чувствовалъ болѣе чѣмъ показывалъ, когда день проходилъ за днемъ не принося письма отъ Джека. Онъ поговорилъ съ Проссеромъ и узналъ отъ него сплетню со всѣми подробностями. Трудно было заставить старыхъ друзей повѣрить этой сплетнѣ, но наконецъ и они повѣрили. Болѣе всего поражало стараго адвоката что никакъ нельзя было узнать кто первый пустилъ въ ходъ скандальную исторію, но она повторялась съ подробностями, которыя сами по себѣ были ничтожны, но подобраны чрезвычайно искусно.

— Вотъ что̀, старуха, сказалъ Блексемъ однажды утромъ женѣ, прочитавъ свои письма,—мнѣ надо будетъ съѣздить по дѣламъ въ Лондонъ. Я повидаюсь тамъ съ Джекомъ, если хватитъ времени, и узнаю худшее.

Времени конечно хватило, потому что дѣла были не важныя. Онъ узналъ въ Клементсъ-Иннѣ нумеръ Джека, и поднимаясь на лѣстницу встрѣтилъ женщину въ шумящемъ шелковомъ платьѣ. Когда онъ посторонился, уступая мѣсто ея шлейфу, глаза ихъ встрѣтились, и онъ узналъ Меджи Грейсъ. Добрый старикъ возвратился домой съ тяжелымъ сердцемъ, и домашніе его узнали что есть имя котораго нельзя произносить въ ихъ домѣ и что имя это: Джекъ Гилль.

ГЛАВА XI.

Какъ миссъ Френчъ сдѣлалась вдовой.

Общество Дѣлателей Солонокъ не принадлежитъ къ числу блестящихъ корпорацій нашего Сити. Оно не даетъ большихъ обѣдовъ людямъ не отплачивающимъ ему тѣмъ же или великолѣпныхъ баловъ дамамъ подающимъ руку женѣ и дочерямъ альдермена въ паркѣ. Тѣмъ не менѣе это богатое, процвѣтающее общество, не уступающее своею благотворительностью никакому другому обществу, какъ по щедрости, такъ и по умѣнію распоряжаться деньгами. Лучшее изъ ихъ благотворительныхъ учрежденій это школа или скорѣе воспитательный домъ для сиротъ. Бѣдныя малютки находятъ у нихъ пріютъ не въ одной изъ тѣхъ красныхъ кирпичныхъ построекъ искаженной готической архитектуры изображенія которыхъ вѣшаются на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и гравируются въ *Illustrated London News*, но въ простой фермѣ скрывающейся въ одной изъ тѣнистыхъ долинъ простирающихся между Гендономъ и Гарро. Мы, Англичане, народъ благотворительный, никто не сравнится съ нами въ этомъ отношеніи, но мы слишкомъ любимъ объявлять о нашихъ добрыхъ дѣлахъ. У насъ даже кирпичи и известь кричатъ на полмилю вокругъ: загляните сюда! Здѣсь благотворительное учрежденіе. Всѣ эти старики и старухи содержатся на счетъ частной благотворительности, всѣ эти мальчики и дѣвочки воспитываются на счетъ частной благотворительности. Попробуйте нашъ благотворительный супъ. Загляните въ наши благотворительные классы. Прочтите спичи сказанные на нашемъ послѣднемъ благотворительномъ обѣдѣ. Вотъ какова наша благотворительность! Ура!

Внимательный наблюдатель замѣтилъ бы что въ маленькомъ саду отдѣлявшемъ вышеупомянутую ферму отъ дороги играло такое число дѣтей какое не выпадаетъ даже на долю землевладѣльцевъ. Малютки не носили форменныхъ платьевъ, и въ милѣ разстоянія отъ фермы были люди ничего не знавшіе объ этомъ учрежденіи. Непосредственное управленіе фермой было ввѣрено смотрительницѣ, ея помощницѣ, толстой дѣвушкѣ недавно выпущенной изъ рабочаго дома, и старику, который доилъ двухъ коровъ и исправлялъ различныя чер-

ныя работы. Число дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, отъ году до пяти лѣтъ, простиралось до дюжины. Были между ними больные, были отличавшіеся завиднымъ здоровьемъ, были пріятные на видъ и въ обращеніи, были и совершенно противоположные, но о всѣхъ заботились одинаково.

Смотрительница была женщина лѣтъ тридцати, нѣкогда очевидно обладавшая замѣчательною привлекательностью. Теперь ея наружность имѣла какой-то полинявшій видъ. Не болѣзнь похитила ея красоту, потому что она была сильна и дѣятельна; и не внезапное горе, потому что у нея была веселая улыбка; и не нужда, потому что она не имѣла понятія что̀ такое нужда. Но щеки ея были блѣдны, волосы рѣдки, и когда веселая улыбка не освѣщала ея лица, оно было очень грустно.

Въ маленькой фермѣ вечера длились не долго. Дѣти, какъ и слѣдуетъ дѣтямъ, ложились рано; толстая служанка, много работавшая въ продолженіи дня, охотно слѣдовала ихъ примѣру; старикъ не ночевалъ на фермѣ, такъ что въ одинъ темный октябрьскій вечеръ смотрительница сидѣла одна, читая при свѣтѣ лампы съ абажуромъ, и никакіе звуки кромѣ шума дождя не отвлекали ея вниманія отъ лежавшей предъ ней книги.

Она читала долго. Въ полночь, когда она неохотно намѣревалась закрыть книгу, на страницу упала тѣнь. Она подняла голову и, увидавъ предъ собой мущину, упала на колѣни и простонала:

— Боже мой, наконецъ!

Губы мущины сложились въ звукъ *шшт*, но замѣтивъ что она поражена ужасомъ, онъ нагнулся къ ней и сказалъ шепотомъ:

— Я знаю что̀ вы думаете, Гарріета, но не бойтесь; это я, во плоти, а не ваше *воображеніе*.

Она взглянула на его лицо и медленно поднялась, дрожа съ головы до ногъ.

— Мнѣ сказали что вы умерли, произнесла она съ трудомъ,—но я знала что это неправда.

— А мнѣ сказали что вы умерли, сказалъ мущина,—и я вѣрилъ этому до вчерашняго дня.

— Очень жаль что вамъ пришлось разочароваться.—Для чего вы здѣсь?

— Не для того чтобы ссориться, Гарріета. Мнѣ надо многое сообщить вамъ, и вы должны меня выслушать. А такъ

какъ вы можете пострадать если насъ увидятъ вмѣстѣ, то примите нужныя мѣры чтобъ этого не случилось.

— Мнѣ нечего бояться если меня увидятъ съ вами, возразила она гордо.—Вы мой мужъ.

— Гм., можетъ-быть я еще не признаю этого.

— Не смѣете! воскликнула она покраснѣвъ и вскочивъ со стула.

— Тише, тише, прошу васъ, мы не видались десять лѣтъ, и вамъ простительно забыть что есть мало такого на что я не рѣшился бы, если это нужно для моей цѣли.

— Отказаться отъ жены было бы безполезною подлостью.

— Горячитесь, Гарріета, горячитесь по обыкновенію. Что же вы не предложите мнѣ снять пальто и сѣсть. Развѣ вы не видите что съ меня течетъ.

— Снимите, если хотите, произнесла она съ утомленіемъ.

Онъ снялъ пальто, повѣсилъ его предъ каминомъ, взялъ стулъ и сѣлъ противъ нея.

— Нѣтъ ли у васъ водки, спросилъ онъ.—Я промокъ до костей.

— Зачѣмъ у меня будетъ водка? Конечно нѣтъ.

— Увѣрены ли вы что насъ не подслушаютъ?

— Вполнѣ увѣрена; но пусть это не продлитъ вашего посѣщенія. Хотя теперь поздно, но вы вѣроятно найдете водку на станціи желѣзной дороги.

— Вы были вѣжливѣе съ другими посѣтителями, Гарріета.

— Съ какими посѣтителями?

— Съ молодымъ человѣкомъ котораго зовутъ Берриджеръ и съ адвокатомъ Чемпіономъ, пріѣзжавшими сюда разузнавать обо мнѣ.

Она сдѣлалась блѣдна какъ смерть. Насмѣшливость ея обратилась въ робость, въ которой проглянула слабая тѣнь прежней любви къ нему.

— Не повредила ли я вамъ, Аугустусъ? спросила она, положивъ руку на его плечо. — Надѣюсь что вы не пострадаете отъ того что я сказала имъ?

— Это будетъ зависѣть отъ результата нашего свиданія, возразилъ онъ.—Разказъ мой будетъ не веселъ, и я постараюсь сократить его, но вы должны слушать меня внимательно и не прерывать.

— Начинайте.

— Хорошо. Знаете вы какъ я жилъ съ тѣхъ поръ какъ мы разстались?

— Нѣтъ.

— Я поступилъ клеркомъ къ одному купцу въ Гуллѣ. Должность была незавидная, но на меня напала страсть къ труду. Имя я конечно перемѣнилъ. Плесморъ на трехногомъ стулѣ за счетными книгами былъ бы не на своемъ мѣстѣ. Я назвался Джемсомъ Ятсомъ. Вскорѣ меня послали по дѣламъ въ Йоркъ. Тамъ я встрѣтилъ нѣкоторыхъ офицеровъ которыхъ зналъ въ лучшіе дни. Я бросилъ роль писаря и превратился въ джентльмена, и чтобъ имѣть средства прожить порядочно недѣлю, я сдѣлалъ то за что̀ выдержалъ пять лѣтъ самой ужасной жизни.

— Я не понимаю васъ.

— Такъ я скажу прямо: я поддѣлалъ векселъ на моихъ довѣрителей и былъ осужденъ на пятнадцать лѣтъ ссылки. Теперь я вполнѣ отдался въ вашу власть, Гарріета, но я буду откровененъ съ вами, и надѣюсь что вы отплатите мнѣ снисхожденіемъ и великодушіемъ. Не могу передать вамъ что̀ я выпесъ въ продолженіи ужасныхъ пяти лѣтъ ссылки. Вообразите меня съ моими наклонностями и привычками, скованнымъ и работающимъ съ каторжниками. Черезъ пять лѣтъ я убѣжалъ съ негодяемъ который былъ скованъ со мною, безъ него я не могъ ничего сдѣлать. Неужели вы не читали о смѣломъ побѣгѣ изъ Бермуда каторжниковъ Ятса и Емлина?

— Я почти не читаю газетъ.

— Дѣло было сдѣлано не дурно, и придумалъ его я. Не буду разказывать вамъ какъ мы убѣжали. Мы вынесли во время нашихъ странствованій болѣе трудовъ и страданій чѣмъ на галерахъ, но за то мы были свободны. Однажды въ минуту отчаянія, когда мы пристали въ открытой лодкѣ къ необитаемому берегу Венесуэлы, и были увѣрены что намъ угрожаетъ неминуемая гибель, я сказалъ Емлину кто я и разказалъ ему все. Поступокъ былъ безумный, но имѣлъ не совсѣмъ дурныя послѣдствія. Насъ нашли и спасли отъ голодной смерти прибрежные Индѣйцы, и мы случайно попали въ Панаму, гдѣ я разстался съ моимъ товарищемъ, къ моей величайшей радости. Емлинъ уѣхалъ на кораблѣ (онъ былъ матросъ) въ Калифорнію, а я, начавъ безъ копейки, счастливою игрой пріобрѣлъ средства отправиться въ Каллао, гдѣ я нашелъ

себѣ опять мѣсто клерка, подъ тѣмъ именемъ которое ношу теперь. Мои занятія въ Гуллѣ, какъ ни кратковременны они были, познакомили меня съ коммерческимъ жаргономъ, что̀ мнѣ очень пригодилось. Но что̀ для меня значитъ мѣсто хоть бы товарища какой-нибудь фирмы южно-американской республики. Увѣряю васъ, Гарріета, что еслѝбы мнѣ обѣщали два безопасные года въ Лондонѣ съ тѣмъ чтобы потомъ отправиться опять на галеры, я поѣхалъ бы въ Лондонъ. Я велъ такую жизнь около года, пока меня не послали въ Панаму, навести справки о какомъ-то пропавшемъ товарѣ. Тамъ я встрѣтилъ негодяя Емлина, съ полными золотомъ карманами, съ золота̀го пріиска, и пьянаго какъ только рудокопъ можетъ быть пьянъ. Тщетно пытался я скрыться отъ него или отвергнуть мою тождественность съ каторжникомъ Ятсомъ. Къ счастію, мы были одни во время нашего перваго и единственнаго свиданія въ гостиницѣ. Онъ ушелъ отъ меня пьяный какъ и пришелъ и вѣроятно на зло мнѣ назвался моимъ именемъ и ходилъ изъ кабака въ кабакъ называя себя сэръ-Аугустусъ де-Баркгемъ Плесморъ. На слѣдующее утро его нашли мертвымъ на морскомъ берегу. Нѣтъ, нѣтъ, Гарріетта! Не отодвигайтесь отъ меня. Клянусь вамъ предъ Богомъ что я неповиненъ въ его смерти. Онъ вѣроятно пьяный упалъ въ море и утонулъ. Сначала моею единственною мыслью была радость что такой опасный врагъ погибъ; но когда я услыхалъ что̀ онъ говорилъ наканунѣ, другая мысль какъ молнія мелькнула въ моемъ умѣ: если мнѣ удастся доказать что каторжникъ Ятсъ или Плесморъ умеръ, то мнѣ, сильно измѣнившемуся въ ужасныя пять лѣтъ каторги, можно будетъ возвратиться въ Англію, единственную страну гдѣ можетъ жить порядочный человѣкъ. Я помогъ донести его тѣло въ городъ и успѣлъ положить ему въ карманъ нѣсколько бумагъ (между ними были два письма отъ васъ), по которымъ въ немъ признали Ятса, и мой планъ удался.

— Такъ вы не въ опасности, Аугустусъ? спросила смотрительница, слушавшая съ жаднымъ вниманіемъ его разказъ. — Вы дѣйствительно ужасно измѣнились. Я узнала васъ какъ-то инстинктивно.

— Многіе изъ знавшихъ меня уже умерли, сказалъ онъ, — другіе забыли. Я каждый день встрѣчаю на улицѣ людей которыхъ ломню, а они не узнаютъ меня. Притомъ мое настоя-

щее положеніе освобождаетъ меня отъ всякаго подозрѣнія. Да, мнѣ, кажется, не угрожаетъ никакая опасность, но вы можете доставить мнѣ полную безопасность, Гарріета.

— Какъ? Скажите мнѣ какъ. Я не желаю вамъ зла; и если-бы вы только жили честно.

— Будьте покойны, я живу честно. Какъ вы можете доставить мнѣ безопасность? Вотъ въ чемъ дѣло: одинъ старый болванъ — но я слишкомъ спѣшу; надо разказать вамъ всю мою исторію по порядку. Я возвратился въ Англію, оставивъ за собой доказательства что я умеръ, и здѣсь узналъ что я наслѣдникъ громаднаго состоянія.

— А я думала что вашъ отецъ умеръ бѣднымъ человѣкомъ.

— Да; но по одному старому завѣщанію, я теперь ближайшій изъ наслѣдниковъ большаго состоянія приносящаго много тысячъ въ годъ, послѣ смерти одной старой леди, которая можетъ умереть съ часу на часъ.

— Но если вы предъявите свои права....

— Я долженъ буду назваться бѣжавшимъ каторжникомъ? Да, конечно. Есть люди которые могутъ доказать что Плесморъ былъ Ятсъ, а Ятсъ Плесморъ. Я этого конечно не сдѣлаю. За пять Чепель-Гиль.... За пять такихъ наслѣдствъ я не подвергнулъ бы себя риску вернуться въ Бермудъ. Нѣтъ, это невозможно.

— Такъ чего же вы хотите отъ меня?

— Выслушайте меня, сказалъ онъ придвигаясь къ ней. — Одинъ глупый старый мотъ, которому достанется наслѣдство, если будетъ доказано что я умеръ, хочетъ занять двадцать пять тысячъ фунтовъ подъ залогъ своего права на наслѣдство. Понимаете?

— Онъ обязуется заплатить долгъ когда получитъ наслѣдство?

— Именно. Нѣсколько мудрыхъ адвокатовъ напрягали свои умственныя способности и пришли къ заключенію что Августусъ де-Баркгемъ Плесморъ умеръ (потому что иначе никто не далъ бы старому джентльмену денегъ, которыя ему необходимы), и нѣсколько столь же мудрыхъ капиталистовъ согласились дать ему двадцать пять тысячъ подъ залогъ наслѣдства. Хорошо. Бобъ, тотъ негодяй котораго вы видѣли....

— Мистеръ Берриджеръ?

— Да, Бобъ такъ глупъ что сомнѣвается въ главномъ фактѣ,

и такъ хитеръ и ловокъ что на основаніи своего сомнѣнія можетъ причинить мнѣ много зла. Сомнѣніе въ немъ возбудили вы, высказавъ ему свою увѣренность въ томъ что я живъ и что иначе васъ увѣдомили бы о моей смерти. Согласитесь, Гарріета, что это было глупо съ вашей стороны. Но есть хорошая пословица, кажется испанская, которая говоритъ: „Тотъ кто сдѣлалъ можетъ и раздѣлать.“ Вы возбудили сомнѣнія мистера Берриджера и вы же должны разсѣять ихъ.

— Какъ?

— Очень просто. Согласитесь съ людьми поумнѣе и постарше васъ, и, прибавлю, болѣе васъ заинтересованными въ томъ что Аугустусъ де-Баркгемъ Плесморъ, нѣкогда вашъ мужъ, пересталъ существовать.

— Вы хотите чтобъ я солгала.

— Нисколько. Вѣдь только спросятъ есть ли у насъ дѣти. У насъ нѣтъ дѣтей. О моей смерти уже рѣшили безъ васъ, и вы не должны только опровергать ихъ мнѣніе.

Она задумалась въ нерѣшимости. Она любила его когда-то, но уже давно отказалась отъ его имени. Для нея онъ уже не существовалъ, потому что ничего въ мірѣ не могло бы соединить ихъ опять. Просьбу его не трудно было исполнить.

Онъ понялъ выгоду своего положенія.

— И вотъ еще что, Гарріета. Не думаю чтобы ваша жизнь здѣсь была пріятна.

— Да, не совсѣмъ; у меня много заботъ и горя. Еслибъ еще дѣти оставались при мнѣ, я не жаловалась бы; но лишь только они подрастутъ, и всякій трудъ съ ними становится легокъ и пріятенъ, какъ ихъ берутъ у меня и помѣщаютъ въ большія школы, въ Нортгамптонъ, а мнѣ приходится начинать снова съ другими.

— Удивляюсь какъ вы можете выносить такую жизнь, сказалъ онъ. — Она скоро надоѣстъ вамъ. Скука должна быть ужасная. Будьте благоразумною женщиной, Гарріета. Теперь я уже не нуждаюсь и скоро буду богатъ. Я конечно знаю что мы уже не можемъ быть другъ для друга тѣмъ чѣмъ были когда-то, но я могу и обязанъ обезпечить васъ. Бросьте это мѣсто, назовитесь опять моимъ именемъ и предоставьте остальное мнѣ.

— Невозможно! Какъ я объясню такой поступокъ?

— Нѣтъ ничего легче. Вы вышли замужъ за негодяя, и когда его сослали за поддѣлку векселя, вы отказались отъ его име-

ни изъ опасенія чтобъ оно не помѣшало вамъ найти честное мѣсто.

— Это правда.

— Простите меня и выслушайте. Вы нашли честное мѣсто и занимали его пока такой авторитетъ какъ извѣстная фирма Чемпіона, сынъ и Дей не увѣдомилъ васъ что вашъ мужъ умеръ. Тогда вы узнали что вамъ достается наслѣдство, хранящееся въ англійскомъ банкѣ и дающее вамъ возможность жить независимо.

— Но вѣдь это не правда.

— Я сдѣлаю что это будетъ правда. Для баронета мой отецъ былъ дѣйствительно бѣденъ, но все же послѣ него осталось что-нибудь, и я знаю что что-то осталось и должно перейти къ его сыну, или ко вдовѣ сына. Къ оставшемуся можно прибавить сколько-нибудь и такъ что этого никто не узнаетъ. Такимъ образомъ вы избавитесь отъ необходимости трудиться и будете жить какъ вамъ слѣдуетъ жить, а мнѣ окажете неоцѣнимую услугу, явившись свѣту въ качествѣ моей вдовы. Гарріета, вы когда-то любили меня; сдѣлайте это для меня ради Бога. Неужели вамъ пріятно было бы еслибы меня сослали опять на галеры? Неужели вы лишите меня возможности идти по честной дорогѣ, по которой я уже пошелъ? Говорю вамъ прямо что̀ если меня найдутъ, моя кровь падетъ на вашу голову. Живымъ я не отдамся.

— Но обманъ, обманъ, Аугустусъ. Если я не солгу, то все же обману.

— Моя милая Гарріета! Вы не побоялись обмана назвавшись миссъ Френчъ.

— Я сдѣлала это съ хорошею цѣлью.

— А развѣ спасти мужа отъ гибели и дать ему возможность вести честную и полезную жизнь не хорошая цѣль, Гарріета?

— Дайте мнѣ время подумать, сказала она колеблясь.

— И такъ уже слишкомъ много времени потеряно. Чемліонъ былъ здѣсь три дня тому назадъ. Помните что вы должны дѣйствовать какъ бы основываясь на его словахъ. Дѣйствуйте не медля, и васъ никто не спроситъ о причинѣ вашихъ поступковъ. Промедлите, и вы подвергнитесь всевозможнымъ разспросамъ. Откажитесь завтра же отъ мѣста, купите себѣ черное платье и вдовій чепчикъ—онъ будетъ идти къ вамъ, Гарріета; уѣзжайте за границу, гдѣ никто не знаетъ

васъ, а остальное, какъ я уже сказалъ вамъ, предоставьте мнѣ, и помните что вы будете всегда обезпечены, не зная съ своимъ негоднымъ мужемъ. Чѣмъ вы предпочитаете быть: леди Плесморъ съ тысячью фунтовъ годоваго дохода или миссъ Френчъ, смотрительницей?

Бѣдная смотрительница! Ея жизнь была трудная и монотонная. Въ молодости она привыкла къ совершенно другой обстановкѣ. Она была трактирною служанкой, когда онъ женился на ней, и воспитаніе которое она получила было не изъ лучшихъ. Удивительно еще что у нея хватило твердости поступить такъ какъ она поступала. Выходя за него она мечтала сдѣлаться леди, а пришлось быть смотрительницей. Теперь ей предлагали опять сдѣлаться леди. Могла ли она отказаться?

Она согласилась, но вдругъ мысль или подозрѣніе, вполнѣ женское подозрѣніе, овладѣло ею.

— Вы не сказали мнѣ кто вы и какъ вы живете теперь, сказала она.

— Мнѣ кажется что для насъ обоихъ будетъ лучше если вы не будете этого знать, отвѣчалъ онъ. — Я понимаю что вамъ пришло въ голову, и вы совершенно правы. Возьмите пока эти билеты, тутъ пятьдесятъ фунтовъ, и прежде чѣмъ вашъ отказъ будетъ принятъ, я положу въ банкъ на ваше имя сумму которая обезпечитъ васъ на всю жизнь, что бы ни случилось со мной.

— Вы ошибаетесь, сказала она отодвигая деньги. — Я не объ этомъ думала. Если я исполню ваше желаніе, вы будете имѣть возможность жениться на другой и....

— А, такъ вотъ что! Я отвѣчу вамъ такъ же откровенно какъ говорилъ до сихъ поръ. Считая васъ умершею, — не забывайте что я въ этомъ не виноватъ, меня обманули,—я имѣлъ намѣреніе жениться, но теперь я покинулъ это намѣреніе.

— Вполнѣ ли вы въ этомъ увѣрены?

— Вполнѣ.

— Согласны ли вы что давъ обѣщаніе поступать всегда по вашему желанію я освобожусь отъ этого обѣщанія въ тотъ день когда вы женитесь на другой?

— Боже мой! Развѣ я не вполнѣ въ вашей власти, Гарріета? Зачѣмъ вамъ мое согласіе? Вы можете выдать меня хоть завтра, если захотите.

— Только одно можетъ заставить меня выдать васъ, Августусъ, и теперь вы знаете что именно. Но знайте что я сдѣ-

лаю это не для себя, а чтобы спасти другую отъ того что я вытерпѣла.

— Теперь когда мы порѣшили что я умеръ, не вспоминайте о прошломъ, Гарріета, сказалъ онъ съ угрюмою улыбкой.— Я сдержу обѣщаніе говорить только о дѣлахъ. Я разказалъ вамъ какъ вашъ покойный мужъ окончилъ жизнь, но вы не должны говорить что вы это знаете. Помните всегда что вы знаете только то что сказалъ или скажетъ вамъ Чемпіонъ. Отсылайте къ нему всякаго кто вздумаетъ разспрашивать васъ. Онъ призналъ васъ за леди Плесморъ и этого будетъ достаточно для многихъ. Онъ сказалъ вамъ что я умеръ, потому что мое существованіе могло бы лишить его кліента восьмидесятитысячнаго годоваго дохода. Вы руководствуетесь единственно его свидѣтельствомъ. Вы можете всегда ссылаться на него какъ на авторитетъ. Онъ потребуетъ чтобы вы засвидѣтельствовали что у насъ не было дѣтей. Возьмите у него копію съ того что онъ дастъ вамъ подписать и избѣгайте свиданій съ нимъ. Пусть онъ пишетъ вамъ, и вы сохраняйте его письма. Вотъ вамъ планъ дѣйствій съ Чемпіономъ. Съ Берриджеромъ надо поступать иначе. У меня есть предчувствіе, Гарріета, что если меня постигнетъ несчастіе, то причиной будетъ онъ. Изъ всѣхъ негодныхъ, безчестныхъ тварей, онъ самый негодный и безчестный. Я предпочелъ бы чтобы по моимъ слѣдамъ бѣжала собака ищейка нежели онъ, собака дала бы возможность бороться за жизнь, а онъ не дастъ. Не имѣйте съ нимъ никакихъ сношеній; это единственный безопасный образъ дѣйствія. Пришло ли вамъ въ голову что я могу пострадать отъ того что вы выразили сомнѣніе въ томъ что я умеръ? Такъ, я это знаю; а онъ воспользовался вашими словами, и я имѣю основаніе полагать что онъ и теперь работаетъ во вредъ мнѣ.

— Какъ вы его знаете?

— Да онъ отыскалъ васъ при моемъ содѣйствіи.

— А вы упрекаете меня въ женской неосмотрительности.

— Но я сдѣлалъ его моимъ орудіемъ. За свѣдѣнія обо мнѣ была предложена награда, и я помогъ ему получить ее.

— Когда вы могли получить ее сами подъ вашимъ вымышленнымъ именемъ.

— Вы говорите не подумавъ, Гарріета. Неужели вы не понимаете что пустивъ этого негодяя по моимъ слѣдамъ я хо-

тѣлъ убѣдиться имѣю ли я возможность воспользоваться наслѣдствомъ.

— Я, кажется, начинаю понимать васъ. Продолжайте.

— Еслибъ онъ, со всею его ловкостью, могъ бы только доказать что Аугустусъ Плесморъ убѣжалъ и не былъ найденъ, я могъ бы появиться когда пришло бы время; если же онъ доказалъ бы что Плесморъ обратился въ каторжника Ятса, мнѣ предстояло остаться въ неизвѣстности. Берриджеръ доказалъ послѣднее, и мой образъ дѣйствій опредѣлился.

— О, Аугустусъ, какъ вы умны! Еслибы вы обратили ваши дарованія на что-нибудь получше...

— Ради Бога не проповѣдуйте. Гарріета, сказалъ онъ съ сердцемъ.—Я могу вынести все кромѣ проповѣдей. Чѣмъ я виновнѣе другихъ. Я поддѣлалъ векселъ въ триста фунтовъ и былъ уличенъ. Приходите завтра въ Сити, и я покажу вамъ людей которые дѣлали то же самое, но не были уличены и теперь катаются въ своихъ каретахъ и пользуются общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Скажите мнѣ что я дуракъ, потому что не умѣлъ скрыть концы въ воду, и я соглашусь съ вами; но не проповѣдуйте пожалуста.

— Я ужасно утомлена, сказала смотрительница.—Имѣете вы сказать мнѣ еще что-нибудь? Дождь, кажется, прошелъ, прибавила она посдѣ долгой паузы.

— Не буду безпокоить васъ болѣе, сказалъ онъ вставая.— Можете думать обо мнѣ что хотите, Гарріета, но вѣрьте что я очень благодаренъ вамъ за то что вы обѣщали сдѣлать для меня. Я дамъ вамъ адресъ повѣреннаго моего покойнаго отца. Онъ написалъ адресъ въ своей карманной книжкѣ и вырвавъ листокъ отдалъ ей.—Отправьтесь къ нему при первой возможности и требуйте наслѣдственное имущество. Тамъ есть нѣсколько фамильныхъ драгоцѣнностей и еще что-нибудь, а ровно черезъ двѣ недѣли приходите ко мнѣ. Куда бы вамъ придти? Приходите въ широкую аллею парка Регента; это самое уединенное мѣсто какое можно выбрать.

— Я должна буду прослужить компаніи по крайней мѣрѣ мѣсяцъ.

— Да, правда; но вы имѣете право отлучаться по дѣламъ. Обѣщайте придти.

— Приду если будетъ возможно.

— Благодарю. Вашъ огонь почти потухъ, но мое пальто уже высохло. Кстати, вы не боитесь оставлять дверь отпертою

на ночь? На этой дорогѣ въ былое время водилось много мошенниковъ.

— Я всегда запираю ее предъ тѣмъ какъ ложусь. Сегодня я засидѣлась долѣе обыкновеннаго. Идите пожалуста потише, вы разбудите дѣтей.

— Мои ноги отяжелѣли отъ сырости и холода. Отворите мнѣ дверь. Хорошо. Спокойной ночи, леди Плесморъ, прибавилъ онъ съ многозначительною улыбкой.

Они разстались. Онъ пошелъ блуждать въ темнотѣ въ ожиданіи времени когда можно будетъ показаться на станціи желѣзной дороги, не обративъ на себя вниманія. Она пошла въ свою комнату съ звучавшими въ ея ушахъ словами: спокойной ночи, леди Плесморъ. Она имѣла обыкновеніе ложась спать заходить въ дѣтскую чтобы взглянуть спокойно ли спятъ ея питомцы, но въ эту ночь она не зашла къ нимъ.

Все случилось такъ какъ ожидалъ Блиссетъ. Черезъ день или два смотрительница получила письмо отъ Чемпіона сына и Дея, объявившихъ ей что ихъ кліенту лорду Гильтону необходимо имѣть формальное удостовѣреніе что отъ ея брака съ покойнымъ Аугустусомъ де-Баркгемъ Плесморомъ не осталось потомства? Его лордство будетъ очень сожалѣть если исполненіе его просьбы затруднитъ ее. Онъ вполнѣ понимаетъ и цѣнитъ причины побудившія ее перемѣнить имя, и позаботится чтобъ она не пострадала вслѣдствіе оказанной ему услуги. Она отвѣчала что получила отъ мистера Чемпіона извѣстіе о смерти своего мужа и не имѣя основаній сомнѣваться въ достовѣрности извѣстія, она рѣшилась предъявить свои права въ качествѣ вдовы сэръ-Аугустуса Плесмора, и охотно дастъ письменное удостовѣреніе, но только проситъ чтобъ ей прислали копію съ того что̀ ей придется подписать. Она также проситъ мистера Чемпіона сдѣлать ей одолженіе, впредь обращаться къ ней не иначе какъ къ леди Плесморъ, потому что дальнѣйшее укрываніе подъ чужимъ именемъ можетъ повредить ей.

— Неужели она думаетъ что имѣетъ какія-нибудь права на Чепель-Гильтонъ, проворчалъ Чемпіонъ, прочитавъ письмо. Права вдовы Плесмора! Онъ не могъ оставить ей ничего кромѣ титула, который только повредитъ ей въ ея положеніи. Да! Старикъ-то умеръ не сдѣлавъ завѣщанія и можетъ-быть оставилъ что-нибудь. И выдвинувъ ящикъ письменнаго стола, Чемпіонъ вынулъ печатный списокъ наслѣдствъ хранящихся

въ англійскомъ банкѣ и неизвѣстно кому принадлежащихъ. Вотъ оно! Тысяча семьсотъ восемь фунтовъ, пять шилинговъ и четыре пенса. Она однако не теряетъ времени. Желалъ бы я знать кто это научилъ ее.

Когда смотрительница начала писать письмо вызвавшее вышеприведенныя замѣчанія, мистеръ Берриджеръ почтилъ ее вторичнымъ посѣщеніемъ. Она услыхала стукъ щеколды отворенной имъ двери сада и успѣла дать служанкѣ необходимыя инструкціи прежде чѣмъ онъ дошелъ до крыльца.

Бобъ дружески кивнулъ служанкѣ, отворившей ему двери, и хотѣлъ идти дальше, но она преградила ему дорогу и съ рѣдкою правдивостью сказала:

— Барына велѣла сказать что ея нѣтъ дома.

— Вотъ какъ! Но я пришелъ изъ Эджевара чтобы повидаться съ ней. Скажите ей что это я, мистеръ Берриджеръ, и увидите что она тотчасъ же приметъ меня.

— А она сказала мнѣ, когда вы шли по дорожкѣ: вотъ, говоритъ, идетъ мистеръ Берриджеръ; скажите ему что меня нѣтъ дома, и пусть онъ отправляется куда ему угодно. Вотъ что!

— Есть у нея кто-нибудь?

— Никого нѣтъ.

— Кто же эта барыня во вдовьемъ чепчикѣ которую я видѣлъ въ окно?

— Кто! Это-то и есть наша смотрительница, отвѣчала дѣвушка съ насмѣшкой надъ его невѣдѣніемъ.

— Во вдовьемъ чепчикѣ? воскликнулъ пораженный Бобъ.

— А развѣ вы не знаете что женщины носятъ вдовьи чепчики когда вдовы? спросила служанка.

— Но она.... она.... съ которыхъ поръ она носитъ вдовій чепчикъ?

— А вамъ какое дѣло?

— Послушайте, Мери.

— Я не Мери, а Марта.

— Ну такъ, Марта, имѣли ли вы когда-нибудь въ рукахъ полкрону?

— Богъ съ вами, возразила съ благороднымъ негодованіемъ служанка.—Я получаю пять фунтовъ въ годъ кромѣ чаю и сахару.

Бобъ понялъ что дѣвушкѣ въ такомъ блестящемъ положеніи надо дать взятку побольше.

— Я дамъ вамъ.... ну, такъ и быть, я дамъ вамъ полъ-соверена, Марта, если вы скажете мнѣ кто былъ здѣсь послѣ моего послѣдняго посѣщенія.

— Ничего я не скажу вамъ, отвѣчала служанка громко.— Подождите, прибавила она шепотомъ,—будьте черезъ полчаса на лугу, направо отъ сада.

Съ этими словами она захлопнула дверь прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить и возвратилась къ смотрительницѣ.—Я не видывала такихъ негодяевъ, сказала она.

— Вамъ не слѣдовало болтать съ нимъ, Марта, замѣтила смотрительница.—Если онъ придетъ опять, не отпирайте ему двери.

— Хорошо, сударыня, не отопру.

— Развѣсьте дѣтское бѣлье пока погода хороша.

— Я еще не совсѣмъ выжала его, сударына: но у меня уже все приготовлено въ саду.

— Такъ продолжайте вашу работу и не мѣшайте мнѣ. Я занята, сказала смотрительница, принимаясь опять за письмо.

— Тѣмъ лучше, прошептала толстая служанка. — Еслибы Джимъ пришелъ поскорѣе; дѣти побѣжали бы смотрѣть какъ онъ сталъ бы доить, а я пріобрѣла бы полъ-соверена. Кому какое дѣло если я скажу джентльмену что здѣсь былъ кто-то? А джентльменъ можетъ-быть скажетъ мнѣ что̀ это за вещица. Я знаю только что она не барынина.

Вещица о которой говорила Марта и которую она вынула изъ кармана было то что̀ Испанцы называютъ *jesquero*, Французы *briquet*, Турки *chek-mek*, небольшой золотой ящичекъ со стальною пластинкой, кремнемъ и длиннымъ оранжевымъ шнуркомъ зажигающимся отъ малѣйшей искры извлеченной изъ кремня. Вещь эта очень употребительна въ климатахъ гдѣ сырѣютъ спички, но въ Англіи многіе знаютъ о ея назначеніи не болѣе толстой служанки.

Она нашла ее, вычищая утромъ каминъ въ комнатѣ смотрительницы, на томъ самомъ мѣстѣ куда упала бы всякая вещь выпавшая изъ кармана пальто повѣшеннаго для просушки предъ каминомъ.

Джимъ, поденщикъ, придя по обыкновенію доить коровъ, не нашелъ ничего страннаго въ томъ что Марта поручила ему посмотрѣть за дѣтьми пока она развѣситъ бѣлье въ саду.

Она получила полъ-соверена черезъ заборъ не за одни слова. Воспитаніе которое ей дали въ рабочемъ домѣ не пріучи-

ло ее думать что найденное не дѣлается собственностью нашедшаго, и мистеръ Берриджеръ сдѣлался обладателемъ *jesquero*, который онъ назвалъ мѣднымъ, стоющимъ не болѣе пяти шиллинговъ.

— Что̀ означаетъ буква *Л*, если эта вещица принадлежитъ Чемпіону, пробормоталъ сей достойный молодой человѣкъ на обратномъ пути въ Эджеваръ.—Я разспрошу Чемпіона, и если вещь не его, то здѣсь былъ кто-нибудь безъ вѣдома Марты.

ГЛАВА XII.

Джекъ въ затруднительномъ положеніи.

Въ дѣтствѣ я считалъ большимъ мученіемъ владѣть полкроной не имѣя возможности истратить ее немедленно; но говорятъ что современные юные джентльмены въ этомъ отношеніи благоразумнѣе своихъ отцовъ. Привычка ведетъ къ пренебреженію, говорятъ прописи. Какъ бы то ни было, ни одинъ ребенокъ, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ дѣти, не спѣшилъ такъ истратить свою полкрону какъ лордъ Гильтонъ спѣшилъ истратить свои двадцать пять тысячъ фунтовъ. Исполнивъ совѣтъ Чемпіона, онъ отложилъ бы пять тысячъ для уплаты мелкихъ долговъ, тысячъ восемь для выкупа срочныхъ векселей и закладныхъ, тысячи двѣ употребилъ бы на подновленіе части Челель-Гильтонскаго дома, а остальными добавлялъ бы свои ежегодные доходы, пока мистрисъ Игльтонъ отправилась бы къ предкамъ. Когда извѣстный человѣкъ былъ боленъ, онъ далъ извѣстные обѣты, но мы знаемъ какъ онъ исполнилъ ихъ когда выздоровѣлъ. Бертрамъ лордъ Гильтонъ, съ пустыми карманами, оскорбляемый своимъ дворецкимъ и портнымъ и знавшій что его векселя обращаются между Жидами, готовъ былъ заплатить всѣ свои долги, лишь бы ему дали денегъ. Съ какимъ наслажденіемъ отдалъ бы онъ все до послѣдней колѣйки, мечталъ онъ, чтобы только быть свободнымъ человѣкомъ. Но Бертрамъ лордъ Гильтонъ съ двадцатью пятью тысячами въ банкѣ исполнилъ свои обѣты не лучше вышеупомянутаго больнаго. Одинъ изъ авторитетныхъ посѣтителей „Регентства“ увѣрялъ что онъ промоталъ три состоянія собираясь платить долги. Лордъ Гильтонъ удовлетворилъ дворецкаго и портнаго, но имѣя деньги стоившія ему

двадцать процентовъ въ годъ, не выкупилъ векселей по которымъ платилъ тридцать процентовъ, и только потому что жаль было отдать за нихъ чистыя деньги.

Онъ приступилъ къ поправкѣ Чепель-Гильтонскаго замка съ самыми умѣренными планами, но планы разрослись какъ-то сами собой, какъ это всегда бываетъ, и когда пришлось заплатить Кресу и знаменитому садовнику, лордъ Гильтонъ убѣдился что онъ попрежнему далекъ отъ возможности сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ. Еслибъ ему дали сто двадцать пять тысячъ, черезъ шесть мѣсяцевъ у его дверей толпились бы опять кредиторы.

Вентнорская вилла была покинута и нанятъ домъ по контракту на три года въ Паркленѣ. Поправка Чепель-Гильтона должна была окончиться къ Рождеству, когда предполагалось отпраздновать новоселье. Лордъ Гильтонъ задумалъ еще въ Вентнорѣ сдѣлать Джека своимъ частнымъ секретаремъ. Онъ умѣлъ, когда хотѣлъ, написать хорошее письмо, и то въ которомъ заключалось вышеупомянутое предложеніе, поставило Джека въ большое затрудненіе.

— Прочтите, Бекъ, сказалъ онъ перебросивъ письмо своему другу.

Бекъвисъ прочелъ и бросилъ письмо обратно.

— Ну что же? спросилъ Джекъ.

— Что? спросилъ Бекъвисъ.

— Прочли вы письмо?

— Прочелъ.

— Что же вы думаете о немъ?

— Я думаю что графъ хочетъ имѣть васъ своимъ секретаремъ, предлагаетъ вамъ триста фунтовъ въ годъ (плата сравнительно хорошая) и квартиру въ его домѣ и обѣщаетъ что съ вами будутъ обращаться какъ съ джентльменомъ, хотя вы будете только секретаремъ.

— Я не прошу васъ повторять мнѣ содержаніе его письма. Читать-то я умѣю и безъ васъ. Посовѣтуйте какъ мнѣ поступить, что мнѣ отвѣтить ему.

Бекъвисъ подумалъ.

— Хорошо, Джекъ, сказалъ онъ.—Я пожалуй дамъ вамъ совѣтъ, хотя знаю что совѣты безполезны. Вы исполните мой совѣтъ только въ томъ случаѣ если онъ придется вамъ по вкусу.

— Я полагаюсь на ваше благоразуміе, Бекъвисъ.

— Благодарю. Такъ вотъ мой совѣтъ: откажитесь отъ предложенія по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, потому что вы заработаете болѣе трехъ сотъ фунтовъ если будете продолжать такъ какъ начали....

— Но положеніе-то, Бекъ, положеніе.

— Это вторая причина. Лордъ Гильтонъ принималъ васъ до сихъ поръ какъ равнаго (потому что графъ не можетъ считать себя выше джентльмена, а онъ принималъ васъ какъ джентльмена). Вы такъ сблизились съ его семействомъ что позволяете себѣ называть его дочерей просто по именамъ. Я слышалъ какъ онъ назвалъ васъ Джекомъ. Неужели вы думаете что вамъ прилично будетъ, въ качествѣ наемнаго секретаря, называть ихъ Мери и Милли и самому называться Джекомъ?

— Я люблю его, Бекъ, несмотря на всѣ его недостатки, и полагаю что онъ меня тоже любитъ, замѣтилъ Джекъ.

— Мы любимъ нашихъ друзей, но бываемъ довольны или недовольны нашими секретарями.

— Не думаю чтобъ онъ сталъ обращаться со мной какъ съ секретаремъ.

— Тѣмъ хуже было бы для васъ. Я буду говорить прямо, Джекъ. Вы влюблены въ одну изъ его дочерей.

Джекъ покраснѣлъ.

— Это васъ не касается, Бекъ. Мы съ вами большіе друзья, а онѣ хорошія дѣвушки, но... но....

— Что же, другъ мой? Договорите до конца, сказалъ Бекъ, повернувшись съ рѣшительнымъ видомъ на стулѣ. — Если вы хотите одурачить себя, то сдѣлайте это по крайней мѣрѣ съ развязанными руками. Исполните ваше намѣреніе въ томъ положеніи въ какомъ вы находитесь теперь, и вамъ только покажутъ дверь, исполните его въ качествѣ секретаря—и васъ вытолкаютъ въ дверь.

— Желалъ бы я знать кто смѣетъ вытолкать меня! воскликнулъ Джекъ вспыхнувъ.

— Милый другъ мой, есть много способовъ нанести оскорбленіе, а человѣкъ написавшій это письмо способенъ оскорбить васъ словами такъ что вы долго не забудете оскорбленія. Секретари женятся на графскихъ дочеряхъ только въ романахъ для молодыхъ дѣвушекъ.

— Но кто же говоритъ о женитьбѣ на графской дочери?

— Никто не говоритъ, возразилъ Бекъ сухо.

— Вы намекаете на меня?

— Послушайте, Джекъ, вы просили моего совѣта принять ли вамъ предложеніе, и я посовѣтовалъ вамъ не принимать. Я понимаю что вы почти рѣшили принять его, и еслибъ я сказалъ: вы правы, Джекъ, ничего лучшаго нельзя желать, вы сочли бы меня вторымъ Даніиломъ и ссылались бы на меня въ спорѣ со всякимъ кто сталъ бы совѣтовать вамъ противное. Теперь же, еслибы дворникъ посовѣтовалъ вамъ принять предложеніе лорда Гильтона, вы сочли бы его и умнѣе меня и болѣе преданнымъ вамъ другомъ. Идите своею дорогой, Джекъ, и да поможетъ вамъ Богъ.

Онъ вполнѣ понималъ состояніе духа своего друга. Джеку хотѣлось принять предложеніе лорда Гильтона, но сомнѣваясь слѣдуетъ ли принять его, онъ добивался чтобы кто-нибудь сказалъ что слѣдуетъ. Намъ всегда пріятно услыхать (отъ кого бы то ни было) что намѣреніе наше разумно, когда тихій голосъ совѣсти шепчетъ противное. Мѣсяцъ тому назадъ Джекъ счелъ бы такою же нелѣпостью идти просить совѣта у Ванъ-Вейна какъ идти за тѣмъ же къ дворнику, но что-то предсказывало ему что отъ этого дальновиднаго джентльмена можно услыхать желаемое. Въ этомъ онъ не хотѣлъ сознаться даже самому себѣ, и отправляясь къ Ванъ-Вейну, разсуждалъ что въ такомъ дѣлѣ Ванъ-Вейнъ болѣе компетентный судья чѣмъ старый скептикъ Беквисъ.

— Поздравляю васъ, милый другъ мой! воскликнулъ Корнеліусъ, когда Джекъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло. — Какое блестящее начало. Одному Богу извѣстно къ чему оно можетъ повести. Дайте мнѣ вашу руку, мой милый Гилль. Соглашайтесь немедленно. Если Гильтонъ полюбилъ васъ, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, онъ проведетъ васъ въ парламентъ, и вы далеко пойдете. О, соглашайтесь, соглашайтесь не колеблясь. Можно будетъ отказаться если представится что-нибудь еще лучшее.

Это было ужъ слишкомъ. Джекъ не смотрѣлъ далѣе секретарства. Безумецъ. Мысль воспользоваться покровительствомъ своего будущаго патрона не понравилась ему. Онъ слишкомъ мало вращался въ высшемъ обществѣ чтобъ оцѣнить значеніе такого покровительства. Еслибы Ванъ-Вейнъ сказалъ просто „соглашайтесь немедленно“, не выставляя своихъ отвратительныхъ причинъ!

Но онъ добился таки того что услыхалъ пріятный совѣтъ.

У него была еще особа съ которою можно было посовѣтоваться—добрая мистрисъ Клеръ, его союзница въ Гильдербюри-Паркѣ, совѣты которой уже принесли видимую пользу. Въ концѣ октября наступилъ мрачный понедѣльникъ и для Клера, королевскаго судьи, и Джекъ сдѣлался желаннымъ гостемъ въ его домѣ раньше чѣмъ получилъ вышеупомянутое затруднительное предложеніе лорда Гильтона.

— Еслибъ этотъ молодой человѣкъ былъ адвокатъ, онъ пошелъ бы далеко, сказалъ, судья женѣ однажды въ субботу, когда судъ былъ закрытъ, и онъ имѣлъ время пройтись съ ней по парку. — Онъ необыкновенно скоро понимаетъ сущность дѣла. Я поговорилъ съ нимъ, пока курилъ сигару послѣ обѣда, о новомъ проектѣ касательно банкротства, а сегодня уже вижу статью въ *Цензорѣ* очевидно написанную Джекомъ и одну изъ лучшихъ по этому вопросу, хотя, конечно, онъ не коснулся всѣхъ подробностей.

— Лордъ Гильтонъ предложилъ ему мѣсто своего частнаго секретаря, сказала мистрисъ Клеръ съ нѣкоторою гордостью;— она любила слушать похвалы Джеку.

— Надѣюсь что онъ былъ такъ благоразуменъ что отказался?

— Ты въ самомъ дѣлѣ думаешь что ему слѣдуетъ отказаться?

— Конечно. Ему надоѣла бы эта должность въ одинъ мѣсяцъ. Сначала онъ сталъ бы писать очень хорошія рѣчи для лорда Гильтона и вообще работалъ бы охотно, но утомился бы очень скоро и сталъ бы пренебрегать своею обязанностью. Развѣ я могъ бы работать охотно еслибы плоды моего труда доставались другому? Конечно нѣтъ. Джекъ Гилль тщеславенъ, какъ и слѣдуетъ быть молодому человѣку, потому что тщеславіе въ концѣ концовъ полезно какъ возбудительное средство, и пусть Джекъ Гилль останется тѣмъ что онъ теперь.

— Очень жаль что я почти посовѣтовала ему согласиться. Я видѣла что ему хочется согласиться.

— Гмм! онъ, кажется, гостилъ у нихъ на островѣ Вайтѣ? спросилъ Клеръ.

— Нѣтъ не гостилъ, но часто бывалъ у нихъ, и лордъ Гильтонъ полюбилъ его.

— Такъ пусть лордъ Гильтонъ найдетъ другое средство по-

мочь ему. Развѣ ты не видишь, Джерти, что леди Брентвортъ кланяется тебѣ?

Въ слѣдующее воскресенье Джекъ обѣдалъ у Клеровъ, и случайный вопросъ хозяйки заставилъ его забыть и о лордѣ Гильтонѣ, и о его предложеніи.

— Вы, конечно, будете на свадьбѣ, Джекъ? спросила она.

— На какой свадьбѣ?

— Какъ на какой! На свадьбѣ Беатрисы Блексемъ (свадьбы, какъ извѣстно, всегда обозначаются именами невѣстъ счастливыхъ женіховъ).

Джекъ вспомнилъ письмо Алисы, которое онъ оставилъ безъ отвѣта, и его бросило въ жаръ, какъ иногда случается когда вспомнишь о какомъ-нибудь промахѣ.

— Алиса обѣщала написать мнѣ когда будетъ назначенъ день свадьбы.

— Свадьба будетъ въ среду.

— Не можетъ быть.

— Я буду завтра у папа, а такъ какъ Чарльсъ Дакрсъ гоститъ въ Паркѣ, я узнаю отъ него навѣрное въ какой день сбудетъ свадьба.

Джекъ не сказалъ на это ни слова, но взглянувъ на его лицо, мистрисъ Клеръ догадалась перемѣнить разговоръ.

Когда они остались вдвоемъ въ гостиной (судья ушелъ работать), мистрисъ Клеръ, замѣчая смущеніе Джека, спросила:

— Когда отвѣтили вы на письмо Алисы?

— Я былъ такъ глупъ что совсѣмъ не отвѣтилъ, я.... я.... былъ занятъ. Я хочу сказать что у меня въ головѣ было совсѣмъ другое. Я терпѣть не могу писать письма. Она пригласила меня на свадьбу, и обѣщала написать когда будетъ назначенъ день, и не написала, продолжалъ онъ обиженнымъ тономъ.

— И вы не написали ни строчки поздравленія Беатрисѣ?

— Къ сожалѣнію, я забылъ, я....

— Можетъ-быть потому что вашъ другъ былъ очень боленъ?

— Нѣтъ, чортъ возьми! Извините, мистрисъ Клеръ. Совсѣмъ не потому. Онъ давно выздоровѣлъ, но я не писалъ потому.... потому что все откладывалъ. Я все ждалъ что они напишутъ опять.

— Вы обидѣли ихъ.

— Боюсь что вы правы. Это-то мнѣ и больно. Я готовъ идти босикомъ чтобы бросить старый башмакъ вслѣдъ за ми-

лою Беатрисой. Мнѣ не жаль что я лишился завтрака и тому подобнаго.... мнѣ не хотѣлось бы чтобъ они думали что я не радъ и.... и....

— Я можетъ-быть увижу завтра мистера Блексема, сказала мистрисъ Клеръ.—Онъ теперь въ Лондонѣ. Я скажу ему.

— Скажите ему только что я сдѣлалъ это по легкомыслію и больше ничего не говорите, прервалъ Джекъ. Не дайте ему подумать что я набиваюсь на приглашеніе. Понимаете, мистрисъ Блексемъ, мнѣ.... чортъ возьми! Я не знаю что̀ сказать.

Онъ дѣйствительно не зналъ что̀ сказать, но мистрисъ Клеръ поняла женскимъ инстинктомъ недосказанное.

На слѣдующій день вечеромъ Джекъ получилъ чрезъ коммиссіонера слѣдующую записку:

„Милый Джекъ.

„Если вы не чувствуете за собой какой вины вслѣдствіе которой вашимъ друзьямъ было бы непріятно видѣть васъ, то возьмите немедленно извощика и пріѣзжайте къ намъ. Вы увидите мистера Блексема.

„Искренно преданная вамъ
„Джертруда Клеръ.“

Съ минуту Джекъ не понималъ ничего; потомъ началъ искать причину такого страннаго приглашенія и, какъ всегда бываетъ, сначала остановился на самыхъ странныхъ предположеніяхъ. Не знаютъ ли они что онъ любитъ Констанцію Конвей? Не зашелъ ли онъ слишкомъ далеко съ Алисой Блексемъ? Сердце его было такъ переполнено любовью къ первой что онъ не могъ найти причины ея не касающейся. Немного подумавъ, онъ сообразилъ бы что такъ какъ никто, не исключая самой Констанціи, не подозрѣваетъ что онъ любитъ ее, что никто не можетъ обвинять его въ измѣнѣ другой. Но такіе люди какъ Джекъ не думаютъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Мысли, конечно, мелькаютъ у нихъ въ головѣ, и останавливаютъ на минуту ихъ вниманіе, но потомъ они берутъ извощика или прибѣгаютъ къ какому-нибудь другому рѣшительному средству чтобы добраться до истины.

Когда Джекъ увидалъ въ столовой Мартина Блексема, и Мартинъ Блексемъ не подалъ ему руки, онъ понялъ что такъ или иначе провинился въ чемъ-нибудь очень не хорошемъ. Но когда его старый другъ объяснилъ въ присутствіи мистера Клера (хозяйка дома удалилась) почему Джекъ уже не

прежній Джекъ для него и для его семейства, Джекъ расхохотался.

Это была очень странная выходка съ его стороны. Подумавъ немного, онъ не расхохотался бы, но Джекъ не подумалъ и хорошо сдѣлалъ. Еслибъ онъ принялъ тонъ высокомѣрнаго презрѣнія, то такіе умные люди какъ Мартинъ Блексемъ и Клеръ тотчасъ же усомнились бы въ искренности его протеста. Еслибъ онъ остановился безмолвно и возразилъ бы не вдругъ, они усомнились бы въ истинѣ того что̀ онъ сказалъ бы потомъ въ свою защиту. Но когда человѣкъ противъ котораго есть только одно обвиненіе, и такое которое, еслибъ оно было справедливо, поразило бы его до глубины души, расхохочется услыхавъ его, то умные люди объяснятъ такую неумѣстную веселость въ хорошую сторону. Они поймутъ что обвиняемый смѣется не надъ обвиненіемъ, но надъ тѣмъ что такое обвиненіе взвели на него. Когда Мартинъ Блексемъ пошелъ далѣе и объяснилъ причины на которыхъ основано обвиненіе, Джекъ слушалъ его серіозно.

— Не можете ли вы, мистеръ Блексемъ, сказать мнѣ кто взвелъ на меня такое обвиненіе?

— Не могу.

— Не можете или не хотите?

— Не могу, потому что не знаю никого кто настаивалъ бы сильнѣе другихъ на обвиненіи. Такъ думаетъ вся деревня.

— Тѣмъ хуже для меня, сказалъ Джекъ съ горечью. — Но надѣюсь что если я докажу вамъ и Грейсу что я невиненъ, то это оправдаетъ меня въ общемъ мнѣніи?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Блексемъ. Онъ былъ нѣсколько огорченъ что Джекъ не началъ оправдываться немедленно.

— Я полагаю что вы повѣрите мнѣ если я скажу что я пришелъ сюда не съ готовыми доказательствами противъ обвиненія о которомъ я не имѣлъ понятія десять минутъ тому назадъ.

— Мы не считаемъ себя вашими судьями, мистеръ Гилль, сказалъ Блексемъ сухо.—Вы не обязаны давать намъ доказательства вашей невинности.

— Чортъ возьми, воскликнулъ Джекъ,—неужели вы думаете что я позволю кому бы то ни было называть меня негодяемъ, какъ вы это сейчасъ сдѣлали, хотя косвенно, не поколотивъ его или не доказавъ ему что онъ не правъ. Ударить васъ я не могу, мистеръ Блексемъ, потому что.... потому что (тутъ

что-то подступило ему къ горлу и не дало докончить фразу). Но чортъ возьми (Джекъ опять разгорячился) я докажу вамъ....

— Я вполнѣ согласенъ что мистеру Гиллю необходимо имѣть время, началъ Клеръ.

— Мнѣ надо не болѣе пяти часовъ, сказалъ Джекъ вставая.— Скажите мнѣ на что̀ именно долженъ я отвѣтить. Вопервыхъ, говорятъ что я имѣлъ съ ней свиданіе въ Гильдербюри-Паркѣ и далъ ей письмо. Вовторыхъ, я заставилъ мою кормилицу уговорить Грейсовъ послать ее въ Лондонъ. Втретьихъ, ее видѣли на моей лѣстницѣ? Кажется все?

— Есть еще второстепенные пункты, но вы назвали главные, отвѣчалъ Блексемъ.

— Хорошо, продолжалъ Джекъ.—Я дѣйствительно встрѣтилъ ее въ Гильдербюри-Паркѣ, но письма ей не давалъ. Я просилъ мою кормилицу уговорить Грейсовъ отослать ее куда-нибудь, но не имѣлъ въ виду того что̀ мнѣ приписываютъ. Она была на моей лѣстницѣ, гдѣ ее видѣлъ мистеръ Блексемъ, но даю вамъ честное слово что она никогда не переступала за порогъ моей квартиры. Считайте это за сущность того что̀ вы услышите завтра. Въ которомъ часу вы уѣдете, мистеръ Блексемъ?

— Въ три.

— Такъ я буду здѣсь въ два. Потрудитесь передать мистрисъ Клеръ то что̀ я сказалъ сейчасъ. Прощайте.

— Вы ошиблись, Блексемъ, сказалъ Клеръ послѣ долгой паузы, въ продолженіи которой они наполнили свои стаканы, и дверь заперлась за Джекомъ.

— Дай Богъ, сказалъ Блексемъ. — Онъ, бѣдный, кажется, очень тронутъ.

Кажется! Джекъ могъ бы отвѣтить словами Гамлета: „нѣтъ, не кажется, а точно есть“. Мистрисъ Клеръ сказала ему наканунѣ что Констанція будетъ одною изъ свадебныхъ подругъ. Можете вообразить его состояніе?

Джекъ вернулся домой и занялся такимъ дѣломъ которое случайный наблюдатель назвалъ бы не имѣющимъ никакого смысла. Онъ выдвинулъ всѣ ящики комода, въ которыхъ господствовалъ страшный безпорядокъ, и выбросилъ все заключавшееся въ нихъ на полъ. То же самое сдѣлалъ онъ съ своимъ письменнымъ столомъ, шкафомъ и корзиной для бумагъ; развернулъ бумажки свернутыя заботливой мистрисъ Джоуерсъ для зажиганія трубокъ и разсмотрѣлъ ихъ. Потомъ сѣлъ, за-

курилъ трубку и думалъ пока не напалъ на какую-то мысль. Тогда онъ отправился въ спальню и началъ разсматривать свое платье, какъ четверть часа тому назадъ разсматривалъ свои письма и бумагу.

— Наконецъ-то, произнесъ онъ вздохнувъ, и вынулъ изъ кармана старыхъ панталонъ розовый конвертъ съ написанными на немъ неправильнымъ, но характеристическимъ почеркомъ словами: „моей дорогой Марго“.

Домъ въ которомъ жилъ Джекъ раздѣлялся на семь квартиръ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась контора гг. Трайта и Слоумена, архитекторовъ. Во второмъ этажѣ налѣво жилъ Корнеліусъ Ванъ-Вейнъ, а направо мистеръ Требъ, маклеръ. Въ третьемъ квартира направо стояла пустая, а налѣво жилъ Джекъ. Еще выше возсѣдалъ Беквисъ. Мистеръ Блексемъ встрѣтилъ миссъ Грейсъ на лѣстницѣ, слѣдовательно она была не у гг. Трайта и Слоумена. Джекъ отправился къ г. Требу, засталъ его за завтракомъ и къ великому изумленію стараго холостяка просилъ его, какъ о большомъ одолженіи, сказать не была ли у него 18го числа текущаго мѣсяца, въ четыре часа пополудни, дама въ голубомъ шелковомъ платьѣ съ черною бархатною отдѣлкой, въ бѣлой шляпкѣ и китайскомъ креповомъ платкѣ. Старый джентльменъ возразилъ что всему свѣту извѣстно что онъ обѣдалъ въ тотъ день въ Сити и возвратился домой не раньше восьми часовъ вечера. Джекъ поблагодарилъ его, извинился что побезпокоилъ и отправился къ Беквису. Само собою разумѣется что Беквисъ ничего не зналъ о дамѣ въ голубомъ шелковомъ платьѣ.

— Что̀ если она въ самомъ дѣлѣ приходила ко мнѣ, когда меня не было дома, подумалъ Джекъ.—Не можетъ-быть чтобъ она приходила къ Ванъ-Вейну.

Тѣмъ не менѣе онъ постучался въ дверь Ванъ-Вейна, но отвѣта не получилъ. Черезъ часъ онъ навѣдался опять и опять безуспѣшно. Прошелъ еще часъ, и Ванъ-Вейна все нѣтъ. Когда пробило два, Джекъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ уже имѣлъ доказательство своей невинности, но не такое какого ему хотѣлось, а надежда что желаемое можно получить за запертою дверью мало-по-малу усиливалась. Особы въ высшей степени методичныя страдаютъ иногда вслѣдствіе своей методичности. Еслибы Ванъ-Вейнъ ждалъ Джека, а Джекъ пропадалъ полдня, въ этомъ не было бы ничего страннаго. Но Ванъ-Вейнъ былъ воплощенная аккуратность и всегда нахо-

дился дома до четырехъ часовъ. Я не хочу сказать что вслѣдствіе того что его не было дома въ опредѣленное время, Джекъ могъ заключить что онъ принималъ даму въ голубомъ шелковомъ платьѣ три недѣли тому назадъ. Но какъ бы то ни было, его убѣжденіе что вышеупомянутая дама не можетъ имѣть ничего общаго съ Ванъ-Вейномъ ослабѣвало по мѣрѣ того какъ день клонился къ вечеру.

Наконецъ Ванъ возвратился, и Джекъ отправился къ нему не теряя ни минуты.

— Я предложу вамъ нѣсколько странный вопросъ, Ванъ, сказалъ онъ.

— Мой милый другъ, вы знаете что я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ, былъ отвѣтъ.

— Зачѣмъ приходила къ вамъ 18го числа дама въ голубомъ платьѣ и креповомъ платкѣ?

Спокойная осанка Ванъ-Вейна вдругъ измѣнилась.

— Этимъ шутить нельзя, мистеръ Гилль, сказалъ онъ величественно.

— Вы вполнѣ правы, отвѣчалъ Джекъ.—Тутъ нѣтъ ничего забавнаго, для меня по крайней мѣрѣ.

— Еслибы не мое уваженіе къ вамъ, я назвалъ бы это дерзостію.

— Зовите какъ хотите, милый мой, но выслушайте меня. Я предложилъ вамъ вопросъ не такъ какъ слѣдуетъ. Мнѣ рѣшительно все равно зачѣмъ она приходила къ вамъ. Дѣло въ томъ что нѣкоторые умные люди забрали себѣ въ голову что она приходила ко мнѣ и вывели изъ этого самыя печальныя для меня заключенія. Будьте добрымъ другомъ, засвидѣтельствуйте письменно что она приходила къ вамъ, а не ко мнѣ.

— Я не сдѣлаю ничего подобнаго, мистеръ Гилль.

— О, сдѣлаете. Скажите, чѣмъ это можетъ повредить вамъ? Притомъ я могу взять такое свидѣтельство отъ самой дѣвушки, и тогда, говорю вамъ впередъ, я локолочу васъ.

— Развѣ вы ее знаете?

— Господи, знаю ли я ее? Я знаю ее съ тѣхъ поръ какъ она была вотъ такая.

Холодный потъ выступилъ на лбу у Ванъ-Вейна отъ угрозы Джека. „О, Боже мой, проворчалъ онъ вполголоса, вотъ что̀ значитъ мѣшаться въ чужія дѣла.“

— Чего вы отъ меня хотите? спросилъ онъ вслухъ.

— Напишите только что дама о которой идетъ рѣчь приходила къ вамъ, а не ко мнѣ, и что, сколько вамъ извѣстно, она никогда не входила ко мнѣ. Даю вамъ слово, Ванъ, что вашу записку увидитъ только одинъ человѣкъ и что онъ никому не разкажетъ ея содержанія.

— Кто этотъ человѣкъ?

— Мистеръ Блексемъ.

— Кто онъ?

— Мой хорошій другъ, котораго вы никогда не видали и, можетъ-быть, никогда не увидите. Я скажу вамъ откровенно въ чемъ дѣло, Ванъ: онъ думаетъ что я привезъ ее въ Лондонъ. Однажды онъ приходилъ сюда повидаться со мной и встрѣтилъ ее на лѣстницѣ. Теперь вы все знаете.

— Даю вамъ слово что она приходила ко мнѣ и исключительно по дѣламъ.

— Хорошо, пусть будетъ по вашему.

— Я не лгу.

— Хорошо. Такъ и напишите что по дѣламъ. Я знаю объ этихъ дѣлахъ болѣе чѣмъ вы полагаете, Ванъ, прибавилъ онъ серіознѣе.—Сдѣлайте то что вамъ слѣдовало сдѣлать и выгородите себя изъ столкновенія которое произойдетъ неминуемо.

Фехтованіе словами продолжалось еще долго, но наконецъ окончилось согласіемъ со стороны Ванъ-Вейна написать записку что обладательница голубаго платья приходила къ нему 18го числа по дѣламъ. Джеку однако не удалось заставить его написать записку въ тотъ же вечеръ. Ванъ-Вейнъ обѣщалъ прислать ее на другой день рано утромъ, а такъ какъ было уже поздно (онъ возвратился домой послѣ обѣда и клубнаго вечера), то Джекъ согласился ждать до слѣдующаго утра.

Если Ванъ-Вейнъ любилъ что-нибудь особенно, такъ это служить ловѣреннымъ (высшихъ десяти тысячъ, конечно) въ „щекотливыхъ дѣлахъ“, въ числѣ коихъ были такія которыми болѣе разборчивый человѣкъ не сталъ бы марать рукъ. Но Ванъ-Вейнъ гордился участіемъ въ дѣлахъ обозначаемыхъ названіемъ „скандальная исторія“.

Онъ былъ въ высшей степени методичный человѣкъ и велъ свою корреспонденцію по всѣмъ правиламъ искусства. Онъ писалъ сначала свои записочки и клалъ ихъ по правую руку, потомъ надписывалъ адресы на конвертахъ и клалъ ихъ въ соотвѣтствующій письмамъ порядокъ налѣво. Онъ напи-

салъ два письма, послѣ того какъ Джекъ ушелъ отъ него. Угроза ли Джека смутила всегда спокойное теченіе его мыслей, вѣтеръ ли ворвавшійся въ отворенную дверь перепуталъ конверты,—рѣшить трудно, но случилось такъ что записка предназначавшаяся Джеку была адресована Альджернону Врею, эсквайру, въ Гильдербюри Паркъ, а Джекъ получилъ совсѣмъ не то чего ожидалъ. Принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства дѣла, я полагаю что Джекъ имѣлъ право прочесть полученное письмо. Вотъ что онъ прочелъ:

„.... клубъ.

„Дорогой Альджернонъ!

„Считаю не лишнимъ сообщить вамъ что одинъ изъ моихъ сосѣдей,—взбалмошный малый съ которымъ я знакомъ очень мало,—разспрашивалъ меня объ извѣстной молодой особѣ, которая имѣла неосторожность посѣтить меня, мѣсяцъ тому назадъ. Въ такомъ дѣлѣ какъ ваше, мой милый Альжернонъ, я считаю своимъ долгомъ не только относительно васъ, но и относительно общества въ которомъ мы оба вращаемся, сдѣлать все возможное чтобы спасти васъ отъ западни въ которую вовлекла васъ,—извините меня,—ваша горячность. Только вчера удалось мнѣ, послѣ большихъ хлопотъ, овладѣть за большую сумму письмами въ коихъ заключаются ваши обѣщанія жениться. Поздравляю васъ съ такимъ счастливымъ избавленіемъ. Дочь смотрителя! О чемъ вы думали?

„Вы должны отдать 200 фунтовъ стерлинговъ немедленно и платить такую же сумму ежегодно пока дѣвушка не выйдетъ замужъ; а такъ какъ условіе еще не подписано, то я позволю себѣ включить въ него параграфъ чтобъ я впредь былъ избавленъ отъ посѣщеній. Они могутъ скомпрометтировать меня.

„Пожалуста постарайтесь быть въ Лондонѣ въ концѣ недѣли.

„Искренно преданный вамъ

„Корнеліусъ Ванъ-Вейнъ.

„Альджернону Врею, эсквайру.“

Ванъ-Вейнъ имѣлъ обыкновеніе писать на клубной бумагѣ, которой имѣлъ всегда большой запасъ.

Въ запискѣ предназначавшейся Джеку мистеръ Ванъ-Вейнъ свидѣтельствовалъ свое почтеніе и сообщалъ что миссъ Грейсъ была у него 18го числа, въ четыре часа пополудни, по дѣламъ, и что, сколько ему извѣстно, она никогда не посѣщала мистера Гилля.

Джекъ былъ вполнѣ доволенъ тѣмъ что послала ему судьба и отправился на одномъ изъ утреннихъ поѣздовъ въ счастливыя окрестности Кента.

ГЛАВА XIII.

Шаферъ капитана Дакроа.

Та другая мистрисъ Конвей, которая жила въ нѣжной оболочкѣ женщины извѣстной обществу подъ этимъ именемъ и при случаѣ появлялась когда съ ней не было никого кромѣ ея дочери и служанки, съ радостію отпустила Констанцію на свадьбу къ Блексемамъ. Она видѣла что быстро приближается время когда должна произойти какая-нибудь важная перемѣна въ ихъ образѣ жизни. Дѣвушка рѣшительно отказывалась повиноваться образу правленія свойственному мистрисъ Конвей. Какъ жаль что она еще слишкомъ молода для замужства, вздыхала мать. Еслибъ ее можно было отдать отцу! Но сдѣлавъ это, надо было бы признать Джоржа Конвея такимъ человѣкомъ которому можно поручить молодую дѣвушку, а этого никакъ нельзя было признать. Планъ дочери поступить учительницей въ школу также не годился. Тѣмъ не менѣе между матерью и дочерью состоялось безмолвное соглашеніе что по возвращеніи послѣдней изъ Соутертона произойдетъ какая-нибудь перемѣна въ ихъ отношеніяхъ.

Мистрисъ Конвей извѣстная обществу сдѣлала видъ что отпускаетъ дочь на свадьбу къ Блексемамъ весьма неохотно.

„Моя милая Джертруда знаетъ, писала она (Виллертоны уже покинули островъ Вайтъ, и мистрисъ Конвей зажила опять своею кочующею жизнію), какихъ жертвъ стоило мнѣ воспитаніе дочери и какая она, несмотря на то, неловкая и странная. Мнѣ право совѣстно показывать ее обществу такою какова она теперь и боюсь что придется отослать ее года на два въ какой-нибудь хорошій заграничный пансіонъ, хотя я не могу подумать безъ ужаса о разлукѣ съ ней.“

Въ такомъ же духѣ отвѣтила она и мистрисъ Блексемъ на ея приглашеніе. Благодарила что она вспомнила объ ея дѣвочкѣ; была увѣрена что она будетъ снисходительна къ ея промахамъ; милая мистрисъ Блексемъ поймете, прибавляла она, чего стоитъ матери разстаться съ своею дочерью, съ своимъ единственнымъ сокровищемъ. Мистрисъ Конвей достаточно знала Констанцію чтобы не опасаться что она будетъ жаловаться на мать, но на всякій случай сочла не лишнимъ оградить себя. Если Констанція какъ-нибудь невольно

покажетъ что она не совсѣмъ счастлива дома, то всякій ее же осудитъ что она не можетъ ужиться съ матерью которая пишетъ о ней съ такою любовію.

Пріѣхавъ въ Аббатство, маленькая Конъ думала что нѣтъ болѣе пріятнаго разговора какъ объ ихъ общемъ другѣ Джекѣ, о томъ что онъ сказалъ и сдѣлалъ, какъ онъ исправился, какіе подвиги онъ совершилъ и какіе ему еще предстоитъ совершить въ области литературы. Она не замѣтила мертваго молчанія и смущенныхъ взглядовъ которыми было встрѣчено его имя, и продолжала восхвалять своего героя пока мистрисъ Блексемъ не рѣшилась отвести ее въ сторону и сказать ей что мистеръ Гилль ведетъ себя недостойнымъ образомъ, и что мужъ ея и она также желаютъ чтобъ его имя не произносилось въ ихъ домѣ.

— Бѣдная Констанція, услыхавъ это, была слишкомъ поражена чтобы начать разспрашивать немедленно, но оставшись наединѣ со своимъ другомъ Алисой, она обратилась къ ней за объясненіемъ и услыхала смутный разказъ о томъ что сдѣлалъ мистеръ Гилль. Провинціальныя дѣвушки не могли постигнуть вполнѣ гнусности его предполагаемаго грѣха.

— И вы вѣрите этому, Алиса? спросила Констанція.

— Нельзя не вѣрить, былъ печальный отвѣтъ:—Папа справедливѣйшій изъ людей и очень любилъ Дже.... его. Притомъ папа адвокатъ и его не легко обмануть. Онъ дѣлалъ все возможное чтобы разъяснить это дѣло, и чѣмъ дальше онъ шелъ тѣмъ хуже.

Скажите женщинѣ что есть несомнѣнныя доказательства что человѣкъ котораго она любитъ вышелъ съ окровавленнымъ ножомъ въ одной рукѣ и съ кошелькомъ въ другой изъ комнаты въ которой нашли потомъ зарѣзаннаго человѣка, и она ни за что не повѣритъ что онъ совершилъ преступленіе. Дайте ей доказательство на доказательство что онъ согрѣшилъ противъ всѣхъ десяти заповѣдей, и она будетъ увѣрять васъ что это какая-нибудь ошибка, что у него есть враги, что его не понимаютъ и такъ далѣе. Но пророниte малѣйшій намекъ что онъ любитъ другую, и по какой-то причинѣ, которой я не берусь объяснить, она тотчасъ же повѣритъ вамъ. „Хотя бы грѣхъ, хотя бы стыдъ палъ на твое имя, я осталась бы вѣрна тебѣ. Но я не могу вынести чтобы твое сердце принадлежало другой. Что же останется мнѣ?“ спрашиваетъ женщина въ пѣснѣ, а это одна изъ десяти тысячъ которыя сказали бы то же самое.

Бѣдная Констанція! Она не сомнѣвалась что Джекъ можетъ внушить любовь какой бы то ни было женщинѣ. Она не имѣла понятія о того рода любви которою, какъ предполагалось, онъ снискалъ любовь миссъ Грейсъ и о тѣхъ отношеніяхъ въ которыхъ ихъ подозрѣвали. Она думала что Джекъ похитилъ ее помощью какой-нибудь недостойной хитрости и женился на ней безъ согласія родныхъ. Тѣмъ не менѣе, она будетъ счастлива. Невозможно чтобъ она не была счастлива съ нимъ. За что же они такъ жестоко осуждаютъ его?

Благородное сердце скрыло свою собственную глубокую рану. Она пріѣхала въ Аббатство съ намѣреніемъ поговорить откровенно съ Алисой Блексемъ, а если понадобится, то и съ Джекомъ, какъ съ человѣкомъ который можетъ помочь ей отыскать отца. Теперь у нея было однимъ другомъ меньше. Не разъ готова она была разказать все откровенно Мери Эйльвардъ, но ни разу у нея не хватило на это смѣлости. Она любила Мери, дѣлала ей много полунамековъ и открылась бы ей вполнѣ при малѣйшемъ вызовѣ. Еслибъ она сказала Алисѣ Блексемъ половину того что говорила Мери, прямая Алиса выспросила бы ее обо всемъ, не опасаясь за послѣдствія. Мери почти отгадала въ чемъ дѣло, но изъ деликатности, и изъ опасенія показаться навязчивою, молчала и засушила въ зародышѣ цвѣтокъ который надѣялась увидѣть въ полномъ цвѣтѣ. Такова была разница между двумя подругами Констанціи. Она могла подѣлиться своимъ горемъ съ Алисой, потомъ обратиться за совѣтомъ къ умной Мери, а Джекъ былъ всегда готовъ съ своими услугами. Она твердо рѣшилась отыскать своего отца и надѣялась что наступятъ лучшіе дни даже для ея матери, но ей было больно что все это должно сдѣлаться безъ участія Джека.

Сэръ-Томасъ Врей былъ не такой человѣкъ чтобы дѣлать что-нибудь въ половину. Хотя онъ былъ только дальній родственникъ Чарльсу Дакрсу и занималъ въ свѣтѣ положеніе значительно выше положенія отца невѣсты, но онъ рѣшилъ отпраздновать свадьбу съ большою пышностью, насколько это зависѣло отъ него: вопервыхъ, потому что онъ гордился Чарльсомъ, вовторыхъ, потому что уважалъ Блексемовъ, втретьихъ, вслѣдствіе своего добродушнаго характера. Наканунѣ дня свадьбы былъ большой обѣдъ въ Гильдербюри-Паркѣ, и если я не упоминаю здѣсь о подаркахъ заключавшихся въ красномъ сафьянномъ футлярѣ который сквайръ вручилъ въ этотъ

день при прощаніи хорошенькой, покраснѣвшей Беатрисѣ, и въ конвертѣ который Чарльсъ нашелъ на другое утро на своемъ туалетномъ столѣ, то единственно потому что сквайръ любилъ дѣлать добрыя дѣла тайно. Брилліанты невѣсты произвели большой эффектъ въ день свадьбы, а гг. Коксъ и Гринвудъ записали что капитанъ Дакрсъ внесъ деньги за майорскій чинъ. Такимъ образомъ всѣ были довольны, исключая Альджернона который мимоходомъ замѣтилъ что отецъ придаетъ ужь слишкомъ много важности этой свадьбѣ, и что кузенъ могъ бы найти себѣ кого-нибудь получше дочери провинціальнаго адвоката.

Въ Паркѣ жилось весело. Тамъ не заботились о непріятныхъ приглашеніяхъ, не готовились къ непріятной разлукѣ. Тамъ собрались, такъ-сказать, свои люди. Обыкновеныхъ дѣйствующихъ лицъ не было, кромѣ жениха, но онъ второстепенное лицо въ свадебной драмѣ, хотя необходимое. Все шло отлично, до окончанія завтрака въ день свадьбы. Когда дамы уже ушли оправить свои туалеты, такъ какъ пора было идти въ церковь, а мущины рѣшили выкурить по сигарѣ на лугу, въ комнату вошелъ слуга и шепнулъ что-то на ухо мистеру Альджернону, на что послѣдній отвѣчалъ сердитымъ, но одному слугѣ слышнымъ возраженіемъ. Наслѣдникъ Гильдербюри-Парка ушелъ въ оранжерею и зажигалъ уже сигару, когда тотъ же слуга подошелъ къ нему съ видимымъ страхомъ и подалъ ему карточку. Первымъ побужденіемъ мистера Врея было, очевидно, разорвать карторчку, но глаза его упали на написанныя на ней слова, и онъ прочелъ ихъ.

— Не ждите меня Чарли, сказалъ онъ, десять минутъ спустя жениху.—Кто-то тамъ пришелъ ко мнѣ, чортъ бы его побралъ, и хочетъ непременно видѣть меня. Я скоро пріѣду и поспѣю во-время.

Церковь стояла на разстояніи трехсотъ ярдовъ отъ Аббатства. Къ ней вела тропинка, по которой прошелъ Джекъ въ то утро когда онъ такъ смѣло подшутилъ надъ членами магистрата. Лишь только карета изъ Парка подъѣхала къ церкви, какъ невѣста и ея провожатыя вышли изъ дома, и лишь только онѣ вошли въ церковь какъ началась церемонія бракосочетанія. Никто, кромѣ Чарльса Дакрса, не замѣтилъ отсутствія шафера. Но что же за бѣда? Свадьба безъ свадебныхъ подругъ была бы ужасна, но шаферъ.... кому онъ нуженъ? Развѣ его просятъ подержать букетъ или поправить

платье? Никогда. Его дѣломъ было бы смотрѣть чтобы женихъ казался такимъ красивымъ и счастливымъ какимъ желала видѣть его бѣдная Беатриса.

Только тогда когда новобрачные вписали свои имена въ церковную книгу въ ризницѣ, и когда вызвали за тѣмъ же свидѣтелей, сэръ-Томасъ обернулся и спросилъ:

— Гдѣ же Альджернонъ?

Эхо не дало обычнаго отвѣта, потому что въ этой тѣсной комнатѣ эхо не могло существовать.

Общество Парка, на пути въ Соутертонъ, было, вѣроятно, слишкомъ занято разговорами и не глядѣло по сторонамъ. Или если кто и видѣлъ жалкую клячу и сидѣвшаго на ней всадника, то не обратилъ вниманія. Но еслибы сэръ Томасъ спросилъ у этого всадника „гдѣ же Альджернонъ“, онъ получилъ бы отъ него отвѣтъ на свой вопросъ.

Онъ получилъ его полчаса послѣ того какъ Беатриса Блексемъ утратила одно изъ своихъ именъ. Оказалось что мистеръ Врей, къ своему величайшему сожалѣнію, былъ задержанъ приладкомъ біенія сердца (съ нимъ это случалось). Ничего серіознаго. Онъ можетъ-быть придетъ къ завтраку, но проситъ чтобъ его не ждали. Отвѣтъ этотъ заключался въ запискѣ принесеной грумомъ. Альджернонъ былъ, очевидно, боленъ; его твердый почеркъ въ этотъ разъ былъ очень неразборчивъ.

Не въ первый разъ приходилось сэръ-Томасу слышать о внезапномъ припадкѣ біенія сердца, всегда оканчивавшемся ничѣмъ, и частное повтореніе того же самаго нѣсколько ожесточило его.

— Какая дрянь наша молодежь! проворчалъ онъ, кладя въ карманъ письмо сына.

Въ числѣ свадебныхъ гостей былъ шестилѣтній джентльменъ которому Джекъ сдѣлалъ однажды лодочку плававшую по водѣ, о чемъ было упомянуто въ началѣ этого разказа. Такъ какъ этому джентльмену не позволили войти въ ризницу, гдѣ было тѣсно безъ него, то онъ отправился гулять по церкви, и испытывалъ невыразимое наслажденіе, бѣгая свободно въ такомъ мѣстѣ гдѣ его заставляли всегда сидѣть смирно. Онъ поднялся на хоры. Органъ и таинственный исполнитель за краснымъ занавѣсомъ возбуждали давно его любопытство. Онъ проникъ за красный занавѣсъ и оттуда, въ ту самую

минуту когда новобрачные выходили изъ ризницы, раздался пронзительный крикъ:

— О, ма, идите сюда, идите сюда. Здѣсь мистеръ Гилль играетъ въ прятки. О, я поймалъ васъ, поймалъ, не уйдете. Вы мистеръ Гилль, вы сами знаете что вы мистеръ Гилль.

Въ слѣдующую затѣмъ минуту на лѣстницѣ раздались тяжелые шаги, потомъ шумъ борьбы и паденія, и тогда мистеръ Блексемъ и еще нѣсколько человѣкъ пришли на мѣсто дѣйствія; они увидѣли что Грейсъ держитъ Джека за горло подъ лавкой и что Джеку приходится плохо.

Они разжали руку старика, и оба борца встали пыльные и едва переводя духъ. Джекъ обратился къ мистеру Блексему.

— Выслушайте меня, мистеръ Блексемъ, сказалъ онъ.—Я не имѣю намѣренія начать ссору. Я думалъ что меня никто не увидитъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? спросилъ Блексемъ съ негодованіемъ.

—Затѣмъ чтобы помѣшать негодяю стоять рядомъ съ мужемъ вашей дочери, отвѣчалъ онъ.—Волненіе пересилило его и заставило высказать то чего онъ не имѣлъ намѣренія высказывать, по крайней мѣрѣ въ ту минуту.

— Выведите его, выведите его, сэръ, сказалъ Грейсъ, задыхаясь.—Церковь создана не для этого. Выведите его. Я старъ, но клянусь Богомъ, если я опять схвачу его за горло...

— Тише, Грейсъ, тише. Помолчите хоть ради меня. Вы сейчасъ произнесли слова требующія объясненія, мистеръ Гилль. Что вы хотѣли сказать?

Джеку стоило сдѣлать то что онъ сдѣлалъ.

— Пойдемте вы и Грейсъ въ какое-нибудь другое мѣсто. Проссеръ, уведите всѣхъ этихъ людей. Надѣюсь что если я оправдаюсь въ глазахъ мистера Блексема и Грейса, то этого будетъ достаточно. Ушли ли дамы?

Онѣ, къ счастію, ушли, не догадавшись что происходитъ наверху, ушли всѣ кромѣ Констанціи, которая слышала восклицанія: „Здѣсь мистеръ Гилль“.

Блексемъ повелъ Джека и Грейса въ кустарникъ, гдѣ они и остановились.

— Я обѣщалъ быть у васъ вчера, прежде чѣмъ вы уѣдете,

началъ Джекъ,—но не могъ достать такъ скоро какъ надѣялся то что мнѣ было нужно.

— Вы могли бы, кажется, отложить ваше посѣщеніе до завтра.

— А между тѣмъ мистеръ Альджернонъ Врей былъ бы почетнымъ гостемъ мужа вашей дочери.

— Такъ что же?

— Почему вы не пригласили меня на свадьбу, мистеръ Блексемъ?

— Потому что я не могу чтобъ у меня въ гостяхъ былъ человѣкъ не смѣющій взглянуть въ глаза этому старику и сказать: Стефенъ Грейсъ, я никогда не дѣлалъ зла ни вамъ, ни вашему семейству, и я достоинъ пожать руку честной дѣвушкѣ въ день ея свадьбы. Вотъ почему, мистеръ Гилль.

— Стефенъ Грейсъ, возразилъ Джекъ, повернитесь ко мнѣ. Нѣтъ, повернитесь ко мнѣ. Мнѣ говорятъ взглянуть вамъ въ глаза, а какъ я могу это сдѣлать если вы отвертываетесь отъ меня? Стефенъ Грейсъ, клянусь Богомъ что я никогда не дѣлалъ зла ни вамъ ни вашему семейству. Достоинъ я или нѣтъ пожать руку дочери мистера Блексема въ день ея свадьбы, мистеръ Блексемъ рѣшитъ самъ когда взглянетъ на этотъ конвертъ и прочтетъ это письмо.

Мы знаемъ что онъ отдалъ съ этими словами своему старому другу, но онъ не далъ ему времени дочитать письмо.

— Пожалуста не думайте что я имѣлъ намѣреніе сдѣлать такую сцену, говорилъ онъ.—Этого никогда не случилось бы еслибы не этотъ ужасный щенокъ. Я былъ у мистера Врея, посовѣтовалъ ему сказаться больнымъ, и онъ понялъ намекъ. Развѣ онъ достоинъ пожать руку вашей дочери? Вы знаете какъ я люблю васъ всѣхъ. Я не могъ не пріѣхать посмотрѣть на свадьбу Беатрисы, правс не могъ, и испортилъ вамъ день по своей глупости.

— Довольно, Джекъ. О, Грейсъ, прочтите! Джекъ, Джекъ, что мнѣ сказать вамъ, произнесъ глубоко тронутый Блексемъ.

— Пусть Грейсъ говоритъ первый. Если онъ....

— Что же вы, Грейсъ, развѣ вы не понимаете? воскликнулъ нетерпѣливо адвокатъ, между тѣмъ какъ Грейсъ вертѣлъ въ рукахъ письмо Ванъ-Вейна.—Читайте, читайте. Разгадка проклятой тайны въ вашихъ рукахъ. Гдѣ вы взяли этотъ конвертъ, Джекъ?

— Я поднялъ его въ Паркѣ, въ день игры въ крикетъ, не далеко отъ того мѣста гдѣ встрѣтилъ бѣдную Меджи.

— Такъ вы говорили съ ней?

— Конечно говорилъ. Развѣ я не поколотилъ за нее негодяя нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Почему же не имѣлъ я права поговорить съ ней?

— И вы совѣтовали услать ее отсюда потому....

— Потому что видѣлъ на ней наряды не соотвѣтствующіе ея положенію, и зналъ что она получаетъ письма адресованныя: „моей дорогой Марго“, отвѣчалъ Джекъ.

— Боже, Боже, какъ мы были несправедливы къ вамъ, Джекъ! Кончили вы, Грейсъ?

— Я... я пораженъ, сэръ. Я не знаю что̀ сказать, возразилъ несчастный старикъ.

— Не говорите ничего, Грейсъ, но если вы мнѣ вѣрите такъ дайте руку и скажите всѣмъ что Джекъ не считаетъ себя святымъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, но что онъ никогда не былъ и не будетъ такимъ подлецомъ какимъ его постарались выставить.

Жесткая, честная рука смотрителя такъ крѣпко сжала руку Джека что онъ содрогнулся. Въ эту минуту что-то бѣлое выскочило изъ кустовъ, остановилось на тропинкѣ и приняло форму молодой дѣвушки. Она стояла съ полуоткрытыми губами, прижавъ обѣ руки къ груди, словно тамъ было что-то стремившееся вылетѣть къ Джеку. И когда Джекъ обернулся и увидѣлъ кто это, и прочелъ что̀ говорили выразительные глаза,—можно понять и безъ словъ что̀ случилось тогда. Онъ бросился къ ней, обнялъ ее, руки ея опустились, и тогда, по всей вѣроятности, вырвалась плѣнница такъ долго заключенная въ ея сердцѣ.

„Ужасный щенокъ“, любопытство котораго было причиной схватки въ церкви убѣжалъ въ испугѣ, и разказалъ первой особѣ которую встрѣтилъ что мистеръ Гилль дерется наверху съ какимъ-то человѣкомъ. Первая особа которую онъ встрѣтилъ была, конечно, послѣднею изъ всѣхъ кому онъ могъ это сказать, потому что это была Констанція. Она убѣжала въ кустарникъ ничего не помня и не сознавая и только ища уединенія, чтобы сообразить что̀ надо сдѣлать. Она не слыхала ни слова изъ разговора Джека съ мистеромъ Блексемомъ и Грейсомъ, но, увидавъ что Грейсъ протянулъ руку Джеку, она.... да, благовоспитанная героиня поступила бы, конечно,

иначе. Она возвратилась бы спокойно домой, притворилась бы что ничего не знаетъ и пострадала бы еще года три, а можетъ-быть и всю жизнь. Но Констанція любила Джека всѣмъ своимъ невиннымъ, горячимъ сердцемъ, а такъ какъ Джекъ никогда не узналъ бы этого еслибы не любилъ ее точно такъ же, то я не вижу большаго зла въ ея поступкѣ. Читатель же ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права сѣтовать на внезапную развязку, потому что объясненія влюбленныхъ, вѣрно переданныя, довольно скучны.

Мистеръ Блексемъ скромно удалился, а Грейсъ нырнулъ по своему обыкновенію въ кусты и исчезъ.

Адвокатъ возвратился черезъ четверть часа такъ же скромно какъ и ушелъ, и нашелъ Джека одного. Констанція ушла въ свою комнату чтобы смыть слѣды первыхъ въ ея жизни счастливыхъ слезъ. Блексемъ началъ упрашивать Джека идти къ нимъ завтракать, доказывая что они обязаны публично извиниться предъ нимъ за несправедливое обвиненіе, и что не будетъ надобности обвинять въ то же время кого-нибудь другаго, и что Джекъ долженъ идти непремѣнно. Но Джекъ отказался наотрѣзъ, говоря что онъ терпѣть не можетъ обращать на себя общее вниманіе, что онъ усталъ и взволнованъ, и „взгляните“, прибавилъ онъ,—„развѣ въ такомъ видѣ можно показаться обществу?“ Дѣйствительно, нельзя сказать чтобы съ полуоторваннымъ воротничкомъ, въ разорванныхъ на колѣнкѣ панталонахъ и въ сюртукѣ покрытомъ пылью съ пола который метется разъ въ мѣсяцъ, человѣкъ былъ въ приличномъ для свадьбы костюмѣ.

— Что же вы намѣрены дѣлать? спросилъ Блексемъ, не оспаривая послѣдняго довода.

— Я подожду у Проссера пока вы будете завтракать, а когда гости разойдутся, можетъ-быть зайду къ вамъ на часокъ если позволите.

— Да, зайдите непремѣнно.

— Вы, конечно, догадались что произошло здѣсь сейчасъ? спросилъ онъ застѣнчиво.

— Объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ, отвѣчалъ Блексемъ.

— Я обѣщалъ быть сегодня въ Лондонѣ, но мнѣ надо такъ много сказать ей и вамъ всѣмъ.... я пошлю телеграмму что не пріѣду, прибавилъ онъ рѣшительно.

— Вы пошлете телеграмму вашей хозяйкѣ?

— Нѣтъ, моему другу, который живетъ въ томъ же домѣ.

— Близкій другъ?

— Очень близкій. Онъ сдѣлаетъ для меня что̀ угодно, и я для него также.

— И присмотритъ за вашею квартирой во время вашего отсутствія?

— Конечно. Для чего вы это спрашиваете?

— Такъ. Пойдемте въ мою контору. Напишите телеграмму,— я ее отошлю.

Джекъ вошелъ въ контору, которая, какъ мы знаемъ, имѣла отдѣльный входъ отъ дома, и написалъ телеграмму. Онъ просилъ Беквиса послать кого-нибудь посмотрѣть за него новую драму, которая давалась въ тотъ вечеръ на Олимпійскомъ театрѣ, и обѣщалъ вернуться на слѣдующій день непремѣнно. Отдавъ записку своему другу, онъ ушелъ. Едва дверь затворилась за нимъ, какъ Блексемъ схватилъ перо и, съ широкою улыбкой на своемъ добродушномъ лицѣ, приписалъ:

„Пришлите мнѣ на Соутертонскую станцію на Юго-Западной желѣзной дорогѣ мое платье съ поѣздомъ отходящимъ въ 7 ч. 10 м.“

— Пусть меня повѣсятъ если онъ не будетъ танцовать сегодня съ этою маленькою дѣвушкой, сказалъ онъ, позвонивъ.

— Джекъ ошибался, думая что испортилъ день свадьбы. Борьбу въ церкви видѣли немногіе, и тѣхъ Джекъ упросилъ не говорить объ этомъ никому. „Ужасный щенокъ“ былъ награжденъ лишнимъ кускомъ свадебнаго пирога, а гости знали только что у хозяевъ съ мистеромъ Гиллемъ было какое-то недоразумѣніе, но что мистеръ Гилль разъяснилъ ошибку.

Въ *Рогѣ* всѣ старые друзья объявили что они этому никогда не вѣрили. Мистеръ Джекъ не такой человѣкъ. Они всѣ такъ и думали что это сдѣлалъ кто-нибудь другой. Но влавъ уже разъ въ ужасную ошибку, они не рѣшились указать кто этотъ „другой“. Испортилъ день! Напротивъ. Во всей деревнѣ не было мущины, женщины и ребенка который бы не радовался что мистеръ Джекъ ни въ чемъ не виноватъ.

Но какіе неосмотрительные люди влюбленные! Между только-что окончившеюся суматохой свадьбы, и только-что начинавшеюся суматохой бала, въ четыре часа пополудни Джекъ не утерпѣлъ чтобы не сходить въ Аббатство въ своемъ изо-

рванномъ платьѣ, починенномъ и вычищенномъ услужливыми руками Полли Prima. Блексемы уже всѣ разошлись по своимъ комнатамъ чтобъ отдохнуть немного,—всѣ кромѣ застѣнчивой невѣсты, которую Алиса заставила остаться въ гостиной.

— Какое вы безчувственное созданіе, сказала Алиса, когда Констанція вбѣжала къ ней испуганная появленіемъ вдали мужской шляпы (не бѣлой въ этотъ разъ).—Если вы не сойдете сейчасъ же внизъ, я пойду и скажу ему что все это было недоразумѣніе и что вы его совсѣмъ не любите.

Констанція принуждена была сойти внизъ, и обладатель шляпы нашелъ ее въ гостиной погруженною въ *Философію пословицъ* мистера Туттера.

— Какъ все это похоже на сонъ! сказала счастливая Констанція.—Какъ вы, такой умный, могли полюбить меня?

— Не знаю, милая. Это сдѣлалось какъ-то незамѣтно. Но такъ какъ мы уже напали на эту тему, скажите, когда вы полюбили меня?

— Когда вы говорили съ такимъ участіемъ о моемъ отцѣ.

— Да это было въ первый день нашего знакомства.

— Я всегда любила васъ, Джекъ, сказала она, опустивъ голову и разсѣянно отворяя и затворяя браслетъ,—и никогда такъ не нуждалась въ вашей любви какъ теперь.

И она разказала ему все.

— Но вы не должны сердиться на бѣдную мама, прибавила она, кончивъ разказъ, между тѣмъ какъ Джекъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ стиснувъ зубы.—Это не въ ея волѣ. Теперь я это понимаю, милый Джекъ. Это какое-то сумашествіе, и никто въ этомъ не виноватъ. Вы не будете сердиться на мама хоть ради меня?

Онъ остановился, взглянулъ пристально на просящіе глаза и поцѣловалъ ея озабоченный лобъ, сказавъ:

— Ради васъ, моя милая.

Беквисъ исполнилъ распоряженіе заключавшееся въ припискѣ къ телеграммѣ, и Джекъ танцовалъ въ этотъ вечеръ съ маленькою дѣвушкой, чѣмъ избавилъ мистера Блексема отъ позорнаго конца.

ГЛАВА XIV.

Леди Плесморъ отказывается отъ мѣста.

Вскорѣ послѣ свиданія мистера Берриджера съ толстою Мартой, ея поведеніе испортилось. До тѣхъ поръ она была довольна своимъ мѣстомъ, трудолюбива и услужлива. Переселеніе изъ рабочаго дома въ Гендонскую школу казалось ей шагомъ въ рай изъ ада. Но искуситель, наклонившись черезъ заборъ сада, далъ ей попробовать плодъ древа познанія: и съ тѣхъ поръ, подобно нашей праматери Евѣ, она томилась тоской по запрещенномъ плодѣ. Велики была надежды которыя онъ возбудилъ въ ней. Онъ обѣщалъ ей мѣсто въ Лондонѣ и двадцать фунтовъ въ годъ жалованья; обѣщалъ сводить ее въ Британскій музей, въ національную галлерею и другія, въ высшей степени занимательныя мѣста; обѣщалъ что она будетъ ходить по воскресеньямъ въ шелковомъ платьѣ и лайковыхъ перчаткахъ, и все это за самую ничтожную услугу,—только за то чтобъ она сообщала ему о всѣхъ дѣйствіяхъ смотрительницы. Если же миссъ Френчъ получитъ какія-нибудь письма, и не спрячетъ ихъ, мистеръ Берриджеръ охотно купитъ ихъ. Но это уже сверхъ условія.

— Знаете ли, Марта, сказалъ онъ, — что тѣ люди которые были здѣсь намѣрены обмануть вашу барыню, и еслибы не мы съ вами, она попала бы въ бѣду. Когда-нибудь она сама поблагодаритъ насъ за то что̀ мы сдѣлаемъ для нея.

— Когда же вы возьмете меня въ Лондонъ?

— Лишь только узнаю то что̀ мнѣ надо знать, Марта, и отъ васъ самой зависитъ сократить или продлить этотъ срокъ, отвѣчалъ мистеръ Берриджеръ, съ многозначительнымъ взглядомъ.

День проходилъ за днемъ, но никто не приходилъ къ смотрительницѣ. Она только писала письма чаще обыкновеннаго. Толстая служанка начала опасаться что не будетъ имѣть возможности заслужить предложенную награду и сдѣлалась лѣнивою и недовольною. Частые выговоры не исправляли ее.

— Ну, Марта, сказала смотрительница,—я, такъ и быть, не стану жаловаться на васъ, потому что мнѣ осталось пробыть здѣсь не долго. Но совѣтую вамъ измѣнить ваше поведеніе

когда пріѣдетъ моя преемница. Она не будетъ такъ снисходительна какъ я.

— Развѣ вы уѣзжаете, сударыня? воскликнула служанка въ смущеніи.

— Да, пятнадцатаго числа будущаго мѣсяца.

— Экой срамъ!

Смотрительница не могла не улыбнуться.

— Я уѣзжаю потому что такъ хочу, Марта.

— А не потому что я вела себя дурно? спросила служанка, закрывъ глаза фартукомъ.

— Еслибы вслѣдствіе этого одной изъ насъ пришлось отказаться отъ мѣста, Марта, то ужь конечно вамъ, а не мнѣ, отвѣчала смотрительница.—Тѣмъ не менѣе я рада что вы сознаете свою вину и надѣюсь что вы исправитесь. Теперь выслушайте меня. Я думаю съѣздить въ Лондонъ послѣ завтра. Могу я положиться на васъ что вы будете смотрѣть за дѣтьми и ни подъ какимъ видомъ не уйдете изъ дома?

— Конечно, сударыня, отвѣчала Марта угрюмо.—Если тутъ пройдетъ самъ Пончъ, я не выйду.

Позднѣе, въ тотъ же день, она объявила смотрительницѣ что у нихъ вышли всѣ тесемки, и получивъ позволеніе сходить въ сосѣднюю деревню за новымъ запасомъ, ушла, взявъ съ собой письмо къ мистеру Берриджеру, въ которомъ она увѣдомляла его о томъ что̀ узнала въ этотъ день отъ смотрительницы. Письмо ея дошло по назначенію.

День въ который смотрительница должна была придти къ мистеру Блиссету въ широкую аллею парка Регента былъ однимъ изъ тѣхъ дней которые, по свидѣтельству французскихъ писателей, стоятъ въ Лондонѣ постоянно, и которые дѣйствительно преобладаютъ въ зимніе мѣсяцы; день въ который вѣтеръ, дождь, туманъ и солнце порываются исполнить каждый свое назначеніе, но всѣ остаются въ бездѣйствіи, облекая небо и землю сумрачнымъ колоритомъ, раздражающимъ нервы.

Отъ станціи Сѣверной желѣзной дороги до парка Регента недалеко, а смотрительница, прозябши въ вагонѣ, шла скоро. Въ широкой аллеѣ туманъ былъ гуще чѣмъ на улицахъ, и она дошла почти до конца не встрѣтивъ ни души. День былъ не такой чтобы можно было встрѣтить гуляющихъ. Она повернула назадъ, когда Блиссетъ показался въ туманѣ.

— Превосходно, превосходно! воскликнулъ онъ, глядя на ея

траурное платье и вдовій чепчикъ. — Вы отлично сдержали слово, Гарріета.

— Я сдѣлала все что вы мнѣ сказали, возразила она.

— И я не забылъ сдѣлать то что обѣщалъ. Вы пришли сюда пѣшкомъ?

— Да.

— Не устали, надѣюсь?

— Немного. Я шла скоро, боялась опоздать.

— Вы воплощенная аккуратность. Сядемъ на одну изъ скамеекъ въ разсадникѣ. Тамъ тихо какъ въ соборѣ Святаго Павла.

— Я не останусь здѣсь долго. Мнѣ еще надо сходить къ Симсу, повѣренному вашего отца, и поспѣть на поѣздъ отходящій въ половинѣ шестаго.

— Такъ скорѣе къ дѣлу. Принятъ вашъ отказъ?

— Да. Вотъ письмо секретаря.

— Хорошо. Писалъ вамъ Симсъ?

— Да.

— Что же онъ написалъ?

— Очень мало. Только назначилъ мнѣ быть сегодня у него.

— Будьте осторожны, будьте очень осторожны, Гарріета. Помните что я говорилъ вамъ о Чемпіонѣ. Онъ вашъ единственный авторитетъ касательно моей смерти.

— Не безпокойтесь. Еще что? Я озябла.

— Очень жаль. Я постараюсь, по возможности, быть краткимъ. Сумма вашего наслѣдства—тысяча семьсотъ восемь фунтовъ въ государственныхъ бумагахъ, что съ накопившимися процентами составитъ около двухъ тысячъ. Скажите Симсу чтобъ онъ перевелъ ихъ на ваше имя и оставьте ихъ тамъ гдѣ они теперь. Имущество, которое вѣроятно хранится у его банкировъ, состоитъ изъ бриллiантовъ, данныхъ въ приданое Георгомъ III моей бабушкѣ (она была почетная фрейлина), изумрудной тіары, старомодной, конечно, золотой вазы и четырехъ или пяти фамильныхъ бокаловъ. Пустяки, конечно, но вамъ все же слѣдуетъ взять ихъ. Фамильныя вещи хорошо имѣть для виду. Если Симсъ спроситъ васъ какъ вы надѣетесь прожить на проценты съ двухъ тысячъ, скажите что одинъ дальній родственникъ оставилъ вамъ имѣніе за границей, гдѣ вы намѣрены поселиться. Я уже поручилъ одному агенту купить домъ въ Діеппѣ, гдѣ, надѣюсь, вамъ будетъ хорошо. Тамъ никому не будетъ дѣла сколько у васъ денегъ въ банкѣ и сколько въ другихъ мѣстахъ, а Симсъ не будетъ

наводить справки какъ вы живете. Отъ меня вы будете получать тысячу ежегодно, чрезъ парижскаго банкира. Довольны ли вы?

— При настоящихъ обстоятельствахъ я должна быть довольна всѣмъ что бы вы мнѣ ни предложили; но развѣ необходимо чтобъ я переселилась за границу?

— Полагаю что необходимо, теперь по крайней мѣрѣ. Лордъ Гильтонъ надѣлалъ такъ много шуму по поводу моей смерти что общество будетъ разспрашивать о средствахъ моей жены.

— Пусть будетъ по вашему, сказала она вставая,—какъ мнѣ дать вамъ знать о результатѣ моего свиданія съ мистеромъ Симсомъ?

— Напишите мнѣ, и адресуйте письмо на буквы Х. У., въ почтовую контору Девере Коуртъ, Темпль.

— Вы не скажете мнѣ вашего настоящаго имени, и не навѣстите меня?

— Милая моя, это было бы для васъ лишнимъ затрудненіемъ. Чѣмъ меньше вы будете знать, тѣмъ меньше вамъ придется скрывать. Напишите какъ я вамъ сказалъ, и съ слѣдующею почтой я дамъ вамъ новыя инструкціи, если будетъ нужно. Къ вамъ, вѣроятно, приносятъ почту разъ въ день?

— Да, около полудня.

— Хорошо; такъ если вы напишете сегодня, когда вернетесь домой, я получу ваше письмо въ четвергъ, а вы мой отвѣтъ въ пятницу. Боюсь проводить васъ до выхода. Прощайте Гарріета, и еще разъ благодарю васъ.

Она пошла на сѣверъ, онъ на западъ, а мистеръ Берриджеръ, который слѣдовалъ за ней отъ станціи желѣзной дороги и слышалъ, скрытый туманомъ и кустами, каждое слово ея разговора съ мужемъ, вышелъ изъ своей засады, сѣлъ на только-что покинутое ими мѣсто, и написалъ нѣсколько строкъ въ своей карманной книжкѣ.

— Х. У., въ почтовой конторѣ, прошепталъ онъ.—Письмомъ не трудно будетъ овладѣть, но въ такомъ случаѣ онъ не напишетъ отвѣта, а отвѣтъ-то вашъ мнѣ и нуженъ, мистеръ Ятсъ, иначе Блиссетъ, иначе сэръ Аугустусъ де-Баркгемъ Плесморъ. Боже, какое счастіе! Посмотримъ какъ вы будете теперь преслѣдовать меня, ваше лордство, за вымогательство денегъ подъ вымышленными предлогами! Посмотримъ какъ вы вытолкаете меня на улицу, бѣглый каторжникъ! О, какое счастіе, какое счастіе!

И Бобъ закрылъ свою карманную книжку и принялся плясать съ зловѣщею радостью на лицѣ. Но вдругъ ему пришла въ голову счастливая мысль, и въ нѣсколько минутъ онъ добѣжалъ до станціи желѣзной дороги, остановившись на пути только въ ювелирной лавкѣ, гдѣ онъ купилъ величайшую брошь какую только могъ найти, съ поддѣльнымъ камнемъ, серьги украшенныя сургучомъ и ярлычкомъ съ надписью „настоящія корраловыя, семь шиллинговъ пара“ и громадную пряжку „изъ чистаго прочнаго золота“ цѣной въ полкрону.

Мистеръ Симсъ, какъ благоразумный человѣкъ, не захотѣлъ компрометтировать себя отвѣтомъ на письмо леди Плесморъ, но не теряя времени навелъ необходимыя справки. Онъ посѣтилъ Чемпіона, а Чемпіонъ послалъ его за доказательствами смерти Плесмора и тождественности миссъ Френчъ съ его вдовой, къ повѣренному капиталиста одолжившаго лорду Гильтону двадцать пять тысячъ фунтовъ. Мистеръ Симсъ нашелъ доказательства удовлетворительными, а такъ какъ онъ мало интересовался этимъ дѣломъ, то его разговоръ со вдовой ограничился немногими инструкціями которыя онъ ей далъ. Она должна съѣздить въ консисторіальный судъ, сказалъ онъ, и тамъ ей придется подписать нѣсколько бумагъ. Онъ просилъ ее зайти къ нему опять дней черезъ десять.

Она ушла, радуясь что была избавлена отъ разспросовъ, и дѣло казалось такъ просто что она почти повѣрила что въ немъ нѣтъ ничего дурнаго.

— Все ли благополучно, Марта? спросила она, возвратясь въ школу.

— О, конечно, сударыня! Взгляните какъ я вычистила вашу комнату. Цѣлый день я не присѣла ни на одну минуту.

— Приходилъ кто-нибудь?

— Да, мистеръ Джонсонъ приходилъ, сударыня, но я его не впустила.

— Вамъ слѣдовало впустить его, Марта. (Мистеръ Джонсонъ былъ приходскій ректоръ.)

— Я передала ему ваше приказаніе, сударыня, и онъ похвалилъ меня и сказалъ что зайдетъ завтра.

— Я видѣла на станціи, когда ждала возвращенія поѣзда, мистера Берриджера, сказала смотрительница, глядя пристально въ лицо служанкѣ.

— Неужели? воскликнула служанка. — Надѣюсь что онъ не осмѣлился заговорить съ вами, сударыня?

— Мнѣ пришло въ голову не былъ ли онъ опять здѣсь, продолжала смотрительница, не спуская глазъ съ лица Марты.

— Можетъ-быть и былъ, отъ него и это станется. Можетъ-быть самъ лордъ-меръ былъ здѣсь, да я-то ихъ не видала. Съ тѣхъ поръ какъ вы ушли, никто кромѣ стараго Джима и мистера Джонсона не отворялъ садовую дверь.

Служанка говорила правду, но не всю, а смотрительницѣ не пришло въ голову спросить не былъ ли кто за оградой сада.

Въ этотъ день обѣ женщины заснули позже обыкновеннаго. Смотрительница написала мужу отчетъ о томъ что говорилось въ конторѣ мистера Симса, а служанка долго мечтала въ постели о великолѣпной брошкѣ, о корраловыхъ серьгахъ и громадной пряжкѣ обѣщанныхъ ей, если только она перехватитъ письмо которое пришлютъ люди „надувающіе“ ея бѣдную барыню.

— Нѣтъ ли у васъ письма на буквы Х. У., изъ Гендона? спросилъ мистеръ Берриджеръ у почтмейстера маленькой почтовой конторы близъ Темпля.

Почтмейстеръ пересмотрѣлъ письма и отвѣчалъ отрицательно.

— Какая досада! сказалъ Бобъ.—Завтра мнѣ нельзя будетъ зайти за нимъ. Смотрите, отдайте его непремѣнно тому кому оно принадлежитъ.

— А я развѣ знаю кому оно принадлежитъ? отвѣчалъ сердито почтмейстеръ.—Я отдамъ его первому кто его спроситъ и опишетъ.

— Отдайте его высокому джентльмену, коротко остриженному, въ иностранной шляпѣ, съ хрустальнымъ брелокомъ на часовой цѣпочкѣ, и вы отдадите его кому слѣдуетъ. Отдадите его кому-нибудь другому, и вы наживете себѣ много хлопотъ, и я васъ объ этомъ предупреждаю, сказалъ Бобъ повелительно и вышелъ изъ конторы.

— Это для того чтобъ они замѣтили его и признали когда понадобится, прошепталъ онъ на пути къ своему другу и компаніону мистеру Исааку. И онъ не ошибся. Почтмейстеръ разглядѣлъ внимательно джентльмена спросившаго письмо на буквы Х. У., и призналъ его когда понадобилось.

Знакомство мистера Исаака съ его клеркомъ продолжалось уже нѣсколько лѣтъ, къ ихъ взаимному удовольствію. Его дѣ-

ломъ было угрожать карой закона тѣмъ несчастнымъ которымъ мистеръ Берриджеръ одолжалъ взаймы деньги, а мистеръ Берриджеръ получалъ извѣстный процентъ съ процентовъ, съ условіемъ чтобы никогда неумѣстная снисходительность съ его стороны не уменьшала прибыли. Дѣло мистера Исаака было хлопотливое, изъ чего можно заключить что онъ не былъ украшеніемъ своей профессіи. Жестокій, алчный, безсовѣстный, онъ нашелъ себѣ достойнаго товарища въ своемъ клеркѣ, который въ сущности былъ его компаніономъ, и только ждалъ чтобы сословіе адвокатовъ дало ему право назваться таковымъ открыто.

Дѣло представившееся вниманію этихъ двухъ почтенныхъ джентльменовъ, по возвращеніи мистера Берриджера изъ почтовой конторы, былъ вексель съ подписью Фредерика Виллертона, присланный изъ Портсмута единовѣрцемъ мистера Исаака.

— Въ полученіи не можетъ быть сомнѣнія, Соль, замѣтилъ Бобъ. — Барнету слѣдуетъ возобновить.

— Онъ готовъ возобновить, но только съ нѣкоторыми условіями.

— Что ему еще нужно?

— Двадцать фунтовъ немедленно и новый вексель на три мѣсяца въ четыреста фунтовъ, и чтобы молодой джентльменъ взялъ пару часовъ за шестьдесятъ.

— Не слишкомъ ли много, Соль?

— Не больше чѣмъ вы брали не разъ, отвѣчалъ партнеръ.

— Вотъ что, Соль, сказалъ Бобъ, понизивъ голосъ и перегнувшись черезъ столъ къ собесѣднику. — Мальчишка этотъ можетъ намъ пригодиться, а Барнетъ не имѣетъ права требовать чтобы все дѣлалось по его желанію.

— Для чего онъ можетъ намъ пригодиться?

— Помните искъ который лежитъ у насъ противъ Джоржа Конвея?

— Противъ Конвея и жены за клевету и напрасное задержаніе въ тюрьмѣ?

— Именно. Дѣлать это условіемъ конечно не годится, но если вы спросите его предъ возобновленіемъ векселя не знаетъ ли онъ гдѣ находится Джоржъ Конвей, и скажете что вы будете очень благодарны тому кто укажетъ вамъ гдѣ его найти и потомъ прибавите что вексель никакъ нельзя возобновить.... понимаете?

— Развѣ онъ знакомъ съ Конвей? спросилъ мистеръ Исаакъ.

— Его мать дружна съ мистрисъ Конвей, Соль. Онъ можетъ разузнать.

— Но согласится ли онъ?

— Богъ съ вами, Соль! Да онъ согласится на что̀ вамъ угодно, чтобы только выиграть время и получить пятьдесятъ фунтовъ. Такіе господа на все согласны, когда ихъ прижмешь хорошенько. Скажите ему, когда онъ придетъ, что векселя возобновить нельзя, но что.... Впрочемъ, вы сами все это знаете, и отлично знаете, Соль.

Проповѣдники могутъ говорить что̀ имъ угодно со своихъ каѳедръ противъ презрѣннаго металла и постыднаго корыстолюбія, это ихъ *bis*, какъ сказалъ бы дорогой Артемусъ. Я, не имѣя претензіи проповѣдовать и не предвидя что мнѣ будетъ возражать какой-нибудь епископъ, рѣшаюсь сказать: молодые друзья мои, этотъ презрѣнный металлъ вмѣстѣ съ тѣмъ хорошая вещь. Работать для пріобрѣтенія денегъ не стыдно, и не стыдно дорожить пріобрѣтенными деньгами, съ условіемъ чтобъ онѣ были пріобрѣтены честно, и чтобы другія столь же полезныя вещи не были при этомъ упущены изъ виду. Презрѣнный металлъ! Можно ли называть презрѣннымъ то чѣмъ можно спасти тысячи отъ нищеты? Постыдное корыстолюбіе! Можно ли называть постыднымъ то что̀ сохраняетъ руки и сердце чистыми? Возьмите зло произведенное деньгами и сравните его съ преступленіями, ложью, унизительными увертками, доводящими до галеръ и происходящими отъ недостатка денегъ, и посмотрите которое изъ двухъ золъ перетянетъ чашку вѣсовъ. Я говорю не о томъ что̀ должно бы было быть, но о томъ что̀ есть. Возьмемъ для примѣра Фредерика Виллертона. Неужели вы думаете что этотъ юноша сталъ бы въ двадцать лѣтъ закладывать подарки своей матери, обманывать отца съ помощью негодяевъ военныхъ портныхъ и давать векселя по которымъ не имѣлъ средствъ заплатить, еслибъ онъ былъ пріученъ къ умѣренности? Въ этомъ было виновато его воспитаніе. Недостатокъ денегъ, денегъ которыя онъ долженъ бы былъ имѣть, сдѣлали его лжецомъ и негодяемъ какимъ мы его знаемъ. Я не ставлю въ примѣръ Боба Берриджера. Еслибы Бобъ родился герцогомъ, онъ все же былъ бы негодяемъ. Онъ усердно трудился для пріобрѣтенія денегъ и дѣлалъ изъ нихъ дурное употребленіе. Такъ что̀ же? Изъ молитвенниковъ можно также дѣлать дур-

ное употребленіе, но развѣ мы бранимъ ихъ вслѣдствіе этого и забываемъ благую цѣль для которой они написаны? Привяжите спасительную веревку къ ногамъ, и она потянетъ васъ ко дну. Нѣтъ, не думайте дурно о деньгахъ, мои юные друзья. Не привязывайтесь къ нимъ слишкомъ сильно, и они пронесутъ васъ невредимо надъ жизненными волнами, подводными скалами и голодными полипами, простирающими изъ глубины свои руки, пытаясь погрузить васъ на дно. А главное, деньги спасутъ васъ отъ архи-демона, имя которому Долгъ. Если можете, пріобрѣтайте честнымъ образомъ деньги, сынъ мой, и больше мнѣ нечего сказать вамъ.

Мистеръ Робертъ Берриджеръ зналъ до чего могутъ довести стѣсненныя обстоятельства избалованнаго молодаго человѣка, а также и стараго труженика, и его совѣтъ мистеру Исааку не пропалъ даромъ.

— Послушай, Тедди, сказала смотрительница дѣтскаго пріюта въ Гендонѣ, посадивъ на колѣни толстощекаго мальчика лѣтъ пяти и смотря на него очень серіозно. — Я не сержусь на тебя, Тедди, но ты долженъ сказать правду. Гдѣ письмо?

— Тедди не знаетъ, мама. (Всѣ дѣти звали ее мамой.)

— Оно лежало на столѣ, когда я ушла съ мистеромъ Джонсономъ въ спальню, а ты остался здѣсь.

— Нѣтъ, мама, я не остался. У мистера Джонсона было яблоко въ карманѣ. Марта мнѣ сказала.

— И ты пошелъ за нимъ?

— Да, а онъ отдалъ яблоко маленькой Сусаннѣ, отвѣчалъ ребенокъ глубоко обиженнымъ тономъ.

— Поди, позови ко мнѣ Марту.

Толстая служанка вошла, вытирая фартукомъ красныя руки.

— Помогите мнѣ, Марта, отыскать письмо которое я читала когда пришелъ мистеръ Джонсонъ. Поищите хорошенько.

— Я готова побожиться что это шалунъ Тедди взялъ его себѣ чтобы сдѣлать лодочку, сказала Марта, перекладывая вещи на столѣ. — Онъ только и занимается лодочками. Съ нимъ однимъ больше хлопотъ чѣмъ со всѣми остальными.

— Тедди говоритъ что онъ побѣжалъ за мистеромъ Джонсономъ, потому что вы сказали ему что у мистера Джонсона есть яблоко.

— Да, я это ему дѣйствительно сказала, сударыня, потому

что вы запретили оставлять его одного въ вашей комнатѣ, чтобъ онъ опять не перепачкался чернилами.

— Не видали ли вы письма когда входили сюда? спросила смотрительница, не переставая искать.

— Кто вамъ сказалъ что я входила сюда? спросила служанка, слегка поблѣднѣвъ.

— Вы сами сейчасъ говорили что Тедди былъ здѣсь и что вы....

— Гдѣ я была, Тедди, когда сказала тебѣ что у мистера Джонсона есть яблоко? прервала Марта.

— Вы крикнули изъ прачешной, отвѣчалъ Тедди, не задумавшись.

— Слышите? У меня своей работы слишкомъ много чтобъ еще присматривать за чужими письмами, замѣтила служанка ворчливымъ тономъ, — а если я не выжму бѣлье до ночи....

— Ну, идите, сказала смотрительница.—Не положила ли я его въ письменный столъ и... и... оно еще можетъ-быть найдется.

Ей пришло въ голову что не слѣдуетъ придавать слишкомъ много значенія пропажѣ, чтобы не раздражить любопытства служанки.

Посредствомъ ловкихъ разспросовъ которымъ были подвергнуты дѣти обнаружился важный фактъ что Тедди игралъ послѣ обѣда въ бумажную лодочку, и что когда его спросили гдѣ онъ взялъ бумажку, онъ отвѣчалъ что поднялъ ее на лѣстницѣ.

— Какая же это была бумажка?

— Просто бумажка.

— Было на ней написано что-нибудь?

— Да.

— Вотъ какъ здѣсь? (Показывая письмо.)

— Да, мама.

— Или вотъ какъ здѣсь? (Показывая клочокъ газеты.)

— Да, мама.

Тедди не могъ выдержать даже перекрестнаго допроса, расплакался и никакъ не могъ припомнить что онъ сдѣлалъ со своею лодочкой, но обѣщалъ сдѣлать мамѣ другую, если ей нужно.

— Дай Богъ чтобы письмо было дѣйствительно уничтожено ребенкомъ, прошептала смотрительница, опускаясь съ утомленіемъ на стулъ.—Оно было въ высшей степени компрометтирующее.

Два дня спустя, служанка вбѣжала въ комнату смотрительницы, въ этотъ разъ не вытеревъ даже мокрыхъ рукъ, и попросила ее сойти внизъ на дворъ, „сію же минуту“. Подумавъ не случилось ли чего съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, смотрительница выбѣжала вслѣдъ за ней, но увидѣла только опрокинутый боченокъ и большую лужу.

— Что случилось, Марта? Кто это пролилъ? спросила она, поднимая платье. Шлейфъ траурнаго платья леди Плесморъ былъ не такъ удобенъ для такихъ мѣстъ какъ хорошенькая юпка миссъ Френчъ.

Вмѣсто отвѣта служанка нагнула боченокъ, и указавъ на днѣ грязный листокъ бумаги, спросила съ торжествомъ:—не ваше ли это письмо, сударыня?

Забывъ о своемъ траурѣ, смотрительница хотѣла броситься на колѣни и схватить письмо, но опомнилась во-время.

— Какъ оно туда попало, Марта?

— Какъ я вамъ говорила, сударыня. Тедди сдѣлалъ изъ него себѣ лодочку, и пустилъ ее въ этотъ боченокъ, который я поставила для капельной воды. Но Джимъ вздумалъ полоскать здѣсь свою рѣдьку, и вода сдѣдалась такъ грязна что я принуждена была вылить ее. Вдругъ вижу что-то бѣлое и думаю: вѣдь это лодка Тедди, ей Богу! Потомъ вижу что это письмо; тутъ я вспомнила какъ вы объ немъ безпокоились и говорю сама себѣ: пусть же, говорю, она увидитъ его тамъ гдѣ я его нашла, и.... Боже ты мой, подумаешь, какъ легко очернить напрасно дѣвушку.

— Я не говорила, Марта, что вы взяли его. Выньте его, пожалуста. Да, это то самое письмо которое пропало у меня. Оно, какъ видите, совсѣмъ не важное.

Съ этими словами она разорвала письмо въ мелкіе клочки, бросила ихъ въ воду, и пошла въ свою комнату, посовѣтовавъ Мартѣ вынести грязь чтобы дѣти не перепачкались.

Такимъ образомъ Тедди остался во всемъ виноватъ. Да, противъ него были сильныя улики, и не рѣдко дѣтей сѣкутъ за проступки менѣе доказанные. Тедди, однако, не былъ высѣченъ. Напротивъ: смотрительница не разспрашивала его болѣе о письмѣ, и Марта посылала ему сахаромъ бутербродъ за чаемъ. Марта была въ превосходномъ расположеніи духа. Работая она пѣла, чего съ ней давно не случалось, и поврименамъ ощупывала карманъ, чтобъ удостовѣриться правда ли что тамъ лежатъ сокровища о которыхъ она давно мечтала.

Какимъ же образомъ она заслужила ихъ если письмо Абеля Блиссета послужило Тедди матеріяломъ для лодки? *Если!* Подумавъ немного, смотрительница сообразила бы что Тедди не могъ достать до поверхности воды въ бочкѣ, и что бумажныя лодочки пользуются тѣмъ преимуществомъ предъ судами изъ болѣе прочныхъ матеріаловъ что *не тонутъ*. Болѣе внимательный взглядъ на письмо не вывелъ бы ея изъ заблужденія. Самъ авторъ не замѣтилъ бы что это поддѣлка, еслибы даже увидѣлъ письмо прежде чѣмъ Марта бросила его въ бочку: такъ искусно поддѣлалъ мистеръ Берриджеръ почеркъ. Когда же смотрительница взяла его въ руки, мокрое и грязное, не было никакой возможности замѣтить обманъ. Хитрый Бобъ сдѣлалъ промахъ, научивъ толстую служанку воспользоваться подозрѣніемъ павшимъ на Тедди, но онъ не зналъ относительной высоты мальчика и водяной бочки.

Ему надо было овладѣть подлинникомъ, а не копіей письма, и овладѣть такъ чтобы смотрительница не узнала что оно украдено. Въ его планы не входило пугать свою жертву прежде времени. Ядро долженствовавшее сразить Блиссета не было еще готово. Письмо было дѣйствительно въ высшей степени компрометтирующее, и въ связи съ объясненіемъ которое могла дать смотрительница было достаточнымъ средствомъ чтобъ отправить сэръ-Аргустуса де-Баркгемъ Плесмора опять на галеры. Но законъ не принимаетъ свидѣтельства жены за или противъ мужа, и мистеръ Берриджеръ рѣшился молчать пока не будетъ вполнѣ увѣренъ въ своемъ *coup*. Судя о другихъ по себѣ, онъ пришелъ къ заключенію что Блиссетъ, лордъ Гильтонъ и Чемпіонъ составили заговоръ и сдѣлали своею невинною союзницей леди Плесморъ. И дѣйствительно были основанія изъ коихъ человѣкъ не знавшій всѣхъ обстоятельствъ дѣла, или смотрѣвшій на нихъ съ односторонней точки зрѣнія могъ вывести такое заключеніе. Бобу они представлялись въ слѣдующемъ видѣ: лишь только Плесморъ отождествленъ съ Ятсомъ, какъ онъ является самъ подъ вымышленнымъ именемъ, и выдумываетъ сказку о томъ какъ онъ умеръ въ Панамѣ, и лишь только лордъ Гильтонъ получаетъ деньги о которыхъ такъ долго хлопоталъ, какъ мистеръ Блиссетъ становится богатымъ человѣкомъ, а смотрительница отказывается отъ мѣста. Такъ, къ своему величайшему удовольствію объяснилъ себѣ мистеръ Берриджеръ предполагаемый заговоръ. Онъ ненавидѣлъ Блиссета, за то

что Блиссетъ сдѣлалъ его своимъ орудіемъ. Онъ ненавидѣлъ лорда Гильтона, не столько за извѣстное намъ письмо, какъ за пренебреженіе оказанное его драгоцѣнной руколиси, и радъ былъ отомстить ему. Онъ ненавидѣлъ Чемпіона, за высокомѣрный тонъ которымъ тотъ держалъ его постоянно въ отдаленіи, и за то что Чемпіонъ перехитрилъ его въ переговорахъ съ смотрительницей, и радъ былъ отомстить ему. Мысль оказать услугу обществу отдавъ суду негодяя и возвративъ бѣглаго каторжника въ ссылку вполнѣ имъ заслуженную не приходила даже въ голову мистеру Берриджеру. Это до него не касалось.

За убѣжденіемъ что заговоръ существуетъ, само собою послѣдовало убѣжденіе что заговорщики дѣйствуютъ со всевозможною осторожностью, а какъ Чемпіонъ былъ однимъ изъ нихъ и не только посѣтилъ смотрительницу, но находился съ ней въ перепискѣ, то само собою стало понятно что онъ склонилъ ее на свою сторону. Но кому принадлежитъ вещица съ буквой Л. которую нашла Марта? Этотъ вопросъ ставилъ въ тупикъ Берриджера. Человѣкъ хитрый и дальновидный, онъ какъ многіе хитрые и дальновидные люди не видалъ того что̀ у него было подъ носомъ. Онъ былъ увѣренъ что Блиссетъ никогда не осмѣлится посѣтить свою оскорбленную жену.

Наконецъ Бобъ пришелъ къ заключенію что найденная вещь принадлежитъ лорду Гильтону и что его лордство сдѣлалъ тайный визитъ смотрительницѣ. Его сношенія съ графомъ дали ему не совсѣмъ лестное для послѣдняго мнѣніе объ его умѣ и проницательности, и послѣ долгаго раздумья онъ рѣшился предложить ему огниво какъ его собственность, въ надеждѣ что это дастъ ему опять доступъ въ домъ графа, что̀ было бы очень полезно для его плановъ. Найденная вещь, какъ я уже сказалъ, ставила его въ тупикъ, и онъ не первый изъ дальновидныхъ людей своротившихъ съ прямой дороги изъ-за бездѣлицы.

Зная что писать графу безполезно, онъ подстерегъ его у выхода изъ конторы Общества Искусственнаго Орошенія и Земледѣлія, и смѣло протянулъ ему огниво, сдѣлавъ гримасу, которою хотѣлъ выразить что-то невыразимое словами.

Лордъ Гильтонъ въ эту минуту былъ въ необычайно хорошемъ расположеніи духа; дѣла Общества шли отлично, акціи быстро возвышались; къ тому же графъ любилъ почетъ, который ему оказывали въ конторѣ.

Говорятъ что среди величайшихъ тріумфовъ великій Джонъ Кембль любилъ вспоминать о своихъ похожденіяхъ въ качествѣ арлекина на провинціальныхъ ярмаркахъ, и что Листонъ скучалъ что долженъ играть короля Лира. Такъ же точно лордъ Гильтонъ любилъ слыть дѣловымъ человѣкомъ, вѣроятно потому что ни къ чему не былъ такъ мало способенъ какъ къ дѣлу. Выходя изъ конторы онъ могъ взглянуть благосклонно даже на мистера Берриджера, и назвавъ его любезнымъ, отвѣчалъ, садясь въ карету, что ему не нужна предлагаемая вещь.

Вообразите что̀ почувствовалъ Бобъ когда его приняли за уличнаго торговца рѣдкими вещицами.

— Я не продаю ее, милордъ. Я поднялъ ее тамъ гдѣ вы были на днахъ, — понимаете? На дорогѣ въ Гендонъ, пояснилъ онъ въ окно кареты.

— На дорогѣ въ Гендонъ! Я не былъ близъ Гендона уже нѣсколько лѣтъ, возразилъ графъ. Нѣтъ, это не мое, любезный. Впрочемъ покажите, я гдѣ-то это видѣлъ. Л! Чье имя изъ моихъ знакомыхъ начинается на Л? пробормоталъ онъ.— Нѣтъ, это не мое. Объявите въ газетахъ. Кучеръ, домой.

Карета быстро тронулась, заднее колесо задѣло за колѣнку Боба и онъ упалъ въ грязь.

Когда прошли первыя минуты гнѣва, онъ сообразилъ что поступилъ не совсѣмъ дурно. Огниво принадлежитъ Чемпіону, несмотря на букву Л, рѣшилъ онъ. Адвокатамъ дарятъ различныя вещи. Но все же огниво не давало ему покоя, этой ничтожной вещицѣ суждено было сдѣлать болѣе чѣмъ только раздражать его любопытство.

ГЛАВА XV.

Мистеръ Берриджеръ проводитъ вечеръ одинъ.

Лордъ Гильтонъ принялъ отказъ Джемса отъ предложенной ему должности секретаря не совсѣмъ благосклонно. — Я могъ бы составить его счастіе, сэръ, сказалъ онъ однажды Блиссету, теперь уже прочно утвердившемуся въ качествѣ главнаго оракула,—а онъ, сумашедшій, хочетъ жениться. Хорошенькая дѣвушка, съ этимъ я согласенъ, но изъ нехорошаго семейства. Вы конечно слышали о Джоржѣ Конвей?

Мистеръ Блиссетъ ничего не слыхалъ о Джоржѣ Конвей.

— Ужасный негодяй, продолжалъ графъ.—Содержитъ на свой счетъ цѣлый гаремъ, а не смѣетъ показаться въ Англію. Мать тоже дрянь. Не совсѣмъ въ порядкѣ здѣсь, какъ мнѣ кажется, прибавилъ онъ, указавъ многозначительно на свой лобъ.

— Мистеръ Блиссетъ, отвѣчалъ: „дѣйствительно“, и на этомъ разговоръ остановился. Въ послѣднее время Блиссетъ сдѣлался очень молчаливъ и скрытенъ. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ молчаливые и скромные люди пріобрѣтаютъ репутацію людей очень умныхъ, и въ Сити репутація главное. Въ Сити живость характера внушаетъ мысль о пустомъ карманѣ, и тяжеловѣсность, вредящая клерку, придаетъ много солидности банкиру. Абель Блиссетъ одѣвался и держался вполнѣ сообразно съ своимъ положеніемъ. Единственная вещь на немъ не имѣвшая дѣловаго характера былъ хрустальный брелокъ на массивной часовой цѣпочкѣ, красивое, но нѣсколько женственное украшеніе, о коемъ упомянулъ Бобъ, описывая наружность человѣка къ которому адресовано письмо съ буквами Х. У. Сидя однажды возлѣ хорошенькой капризницы Милли, на ея вопросъ чей портретъ находится въ брелокѣ, онъ отвѣчалъ что въ немъ нѣтъ портрета, но что въ него можно влить нѣсколько капель розоваго масла, или другихъ духовъ. Подарокъ, прибавилъ онъ, опустивъ небрежно брелокъ, иначе я не сталъ бы носить его.

— Кстати, Блиссетъ, спросилъ графъ когда „дѣйствительно“ прервало разговоръ о Джоржѣ Конвей.—Когда же вы съѣздите со мной въ Чепель-Гильтонъ? Неужели вы не можете разстаться съ дѣлами дня на два?

— Я намѣренъ это сдѣлать, но боюсь что вы будете смѣяться надо мной, когда узнаете съ какою цѣлью.

— Мнѣ было бы очень пріятно посмѣяться надъ вами. Вы стали такой серіозный въ послѣднее время.

— Я хочу проводить леди Плесморъ въ Парижъ.

Графъ свистнулъ. — Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Чортъ бы побралъ всѣхъ вдовъ, какъ сказалъ Семъ Уеллеръ.

— Замѣчаніе мистера Уеллера старшаго ко мнѣ не относится, отвѣчалъ Блиссетъ, спокойно поправляя ошибку лорда Гильтона, приписавшаго извѣстное замѣчаніе мистеру Уеллеру младшему.—Я принимаю участіе въ бѣдной женщинѣ, но вы знаете почему.

— Вы благороднѣйшій человѣкъ, Блиссетъ, сказалъ графъ

съ жаромъ. Она не приняла бы ничего отъ меня, а вы, какъ мой другъ, считаете долгомъ оказать ей, бѣдной, вниманіе.

— Она не бѣдна ни въ какомъ отношеніи, возразилъ Блиссетъ.—Что же касается до подозрѣнія сейчасъ выраженнаго вами, я хочу васъ увѣрить что еслибы мнѣ пришло намѣреніе жениться, я поднялъ бы глаза повыше вдовы сэръ-Аугустуса Плесмора.

Говоря это онъ смотрѣлъ вызывающимъ взглядомъ на графа, но не дождавшись отвѣта продолжалъ:

— Если дѣла пойдутъ такъ какъ можно ожидать, я буду очень скоро богатъ. Я происхожу отъ древняго, почтеннаго рода, лордъ Гильтонъ. Дочери англійскихъ леровъ выходятъ часто замужъ за людей похуже меня.

Лордъ Гильтонъ слегка поморщился. Такія слова отъ смѣлаго выскочки были ему непріятны. Выскочки, какъ извѣстно, не имѣютъ права на гордость. Съ другой стороны, поведеніе молодаго маркиза Винторна, возбудившее не мало толковъ въ большомъ свѣтѣ, мѣшало ему встать на ходули. Еслибы Блиссетъ сказалъ прямо: „чѣмъ я не женихъ для вашей дочери Милли?“ лордъ Гильтонъ можетъ-быть далъ бы отпоръ такой дерзости, на на простое заявленіе что мистеръ Блиссетъ смѣетъ надѣяться, если все пойдетъ хорошо, жениться на дочери англійскаго пера онъ не возразилъ ничего.

Превратность судьбы доказала мистеру Блиссету что надо всегда быть готовымъ встрѣтить какую бы то ни было опасность, а опасности, какъ извѣстно, угрожали ему со всѣхъ сторонъ. Поэтому онъ счелъ нужнымъ сообщить лорду Гильтону о своемъ намѣреніи проводить леди Плесморъ за границу. Чѣмъ болѣе онъ впутывалъ въ свои дѣла такихъ почтенныхъ людей какъ лордъ Гильтонъ и Чемпіонъ, тѣмъ дѣла его казались проще и правѣе.

Но Милли! Съ какою цѣлью ухаживалъ онъ за Милли? Развѣ онъ не признался откровенно своей женѣ что имѣлъ намѣреніе жениться, но принужденъ былъ отказатся отъ этого намѣренія когда узналъ что она жива? Нѣтъ ничего обманчивѣе откровенности, такой, хочу я сказать, какъ откровенность этого человѣка съ его женой. Онъ совсѣмъ не былъ откровененъ съ ней. Онъ сказалъ ей только то что̀, по его мнѣнію, надо было сказать чтобы достигнуть цѣли, и его отношенія съ ней были лживы какъ вся его теперешняя жизнь. Онъ не отказался отъ надежды жениться на леди Амеліи Эйльвардъ

Въ ту ночь когда онъ бродилъ по Гендонскимъ долинамъ ему приходили въ голову мысли которыхъ мы не можемъ передать здѣсь. Достаточно сказать что онъ не остановился бы ни предъ какимъ преступленіемъ чтобъ овладѣть ею. Онъ любилъ ее такою любовью которою иногда можно привлечь къ себѣ хорошую женщину, хотя хорошимъ женщинамъ не нравится такая любовь. Бѣдная Милли не могла не страдать отъ оскорбленія нанесеннаго ей маркизомъ, и какъ многія женщины поумнѣе ея, она думала, или безсознательно чувствовала что было бы очень пріятно показать измѣнику что она далеко не безутѣшна. Змѣиные глаза, которыхъ она такъ боялась сначала, не утратили своей силы, но почему-то перестали быть отвратительными. Обладатель ихъ, повидимому, вовсе не подозрѣвалъ какое впечатлѣніе производитъ ими, и былъ попрежнему въ высшей степени внимателенъ и почтителенъ. Поли и Мери были правы. Она дѣйствительно обращалась съ нимъ черезчуръ жестоко. Странно также бояться его, когда одинъ ея взглядъ для него законъ. Однимъ движеніемъ пальца она могла бы заставить его сдѣлать что̀ хотѣла.

Когда во всемъ мірѣ есть только одна пара глазъ взглядъ которыхъ вы любите, сударыня, вамъ непріятно когда другіе глаза устремлены на васъ. Но когда эта пара смотритъ на другую женщину, вамъ все равно кто бы ни смотрѣлъ на васъ, конечно если вы изъ разряда такихъ женщинъ какъ Милли Эйльвардъ, но я надѣюсь что вы не такая. Милли начала спрашивать себя: чѣмъ мистеръ Блиссетъ заслужилъ ея нелюбовь? и минута въ которую она въ первый разъ задала себѣ этотъ вопросъ была для нея роковою минутой.

Я уже сказалъ что Блиссетъ любилъ ее такою любовью какую не цѣнятъ хорошія женщины, а мы, мущины, посѣщающіе судебныя палаты, читающіе газеты и слѣдящіе за тѣмъ что̀ происходитъ вокругъ насъ, знаемъ какого это рода любовь. Тѣмъ изъ насъ которые за грѣхи, по моему мнѣнію, осуждены писать романы приходится слышать что изображенныя нами послѣдствія такой любви неестественны, невозможны и такъ далѣе; и тщетно указываемъ мы на дѣйствительность какою она является судьямъ въ судебной палатѣ. Какъ справедлива пословица которая говоритъ что „правда страшнѣе вымысла.“ Банкиры поддѣлываютъ государственныя бумаги только въ сенсаціонныхъ романахъ, а сэръ Джонъ Денъ Поль ни-

чего не дѣлалъ съ Портлендѣ. Мужья отравляютъ женъ только въ романахъ, а извѣстное дѣло доктора Сметарста было миѳъ. Люди никогда не стрѣляютъ другъ въ друга среди бѣлаго дня изъ-за женщинъ, а трагедія въ Нортумберландъ-Стритѣ была газетная сказка. Мы, которые пишемъ такого рода книги, изображаемъ человѣческую природу такой какой она кажется намъ; мы судимъ по газетнымъ отчетамъ, вѣримъ что люди не лгутъ подъ присягой судьямъ ея величества и думаемъ что не даромъ же вѣшаютъ и отправляютъ въ ссылку мущинъ и женщинъ. Вы считаете неестественнымъ что такой человѣкъ какъ Абель Блиссетъ надѣялся обмануть ревнивую жену? Я не прошу васъ ставить себя на его мѣсто, но прошу васъ только вспомнить на какіе поступки рѣшаются подобные ему люди и не забыть что онъ любилъ Милли того рода любовью вслѣдствіе которой люди получше его отправляются на галеры.

Впрочемъ рискъ которому онъ себя подвергалъ былъ вовсе не такъ великъ какъ кажется. Еслибы въ Діеппѣ стало извѣстно что мистеръ Абель Блиссетъ женится на прекрасной дочери лорда Гильтона, какое было бы до этого дѣло леди Плесморъ? Что̀ значитъ для нея мистеръ Абель Блиссетъ? Она не будетъ имѣть возможности возвратиться въ Англію и узнать кто этотъ счастливецъ—объ этомъ онъ позаботился. Если же случайно откроется кто онъ, то не все ли равно быть повѣшеннымъ за овцу или за ягненка. Все это онъ спокойно обдумалъ, играя хрустальнымъ брелокомъ, что̀ обратилось у него въ привычку при подобныхъ размышленіяхъ.

Онъ проводилъ леди Плесморъ во Францію и помогъ ей водвориться въ прекрасной приморской виллѣ которую она получила въ наслѣдство. Прежній владѣлецъ купилъ ее за десять дней до своей смерти, и даже не видалъ ее. Такъ не прочна наша жизнь!

Обитателямъ Діеппа было все равно кто бы ни поселился въ виллѣ. Англійская леди оказалась *charmante*, а у Француза этимъ словомъ выражается все.

— Скучно! воскликнулъ мистеръ Блиссетъ въ отвѣтъ на замѣчаніе бывшей смотрительницы, утромъ въ день назначенный для его отъѣзда въ Лондонъ.—Нисколько не скучно. Платите за все чистыми деньгами, подпишитесь на два благотворительныхъ дѣла, подружитесь съ англійскимъ священникомъ, примите свысока перваго кто сдѣлаетъ вамъ визитъ, и черезъ

мѣсяцъ городъ будетъ у вашихъ ногъ. Скучно здѣсь! Нисколько.

— Не могу ли я пригласить.... не нанять ли мнѣ какую-нибудь компаніонку? спросила она.

— Поступайте какъ вамъ угодно, мои милая Гарріета. Только компаніонка должна быть, конечно, иностранка.

— Разставшись сегодня, Аугустусъ, начала она опять послѣ долгой паузы,—мы разстанемся на вѣки?

— Боюсь что такъ.

— Я сама знаю что это необходимо. Оставшись наединѣ съ собою, я можетъ-быть примирюсь съ мыслью что я обманщица, пожалуста не прерывайте, другаго слова нѣтъ, и — буду въ состояніи смотрѣть въ глаза друзьямъ которые у меня можетъ-быть будутъ. Но это будетъ невозможно если я буду имѣть васъ постоянно предъ глазами, или переписываться съ вами.

— Вы необыкновенно благоразумная женщина, Гарріета. О, еслибы вы могли начать жизнь снова!

— Еслибъ это было возможно, я не повторила бы одной ужасной ошибки.

— Не вышли бы замужъ за меня, вѣроятно?

— Я не полюбила бы человѣка котораго не могла бы уважать, возразила она спокойно.—Въ теченіи лѣтъ послѣдовавшихъ за нашею раслукой я старалась развить себя сколько-нибудь, и вижу теперь вещи такъ какъ мнѣ слѣдовало видѣть ихъ раньше.

— Вы знаете какъ я терпѣть не могу проповѣдей, Гарріета.

— Я почти кончила. То что мнѣ осталось досказать не будетъ обидно для васъ. Я хочу только сказать что меня не удивляетъ теперь ваше прошлое поведеніе, что я осуждаю себя за многое что я дѣлала или говорила, а васъ не осуждаю такъ безусловно какъ осуждала когда-то. Я не годилась для васъ.

Выраженіе пробѣжавшее по его лицу при этихъ словахъ заставило ее покраснѣть и быстро прибавить:

— Я говорю это только чтобъ оправдать себя. Еслибъ я думала тогда какъ думаю теперь, я не прожила бы мѣсяца подъ одною кровлей съ вами.

— Однако вы обвиняете меня не такъ безусловно какъ обвиняли прежде, сказалъ онъ смѣясь.

— Къ сожалѣнію я, кажется, не въ состояніи объяснить кажущагося противорѣчія. Я говорю заразъ о двухъ лицахъ—о тщеславной, неосторожной, любящей дѣвушкѣ которая вышла замужъ за васъ и о женщинѣ которая видитъ всѣ свои ошибки и заблужденія. Я знаю что вы эгоистъ и обманщикъ, но не могу не упрекать себя что я не сдѣлала всего что́ было въ моихъ силахъ чтобъ исправить васъ. Можетъ-быть мои усилія оказались бы тщетными, но жаль что я не попробовала. Поняли вы меня теперь?

— Постарался бы понять еслибы не было слишкомъ поздно. Мы оба сдѣлали ошибку и поплатились за нее. Что́ пользы толковать объ этомъ?

— Я сказала все что́ хотѣла сказать.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ.—Вы начали какъ умная женщина, Гарріэта, и кончили.... ну, да все равно. Такъ какъ мы, по вашему выраженію, разстаемся на вѣки, то не будемъ терять послѣднихъ минутъ толкуя о вещахъ непоправимыхъ. Что́ я могу еще сдѣлать для васъ?

— Ничего.

— Хорошо ли вы поняли какъ вы будете получать деньги?

— Да.

— И вы согласны со мной что вамъ лучше будетъ жить за границей.

— Я рѣшилась жить за границей.

— Такъ прощайте, Гарріэта.

— Прощайте.

— Я могъ бы сдѣлать что-нибудь съ этою женщиной или она изъ меня, еслибы мы пошли по прямой дорогѣ, пробормоталъ Блиссетъ, подъѣзжая къ набережной.—Но мы этого не сдѣлали, и теперь раскаяніе безполезно.

Около этого времени Общество Искусственнаго Орошенія и Земледѣлія въ Экуадорѣ достигло положенія которое было ему давно предсказано. „Ничто не бываетъ причиной столькихъ успѣховъ какъ успѣхъ“, а успѣхъ основателя Общества былъ несноримъ. Онъ изъ секретаря Общества сдѣлался однимъ изъ его директоровъ, занялъ такое же положеніе въ нѣсколькихъ другихъ обществахъ и сдѣлался силой въ Сити и оракуломъ въ Вестъ-Эндѣ. Имѣя теперь средства платить людямъ за исполненіе всѣхъ своихъ желаній, онъ переѣхалъ изъ Адельфи въ улицу Сентъ-Джемсъ. Его другъ, лордъ Гильтонъ,

тратившій деньги съ дѣтскимъ наслажденіемъ, взялъ на себя меблировку его квартиры, и никто не обвинилъ бы его лордство въ недостаткѣ вкуса. Окружающее мистера Блиссета составило наконецъ нѣчто полное. Онъ сдѣлался членомъ двухъ новыхъ клубовъ и нѣсколькихъ старыхъ. Онъ завелъ изящный фаэтонъ, карету и верховыхъ лошадей. Обѣды которые онъ давалъ по субботамъ были предметомъ толковъ всего города. Старые эпикурейцы говорили о нихъ со слюнками на губахъ. Многіе добивались знакомства съ мистеромъ Блиссетомъ.

Онъ сопровождалъ лорда Гильтона въ его родовое имѣніе и пришелъ въ восторгъ отъ сдѣланныхъ тамъ значительныхъ улучшеній. Когда сосѣдъ, сэръ-Джоржъ, пригласилъ графа принять участіе въ большой охотѣ въ лѣсахъ которые на слѣдующій годъ будутъ его собственностью, мистеръ Блиссетъ былъ также приглашенъ.

Въ одну изъ остановокъ въ охотѣ, вскорѣ послѣ завтрака, графъ вынулъ сигару и обратился за огнемъ къ мистеру Блиссету, который случайно очутился рядомъ съ нимъ на опушкѣ лѣса. У мистера Блиссета не оказалось спичекъ.

— Чортъ возьми, нѣтъ ли у васъ какого-нибудь огнива. Гдѣ же та машинка которая была у васъ на островѣ Вайтѣ?

— Къ сожалѣнію, я потерялъ ее.

— Какъ это жаль! Кстати, мнѣ на дняхъ предлагали на улицѣ точно такую.

— О, эти копѣечныя вещицы которыя продаются на улицѣ никуда не годятся.

— Та которую мнѣ предлагали была не хуже вашей. Вѣроятно украденная, потому что на ней стояла буква Л.

— Л! Изъ двухъ брилліантовъ? спросилъ Блиссетъ.

— Да, кажется, и теперь я припомнилъ что предлагалъ мнѣ ее мошенникъ Берриджеръ. Гей! Стой! Мимо, чортъ возьми!

— Нельзя разговаривать и стрѣлять въ одно и то же время, милордъ, сказалъ Блиссетъ, вкладывая два новыхъ патрона и слѣдя за фазаномъ, превратившимся въ точку въ отдаленіи.

— Жаль что вы не сказали мнѣ раньше о моемъ огнивѣ, сказалъ онъ, возвращаясь съ графомъ домой.—Онъ дорогъ мнѣ по нѣкоторымъ воспоминаніямъ, и я далъ бы за него двойную цѣну.

— Я ни разу не вспомнилъ о немъ, другъ мой, до нынѣшняго дня; къ тому же могъ ли я знать, и увѣрены ли вы что это ваше?

— Вы говорите что на немъ стояла буква Л изъ двухъ брилліантовъ?

— Да, буква Л, но изъ двухъ брилліантовъ или нѣтъ, я не замѣтилъ.

— Эта вещь спасла жизнь человѣку. Во время одной изъ безчисленныхъ революцій въ Перу, пуля ударила ему прямо въ грудь, но отскочила отъ этой маленькой коробочки. Въ послѣдствіи онъ считалъ ее талисманомъ.

— Что за вздоръ! Монета или пуговица могла бы сдѣлать то же самое. И для чего вамъ талисманъ?

— Для меня это прощальный подарокъ отъ моего лучшаго друга, возразилъ Блиссетъ,—и признаюсь, я считаю дурнымъ предзнаменованіемъ что потерялъ его.

— А вы вѣрите въ судьбу?

— Милордъ, возразилъ Блиссетъ смѣясь,—развѣ я самъ не игрушка судьбы?

— Мнѣ придется съѣздить въ Лондонъ дня на два, замѣтилъ Блиссетъ на слѣдующее утро, прочитавъ свои письма.— Хорошо еслибы человѣкъ могъ освобождаться отъ почты когда ему придетъ охота отдохнуть.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ графъ,—заставьте почту поправить то что она сдѣлала. Вы никогда не будете имѣть свободной минуты, Блиссетъ, если пріучите людей думать что вы всегда готовы къ ихъ услугамъ. Вы ужь слишкомъ дѣятельны.

— Напротивъ, нѣтъ человѣка лѣнивѣе меня.

— Однако вы способны изъ-за какого-нибудь глупѣйшаго письма мучиться на желѣзной дорогѣ въ такую погоду, вмѣсто того чтобы провести время спокойно въ домѣ, который, надѣюсь, не совсѣмъ неудобенъ.

— Я поступаю съ разчетомъ, милордъ, отвѣчалъ Блиссетъ зажигая сигару.—Промучившись два дня, я буду имѣть возможность провести недѣлей больше, чѣмъ сначала предполагалъ, въ лучшемъ домѣ изъ всѣхъ тѣхъ гдѣ мнѣ оказывали радушный пріемъ.

Комплиментъ понравился лорду Гильтону.

— Надѣюсь что вы ѣдете не по поводу той бездѣлицы которую называете талисманомъ? спросилъ онъ быстро, когда эта мысль пришла ему въ голову.

— Нѣтъ, но признаюсь, я радъ что представляется возможность навести о ней справки.

— Я не думалъ что вы такъ суевѣрны.

— Нельзя быть совершенствомъ, возразилъ Блиссетъ пожавъ плечами.

— Давно ли вы потеряли вашъ талисманъ?

— Право не знаю. Я употреблялъ это огниво только въ дорогѣ и кажется не бралъ его въ руки уже нѣсколько мѣсяцевъ.

— А давно вы владѣете имъ?

— Лѣтъ шесть или восемь.

— Вотъ странный человѣкъ, сказалъ графъ откинувшись на спинку кресла и какъ бы намѣреваясь уничтожить Блиссета насмѣшкой.—Хранитъ онъ вещь шесть лѣтъ, въ продолженіи которыхъ судьба постоянно угнетаетъ его. Называетъ онъ эту вещь талисманомъ и обращаетъ на нее такъ мало вниманія что не можетъ сказать когда потерялъ ее. Потерявъ ее, онъ вдругъ обогащается и все же ѣдетъ въ отвратительную погоду отыскивать ее. Вашъ талисманъ приносилъ вамъ вмѣсто счастія несчастіе. Оставьте его въ покоѣ, совѣтую вамъ.

— Я никогда не называлъ эту вещь талисманомъ, милордъ, возразилъ Блиссетъ спокойно;—вы сами назвали ее такъ. И я сказалъ что ѣду въ городъ не за ней.

— Что̀ пользы толковать съ человѣкомъ который уже рѣшился. Когда вы ѣдете?

— Въ 5 час. 50 мин., а возвращусь въ пятницу.

— Съ талисманомъ?

— Вы все шутите. Можетъ-быть и съ талисманомъ. Милордъ, прибавилъ онъ со внезапною горячностью, несвойственною ему въ обществѣ графа,—развѣ пріятно знать что подарокъ дорогаго умершаго друга находится въ рукахъ такого негодяя какъ Берриджеръ? Еслибы вы, напримѣръ, подарили мнѣ кольцо или печать, или что̀ бы то ни было въ знакъ дружбы, которой вы меня удостоили, и еслибъ я, потерявъ вашъ подарокъ и узнавъ гдѣ онъ находится, не потрудился овладѣть имъ, что̀ подумали бы вы обо мнѣ?

На такой вопросъ трудно было отвѣчать.

— Въ дѣлахъ онъ холоденъ и твердъ какъ утесъ, сказалъ лордъ Гильтонъ дочерямъ когда гость уѣхалъ,—во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ добродушенъ и впечатлителенъ какъ ребенокъ.

— Его хрустальный шарикъ можетъ-быть тоже талисманъ, засмѣялась хорошенькая Милли.—Надо подразнить его когда онъ вернется.

Домъ въ Букингамъ-Стритѣ въ которомъ помѣщалась контора мистера Исаака былъ его собственностью, по крайней мѣрѣ онъ распоряжался въ немъ какъ хозяинъ и отдавалъ въ наемъ второй и третій этажи. Вскорѣ послѣ того какъ мистеръ Берриджеръ вступилъ съ нимъ въ компанію, освободился третій этажъ, и Бобъ перевезъ туда своихъ домашнихъ боговъ. Квартира въ Меддонъ-Стритѣ не приносила дохода, и сыновняя преданность Боба быстро остыла отъ частыхъ просьбъ о вспомоществованіи для уплаты за воду, за квартиру и тому подобные необходимые предметы.

— Дѣло въ томъ что если я останусь у ней, сказалъ онъ мистеру Исааку,—она сдѣластъ изъ меня свою дойную корову. Если же я переѣду сюда, она должна будетъ обращаться ко мнѣ дѣловымъ порядкомъ, когда ей понадобится что-нибудь. Развѣ можно работать когда она постоянно ворчитъ въ кухнѣ, а въ прихожей стоитъ кто-нибудь и кричитъ что не уйдетъ пока она не отдастъ долга? продолжалъ Бобъ какъ бы извиняясь въ своей прошлой слабости.—Притомъ если я поселюсь здѣсь, то буду присматривать за конторой. Вы сами знаете что вы не всегда аккуратны, Соль, прибавилъ онъ подмигнувъ.

Мистеръ Саломонъ Исаакъ, какъ многіе изъ его племени, былъ одаренъ характеромъ общительнымъ и иногда приходилъ въ контору изъ своей Пентонвильской виллы поздно и съ больною головой.

— Я зашелъ къ вамъ, Бобъ, сказадъ однажды утромъ Блиссетъ, своимъ прежнимъ дружескимъ тономъ,—потому что лордъ Гильтонъ полагаетъ что огниво которое вы предлагали ему было то самое которое я недавно потерялъ. Вы вѣроятно купили его на какомъ-нибудь аукціонѣ, прибавилъ онъ небрежно.

— Нѣтъ, я не покупалъ его, возразилъ Бобъ.—Я его нашелъ.

— Тѣмъ не менѣе я дамъ вамъ за него сколько оно стóитъ. Это память объ умершемъ другѣ. Коробочка слегка попорчена и на ней есть буква Л изъ двухъ брилліантовъ. Только я описываю что̀ вы нашли?

— А сколько она по-вашему стóитъ? спросилъ Бобъ не отвѣчая на вопросъ.

— Фунтовъ пять, но назначьте цѣну сами, сказалъ посѣтитель небрежно.

— Какой вы теперь баричъ..... мистеръ..... мистеръ.....

— Зачѣмъ вы притворяетесь что забыли мое имя?

— У нѣкоторыхъ людей бываетъ нѣсколько именъ.

— У большинства людей бываетъ два имени: христіанское и фамилія.

— Именно, сказалъ Бобъ захохотавъ.—Христіанское и фамилія и иногда титулъ. Ха, ха, ха! и титулъ. А титулъ придалъ бы вамъ еще болѣе важности, неправда ли?

Услыхавъ эти слова и взглянувъ на маленькіе ядовитые глаза устремленные на него, Блиссетъ содрогнулся. Къ счастію для него въ эту минуту вошелъ мальчикъ-слуга и объявилъ своему хозяину что пріѣхалъ какой-то молодой джентльменъ въ красивомъ кабріолетѣ и желаетъ поговорить съ нимъ наединѣ. Нѣтъ. Джентльменъ не хочетъ войти и не желаетъ ждать. Ему надо поговорить съ мистеромъ Берриджеромъ объ очень важномъ дѣлѣ и онъ задержитъ его не долго.

Мистеръ Берриджеръ, все еще посмѣиваясь надъ своимъ замѣчаніемъ о титулѣ, извинился и вышелъ. Лишь только дверь затворилась за нимъ, какъ глаза Блиссета упали на грязную карманную книжку о коей было упомянуто въ этомъ разсказѣ и которая теперь лежала на той сторонѣ стола гдѣ писалъ ея обладатель. Что-то,—назовите это инстинктомъ, или какъ угодно,—толкнуло Блиссета схватить и открыть эту книжку. Первое что̀ выпало изъ нея было его письмо къ женѣ.

Едва успѣлъ онъ положить его на прежнее мѣсто какъ мистеръ Берриджеръ возвратился.

— Я вижу что вы теперь заняты, сказалъ Блиссетъ вставая.—Мы поговоримъ въ другой разъ. Не хотите ли обѣдать со мной?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Гдѣ же вы намѣрены провести нынѣшній вечеръ?

— Дома, за работой. Мнѣ необходимо работать чтобъ имѣть средства къ существованію, сказалъ мистеръ Берриджеръ.

— Чортъ возьми, Бобъ, какой вы стали несообщительный. Почему намъ не быть друзьями? Я уже разъ доставилъ вамъ славную работу, и доставлю опять.

— Непремѣнно доставите, засмѣялся Бобъ.—Вы правы. Ха, ха, ха, доставите опять!

— Конечно. Такъ будьте же дружелюбнѣе. Въ которомъ часу кончаете вы въ конторѣ?

— Контора открыта отъ девяти до пяти.

— И послѣ того вы еще работаете дома? Это ужь слишкомъ, Бобъ. Когда я зайду къ вамъ домой, я скажу вашей матери чтобъ она не позволяла вамъ работать такъ много.

— Нѣтъ, вамъ не придется увидать мать въ моемъ домѣ. Человѣкъ не можетъ быть привязанъ всю жизнь къ фартуку своей матери. У меня теперь своя собственная квартира, прибавилъ Бобъ съ гордостью.

— Здѣсь?

— Да, надъ конторой.

— Вотъ какъ, и воображаю какіе вечера проводите вы тамъ съ молодыми сосѣдями, сказалъ Блиссетъ шутливо.

— У меня нѣтъ сосѣдей. Это самая спокойная улица во всемъ городѣ. Я сказалъ вамъ что я занятъ, освободите меня ложалуста отъ вашихъ шутокъ. Что же вы скажете объ этой вещицѣ, какъ вы ее называете?

— Огниво.

— Вы сказали что это огниво стоитъ пять фунтовъ, но что я самъ могу назначить цѣну.

— Да, если огниво дѣйствительно мое.

— Ваше? спросилъ Бобъ вынимая огниво изъ ящика письменнаго стола.

— Мое.

— Такъ я хочу взять за него пятьдесятъ фунтовъ, сказалъ онъ, глядя пристально въ лицо своему гостю.

— Вы могли бы выбрать другой способъ дать мнѣ возможность сдѣлать вамъ подарокъ, Бобъ, сказалъ Блиссетъ помолчавъ. — Я заплачу вамъ пятьдесятъ фунтовъ. Давайте огниво.

— Давайте сначала росписку, засмѣялся Бобъ.

— Извольте. И онъ написалъ записку къ своему банкиру.

— Подумайте-ка хорошенько, Бобъ, сказалъ онъ застегивая пальто,—и обѣщайте обѣдать со мной. Помните какъ мы славно пообѣдали въ Кремornѣ?

— Говорю вамъ что у меня есть работа.

— Я приду потомъ помочь вамъ.

— Благодарю васъ. Я люблю работать одинъ.

Одинъ! Это слово звучало въ ушахъ Блиссета когда онъ шелъ вдоль Странда, и шумъ этой оживленной части города не могъ заглушить ужаснаго слова. Человѣкъ открывшій его тайну и по обращенію котораго съ нимъ видно было какъ онъ намѣренъ воспользоваться своимъ открытіемъ,—презрѣнный гадъ, готовый броситься на него, будетъ работать въ этотъ вечеръ *одинъ*.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Приключеніе съ леди Плесморъ.

Вѣсти о „дѣлахъ“ Джека Гилля и Констанціи Конвей были сообщены какъ слѣдуетъ матери послѣдней самими наиболѣе заинтересованными въ этомъ дѣлѣ личностями. Послѣ перваго впечатлѣнія неожиданности, леди эта осталась довольна всѣмъ случившимся. Одно изъ желаній ея исполнилось, и еще скорѣе, нежѣли она ожидала. Она всплакнула надъ безъискусственнымъ, задушевнымъ письмомъ своей дочери, хотя тутъ не было никого кто бы могъ любоваться этими слезами, и почти рѣшилась выказать себя вполнѣ великодушной. Она уступитъ имъ полтораста, а можетъ-быть и двѣсти фунтовъ изъ своей годовой тысячи фунтовъ, разсуждала она, а съ помощію пятисотъ фунтовъ Джека это дастъ имъ возможность жить порядочно. Она наградитъ ихъ своимъ благословеніемъ и затѣмъ.... затѣмъ будетъ свободною женщиной. Ужасная мысль что все можетъ открыться, мысль которую начинало внушать ей присутствіе Констанціи, не будетъ болѣе преслѣдовать ее. Она пріобрѣтетъ общее уваженіе за свою доброту къ дочери, на недостатокъ нѣжности со стороны которой она недавно такъ кстати жаловалась. Развѣ можетъ бѣдная, слабая, беззащитная женщина, подобная ей, противостоять волѣ такихъ сильныхъ и прямыхъ молодыхъ людей?

Опираясь на послѣдній доводъ, она сообщила исторію эту своей „дорогой Джертрудѣ“ и была чрезвычайно смущена отвѣтомъ послѣдней.

— Что она съ ума сошла что ли? спрашивала дорогая Джертруда.—Развѣ она не знаетъ что этотъ Джекъ Гилль самый недостойный человѣкъ? Развѣ она забыла поведеніе его относительно бѣднаго Фреда! Пятьсотъ фунтовъ въ годъ? Да это нищета! Да еще гдѣ доказательство что молодой человѣкъ этотъ имѣетъ эти деньги? Онъ просто-на-просто искатель приключеній. Онъ слышалъ что отецъ ея (Констанціи) былъ богатъ.

Ему нужны были деньги, и ничего болѣе. Бѣдное, безразсудное дитя (опять-таки Констанція) будетъ страшно несчастна съ нимъ. Кромѣ того положительно неприлично выходить замужъ въ ея лѣта. А ужь эти Блексемы! Они постыдились бы хоть самихъ себя, устраивая подобныя вещи. Вотъ что̀ значитъ, милая Матильда, заводить неподходящія знакомства съ людьми подобнаго рода.

Такъ говорила дорогая Джертруда. Она все еще не простила Джеку и принадлежала къ числу людей считающихъ бракъ по любви, съ пятью стами годоваго дохода въ карманѣ, однимъ изъ преступленій которое слѣдовало бы включить въ число смертныхъ грѣховъ и провозглашать каждое воскресенье въ церкви, въ видѣ назиданія неопытному юношеству.

Дорогая Матильда прикусила губы, читая посланіе содержавшее въ себѣ вышеприведенныя замѣчанія, и нѣчто присущее другой мистрисъ Конвей появилось на лицѣ ея. Не очень пріятно было выслушивать подобныя наставленія, но она была не въ силахъ идти наперекоръ дорогой Джертрудѣ.

Дружба достопочтенной мистрисъ Виллертонъ была якорь коимъ она держалась въ обществѣ, свѣтило въ отраженіяхъ лучей котораго она сіяла. Лишись она этого якоря, и ей придется скитаться по свѣту вдовой живаго мужа, сопровождаемой колкими замѣчаніями злыхъ языковъ насчетъ ея положенія; отвороти свѣтило это отъ нея лучи свои, и звѣзда ея затмится и погаснетъ на возлюбленныхъ ею небесахъ. Негодилось во всѣхъ отношеніяхъ сердить мистрисъ Виллертонъ.

Противъ своей воли она написала Джеку холодное письмо, сообщавшее ему что предложеніе его не можетъ быть принято; отправила въ то же время письмо полное упрековъ къ Констанціи (разчитывая на обнародованіе онаго), въ которомъ спрашивала ее чѣмъ могла она (ея нѣжная и довѣрчивая мать) заслужить подобный постулокъ съ ея стороны; и еще колкое посланіе къ мистеру Блексему, объявляя ему что никогда не проститъ себѣ того что рѣшилась отпустить далеко отъ себя свое бѣдное, невинное дитя, и прося немедленно прислать послѣднее обратно къ ней.

Джекъ блѣднѣлъ и краснѣлъ при чтеніи этихъ писемъ и затѣмъ бякнулъ:

— Нечего обращать на нее вниманіе! Позвольте ей побыть еще здѣсь, мистеръ Блексемъ! Лишь еще недѣльки двѣ, ми-

лая мистрисъ Блексемъ! Я не оставлю ее. Она просто пустая, злая старая дура. Позвольте ей остаться еще недѣльки двѣ, и мы обвѣнчаемся, не обращая на нее вниманія.

Въ своемъ волненіи бѣдный Джекъ до такой степени сбивчиво произносилъ мѣстоимѣнія „ея“ и „она“ что посторонній слушатель могъ бы подумать что подъ пустою и злою старою дурой онъ подразумѣваетъ Констанцію и что онъ намѣренъ жениться на мистрисъ Конвей, не обращая вниманія на запрещеніе ея дочери.

Но старые друзья его поняли его и покачали головой.

— Этого нельзя сдѣлать, Джекъ, возразилъ въ отвѣтъ на это пылкое изреченіе мистеръ Блексемъ,—вы не можете жениться на ней безъ согласія ея матери.

— А я все-таки женюсь, свирѣпо отвѣчалъ нашъ повѣса.

— Говорю вамъ что этого нельзя сдѣлать, настаивалъ адвокатъ;—или вы совершите противузаконное дѣло. Вы не можете получить разрѣшеніе на бракъ съ дѣвушкой не достигшей совершеннолѣтія, не поклявшись что она достигла его, что̀ будетъ неправда; или же увѣривъ что вы дѣлаете это съ согласія ея родителей, чего вы тоже не можете сказать.

— Ну такъ я убѣгу съ нею въ Шотландію.

— Она не согласится бѣжать съ вами Джекъ; она слишкомъ хорошая и порядочная дѣвушка для того чтобы рѣшиться на такое безуміе, а еслибъ она и рѣшилась, то я бы не пустилъ ее. Милый другъ мой, успокойтесь. Я бы разсердился на васъ, Джекъ, еслибы думалъ что вы говорите все это серіозно.

Джекъ повѣсилъ голову и примолкъ.

— Вы оба еще такъ молоды, сказала мистрисъ Блексемъ, ласково кладя руку на его плечо.—Имѣйте терпѣніе, Джекъ, и подождите.

— Мы оба еще такъ молоды, повторяла ему, часъ спустя, маленькая Конъ.—Будемъ имѣть терпѣніе, Джекъ, и подождемъ. Мнѣ будетъ двадцать одинъ годъ черезъ три года.

— Черезъ три года! Да это три Хеопсовы пирамиды, три Сагарскія степи! три, три, три бабушки! въ отчаяніи говорилъ Джекъ, не находя въ умѣ своемъ болѣе разительнаго символа нескончаемаго времени. — Что̀ буду я дѣлать въ эти три года.

— Будешь стараться сдѣлаться хорошимъ, терпѣливымъ,

трудолюбивымъ человѣкомъ, возразила она, произнося губами мудрыя слова эти и глядя на него глазами полными любви,— постараешься расплатиться со всѣми этими противными долгами, о которыхъ ты говорилъ мнѣ. Сдѣлаешься отличнымъ человѣкомъ, какимъ ты непремѣнно и будешь, а я постараюсь.... О! милый Джекъ, я постараюсь сдѣлаться достойной тебя, достойною быть твоею маленькою женой, твоею отрадой и.... можетъ-быть твоею гордостью. Мнѣ еще придется учиться почти всему, милый Джекъ, кромѣ любви къ тебѣ.

Любовь свѣтилась и на милыхъ губкахъ ея такъ же какъ и въ глазахъ ея при этихъ послѣднихъ словахъ.

Опять я принужденъ извиниться за Констанцію. Истая героиня обратилась бы къ своему возлюбленному съ слѣдующими словами: „Иди! забудь меня; пусть страданія“ и т. д.; велѣла бы ему затѣмъ искать по свѣту любви другихъ счастливицъ прекраснѣе ея и пр. Пожалуста извините Констанцію.

— Ахъ Джекъ, прибавила она понизивъ голосъ,—есть еще одна вещь которую ты можешь сдѣлать въ эти три года: *отыщи отца моего!*

— Клянусь честью! Я отыщу его — и если онъ дастъ свое согласіе....

— Нетерпѣливый! грустно проговорила она. И затѣмъ разговоръ ихъ принялъ болѣе пріятное направленіе. Это былъ послѣдній разговоръ любящей парочки въ миломъ, старомъ Аббатствѣ.

Дѣлать было нечего, они должны были разстаться. Она обѣщала писать Джеку, но предупредила его что весьма могло случиться что ей не позволятъ получать писемъ отъ него.

— Вѣроятно меня отправятъ за границу, говорила она;—но я дамъ мама ясно почувствовать что я помолвлена и что не откажусь отъ тебя пока ты самъ не захочешь этого. Я буду повиноваться ей пока не сдѣлаюсь совершеннолѣтней, а тогда ужь буду повиноваться лишь одному тебѣ.

Они разстались. Констанція воротилась къ матери и вела себя какъ будто ничего особеннаго не случилось, къ немалому удовольствію этой леди. Она ожидала сцены и была пріятно разочарована. Констанція ни однимъ словомъ не намекнула на Джека, и у матери ея достало здраваго смысла разсудить что лучше будетъ не касаться и впредь этого предмета. Что-то спокойно-рѣшительное появилось теперь въ маленькой Конъ,

вслѣдствіе чего мистрисъ Конвей начинала все болѣе и болѣе бояться ея.

Итакъ, послѣ многихъ толковъ рѣшено было что ее отправятъ въ пансіонъ въ Діеппъ, съ цѣлью „окончить ея воспитаніе, и такъ какъ дорогая Джертруда не нашла ничего предосудительнаго въ этомъ планѣ, то онъ и былъ приведенъ въ исполненіе.

О томъ какъ мистрисъ Конвей ловѣряла всѣ свои горести Madame Duquesne, начальницѣ избраннаго ею заведенія, какъ она умоляла ее быть снисходительною и ласковой къ ея (мистрисъ Конвей) бѣдной, лишенной отца, дѣвочкѣ — объ этомъ считаю лишнимъ распространяться. Представился удобный случай выразить родительскую нѣжность, и она имъ вполнѣ воспользовалась. Спокойно-благородная старушка-Француженка сочла немного страннымъ что мать Констанціи такъ много толковала о себѣ, о своихъ собственныхъ страданіяхъ и о проступкахъ своего мужа, а тонъ которымъ дочь ея проговорила „пожалуста перестаньте, мама“, когда мистрисъ Конвей съ плачемъ бросилась ей при прощаньи на шею, внушилъ ей неблагопріятное мнѣніе о Констанціи, пока она не узнала ея короче. Не очень легко и пріятно стоять смирно на сценѣ, между тѣмъ какъ надъ вами разыгрываютъ разныя штуки, а въ дѣйствительной жизни это просто невыносимо. Необходимость быть постоянною зрительницей комедіи разыгрываемой ея матерью, вѣчный страхъ что она какъ-нибудь невольно выдастъ ее, и стыдъ причиняемый этимъ зрѣлищемъ, вотъ что̀ заставило собственно маленькую Конъ такъ горячо настаивать на разлукѣ съ матерью. Она скорѣе могла бы вынести грубое насиліе.

Маленькая Конъ скоро обжилась въ своей новой обстановкѣ, и не нашла ее и вполовину настолько скучною какъ она ожидала. Она имѣла теперь предъ собою то чего недоставало ей доселѣ въ жизни. У нея было теперь нѣчто кромѣ своихъ личныхъ расположеній и нерасположеній, какими она бывало исключительно руководилась. Трудно было ей начинать все съ азбуки, трудиться въ ея лѣта надъ гаммами и упражненіями для пальцевъ, заодно съ маленькими ученицами; но за то Джеку будетъ пріятно, если она будетъ играть хорошо! Нѣмецкій языкъ казался ей очень тяжелымъ; но знаніе языка этого можетъ ей пригодиться ради Джека. Другія познанія, не входящія (тѣмъ хуже для насъ) въ окончательный курсъ

воспитанія молодыхъ дѣвицъ, старалась она пріобрѣсти „con amore“. Они не будутъ жить богато, особенно сначала, и знать какъ закупить все нужное для обѣда и какъ приготовить обѣдъ этотъ, какъ скроить платье и сшить его, будетъ ей, какъ она сама сознавала, нелишнимъ. Для своихъ пансіонскихъ подругъ она была загадкой. Какъ могла M-me Duquesne считать ее такою умной, когда она никакъ не могла справиться съ хроматическою гаммой? Какъ это она умѣла срисовать все съ натуры и въ то же время такъ ужасно рисовала съ рисунковъ? Садовникъ говорилъ кухаркѣ: „Англійская миссъ настоящій геній; она знаетъ названіе, настоящее латинское названіе, каждаго цвѣтка въ моемъ саду.“ Кухарка говорила садовнику: „Англійская миссъ маленькая невѣжда: она не знаетъ сколько стоитъ курица!“ Въ одномъ лишь не было сомнѣнія. Старые и молодые, хозяева и слуги, богатые и бѣдные, всѣ соглашались что англійская миссъ прелесть какъ мила; пріятно было учить ее, пріятно было и учиться у нея. Она становилась прелесть какъ мила и въ другомъ смыслѣ. Блѣденькая, безпокойно смотрѣвшая, маленькая Конъ хорошѣла съ каждымъ днемъ. Она писала длинныя письма Джеку и получала длинныя посланія отъ него. Она трудилась ради его и была счастлива.

Вскорѣ она познакомилась съ одною англійскою леди, воспитаніе которой было тоже не вполнѣ докончено въ дѣтствѣ, посѣщавшей классы музыки. Она была вдовой баронета, и фамилія ея была Плесморъ. Маленькой Конъ служилъ поощреніемъ примѣръ особы бывшей много старше ея и несмотря на это трудившейся также надъ этими несносными гаммами. Для нея было радостью поговорить съ кѣмъ-нибудь на родномъ языкѣ своемъ. Мистрисъ Конвей въ отвѣтъ на сообщеніе ей объ этомъ знакомствѣ сказала что не имѣетъ ничего противъ того если дочь ея приметъ приглашеніе леди Плесморъ. Выраженное ею желаніе чтобы милое дитя ея не заводило никакихъ знакомствъ внѣ пансіона относилось лишь къ случайнымъ посѣтителямъ онаго, а не къ постояннымъ, подобнымъ леди Плесморъ.

Итакъ, между этими двумя особами завязалось знакомство, вскорѣ превратившееся въ дружбу, и Констанція проводила почти всѣ воскресные дни въ виллѣ леди Плесморъ.

Подробные отчеты о празднествахъ по случаю новоселья получались ею чрезъ ея „собственнаго корреспондента“ Джека

Гилля, также какъ и чрезъ Мери Эйльвардъ, присылавшей ей въ своихъ письмахъ фотографическіе снимки недавно сдѣланные съ ея новаго дома и окружавшихъ его парка и сада, улыбавшихся подъ искусною рукой знаменитаго садовника. Коллекція этихъ снимковъ была еще не вполнѣ окончена по случаю дурной погоды, мѣшавшей фотографамъ. Она обѣщалась прислать остальные, какъ скоро они будутъ готовы. Затѣмъ она сообщала ей всѣ мелкія изящныя подробности, занимательныя для женщинъ. Но веселыя вѣсти эти дошли до Констанціи въ такое время когда она не могла сочувствовать веселому настроенію друзей своихъ. Она находилась въ большомъ горѣ, писала она имъ въ отвѣтъ. Съ другомъ ея (леди Плесморъ, въ письмахъ къ Джеку, Гарріети, въ письмахъ къ Мери) случилось ужасное несчастіе; жизнь ея была въ опасности. Она была слишкомъ поглощена ухаживаніемъ за нею и не имѣла времени описывать подробности этого случая, но газеты сообщали послѣднія. Оказалось что лошади одного дилижанса вдругъ неизвѣстно чего испугались и понесли, а неуклюжій экипажъ, везенный ими, совершенно раздавилъ коляску запряженную пони одной англійской миледи, катавшейся въ это время по узкимъ улицамъ Діеппа. Врачи подавали мало надежды на сохраненіе жизни бѣдной англійской миледи, и, ужасно сказать, потрясеніе мозга лишило ея разума; но,—прибавляли газеты, вѣроятно въ видѣ утѣшенія,—кондукторъ дилижанса былъ арестованъ полиціей.

Лишь разказъ собщенный о происшествіи этомъ газетами достигъ до мистера Блиссета. Разсуждая объ этомъ съ лордомъ Гильтономъ, онъ не получилъ отъ него никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. Графу казалось несовмѣстнымъ съ его новымъ достоинствомъ разглашать о томъ что одна изъ дочерей его находится въ постоянной перепискѣ съ молодою дѣвушкой состоящей въ такой дружбѣ съ бывшею трактирною служанкой, и ему въ то же время казалось неудобнымъ сообщить всю исторію эту Мери. Что касается до Мери, то какъ могла она себѣ представить что состояніе бѣдной больной въ Діеппѣ можетъ интересовать поглощеннаго дѣлами мистера Блиссета, или что ему любопытно знать кто такъ нѣжно ухаживаетъ за этою больной? Лордъ Гильтонъ повидимому не любилъ распространяться объ этомъ предметѣ, и такимъ образомъ ни до чьего свѣдѣнія не дошло извѣстіе полученное въ послѣдствіи и гласившее что больная пришла въ

себя, и что хотя доктора и не надѣялись что она излѣчится когда-либо отъ поврежденія спинной кости, но полагали что она можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, и при вѣрномъ исполненіи всѣхъ предписаній, силы ея могутъ возстановиться настолько что ее можно будетъ носить въ креслахъ.

ГЛАВА II.

Талисманъ.

Мистеръ Берриджеръ не теряя времени размѣнялъ свой векселъ и ликовалъ въ душѣ, возвращаясь въ контору съ пятью новенькими десяти-фунтовыми бумажками Англійскаго Банка въ карманѣ.

— Пятьдесятъ фунтовъ за то что всего стоитъ какихъ-нибудь пять! Я полагаю что это таки пригодится мнѣ, вамъ на грѣхъ, дорогой мой сэръ-Аугустусъ Ятсъ Блиссетъ Плессморъ. Онъ захихикалъ отъ удовольствія.—Да еще случилось это какъ нарочно въ гостиной миссъ Френчъ, гдѣ былъ и самъ Чемпіонъ. Сегодня же вечеромъ напишу къ Бернеби, и мы сейчасъ же обдѣлаемъ все дѣло.

Онъ остановился у почтовой конторы на Страндѣ и взялъ почтовый векселъ на два фунта десять шиллинговъ, на имя Эдварда Бернеби, фотографа въ Варвикѣ, который и отправилъ въ тотъ же вечеръ по почтѣ.

Мистеръ Блиссетъ побывалъ въ перувіанскомъ посольствѣ, гдѣ онъ обѣщалъ быть предъ тѣмъ, и возвратился обѣдать въ свой клубъ, взявъ предварительно мѣсто въ Сенъ-Джемсовомъ театрѣ, въ которомъ онъ и остался до конца главной піесы. Человѣкъ отворявшій ложи былъ его старымъ знакомымъ, и онъ нѣсколько разъ уходилъ съ своего мѣста поговорить съ нимъ во время представленія. Затѣмъ онъ воротился на свою квартиру, отослалъ своего слугу (жившаго отдѣльно), ушелъ въ свою спальню и потушилъ газъ.

Часовъ около одиннадцати какой-то высокій мущина прошелъ по Трафальгаръ-Скверу съ длиннымъ бѣлымъ свертткомъ въ рукѣ. Можетъ-быть это былъ какой-нибудь пѣвецъ или музыкантъ, несшій домой свои ноты. Въ то время какъ онъ проходилъ мимо колонны, голодный уличный бедуинъ подскочилъ къ нему съ обычнымъ предложеніемъ:

— Позвольте мнѣ донести вамъ это, сударь? Одинъ палецъ протянулся по обыкновенію къ свертку, а другой коснулся по обыкновенію до оборванной шапки. Въ своей поспѣшности онъ дотронулся до бѣлаго свертка, и въ это самое мгновеніе незнакомецъ съ проклятіемъ замахнулся на него другою рукой и ударилъ его по лицу.

Все было тихо въ Букингамской улицѣ. Уже за полночь виднѣлся еще свѣтъ въ окнахъ комнаты въ которой мистеръ Берриджеръ сидѣлъ одинъ за своею работой. Нѣсколько провинціаловъ, возвращавшихся въ свои нумера изъ театра, поссорились съ извощикомъ. Немного позднѣе какой-то льяный портной нашумѣлъ на концѣ Странда. Подобныя этому вещи случаются каждую ночь. Дежурный полисменъ не имѣлъ сообщить ничего особеннаго изъ этой части своего округа. Лондонъ вступилъ на слѣдующій день въ свою обычную дѣятельность. Газеты отличались замѣчательною скукой, пока около сумерокъ, подобно внезапно вспыхнувшему пламени, не пробѣжала по городу вѣсть что какой-то джентльменъ былъ убитъ у себя дома въ Букингамской улицѣ. Это было совершенно справедливо. Онъ лежалъ тамъ гдѣ упалъ, съ болѣе нежели до половины разбитымъ черепомъ, мертвый и совершенно похолодѣвшій! Имя его было Берриджеръ!

Мистеръ Блиссетъ только-что собирался занять мѣсто на поѣздѣ возвращавшемся въ замокъ Гильтонъ, какъ мальчики продававшіе газеты, предлагая второе изданіе *Globe and Standard*, начали громко провозглашать городскія новости. Онъ немедленно телеграфировалъ къ графу чтобъ его не ждали прежде завтрашняго дня, и подозвавъ кэбъ поѣхалъ въ Букингамскую улицу, гдѣ нашелъ мистера Исаака. Одно несчастіе всегда влечетъ за собой другое. Нахлынувшая толпа сбила съ ногъ одного бѣднаго мальчика, а телѣжка съ кладью съ желѣзной дороги переѣхала ему по ногѣ, переломивъ ее такимъ опаснымъ образомъ что ее принуждены были отнять въ тотъ же вечеръ, въ Черингъ-Кросской больницѣ.

— Бѣдный малый — бѣдный, бѣдный малый! говорилъ мистеръ Блиссетъ, когда ему сообщили главныя обстоятельства убійства Берриджера. — Мы были коротко знакомы съ нимъ прежде, когда я еще не былъ настолько занятъ, и не далѣе какъ вчера я сдѣлалъ ему маленькій подарокъ въ память былыхъ временъ.

— Онъ размѣнялъ у меня вчера вашъ пятидесяти-фунто-

вый векселъ, вскорѣ послѣ того какъ вы ушли, возразилъ мистеръ Исаакъ.

— Неужели эти деньги соблазнили кого-нибудь на уб....на.... были поводомъ къ этому ужасному преступленію.

— Богъ знаетъ! Не угодно ли вамъ пойти наверхъ, взглянуть на *него*?

— Нѣтъ, нѣтъ, вздрогнувъ отвѣчалъ Блиссетъ.—Я не перенесу этого вида. Это должно-быть ужасно, бѣдный малый!

— Извините меня, мистеръ Блиссетъ, сказалъ какой-то человѣкъ, стоявшій около. — Не могу ли я вамъ сказать слова два? Я служащій, которому поручено слѣдствіе по этому дѣлу.

— Говорите пожалуйста.

— Такъ какъ вы знавали джентльмена этого, то не можете ли вы указать мнѣ на кого-либо кто бы могъ питать къ нему какую-либо вражду?

— Право, этого сдѣлать я не въ состояніи, возразилъ Блиссетъ, подумавъ съ минуту. — Это былъ такой тихій, безвредный человѣкъ, порядкомъ таки ловкій въ своемъ дѣлѣ, какъ я слышалъ. Нѣтъ, я ни на кого не могу имѣть подозрѣнія. А вы не напали еще ни на какой слѣдъ?

— Нѣтъ, сударь. Случай этотъ удивительный право. Врачъ говоритъ что онъ былъ уже мертвъ по крайней мѣрѣ за двѣнадцать часовъ до того какъ его нашли.

— Кто нашелъ его? Товарищъ его?

— Нѣтъ, сударь. Товарищъ его пришелъ въ контору лишь около двухъ часовъ. Покойному предстояли разныя дѣла въ Сити, помѣченныя въ книгѣ, и потому никто и не хватился его пока....

— Хорошо, хорошо, продолжайте.

— Пока одинъ человѣкъ, за которымъ онъ посылалъ въ провинцію, не отправился въ его комнату и, замѣтивъ струю крови вытекавшую изъ-подъ двери, не поднялъ тревогу.

— А человѣкъ этотъ, гдѣ онъ?

— Онъ опять уѣхалъ домой, въ деревню, сударь.

— Но его непремѣнно слѣдовало бы допросить.... онъ....

— О, насчетъ его не безпокойтесь, возразилъ полицейскій.— Мы его хорошо знаемъ. Онъ служилъ когда-то въ полиціи, въ одномъ участкѣ со мною. Онъ былъ назначенъ надзирателемъ въ тюрьмѣ ссыльныхъ каторжниковъ, въ Бермудѣ, а теперь онъ вышелъ въ отставку, получаетъ пенсіонъ и поселился на житье въ своей родной сторонѣ. Онъ занимался не-

множко фотографіей бывало, а теперь устроилъ себѣ фотографическое заведеніе.

— Извѣстно ли что̀ нужно ему было отъ мистера Берриджера здѣсь въ Лондонѣ?

— Это вовсе не тайна, возразилъ сыщикъ, немного задѣтый за живое подозрѣніемъ питаемымъ повидимому Блиссетомъ противъ его бывшаго товарища. — Мистеръ Берриджеръ писалъ ему о нѣкоемъ Ятсѣ, бѣгломъ каторжникѣ, спрашивая помнитъ ли онъ его еще и проч. Помнитъ ли онъ, его продолжалъ полицейскій,—я думаю, что да: Недъ Бернеби не такой человѣкъ чтобы забыть знакомое лицо, а Ятса онъ имѣетъ причину хорошо помнить. Его отлучили на шесть мѣсяцевъ отъ должности, онъ чуть было не лишился мѣста изъза побѣга его. Такому джентльмену какъ вы, мистеръ Блиссетъ, это можно сказать, прибавилъ этотъ человѣкъ, дотрогиваясь до своей шляпы,—но будьте такъ добры, не разглашайте объ этомъ дальше.

— Хорошо, будьте покойны. На меня вы можете положиться. Какъ вы полагаете, окажется надобность во мнѣ при слѣдствіи?

— Нѣтъ, сударь, я полагаю что нѣтъ. Я право не вижу чѣмъ вы можете помочь намъ.

— Бѣдный малый! повторилъ Блиссетъ.—Я приглашалъ его вчера отобѣдать и провести вечеръ со мной. Согласись онъ на это предложеніе, мы бы повеселились вмѣстѣ въ театрѣ, а вмѣсто того.... Но что̀ толку говорить о томъ что̀ могло бы быть. Если окажется надобность во мнѣ, то я буду въ Гильтонскомъ замкѣ. Не забудьте телеграфировать мнѣ, если окажется что я могу быть чѣмъ-либо полезенъ тутъ.

Полицейскій сыщикъ обѣщалъ сдѣлать это, и Абель Блиссетъ оставилъ его.

Онъ воротился въ Гильтонъ-Кастль, и въ качествѣ человѣка побывавшаго на мѣстѣ преступленія, сдѣлался тамъ авторитетомъ касательно таинственнаго убійства, бывшаго въ устахъ всѣхъ. Но онъ сдержалъ свое обѣщаніе сыщику и не упоминалъ ни о бѣгломъ каторжникѣ Ятсѣ, ни о человѣкѣ прибывшемъ изъ деревни, по имени Бернеби. Ничего касательно ихъ не было упомянуто и при слѣдствіи. Свидѣтельство врача, гласившее что покойный былъ уже мертвъ за двѣнадцать часовъ предъ тѣмъ какъ его нашли, вполнѣ оправдывало Бернаби, а всѣ подозрѣнія противъ Ятса канули въ

воду, какъ скоро допросъ доказалъ что онъ вовсе и не существовалъ.

Сначала подозрѣніе пало было на мистера Исаакса, но къ счастію для него онъ провелъ этотъ вечеръ съ гостями и могъ дать отчетъ въ каждомъ часѣ протекшемъ до его появленія въ конторѣ. Нѣтъ, это не былъ мистеръ Исаакъ. Это былъ вѣроятно кто-нибудь видѣвшій какъ покойный мѣнялъ вексель данный ему мистеромъ Блиссетомъ и умертвившій его изъ-за денегъ. Билеты не были сданы банкиру мистера Берриджера и ихъ не нашли нигдѣ. Желѣзный ящикъ содержавшій письма и важныя бумаги былъ сломанъ, внутренность его оказалась въ безпорядкѣ. Никто не слыхалъ ни крика о помощи, ни признака какой-либо борьбы. Судя по положенію въ которомъ было найдено тѣло, казалось что ударъ поразилъ покойнаго въ ту минуту какъ онъ отворялъ дверь, слѣдовательно убійца долженъ былъ войти въ комнату вполнѣ приготовленный, съ твердымъ рѣшеніемъ убить его. Врачъ полагалъ что смертельный ударъ былъ нанесенъ какимъ-либо острымъ и тяжелымъ орудіемъ въ родѣ топора, а судя по направленію раны, нанесенъ онъ былъ вѣроятно сзади, человѣкомъ бывшимъ выше ростомъ своей жертвы, или же въ то мгновеніе когда жертва его наклонилась.

Судъ рѣшилъ что произошло „убійство“ совершенное неизвѣстнымъ лицомъ или нѣсколькими лицами; и хотя утреннія газеты постоянно возвѣщали что полиція „напала на слѣдъ“ и что сыщики получили свѣдѣнія, „которыя, по важнымъ причинамъ, нельзя было еще пока обнародовать“, тайна тѣмъ не менѣе оставалась тайной, и по всей вѣроятности ей суждено было оставаться таковой и впредь.

— Я говорилъ вамъ что если ваша адская штука эта, какъ вы ее тамъ называете, и притягиваетъ что-нибудь, то ужь навѣрно несчастіе, а не что другое, замѣтилъ лордъ Гильтонъ.

— Скажите, ради Бога, милордъ, какъ могъ я предполагать, горячо вступился Блиссетъ.

— Любезный другъ, никто и не предполагаетъ ничего подобнаго, прервалъ его графъ.—Почемъ вы знаете что его убили именно изъ-за этихъ пятидесяти фунтовъ? У маленькаго плута, вѣрно, было немало денегъ и кромѣ этого. Не будьте до такой степени впечатлительны. Хорошо что вы

получили назадъ драгоцѣнный талисманъ вашъ прежде нежели что-либо случилось, не то вы пожалуй стали бы мучить себя мыслью что подумаютъ что вы изъ-за него проломили ему голову.

Блиссетъ поблѣднѣлъ какъ смерть и задрожалъ такъ какъ будто холодное дуновеніе вѣтра прошло по всѣмъ членамъ его.

— Ну полно, полно, поговоримъ о чемъ-нибудь болѣе пріятномъ, сказалъ графъ, мѣшая угли въ каминѣ.—Что дѣло отозвавшее васъ въ городъ оказалось благопріятнымъ?

— Вполнѣ. Я видѣлся съ перувіанскимъ министромъ и все уладилъ съ нимъ въ какія-нибудь десять минутъ. Заемъ будетъ сдѣланъ немедленно по окончаніи праздниковъ.

— Какъ, неужели тотъ самый заемъ что такъ долго не подвигался ни взадъ, ни впередъ?

— Тотъ самый. Ваши простаки изъ Сити никакъ не могутъ или не хотятъ сообразить что ихъ понятія о такъ-называемыхъ „дѣлахъ“ и понятія испанскаго Американца такъ же различны какъ климатъ Лондона и климатъ Лимы. Вашъ дѣлецъ изъ Сити слишкомъ гордъ или слишкомъ занятъ для того чтобы справляться какъ должно съ этими лѣнивыми республиканцами. Онъ приходитъ въ нетерпѣніе отъ всякой задержки, и слышитъ „нѣтъ“ тамъ гдѣ слѣдуетъ понимать „да“. Его опытность въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ должна бы научить его, продолжалъ Блиссетъ цинически улыбаясь,— какъ часто берутся въ разчетъ доводы не касающіеся вовсе общественной пользы, и что всякая сдѣлка идетъ скорѣе, если ее подсластить немножко, кажется такъ обыкновенно выражаются? И все-таки, имѣя дѣло съ чужеземцами, погрязшими въ интригахъ, они непремѣнно придерживаются сухаго, положительнаго дѣлопроизводства.

— Ну, я надѣюсь, вы получите кое-что хорошее за ваши услуги?

— Я думаю выручить при этомъ тысячъ десять или двѣнадцать, небрежно отвѣчалъ Блиссетъ.—Но это для меня дѣло второстепенное. Дель-Валлесъ славный малый; онъ былъ очень внимателенъ ко мнѣ на своей родинѣ, и я радъ что могу чѣмъ-нибудь отплатить ему за это.

— Я думаю что вы добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ, Блиссетъ, воскликнулъ восторженно другъ его.

— Надѣюсь, вы не сочтете меня въ то же время самона-

дѣяннѣйшимъ изъ смертныхъ, улыбаясь отвѣчалъ Блиссетъ,—если я попрошу у васъ одной милости?

— Вы знаете, *я* не въ силахъ управлять министрами и добывать въ десять минутъ десять тысячъ, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ подхватилъ перъ,—но все что̀ *я могу* сдѣлать....

— Когда я былъ мальчикомъ, мы имѣли обыкновеніе дѣлать другъ другу подарки къ Рождеству, въ этомъ все мое извиненіе. Основанная на ономъ просьба состоитъ въ томъ чтобы вы согласились принять бездѣлицу привезенную мною съ собой, и позволили бы мнѣ предложить мои подарки дочерямъ вашимъ.

— Вы удивительнѣйшій изъ людей, Блиссетъ, воскликнулъ лордъ Гильтонъ.—Взглянувъ на лицо ваше подумаешь что вы намѣреваетесь просить меня уступить мой замокъ подъ станцію или пригласить меня въ ваши секунданты при дуэли! Приму ли я подарки ваши? Разумѣется приму, чортъ возьми! Мнѣ бы слѣдовало самому догадаться, приготовить что-нибудь моимъ дѣвочкамъ, но я всегда вспоминаю о подобныхъ вещахъ тогда когда уже поздно.

Подарокъ графу состоялъ изъ шкатулки для сигаръ въ видѣ китайской пагоды, такого необыкновеннаго устройства что стоило пожать одну луговку наверху ея, и всѣ двери и окна растворялись настежъ, открывая взорамъ расположенныя внутри рядами сигары и ссаживая вамъ кожу на пальцахъ, если вы поступали неосторожно при этой операціи. Леди Мери получила въ подарокъ великолѣпное изданіе Теннисона, иллюстрированное Доре, а леди Эмилія—медальйонъ изъ кристалла.

— Вамъ угодно было любоваться этою вещью, сказалъ Блиссетъ, дотрогиваясь до шара висѣвшаго у часовъ его,—но такъ какъ, разумѣется, я не могъ предположить что вы станете носить что-либо совершенно подобное этому, то я велѣлъ сдѣлать нѣчто, какъ говоритъ бѣдная Офелія, „съ небольшою разницей“.

— Разница состояла въ томъ что это былъ дѣйствительно медальйонъ, носившій на одной сторонѣ своей ея монограмму изъ изумрудовъ.

Было нѣчто болѣе обыкновеннаго смиренное въ звукѣ его голоса въ то время какъ онъ передавалъ ей этотъ подарокъ. Онъ передалъ ей его въ присутствіи ея отца и ея сестры. Это былъ лишь любезный и своевременный знакъ приз-

нательности его за гостепріимство ихъ, и однако, рука Милли дрожала принимая его, и она съ трудомъ сдерживала душившія ея слезы.

Позвольте мнѣ оправдать ее, прежде нежели вы составите какое-либо ложное заключеніе. Она не любила Абеля Блиссета. Она никогда не могла полюбить его. Она находилась подъ вліяніемъ исходящей отъ него притягательной силы. Я говорю какъ будто онъ былъ дѣйствительно тѣмъ чѣмъ она назвала его разъ—зміемъ, и сила эта становилась могущественнѣе и неопредолимѣе съ каждымъ днемъ. Что дѣлалъ онъ съ нею? какимъ колдовствомъ, какими чарами, какими заклинаніями и какою волшебною силой удалось ему искоренить въ сердцѣ этой невинной молодой англійской дѣвушки нерасположеніе—я чуть-было не сказалъ ненависть къ себѣ, склонивъ его на что-то что можно было почти принять за любовь? Этого я не могу объяснить. Тѣ которые вѣрятъ въ могущество твердой воли способны быть-можетъ скорѣе объяснить это. Я могу лишь сказать что *это было такъ*, предоставляя рѣшать *почему* это такъ было болѣе глубокимъ умамъ. Хорошенькая Милли была не единственной личностью очарованною имъ.

— Удивительный человѣкъ, милордъ епископъ, или дорогой сэръ-Джорджъ, или ваша свѣтлость, (какъ приходится), говорилъ графъ своимъ почетнымъ гостямъ, въ вечеръ своего большаго бала. — Обладаетъ удивительною способностью соображенія и въ то же время простодушіемъ ребенка. Отправляется въ городъ часа на два и улаживаетъ тамъ очень важный заёмъ, надъ которымъ наши Ротшильды и Беринги возились цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Устраиваетъ съ полдюжины запутаннѣйшихъ дѣлъ, изъ которыхъ каждое сбило бы съ толку канцлера банка, и при всѣхъ этихъ хлопотахъ, не забываетъ привезти намъ всѣмъ подарки къ Рождеству. Выбираетъ ихъ съ тактомъ, достойнымъ женщины, право! Пожалуста позвольте вамъ представить его. Личность о которой такъ трубятъ заранѣе разочаровываетъ насъ обыкновенно при личномъ знакомствѣ. Но только не Абель Блиссетъ. Онъ говорилъ о воспитаніи съ епископомъ, объ охотѣ съ сэръ-Джорджомъ, о политикѣ съ герцогомъ; выказалъ себя знатокомъ въ архидеяхъ, въ разговорѣ съ супругой епископа; сочувствовалъ негодованію противъ проступковъ прислуги, выражаемому подругой жизни баронета; танцовалъ и

любезничалъ съ дочерьми его свѣтлости. Все это дѣлалось съ полнымъ самообладаніемъ и съ отсутствіемъ всякой натяжки, доказывавшими что въ продолженіи своей жизни онъ привыкъ къ вещамъ подобнаго рода. Лордъ Гильтонъ чрезвычайно гордился своимъ гостемъ. Даже Мери начинала чувствовать къ нему расположеніе. Онъ оказывалъ ей такую помощь въ домѣ полномъ гостей, тогда какъ папа былъ такъ безпеченъ. Нужно ли было устроить прогулку верхомъ, пріискать четвертаго (къ тремъ глупцамъ) въ партію виста, Абель Блиссетъ всегда былъ готовъ, отбросивъ всякое себялюбіе, принять участіе во всѣхъ распоряженіяхъ или пополнить собственною особой пробѣлъ, дѣлая все это не съ видомъ „ручной kotiki", какъ бы говоря:—„смотрите какой я умный малый! Что бы вы стали дѣлать безъ меня?" но съ тѣмъ рѣдкимъ тактомъ который заставляетъ думать другихъ что мы не дѣлаемъ одолженія, а сами пользуемся имъ. Лордъ Гильтонъ очень гордился своимъ гостемъ, особенно же когда услыхалъ что герцогъ пригласилъ его въ Гринлендсъ.

Балъ данный наканунѣ Рождества въ Гильтонъ-Кастлѣ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Какое пріобрѣтеніе для графства! Какой вкусъ! Что за добродушіе при этомъ! Что за прелестныя дочки! слышалось изъ устъ всѣхъ гостей. Тѣ которые не были приглашены тоже наши что сказать. Они полагали что новый графъ могъ бы подождать пока могила его родственника поростетъ, по крайней мѣрѣ, травой. Они отъ души желали чтобы торговцы поставившіе всѣ эти великолѣпныя украшенія и проч. и проч. получили бы свои денежки, и такъ далѣе.

Желѣзнозаводчики, бумагопрядильщики и пивовары, скупающіе въ наши дни старинныя фамильныя помѣстья, смотрѣли сначала на новаго графа свысока, считая его такимъ же бѣднякомъ какъ и его предшественникъ, и открыли свою ошибку (не бывшую собственно говоря ошибкой) слишкомъ поздно. Они тоже получили бы, разумѣется, приглашеніе, говорили они, еслибы сочли нужнымъ оставить свои карточки въ замкѣ; но они не сочли этого нужнымъ, и имъ-таки порядкомъ досталось отъ ихъ женъ и дочерей за это упущеніе, когда стали разсылать приглашенія.

Снѣгъ уже растаялъ и на сирени появились почки, когда печальныя вѣсти о леди Плесморъ дошли до Мери Эйльвардъ.

Лондонъ становился снова многолюденъ и дѣятеленъ, и мистеръ Блиссетъ погрузился въ дѣятельность среди его. Несмотря на это, всякій разъ какъ графъ ѣздилъ въ городъ, для того чтобы занять свое мѣсто въ бюро Водопроводнаго и Агрикультурнаго Экуадорскаго Общества (онъ былъ убѣжденъ что въ его отсутствіе ничего не могло быть сдѣлано тамъ), онъ всякій разъ почти привозилъ съ собой оттуда, на субботу, директора, заправлявшаго дѣлами компаніи; а директоръ этотъ былъ въ настоящее время важнымъ лицомъ. Его искусное устройство перувіанскаго займа доставило ему сношенія съ людьми повыше и помогущественнѣе всѣхъ тѣхъ съ которыми онъ до сихъ поръ имѣлъ дѣло. Все было теперь въ рукахъ его. Въ немъ записывали въ Вестъ-Эндѣ; въ Сити онъ былъ оракуломъ; кто могъ сравниться тамъ съ Абелемъ Блиссетомъ? Поговаривали даже что будто бы его посылали въ Парижъ, съ цѣлью дать (тайный) совѣтъ императору касательно мексиканскихъ дѣлъ.

Достовѣрно было то что онъ ѣздилъ во Францію, а по возвращеніи оттуда имѣлъ длинный разговоръ съ графомъ Гильтономъ, а затѣмъ частное свиданіе съ Милли, результатъ котораго былъ сообщенъ свѣту обычнымъ слогомъ въ *Morning Post*.

— Никто, говорилъ восторженный графъ друзьямъ своимъ,— никто не могъ бы поступить болѣе честнымъ образомъ. Я давно уже видѣлъ что онъ нравится моей маленькой дѣвочкѣ. Стараго практика, подобнаго мнѣ, не скоро проведешь; нѣтъ, нѣтъ; но онъ все не говорилъ ни слова до тѣхъ поръ пока не выпросилъ моего согласія. Будь онъ герцогъ, милостивый государь, я не могъ бы болѣе гордиться имъ какъ зятемъ. Много ли онъ старше леди Эмиліи? О, вовсе не такъ много, десятью или пятнадцатью годами, и это именно такой человѣкъ съ которымъ она должна быть счастлива. Человѣкъ солидный, съ твердыми правилами, и въ то же время чрезвычайно любезный; увѣряю васъ, щедрый даже до крайности. Я знаю многихъ людей изъ собственнаго круга, продолжалъ лордъ Гильтонъ, значительно кивая головой, — которые не сумѣли бы выказать себя настолько щедрыми какъ Абель Блиссетъ.

Важная новость эта была сообщена Констанціи, въ письмѣ отъ Мери, вмѣстѣ съ присылкой разныхъ фотографій, среди которыхъ находилось и изображеніе Милли съ ея женихомъ.

„Портретъ милой Милли чрезвычайно удался, писала она. Но объ Абелѣ нельзя сказать того же. Смотрите какой у него сердитый видъ! Я полагаю это оттого что его принудили сниматься. Милли насильно заставила его, хотя онъ часто отказывался отъ этого. Онъ позволилъ сдѣлать только три снимка и разбилъ стекло, но мнѣ удалось украсть одну карточку. Милая Милли такъ похожа на ней. Отчего это нѣкоторые не любятъ снимать съ себя портреты? Я такъ считаю это довольно забавнымъ. Милая Милли, кажется, спокойно счастлива. Свадьба будетъ въ маѣ, и мы сейчасъ же послѣ нея переѣдемъ въ городъ.“

Констанція получила это письмо, находясь у своей больной пріятельницы. Она проводила теперь почти всѣ утра и вечера въ виллѣ, возвращаясь въ лансіонъ лишь на время уроковъ. Крѣпкое звѣно любви и сочувствія привязывало ее къ бѣдной женщинѣ, находившейся въ такомъ безпомощномъ состояніи.

— Вы получили пріятныя вѣсти, милая? спросила ее Гарріета, леди Плесморъ.

— Совершенно нежданныя вѣсти! Сестра друга моего Мери, леди Милли Эйльвардъ, выходитъ замужъ за человѣка котораго я всегда терпѣть не могла.

— Она еще очень молода?

— Она постарше меня годомъ или около того.

— И хороша собой?

— Судите сами, милая, и Констанція положила предъ изувѣченной и разбитой леди Плесморъ фотографическое изображеніе Милли и человѣка съ которымъ она должна была обвѣнчаться въ маѣ.

ГЛАВА III.

Совѣсть.

Нѣтъ надобности говорить читателю *кто* убилъ Роберта Берриджера. Высокій человѣкъ проходившій по Трафальгаръ-Скверу, со свертkомъ въ рукѣ, рѣшился на это дѣло съ той минуты какъ увидалъ письмо къ своей женѣ въ бумажникѣ жертвы, и лишь тогда увидѣлъ что трудъ его конченъ вполнѣ, когда нашелъ строки нацарапанныя кое-какъ дѣвушкой по имени Мартой, въ желѣзномъ ящикѣ о которомъ мы уже слышали, строки въ которыхъ она жалова-

лась на неисполненіе сдѣланныхъ ей обѣщаній и напоминала объ услугахъ которымъ они должны были служить наградой. Онъ былъ въ своемъ клубѣ, съѣлъ обычный легкій но тонкій обѣдъ, прослушалъ въ театрѣ до конца славную старую комедію, воротился домой и сдѣлалъ видъ что легъ спать, твердо рѣшившись удалить съ пути своего двухъ особъ, какъ будто бы это были два дерева мѣшавшія его зрѣнію или два возвышенія служившія препятствіемъ на его дорогѣ. Его жена выдала Берриджера. Подозрѣніе противъ него вполнѣ подтвердилось бумагами найденными въ желѣзномъ ящикѣ и появленіемъ на слѣдующій день того надсмотрщика изъ Бермуды который могъ узнать въ лицо бѣглаго каторжника Ятса; подозрѣніе же противъ жены было уничтожено разглагольствованіями толстой дѣвицы, великолѣпная брошка и пряжка изъ чистаго золота которой позеленѣли и которая убѣдилась что положеніе ея въ Лондонѣ, въ должности единственной служанки въ домѣ, не походило на ложе изъ розъ, обѣщанное ей коварнымъ Бобомъ. Абель Блиссетъ былъ радъ что ему не пришлось пролить еще лишней крови для сохраненія своей безопасности, и любопытный софизмъ, часто изобрѣтаемый людьми по совершеніи дѣла, съ цѣлью извинить свои безумія или свои преступленія, снялъ съ его совѣсти значительную долю упрека въ совершенномъ имъ поступкѣ, на томъ основаніи что случайность не допустила его сдѣлать всего что онъ намѣревался. Менѣе разчетливый человѣкъ принялъ бы при совершеніи своего замысла болѣе (видимыхъ) предосторожностей. Хитрость обыкновенныхъ преступниковъ служитъ лучшимъ указаніемъ сыщику. Чѣмъ смѣлѣе преступленіе, тѣмъ менѣе, повидимому, бываетъ данныхъ на уличеніе въ немъ преступника. Послѣдуй Блиссетъ примѣру Пальмера или Сметгерста, полиція въ скоромъ времени напала бы на слѣдъ его. Еслибы вздумалось кому-нибудь написать разсужденіе объ убійствѣ съ точки зрѣнія изящнаго искусства, то должно было бы сказать что въ наше время наиболѣе успѣха имѣетъ смѣлая и размашистая школа.

Въ числѣ разныхъ воспоминаній путешествія сохраненныхъ Абелемъ Блиссетомъ, находился *machette*, подобный ножу мечъ или подобный мечу ножъ, острый и тяжелый, орудіе общепринятое въ Южной Америкѣ. Оно служитъ

тамъ косой, серпомъ, топоромъ, заступомъ, всѣмъ что̀ вамъ угодно. Съ *machette* въ рукѣ Перувіанецъ или Колумбіанецъ разчищаетъ себѣ садъ, строитъ себѣ домъ, жнетъ свой хлѣбъ, готовитъ себѣ обѣдъ, свершаетъ свои революціи и производитъ всѣ ежедневныя работы. Приготовивъ въ умѣ своемъ *alibi* въ случаѣ какого-либо непредвидѣннаго препятствія, Абель Блиссетъ отправился въ путь, держа въ рукѣ свой *machette*, завернутый въ бумагу на подобіе свертка нотъ, и постучался въ Берриджерову дверь, намѣреваясь сказать ему въ случаѣ надобности, измѣненнымъ голосомъ, что онъ принесъ телеграмму. Въ обманѣ этомъ не оказалось нужды. Берриджеръ ждалъ къ себѣ гостя знакомаго съ расположеніемъ дома, и въ ту минуту какъ отперевъ наружную дверь, онъ повернулся назадъ, возвращаясь въ свою комнату, роковой ударъ поразилъ его, прежде нежели онъ успѣлъ испустить крикъ. Убійцѣ было достаточно времени для того чтобъ осмотрѣть все вокругъ, разломать крѣпко запертые ящики и разсмотрѣть всѣ бумаги, для того чтобы разузнать все самому, также какъ и для того чтобы заставить думать другихъ что поводомъ къ убійству служила кража, и, какъ мы видѣли, онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Не осталось ни одного письма, ни одной замѣтки могущей подтвердить подозрѣнія покойчаго насчетъ Абеля Блиссета.

Онъ поразилъ на смерть Берриджера безъ малѣйшаго ужаса или упрека. Онъ разбиралъ все въ комнатахъ его, между тѣмъ какъ страшный *предметъ* этотъ все время лежалъ въ сѣняхъ, безъ малѣйшаго ощущенія ужаса или упрека. Онъ перешагнулъ черезъ него, выходя изъ дома, какъ перешагнулъ бы черезъ какую-нибудь лужу, стараясь не запачкать въ ней своей одежды, не чувствуя притомъ ни трепета, ни сожалѣнія. *Это было необходимо.* Игрокъ въ шахматы столько же заботится о свалившейся со стола шашкѣ, сколько Абель Блиссетъ заботился объ этой кучѣ окровавленнаго платья и мяса, загораживавшей собою двери. Хуже всего было для него когда слѣдующій день сталъ подходить къ концу, а новость не бывшая для него новостью все еще не доходила до общаго свѣдѣнія.

Онъ такъ хорошо сыгралъ свою роль что когда вѣсть эта разнеслась наконецъ, то его присутствія не потребовали даже при слѣдствіи. Джентльменъ, подобный мистеру Блиссету, только-что подарившій покойному пятьдесятъ фунтовъ, приг-

лашавшій его обѣдать, разставшійся съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, что̀ могъ онъ имѣть общаго съ мошенникомъ совершившимъ это дерзкое и жестокое убійство? Все шло какъ нельзя лучше. Берриджеръ былъ присужденъ къ молчанію вплоть до страшнаго суда, а переписка его съ бывшимъ смотрителемъ въ Бермудѣ доказала что послѣдній и не подозрѣвалъ вовсе что Ятсъ былъ живъ еще. Пройди еще день, и онъ убѣдился бы въ этомъ, но теперь онъ воротился домой и принялся за обычныя занятія свои въ полномъ невѣдѣніи причины заставившей убитаго послать за нимъ. Берриджеръ былъ, какъ всегда, скрытенъ въ этомъ дѣлѣ. Вскорѣ пришли вѣсти что судьба принудила молчать и Гарріету, леди Плессморъ. Во всю остальную жизнь, долженствовавшую, по мнѣнію ея супруга, продолжаться весьма недолго, міръ ея должна была составлять комната въ которой она лежала безнадежной калѣкой. Мы знаемъ что значило его „прямодушіе“ въ отношеніи къ ней. Мы знаемъ какого рода была его любовь къ бѣдной Милли Эйльвардъ, а человѣкъ не отступающій отъ убійства, по всей вѣроятности, не страшится и двоеженства, особенно когда оно кажется такъ безопаснымъ.

Сирень въ Кастль-Гильтонѣ опередила лондонскихъ родственниковъ своихъ въ саду Клементсъ-Инна, но и послѣдніе начали уже распускаться, когда повѣса нашъ вдругъ получилъ кратчайшее посланіе когда-либо писанное ему Констанціей: „Пріѣзжай ко мнѣ сейчасъ же, писала она. Я не больна, милый Джекъ. Если любишь меня, то пріѣзжай!“

„Она навѣрное напала на слѣдъ своего отца“, думалъ Джекъ, укладывая нѣкоторыя необходимыя вещи въ свой чемоданъ, и затѣмъ онъ отправился въ путь, *via* Ньюгавенъ.

„Отыщи отца моего!“ часто звучало въ ушахъ его, но гдѣ и какъ? Нельзя было избрать для подобной цѣли худшаго дѣятеля нежели Джекъ. Ему, прямодушному и откровенному до крайности, и не приходили вовсе въ голову способы и уловки посредствомъ которыхъ можно было бы найти заблудшаго Джорджа Конвея. У него былъ пріятель въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, обѣщавшій ему навести справки у консуловъ тѣхъ мѣстностей въ которыхъ часто появляются любители яхтъ, и затѣмъ Джекъ сталъ отдыхать на лаврахъ, выжидая что̀ будетъ. Ванъ-Вейнъ обидѣлся вслѣдствіе исторіи съ Альджернономъ Вреемъ, а довѣряться Бекбису не

стоило. Ему надобно было бы объяснить почему онъ желаетъ отыскать Джорджа Конвея, и тогда онъ навѣрное высказалъ бы какое-нибудь злое замѣчаніе насчетъ женщинъ вообще, а насчетъ Констанціи въ особенности. Скажи онъ это и находись въ эту минуту подъ-рукой чернилица, Джекъ зналъ заранѣе что послѣдняя полетѣла бы въ голову милаго стараго Бека, и вышелъ бы лишній шумъ. Бекъ былъ не такой человѣкъ которому можно было бы повѣрить подобныя вещи. Кромѣ того у Джека была своя повѣренная. Въ былыя времена влюбленные, говорятъ, повѣряли свои радости и горести холмамъ, рощамъ и быстрымъ рѣкамъ, что̀ не могло доставлять имъ большаго утѣшенія. У Джека оставалась старая союзница его, мистрисъ Клеръ, и съ ней-то говорилъ онъ о Констэнціи, которую, безъ сомнѣнія, страстно любилъ, какъ подобаетъ всякому влюбленному. Бекъвисъ былъ очень радъ, видя что другъ его такъ усидчиво работаетъ, несмотря на всѣ глупости совершенныя имъ въ вакаціонное время. Онъ не дѣлалъ ему никакихъ вопросовъ, и потому и не получалъ отъ него никакихъ лживыхъ отвѣтовъ. Самъ онъ былъ слишкомъ занятъ для того чтобы примѣчать съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Джекъ въ извѣстные дни стука почталіона въ дверь, или что̀ писалъ онъ въ другіе дни. Джекъ писалъ теперь не менѣе Бекъвиса, хотя врядъ ли съ такою же цѣлью. Его занятія въ *Цензорѣ* составляли центръ его литературной дѣятельности, отъ котораго исходили подобно лучамъ журнальныя статейки, обзоры и періодически издаваемый романъ. Джекъ дѣлалъ быстрые успѣхи, и почемъ могъ Бекъвисъ знать что на заглавіи лежавшей предъ нимъ бумаги стояло: „Мистеръ Гладстонъ въ Ленкашейрѣ“, или же „Моя дорогая, маленькая Конъ?“ Такъ какъ короткое посланіе маленькой Конъ прибыло въ субботу утромъ, а Джекъ имѣлъ обыкновеніе отправляться на воскресенья въ Соутертонъ, то отъѣздъ его не произвелъ никакого впечатлѣнія въ Клементсъ-Иннѣ. Лишь когда онъ воротился въ слѣдующій понедѣльникъ домой, съ усталымъ и встревоженнымъ видомъ, и немедленно отправился снова въ путь, лишь тогда Бекъвисъ подумалъ съ удивленіемъ—что̀ бы это значило?

Въ качествѣ объявленнаго жениха леди Эмиліи Эйльвардъ мистеръ Блиссетъ проводилъ бо́льшую часть своего времени въ Кастль-Гильтонѣ. Май былъ уже на дворѣ. Адвокаты были заняты составленіемъ пергаментныхъ бумагъ, а модистки бо-

лѣе изящными приготовленіями къ свадьбѣ. Торговцы ставившіе разныя украшенія и пр. къ рождественскому балу были вполнѣ удовлетворены, благодаря мистеру Блиссету, и готовили новыя чудеса къ бракосочетанію. Я говорю, благодаря мистеру Блиссету, ибо въ занятыхъ двадцати пяти тысячахъ фунтовъ былъ сдѣланъ порядочный пробѣлъ, и такъ какъ мистрисъ Игльтонъ казалась бодра попрежнему, то графъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи своего будущаго зятя. Не было человѣка великодушнѣе Абеля Блиссета. Онъ положительно считалъ личнымъ одолженіемъ для себя, если лорду Гильтону угодно было взять у него векселъ въ пять, десять, если нужно въ двадцать тысячъ фунтовъ. Дѣла мистера Блиссета продолжали идти отлично до того ужаснаго утра въ которое Джекъ Гилль неожиданно появился въ замкѣ. Погода стала опять хороша, и фотографы изъ Варвика спѣшили кончить коллекцію видовъ, о которой Мери Эйльвардъ писала Констанціи. Бѣдный мальчикъ которому отняли ногу въ Черингъ-Кросской больницѣ въ тотъ день какъ открылись убійство въ Букингамъ-Стритѣ расхаживалъ уже на костыляхъ и начиналъ поправляться. Погода была какъ на заказъ для приведенія въ исполненіе „молодаго сна любви“. Экуадорская Водопроводная и Агрикультурная Компанія процвѣтала. Перувіанскій заемъ былъ пущенъ въ ходъ, и акціи его поднялись на 17 процентовъ. Магнаты Сити возсѣдали въ кабинетахъ своихъ банковъ, желая чтобы мистеръ Блиссетъ поспѣшилъ отпраздновать свою свадьбу и снова принялся бы за дѣло, и однако дѣла этого джентльмена шли уже не попрежнему хорошо.

Для того чтобы все снова пошло попрежнему, онъ долженъ былъ доказать что свидѣтельство данное подъ присягой нѣкоей Гарріетъ леди Плесморъ и скрѣпленное британскимъ консуломъ въ Діеппѣ было ложное, принять предложеніе мистера Гилля и отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ этотъ городъ на очную ставку съ своею обвинительницей. Онъ долженъ былъ опровергнуть показаніе что онъ не кто-иной какъ сэръ-Аугустусъ де-Баркгемъ Плесморъ, *иначе* Ятсъ, бѣглый каторжникъ; что онъ тысячью фунтами въ годъ подкупилъ свидѣтельницу жительствующую въ Діеппѣ выдавать себя за вдову его, и долженъ былъ доказать что онъ имѣетъ право сдѣлаться законнымъ мужемъ леди Эмиліи Эйльвардъ. А онъ ничего этого не могъ сдѣлать! Обвиненіе противъ него было, кажется, довольно

тяжело, но онъ не могъ воздержаться чтобы не вздохнуть свободнѣе, когда оно состоялось. Онъ опасался еще худшаго. Дѣятельный умъ его сейчасъ же сообразилъ все его настоящее положеніе и извлекъ изъ него всю возможную выгоду.

О томъ какъ лордъ Гильтонъ накинулся сначала на Джека, не вѣря ни слову изъ того что̀ тотъ говорилъ противъ его задушевнаго друга, какъ онъ накинулся затѣмъ на своего задушевнаго друга, когда маска упала съ послѣдняго и онъ стоялъ предъ нимъ обличеннымъ преступникомъ, покусившимся на двоеженство, объ этомъ лучше не будемъ говорить. Самодовольный человѣкъ внезапно открывшій что надъ нимъ насмѣялись, гордый человѣкъ открывшій что ему приходится претерпѣть горькое униженіе, человѣкъ живущій на широкую ногу встрѣчающій лицомъ къ лицу разореніе, безъ малѣйшаго о томъ предупрежденія, нѣжный отецъ видящій что сердце его любимой дочери разбито, какъ онъ полагалъ, по его винѣ,—безъ сомнѣнія достойны извиненія, каждый отдѣльно и всѣ вмѣстѣ, если въ первую минуту изумленія, негодованія или горя, они не находятъ словъ для выраженія своего гнѣва, а Бертрамъ графъ Гильтонъ соединялъ въ себѣ всѣ эти личности, и кромѣ того былъ человѣкъ раздраженный и разслабленный болѣзнію. Холодный, жестокій Абель Блиссетъ имѣлъ надъ нимъ огромное преимущество, а они были одни.

— Нѣтъ, милордъ, сказалъ Блиссетъ, когда перъ кончилъ свою рѣчь тѣмъ же чѣмъ и началъ—угрозой въ немедленномъ уличеніи,—вы не сдѣлаете ничего подобнаго, вопервыхъ, ради вашей дочери, а вовторыхъ, ради васъ самихъ.

Въ головѣ графа смутно мелькнула мысль что ради Милли слѣдовало бы затушить эту исторію, но слова „ради васъ самихъ“ снова заставили его привскочить съ мѣста, несмотря на все изнеможеніе.

— Вы намекаете на деньги занятыя мною у васъ! Клянусь Богомъ, милостивый государь, я продамъ Гильтонъ! Я продамъ послѣднюю одежду съ своихъ плечъ, скорѣе нежели останусь вашимъ должникомъ. Я....

— Вы ошибаетесь. Я говорю вовсе не о деньгахъ занятыхъ вами *у меня*, возразилъ Блиссетъ сильно напрягая на слово *меня*.

— Какъ смѣете вы говорить теперь о дѣлахъ моихъ!

— Какъ я смѣю? отвѣчалъ Блиссетъ,—на что̀ не осмѣлит-

ся человѣкъ въ моемъ положеніи? Покончимъ это дѣло. Я долженъ явственно и настоятельно увѣрить васъ, клянусь словомъ негодяя, какимъ вы меня назвали сейчасъ разъ десять, что въ тотъ же часъ въ который вы уличите меня предъ судомъ, какъ бѣглаго каторжника Ятса, я признаюсь во всемъ и дамъ показаніе подъ присягой что вы все время знали кто я; что мы вдвоемъ состряпали обманъ посредствомъ котораго вы получили тѣ двадцать пять тысячъ, и что рука вашей дочери должна была служить мнѣ наградой за то что я согласился на эту фальшивую сдѣлку.

Графъ упалъ въ свое кресло, совершенно уничтоженный громадностью этой наглой подлости; Блиссетъ видѣлъ выигранное имъ преимущество и продолжалъ:

— Что! воскликнулъ онъ съ злобною усмѣшкой,—вы вѣрно думали что, затѣявъ игру, подобную этой, я не предохранилъ себя противъ подобной неудачи? Кто помогъ шпіону вашему Берриджеру отыскать леди Плесморъ? Я! Кто убѣдилъ васъ въ томъ что Плесморъ умеръ? Я! Кто проводилъ вдову за границу и взялъ у васъ карету для того чтобы довезти ее до станціи? Я же! Зачѣмъ взялъ я вашу карету? Затѣмъ чтобы запутать васъ въ это дѣло. Чѣмъ заплатилъ я ея пенсію за первую четверть года? Тѣми самыми бумажками которыми вы отдали мнѣ тѣ двѣ тысячи фунтовъ. Ихъ легко можно будетъ отыскать. Уничтожте всѣ улики которыя появятся изъ всего этого противъ васъ, если можете сдѣлать это. Лордъ Гильтонъ, объясните перамъ вашимъ какимъ образомъ вы—исключительный, гордый Бертрамъ Эйльвардъ, избрали себѣ въ повѣренные темнаго купеческаго клерка. Объясните почему вы напечатали то объявленіе, не спросясь совѣта вашего адвоката. Когда я былъ вашимъ секретаремъ, милордъ, я укралъ—видите я не щажу себя—копію объявленія, написанную вашею рукой и найденную мною среди бумагъ вашихъ. Если меня арестуютъ, то найдутъ ее теперь среди моихъ бумагъ. Клянусь вамъ всѣмъ добромъ и всѣмъ зломъ живущимъ въ мірѣ, меня тогда ничто не остановитъ. Я объявлю что все это дѣло, объявленіе и все прочее, было сдѣлкой между нами.

Графъ могъ лишь сдѣлать слабое движеніе по направленію къ звонку и прошептать „Джекъ, Джекъ!“

— Я сообщилъ вамъ лишь половину того что намѣренъ сдѣлать, продолжалъ Блиссетъ, болѣе спокойнымъ тономъ,—сего-

дня утромъ у насъ былъ небольшой споръ съ вашею дочерью, вслѣдствіе того что я разорвалъ одну фотографическую карточку (вы теперь поймете, надѣюсь, почему я не желалъ чтобы мое изображеніе разсылалось по всему свѣту). Изъ этого спора мы сдѣлаемъ, если вамъ угодно, важную, непримиримую ссору. Припишите всю вину мнѣ одному. Молодая дѣвица скажетъ, или за нее скажутъ другіе, что она измѣнила свое мнѣніе на мой счетъ,—все будетъ слѣдствіемъ ея рѣшенія, а я оставлю Европу прежде конца этой недѣли. Отверженный, послѣ всего что̀ было между нами, прелестной леди Эмиліей Эйльвардъ, развѣ могу я оставаться въ странѣ украшаемой ея присутствіемъ? заключилъ онъ съ злобною усмѣшкой.

— Позовите мистера Гилля, я слишкомъ пораженъ; позовите мистера Гилля, снова прошепталъ лордъ Гильтонъ.

— Вздоръ! Рѣшайте дѣло сейчасъ же, грубо отвѣчалъ бывшій другъ его. — Дѣло кажется довольно ясно. Нечего объ немъ много думать. Рѣшайтесь сѣсть со мной рядомъ на скамьѣ подсудимыхъ по обвиненію въ низкомъ мошенничествѣ, или же соглашайтесь принять легкія условія, предлагаемыя мною? Ну, даю вамъ, если вамъ угодно, десять минутъ чтобъ обдумать все,—и Блиссетъ, держа въ рукахъ часы, подошелъ къ окну съ злобно-торжествующей улыбкой на губахъ.

Между тѣмъ какъ испуганный и ошеломленный вельможа, какъ бы весь сжавшись, притаился въ своемъ креслѣ, напрасно стараясь думать, пораженный такою безмѣрною наглостью, злобно торжествующая улыбка исчезла съ лица негодяя. Часы съ кристальнымъ шаромъ у цѣпочки выпали изъ рукъ его, и онъ отскочилъ назадъ въ глубину комнаты, какъ бы увидавъ направленное на него снизу дуло ружья.

— Вы предали меня, проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ, дрожа всѣми членами отъ сдержаннаго волненія. — Что̀ дѣлаетъ тотъ человѣкъ, вонъ тамъ на лужайкѣ?

Лордъ Гильтонъ приподнялъ голову и выглянулъ изъ окна.

— Это товарищъ варвикскаго фотографа, работающаго у меня, отвѣчалъ онъ.

— А тотъ, другой, другой-то? Клянусь Богомъ, они говорятъ что-то другъ другу; они смотрятъ сюда! закричалъ Блиссетъ, поблѣднѣвъ какъ смерть.—Кто онъ такой?

— Помощникъ его вѣроятно. Не мѣшайте мнѣ собраться съ мыслями, милостивый государь, строго сказалъ графъ; — какое вамъ дѣло теперь до того что̀ происходитъ здѣсь?

— Какое мнѣ дѣло! Боже мой, дѣло идетъ о жизни и смерти! Гилль одинъ пріѣхалъ сюда?

— Одинъ.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Вполнѣ увѣренъ.

— Лордъ Гильтонъ, сказалъ Блиссетъ тономъ похожимъ на прежній его тонъ. — Какого бы рода ни было ваше рѣшеніе, вы позволите мнѣ остаться въ замкѣ до ночи?

— Нѣтъ, милостивый государь, отвѣчалъ графъ,—вы не будете заражать его своимъ присутствіемъ ни часомъ долѣе. Мое рѣшеніе сдѣлано. Ради моей дочери, я не стану преслѣдовать васъ. Угрозами вашими я пренебрегаю и не страшусь ихъ. Кто повѣритъ вашимъ обвиненіямъ противъ меня? Вамъ, мошеннику, негодяю, ложалуй что убійцѣ, кто васъ знаетъ (послѣднее слово было пущено наугадъ, но попало въ цѣль). Въ вашемъ распоряженіи будетъ карета, которая немедленно отвезетъ васъ на станцію желѣзной дороги; — и лордъ Гильтонъ протянулъ руку къ звонку.

— Дайте мнѣ хоть часъ времени на укладку чемодановъ, у меня такъ много вещей здѣсь, лишь одинъ часъ, милордъ! воскликнулъ Блиссетъ, удерживая его и тревожно поглядывая притомъ въ окно, изъ котораго видны были два человѣка разговаривающіе между собой на лугу, — и не говорите объ этомъ никому, ни даже мистеру Гиллю, пока я не уѣду. Пощадите меня, сколько возможно, ради стараго знакомства. Я былъ виноватъ, угрожая вамъ; униженно прошу у васъ прощенія за это. Я самъ не зналъ что говорилъ, я.... я былъ въ отчаяніи. Пощадите меня насколько можно. Подумайте обо всемъ что я выстрадалъ, о томъ какъ тяжело вдругъ лишиться положенія, котораго я съ такимъ трудомъ добился наконецъ. Потерпите еще лишь часъ, милордъ, и не говорите ничего мистеру Гиллю; скажите лишь что я буду къ его услугамъ къ четвергу. Сдѣлайте мнѣ эту милость, лордъ Гильтонъ, и вамъ никогда не придется раскаяться въ ней. Вы не знаете какую услугу могу я еще оказать вамъ, несмотря на то что буду отверженцемъ отовсюду, разъ покинувъ домъ вашъ.

Такъ говорилъ человѣкъ лишь нѣсколько минутъ тому назадъ гордо навязывавшій свои условія, и единственною причиной измѣнившей обращеніе его былъ видъ смиреннаго фотографа, да человѣка въ мѣховой шапкѣ, разговаривавшихъ между собой на лужайкѣ. Но фотографъ этотъ былъ бывшій

надсмотрщикъ изъ Бермуды, а человѣкъ въ мѣховой шапкѣ—сыщикъ которому поручено было дѣло объ убійствѣ въ Букингамъ-Стритѣ.

— Не говорите мнѣ объ услугахъ, милостивый государь, сказалъ лордъ Гильтонъ. — Съ этой минуты все между нами кончено. Деньги которыя я вамъ состою долженъ будутъ выплачены банкирамъ вашимъ завтра же, въ крайнемъ случаѣ, послѣзавтра. Я даю вамъ желаемую вами отсрочку. Какъ скоро вы будете готовы, велите лодавать карету. Вы оставите домъ мой такимъ же образомъ какимъ вы и вступили въ него. Замѣтьте! ради моей дочери, рука моя не будетъ преслѣдовать васъ, но если вы избѣгнете достойнаго наказанія за преступленія ваши, то я буду думать что Провидѣніе, слѣдящее за нами повсюду, не существуетъ болѣе. Ступайте!

Выходя изъ комнаты, Блиссетъ еще разъ взглянулъ на лужайку. Люди эти все еще стояли тамъ, погруженные въ разговоръ. Проходя черезъ сѣни, онъ взялъ свою шляпу и вмѣсто того чтобы пойти вверхъ по лѣстницѣ, въ свою комнату, поворотилъ въ корридоръ, имѣвшій сообщеніе съ коннымъ дворомъ. Тамъ онъ нашелъ мистера Джайльса, главнаго конюха.

— Будьте такъ добры, велите осѣдлать мнѣ лошадь сейчасъ же, мистеръ Джайльсъ, сказалъ онъ,—мнѣ сейчасъ только пришло на умъ что я забылъ дать отвѣтъ на одно очень важное письмо и я долженъ ѣхать въ Ковентри и телеграфировать оттуда.

— Нельзя ли будетъ послать человѣка съ этимъ порученіемъ на станцію, сэръ, возразилъ Джайльсъ;—дорога очень плоха.

— Благодарю васъ. Нѣтъ, я долженъ буду дождаться отвѣта и затѣмъ опять телеграфировать. Это очень досадно, но погода хороша; и вотъ что, Джайльсъ, я думаю лучше будетъ взять Чародѣя. — Чародѣй была самая быстрая лошадь въ конюшнѣ.

— Не говорите никому что я уѣхалъ, Джайльсъ, говорилъ Блиссетъ, садясь на лошадь; — такъ глупо забывать нужныя дѣла. Я возвращусь еще прежде перваго звонка къ обѣду.

Будьте покойны, сэръ, отвѣчалъ конюхъ, кивнувъ ему головой, и Абель Блиссетъ поскакалъ по направленію къ станціи; но доѣхавъ до воротъ парка, онъ быстро повернулъ въ противоположную сторону и погналъ Чародѣя по дорогѣ ведущей на западъ.

Фотографъ изъ Варвика и человѣкъ въ мѣховой шапкѣ спокойно вернулись въ гостиницу, въ которой они остановились. Полицейскій получилъ отпускъ и пріѣхалъ въ деревню навѣстить своего стараго товарища—вотъ и все. Имя Блиссета, или Ятса или Плессмора не было ни разу произнесено ими въ теченіи этого дня. Они говорили, стоя на лугу, лишь о снятыхъ отсюда видахъ. То что бѣглецъ принялъ за указывающую на него руку, было лишь простое движеніе показывавшее на предметы включенные въ картину. Фотографъ привелъ сюда своего гостя чтобы показать ему замокъ, и такъ какъ работы его въ немъ были кончены, то они отправились назадъ въ Варвикъ, и толки слугъ о мистерѣ Блиссетѣ и о Чародѣѣ не дошли до ихъ слуха. Но когда по Лондону разнеслась вѣсть о таинственномъ исчезновеніи извѣстнаго капиталиста, и явился блѣдный мальчикъ съ одною ногой, разказывая какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ предложилъ одному высокому джентльмену въ Трафальгаръ-Скверѣ донести его бумажный свертокъ и какъ онъ получилъ отъ него ударъ, въ отвѣтъ на предлагаемую имъ услугу, какъ онъ сталъ слѣдить за нимъ и видѣлъ куда онъ пошелъ; какъ онъ дожидался его и видѣлъ что онъ сдѣлалъ; какъ онъ поднялъ потомъ свертокъ, смоченный уже тогда кровью, и слышалъ какъ то что онъ содержалъ въ себѣ съ шумомъ брякнуло въ воду, въ то время какъ высокій джентльменъ бросилъ предметъ этотъ за Ватерлосскій мостъ, и какъ онъ все шелъ вслѣдъ за этимъ джентльменомъ до самой квартиры его въ Ст.-Джемсъ-Стритѣ; когда мальчикъ этотъ явился и разказалъ всю эту исторію, только-что выйдя самъ изъ больницы и услыхавъ обо всемъ случившемся, только тогда человѣкъ въ мѣховой шапкѣ узналъ кого онъ выпустилъ изъ рукъ.

О, совѣсть! Ты лучшій сыщикъ въ мірѣ! Еслибъ Абель Блиссетъ не увидалъ тѣхъ людей на лужайкѣ? Гнѣвныя слова! Вы, словно зубъ дракона. Что еслибъ онъ далъ тому голодному Лондонскому бедуину шесть пенсовъ вмѣсто проклятія и удара!

ГЛАВА IX

Мистрисъ Игльтонъ сдается.

Джекъ былъ не виноватъ что графу пришлось раздѣлываться наединѣ съ Абелемъ Блиссетомъ. Онъ самъ пожелалъ этого, а повѣса нашъ отправился къ Мери, чтобы сообщить ей эту новость и посовѣтоваться какимъ образомъ передать ее сестрѣ ея. Разказать исторію эту было не трудно. Леди Плесморъ увидала портретъ Милли и жениха ея и сейчасъ же узнала въ послѣднемъ своего мужа. Слѣдствіемъ этого было посланіе Констанціи и поѣздка Джека въ Діеппъ и въ Гильтонъ-Кастль.

— Но, ахъ Джекъ! сказала Мери, когда все стало ей извѣстно,—не правда ли какъ ужасно что его выдала такимъ образомъ собственная жена его?

— Жена его женщина хорошая, Мери. Она не имѣла желанія мстить ему, хотя онъ подло поступилъ съ ней. Единственнымъ желаніемъ ея было спасти бѣдную Милли, и ради ея слѣдуетъ затушить эту скандальную исторію.

— Но какимъ образомъ достичь этого, разъ дѣло дошло до консула?

— Насчетъ консула не безпокойтесь. Онъ только засвидѣтельствовалъ ея подпись, для того чтобы мошенникъ этотъ не провелъ насъ опять какъ-нибудь. По моему пусть лучше онъ думаетъ что его лишь опять возвратятъ въ прежнее ничтожество. Пусть онъ потихоньку откажется отъ Милли, и мы его отпустимъ на этотъ разъ.

— О, Джекъ, что какъ папа раздражится, если....

— Если онъ посмѣетъ сказать грубое слово отцу вашему, то я сверну ему шею, такъ что и палачу дѣлать больше ничего не останется. Нѣтъ, нѣтъ; онъ ужъ теперь вѣрно давно валяется у него въ ногахъ, моля о пощадѣ. Люди подобнаго рода сейчасъ же сдаются, какъ скоро ихъ схватятъ хорошенько за воротъ.

Въ то самое время какъ Джекъ произносилъ эти слова, Абель Блиссетъ диктовалъ свои условія пораженному и уничтоженному графу.

Не годилось, разумѣется, говорить пока что-либо Милли, не

посовѣтовавшись предварительно съ отцомъ ея; но когда прошелъ цѣлый часъ, а лордъ Гильтонъ все еще не подавалъ никакого знака, то Джекъ сталъ безпокоиться и спросилъ Мери не пойти ли ему внизъ и не узнать ли что̀ тамъ дѣлается.

Въ тревожномъ состояніи дважды два не всегда составляетъ четыре. Когда вы встревожены сами, но не желаете признаться въ этомъ, то тревога другихъ гораздо болѣе нежели вдвое усиливаетъ вашу собственную. Не успѣлъ Джекъ выговорить своего предложенія, какъ ужь Мери схватила его за руку, говоря: „О, милый Джекъ, пожалуста подите туда; какой вы добрый, право; о, пожалуста подите узнайте“.

Джекъ пошелъ внизъ и постучался въ дверь кабинета; не получивъ оттуда отвѣта, онъ отворилъ ее. Сначала ему показалось что графъ заснулъ въ своемъ креслѣ, и онъ хотѣлъ было уйти, удивляясь куда дѣвался мистеръ Блиссетъ; но слѣдующій затѣмъ взглядъ убѣдилъ его что въ выраженіи рта и глазъ спящаго было что-то странное. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе, онъ уже дернулъ за звонокъ и, не дожидаясь отвѣта, бросился со всѣхъ ногъ въ конюшню, требуя лошадь. Мистеръ Джайльсъ изумился. Вотъ уже второй джентльменъ требуетъ себѣ немедленно лошадь, но слова „господинъ вашъ боленъ“ остановили всѣ разспросы его. Черезъ нѣсколько минутъ весь домъ уже зналъ что графу сдѣлалось дурно; а когда докторъ прискакалъ на Джековой лошади, взглянулъ на странное выраженіе въ лицѣ больнаго и произнесъ страшное слово: *параличъ*, то глаза многихъ наполнились слезами, потому что графъ былъ для всѣхъ нихъ добрымъ хозяиномъ. Теперь имъ было не до того чтобы думать что̀ сталось съ мистеромъ Блиссетомъ и съ Чародѣемъ.

— Вы не обидитесь, надѣюсь, докторъ, сказалъ Джекъ послѣднему, возвратясь назадъ,—но я телеграфировалъ доктору Т.,—вашъ товарищъ сказалъ мнѣ что это будетъ лучше всего и....

— Вы сдѣлали очень хорошо. Я самъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлать то же самое немного погодя, отвѣчалъ тотъ.—Всякій изъ насъ врядъ ли можетъ принести ему большую пользу въ настоящую минуту, но не слѣдуетъ пренебрегать никакой возможною помощью.

Въ продолженіе многихъ тоскливо тягостныхъ дней казалось что всякая помощь будетъ напрасна или еще хуже того — невозможна. Нечего и говорить какъ вела себя во время этого

испытанія Мери, но тѣмъ которые составили себѣ не особенно высокое мнѣніе о хорошенькой Милли надо сказать что испытаніе это открыло совершенно новую сторону ея характера. Я говорилъ уже вамъ что она не любила Абеля Блиссета и не могла никогда полюбить его. Когда Мери писала что она „спокойно счастлива“, то ошибалась. Она лишь спокойно покорилась какой-то постепенно овладѣвшей ею въ продолженіи долгаго времени силѣ, которой, наконецъ, она уступила какъ чему-то противиться чему было внѣ ея власти, такъ же невольно какъ бы уступила она старости или какой-нибудь коварной болѣзни, подкосившей незамѣтно для нея самой жизнь ея. Но разъ зарокъ былъ снятъ съ нея, весь блескъ ослѣплявшій ея взоры, исчезъ, подобно блеску вечерней зари, но только вслѣдъ затѣмъ не ночная тьма, а денной свѣтъ насталъ для Милли Эйльвардъ. Часто, часто бросалась она на колѣни, благодаря Бога за свое избавленіе. Часто удивлялась она какъ это она дала вовлечь себя въ такую гибель. Плохо пришлось бы мистеру Блиссету, еслибы лишь одна Милли стояла между нимъ и висѣлицей. Она наслѣдовала впечатлительную натуру Бертрама Эйльварда, и въ ея восторгѣ, когда она узнала что за преступникомъ пустились въ погоню, было что-то ужасное. Напрасно было бы говорить ей что вспышки эти были не женственны; она, стиснувъ зубы, указывала на постель отца своего, жалѣя что она не мущина и что она не можетъ пуститься вслѣдъ за негодяемъ и нагнать его—не какъ убійцу Роберта Берриджера, но какъ человѣка поразившаго отца ея,—дорогаго, любящаго отца ея.

Первымъ внятнымъ звукомъ сорвавшимся съ его бѣдныхъ дрожащихъ губъ было ея имя, и затѣмъ, чувствуя ея нѣжную влажную отъ слезъ щеку прислоненной къ его лицу, и ея ласковыя руки обвитыми вокругъ его шеи, онъ впалъ въ безмятежный сонъ, приведшій докторовъ въ восторгъ. Проснувшись, онъ оглянулся вокругъ, ища еще другаго лица и прошепталъ: „Джекъ! Гдѣ Джекъ? Я не вижу его. Дайте мнѣ его руку“.

Бѣдная преданная Мери стояла тутъ же, съ сердцемъ готовымъ разорваться, выжидая отъ него съ своей стороны какого-нибудь проявленія любви, котораго она такъ и не дождалась, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ. Вѣсть о болѣзни лорда Гильтона немедленно привела въ замокъ нежданную гостью,—собственной особой явилась эксцентричная мистрисъ Игльтонъ.

— Нельзя и предполагать, говорила старая леди,—чтобы

отъ Бертрамовыхъ дѣвочекъ можно было ожидать какой-либо помощи. Это просто двѣ лондонскія нарядныя куклы, даю голову на отсѣченье, настолько же годныя въ комнатѣ больнаго, какъ какой-нибудь епископъ! Охъ, Боже мой! Боже мой! и онѣ-то останутся у меня на рукахъ, если онъ умретъ! Пойду сама ходить за нимъ. И она отправилась. Она ахала и бранилась при видѣ пышнаго убранства дома; объявила ливрейнымъ лакеямъ что они не что̀ иное какъ лiявки, высасывающія деньги долженствовавшія идтѝ въ карманъ истинно трудящихся людей; и ни за что̀ не соглашалась присѣсть на кресла обитыя янтарнымъ атласомъ съ вышитымъ на немъ гербомъ Гильтоновъ, составлявшія убранство гостиной.

— Принесите мнѣ деревянный стулъ изъ кухни, на которомъ не стыдно было бы сидѣть честной старухѣ, говорила она.— Что-нибудь, за что̀ заплачено деньгами.

Но мистрисъ Игльтонъ страшнѣе лаялась, нежели кусалась; и дѣйствительно слѣдовало кому-нибудь присмотрѣть за этимъ черезъ-чуръ роскошнымъ хозяйствомъ, теперь когда на рукахъ у Мери было другое дѣло; было также ясно что необходимо было сдѣлать нѣкоторыя сокращенія расходовъ. Чемпіонъ, разумѣется, явился тоже, и послѣ получасоваго разговора со старою леди, обѣ эти практичныя головы много кое-чего уладили между собой.

Странно покажется что неблагопріятное мнѣніе мистрисъ Игльтонъ о дочеряхъ ея родственника скоро измѣнилось; сначала въ отношеніи къ Милли, вспылившей не на шутку, вслѣдствіе ея замѣчаній насчетъ расточительности лорда Гильтона. Богатство старухи окружило ее толпой подобострастныхъ льстецовъ, которые, говоря съ ней, совершенно забывали что у нихъ есть собственная душа; и слышать противорѣчіе отъ какой-нибудь дѣвчонки, которая завтра же можетъ-быть будетъ ей обязана кускомъ хлѣба, было для нея совершенно новымъ ощущеніемъ.

— Знаете ли вы съ кѣмъ вы говорите, миссъ? закричала она послѣ одной изъ подобныхъ выходокъ.

— Я хотѣла предложить вамъ тотъ же самый вопросъ, мистрисъ Игльтонъ, гордо отвѣчала Милли;—но если вамъ угодно, я отвѣчу вамъ. Я говорю съ особой которая забылась до такой степени что говоритъ дурно съ дочерью объ отцѣ ея! Съ этими словами она вышла изъ комнаты, а старая леди въ пер-

вый разъ въ жизни получила выговоръ. Онъ принесъ ей громадную пользу.

Этимъ не ограничились получаемые ею уроки. Ей пришлось еще испытать до какой степени можетъ дойти неуваженіе къ ея богатству, и пришлось узнать это чрезъ негоднаго Джека Гилля. До ея ушей дошло что онъ называетъ ее „каргой“ — и названіе это показалось ей чрезвычайно удивительнымъ Онъ непремѣнно хотѣлъ играть съ ней, разъ вечеромъ, въ криббеджъ, „чтобы потѣшить старушонку“,—имѣлъ онъ дерзость прибавить такъ громко что она слышала это; а однажды, подъ вліяніемъ благопріятнаго отзыва докторовъ, онъ дошелъ до того что похлопалъ ее по плечу, говоря ей: „ну, тряхнемъ стариной!“ Она грозила дать ему за это пощечину, а онъ отвѣчалъ что если она это сдѣлаетъ, то онъ поцѣлуетъ ее. До чего дошелъ свѣтъ! Ее, величественную мистрисъ Игльтонъ, называютъ „каргой!“ Ей, обладающей сотнями тысячъ, говорятъ чтобъ она „раскошелилась“ четырьмя пенсами, проигранными въ криббеджъ, и „не мялась бы понапрасну!“ Ей предлагали „тряхнуть стариной“, и какой-то негодный мальчишка грозилъ поцѣловать ее! Это было для нея, безъ сомнѣнія, новымъ ощущеніемъ и принесло ей, какъ мы уже говорили, большую пользу. Сначала это привело ее въ негодованіе, потомъ ей стало казаться это довольно забавнымъ, а наконецъ стало просто нравиться; и чѣмъ болѣе она выползала подобно улиткѣ изъ раковины своей и становилась откровеннѣе съ Джекомъ, тѣмъ почтительнѣе становился онъ въ отношеніи къ ней, какъ и подобало человѣку его лѣтъ въ отношеніи къ особѣ ея возраста. Онъ далъ себѣ лишь слово какъ онъ говорилъ Милли, „выжать немножко крахмалу изъ старой кошки, которая вовсе не была злою старою кошкой; стоило только найти въ ней настоящее мѣсто въ которое можно было бы постучаться“. И мѣсто это нашлось тамъ гдѣ ему и слѣдовало быть—въ сердцѣ старой кошки, сердцѣ ожесточенномъ и недовѣрчивомъ, вслѣдствіе льстивости и подобострастія портившихъ его искателей наслѣдства.

— Итакъ, вы намѣрены жениться на этой дѣвочкѣ въ Діеппѣ? спросила она разъ Джека, писавшаго что-то въ кабинетѣ.

— Да-съ, таково мое намѣреніе, мистрисъ Игльтонъ.

— Позволите вы любопытной старухѣ спросить васъ чѣмъ намѣрены вы жить тогда?

— Какой-нибудь любопытной старухѣ не позволю, но вамъ позволю. Потомъ мозга моего!

— Гм! А сколько приноситъ вамъ?

— Въ настоящее время около пятисотъ фунтовъ въ годъ.

— У дѣвушки есть что-нибудь?

— Молодость, миловидность, крѣпкое здоровье и доброе сердце; вотъ и все.

— А состоянія нѣтъ?

— Сколько мнѣ извѣстно, никакого.

— Отецъ ея, говорятъ, человѣкъ богатый, мистеръ Джекъ.

— Ну, если онъ дастъ намъ мѣшокъ банковыхъ билетовъ, то можете быть увѣрены что я не брошу его ему въ лицо.

— Значитъ вы не изъ гордыхъ?

— О, нѣтъ, изъ гордыхъ, но не вижу гордости въ томъ чтобы вести себя по-дурацки.

— Наше семейство много обязано вамъ и миссъ Конвей.

— Это чѣмъ? спросилъ Джекъ, ширя глаза.

— Еслибы не вы, бѣдная Милли была бы принесена въ жертву.

— О, объ этомъ и толковать не стоитъ. Это бы каждый сдѣлалъ на нашемъ мѣстѣ.

Съ этими словами Джекъ придвинулъ къ себѣ бумагу и обмакнулъ перо въ чернила, желая показать что желаетъ продолжать свою работу. Но старая леди не поняла намека.

— Мнѣ кажется вы теряете время здѣсь?

— Это сущая правда, сухо возразилъ онъ, смотря на часы. Оставался всего одинъ часъ до отхода почты, а онъ еще и въ половину не кончилъ еженедѣльной статьи своей для *Цензора*. Мистрисъ Игльтонъ опять не поняла его и продолжала.

— Поэтому вы должны сказать мнѣ что могу я сдѣлать для васъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! весело отвѣчалъ онъ.— Уйдите-ка отсюда и прогуляйтесь немножно по саду, пока я не кончу своего дѣла, а тогда можете придти опять сюда и можете толковать со мной сколько вашей душѣ угодно.

Еще новое ощущеніе! Она хотѣла чтобы Джекъ попросилъ у ней доставить ему средства заняться адвокатурой или замолвить за него слово въ правительственныхъ сферахъ, а онъ говоритъ ей вдругъ что она окажетъ ему одолженіе прогулявшись по саду.

Джекъ кончилъ статью свою и затѣмъ сталъ писать своей маленькой Конъ.

„Я думалъ уѣхать отсюда, какъ скоро онъ (лордъ Гильтонъ) будетъ внѣ опасности; но онъ, кажется, привязался ко мнѣ, зоветъ меня къ себѣ по пяти, по шести разъ въ день, а иногда случается ночью, и Мери говоритъ что если я не являюсь сейчасъ же, на лицѣ его выражается безпокойство. Ему, повидимому, пріятно когда я бываю около него, хотя, ей-Богу, пользы ему отъ меня мало. Это насъ задержитъ немножко, (онъ всегда писалъ „насъ“ и „мы“), но я надѣюсь—все это уладится современемъ. Народъ этотъ въ *Цензорѣ* опять выказалъ себя безчувственнымъ камнемъ: говоритъ чтобъ я дѣлалъ все что только могу. Я желалъ бы сказать то же самое другимъ. Милый старый Бекъ написалъ великолѣпную статью въ новомъ *Guarterly*. Я пришлю ее тебѣ. Статья о *Чести* въ послѣднемъ нумерѣ *Цензора* была тоже его—тоже славная вещь, не правда ли? Только онъ немного черезъ-чуръ уже нападаетъ на женщинъ. Я не могу еще пока разсказать тебѣ что произошло между лордомъ Г. и Блиссетомъ. Съ лордомъ Г. сдѣлалось дурно среди разговора съ нимъ, прежде нежели онъ успѣлъ сказать ему что леди Плесморъ не намѣрена преслѣдовать его, и негодяй этотъ, полагая что все для него кончено, воспользовался случаемъ улизнуть. Онъ могъ воспользоваться цѣлыми шестью днями, прежде нежели открылась исторія убійства, и всѣ полагаютъ что онъ убѣжалъ за границу. Ради нашихъ друзей, я желаю чтобъ это удалось ему. Какъ скоро лорду Г. можно будетъ двинуться съ мѣста, его перевезутъ въ Лондонъ, чтобъ онъ могъ быть ближе къ моднымъ докторамъ; замокъ же отдадутъ внаймы ливовару. Кажется, старуха, о которой я говорилъ тебѣ, сдалась наконецъ; но впрочемъ я еще не знаю навѣрное. Лордъ Г. былъ кругомъ въ долгу. Подумай только, умри онъ теперь, Мери и Милли останутся безъ гроша. Старуха думала что мы съ Мери влюблены другъ въ друга и слѣдила за нами повсюду, точно кошка, пока Мери не разказала ей о тебѣ. Придетъ же кому-нибудь въ голову что я вдругъ влюбленъ въ Мери! Она (т.-е. мистрисъ Игльтонъ) по всей вѣроятности находитъ весьма любопытными людей намѣревающихся жениться съ пятью стами годоваго дохода въ карманѣ, и считаетъ что людей подобнаго рода стоитъ изучить хорошенько, ибо она постоянно пристаетъ ко мнѣ съ разспросами, какъ это мы будемъ жить на такія деньги. Безцѣнная моя, если....

Тутъ письмо это стало очень интереснымъ для дѣвицы имя которой красовалось на адресѣ его, но для моей исторіи оно врядъ ли окажется нужнымъ.

Джекъ былъ правъ, полагая что старая мистрисъ Игльтонъ сдалась наконецъ. Бертрамъ Эйльвардъ, шатавшійся по свѣ-

ту, прожившій одно состояніе за другимъ, разчитывая, по ея мнѣнію, на наслѣдство отъ нея, былъ вовсе не похожъ на бѣднаго страдальца, съ безпрестанно пробѣгающимъ по лицу его тоскливымъ выраженіемъ, безмолвно и безпомощно лежавшаго въ верхней половинѣ дома. Дочери его пріятно разочаровали ее. Кровь не вода, а болѣе всего можетъ-быть расположили съ самаго начала старушку къ родственницамъ ея старанія нѣкоторыхъ совсѣмъ безкорыстныхъ друзей ея, пытавшихся возстановить ее противъ нихъ. Преподобный Гюгъ О'Белло, ирландскій священникъ провозглашавшій „потрясающія" проповѣди въ каменной житницѣ, называемой имъ его „церковью", и разчитывавшій на порядочный кушъ въ ея завѣщаніи, удостоилъ ее (чрезъ почту) разсужденія касательно тщетности мірскихъ суетъ и обманчивости богатствъ, убѣждая ее „опоясать чресла свои" и покинуть „сѣнь невѣрныхъ", и повторяя въ заключеніе нѣкоторыя изъ ея собственныхъ осужденій, высказанныхъ когда-то ею насчетъ ея расточительнаго родственника.

Но большая разница, если мы сами бранимъ родныхъ нашихъ, или же слышимъ какъ ихъ бранятъ другіе; въ этой истинѣ убѣдился въ послѣдствіи и самъ преподобный Гюгъ.

Старая леди отправилась въ комнату лорда Гильтона вскорѣ послѣ полученія сихъ ластырскихъ увѣщаній и выпроводила оттуда всѣхъ прочихъ.

— Братецъ Бертрамъ, сказала она.—Докторъ позволилъ мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ, съ условіемъ что вы не будете пытаться отвѣчать мнѣ. Слышите вы меня, братецъ Бертрамъ? Пожмите мою руку, если слышите.

Тоскливый взглядъ снова появился на лицѣ его въ ту минуту какъ онъ взялъ ея руку въ свою, еще сохранившую жизнь и чувство.

— Хорошо. Что бы ни случилось, братецъ Бертрамъ, насчетъ вашихъ дѣвочекъ вы можете быть покойны. Понимаете вы меня? Опять-таки хорошо. Можешь взойти теперь, Мери.

На слѣдующій день доктора удивились, видя насколько состояніе больнаго измѣнилось къ лучшему. Душа его успокоилась наконецъ. Вслѣдствіе этого можно было скорѣе, нежели полагали, перевести графа въ Лондонъ въ покойной каретѣ, помѣщенной на скоромъ поѣздѣ; а Джекъ, проводивъ ми-

стрисъ Игльтонъ домой въ Челель-Гильтонъ, снова пошелъ тянуть лямку, работая безъ устали цѣлый день и проводя бо́льшую часть вечеровъ своихъ въ Паркъ-Ленѣ.

Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ ему приходилось подвергаться порядочному выпытыванію: Ванъ-Вейнъ единственно съ этою цѣлью снова подружился съ нимъ, и получилъ за свои труды столько же сколько и другіе: Между мистеромъ Блиссетомъ и леди Эмиліей произошло недоразумѣніе, и затѣмъ мистеръ Блиссетъ нехорошо обошелся съ лордомъ Гильтономъ. Онъ внезапно оставилъ замокъ, и вещи его были отосланы вслѣдъ за нимъ въ Лондонъ. „Но зачѣмъ убилъ онъ Берриджера; какая могла быть при этомъ цѣль его?“ „Цѣлью его, любезный другъ“, весьма серіозно отвѣчалъ Джекъ, „было избавиться отъ него. Развѣ вы не понимаете этого?“ Съ сыскнымъ вѣдомствомъ онъ былъ поневолѣ сообщительнѣе на этотъ счетъ, и это, столь часто обижаемое учрежденіе приняло свои мѣры. Оно не теряло надежды отыскать Блиссета, и изображенія его, снятыя съ того самаго портрета что̀ Мери посылала въ Діеппъ, были въ это время уже разосланы по полиціямъ всѣхъ приморскихъ городовъ.

Джекъ Гилль принялся снова тянуть свою лямку съ тѣмъ отраднымъ чуствомъ въ душѣ которое всякій, даже и не будучи притомъ особенно тщеславнымъ, долженъ испытывать, если ему удалось отплатить добромъ за добро оказанное ему. Ему и въ голову не приходило какія вещи высказывались о немъ при посредствѣ городской почты. „Должно-быть, писала мистрисъ Виллертонъ своей дорогой Матильдѣ, мнѣ и семейству нашему суждено быть обязаннымъ всѣми непріятностями этой личности. Я имѣю полное основаніе предполагать что онъ ввелъ этого мистера Блиссета, оказавшагося мошенникомъ и убійцей, въ домъ моего бѣднаго довѣрчиваго брата; и я увѣрена что окажется скоро что все это ужасное преступленіе, жертвой котораго чуть было не сдѣлалась бѣдная Эмилія, было условлено заранѣе между ними. Я никогда не вѣрила богатству этого человѣка. А послѣ поведенія мистера Гилля въ отношеніи моего несчастнаго Фреда—чего нельзя ожидать отъ него? Какъ вы должны мнѣ быть благодарны, дорогая моя Матильда, что я постаралась спасти ваше дитя. Послѣ всего случившагося, вы, разумѣется, должны взять ее изъ этого діеппскаго пансіона, всегда бывшаго мнѣ не по вкусу (память мистрисъ Виллертонъ, какъ и память всѣхъ особъ сло-

хватившихся насчетъ чего-либо слишкомъ поздно, была плоха). Посылаю вамъ адресъ одного *первоклассnаго* заведенія, въ которомъ ваша Констанція будетъ подъ хорошимъ надзоромъ и гдѣ ей не позволятъ ни дѣлать сомнительныхъ знакомствъ въ городѣ, ни принимать къ себѣ молодыхъ людей. Счастіе для M-me Duquesne что обстоятельства не позволяютъ вамъ уличить ее въ ея ужасномъ нерадѣніи. Я отъ всей души надѣюсь что ужаснаго человѣка этого не поймаютъ. Если же его поймаютъ и Констанціи придется быть свидѣтельницей по этому дѣлу въ судѣ, то какъ ни тяжела будетъ для меня потеря вашего общества, дорогая Матильда, но я чувствую что мнѣ невозможно будетъ принимать васъ къ себѣ въ теченіи долгаго, долгаго времени. Скандалъ будетъ слишкомъ великъ. Пожалуста, будьте осторожны и внушите Констанціи чтобъ она ни подъ какимъ видомъ не говорила никому ни слова обо всемъ случившемся. *Хорошо было бы, еслибы никто не зналъ гдѣ найти ее въ продолженіи, по крайней мѣрѣ, слѣдующихъ шести мѣсяцевъ*".

Слова эти подчеркнуты мистрисъ Виллертонъ, а не мною.

Джекъ, какъ я уже говорилъ, ничего не зналъ о приговорѣ произнесенномъ надъ нимъ правосудіемъ *en femme*, и когда онъ вдругъ пересталъ получать письма отъ маленькой Конъ, бывшей до тѣхъ поръ такою усердною корреспонденткой, и его собственныя письма къ ней стали ему возвращаться по почтѣ, то онъ не зналъ что̀ и подумать.

ГЛАВА V.

Подъ злополучною звѣздой.

Сэръ-Аугустусъ де-Баркгемъ Плессморъ, *иначе* графъ де Баркгемъ, *иначе* каторжникъ подъ № 91, *иначе* Абель Блиссетъ, погналъ Чародѣя по дорогѣ ведущей на западъ отъ Кастль-Гильтона, избѣгая большихъ городовъ и ожидая каждую минуту услыхать за собой топотъ лошадиныхъ копытъ. Было четыре часа, когда онъ пустился въ путь на Чародѣѣ, а въ девять часовъ добрый конь упалъ въ полномъ изнеможеніи въ виду огней Тьюксбюри. Онъ бросилъ сѣдло и уздѣчку въ Севернъ и, пустивъ лошадь въ то самое поле что̀ было такъ памятно коварному, лживому клятвопреступнику Кларенсу, по-

шелъ самъ пѣшкомъ въ городъ. Онъ хотѣлъ было идти еще дальше, но это оказалось лишнимъ. Вѣтвь желѣзной дороги кончалась тутъ, и никому не могло придти въ голову телеграфировать вслѣдъ за нимъ сюда. Онъ смѣло пошелъ на станцію желѣзной дороги и спросилъ можно ли ему будетъ проѣхать отсюда въ Ливерпуль.—Да, можно; но онъ долженъ будетъ пересѣсть на другой поѣздъ въ Стаффордѣ.—Придется ему долго ждать тамъ?—Нѣтъ; минутъ десять, если лондонскій поѣздъ прибудетъ во-время. И онъ покатилъ, несясь среди зеленыхъ полей, среди равнинъ, почернѣвшихъ отъ угля подъ кровомъ небесъ, пылающихъ отраженіемъ пламени изъ громадныхъ печей, и снова среди зеленыхъ полей, думая все время что̀ гласятъ о немъ въ эту минуту нити телеграфа, протянутыя по обѣимъ сторонамъ дороги, пока столбы ихъ не приняли вдругъ формы висѣлицъ, и онъ съ трепетомъ опустилъ штору своего окна и сталъ придумывать что̀ ему начать, прибывъ въ большую гавань, изъ которой завтра отправятся въ море цѣлыя дюжины судовъ. Что̀ значила эта безконечная остановка въ Стаффордѣ? Зачѣмъ была такая пропасть полицейскихъ на всѣхъ этихъ станціяхъ? Къ чему это всѣ эти люди мучили его заглядывая въ окно вагона въ которомъ онъ сидѣлъ? Остановка въ Стаффордѣ была короче обыкновеннаго. Число полицейскихъ на станціяхъ было такое же какъ и всегда. Всякому другому, да и ему въ другое время въ голову не вошло бы что на него обращаетъ кто-либо вниманіе. Преступная совѣсть, заставлявшая его бѣжать отъ не существующей опасности, представляла воображенію его на каждомъ шагу вѣрную гибель. Неужели утро никогда не займется? Неужели путешествіе это никогда не придетъ къ концу? Когда онъ бросилъ окровавленый „machette“ свой въ Темзу, блѣдная голубоватая звѣзда смотрѣла ему прямо въ глаза. Куда бы онъ ни поворачивалъ теперь взоры свои, онъ все видѣлъ надъ собой на небесахъ эту звѣзду. Даже закрывъ глаза онъ видѣлъ ее. Онъ проклялъ ночь изъ-за этой звѣзды!

Что̀ такое было въ немъ что̀ заставляло всѣхъ путешественниковъ избѣгать вагона въ которомъ онъ сидѣлъ? Часъ или два тому назадъ онъ далъ кондуктору полкроны съ тѣмъ чтобы онъ не впускалъ къ нему никого, подъ предлогомъ что ему хочется курить. Теперь ему казалось ужаснымъ быть одному съ этою холодною тихою звѣздой, сіяющею ему прямо въ глаза. Для него было большою отрадой когда купе его напол-

нилось народомъ въ Крью. „Что новаго?“ спросилъ онъ у своихъ спутниковъ.—Ничего особеннаго.—Проѣзжали они черезъ Регби?—Разумѣется.—Были тамъ какія-нибудь новости, то-есть въ вечернихъ газетахъ, хотѣлъ онъ сказать?—О, да, вотъ *Standard* и *Pall Malle Gazette* къ его услугамъ, если ему удастся разобрать ихъ при свѣтѣ фонаря. Онъ поблагодарилъ ихъ за газеты и попробовалъ читать. Объ немъ еще ничего не говорилось въ нихъ. Что-то будетъ стоять въ нихъ завтра? Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу его при мысли что въ эту самую минуту, можетъ-быть, привычные пальцы наборщика складываютъ его имя.

— Вамъ, вѣроятно, холодно; у васъ нѣтъ никакой теплой одежды съ собою? спросилъ одинъ изъ его спутниковъ. — Не хотите ли, я подѣлюсь съ вами моимъ пледомъ.

Въ учтивости этой не было ничего удивительнаго, но она произвела на бѣглеца сильное впечатлѣніе. Нашелся еще человѣкъ не чуждающійся его. Связь его съ честными людьми не была еще прервана пока. Онъ разсыпался даже черезчуръ въ благодарностяхъ, объясняя при этомъ почему онъ очутился здѣсь безъ всякихъ путевыхъ снарядовъ. Слуга его привязалъ шаль его къ чемодану, и позабылъ передать ему то и другое, когда онъ выѣзжалъ изъ Вульвергамптона. Малый этотъ становился нестерпимо глупъ. Ему придется отослать его, по возвращеніи домой. Вотъ и Ливерпуль наконецъ! Поднялась обычная суета и обычное *sauve qui peut* касательно багажа и экипажей, когда Блиссетъ (я до конца буду называть его этимъ именемъ, такъ долго носимымъ имъ) вышелъ въ Леймъ-Стритъ, этомъ Ливерпульскемъ Гей-Маркетѣ. Тутъ планъ бѣгства составленный имъ во время пути долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Онъ былъ уже болѣе не Плесморъ и не Ятсъ и не де-Баркгемъ, а синьйоръ Генрикезъ изъ Каллао, едва знавшій нѣсколько словъ по-англійски, вещи котораго по недоразумѣнію происшедшему вслѣдствіе этого обстоятельства были оставлены въ Стаффордѣ. Онѣ будутъ ему присланы завтра. Онъ выбралъ одну изъ небольшихъ гостиницъ, гдѣ ему не трудно было получить ночлегъ. Утромъ онъ намѣревался пойти и купить себѣ все что нужно, отослать это на станцію желѣзной дороги, и оправдать свою выдумку. Испанецъ за которымъ послали чтобы служить ему переводчикомъ говорилъ менѣе чистымъ кастальскимъ нарѣчіемъ, нежели донъ-Генрикезъ.

— Не угодно ли будетъ его милости отправиться на пароходѣ отходящемъ въ понедѣльникъ, въ четыре часа пополудни; или нѣтъ?

— Да, ему это будетъ угодно.

— Не нужно ли будетъ его милости проводника, могущаго познакомить его съ Ливерпулемъ?

— Нѣтъ, не нужно. Его милость нездоровъ. Онъ останется въ своей комнатѣ.

Онъ сдѣлалъ видъ что завтракаетъ въ кофейной, жадно прислушиваясь къ каждому слову присутствующихъ и ожидая услыхать каждую минуту о разрѣшеніи тайны Букингамъ-Стритскаго убійства, и о своемъ бѣгствѣ. Ужасно было видѣть какъ люди читаютъ телеграммы въ утреннихъ газетахъ, и не смѣть взять ихъ въ руки. Какая надобность была ему, едва умѣвшему спросить себѣ по-англійски постель, до англійскихъ газетъ? Для него было не малымъ облегченіемъ схватить одну изъ нихъ, когда всѣ вышли изъ комнаты и убѣдиться что въ ней ничего не было объявлено о немъ. Но что жь изъ этого? Сыщики безмолвно совершаютъ свое дѣло. Онъ пошелъ къ гавани узнать не отправляется ли какой-нибудь парусный корабль къ какому-нибудь южно-американскому порту, и не отойдетъ ли послѣдній прежде парохода о которомъ говорилъ переводчикъ.

Зачѣмъ именно къ южно-американскому порту? Зачѣмъ онъ бѣжалъ на сѣверъ въ Ливерпуль, а не на югъ въ Дувръ, откуда черезъ два часа онъ очутился бы среди сѣти желѣзныхъ дорогъ ведущихъ во всѣ концы Европы? Оттого что существуютъ на свѣтѣ международныя соглашенія. Не со всѣми государствами, это правда, но правительства съ которыми мы не имѣемъ удобныхъ соглашеній сихъ часто говорятъ бѣглецу, если только насчетъ послѣдняго прилагаются нѣкоторыя старанія, что не угодно ли ему будетъ оставить страну ихъ, и затѣмъ тихонько выпроваживаютъ его за свою границу, въ страну состоящую въ соглашеніи съ нами. Мистеръ Блиссетъ познакомился съ этою тайной на горе одному провинившемуся кассиру Экуадорской Водопроводной и Агрикультурной Компаніи. Нѣтъ. Климатъ Европы былъ не въ пользу мистеру Блиссету. Въ Южно-Американскихъ штатахъ человѣкъ попавшійся въ несовсѣмъ чистомъ дѣлѣ, или совершившій какое-нибудь одно или два убійства, не пользуется дур-

нымъ мнѣніемъ своихъ согражданъ, особенно же если жертвами его были чужеземцы. Разъ очутившись на Колумбійской почвѣ онъ могъ считать себя въ безопасности. Онъ могъ тогда насмѣяться въ лицо британскому правосудію, и какимъ мошенникомъ бы онъ ни былъ, могъ получить всѣ деньги свои до послѣдняго шиллинга, продавъ свои векселя какому-нибудь ловкому агенту. Онъ могъ отречься отъ своей націи, жить не хуже любаго принца, пріобрѣсть власть и почести, взять себѣ если угодно цѣлую дюжину женъ. „Милосердый Боже!“ почти вскрикнулъ онъ между тѣмъ какъ внезапная мысль промелькнула въ головѣ его, но гдѣ возьму я средства, чтобъ уѣхать туда!“

Гдѣ взять ихъ? Онъ занесся воображеніемъ слишкомъ далеко въ будущее. На какія средства устроитъ онъ все въ настоящее время? Онъ оставилъ Кастль-Гильтонъ, имѣя въ карманѣ столько денегъ сколько обыкновенно имѣетъ ихъ при себѣ каждый порядочный человѣкъ. Въ карманѣ у него было нѣсколько золотыхъ и пятифунтовой билетъ на всякій случай. Его книжка съ векселями обезпечивала его въ случаѣ нежданныхъ крупныхъ издержекъ. На что была ему теперь эта книжка, развѣ на то чтобы помочь сыщикамъ узнать его? Привыкнувъ въ послѣдніе мѣсяцы не отказывать себѣ ни въ чемъ, полагая что нѣтъ почти такой вещи на свѣтѣ которую нельзя бы было купить за деньги, зная что у банкировъ его лежатъ тысячи на его имя, ему до сихъ поръ не приходило еще въ голову что у него недостанетъ какихъ-нибудь пятидесяти фунтовъ, необходимыхъ для спасенія его жизни. По уплатѣ счета въ гостиницѣ, у него останется лишь фунта четыре на все бѣгство его; а одинъ переѣздъ будетъ стоить тридцать фунтовъ!

Въ тревожной тоскѣ овладѣвшей имъ, онъ почти ужь потерялъ всякую надежду. Все погибло повидимому; и съ выраженіемъ дикаго отчаянія онъ ухватился за маленькій шарикъ висѣвшій на его цѣпочкѣ. Бездѣлицы ведутъ часто къ важному исходу. Прикосновеніе это къ часамъ его указало ему на средство къ избавленію въ крайности.

— Правда, прошепталъ онъ глубоко вздохнувъ, правда что я совсѣмъ потерялъ было голову. Я прибуду туда нищимъ, но что жь изъ этого?

Онъ пошелъ далѣе, пока не дошелъ до лавки закладчика. Онъ взошелъ въ нее, и вышелъ оттуда уже безъ часовъ и безъ кольца. Онъ купилъ у уличнаго мальчишки простой шнурокъ и повѣсилъ на немъ кристальный шаръ себѣ на шею. Немного позднѣе въ этотъ же день англійскій джентльменъ въ легкомъ сѣромъ сюртукѣ купилъ себѣ недорогой чемоданъ у старьевщика, а еще немного позднѣе, Французъ въ черной одеждѣ пріобрѣлъ себѣ все необходимое для дороги у торговца готовымъ платьемъ. Около сумерекъ синьйоръ Генрикезъ возвратился въ свою гостиницу и спросилъ доставлены ли туда его вещи. Онъ былъ очень доволенъ получивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ привести себѣ кэбъ, заплатилъ по счету и уѣхалъ.

— Если я остановлюсь гдѣ-нибудь подешевле, размышлялъ онъ про себя, то у меня останется еще въ рукахъ нѣсколько шиллинговъ.

Въ это время какъ онъ закладывалъ часы, цѣпочку и кольцо, онъ могъ бы пойти въ любой банкъ въ Ливерпулѣ и сказать тамъ:—Я мистеръ Абель Блиссетъ изъ Лондона. Обстоятельства задержали меня здѣсь, противъ ожиданія, и у меня недостало наличныхъ денегъ. Нѣкоторые изъ друзей вашихъ знаютъ меня можетъ-быть въ лицо. Будьте такъ добры выплатить мнѣ сто фунтовъ по этому векселю, и онъ сейчасъ же получилъ бы эти деньги.

Въ то время какъ онъ искалъ себѣ дешевое помѣщеніе близъ гавани, онъ могъ бы лакомиться трюфелями и пить шампанское въ Адельфи, подъ своимъ прежнимъ именемъ. Онъ могъ бы поѣхать въ Лондонъ, получить чистыми деньгами все имущество свое до послѣдняго шиллинга, и сѣсть на пароходъ королевской почты, отправляющійся въ испанскія колоніи, никто бы не помѣшалъ ему сдѣлать все это. Оборванный мальчикъ съ одною ногой еще ничего не говорилъ пока.

Ни одинъ парусный корабль не отходилъ изъ гавани прежде парохода, и потому онъ рѣшилъ ѣхать на пароходѣ. Не пойти ли ему въ контору агента и не взять ли тамъ себѣ мѣсто? Нѣтъ, при подобныхъ мѣстахъ находится обыкновенно полиція. Онъ предпочиталъ сѣсть на пароходъ за минуту до отплытія его, полагая что на него не обратятъ вниманія во время общей суеты. Въ случаѣ какого-либо затрудненія, онъ могъ сослаться, въ качествѣ иностранца, на свое невѣ-

дѣніе общихъ правилъ, и заплатить деньги, тогда все сойдетъ благополучно.

Онъ перемѣнилъ свой изящный костюмъ на одежду болѣе подходящую къ его новой обстановкѣ, и почти не снималъ ужъ съ себя послѣднюю! Я никакъ не могу привыкнуть къ вашему ужасному англійскому климату, говорилъ онъ; и всѣ видѣвшіе какъ онъ постоянно дрожалъ сидя у огня жалѣли бѣднаго джентльмена и желали ему счастливаго пути за море, на его благодатную родину. Но не холодъ заставлялъ такъ дрожать его.

Дешевую и, надо прибавить, дрянную гостиницу въ которой онъ расположился содержалъ одинъ Мальтіецъ, по имени Франциско Дибарри. Она преимущественно посѣщалась чужеземными матросами и была хорошо извѣстна полиціи. Многимъ изъ постояльцевъ Дибарри приходилось мѣнять гостепріимный кровъ его на менѣе свободное помѣщеніе въ городской тюрьмѣ. Не разъ грозили Франциско лишеніемъ права содержать его заведеніе, но онъ находилъ всегда что сказать въ свое извиненіе: „Человѣкъ приходитъ и стучится ко мнѣ въ дверь, говорилъ онъ. Говоритъ мнѣ: „Пустите меня къ себѣ.“ — Я говорю ему: „Ступайте своею дорогой, я васъ не знаю.“ Онъ мнѣ отвѣчаетъ: „Вы содер„жите публичную гостиницу, если вы меня не примите, я ста„ну преслѣдовать васъ закономъ.“ Я принимаю его. Я уважаю законъ. Я долженъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. На другой день является полиція. „Вы скрываете у себя вора, убійцу, Богъ „знаетъ кого, мы будемъ васъ преслѣдовать закономъ.“ Что прикажете мнѣ дѣлать? Я говорю человѣку чтобъ онъ убирался, онъ грозитъ мнѣ преслѣдованіемъ. Я принимаю его. Полиція придирается ко мнѣ, несчастному! Да развѣ у всякаго на лбу написано все что онъ надѣлалъ дурнаго? Развѣ не принимаютъ дурныхъ людей, не зная кто они такіе, и въ большіе отели? Скажите-ка, синьйоръ Генрикезъ, вы вотъ знаете хорошо свѣтъ, не тяжело развѣ переносить все это честному человѣку?“

Синьйоръ Генрикезъ согласился что все это очень тяжело, и непреодолимое влеченіе заставило его приложить себѣ руку ко лбу.

Франциско Дибарри однако имѣлъ не малую выгоду отъ своей гостиницы. Давая притомъ матросамъ деньги подъ залогъ

будущаго жалованья ихъ и вычитая изъ онаго за это сорокъ процентовъ, да продавая имъ разные нужные предметы впятеро дороже, онъ преуспѣвалъ и могъ заплатить при случаѣ и штрафъ, если судьба влутывала его въ сѣти закона. Каждый могущій заплатить впередъ за дневное пребываніе и за ночлегъ принимался имъ съ полною готовностью, безъ всякихъ разспросовъ. Посѣтители его были, впрочемъ, болѣе многочисленны нежели пріятны для общества, и мистеру Блиссету пришлось обѣдать и завтракать въ кругу дюжины не совсѣмъ привлекательныхъ товарищей и дѣлить ложе съ италіянскимъ мичманомъ, съ голландскимъ лоцманомъ (изъ Курасао) и съ мальтійскимъ плотникомъ.

Онъ утѣшалъ себя сначала мыслію что все это будетъ продолжаться лишь четыре дня. Онъ не подумалъ хорошенько о томъ что̀ можетъ значить для него и одинъ день или, что̀ еще хуже, и одна ночь. У окна его не было занавѣсей, и эта холодная, блѣдная звѣзда сіяла ему въ лицо всякій разъ какъ онъ съ трепетомъ открывалъ безсонные глаза свои.

Рано утромъ онъ вышелъ и купилъ газеты у мальчика на улицѣ. Въ этомъ не было опасности и настало время когда, вмѣсто того чтобы бояться публичнаго открытія своего преступленія, онъ сталъ съ тоской ждать чтобы пламя вспыхнуло наконецъ. Было что-то ужасное въ мысли что какая-то незримая, безмолвная, неумолимая рука находится постоянно наготовѣ и протянута уже съ тѣмъ чтобы нежданно схватить его. Еслибъ онъ могъ *видѣть* грозившую ему опасность, она утратила бы половину своего ужаса. Ему еще пока вовсе не грозила никакая опасность.

Несмотря на все тяготившее духъ его, онъ не могъ удержаться чтобы не играть и тутъ роль джентльмена. Ему необходимо нужно было угощать своихъ товарищей и хвастаться своимъ величіемъ въ своей родной (?) странѣ; ему нужно было дать имъ почувствовать что лишь минутная игра случая принудила его попасть въ ихъ общество. Они пили его водку, провозглашали его здоровье и ненавидѣли его въ глубинѣ души, какъ люди всегда ненавидятъ выскочекъ придающихъ себѣ важный видъ. Онъ вовсе не думалъ оскорблять ихъ. Онъ полагалъ что они всѣ большіе друзья съ нимъ. Ему невыносимо было оставаться одному и онъ пилъ отврати-

тельный напитокъ, угощеніе которымъ доставляло ему ихъ общество, какъ будто бы это былъ какой-нибудь нектаръ.

Наконецъ насталъ день и часъ отплытія парохода. Онъ спокойно прошелъ черезъ перекинутый мостъ и опустился въ глубину судна, занявъ тамъ первую пустую скамейку. Большія колеса начали свое мѣрное „тетъ, тетъ, тетъ“. Корабль отплылъ. Онъ былъ спасенъ. Но нѣтъ еще. Это только снимали якорь съ цѣпей.

— Есть у васъ билетъ, сэръ? спросилъ его управляющій, взошедшій въ каюту посмотрѣть все ли въ порядкѣ.

Синьйоръ Генрикезъ махнулъ головой.

— У джентльмена въ № 6 есть билетъ? спросилъ управляющій у кассира, проходившаго мимо.

Въ книгѣ агента не было внесено билета взятаго за № 6 и кассиръ взошелъ въ каюту.

— Пожалуйте билетъ вашъ, сэръ, сказалъ онъ.

Синьйоръ Генрикезъ снова махнулъ головой.

— Куда вы желаете ѣхать? спросилъ кассиръ.

Опять движеніе головой.

— No entiende по-англійски? спросилъ кассиръ, истощая этими словами все свое знаніе испанскаго языка.

— No senor.

— Вамъ надо было взять билетъ! заоралъ кассиръ.

Онъ принадлежалъ къ числу людей полагающихъ что если говорить съ иностранцемъ какъ можно внятнѣе, то тотъ непремѣнно долженъ будетъ понять его, если онъ только не глухъ.

Синьйоръ Генрикезъ опять махнулъ головой и улыбнулся. Кассиръ видѣлъ что съ нимъ ничего не подѣлаешь. Одѣтъ онъ былъ прилично. Багажъ находился при немъ. Все могло быть въ порядкѣ. Онъ пошелъ однако и сказалъ капитану.

Капитанъ зналъ по-испански немного болѣе кассира, что̀ еще впрочемъ не много значило.

— Onde va ustead?

— Hasta Colon, senor.

— Такъ вы должны заплатить тридцать фунтовъ — treinta фунтовъ, libras esterlinas, хочу я сказать.

— Tengo la plata in mi baul, senor.

— Что̀ онъ говоритъ? спросилъ кассиръ.

— Онъ говоритъ что деньги у него въ чемоданѣ. Велите

принести сюда чемоданъ этого джентльмена. Como se llama ustead?

— Joaquin Henriquez á su disposicion.

Принесите чемоданъ мистера Генрикеза, да смотри те хорошенько, сказалъ капитанъ. — Вы должны были взять билетъ заранѣе, впрочемъ онъ.... но вѣроятно вы не знали хорошенько что это нужно. Ну вотъ и чемоданъ вашъ, поторопитесь пожалуста.

Чемоданъ былъ внесенъ въ каюту. Синьйоръ Генрикезъ отперъ его и засунулъ руку въ уголъ его какъ заботливый человѣкъ, хорошо знающій гдѣ что̀ найти. Затѣмъ онъ быстро сунулъ руку въ другой уголъ чемодана. Онъ сталъ выбрасывать изъ него всѣ вещи направо и налѣво, и когда онъ поднялъ наконецъ голову, то лицо его было блѣдно какъ смерть. „Украли, украли!“ задыхаясь произнесъ онъ, между тѣмъ какъ крупныя капли пота струились по лицу его.

— Я такъ и зналъ, сухо проговорилъ капитанъ.—Эй, бросьте-ка эти вещи въ лодку, да и его самаго вслѣдъ за ними.

— Ради Бога, не отсылайте меня назадъ, капитанъ! закричалъ Блиссетъ, забывъ въ тоскѣ своей разыгрываемую имъ роль.—Богъ свидѣтель что въ чемоданѣ этомъ у меня было тридцать фунтовъ когда я укладывалъ въ него мои вещи. Меня обокрали. Въ колоніяхъ у меня есть друзья, которые заплатятъ за меня. Я заработаю свой переѣздъ. Дайте мнѣ мѣсто на палубѣ, капитанъ, и я буду работать для васъ!

— Вотъ какъ! Минуту тому назадъ вы не говорили ло-англійски, кажется?

— Позвольте мнѣ заработать вамъ за переѣздъ мой, капитанъ! Меня обокрали. Я *долженъ* ѣхать. Я... я просрочилъ свой отпускъ. Меня ждетъ разореніе если я не поѣду теперь. Позвольте мнѣ заработать мой переѣздъ!

— Благодарю васъ, у меня довольно людей для работъ, да я и не думаю чтобъ отъ васъ могло быть много пользы, сказалъ капитанъ, смотря на его бѣлыя руки.

— Не судите обо мнѣ по наружности, умолялъ его бѣглецъ,— послѣдній матросъ вашъ не проходилъ чрезъ то чрезъ что̀ прошелъ я. Я *могу* работать. Нѣтъ ничего такого что̀ обязанъ дѣлать простой матросъ и чего бы я не былъ въ силахъ исполнить, и, послушайте меня, капитанъ, прибавилъ онъ шепотомъ, пытаясь отвести его въ сторону,—я дамъ вамъ

пятьсотъ фунтовъ прибывъ на мѣсто, если вы только возьмете меня.

— Это рѣшаетъ дѣло, сказалъ капитанъ.—Дѣло ваше нечистое. Я вижу, и я прошу васъ убраться съ моего корабля.

— Здѣсь нѣтъ лодки. Ради Бога, капитанъ!

— Будьте покойны, лодка тутъ, агентъ еще не уѣхалъ. Отправьте на берегъ этого человѣка, мистеръ Робертсъ, сказалъ капитанъ выходя изъ каюты,—а если онъ будетъ упрямиться, то позовите еще человѣка два и велите отнести его въ лодку агента. Все въ порядкѣ, мистеръ Бинглесъ? Ну такъ двинемся съ Богомъ впередъ. И пароходъ отправился въ путь.

Приказанія капитана были исполнены въ точности. Вещи непрошеннаго пассажира были свалены въ лодку и онъ самъ тоже почти что сваленъ туда, вслѣдъ за ними. Первая попытка его къ бѣгству не удалась, но претерпѣвъ неудачу, онъ ободрился духомъ. *Суда не находились подъ надзоромъ полиціи.* Онъ могъ еще свободно уѣхать. Ему удастся еще можетъ-быть получить назадъ часть денегъ украденныхъ у него въ домѣ честнаго мистера Дибарри, а въ самомъ крайнемъ случаѣ онъ могъ заработать свой путь на какомъ-нибудь парусномъ кораблѣ.

— Знаете что я могъ бы велѣть арестовать васъ за то что вы хотѣли сдѣлать? сказалъ ему агентъ, когда они приблизились къ пристани.

— Я могу доказать что деньги были у меня и я не боюсь васъ, свирѣпо отвѣчалъ Блиссетъ.—Арестуйте меня и берите послѣдствія за это на себя.

Агентъ и не думалъ о чемъ-либо подобномъ, и мистеръ Блиссетъ, также какъ и вещи его, были высажены на берегъ безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Онъ сейчасъ же отправился въ гостиницу и сказалъ честному Франциско что опоздалъ къ отходу корабля. Въ то же время онъ сообщилъ ему о постигшей его потерѣ. Мальтіецъ сначала пришелъ въ негодованіе, а затѣмъ ударился въ чувствительность. Синьйоръ подумалъ бы хорошенько прежде чѣмъ обвинять напрасно честныхъ людей. Не можетъ быть чтобы деньги были украдены въ его домѣ. Онъ призывалъ Пречистую Дѣву и всѣхъ святыхъ въ свидѣтели того что былъ оскорбляемъ безвинно.

— Это вѣрно эти негодяи лодочники обокрали васъ, если

только въ самомъ дѣлѣ.... краснорѣчивое пожатіе плечами дополнило смыслъ этого изреченія.

— Деньги были въ моемъ чемоданѣ сегодня утромъ, во время завтрака, Дибарри, возразилъ Блиссетъ,—въ этомъ я могу присягнуть. А вы помните вѣдь что вашъ землякъ плотникъ дѣлалъ видъ что.... то-есть былъ боленъ, хочу я сказать, и оставался въ постели. Онъ былъ въ комнатѣ болѣе часа одинъ съ моимъ чемоданомъ.

— Онъ честный человѣкъ. Пресвятая Дѣва знаетъ это.

— Очень хорошо. Если онъ такъ честенъ, то можетъ-быть онъ поможетъ мнѣ отыскать мои деньги. У меня было тридцать фунтовъ; если онъ мнѣ доставитъ изъ нихъ двадцать или даже пятнадцать, то я поблагодарю его и не буду спрашивать объ остальныхъ. Не то я поручу дѣло это полиціи. Дибарри клялся что совершенно безполезно будетъ толковать насчетъ этого съ почтеннымъ плотникомъ. Однако они имѣли совѣщаніе касательно дѣла этого на кораблѣ къ экипажу котораго принадлежалъ послѣдній.

— Ба! воскликнулъ плотникъ, услыхавъ о предложеніи Блиссета. — Насчетъ полиціи не безпокойтесь, дядюшка Дибарри. Человѣкъ дающій пятнадцать фунтовъ за тридцать не пойдетъ жаловаться полиціи. Будьте покойны! Кромѣ того, развѣ нашъ корабль не отходитъ завтра же на разсвѣтѣ? Сберегите-ка мнѣ эти пять фунтовъ, старый дружище, пока я не возвращусь и не тревожьтесь болѣе понапрасну обо всемъ этомъ.

Честный Франциско взялъ пять фунтовъ и воротился домой, рѣшивъ объявить Блиссету что онъ не нашелъ нигдѣ земляка своего. Въ этой выдумкѣ не оказалось однако надобности, потому что синьйоръ Генрикезъ вышелъ изъ дому. Смрадъ и шумъ таверны стали ему невыносимы. Онъ направился къ главной пристани чтобы подышать тамъ свѣжимъ вечернимъ воздухомъ и постараться собраться съ мыслями насчетъ завтрашняго дня. Проходя мимо воротъ пристани, онъ увидѣлъ нѣсколько человѣкъ прибивающихъ что-то къ стѣнѣ; но какое ему было дѣло до этого?

Пристань была совершенно пуста. Онъ сѣлъ около большаго столба и задумался. Это была первая темная, беззвѣздная ночь послѣ *той* ночи. Звѣзда его не мерцала на небѣ и ему было не страшно быть одному. Да, пока еще онъ находился въ безопасности. Если пароходы не находились подъ надзо-

ромъ полиціи, то ужь конечно надзора этого не будетъ около парусныхъ кораблей. Онъ можетъ заложить купленныя имъ вещи и зарабатывать кромѣ того свое мѣсто на кораблѣ отплывающемъ черезъ два дня. Опасность избѣгнутая имъ снова придала ему смѣлости, но прощальныя слова лорда Гильтона все звучали въ умѣ его, какъ бы предвѣщая ему гибель: „Рука моя не будетъ преслѣдовать васъ, но если вы избѣгнете достойнаго наказанія за преступленія ваши, то я буду думать что нѣтъ въ мірѣ Провидѣнія слѣдящаго за нами повсюду!“

„Пусть онъ это думаетъ, чтобъ его....“ съ проклятіемъ пробормоталъ Блиссетъ. „Я проведу еще ихъ всѣхъ, есть ли тамъ Провидѣніе, или нѣтъ Его!“

На возвратномъ пути своемъ въ гостиницу онъ опять прошелъ мимо того мѣста гдѣ люди прибивали что-то къ стѣнѣ. Что̀ заставило его взглянуть на верхъ? Я этого не знаю. Онъ взглянулъ и увидалъ только-что отпечатанную афишу съ слѣдующимъ объявленіемъ:

Убійство.—300 фунтовъ награжденія.

Тутъ же, подъ этими роковыми словами, стояло его собственное имя напечатанное крупными черными буквами, похожими на рядъ висѣлицъ.

Абель Блиссетъ.

Среди мелкой печати слѣдовавшей затѣмъ было нѣчто смутное и неясное. Въ ту минуту какъ онъ стоялъ тутъ, съ помутившеюся головой и какъ бы замерзшимъ сердцемъ, облака разошлись и звѣзды показались изъ-за нихъ, а среди нихъ и та блѣдная голубоватая звѣзда. *Она* сіяла прямо на объявленіе, и тутъ онъ увидалъ что̀ было это *нѣчто*. Это былъ его собственный портретъ, снимокъ съ того на которомъ онъ стоялъ наклонясь надъ стуломъ Эмиліи Эйльвардъ.

Ему не оставалось ничего кромѣ быстраго и немедленнаго бѣгства и онъ отвернулся и бѣжалъ.

ГЛАВА VI.

Джекъ берется за роль лисицы.

— Послушайте-ка, мистеръ Чемпіонъ, говорилъ однажды вечеромъ Джекъ Гилль адвокату, возвращаясь съ нимъ вмѣстѣ изъ дома лорда Гильтона въ Паркъ-Ленѣ.—Онъ предлагалъ мнѣ, нѣсколько времени тому назадъ, взять на себя

должность его секретаря; тогда я отказалъ ему, потому что въ то время это было для меня дѣло не совсѣмъ подходящее. Но не могу ли я теперь быть ему въ чемъ-либо полезнымъ? Я былъ бы такъ радъ сослужить ему какую-нибудь службу.

— Дорогой мой мистеръ Гилль, возразилъ Чемпіонъ, беря его подъ руку.—Такъ какъ вы другъ этого семейства, то я позволяю себѣ сказать вамъ что потребовалась бы голова гораздо болѣе чѣмъ ваша испытанная въ житейской мудрости. Мнѣ на моемъ вѣку приходилось таки разбирать порядочную путаницу въ дѣлахъ свѣтскихъ людей, но путаницы подобной дѣламъ бѣднаго лорда Гильтона я еще никогда не встрѣчалъ. Какъ вы видите, онъ совѣтовался съ каждымъ встрѣчнымъ, не довѣряя вполнѣ никому. Онъ принималъ совѣты отъ того и отъ другаго лица, и старался переработать ихъ затѣмъ въ умѣ своемъ подъ вліяніемъ еще какого-нибудь третьяго лица, не знавшаго хорошенько съ какою цѣлью были даны совѣты эти, и всѣмъ этимъ онъ окончательно запутывалъ дѣла свои. Сначала я былъ его совѣтникомъ, потомъ капитанъ Линне, потомъ снова я, потомъ этотъ несчастный плутишка Берриджеръ, потомъ мистеръ Блиссетъ и наконецъ сестра его. Слѣдствіемъ всего этого оказалась путаница, которую я розобрать не въ силахъ.

— Мнѣ кажется онъ немного побаивается васъ, сказалъ Джекъ.—Онъ почти прямо сказалъ мнѣ это недавно.

— Не слѣдуетъ никогда бояться ни своего доктора, ни своего адвоката. Имъ надо всегда говорить всю правду, а если мы не имѣемъ довѣрія къ какой-либо личности между ними, то можно легко перемѣнить эту личность на другую. Еслибы не наша старинная дружба съ нимъ, я бы давно умылъ себѣ руки относительно его и всѣхъ его дѣлъ. Вы вотъ литераторъ, мистеръ Гилль, что бы вы сказали о редакторѣ журнала который бы отослалъ произведеніе ваше какому-нибудь невѣждѣ чтобы тотъ просмотрѣлъ и поправилъ бы его, а когда оно стало уже вполовину испорчено, снова бы поручилъ вамъ сдѣлать его годнымъ для чтенія?

— Я бы сказалъ что онъ дуракъ, чѣмъ и стоитъ назвать многихъ изъ нихъ, возразилъ Джекъ.—Господи! да что говорить о томъ что бы мы сдѣлали? Я полагаю вамъ никогда самому не приходилось круто, мистеръ Чемпіонъ, а то вамъ

извѣстно было бы что люди никогда не говорятъ всю правду. Да вотъ скажу вамъ напримѣръ, Франкъ Клей, что̀ былъ со мной вмѣстѣ въ Оксфордѣ, былъ малый какого лучше найти мудрено, не способный солгать для спасенія своей жизни; но когда отецъ его, у котораго денегъ куры не клевали, пріѣхалъ съ тѣмъ чтобы заплатить долги его и спросилъ: „Сколько ты долженъ, Франкъ?“ Юноша, долгу у котораго было на двѣ тысячи и который могъ получить безо всякаго разговора вексель на нихъ, брякнулъ въ отвѣтъ: „тысячу двѣсти“—какъ настоящій оселъ. Старикъ Клей вскорѣ разорился при какой-то сдѣлкѣ въ Сити, и состояніе бѣднаго Франка пошло на уплату остатка его университетскихъ долговъ. Это всегда такъ бываетъ. Да и я самъ, находясь не такъ давно въ тискахъ, не сказалъ объ этомъ ни слова даже Полли.

— Вашей невѣстѣ?

— Нѣтъ, моей прачкѣ.

Чемпіонъ подумалъ что Джекъ смѣется надъ нимъ, но при взглядѣ на его честное лицо, убѣдился что онъ говоритъ серіозно.

— Но чтобы возвратиться къ лорду Гильтону, продолжалъ нашъ ловѣса, пройдя съ нимъ нѣсколько шаговъ.—Меня онъ не боится, онъ говоритъ со мной о всевозможныхъ вещахъ.

— О какихъ же это, напримѣръ?

— Ну, о своей молодости; и притомъ вовсе не щадитъ себя.

— Говоритъ онъ когда-нибудь о настоящемъ положеніи своихъ дѣлъ?

— Нѣтъ, мало; онъ говоритъ что вы съ мистрисъ Игльтонъ уладите ихъ.

— Это похоже на него.

— Но я наведу его на этотъ разговоръ, если это можетъ оказаться полезнымъ. Я знаю что могу сдѣлать это, мистеръ Чемпіонъ. Будь онъ мой родной отецъ, продолжалъ Джекъ болѣе тихимъ и грустнымъ голосомъ,—онъ не могъ бы быть въ отношеніи ко мнѣ добрѣе и довѣрчивѣе.

Чемпіонъ призадумался на минуту и затѣмъ отвѣчалъ:

— Хорошо, мистеръ Гилль, ловлю васъ на словѣ. Секретарь ему не скоро понадобится. Но есть тѣмъ не менѣе дѣла въ которыхъ вы можете помочь ему. Я запишу вамъ нѣкоторые пункты которые намъ нужно будетъ разъяснить,

и если вамъ удастся получить на нихъ удовлетворительные отвѣты, то вы окажете ему важную услугу.

— Я употреблю всѣ старанія для этого. Я не мастеръ, правду сказать, выпытывать такъ какъ это дѣлаютъ юристы, но я приложу съ своей стороны всѣ старанія.

— Я увѣренъ въ этомъ.

— Могу я сдѣлать еще что-нибудь?

— Гмъ, гмъ! Слыхали вы когда-нибудь отъ него о нѣкоемъ Джебезѣ Стендрингѣ?

Джекъ вздрогнулъ.

— Нѣтъ, никогда; а что?

— Имѣли вы сами когда-либо какія сношенія съ этою личностью? спросилъ Чемпіонъ, отъ вниманія котораго не ускользнуло движеніе Джека.

— Онъ былъ моимъ опекуномъ.

— Вѣ самомъ дѣлѣ! Слѣдовательно вы его знаете!

— Я всего только разъ видѣлъ его когда онъ сдавалъ свою опеку надо мной.

— Это было еще до вашего знакомства съ лордомъ Гильтономъ?

— Да.

— Значитъ мнѣ и спрашивать нечего говорилъ ли онъ вамъ о дѣлахъ милорда. Онъ важнѣйшій и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ самый требовательный кредиторъ его. Я недавно узналъ что онъ скупилъ бо́льшую часть закланныхъ и заемныхъ писемъ графа, хотя они большею частью значатся и не подъ его именемъ. Законнымъ образомъ я не имѣю права говорить объ этомъ съ мистеромъ Джебезомъ Стендрингомъ, но кто-нибудь изъ друзей лорда Гильтона долженъ повидаться съ нимъ насчетъ этого дѣла.

— Чортъ его побери! Отчего мистрисъ Игльтонъ не расплатится съ нимъ и не покончитъ съ нимъ дѣло? спросилъ Джекъ.

— Она бы это и сдѣлала еслибы могла; но онъ беретъ себѣ свои пятнадцать и тридцать процентовъ и вовсе не желаетъ чтобы ему заплатили все. Онъ давно уже имѣетъ что-то противъ нашего бѣднаго друга, и я подозрѣваю что ему доставляетъ удовольствіе притѣснять его.

— Такъ позвольте мнѣ пойти къ нему и бросить ему деньги въ лицо.

— Это едва ли будетъ благоразумно, отвѣчалъ, улыбаясь, адвокатъ. — Но вы можете пойти къ нему въ свое время и

обдѣлать съ нимъ дѣло иначе, если вы не имѣете ничего противъ этого.

— Съ удовольствіемъ. Я у него въ долгу еще къ тому же. Чтобъ его....

— Слѣдовательно вы недовольны его управленіемъ дѣлами вашими?

— Не совсѣмъ таки.

— Хорошо, я не хочу больше разспрашивать васъ объ этомъ, сказалъ Чемліонъ, боявшійся, какъ и всѣ люди его профессіи, дать поводъ подумать другимъ что онъ намѣревается затѣвать новый процессъ.—Буду я имѣть удовольствіе видѣть васъ за обѣдомъ у нашего друга Клера, въ четвергъ?

— Нѣтъ, но я буду тамъ вечеромъ, если не буду нуженъ лорду Гильтону.

— Такъ мы еще потолкуемъ о дѣлахъ его возвращаясь оттуда домой. Я всегда возвращаюсь пѣшкомъ со званыхъ вечеровъ — это освѣжаетъ голову, не правда ли? Вы отправляетесь по дорогѣ къ Странду, если не ошибаюсь?

— Да, я живу въ Клементсъ-Иннѣ.

— А я въ Карльтонъ-Гарденсъ, гдѣ всегда буду радъ видѣть васъ у себя; до свиданья.

„Я чуть было не спросилъ его, что мнѣ дѣлать чтобъ отыскать бѣдную, милую мою, маленькую Конъ, размышлялъ самъ съ собой Джекъ, огибая уголъ Лейчестеръ-Сквера; но Блексемъ тоже адвокатъ не хуже его, и знаетъ все касательно ея. Отправлюсь туда въ воскресенье, если все пойдетъ хорошо.

Сколько мнѣ извѣстно, нерѣдко бываетъ что въ болѣзняхъ, подобныхъ болѣзни лорда Гильтона, память становится очень тупа касательно всего случившагося незадолго предъ началомъ болѣзни; но что съ другой стороны, случаи давно минувшихъ дней съ необыкновенною живостью представляются воображенію. Такъ было, по крайней мѣрѣ, съ лордомъ Гильтономъ. Онъ, повидимому, совершенно забылъ о существованіи Абеля Блиссета. Онъ не упоминалъ вовсе о Гильтонскомъ замкѣ. Родственница его, мистрисъ Игльтонъ, заплатила разъ долги его, какъ намъ уже извѣстно, много лѣтъ тому назадъ, когда Мери и Эмилія были еще дѣтьми. Онъ смѣшивалъ въ умѣ своемъ настоящую уплату долговъ своихъ съ тою, и часто говорилъ какимъ именно лицамъ надо уплатить все сполна. Онъ называлъ Джека по имени, говоря о

собственной своей молодости; но было ясно что нѣкоторое время онъ принималъ его за кого-то другаго. Онъ говорилъ ему о своей женѣ и о своихъ дѣтяхъ, спрашивая его помнитъ ли онъ людей которыхъ тотъ никогда не зналъ, и мѣста которыя тотъ никогда не видывалъ. Онъ часто говорилъ съ нимъ о Джуліи, о бѣдной, милой своей Джуліи, выражаясь о ней самымъ нѣжнымъ образомъ; но вслѣдъ за тѣмъ называлъ ее коварною измѣнницей обманувшею его, и заливался слезами какъ маленькій ребенокъ.

Джеку было трудненько навести его на „пункты“ разъяснить которые желалъ мистеръ Чемпіонъ. Но наконецъ это удалось ему, и адвокатъ имѣлъ полное право быть довольнымъ исходомъ этого дѣла.

Въ это время тоска Джека по его маленькой Конъ сдѣлалась почти невыносимою. Что такое сдѣлалъ онъ что она вдругъ перестала писать ему? Отчего письма его были возвращаемы ему? Какъ умный человѣкъ, онъ рѣшился узнать все обстоятельно и отправился самъ въ Діеппъ. Къ полному изумленію своему, онъ узналъ тамъ что *Mademoiselle* оставила пансіонъ двѣ недѣли тому назадъ. *Madame,* ея матушка, взяла ее съ собой взглянуть на парижскую выставку. *Madame* выразила свое полное удовольствіе касательно успѣховъ своей дочери и обращенія съ послѣднею въ пансіонѣ. Но дня черезъ два дама эта позволила себѣ написать письмо подобныхъ которому она (Madame Duquesne) не привыкла получать. *Mademoiselle,* конечно, не воротится болѣе въ пансіонъ ея.

Не знаетъ ли Madame гдѣ можно отыскать ихъ въ Парижѣ? Madame не знала этого;—и выраженіе приподнятыхъ бровей ея ясно говорило что она и не нуждается вовсе знать.

Джекъ отправился къ леди Плесморъ и отъ нея узналъ объ оскорбленіяхъ нанесенныхъ мистрисъ Конвей доброй и благородной старушкѣ Француженкѣ. Обѣщанное посѣщеніе выставки было, очевидно, предлогомъ чтобы потихоньку увезти Констанцію, и гдѣ она находилась теперь, было ей неизвѣстно. Она просила одну пріятельницу написать за нее нѣсколько словъ (такъ какъ ея рука еще не могла служить ей) по адресу по которому мистрисъ Конвей велѣла прислать ей въ Парижъ счетъ ея и нѣкоторыя оставленныя ея вещи, но не получила отвѣта, хотя маленькая Конъ и обѣщала писать ей черезъ день.

Это послужило нѣкоторымъ утѣшеніемъ Джеку. Причиной

ея молчанія была не досада на него. Ея письма были перехвачены. Это было ясно. Что сталось съ ней? Что приходилось ей выстрадать? Не получите ли вы низкое мнѣніе о его мужествѣ, если я скажу вамъ что онъ совсѣмъ упалъ духомъ, измученный тревогой о своей возлюбленной и что крупныя слезы струились по лицу его, между тѣмъ какъ онъ повторялъ безполезный вопросъ: „Что мнѣ дѣлать?“

— Что дѣлать? Повѣса нашъ былъ мущина въ лучшемъ и полномъ смыслѣ этого слова, и еслибъ ему пришлось имѣть дѣло лишь съ одними мущинами, они бъ убѣдились въ этомъ на горе себѣ.

Леди Плесморъ пыталась всѣми силами утѣшить его. Мистрисъ Конвей была недовольна ихъ ломолвкой, говорила она, и очень естественно было что она старалась помѣшать ихъ перепискѣ. Ему нечего было бояться за Констанцію. Ей, разумѣется, покажется тяжелымъ это лишеніе, но за то мать ея будетъ вдвое добрѣе къ ней.

— Вы не знаете ея мать, леди Плесморъ? печально произнесъ Джекъ.

— Судя по поступку ея съ Madame Duquesne, это, должнобыть, слабая и вспыльчивая женщина; но, конечно, она не можетъ быть не добра къ Конъ, исключая извѣстнаго пункта, да и тутъ она вѣроятно полагаетъ что дѣйствуетъ къ лучшему.

— Давала вамъ когда-нибудь Конъ поводъ думать что мать ея любитъ ее?

— Она никогда не давала мнѣ повода думать противное.

— Она ангелъ! Бѣдняга былъ, какъ видите, влюбленъ. Онъ готовъ былъ распѣвать хвалы ей еще цѣлый часъ, но леди Плесморъ навела разговоръ на предметъ имѣвшій большую важность для нея самой. Не слыхалъ ли онъ чего-либо о ея мужѣ?

— Пока еще ничего, отвѣчалъ Джекъ.—И вотъ что я скажу вамъ. Условіе наше я сдержалъ какъ слѣдуетъ. Кромѣ лорда Гильтона и дочерей его никто не знаетъ настоящей причины внезапнаго удаленія его изъ за́мка. Отчего онъ такъ быстро исчезъ оттуда, осталось загадкой и для меня, потому что лордъ Гильтонъ далъ мнѣ слово что не будетъ разглашать объ этомъ дѣлѣ, и я знаю что онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Пожалуста поймите что какимъ бы негодяемъ онъ ни былъ, извините меня, упрекнуть васъ въ чемъ-либо онъ не имѣетъ права.

— Если онъ будетъ пойманъ, то его повѣсятъ, не правда ли? вздрогнувъ спросила бывшая жена его.

— Весьма вѣроятно что да. Но такъ какъ онъ опередилъ сыщиковъ на цѣлые пять дней, и вотъ уже мѣсяцъ какъ о немъ ничего не слышно, то я боюсь что врядъ ли удастся схватить его. Онъ не такой человѣкъ чтобы легко даться въ руки. Онъ, должно-быть, зналъ что дѣло выйдетъ на чистую воду задолго прежде еще нежели полиція напала на слѣдъ его.

— Я молю Бога чтобъ ему удалось спастись, мистеръ Гилль.

— Разумѣется *вы-то* молите; но извините меня если я скажу вамъ что стыдъ будетъ для правосудія, если ему удастся это. Я еще не слыхивалъ о болѣе ужасномъ убійствѣ.

— Какъ знать, можетъ-быть тотъ вызвалъ его на этотъ поступокъ, мистеръ Гилль, убѣждала она. — Дѣло дошло до ударовъ, а онъ очень горячъ, хотя и кажется хладнокровнымъ на видъ. Будьте увѣрены, онъ теперь вѣрно горько раскаивается въ этомъ.

— Человѣкъ отправляющійся на мѣсто преступленія съ оружіемъ въ рукахъ.... но нечего говорить объ этомъ съ вами, дорогая леди. Пожалуста, бросимте этотъ разговоръ. Будете вы такъ добры, дать мнѣ тотъ парижскій адресъ? Я поѣду туда сегодня вечеромъ.

— Вы тамъ ничего не узнаете.

— Ничего, я все-таки поѣду.

И онъ поѣхалъ. Адресъ этотъ привелъ его къ агенту коммиссіонерской конторы не знавшему никакой мистрисъ Конвей. Багажъ присланный изъ Діеппа былъ взятъ у него коммиссіонеромъ. Письмо на имя мистрисъ Конвей лежало въ конторѣ, никѣмъ не требуемое. Не можетъ ли онъ сказать мистеру Гиллю гдѣ можно найти этого коммиссіонера? Разумѣется можетъ. У него есть росписка отъ этого человѣка. На ней стоитъ его имя и официальный нумеръ. Коммиссіонеръ отыскался, сунулъ себѣ въ карманъ Джековъ *Napoleon* и изъявилъ готовность служить ему до конца жизни.—Находится ли въ Парижѣ мистрисъ Конвей?—Нѣтъ она выѣхала оттуда.—Не знаетъ ли онъ куда?—Знаетъ. Она отправилась въ Вѣну.—Была съ ней молодая особа?—Нѣтъ. Она была одна.—Куда же дѣвались чемоданы молодой дѣвицы?—Почемъ онъ знаетъ? Онъ не видалъ никакой молодой дѣвицы. Онъ имѣлъ честь встрѣтить madame,—прекрасную даму, на станціи желѣзной дороги, сейчасъ же по пріѣздѣ ея въ Парижъ, но она была совершен-

но одна. Можетъ-быть monsieur сомнѣвается въ словахъ его? Не угодно ли ему отправиться въ отель гдѣ останавливалась madame, въ *Hôtel Bristol*, и справиться тамъ правду ли онъ говоритъ? Джекъ видѣлъ что напрасно было бы бросаться вслѣдъ за мистрисъ Конвей въ Вѣну. Отъ нея ему нечего было ждать помощи. Напрасно было бы также разыскивать Констанцію между Діеппомъ и Парижемъ. Онъ долженъ былъ воротиться домой, но отказаться ли ему отъ розысковъ? Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Съ Констанціей обошлись самымъ несправедливымъ образомъ; можетъ-быть ее держали гдѣ-нибудь въ заключеніи, а онъ былъ не въ силахъ помочь ей! О! еслибъ я имѣлъ дѣло съ муціной, котораго могъ бы отколотить и взять надъ нимъ верхъ силой! бармоталъ Джекъ стиснувъ зубы. — Но, дѣлать нечего. Знаменитый старый кардиналъ правду говоритъ въ комедіи: „львиная шкура тутъ не годится, обмѣнимъ ее на лисью“.

Взявъ на себя роль этого хитраго звѣрька, онъ рѣшился посовѣтоваться съ мистеромъ Блексемомъ. Онъ имѣлъ нѣкоторое смутное понятіе о *habeas corpus* и полагалъ что мистрисъ Конвей можно будетъ засадить въ *Queen's Bench*, въ силу этого закона, и продержать ее тамъ на хлѣбѣ и водѣ, пока она не откроетъ мѣстопребываніе своей дочери; или еще лучше не представитъ ее самою предъ лицо милордовъ королевскихъ судей, съ тѣмъ чтобы она могла засвидѣтельствовать имъ желаетъ ли она быть разлученной со своимъ вѣрнымъ Джекомъ. Но Мартинъ Блексемъ, съ которымъ онъ серіозно сталъ толковать объ этомъ, разсмѣялся ему въ лицо.

— Экъ вы, сумашедшій человѣкъ, отвѣчалъ ему веселый адвокатъ,—какое право имѣете вы, какое законное право, хочу я сказать, вмѣшиваться въ эти дѣла? Да кромѣ того онѣ обѣ теперь за границей. Внѣ власти закона, значитъ. Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ и не думайте лучше. Законъ вамъ тутъ не поможетъ.

— Тѣмъ стыднѣе для него!

— Ну да, конечно! Браните законъ. Вамъ угодно чтобы лордъ верховный судья приказалъ австрійскому императору принудить мистрисъ Конвей, выдать вамъ дочь свою. Представьте себѣ что австрійскій императоръ приказалъ бы лорду верховному судьѣ принудить васъ выдать сестру вашу, еслибъ у васъ была сестра, какому-нибудь Джеку Гиллю въ Вѣнѣ, что бы вы сказали на это? Люди подобные вамъ ни-

когда не думаютъ что другія націи точно такъ же стоятъ за свои права, какъ и мы за свои. И послѣ того осуждайте законъ. Меня бѣсятъ ваши газетные умники. Какой-нибудь господинъ котораго вы считаете мошенникомъ избѣгаетъ суда, по недостатку доказательствъ. Законъ оказывается виноватъ. Кто-нибудь имѣя въ рукахъ правое дѣло запутываетъ его и претерпѣваетъ неудачу. Законъ опять-таки виноватъ! Законъ, милый другъ мой, не что иное какъ машина работающая извѣстнымъ образомъ, для достиженія извѣстной цѣли, а главная сила приводящая ее въ движеніе—доказательства. Если вы не прибавите пару, паровозъ не будетъ двигаться если вы повернете рычагъ его не въ ту сторону, онъ поѣдетъ назадъ, а не впередъ. Если вы вовсе не повернете его, онъ остановится. Развѣ вы станете бранить паровую машину за то что она не работаетъ подъ управленіемъ неумѣлыхъ рукъ? И не подумаете! Вы отсылаете инженера и берете другаго, получше. Но отъ закона вы требуете чтобъ онъ работалъ самостоятельно, а когда невѣжды портятъ устройство машины, вы обвиняете самую машину.

— По дѣломъ ей! Это такая несносная, неуклюжая, дурацкая машина!

— Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пожалуй что да, согласился Блексемъ; но почему? Потому что вы вѣчно подчиниваете ее со всѣхъ сторонъ. То тутъ кусочекъ вставите, то тамъ выкроете. Одно вы измѣняете, другое задѣлываете, не думая какъ это вредитъ цѣлому.

— Значитъ, вы противникъ всякихъ нововведеній, старый тори?

— Вовсе нѣтъ. Я лишь говорю что если вы требуете новую систему работы, то сдѣлайте для нея и новыя машины. Не портите старую вашими починками. Что дѣлаетъ бумагопрядильщикъ, открывъ новый процессъ своего производства? Развѣ онъ употребляетъ въ дѣло прежнія средства? Какъ бы не такъ! Онъ поручаетъ работу способнымъ на это людямъ и платитъ имъ за это настоящую цѣну, заказываетъ новыя машины. Справляется со старой пока новая не готова, а затѣмъ идетъ впередъ. Но именно этого-то мы и не дѣлаемъ съ закономъ. Мы не поручаемъ дѣло тѣмъ людямъ которымъ слѣдуетъ поручать его и не платимъ имъ настоящей цѣны. Мы сзываемъ толпу разныхъ починщиковъ-любителей, дѣлающихъ двѣ дыры вмѣсто одной которую они сбираются починить, и называемъ это законовѣдѣніемъ.

Рѣчь эта была необычайно длинна для Мартина Блексема и заставила его сильно покраснѣть въ лицѣ.

— Я ненавижу законъ въ практикѣ, продолжалъ онъ, отирая себѣ лобъ,—но люблю его какъ науку и не позволяю обижать его.

— Я не вижу какое отношеніе можетъ имѣть все это къ тому о чемъ я васъ спрашивалъ, сказалъ Джекъ, немного задѣтый за живое,—ибо что можетъ-быть несноснѣе какъ если другъ къ которому вы обратились за совѣтомъ въ важномъ для васъ затрудненіи пускается въ разсужденія объ отвлеченныхъ предметахъ.

— Вы правы, возразилъ Мартинъ Блексемъ съ своимъ обычнымъ добродушнымъ смѣхомъ.—Вы посадили меня на одного изъ моихъ коньковъ, а я и пустился на немъ вскачь. *Я не могу* помочь вамъ, а вы знаете что я бы сдѣлалъ это, еслибы могъ. Имѣйте терпѣніе, или сдѣлайте что она вамъ говорила—*отыщите отца ея.*

— Да, отыщите Вѣчнаго Жида и привезите его домой на Летучемъ Голландцѣ! воскликнулъ Джекъ.—Кой чортъ поможетъ мнѣ найти отца ея! Имѣй я десять тысячъ въ годъ, я бы купилъ себѣ паровую яхту и поѣхалъ бы искать его; но у меня ихъ нѣтъ. Я прикованъ къ работѣ ради насъ обоихъ. У меня нѣтъ ни времени, ни средствъ отыскивать его.

— Ну такъ имѣйте терпѣніе. Неужели вы не имѣете довѣрія къ этой дѣвушкѣ?

— Дѣло не въ томъ, мистеръ Блексемъ. Съ ней дурно поступили. Она не свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, не то она написала бы вашей Алисѣ или леди Плесморъ или Мери Эйльвардъ. Бѣдная моя, бѣдная маленькая Конъ! Это подло, это жестоко!

Прямодушная Алиса была того же мнѣнія. Не малою отрадой было для Джека найти голосъ вторившій его негодующимъ изліяніямъ. Она сдѣлала еще болѣе. Она помогла ему хорошенько натянуть на плечи лисью шкуру, до тѣхъ поръ лишь плохо державшуюся на нихъ. Не можетъ ли она съ содѣйствіемъ какого-нибудь общаго друга войти въ соглашеніе съ мистрисъ Конвей? Онъ можетъ обѣщать за себя и за Констанцію что не будетъ имѣть съ ней никакихъ сношеній, пока она не достигнетъ совершеннолѣтія, и въ силу этого ей позволятъ писать къ Алисѣ или къ Мери; а

черезъ нихъ Джекъ будетъ получать извѣстія объ ней, а она о немъ.

Говорятъ что въ Америкѣ появилась дама пожелавшая занять должность полномочнаго министра, вмѣсто многострадальнаго мистера Адамса, и такъ какъ каждая женщина природный дипломатъ, то я право не вижу почему желанію ея не суждено было бы осуществиться черезъ нѣсколько лѣтъ, когда дамы будутъ засѣдать въ парламентѣ и исполнять должности докторовъ и адвокатовъ. Какъ умилительно будетъ видѣть ея превосходительство величественно плывущую по заламъ, на балахъ и на парадныхъ выходахъ, окруженную свитой прелестныхъ *attachées* въ тарлатанѣ и шиньйонахъ! Каково будетъ статсъ-секретарямъ министерства иностранныхъ дѣлъ сражаться съ такими противниками. Или ужъ не будутъ ли они имѣть малодушіе выставить вмѣсто себя въ ряды бойцовъ женъ и дочерей своихъ? Люди подобные Беквису возстаютъ противъ женщинъ, считая ихъ главною причиной всѣхъ несчастій мущинъ. Они не помнятъ что начиная съ того времени какъ мы подбѣгаемъ къ мамашѣ, прося ее поцѣловать ушибенное нами мѣсто и залѣчить его, и кончая нашимъ послѣднимъ часомъ, немного есть на свѣтѣ людей лучшей утѣшительницей да и лучшимъ совѣтникомъ которыхъ не была бы женщина. „Инстинктъ женщины рѣшаетъ всегда справедливо," говоритъ д-ръ Джонсонъ, „разсудокъ ея всегда ошибочно". Не обращайте вниманія на ея разсудокъ. Слѣдуйте ея инстинктамъ и благодарите за нихъ Бога. Что будетъ съ міромъ, когда вышеупомянутая дама будетъ уполномочена при дворѣ, когда д-ръ Мери Волькеръ будетъ читать лекціи химіи студентамъ, а Анна Смитъ защищать подсудимыхъ въ окружномъ судѣ—я не знаю. Я говорю лишь о томъ что бываетъ теперь.

Безъ сомнѣнія, Джекъ Гилль имѣлъ полное основаніе поблагодарить Алису за ея совѣтъ. Совѣтъ этотъ былъ вполнѣ женственъ, практиченъ и—безчестенъ; но исходя отъ женщины, онъ не казался таковымъ. Вотъ въ чемъ заключается великое преимущество „дамъ". Имъ позволяется говорить и дѣлать вещи за одинъ намекъ о которыхъ вы бы отколотили всякаго мущину. Еслибы какой-нибудь мущина сказалъ Джеку: „Обѣщайтесь не имѣть никакихъ сношеній съ дамой вашего сердца, и затѣмъ ведите съ ней переписку черезъ подругъ ея", Джекъ вѣроятно бы отколотилъ его за эти слова.

Мущины не умѣютъ представлять подобнаго рода вещей въ надлежащемъ видѣ. Джекъ былъ въ восторгѣ отъ предложенія Алисы и сталъ приводить его въ исполненіе, не теряя времени.

Съ этою цѣлью онъ отправился, разумѣется, еще къ другой женщинѣ, къ мистрисъ Клеръ, довелъ и ее до надлежащей степени негодованія и затѣмъ попросилъ ее поговорить за него со Спенсеромъ, Виллертономъ чтобы тотъ поговорилъ на счетъ этого съ женой своей, а та бы устроила дѣло съ мистрисъ Конвей.

— Онъ (Спенсеръ Виллертонъ) еще въ долгу у меня за то что я выпуталъ изъ бѣды безцѣннаго сынка его, сказалъ Джекъ. — Онъ мнѣ самъ говорилъ это.

— Такъ зачѣмъ же вы сами не обратитесь къ нему? спросила мистрисъ Клеръ.

— О, чортъ возьми! Я не смѣю, я не смѣю приставать къ такому человѣку какъ онъ, съ любовными дѣлами! *Вы* можете это сдѣлать, милая мистрисъ Клеръ. Отъ васъ онъ даже охотно выслушаетъ это.

И дѣйствительно, великій сановникъ любилъ поговорить отъ души съ милыми женщинами вообще, а болѣе нежели съ кѣмъ-либо изъ нихъ съ мистрисъ Клеръ. Пріятно также слышать что вы имѣете вліяніе на людей которыми гордится страна ваша, и еще пріятнѣе сознавать что это правда. Мистрисъ Клеръ была польщена и такъ какъ Виллертонъ одобрительно отзывался ей о Джекѣ, котораго онъ недавно встрѣтилъ у ней въ домѣ, то она обѣщала сдѣлать все зависящее отъ нея и сдержала свое обѣщаніе.

Позвольте мнѣ сказать еще слово о женской дипломатіи и затѣмъ я покончу съ этимъ предметомъ. Съ цѣлью достичь желаемаго результата, вы всегда должны дѣйствовать на женщину чрезъ мущину, а затѣмъ на другаго мущину чрезъ эту самую женщину и такъ далѣе, подобно соприкасающимся листкамъ мѣди и цинка въ гальванической батареѣ. Соедините вмѣстѣ два однородные металла, и выдетъ лишь безполезное шипѣніе.

Въ настоящемъ случаѣ Алиса Блексемъ дѣйствовала на Джека Гилля, Джекъ на мистрисъ Клеръ, та на Спенсера Виллертона, тотъ на жену свою, а затѣмъ два положительные полюса встрѣтились между собою, и электрическій токъ прекратился. Мистрисъ Виллертонъ пришлось дѣйствовать на

мистрисъ Конвей. Это было точкой преткновенія всего замысла, и тутъ то онъ и потерпѣлъ крушеніе.

„Мужъ мой (писала первая изъ дамъ этихъ своей „дорогой Матильдѣ"), не раздѣляющій моего мнѣнія касательно мистера Гилля и характера его, проситъ меня употребить мое вліяніе на васъ, въ его пользу. Повидимому молодой человѣкъ этотъ полагаетъ что Констанція находится подъ какимъ-то неправымъ гнетомъ и чувствуетъ себя несчастной. Онъ готовъ дать честное слово (если оно только стоитъ чего-нибудь) что не станетъ ни навѣщать ее, ни писать къ ней, съ тѣмъ условіемъ чтобъ ей позволили переписываться съ ея друзьями. Я говорю вамъ все это единственно лишь въ угоду мужу моему. Еслибъ я могла предположить что милая Констанція будетъ несчастлива тамъ куда вы ее помѣстили, то конечно не посовѣтовала бы вамъ помѣстить ее туда; что же касается до нахожденія ея подъ гнетомъ, то молодая дѣвушка ведущая непозволительную переписку съ личностью не одобряемой родительницей ея и, принимающая, вопреки приказанію послѣдней, посѣщенія этой личности не въ правѣ жаловаться на угнетеніе, препятствующее ей продолжать поведеніе заслуживающее полнаго порицанія. Мистеръ Гилль постоянный гость въ домѣ моего брата и безъ сомнѣнія продолжаетъ знакомство и съ этими Блексемами, которые выказали себя такимъ недостойнымъ образомъ. Такъ какъ я никогда бы никому не позволила указывать мнѣ какъ я должна поступать съ моимъ ребенкомъ, то я ничего болѣе не скажу вамъ. Я выражаю лишь надежду что вы рѣшите дѣло это должнымъ образомъ, и что прежде нежели рѣшите его, подумаете *не зашли ли вы уже слишкомъ далеко, для того чтобъ отступить назадъ.* Мы ожидаемъ очень веселаго сезона, и если вамъ вздумается побывать въ Лондонѣ, то ваша комната будетъ къ вашимъ услугамъ, на весь іюнь или на часть его, какъ хотите. Нечего говорить вамъ какъ я буду рада *вамъ*, но къ сожалѣнію, я врядъ ли могу пригласить къ себѣ и Констанцію."

Съ одной стороны она положила на вѣсы веселый Лондонскій сезонъ, балы, оперу, празднества и блескъ дружбы ея съ великосвѣтскою мистрисъ Виллертонъ, а съ другой стороны, дочь свою, сердце которой можетъ-статься разбивалось въ мрачномъ Бретонскомъ монастырѣ, извѣстномъ своимъ успѣшнымъ укрощеніемъ непокорныхъ дѣвицъ, и нечего говорить на какой сторонѣ оказался перевѣсъ. Мистрисъ Конвей пріѣхала въ Лондонъ, такъ же какъ и прибыла тогда въ Парижъ, то-есть одна.

Лордъ Гильтонъ, осторожно наведенный на разговоръ о дѣлахъ своихъ Джекомъ, становился все сообщительнѣе; однимъ

Чепель-Гильтонское имѣніе и позаботился бы о своихъ сестрахъ, когда меня не станетъ. Я не переживу мистрисъ Игльтонъ, Джекъ.

— Я надѣюсь, вамъ обоимъ придется еще пожить долго и счастливо.

— Ахъ! Хорошо вамъ говорить, но ей восемдесятъ два года, а мнѣ, мнѣ не придется больше выдти изъ этой комнаты.

— Какъ повертывается у васъ языкъ говорить подобныя вещи, когда вы сами знаете что послѣзавтра отправляетесь гулять на носилкахъ.

— Отецъ вашъ умеръ, Джекъ? спросилъ графъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Давнымъ давно.

— И мать ваша также?

— Она умерла когда мнѣ было четыре мѣсяца.

— Очень, очень жалѣю о нихъ. Какъ бы они любили васъ теперь.

— Что толку говорить о томъ что могло бы быть, возразилъ Джекъ со вздохомъ.—У меня нѣтъ родителей, у васъ нѣтъ сына. Для насъ обоихъ это дѣло плохое. Будемъ благодарны Богу за то что у насъ еще есть и постараемся хорошенько пользоваться этимъ. Теперь я пошлю къ вамъ Мери, а самъ пойду напишу Блексему.

ГЛАВА VII.

Надсмотрщикъ въ *Виндзорскомъ замкѣ*

Теперь пора намъ разказать какимъ образомъ открылась исторія убійства.

Джеку пришлось быть собщительнѣе со слѣдователемъ чѣмъ какъ онъ былъ съ Ванъ-Вейномъ и другими любопытными знакомыми своими. Но несмотря на это, вѣрный своему обѣщанію леди Плесморъ (данному имъ въ то время когда Блиссетъ былъ въ глазахъ его лишь бѣглымъ мошенникомъ и будущемъ двоеженцемъ), онъ не упоминалъ ея имени. Одна дама, принимавшая участіе въ семействѣ лорда Гильтона, говорилъ онъ, узнала по портрету въ мистерѣ Блис-

сетѣ личность по имени Ятса, находившагося прежде въ сылкѣ. Она сообщила объ этомъ его сіятельству, черезъ него (Джека), и слѣдствіемъ этого было внезапное бѣгство Блиссета изъ замка Гильтона.

Слѣдователь навострилъ уши при имени Ятса, но продолжалъ убѣждать Джека сообщить ему имя дамы.

— Ей все равно придется явиться предъ судомъ рано или поздно.

— Такъ пусть это будетъ лучше поздно, отвѣчалъ Джекъ, умѣвшій выказать и упрямство, когда того требовалось.

— Что̀ сталось съ этимъ портретомъ? спросилъ сдѣдователь.

— Онъ находится на моей квартирѣ, вы можете послать за нимъ когда вамъ угодно.

Слѣдователь послалъ за портретомъ и за тѣмъ фотографомъ имя котораго стояло на оборотной сторонѣ карточки; послѣдній сейчасъ же призналъ джентльмена стоявшаго за стуломъ леди Эмиліи Эйльвардъ за Ятса каторжника, бѣгство котораго изъ Бермуды чуть не стоило ему мѣста.

— Боже мой, сэръ, продолжалъ мистеръ Бернеби,—что̀ значитъ игра случая! Прежде еще нежели я поступилъ въ полицію, я занимался немножко фотографіей; выслуживъ пенсію, завелъ дѣло вмѣстѣ съ зятемъ моимъ въ Варвикѣ, и мы начали снимать виды съ господскихъ домовъ и парковъ. Я хорошо помню какъ мы получили заказъ изъ Гильтонскаго замка, и повѣрите ли, я хотѣлъ самъ взять это дѣло на себя, да порѣзалъ себѣ руку въ то самое утро какъ ужь надо было ѣхать, такъ что вмѣсто меня отправился мой товарищъ. Будь я тамъ самъ, я сейчасъ бы узналъ этого малаго. Товарищу моему пришлось пріостановить работу по случаю дурной погоды, а когда намъ можно было опять взяться за нее, то я самъ ужь поѣхалъ туда. Я былъ тамъ въ тотъ самый день какъ онъ удралъ.

— Вы не видали его тогда?

— Нѣтъ, сэръ.

— А какъ вы полагаете, видѣлъ онъ васъ?

— Можетъ-статься что видѣлъ. Я, да Самъ Прейсъ—сержантъ Прейсъ, знаете гостившій у меня чтобы развлечься немного. Мы весь день почти были въ паркѣ около дома.

Слѣдователь снова навострилъ уши, услыхавъ имя сержанта Прейса.

Свидѣтельство бѣднаго калѣки, подтвержденное находкой *machette* подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ гдѣ, по словамъ его, это орудіе было брошено въ Темзу, и признаніемъ этою machette слугой Блиссета за вещь принадлежавшую его господину, составило сильное доказательство *prima facie*. Но самыя явныя доказательства, опирающіяся на непреложныя свидѣтельскія показанія, часто не ведутъ ни къ чему, если нельзя въ то же время доказать повода къ совершенію преступленія. Слѣдователь недоумѣвалъ. Что могло заставить богатаго мистера Блиссета совершить убійство изъ-за пятидесяти фунтовъ? Джекъ съ помощію мистера Бернеби уяснилъ эту тайну.

Слѣдователь зналъ теперь настоящій поводъ къ совершенію убійства, также и поводъ къ бѣгству. Ему недоставало лишь одного, самого Абеля Блиссета, и приказъ арестовать его былъ обнародованъ еще прежде наступленія вечера.

Это случилось въ субботу послѣдовавшую за тѣмъ достопамятнымъ вторникомъ въ который Джекъ Гилль прибылъ изъ Діеппа и отправился въ Кастль-Гильтонъ. Въ слѣдующій затѣмъ четвергъ у мистера Блиссета было назначено дѣловое свиданіе въ Лондонѣ, на которое онъ не явился, и такъ какъ ему слѣдовало подписать нѣкоторыя важныя бумаги, то клеркъ былъ отправленъ съ нимъ въ замокъ. Отъ Джека Гилля, какъ отъ временнаго представителя графа, юный джентльменъ сей узналъ лишь что мистера Блиссета тутъ не было; но принявъ приглашеніе позавтракать въ комнатѣ экономки, онъ, будучи смѣтливымъ и къ тому же любознательнымъ молодымъ джентльменомъ, узналъ тамъ кое-что поболѣе, и возвратясь въ Лондонъ, не преминулъ сообщить объ этихъ новостяхъ. Пріятно быть если и не знаменитой особой, то по крайней мѣрѣ человѣкомъ который одинъ можетъ сообщить свѣдѣнія о знаменитой особѣ. Клеркъ сдѣлался въ Сити авторитетомъ на слѣдующіе два дня. Акціи Экуадорской Компаніи опустились сейчасъ же, а въ субботу утромъ потеряли семь процентовъ. Другія предпріятія въ которыхъ принималъ участіе мистеръ Блиссетъ пострадали тоже, хотя и въ меньшей степени. Но когда явился агентъ мистриссъ Игльтонъ и накупилъ на ея имя заподозрѣнныхъ бумагъ на пять тысячъ, а банкиры убѣжавшаго объявили что въ рукахъ ихъ находятся капиталы которыми можно выдать на каждый фунтъ его обязательствъ стами шиллингами болѣе, тогда всѣ стали спрашивать другъ друга—чего жъ испугались? Тѣ

которые сорокъ восемь часовъ тому назадъ увѣряли „что знаютъ достовѣрно“ что онъ бѣжалъ въ Испанію, взявъ съ собой все что̀ было у него въ рукахъ до послѣдняго шиллинга кричали теперь что безсовѣстно было распространять подобные слухи о банкротствѣ солиднаго человѣка. Простона-просто дѣвушка эта отказала ему, а онъ, разумѣется, не могъ снести такой обиды. Онъ воротится черезъ день или два. Мудрые люди качали головой, слушая эти извиненія. Что человѣку можетъ быть обидно получить отказъ послѣ помолвки, о которой такъ много было говорено, было весьма естественно; но чтобъ обида его проявлялась взятіемъ подъ вымышленнымъ предлогомъ чужой лошади и исчезновеніемъ съ нею неизвѣстно куда, это было странно.

Когда на дверяхъ полицейскаго суда появилось объявленіе объ извѣстномъ намъ вознагражденіи, мудрыя головы эти вооружились словами: *„вѣдь говорилъ же я вамъ“*. Сити пришло въ изумленіе; но когда первое ощущеніе неожиданности прошло, объ исторіи перестали и думать. Абель Блиссетъ совершилъ убійство, но не потерпѣлъ банкротства.

Когда злополучная звѣзда его смотрѣла на вывѣшенныя въ Ливерпулѣ объявленія, онъ въ одно мгновеніе со всей ясностью сознадъ всю громадность опасности угрожавшей ему. Агентъ Общества Пароходства вѣрно припомнитъ мнимаго иностранца такъ настойчиво молившаго взять его на пароходъ. Лодочникъ относившій багажъ его въ гостинницу синьйора Дибарри будетъ знать гдѣ найти его. Кто знаетъ, можетъ-быть полиція уже тамъ и дожидается его возвращенія. Все его имущество заключалось теперь въ четырехъ шиллингахъ, а ему надо было положить половину Англіи между собой и преслѣдователями, такъ горячо пустившимися за нимъ въ погоню. Ему не оставалось ничего кромѣ немедленнаго и быстраго бѣгства. Куда? Подобно загнанному звѣрю, онъ хотѣлъ обойти своихъ преслѣдователей хитростью. Лучше Лондона не могло быть мѣста въ которомъ можно бы было укрыться, а въ Лондонѣ онъ могъ сѣсть на какой-нибудь корабль отходящій на западъ.

На этотъ разъ онъ бѣжалъ уже не отъ воображаемой опасности. Все случилось дѣйствительно такъ какъ онъ ожидалъ. Агентъ Пароходства сообщилъ все полиціи. Домъ Дибарри былъ подвергнутъ осмотру; вокругъ каждаго отплывающаго корабля была разставлена стража и телеграфъ разослалъ во

всѣ стороны предупрежденіе что Абель Блиссетъ пытался бѣжать, переодѣвшись иностранцемъ. Послѣ того какъ конь былъ уведенъ, къ дверямъ конюшенъ старательно приставлены были крѣпчайшіе замки. Провинціальная полиція была дѣятельна и бдительна до крайности. Она арестовала греческаго купца изъ Манчестера, ѣхавшаго навѣстить семейство свое въ Соутлортъ. Она остановила королевскаго курьера въ Дуврѣ, услыхавъ что онъ говоритъ по-французски. Лучше всего было то что она наложила руки на сыщика нарочно посланнаго чтобы разыскать синьйора Генрикеза. Каждый служитель правосудія надѣялся выиграть славу и триста фунтовъ, и потому не зѣвалъ по сторонамъ. Между тѣмъ оборванный бродяга, съ истомленнымъ лицомъ, впалыми щеками и съ жесткой сѣдой бородой, потерявшій въ нѣсколько дней всякое сходство съ портретомъ Абеля Блиссета, шелъ, прося милостыни, по Вельскимъ деревнямъ, пока не дошелъ такъ до Брекона. Тамъ онъ повернулъ на востокъ и направилъ путь свой къ великому купучему Вавилону, гдѣ люди слишкомъ заняты для того чтобы заботиться о своихъ сосѣдяхъ, и гдѣ однимъ оборваннымъ бродягой болѣе или менѣе не составляетъ никакой разницы; разъ только онъ своротилъ съ прямой дороги и завернулъ въ Чертсей, гдѣ получилъ позволеніе взглянуть на приходскіе списки родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ.

— Джентльменъ отъ лорда Гильтона желаетъ видѣть васъ, сударь, произнесъ старшій конторщикъ Джебеза Стендринга, отворяя дверь святилища своего хозяина Джеку, въ одно прекрасное утро, недѣли двѣ спустя послѣ разговора послѣдняго съ Секъ-Джономъ Чемпіономъ.

Если Джебезъ Стендрингъ и былъ удивленъ появленіемъ Джека подъ вышеупомянутымъ наименованіемъ, то не выказалъ тѣмъ не менѣе ни малѣйшаго удивленія. Онъ знакомъ пригласилъ его сѣсть и надѣлъ свои массивныя золотыя очки, какъ бы приготовляясь сдавать какой-нибудь запутанный отчетъ; рука его немного дрожала однако.

— Я не ожидалъ видѣть васъ, мистеръ Гилль, сказалъ онъ.

— Я увѣренъ въ этомъ, учтиво отвѣчалъ Джекъ. — Вы человѣкъ дѣловой, мистеръ Стендрингъ, и я тоже хочу сдѣлаться таковымъ про нынѣшній случай. Поэтому намъ не слѣ-

дуетъ терять лишнихъ словъ. Какъ скоро вы приготовитесь выслушать меня, я готовъ буду начать дѣло.

— Продолжайте, прошу васъ. Такъ какъ цѣль свиданія нашего мнѣ вполнѣ неизвѣстна, то я къ сожалѣнію не могу навести разговоръ на сущность вашего дѣла, возразилъ купецъ.

— Вы кредиторъ лорда Гильтона на весьма значительныя суммы.

— Вы говорите это въ видѣ вопроса или въ видѣ положительнаго заявленія, мистеръ Гилль?

— Въ видѣ положительнаго заявленія, не допускающаго ни малѣйшаго сомнѣнія, отвѣчалъ Джекъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Мнѣ послышалось въ тонѣ вашего голоса нѣчто похожее на вопросъ. Вы пришли сказать мнѣ что я кредиторъ милорда. Что же далѣе? Такъ какъ, по вашимъ словамъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, то что же слѣдуетъ изъ этого?

— То что онъ желаетъ прекратить эти отношенія какъ можно скорѣе. Въ силу этого, я долженъ передать вамъ эти бумаги; три изъ нихъ касаются гипотекъ въ Гинчингтонѣ Грейсъ Эндѣ и Фосброкѣ, а остальныя двѣ залоговъ въ Льюисѣ и Моубреѣ. Если вы сдѣлаете мнѣ одолженіе взглянуть на нихъ, то увидите что его сіятельство предоставляетъ вамъ шесть мѣсяцевъ сроку для окончанія дѣла въ трехъ первыхъ случаяхъ, а въ двухъ остальныхъ проситъ васъ выдать ему обратно обязательства, разумѣется по уплатѣ ихъ.

— А какъ давно, позвольте васъ спросить, мистеръ Гилль, сказалъ Джебезъ Стендрингъ, презрительно отодвигая бумаги въ сторону,—стали вы предлагать свои услуги при подобныхъ дѣлахъ?

— Я взялся за это дѣло, холодно отвѣчалъ Джекъ,—полчаса тому назадъ, а въ настоящую минуту отказался уже отъ этой практики.

— Вы расположены къ шутливости.

— Отвѣтъ мой имѣетъ то преимущество предъ вашимъ вопросомъ что онъ касается сути дѣла. Я пришелъ сюда не за тѣмъ чтобъ отвѣчать на дерзкіе вопросы.

— Я получилъ ваши бумаги (что онѣ стоятъ—это другое дѣло). Могу я считать разговоръ этотъ оконченнымъ?

— Пока еще не совсѣмъ. Доказавъ вамъ что повѣреннымъ лорда Гильтона вполнѣ извѣстны отношенія ваши къ нему, и что исторія о несовершеннолѣтнихъ не способныхъ да-

вать обязательства и росписки не можетъ болѣе имѣть значенія, я желаю сдѣлать вамъ одно предложеніе.

Рубецъ на щекѣ Джебеза Стендринга началъ пылать и алѣть.—„Говорите ему все прямо и откровенно“, было послѣднимъ совѣтомъ Чемпіона Джеку, и Джекъ, хорошо помня состояніе въ которомъ онъ сидѣлъ въ послѣдній разъ въ этой самой конторѣ, вооружился всѣми силами ума своего.

— Берегитесь, мистеръ Гилль; вы намекаете на вещи доказать которыя вамъ будетъ трудно, сказалъ Стендрингъ со сдержаннымъ гнѣвомъ.

— Я ни на что не намекаю, твердо возразилъ Джекъ.—Я прямо говорю что вы неправымъ образомъ воспользовались этими гилотеками и заемными письмами. Вы укрывались за лицами давно потерявшими всякій интересъ въ этихъ дѣлахъ. Если вы считаете себя несправедливо оскорбленнымъ тѣмъ что я говорю, то позовите сюда своего конторщика. Я повторю то же самое и въ его присутствіи, и буду стараться излагать дѣло какъ можно яснѣе. Тогда вы можете подать на меня жалобу за оклеветаніе вашей милости, и тогда увидите также какія я представлю доказательства.

Джебезъ Стендрингъ прикусилъ свои блѣдныя губы.

— Вы хорошо выучили урокъ вашъ, милостивый государь, но вы немного черезъ-чуръ быстры, сказалъ онъ.—Вы говорите что дѣйствуете по порученію лорда Гильтона. Почему могу я знать правда ли это? Почему я знаю что вы не на посылкахъ у какого-нибудь стряпчаго и не пришли сюда съ цѣлью выпытать отъ меня разныя вещи, и потомъ перековеркать слова мои въ пользу вашего хозяина? Такъ какъ вы позволили себѣ выразить сомнѣнія насчетъ моей правдивости, то вы должны извинить меня, если я откажусь отъ всякихъ разсужденій объ этомъ предметѣ, прежде нежели получу удостовѣреніе въ вашихъ правахъ на это.

— О разумѣется. Удостовѣреніе въ моихъ правахъ заключается въ одиннадцати тысячахъ трехъ стахъ фунтовъ, въ видѣ билетовъ Англійскаго Банка, которые я готовъ передать вамъ подъ извѣстными условіями.

— Я не позволяю играть собой, мистеръ Гилль, сердито воскликнулъ Стендрингъ. — Если вы явились сюда лишь по дѣлу, то прошу васъ обратиться къ моему повѣренному по дѣламъ. Если же цѣль ваша устроить полюбовную сдѣлку—на сколько таковая можетъ имѣть мѣсто между лордомъ Гиль-

тономъ и мною,—то вы должны быть чистосердечны и откровенны со мной. Я желаю знать какимъ образомъ вы взялись за это дѣло, и если вы не сообщите мнѣ этого, то я не хочу слышать ничего болѣе.

Обычное холодное и сухое обращеніе стараго купца измѣняло ему по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ. Онъ вдругъ сталъ тревоженъ и взволнованъ.

— Я взялся за это дѣло лишь потому что лордъ Гильтонъ пожелалъ этого.

— Слѣдовательно вы его скеретарь, его рабъ, его наемный слуга, кричалъ Стендрингъ, волнуясь все болѣе и болѣе.

— Ничего подобнаго. На этотъ разъ вамъ не удастся разсердить меня, возразилъ Джекъ.—Его сіятельство другъ мой, и ради дружбы къ нему я взялся за это весьма непріятное для меня дѣло.

— Вамъ таки повезло въ свѣтѣ, если вы завели себѣ друзей между такими знатными людьми, презрительно усмѣхнулся купецъ.

— Я уже говорилъ вамъ, мистеръ Стендрингъ, что я пришелъ сюда не за тѣмъ чтобъ отвѣчать на дерзкіе вопросы о моихъ личныхъ дѣлахъ. Вы послѣдній человѣкъ въ мірѣ котораго я бы рѣшился обезпокоить ими или которому бы позволилъ безпокоить ими меня. Прошу васъ оставьте ихъ въ покоѣ. Согласны вы выслушать предложеніе которое я хочу сообщить вамъ, или нѣтъ?

— Я выслушаю его; но съ условіемъ что это нисколько не обязываетъ меня въ отношеніи къ лорду Гильтону, ни его въ отношеніи ко мнѣ.

— Будь по вашему. Предложеніе мое слѣдующаго рода. Я уплачу вамъ сегодня же и сію же минуту эти три закладныхъ, считая по пяти процентовъ на капиталъ за всѣ шесть мѣсяцевъ, съ условіемъ что вы выдадите заемныя письма не требуя исполненія выговореннаго обязательства относительно срока.

— А почему долженъ я сдѣлать это?

— Потому что, къ несчастію, за жизнь лорда Гильтона нельзя поручиться на шесть мѣсяцевъ требуемаго срока; потому что, въ случаѣ его смерти, вы выручите лишь капиталъ по закладнымъ, а по заемнымъ письмамъ не получите ни одного шиллинга; потому что цѣль этого предложенія избавить его отъ тревоги, и оно не будетъ повторено еще разъ; потому что, однимъ словомъ, въ вашемъ интересѣ согласиться на него.

— Это все что вы хотѣли сказать мнѣ?

— Все.

— Такъ ступайте же къ вашему *другу*, началъ Стендрингъ, говоря сначала спокойно, но становясь все блѣднѣе отъ сдержаннаго волненія, по мѣрѣ того какъ онъ продолжалъ рѣчь свою.—Ступайте къ вашему другу и скажите ему вотъ что. О! Какъ хорошо что ему придется выслушать это отъ васъ, отъ избраннаго посла своего! Скажите ему чтобъ онъ припомнилъ день въ который, стоя здѣсь, онъ нанесъ мнѣ ударъ этотъ (съ этими словами онъ коснулся пальцемъ рубца), чтобъ онъ приломнилъ слова бывшія хуже удара, сопровождавшаго ихъ,—слова настолько же не изгладившіяся изъ моей памяти какъ этотъ знакъ не изгладился съ лица моего. Скажите чтобъ онъ вспомнилъ то что я сказалъ ему тогда—что въ моей власти заставить его каяться въ оскорбленіи этомъ до послѣдняго дня его жизни, и *что онъ будетъ каяться въ немъ*. Онъ уже каялся въ немъ. Скажите ему что въ числѣ всѣхъ досадъ и огорченій павшихъ ему на долю, немного было такихъ въ которыхъ я бы не участвовалъ. Я оскорблялъ его тщеславіе, шелъ наперекоръ его самолюбію, разрушилъ его состояніе. И все это ничто въ сравненіи съ другимъ наказаніемъ которому я подвергъ его. Скажите ему что онъ сойдетъ въ могилу, не зная въ чемъ оно состоитъ, но что онъ можетъ быть увѣренъ что наказаніе это не легкое. Я—но я ошибаюсь. Я не могу ничего сдѣлать, я бѣдный ничтожный червь! Я былъ и есмь лишь смиренное орудіе Его карающей воли за преступнѣйшія и безбожнѣйшія мнѣнія когда-либо вложенныя діаволомъ въ сердце человѣка. Скажите ему все это—вы, Джекъ Гилль, все отъ слова до слова. Что касается до его жалкаго предложенія, то я пренебрегаю имъ и отвергаю его. Я возьму съ него до послѣдняго шиллинга все что можетъ доставить мнѣ законъ во время его жизни, а послѣ его смерти покрою стыдомъ его имя. Слышите вы меня?

— Слышу, въ негодованіи произнесъ Джекъ, и повторяя ваши собственныя слова, объявляю вамъ что слышу преступнѣйшее и безбожнѣйшее мнѣніе когда-либо вложенное діаволомъ въ сердце человѣка, полагающаго что слѣдуя своему личному чувству мщенія, онъ дѣлаетъ угодное Богу. Стыдитесь, милостивый государь! Стыдитесь! Кто опредѣлилъ *васъ* орудіемъ Его!

— Уже не разъ слыхалъ я эти рѣчи, молодой человѣкъ. Это

одно изъ обыкновеннѣйшихъ и грубѣйшихъ средствъ защиты невѣрія. Тутъ не мѣсто и не время толковать о подобныхъ предметахъ, а толковать объ нихъ съ вами было бы лишь напрасною тратой словъ. Отвѣтъ мой уже извѣстенъ вамъ. Я очень радъ что могъ дать его, чрезвычайно рад что могъ дать его *вамъ*. Какъ скоро лордъ Гильтонъ узнаетъ изъ устъ вашихъ все что я сдѣлалъ, я буду удовлетворенъ. Съ этими словами онъ дернулъ за звонокъ, и Джекъ очутился на улицѣ думая не столько о неудачѣ своей попытки, сколько о необычайномъ изъявленіи мстительности, свидѣтелемъ котораго ему пришлось быть.

Джебезъ Стендрингъ воротился въ сумерки домой, вполнѣ довольный тѣмъ что исполнилъ долгъ христіанина. Онъ даже улыбался порой угрюмою улыбкой, вспоминая обо всемъ высказанномъ имъ Гиллю. „Перстъ Божій видимо проявился тутъ, думалъ онъ, не то, не пришелъ бы ко мнѣ именно этотъ человѣкъ“.

Чугунныя ворота ведущія въ садъ его были заперты, и ключъ отъ нихъ былъ у него. Онъ имѣлъ привычку самъ отпирать и запирать за собой входъ въ свое жилище, не призывая слугъ. Въ ту минуту какъ онъ отперъ наружныя ворота, какая-то фигура вышла изъ-за угла забора, взошла въ садъ вмѣстѣ съ нимъ и затворила за нимъ ворота.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ, мистеръ Стендрингъ, проговорилъ незнакомецъ хриплымъ шопотомъ.

Говорившій слова эти не принадлежалъ къ классу людей съ которыми имѣлъ обыкновеніе разговаривать одинокій купецъ. Это былъ высокій, изнуренный, оборванный человѣкъ, не могшій произнести нѣсколькихъ словъ этихъ, не закашлявшись кашлемъ потрясшимъ, казалось, всю внутренность его.

Первою мыслью Джебеза Стендринга была мысль о ворахъ, и онъ приподнялъ палку. Онъ былъ еще бодрый старикъ, не лишенный личнаго мужества.

— Не пугайтесь, заговорилъ снова тотъ, — я не замышляю ничего дурнаго. Опустите вашу палку и отведите меня куданибудь гдѣ бы я могъ наединѣ поговорить съ вами.

— Вонъ отсюда, бродяга! Я васъ не знаю, возразилъ Джебезъ, не опуская палки.

— Подойдите со мной къ фонарю у дверей и тогда скажите знаете ли вы меня. Вотъ теперь?

Незнакомецъ послѣдовалъ за нимъ, пока они не приблизи-

лись къ свѣту, и затѣмъ Джебезъ Стендрингъ повторилъ еще разъ: „Я васъ не знаю“.

— Мѣсяцъ тому назадъ ваши слова обрадовали бы меня, возразилъ незнакомецъ.—Теперь мнѣ все равно. Я Абель Блиссетъ.

— И вы имѣете дерзость явиться сюда, зная что одно мое слово предастъ васъ въ руки полиціи?

— Такъ скажите это слово, если желаете. Мнѣ опостылѣла жизнь которую я веду. Жизнь! Во мнѣ немного ее осталось. Я охотно предоставлю ее имъ, если вы не захотите помочь мнѣ.

— Что вамъ нужно?

— Приличная одежда, нѣсколько фунтовъ деньгами и переѣздъ въ Испанію или въ Южную Америку на одномъ изъ вашихъ кораблей въ качествѣ служащаго при вашемъ дѣлѣ, для избѣжанія всякаго подозрѣнія.

— И вы осмѣливаетесь думать что я помогу бѣжать убійцѣ?

— Почему же нѣтъ? Что сдѣлалъ я вамъ? Въ вознагражденіи вы не нуждаетесь.

— Нѣтъ. Я исполню свой долгъ въ отношеніи общества и безъ того.

— Ну такъ исполняйте долгъ вашъ. Я зналъ что вы человѣкъ жестокій, мистеръ Стендрингъ, и былъ глупъ пытаясь обратиться за помощью къ вамъ. Мнѣ бы слѣдовало лучше обратиться къ мистеру Гиллю. Я весь день бродилъ около вашей конторы и видѣлъ какъ онъ выходилъ оттуда. Я уже совсѣмъ готовъ былъ заговорить съ нимъ, но кругомъ было слишкомъ много народу. Мнѣ бы еще лучше слѣдовало написать лорду Гильтону. Я теперь знаю что онъ не желалъ чтобы меня схватили.

Онъ говорилъ какъ человѣкъ потерявшій всякую надежду, однако Джебезъ Стендрингъ почувствовалъ нѣкоторое безпокойство.

— Я видѣлъ отъ него много добра, продолжалъ Блиссетъ,— и плохо отплатилъ ему за это. Я бы желалъ оказать ему услугу прежде—прежде нежели умру. Я могу оказать ему весьма важную услугу, какъ вамъ извѣстно.

— Мнѣ неизвѣстно ничего такого что бы вы могли сдѣлать для лорда Гильтона.

— Я могу доставить ему пріятную неожиданность. Пріятныя неожиданности полезны больнымъ. Мысли ихъ приносятъ имъ часто больше вреда чѣмъ недуги. Помните вы

вашего стараго сторожа при конторѣ, Бединфильда? Я былъ при немъ, когда онъ умиралъ; у него было кое-что на душѣ, и я полагаю что это-то и ускорило его кончину.

— Я дамъ вамъ платье, сказалъ Стендрингъ.—Вы—вы больны должно-быть.

— Боленъ ли я? Я умираю. Еслибы вы знали что̀ значитъ не имѣть на себѣ сухой нитки въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, спать подъ стогами сѣна и въ пустыхъ шалашахъ, какъ я, вы бы тоже сдѣлались больны. Я прошелъ полъ-Англіи босикомъ, безъ пенни въ карманѣ, исключая того что̀ я выпрашивалъ Христа-ради. Воровать я не смѣлъ. Я былъ въ Чертсей дней десять тому назадъ и видѣлъ тамъ племянницу старухи мистрисъ Крауфордъ; она меня не узнала, разумѣется, но когда я уломянулъ о васъ и....

Джебезъ Стендрингъ поблѣднѣлъ какъ смерть, и рука его задрожала, такъ что онъ съ трудомъ могъ отворить дверь.

— Взойдите, перебилъ онъ Блиссета сиплымъ глухимъ голосомъ.—Я поговорю съ вами. И они вошли вмѣстѣ въ домъ.

Было около полуночи, когда дверь снова отворилась, и изъ нея вышелъ человѣкъ съ узелкомъ въ рукѣ, человѣкъ одѣтый въ приличное черное платье, подобное тому что̀ носилъ всегда старый кулецъ, человѣкъ съ деньгами въ карманѣ, направившій путь свой внизъ къ рѣкѣ. Сначала онъ хотѣлъ, казалось, пройти черезъ Ватерлооскій мостъ, но съ внезапной дрожью отвернулся отъ него, какъ скоро блескъ воды мелькнулъ предъ его глазами. Ночь была необыкновенно ясная и звѣзды сіяли на небѣ. Онъ пошелъ назадъ, забросилъ свой узелокъ въ пустынную улицу и поспѣшно отправился по направленію къ Бермондсей.

На слѣдующее утро мистеръ Джебезъ Стендрингъ имѣлъ совѣщаніе съ главнымъ конторщикомъ касательно партіи товара отправляемой въ Пернамбуко.

— Эта партія необыкновенно велика, мистеръ Менъ, сказалъ старый кулецъ,—и мы еще не получали отчета о полученіи послѣдней.

— Еще и не время, сэръ.

— Ну, не знаю, не знаю. Быть на-сторожѣ никогда не лишнее. Въ послѣднее время было много банкротствъ. Я пошлю кого-нибудь въ качествѣ надсмотрщика. Не знаете ли вы кого-нибудь кого можно было бы послать? Онъ долженъ говорить по-испански.